

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

М.М. Макарецв

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ БАЛКАНСКОГО ТЕКСТА

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2013

УДК 81'42(4)
ББК 81.0
М15

Издание осуществлено при поддержке
Фонда фундаментальных лингвистических исследований

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН

Научный редактор:
д.ф.н., г.н.с. Института славяноведения РАН *Т.В. Цивьян*

Рецензенты:
к.ф.н., с.н.с. Института славяноведения РАН, доцент *П.М. Аркадьев*,
к.ф.н., с.н.с. Лингвистической лаборатории
по корпусным технологиям НИУ ВШЭ *А.Б. Летучий*

Макарецв М.М.

М15 Эвиденциальность в пространстве балканского текста /
М.М. Макарецв; [науч. ред. Т.В. Цивьян]; Ин-т славянове-
дения РАН. — СПб. : Нестор-История, 2013. — 444 с.
ISBN 978-5-7576-0271-4

Эвиденциальность — особая лингвистическая категория, с помощью которой говорящий определяет в описании события свою роль — либо непосредственного свидетеля, либо передатчика чужой информации. Язык выработал грамматические, лексические и др. способы выражения эвиденциальности. Исходно нейтральная категория, она на уровне речи и текста становится ролевым инструментом (участник или транслятор), инструментом влияния на слушателя. Балканский языковой союз (болгарский, македонский и албанский языки) дает образец «эвиденциального мышления», ярко отпечатавшегося в картине мира. В монографии проведен лингвистический анализ эвиденциальности, который далее перенесен на уровень текста (дискурса). Классический балканский сюжет «Баллада о мертвом брате» и средства массовой информации (болгарская постсоветская пресса; албанские СМИ Косова; македонско-албанский политический дискурс 2010-х гг.) иллюстрируют эвиденциальность в пространстве балканского текста.

Для лингвистов, фольклористов, этнологов, культурологов и всех, интересующихся языками, историей и картиной мира Балкан.

УДК 81'42(4)
ББК 81.0

В оформлении обложки использован албанский текст «Баллады о мертвом брате», опубликованный К.А. Шапкаревым в сборнике: Простонародна българска философия или български народни приказки, вървания, пословици, гатанки, иери и пр. Часть II. Отдел I. Български приказки и вървания съ прибавление на ньколко македоновлашки и албански (СбНУ, IX). София, 1894. С. 525–527.

ISBN 978-5-7576-0271-4

© М.М. Макарецв, 2013
© Издательство «Нестор-История», 2013

ОТ АВТОРА

В основу этой книги легла моя кандидатская диссертация «Категория эвиденциальности в пространстве балканского текста (на материале болгарского, македонского и албанского языков)», защищенная в 2010 г. в Институте славяноведения РАН. Позднее ряд положений был переосмыслен, изменена структура работы и дополнен материал. Главным героем (или героиней) книги стала эвиденциальность, то есть языковая категория, указывающая на источник информации. Когда эта работа только задумывалась, я был уверен, что для описания балканской эвиденциальности достаточно рассмотреть грамматические и лексические средства ее выражения и их совместное употребление *в балканском тексте* (чему и посвящены первые три главы). Однако чем глубже приходилось погружаться в мир балканских текстов, будь то современные СМИ, классическая литература или баллады с мифологическими сюжетами, тем больше ощущалось, что балканская эвиденциальность шире любых рамок, и описание, ограниченное системой формальных правил, окажется для нее прокрустовым ложем. Поэтому мой первоначальный подход подвергся значительной доработке с учетом особенностей балканской модели мира.

На разных стадиях подготовки этой книги мне помогали своими знаниями, советами и доброжелательностью П. М. Аркадьев, Бьёрн Вимер, Ф. А. Елоева, А. В. Жугра, А. Ф. Журавлев, А. Б. Летучий, Т. М. Николаева, А. Ю. Русаков, И. А. Седакова, С. М. Толстая, Р. П. Усикова. Я искренне благодарен Вяч. Вс. Иванову и В. А. Плунгяну.

Я исключительно признателен руководству и сотрудникам Института этнографии и фольклора БАН, филологического факультета

Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария), Института македонского фольклора им. Марко Цепенкова, Института македонского языка им. Крсте Мисиркова, Филологического факультета Университета им. свв. Кирилла и Мефодия, Исследовательского центра по ареальной лингвистике МАНУ (Македония), Института культурной антропологии и искусствоведения, Филологического факультета Государственного университета Тираны (Албания).

Глубокая благодарность моим учителям балканских языков: Ирине Вадимовне Платоновой, Вере Николаевне Гливинской, Ингрид Призрени и Эльвире Балла. Сбор материала для этой книги был бы невозможен без информантов, которые щедро дарили мне свое время и с готовностью отвечали на все мои вопросы.

Возможно, эта книга никогда бы не появилась на свет без той творческой атмосферы, которая наполняет наш «сектор» — отдел структурной типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. Но, конечно, главной вдохновительницей книги стала Татьяна Владимировна Цивьян, чью поддержку я ощущал все эти годы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
-----------------	---

0. ВВЕДЕНИЕ	7
-------------------	---

ЧАСТЬ I ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ КОДЕ

1. ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ	37
1.1. Эвиденциальность в кругу других грамматических категорий	40
1.2. Структура категории эвиденциальности	58
1.3. Виды эвиденциального маркирования	66
2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ	76
2.1. Инвентарь	79
2.2. Ареальная дистрибуция	122
2.3. К происхождению грамматических маркеров эвиденциальности в балканских языках	135
3. ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ	144
3.1. Инвентарь	148
3.2. Дистрибуция	199
3.3. Проблема «межбалканского» перевода лексических маркеров	205

ЧАСТЬ II ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ТЕКСТЕ

4. ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ	223
4.1. Эвиденциальное маркирование на лексическом уровне: лексико- семантические группы глаголов и формулы	235
4.2. Эвиденциальное маркирование на уровне текста	254
4.3. Лингвистический эксперимент	284

5. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.	292
5.1. Болгарская пресса на рубеже 1980-х — 1990-х: «стратегия объективности»	294
5.2. Косовские албанские электронные СМИ в 1994—2000 гг.: оппозиция свой/чужой	310
5.3. Эвиденциальность vs. перфект в македонско-албанском политическом дискурсе конца 2000-х.	314
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	321
МАТЕРИАЛЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.	329
1. Оригинал и тексты для перевода	329
2. Переведенные тексты	336
ПЕРЕВОД АЛБАНСКИХ ВЕРСИЙ «БАЛЛАДЫ О МЕРТВОМ БРАТЕ».	372
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ВЕРСИЙ «БАЛЛАДЫ О МЕРТВОМ БРАТЕ».	384
Болгарские версии	384
Македонские версии	389
Албанские версии	390
СОКРАЩЕНИЯ	391
БИБЛИОГРАФИЯ	393
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.	429
УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ.	438
RESUME.	442

0. ВВЕДЕНИЕ

Можно сказать, что мы на пике интереса к категории эвиденциальности.

Во-первых, с каждым годом количество публикаций по эвиденциальности увеличивается до необозримости. Впрочем, значительная часть работ описывает эвиденциальные системы языков отдельных языковых семей и ареалов, и для нашей темы актуальны лишь немногие из них, либо использующие балканский материал, либо имеющие общетеоретическую значимость¹. На конференциях, посвященных модальности, эвиденциальность также становится одной из часто обсуждаемых тем. В рамках больших конференций посвященные ей доклады иногда выделяются в отдельные тематические секции. За последние два десятилетия вышло значительное количество сборников

¹ Чтобы показать масштаб интереса к данной проблематике, можно перечислить лишь некоторые, наиболее представительные конференции и круглые столы, посвященные эвиденциальности и прошедшие в Европе с 2007 по 2012 гг.: «Lexical means of evidentiality in Slavic languages» — Варшава, март 2007; «Non-grammatical Evidentiality in the Baltic Languages: content, realizations and functions» (в рамках 30th Annual Convention of the German Society of Linguistics) — Бамберг, февраль 2008; «Workshop on Evidentiality» (в рамках GLOW 31) — Ньюкасл, март 2008; «A database of evidentiality markers in European languages» — Майнц, апрель 2009; «The linguistic realization of evidentiality in European Languages» (в рамках SLE 2009) — Лиссабон, 2009; «Modalität und Evidenzialität» — Ганновер, май-июнь 2010; «Evidentials. Towards a unified account of evidential markers of the languages of Europe» (в рамках SLE 2010) — Вильнюс, сентябрь 2010; «Functionality and Structure of Evidential Markings in Slavic (Integrative Theory with the construction of a database)» — Майнц, декабрь 2010; «10th International Conference on Tense, Aspect, Modality and Evidentiality» — Бирмингем, апрель 2011; «The Nature of Evidentiality» — Лейден, июнь 2012.

и специальных тематических выпусков журналов, посвященных эвиденциальности (Chafe, Nichols 1986; Guentchéva 1996; Johanson, Utas 2000; Journal of pragmatics 33, 2001; Aikhenvald, Dixon 2003; Guentchéva, Landaburu 2007; Храковский 2007; Italian Journal of Linguistics 19.1, 2007; Wiemer, Plungjan 2008; Functions of Language 16.1, 2009; Diewald, Smirnova 2009; Fitneva, Matsui 2009; Evidence from Evidentials 2010; Language Typology and Universals 64.1, 2010; Nuckolls, Michael 2012), укажем также важные монографии И. Мушин (Mushin 2001), А. Айхенвальд (Aikhenvald 2004) и А. Левин-Штайнманн (Levin-Steinmann 2004).

Во-вторых, типологический анализ обнаруживает присутствие категории эвиденциальности на грамматическом уровне во всё большем количестве языков, генетически значительно удаленных друг от друга. Так, по подсчетам А. Айхенвальд (а ее монография основана на выборке из более чем 500 языков, «представляющих все крупные языковые семьи и каждый языковой ареал»), на настоящий момент грамматикализованная эвиденциальность выявлена в четвертой части языков мира (Aikhenvald 2004: xii). В ее монографии предлагается и карта-схема распространения грамматикализованной эвиденциальности, но, к сожалению, интересующий нас балканский ареал на ней никак не отмечен (Aikhenvald 2004: 303).

В Мировом атласе лингвистических структур (WALS 2012) эвиденциальность описывается на материале 418 языков (всего в атласе представлено хотя бы одним признаком 2650 языков), но эта цифра, безусловно, меньше, чем реальное количество языков с грамматикализованными эвиденциальными системами (например, Балканы представлены только турецким, болгарским и албанским, при том что грамматикализованная эвиденциальность есть также в македонском, арумунском, мегленорумынском, константинопольском диалекте ладинского и сливенском диалекте цыганского).

При всей примерности (в случае карты А. Айхенвальд) и избирательности представления материала, эти материалы показывают, что эвиденциальность имеет тенденцию возникать в ареально связанных языках. Т. В. Цивьян пишет, что в Евразии можно выделить как минимум два «куста» языков с грамматикализованной эвиденциальностью: индоевропейские (албанский, армянский, болгарский, македонский, латышский, литовский, таджикский) и неиндоевропейские

(грузинский, тюркские (прежде всего турецкий, гагаузский), прибалтийско-финские (прежде всего эстонский)). Эти «кусты» расположены в маргинальных зонах балто-балканского ареала: литовский, латышский и эстонский на севере и албанский, болгарский, македонский и турецкий на юге. Существенно, что эти языки находятся в длительном контакте: и в данном случае Т. В. Цивьян предлагает считать катализатором языкового изменения «ситуацию языковых контактов, вызывающую усложнение акта коммуникации» (Цивьян 1990: 154). За пределами этой зоны можно выделить и другие ареалы, в которых эвиденциальность возникает в нескольких соседних языках: регион Ваупес на границе Бразилии и Колумбии (Aikhenvald, Dixon 1998), индейские языки тихоокеанского побережья Северной Америки (de Naan 2008). Ф. де Хаан говорит даже о широком евразийском ареале (от северной Европы до Китая), в котором грамматическая эвиденциальность выделяется в значительном количестве языков (de Naan 2005). В. А. Плунгян предлагает следующий список ареалов, «богатых языками с грамматическим выражением эвиденциальности» (см. Плунгян 2011: 340 и далее, там же см. библиографию):

1. «Большой эвиденциальный пояс» («Great Evidential Belt»): от языков Балкан через Малую Азию, Кавказ, Поволжье, Южную Азию и Сибирь до Дальнего Востока. Эта зона считается «самой крупной географической локализацией эвиденциальности» (Там же, 340), впрочем, с точки зрения структуры в языках этого ареала эвиденциальные системы устроены проще всего (исключением следует признать лишь тибетские языки, показывающие исключительное разнообразие эвиденциального маркирования);

2. Северная Сибирь и циркумполярная область Евразии: самодийские, обско-угорские языки, юкагирский и некоторые другие;

3. Прибалтийский ареал (литовский, латышский и эстонский);

4. Языки Северной, Центральной и Южной Америки В. А. Плунгян включает в единый ареал, хотя и выделяет в нём несколько подареалов: языки Северо-Западного побережья Северной Америки (семьи винту, помо, салишские и др.); языки Амазонии, которые сопрягаются с языками Анд;

5. Австралия и Новая Гвинея, где встречаются наиболее сложные эвиденциальные системы из известных на сегодняшний день (прежде всего в языках Южного Нагорья Новой Гвинеи).

Существуют также ареалы, где грамматикализованная эвиденциальность представлена слабо или вообще не представлена: это Океания, Тропическая Африка, вся Европа, кроме Балкан и Балтии.

Б. Джозеф говорит, что в распространении эвиденциальности в разных языках одного ареала нет ничего странного: наиболее легко заимствуются именно те языковые категории, которые непосредственно связаны с процессом коммуникации (эвиденциальность, определенность и пр. — Joseph 2003: 315), а эвиденциальность — одна из таких категорий. Скорее вызывает удивление то, что в эти ареалы входят также языки, которые эту категорию не заимствуют, что, по всей видимости, может быть связано с внеязыковыми причинами (например, с их более высоким статусом).

В-третьих, спектр «эвиденциальных тем», и так разнообразный, продолжает постоянно расширяться. Сейчас в него входят грамматическая эвиденциальность и ее связь с другими глагольными категориями; инвентарь и употребление эвиденциалов в отдельных языках (в типологическом ракурсе); неграмматические средства выражения эвиденциальности (в том числе и в тех языках, где эвиденциальность традиционно не выделялась, например в английском (Chafe 1986)², греческом и итальянском (Pietrandrea, Stathi 2010), испанском (Cornilie 2007), немецком (Diewald, Smirnova 2010), польском и русском (Wiemer 2008), французском (Dendale, Bogaert 2007) и многих других языках); эвиденциальные стратегии; прагматика эвиденциальности, в том числе влияние эвиденциальности на иллокутивную силу высказывания (Garrett 2001; Faller 2002; Faller 2003; Speas 2004; Blain and Déchaine 2007; Murray 2010; Peterson 2010; Nuckolls, Michael 2012); эвиденциальность и дискурс (Speas and Tenny 2004; de Haan 2005; Tenny 2006); эвиденциальность в культурно-антропологической перспективе и т.д. Совсем недавно стала активно разрабатываться тема связи лексических и грамматических маркеров категории эвиденциальности (Squartini 2008), и здесь нельзя не упомянуть

² Конечно же, в данном разделе нашей целью было не дать приближенную к полной библиографию исследований по эвиденциальности в языках без грамматикализованных средств ее выражения, а всего лишь показать, что эта тема пользуется исключительным вниманием в современной лингвистике. Для каждого из языков даны либо наиболее часто цитируемые исследования, либо наиболее подробные, вышедшие в самое недавнее время.

два проекта, которыми руководит Бьёрн Вимер (Университет Иоганна Гуттенберга, Майнц): «База данных по лексическим эвиденциальным маркерам в европейских языках» (подробнее — Wiemer, Stathi 2010) и проект «Функции и структура эвиденциальных маркеров в славянских языках» (подробнее — Wiemer, Kampf 2011). Кроме того, эвиденциальность позволяет по-новому взглянуть на проблему связи синтаксиса и семантики (*syntactic-semantic interface* — Izvorski 1997; Faller 2006, Papafragou 2006; Blain and Déchaine 2007; Speas 2010; Wiemer, Kampf (in print)), в чём ярко проявляется шифтерная природа эвиденциалов. Они приостанавливают проверку высказывания на предмет истинности/ложности (в работах на английском языке используются выражения наподобие *to suspend truth conditions*)³, заставляя лингвистику обращаться к понятию «возможных миров», в которых может быть истинным или ложным данное высказывание. Формы категории эвиденциальности могут рассматриваться как операторы отношений, которые модифицируют связь между ситуацией высказывания (*discourse situation*); ситуацией события, о котором идет речь (*informational situation*); ситуацией рассказа о событии (*evidential situation*), что позволяет интерпретировать эвиденциальность наравне с временем как реляционную категорию и связывать ее с дейксисом (см. Faller 2004; McCready 2011) — т. е., здесь лингвистика на новом этапе возвращается к идеям, высказанным Э. Вудбери в 1986 г. (Woodbury 1986). Рассмотрение эвиденциальности как реляционной категории⁴, для которой характер реляции между говорящим и событием, о котором идет речь (подробнее см. далее), определяется говорящим (т. е., субъективен), дает возможность Б. Зонненхаузер рассмотреть функции болгарских форм для косвенной эвиденциальности в организации *перспективы текста* (*perspectivity/Perspektivität*), или дейктического способа связи рассказа с говорящим (*deictic anchoring with the speaker/deiktische Verankerung losgelösten Perspektivität* — см. подробнее в Sonnenhauser 2012 (в печати)), что выводит проблемы исследования эвиденциальности за границы грамматики в традиционном

³ См. также о связи эпистемических операторов и условиях истинности/ложности высказывания (Portner 2009).

⁴ В частности, болгарских косвенных эвиденциалов, у которых наличие/отсутствие вспомогательного глагола 'быть' в третьем лице указывает на разные формы отношений между говорящим и источником сообщения.

понимании и переводит их в план лингвистики текста (подробнее см. ч. II настоящей работы).

В-четвертых, расширяется до необозримости список категорий, прямо или косвенно связываемых с эвиденциальностью по семантическим признакам. Сейчас в список таких категорий входят прежде всего разные оттенки эпистемической модальности, (ад)миратив, дубитатив, конклюдив, а также дейксис в широком смысле. В этот же список включаются императив, конъюнктив, оптатив, хортатив, юссив, прохибитив и многие другие грамматические категории, которые могут служить основой для образования эвиденциальных форм (см., напр., Кузнецова 2004: 91). В описаниях балканских языков используются всё новые термины, учитывающие функционирование эвиденциальности в текстах, например (ад)миратив-комментатив (Fiedler 1968; Сытов 1979; Десницкая 1982), аудитив (Шанова 1984), имперцептивная модальность (Косеска-Тошева 1975), медиатив (Guentchéva 1996), конфирматив (Friedman 2001) и др.

По-видимому, стремление раздробить эвиденциальность на массу атомарных субкатегорий обусловлено разницей интерпретации ее употреблений на уровне языка и на уровне речи. Такое стремление приводит к тому, что количество значений эвиденциальности (resp., терминов для их обозначения) приближается к количеству случаев появления соответствующих форм. Это предполагает заложенную в описании субъективность, возможно, обусловленную принципиальной (семантической) субъективностью самой категории. Следовательно, при анализе этой категории нельзя ограничиваться формальным описанием и комментированием случаев ее употребления: парадоксальным образом попытка ввести строгость в описание приведет к размыванию границ категории, когда будет казаться, что ее формы употребляются бессистемно. Выход из этого тупика можно, как кажется, найти при помещении эвиденциальности в семиотическое пространство текста, когда появление/отсутствие эвиденциальности проецируется на общие правила структурирования текста.

Здесь мы сталкиваемся с противоречием, которое вытекает из лежащей в основе современной лингвистики дихотомии означающего и означаемого. Если говорить об эвиденциальности как о грамматической категории, то нам приходится рассматривать только эвиденциальную часть семантики соответствующих форм (*л*-форм в болгарском и македонском, инвертированного перфекта

с апокопированным причастием в албанском), а всё остальное (адмиративность, эпистемичность и т. д.) не принимать во внимание. Если говорить об эвиденциалах, то мы сталкиваемся с проблемой многозначности (одной форме может соответствовать несколько значений (эвиденциальное, модальное, временное)).

В данной книге мы хотели бы представить опыт кросс-категориального анализа, при котором грамматическая категория эвиденциальности рассматривается через призму дискурса. Исходной точкой будет область форм и значений, традиционно связанных с эвиденциальностью, но нас в данном случае будет интересовать их распределение в рамках структуры текста. Эвиденциальность ли это в традиционном понимании термина? И да, и нет. С одной стороны, как мы планируем показать, исходное значение эвиденциальности («указание на источник информации...»⁵) в значительном количестве случаев употребления соответствующих форм сохраняется; с другой стороны, решающим оказывается место соответствующей формы в структуре текста.

Поскольку в качестве материала берутся не произвольные тексты на ареально несвязанных языках, а *балканский текст*, существенным будет использование концепта *балканской модели мира*. Движение настоящего исследования будет в чём-то отражать изменявшиеся с течением времени подходы к эвиденциальности: от определения места эвиденциальности в кругу других лингвистических категорий, ее структуры и взаимодействия с другими элементами языка мы перейдем к описанию средств ее выражения в балканских языках и происхождению ее показателей, причем рассмотрены будут как грамматические средства (наиболее изученные до настоящего дня), так и лексические (интерес к которым *sub specie* грамматики, а не словаря, появился лишь недавно). Следующим шагом станет очерк совместного употребления грамматических и лексических маркеров в балканских языках (это своего рода синтез интереса к грамматическим показателям эвиденциальности в «экзотических» для Standard Average European языках⁶ и лексическим показателям

⁵ Определение, которое мы принимаем, будет дано ниже.

⁶ При том что «экзотичность», конечно, является понятием конвенциональным; но для нас оно актуально тем, что балканские языки, при всей своей непохожести на «среднеевропейский стандарт», всё же находятся достаточно близко к нему, см. Русаков 2004.

в наиболее распространенных западноевропейских языках — двух направлений, которые долгое время развивались параллельно, почти не пересекаясь).

Закономерным образом описание совместного употребления лексических и грамматических показателей выводит нас на уровень дискурса. Оказывается, на функционирование эвиденциальности оказывает влияние не только объективный способ получения информации или система языка, но и позиция говорящего и его желание структурировать свой дискурс так, чтобы управлять вниманием слушающего/читающего. Это подводит нас к классификации повествовательных регистров в балканских языках, в основу которой положена эвиденциальность. Здесь привлекают особое внимание два повествовательных регистра, казалось бы, находящихся на разных концах оси «современность-архаика»: пресса и фольклор⁷. С точки зрения языка, эти две подсистемы сближает их «внешний» по отношению к литературному языку статус: языковая форма фольклора предшествует литературному языку, языковая форма газеты⁸ стремится к выходу за рамки литературного языка. Взгляд носителя стандартизированного языка на фольклор (см. раздел 4.3. «Лингвистический эксперимент») задает новую перспективу: можно ли говорить о каких-либо константах в употреблении эвиденциальности. Заключает работу глава с описанием места, которое занимает эвиденциальность в *балканской модели мира*.

В том, что касается концептов модели и картины мира, сейчас чрезвычайно популярных, мы опираемся на московско-тартускую школу⁹. В применении к балканскому ареалу эти концепты были развиты Т. В. Цивьян в книге «Лингвистические основы балканской модели мира» (Цивьян 1990; дополненные издания: М., 2005; М., 2006; М., 2009). Там, в частности, была высказана следующая идея: применение грамматических маркеров эвиденциальности принципиально нерегулярно (это относится не только к балканскому языковому союзу) и было предложено перенести анализ в семиотическое

⁷ Ср., впрочем, анализ газет как «мифов нашего времени» у Р. Барта (Барт 2003 = Barthes 1962; Бояджиева 2007)

⁸ По крайней мере, многих современных балканских газет.

⁹ Основы этих понятий заложили статьи Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова в энциклопедии «Мифы народов мира» и другие их работы.

пространство текста, в данном случае *балканского текста*, отражающего, создающего балканскую модель мира и создаваемого ею. Мы переходим от системы языка к ее реализации в тексте, стремясь найти различие в сходном и сходное в различном — что и соответствует основным конструктивным принципам балканского языкового союза и балканской модели мира.

В настоящей работе принимается определение эвиденциальности, данное Н. А. Козинцевой, опирающейся на работы Р. О. Якобсона: «область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений» (Козинцева 1994: 92).

В приведенном определении представляется важным отметить следующее. Эвиденциальность не определяется как исключительно грамматическое явление, что позволяет нам ввести в эту область и лексические маркеры. Вместо конкретного «категория» Н. А. Козинцева использует более широкое «область ... значений», включая ее в семиотическое пространство (пусть даже процитированная работа и является исключительно лингвистической), что дает нам возможность рассматривать этот феномен как знак в кругу других знаков и их синтаксиса в рамках модели мира. Определение «рамочные (значения)» можно трактовать и более узко — в том смысле, который вкладывает в него автор (имеется в виду внешняя модальная рамка высказывания: эвиденциальность является знаком границы между собственной и не-собственной речью автора), и более широко. В последнем случае рамка рассматривается не на уровне отдельного высказывания, а на уровне системы языка — это граница, которая, с одной стороны, отделяет объект от прочих элементов множества, а с другой — связывает его с ними. Эвиденциальность вступает в сложную систему связей с другими лингвистическими явлениями (с фокусом, модальностью, категорией авторской позиции, (ад)миративностью, системой видо-временных форм глагола и т. д.), будучи более или менее явно отделенной от них. То есть ее невозможно рассматривать на материале изолированных примеров, вне связи с прочими грамматическими элементами языка.

Н. А. Козинцева описывает оппозицию между прямой и непрямой (косвенной) эвиденциальностью (засвидетельствованностью) следующим образом:

- прямая — говорящий основывается «на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти)»;
- непрямая (косвенная) — «говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица, на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения)».

Это деление будет использоваться в настоящей книге. Получение информации через посредника, «из вторых рук» — всего лишь один из видов категории эвиденциальности. Представляется, что здесь целесообразно говорить о частном случае оппозиции по *засвидетельствованности / незасвидетельствованности*, которая пронизывает глагольные системы албанского, болгарского и македонского. Безусловно, формы неличного свидетельства могут употребляться и при описании лично засвидетельствованных событий. Иными словами, оппозиция по засвидетельствованности / незасвидетельствованности должна восприниматься в первую очередь как прагматическая категория выбора, и в таком случае важно будет не то, было ли действие на самом деле засвидетельствовано, а то, как его передает говорящий, что в конечном итоге возвращает нас в сферу семиотических оппозиций.

Во второй главе мы опишем значения форм, которые традиционно связываются с эвиденциальностью в балканских языках. В современной русскоязычной лингвистике ощущается некоторая лакуна для обозначения форм категории эвиденциальности. Так, например, Н.А. Козинцева использует термины «формы прямой засвидетельствованности» и «формы косвенной засвидетельствованности» (Козинцева 2007), В.С. Храковский предпочитает описательные конструкции «показатели эвиденциального значения», «показатели инференциального значения» и т. п. (Храковский 2007а), В.А. Плунгян говорит об «эвиденциальных показателях» (Плунгян 2011). Мы исходим из того, что термин не должен быть громоздким и должен легко отождествляться с категорией, которую он выражает.

В настоящей книге мы используем термины «прямые эвиденциалы» (говорящий был свидетелем события/имеет прямой доступ к информации, сокращенное обозначение — Ev^+) и «косвенные эвиденциалы» (говорящий не был свидетелем события/имеет не прямой доступ к информации, сокращенное обозначение — Ev^-). Отметим, что, насколько нам известно, первой в русскоязычной лингвистике этот термин применила Р. Ницолова (Ницолова 2007), после нее его

использовали М. В. Медведева (Медведева 2008), Н. А. Зевахина (Зевахина 2010), О. В. Смурова (Смурова 2011)¹⁰.

История изучения эвиденциальности в языках Европы и Северной Америки насчитывает около полутора столетий. Хотя языки, имеющие грамматические показатели эвиденциальности, известны давно, долгое время они рассматривались сквозь призму грамматики «языков средневропейского стандарта» (*Standard Average European*), где для эвиденциальности не было места. Только после серьезного обращения к индейским языкам Северной Америки стало совершенно очевидно, что «типологический список» грамматических категорий не должен ограничиваться материалом европейских языков. А. Айхенвальд считает, что первым вопросом об обязательном маркировании источника информации поднял Ф. Боас (Boas 1911: 443), который обнаружил в глагольной системе вакашского языка квакиутль четыре суффикса, указывающие на источник информации; поэтому в ее монографии изложение истории современных исследований эвиденциальности начинается с работы Боаса (Aikhenvald 2004: 12). После Боаса в течение долгого времени (до второй половины XX века) категория эвиденциальности исследуется западной наукой прежде всего на материале языков коренного населения Северной Америки (см. подробную библиографию и обзор в Jacobsen 1986). Однако З. Генчева (Guentchéva 1996: 14) справедливо указывает, что ошибкой было бы считать, будто изучение эвиденциальности началось в Америке в 1911 г., и в частности ссылается на работы А. Дозона (Dozon 1878) по албанскому языку, Й. Трифонова (Трифонов 1905) и Б. Цонева (Цонев 1911) по болгарскому языку. К этому необходимо прибавить работы многочисленных исследователей болгарского и албанского языков эпохи национального возрождения (Kyriak-Cankof 1852; Миркович 1860; БК 1860: 166–167; Войников 1866; Радулов 1870; Шишков 1872; Теодоров-Балан 1899; Трифонов 1905; Weigand 1907; Щепкин 1909 по болгарскому языку и Dozon 1878; Kristoforidi

¹⁰ Заметим, что там, где существующая традиция допускает некоторую гибкость, мы делаем опыт разграничения терминов для грамматических категорий и их форм. У терминов для форм основа состоит из «чистого корня» без суффиксов (*эвиденциал*, *конклюзив*, *(ад)миратив* и т.д.). У терминов для грамматических категорий к корню присоединяется суффикс (*эвиденциальность*, *конклюзивность*, *(ад)миративность* и т.д.).

1882; Frashëri 1886; Vasa 1887; Meyer 1888; Pekmezi 1908 и Ханони 1909 по албанскому языку). По всей видимости, наиболее раннее описание функционирования эвиденциальности относится к XI веку: Махмут ал-Кашгари (по Friedman 2004: 103, со ссылкой на Dankoff 1982: 412) противопоставляет тюркские формы на *-di* и *-miş* как свидетельские («действия произошли в присутствии говорящего») и несвидетельские («действия произошли в отсутствие говорящего»).

Начало интереса к эвиденциальности было продиктовано необходимостью описания отдельных языков (родных для большинства исследователей в случае болгарского и албанского языка; экзотических в случае языков Северной Америки). В сферу внимания типологов, которые сравнивают генеалогически несвязанные (или находящиеся в отдаленном родстве) языки, эта категория попадает только во второй половине XX века, и первым опытом такого исследования, по-видимому, следует признать работу Р. О. Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» (Jakobson 1957; русский перевод: Якобсон 1972). Она впервые вводит проблематику эвиденциальности в публикации международных рецензируемых журналов: «обнаруживается», что эта глагольная категория существует не только в весьма далеко отстоящих от средневропейского стандарта североамериканских языках, но и в Европе — болгарском и македонском. С этого момента начинается период активного интереса к эвиденциальности со стороны западных ученых.

Широко принятый в англоязычной литературе термин *evidential* (*evidentiality*) впервые, по всей видимости, был использован в работе Ф. Боаса (Boas 1911) по языку квакиутль, однако, как отмечает А. Айхенвальд, в значении, которое сегодня скорее всего было бы определено как «информация о действии, полученная путем логического вывода на основе наблюдения над результатами действия» (Aikhenvald 2004: 13). Первым, кто использует термин *evidential* (*evidentiality*) в его современном значении, стал Р. Якобсон (Jakobson 1957/Якобсон 1972).

В литературе на немецком языке более часто использовался другой термин, (*in*)*direkte Erlebnisformen* ‘формы для прямого/непрямого рассказа о событиях’ (Décsy 1965; Naarmann 1970; Roth 1979; обзор терминов см. в Levin-Steinmann 2004). В французской лингвистике благодаря работам З. Генчевой вошел в употребление термин *médiatif* ‘опосредованность’, восходящий к работам Ж. Лазара

по таджикскому языку (Lazard 1956), а область эвиденциальных значений переводится как *énonciation médiatisée* ‘опосредованное высказывание’. З. Генчева во вступлении к сборнику (Guentchéva 1996) дает описание разных терминов: *médiaphore* (Hagège 1995), *evidential*, *неочевидность*, *data-source* (Hardman 1986) и других, относящихся к частным случаям эвиденциальности и связанным с ней категориям (визуальность, аудитивность, густативность, ольфактивность; (адмиратив). Этот же термин использует Ж. Фёйе (Feuillet 1996; 2011; 2012).

В польской лингвистике используется термин *modalność imperceptywna/imperceptywność* (он, в частности, представлен в авторитетной сравнительной польско-болгарской грамматике — Korytkowska, Roszko 1997, см. там же описание других терминов, известных в польской традиции).

В болгарских грамматиках наиболее широко известен термин *преизказно наклонение* ‘пересказывательное наклонение’ или *преизказване* ‘пересказывание’. Поскольку в XX веке он вошел в грамматики (в том числе в болгарскую академическую грамматику — Граматика 1983), школьные и институтские учебники, то большинству болгар известен именно он (и как показывает практика, при его употреблении многие не-лингвисты имеют в виду разные понятия). Помимо этого термина были предложены также *модус/начин на изказването* ‘модус/способ высказывания’ (Андрейчин 1944; Станков 1967; Герджиков 1984). В последнее время наряду с термином *эвиденциальност* (Ницолова 2008) используется и *вид на изказването* ‘вид высказывания’ (сторонником этого термина является И. Куцаров — Куцаров 2007; (в печати)). В македонской традиции соответствующее явление называется *прекажување* ‘пересказывание’ (Конески 1967), но в последнее время наиболее активно используется *эвиденцијалност* (Гајдова, Лаброска 2008; Гајдова, Лаброска 2010; Тофоска 2008; Петроска, Тофоска 2011).

Об албанских формах инвертированного перфекта с апокопированным причастием первым упоминает О. Дозон (Dozon 1878), который, используя термин «адмиратив», ссылается на К. Кристофориди, хотя первая известная работа Кристофориди, в которой упоминаются эти формы как грамматическое явление, относится к 1882 г. В этой работе К. Кристофориди предлагает термин «формы неожиданности» (*áπροεδόκητοι*). С. Фрашэри также называет их «формами неожиданности» (*të papandehura*, Frashëri 2004). П. Васа (Vasa 1887: 147) называет албанские косвенные эвиденциалы *koha konkluduese* «закрывающее

время». Г. Майер (Meuer 1888: 45) вслед за Дозоном использует термин «адмиратив», как и Дж. Пекмези (Pekmezi 1908). Г. Вайганд посвятил албанским формам инвертированного перфекта с апокопированным причастием в сопоставлении с болгарскими *л*-формами отдельную работу (Weigand 1924; немецкий перевод: Weigand 1925; продолжение научной дискуссии см. в Романски 1936). А. Дзанони (Xanoni 1909: 91) называет их *mbylltore* («закрытое» [наклонение]). Термин *mënyrë habitore*, «наклонение удивления», начиная с 1920-х гг., становится общепринятым в албаноязычной литературе.

В русскоязычной традиции известно несколько терминов для обозначения эвиденциальности. В переводе работы Р. Якобсона (Якобсон 1972) английскому термину *evidential* соответствует *засвидетельствованность*. Этот же термин, наряду со словом «заглазность», использует и Н. А. Козинцева («термин "засвидетельствованность" или его интернациональный дублет "эвиденциальность" — Козинцева 2007: 15). Среди других терминов: *категория очевидности высказывания* (Демина 1974), *неочевидность*, *неочевидное наклонение* (Буторин 2005), *категория пересказывания* (Молошная 1989). После выхода в свет сборника «Эвиденциальность в языках Европы и Азии» (Храковский 2007), где термин «эвиденциальность» используется в большинстве работ, как кажется, можно говорить о том, что в отечественной лингвистике он получил право гражданства.

Очевидно, что выбор термина зависел от взглядов авторов на место этого явления в структуре языка и его связи с другими лингвистическими категориями (прежде всего, связь эвиденциальности и модальности; как видно даже из перечня терминов, разные авторы то включают эвиденциальность в модальность, то исключают). Этому посвящена первая глава настоящей монографии.

Интерпретация эвиденциальности на синтагматическом уровне преподносит много загадок. Одна из них — определение правил употребления эвиденциалов, которые **не** появляются там, где их ждут. Это тот неуловимый *буджим* Льюиса Кэрролла, которому уподобил употребление вспомогательного глагола *съм* ‘быть’ в разных болгарских *л*-формах один из самых авторитетных исследователей Виктор Фридман¹¹.

¹¹ *Буджим* (*boojim*) — вид *снарков*, вымышленных существ из поэмы Л. Кэрролла «Охота на снарка». Охотники на *буджима* бесследно исчезают.

Перед нами стоит задача, как, описав эти формы, найти если не правила, то закономерности их употребления. Очевидно, что надо выбрать соответствующий ракурс.

Еще несколько десятилетий назад эвиденциальность не рассматривалась как отличительная черта балканских языков: она выделялась только в болгарском языке (македонский литературный язык был декретирован в 1944 г.), причем одним из основных вопросов было ее происхождение (результат влияния турецкого языка или самостоятельного развития). Для албанского языка основным содержанием соответствующей категории считали (ад)миративность/реакцию удивления, которая, таким образом, оказывалась единственным семантическим основанием для сравнения болгарского и албанского материала (Weigand 1924; 1925; Sandfeld 1930: 119–120). Даже когда появились первые работы, где анализировалась в том числе и македонская эвиденциальность (самая первая — Lunt 1952), по-прежнему казалось, что оснований для включения эвиденциальности в балканскую грамматику недостаточно, поскольку она отсутствует в греческом, а в румынском представлена в крайне ограниченном виде (т. н. *презумптив*: Репина 2003: 100–101).

В то же время эвиденциальность была обнаружена в некоторых диалектах аромунского и мегленоромунского (Atanasov 1990: 220; Friedman 1994: 3; Десятова 2007: 59; Марковиќ 2007: 141), в стамбульском ладинском (Friedman 2006), а также в сливенском диалекте балканского цыганского (Kostov 1973: 108; Friedman 2003: 193; Iгла 2006; Iгла 2010: 266–267)¹². Во всех перечисленных языках косвенные эвиденциалы структурно восходят к перфекту¹³.

В. Фридман в статье для Оксфордской энциклопедии языка и лингвистики (Friedman 2006: 668) описывает эвиденциальность в числе прочих морфосинтаксических балканизмов, впрочем, не называя ее балканизмом. Далеко не все балканизмы из общепринятого

¹² В данном случае несущественным представляется вопрос о происхождении эвиденциальности в каждом из перечисленных языков (подробнее см. далее).

¹³ Будь то прямо или опосредованно (как в аромунском говоре *Beala-di-Surgrã* или в сливенском цыганском, где формы для косвенной эвиденциальности восходят к перфектным формам албанского или, соответственно, болгарского языка).

списка¹⁴ распространены во всех, даже в «классических» членах балканского языкового союза (албанский, греческий, болгарский, македонский, румынский) — например, в греческом артикль находится в препозиции, перфект по модели *имам дојдено* не употребляется в стандартном болгарском, разные балканские языки имеют разную степень аналитизма в системе склонения и так далее. Поэтому П. Асенова определяет балканизмы как «типологические параллели между более чем двумя балканскими языками (в том числе и на диалектном уровне), которые возникли прежде всего в процессе конвергентного развития, но также и такие, которые являются результатом общих консервирующих тенденций (например сохранение оппозиции между аористом и перфектом)» (Асенова 2002: 75). Следовательно, эвиденциальность можно считать балканизмом, поскольку она существует в языках и диалектах, представляющих все основные языковые группы на Балканах, кроме греческой.

Перечисленные соображения носят статический характер: на основе общих признаков множества {балканизмы} решается, следует ли включить в него член <эвиденциальность>. Т. В. Цивьян предложила рассматривать балканские языки в динамическом аспекте: процессы, которые происходят в них в диахронии, приближают их к некоторому (условному) общему состоянию (которое не наблюдается ни в одном из балканских языков, но может быть определено при описании происходящих в них конвергентных процессов; не так существенно, будет ли оно в принципе достигнуто в будущем: это можно уподобить математическому понятию предела). Таким образом, то, является ли эвиденциальность балканизмом, должно быть определено через статус эвиденциальности по отношению к этому общему состоянию.

Соображение, которое поддерживает возможность определить эвиденциальность как балканизм, связано с ее особым статусом

¹⁴ Постпозитивный артикль, местоименная реприза, аналитическая передача падежных значений, аналитизм в степенях сравнения прилагательных, образование числительных второго десятка, «балканский конъюнктив», будущее с 'хотеть', будущее в прошедшем как показатель кондиционала, перфект по модели *имам дојдено* и некоторые другие — см. Sandfeld 1939; Асенова 2002; Friedman 2006; Mišeska Tomić 2004. Это лишь часть из главных работ по лингвистической балканистике; в них дается основная библиография по теме.

по отношению к балканской модели мира. На семиотическом уровне она соответствует «оппозиции *внутренний/внешний* в разных ее воплощениях (в том числе «непрямом» и сугубо антропоцентричном — *видимый/невидимый*), что в конечном счете объединяется <...> амбивалентностью и стремлением уйти от прямолинейного ответа *да/нет*» (Цивьян 1990: 164). Это позволяет ей занять особое место в некоторых ключевых для балканской модели мира жанрах текстов (прежде всего в фольклоре), что требует ее включения в интерпретационный аппарат модели мира.

При том что в болгарском, македонском и албанском языках указанная грамматическая категория называется по-разному, список ее функций практически совпадает: репортатив, конклюдив, (ад)миратив, эпистемическая оценка достоверности (которая в болгарском может иметь и свой, особый набор форм, но также связана и с косвенными эвиденциалами). В грамматических описаниях от языка к языку меняется, по сути, только порядок, в котором перечисляются эти функции — для болгарского и македонского языков на первый план при перечислении выходит репортатив, а для албанского — (ад)миратив. Несмотря на то, что, как мы уже сказали, эвиденциальность существует в языках/диалектах всех языковых групп, которые входят в балканский языковой союз (кроме греческой), статус этих языков/диалектов различается, чем объясняются и особенности эвиденциального маркирования.

В аромунском (Beala-di-Suprâ) и цыганском (Сливен) диалектах, а также в мегленорумынском эвиденциальность передается морфологическими средствами, заимствованными (аромунский) или калькированными (цыганский, мегленорумынский) из языков с более высоким социолингвистическим статусом — в первом случае из албанского заимствован маркер *-ka*, представляющий собой окаменевшую форму 1SG албанского вспомогательного глагола *kam* ‘иметь’ (см. Friedman 1994; Марковиќ 1995), во втором случае в качестве показателя используется цыганский суффикс *-li*, формально отождествленный с показателем *-l* в болгарских косвенных эвиденциалах (Kostov 1973; Iglja 2006; 2010)¹⁵, в третьем случае используется инвертированный перфект по албанской модели

¹⁵ Как пишет Биргит Игла в указанной работе, функции суффикса *-li* в сливенском и некоторых других диалектах приняли вид, изоморфный

(ср. мегленорумынский перфект *ăꝥ vizút(ă)* vs. репортатив *vizút-ău* — см. Atanasov 1990: 220–221; Friedman 2004: 111; Десятова 2007: 59). Плюсquamперфект в константинопольском ладино в функции косвенных эвиденциалов, по всей вероятности, является калькой с турецких *-miş*-форм (Friedman 2006: 668).

В отличие от перечисленных языков и диалектов, в болгарском, македонском и албанском статус эвиденциальности гораздо сложнее. Когда-то распространенное мнение о том, что эвиденциальность в этих языках является заимствованием из турецкого, скорее всего, не является полностью верным: имеет смысл говорить о функции турецкого языка как катализатора эвиденциальности, что мы покажем во второй главе. То есть в случае болгарского, македонского и албанского нельзя говорить о калькировании или, тем более, о заимствовании. В то же время болгарский, македонский и албанский послужили источниками для грамматикализации эвиденциальности в малых языках/диалектах Балкан — болгарский для сливенского цыганского, албанский для аромунского и мегленорумынского, македонский повлиял на эвиденциальную систему в мегленорумынском в области значений (по формулировке В. Фридмана, «в мегленорумынском морфология <косвенных эвиденциалов> повторяет модель албанского *адмиратива*, а семантика — македонское неопределенное прошедшее <= л-формы>» — Friedman 2006: 111). Таким образом, если в болгарском, македонском и албанском можно описывать семантику и употребление эвиденциалов, не обращаясь к турецкому, то в малых языках/диалектах целесообразным при анализе форм и значений форм E_v^- было бы обращаться к языку-источнику. Следовательно, анализ балканской эвиденциальности (в частности, описание ее функционирования в текстах) должен начинаться с болгарского, македонского и албанского. Опыт такого описания предлагается в настоящей книге.

Кратко остановимся на формах, ассоциируемых с эвиденциальностью в рассматриваемых языках, с тем, чтобы более основательно вернуться к этой теме во второй главе. В болгарском и македонском косвенные эвиденциалы называются также л-формами, поскольку в качестве основного элемента в них входит л-причастие. Они

болгарскому показателю -л (кроме ренарратива, это еще и перфект и причастие действительного залога).

образуются по модели ESSE.LPART¹⁶ (спрягаемый глагол «быть» + л-причастие, образованное от основы аориста/имперфекта). Некоторые более сложные формы (перфект Ev⁻, будущее Ev⁻ и т.д.) имеют несколько различную структуру, но л-форма является обязательным элементом. В болгарском языке в третьем лице вспомогательный глагол «быть» часто опускается, в македонском это происходит всегда. Совершенно ясно, что происхождение болгарских и македонских л-форм следует искать в общеславянском перфекте. До сих пор в болгарском и македонском существует сильная связь между перфектом и косвенными эвиденциалами. Технически говоря, во многих случаях перфект и косвенные эвиденциалы аориста/имперфекта/настоящего времени совпадают, и значение конструкции можно понять только из контекста. В македонском из-за обязательного опущения вспомогательного глагола в третьем лице не существует разницы между перфектом (0.3) и формами Ev⁻ аориста/имперфекта/настоящего времени (0.1) (в (0.2) дан пример Ev⁺ формы на -в-/-ш-/-j-/-θ-):

Македонский				
(ИМПЕРФЕКТ Ev ⁻)				
0.1. Во.тоа.време	тој	бу-л ¹⁷	во	Скопје.
в.то.време	он	ESSE-LPART.MASC.SG	в	Скопье
[Они говорят, что] в это время он был в Скопье ¹⁸ .				

¹⁶ Условные обозначения расшифровываются в конце книги в разделе «Сокращения».

¹⁷ Глагольные формы, иллюстрируемые примерами, подчеркнуты, лексические показатели эвиденциальности и смежных с ней категорий выделены полужирным.

¹⁸ Примеры оформляются следующим образом: в нумерации цифра до первой точки обозначает главу (введение/заключение), цифра после первой точки обозначает последовательный номер примера внутри главы (введения/заключения). Во введении и в первой главе мы даем пословную лингвистическую нотацию примеров; в остальном тексте работы нотация дается только при интересующих нас формах. Сокращения раскрываются в приложении. При некоторых сложных формах мы сначала даем поэлементную нотацию, а затем в скобках обозначаем таксономическую принадлежность формы. Это связано с разным объемом примеров: на протяжении работы мы двигаемся от системы языка к функционированию категории в текстах. Точка в грамматической нотации обозначает, что в рамках данного элемента

(ИМПЕРФЕКТ EV⁺)

0.2. *Во.тоа.време* *тој* *бе-ше* *во* *Скопје.*
 в.то.время он ESSE-IMP.F.2-3SG в Скопье
 В это время он был в Скопье [и я уверен в этом].

(ПЕРФЕКТ)

0.3. *Той* *би-л* *во* *Скопје* *неколку* *пати.*
 Он ESSE-ESSE.LPART.MASC.SG в Скопье несколько раз
 Он был в Скопье несколько раз.

В болгарской грамматической традиции часто утверждается, что признак, по которому перфект отличается от косвенных эвиденциалов («преизказните форми») — это вспомогательный глагол в третьем лице (далее мы будем сокращенно обозначать его AUX; у перфекта вспомогательный глагол в третьем лице сохраняется — AUX⁺, в косвенных эвиденциалах он опускается — AUX⁻):

«Формы пересказанного аориста (*минало свършено преизказно време*) образуются так же, как и формы перфекта, но в 3 л. ед. и мн. ч. они различаются: у перфекта (0.4)¹⁹ вспомогательный глагол *e*, *са* сохраняется, а у пересказанного времени (*преизказно време*) (0.5), как правило, опускается, напр.:

Болгарский

(ПЕРФЕКТ)

0.4. *Той е* *застана-л* *пред* *вход-а.*
 Он ESSE.PRAES.3SG остановиться-LPART.MASC.SG перед входом-DEF
 Он остановился перед входом.

(ПЕРЕСКАЗАННЫЙ АОРИСТ)

0.5. *Той застана-л* *пред* *вход-а.*
 Он остановиться-LPART.MASC.SG перед входом-DEF
 [Кто-то говорит, что] он остановился перед входом» (Грамматика 1983: 354).

Ср. это со аористом (EV⁺):

(АОРИСТ)

0.6. *Той застана* *пред* *вход-а*
 Он остановиться-AOR.2-3SG перед вход-DEF
 Он остановился перед входом [Говорящий видел это²⁰].

объединяется несколько грамматических значений; для удобства в некоторых примерах мы используем дефис, чтобы разделить словоформу на грамемы.

¹⁹ Добавлена нумерация, грамматическая разметка и русский перевод.

²⁰ Строго говоря, личное свидетельство — не единственная возможность для употребления свидетельского аориста. Приведенная фраза может

В то же время уже неоднократно было показано, что имеет место и обратная ситуация (библиографию вопроса и изложение разных точек зрения см. в работах Friedman 2001 и Levin-Steinmann 2004): существует так называемый статальный перфект (Анке Левин-Штайнманн называет это значение *Zustandskonstatierung*, используя термин, предложенный в свое время Любомиром Андрейчиным *констатация на състояние* ‘констатация состояния’ — Levin-Steinmann 2004), в котором вспомогательный глагол в третьем лице, вопреки всем ожиданиям, опускается:

(Z-konstatierung)

0.7. *Поле-то пусто. Път кален и безкраен.*
 Поле-Def пустое путь грязный и бесконечный

Небе-то се схлупи-ло над земя-та (Елин Пелин²¹)
 небо-Def Refl нависнуть-Lpart-N.Sg над земля-Def

Поле пусто. Путь грязный и бесконечный. Небо нависло над землей.

И наоборот, возможно использование *л*-форм со вспомогательным глаголом в третьем лице в значении косвенного эвиденциала. Отсутствие/наличие вспомогательного глагола указывает на репортивное vs. конклюдивное значение (0.8) или на эпистемическую оценку низкой достоверности vs. нейтральную эпистемическую оценку передаваемой информации (0.9):

0.8. *Палто-то ѝ е на закачалка-та.*
 палто-Def Cl.DAT.3sg.Fem Esse.PRAES.3sg на вешалка-Def

Знач-и, тя е дош-л-а.
 Значить-PRAES.3sg она Esse.PRAES.3sg прийти-Lpart-Fem.Sg

Ее пальто на вешалке. Значит, она дома.

0.9. *Саддам несъмнено има-л-ѝ оръжи-я*
 Саддам несомненно Habere-Lpart-Masc.Sg оружие-Pl

за масово поразяване.
 для массовое поражение

быть взята из текста литературного произведения: болгарские литературные произведения обычно пишутся с позиции автора-свидетеля, пусть даже он не фигурирует в тексте романа никаким иным образом.

²¹ В скобках в конце примера указан источник. Подробнее об источниках будет сказано дальше.

<i>Оказ-а</i>	<i>се, че</i>	<i>не</i>	<i>е</i>	<i>има-л-ø,</i>
Оказать.Аор.3sg	Refl что	Neg	Esse.PRAES.3sg	Habere-Lpart-Masc.Sg
<i>ама какво</i>	<i>от</i>	<i>това</i>		(Kehayov 2008: 175).
но что	от	этого		

[Ложью оказался повод для интервенции в Ирак. Они говорят, что] у Саддама без сомнения было оружие массового поражения. Оказалось, что не было, ну да что с того.

Если в (0.8) форму всё еще можно трактовать как эвиденциальную (в этом случае речь идет о конклюдивной эвиденциальности), то в (0.9) перед нами совершенно недвусмысленный случай эпистемического маркирования: формы *имал* и *не е имал* противопоставлены не только как положительная и отрицательная, но и как эпистемически отрицательная (недоверие⁺) и эпистемически нейтральная.

Таким образом, оказывается, что опущение вспомогательного глагола имеет мало отношения (или вообще не имеет) к противопоставлению косвенных эвиденциалов и перфекта. Подробнее о болгарских и македонских формах мы будем говорить во второй главе.

В албанском косвенные эвиденциалы следуют несколько отличающейся модели, однако и в их основе лежат нефинитные формы — причастие. Окончание причастия отбрасывается и заменяется финитной формой вспомогательного глагола *kam* ‘иметь’. Связь с перфектом прослеживается достаточно ясно, поскольку перфект состоит из тех же элементов, но в ином порядке — сначала следует вспомогательный глагол, а потом полная (неусеченная) форма причастия. В литературе албанские косвенные эвиденциалы иногда называются «инвертированный перфект с апокопированным причастием». Более сложные формы следуют подобной модели, но содержат дополнительные элементы, о чём будет подробно сказано во второй главе. Ср. два примера для иллюстрации перфекта (0.10) и инвертированного перфекта с апокопированным причастием (0.11):

Албанский

(Перфект)

0.10. *Ai ka qe-në në Tiranë.*
он Habere.3sg Esse.Part в Тирана
Он был/бывал в Тиране.

((Ад)миративное/репортативное настоящее)

0.11. *Sipas një neokomunist-i serb*
согласно Indef неокommунист-Masc.Gen/Dat сербский

<i>Kosov-a</i>	<i>na</i>	<i>qen-ka</i>		<i>“pjes-a</i>
Косово-Fem.Def	1Pl.Dat	Esse.Participle-have.3sg		часть-Fem.Def
<i>më</i>	<i>e</i>	<i>sigurt</i>	<i>e</i>	<i>Serbi-së”</i>
наиболее	Cl.Nom	безопасная	Cl.Nom	Сербия-Gen

Согласно одному сербскому некоммунисту, Косово якобы «самая безопасная часть Сербии»²²

Представляется, что в отличие от грамматической эвиденциальности лексические эвиденциальные маркеры представляют собой почти универсальное явление в языках мира. Основание для того, чтобы рассматривать их вместе с грамматическими показателями, дает теория функциональной грамматики А. В. Бондарко (Бондарко 1971; 1976 и др.), согласно которой для передачи грамматических значений может использоваться широкий спектр языковых средств разного уровня. Функционально-семантические категории представляют собой поля, в которых различаются центр и периферия. Эти понятия, вслед за И. Куцаровым, мы отождествляем с оппозицией морфологических vs. неморфологических средств выражения эвиденциальности.

Как и в случае с грамматическими маркерами, интерес к лексическим маркерам эвиденциальности возникает сначала при исследовании отдельных языков, и только позже они начинают изучаться в типологическом плане. Так, в конце 70-х годов прошлого века И. Куцаров выступает с серией статей по «пересказывательным модификаторам» в славянских языках (Куцаров 1978а; 1978б; 1978в; 1978г и др.), понимая под этим весь набор маркеров эвиденциальности: специальные глагольные формы, лексические маркеры, словосочетания и целые предложения, содержащие ссылку на источник информации. В болгарской грамматической традиции довольно

²² Этот пример взят из статьи (Friedman 2000: 343). Автор ссылается на Информационный центр Косова, Ежедневный бюллетень новостей (Informatori ditor, № 1167, 26.IX.1995). Основное значение этого примера — (ад)миратив+дубитатив, но оно основывается на пересказанной информации — «саркастическое недоверие по отношению к передаваемому утверждению», как называет это В. Фридман. Маркер *na* (досл. нам+его/ее) — форма dath. eth. (подробнее см. Цивьян 1999: 91–103). В албанском языке эта форма при совместном употреблении с албанским инвертированным перфектом придает утверждению недвусмысленное дубитативное значение (Hubbard 1980).

быстро появляется большое количество работ (прежде всего посвященных сопоставлению болгарского и других европейских языков), в которых, среди прочего, содержатся и данные о соответствиях болгарским косвенным эвиденциалам в других языках, например (Георгиева 1980; Панева 1981; Кметова 1986; Куцаров 1993 и др.). Интерес к лексическому маркированию эвиденциальности см. также в работах (Wierzbicka 1969 и др.; Chafe 1986; Hinrichs 1983; 1989a; 1989b и др.).

Систематические исследования по лексическому маркированию эвиденциальности начинаются только в 90-х гг. (см. обзор в: Wiemer 2008), и здесь прежде всего следует упомянуть работы (Rakhilina 1996) и (Ramat 1996), вошедшие в сборник под ред. Зл. Генчевой (Guentchéva 1996), а также (Падучева 1996; (в печати)). Исследования в области лексических маркеров эвиденциальности стали особенно интенсивными в последнее время (см., напр., работы М. Сквартини — Squartini 2001; 2008). Так, для лексических маркеров сопоставимым с выходом в 1986 г. известнейшего сборника (Chafe, Nichols 1986) явлением стал специальный номер Венского славистического альманаха (Wiemer, Plungjan 2008), собравший 14 статей, посвященных лексическим маркерам эвиденциальности в славянских языках.

Казалось бы, если в языке есть грамматическое маркирование эвиденциальности, тем более обязательное, то наличие лексических маркеров представляется избыточным. Тем не менее, языковая реальность указывает на то, что о избыточности здесь речи нет. Анализ совместного употребления лексических и грамматических эвиденциальных маркеров решает две основных проблемы: 1) если мы берем глаголы речи и ментальной деятельности, это позволяет описать функционирование эвиденциалов в их сфере действия, т. е. определить более точно условия функционирования грамматических показателей в «чистых» эвиденциальных контекстах; 2) если мы берем «маленькие/дискурсивные слова» (Николаева 2008), то грамматические показатели оказываются одним из средств определения семантики лексических показателей, совместно с которыми они употребляются. Этому будет посвящена третья глава настоящей работы.

Последующие главы будут посвящены проблеме функционирования грамматических форм в пространстве текста. К этой теме начали всё чаще обращаться во второй половине 60-х — 70-х гг. XX века в связи с возрастающим интересом к лингвистике текста

и дискурсивному анализу. Конечно, анализ начинался с наиболее явных вещей: использование видо-временных форм глагола (ср. англ. термин *narrative tenses*) для оформления структуры текста: резюме в начале текста («в настоящей работе речь пойдет о...»); автореференции — «как уже было сказано ранее... а теперь мы хотели бы перейти к»; межфразовые связи (ср., например, работу М. Пфютце — Pfützte 1969; русский перевод Пфютце 1978); текстовая функция артикля (Weinrich 1971; русский перевод Вайнрих 1978). Довольно скоро грамматический анализ стал использовать достижения исследований структуры дискурса (многочисленные работы У. Лабова и Дж. Валецкого, П. Хоппера и С. Томпсон, Н. Телина, Д. Шиффрин и многих других — не претендуя на полноту списка, отметим здесь только такие исключительно важные работы и сборники (в которых содержится основная библиография вопроса), как Labov, Waletzky 1967; Labov 1972; Hopper 1982; Fleischman 1990; Thelin 1990; Gvozdanović 1991; Schiffrin 1994). В середине 1990-х гг. Г. Филдер, тематически продолжая работы (Lindstedt 1985; Chvany 1988; Desclés, Guentschéva 1992) по функциям видо-временных форм в пространстве текста, поставила проблему маркирования при помощи эвиденциалов основных элементов дискурса и текстов на балканославянских языках (см. прежде всего ее работы Fielder 1995; 1997; 1998; 1999b); в наших работах (Марцев 2009г; Makartsev 2010) мы обращались как к албанскому, так и к болгарскому фольклорному материалу. Описание употреблений эвиденциалов *sub specie* структуры текста/дискурса позволяет найти объяснение многим феноменам, которые нельзя объяснить, если рассматривать только отдельные синтагмы. В главах 4–5 мы обратимся к таким случаям: прежде всего будет рассмотрено место эвиденциальности в структуре дискурса, затем классификация повествовательных регистров, из которых будет рассмотрено два: пресса и фольклор. В конце четвертой главы будет описан «ретроспективный» взгляд современных носителей языка на фольклор и функционирование в нём эвиденциальности.

Коснемся некоторых проблем, связанных с источниками настоящей работы. Наверное, одним из наиболее активно развивающихся в последнее время лингвистических инструментов являются **языковые корпусы**. Болгарский, македонский и албанский языки в этом отношении представлены неравномерно. До самого последнего

времени болгарский был единственным языком, для которого существуют общедоступные электронные языковые корпуса в Интернете. Сейчас там размещено шесть электронных корпусов болгарского языка: Национальный корпус болгарского языка (НКБЯ); корпус болгарской разговорной речи (создан К. Алексовой; в настоящий момент входит как составная часть в разрабатываемую на кафедре болгарского языка факультета славянской филологии СУ им. Св. Климента Охридского базу данных по болгарской разговорной речи); корпус болгарского разговорного языка 70-х годов XX века (Ц. Николова); корпус текстов дебатов в болгарском парламенте (И. Мавродиева); записи болгарских чатов (М. Джонова). Перечисленные корпуса, кроме национального, имеют слишком маленький объем (в каждом из них менее 50 000 словоупотреблений) и имеют узкую направленность, и поэтому не были использованы в настоящей работе. НКБЯ разрабатывается в Лаборатории лингвистического моделирования Института параллельной обработки информации Болгарской академии наук. На начало 2012 года корпус включает в себя три большие части: болгарский корпус Brown (4,8 миллиона словоупотреблений); корпус болгарских письменных текстов (29,2 миллиона словоупотреблений); корпус текстов, опубликованных на болгарском языке в 1945–2009 гг. (285 миллионов словоупотреблений). На настоящий момент возможен поиск как в каждой из частей корпуса, так и во всем корпусе; запрос можно ограничить определенным жанром и видом текстов. Можно также указать грамматические характеристики слов (применимо только к синтетическим формам). При запросе можно задать без грамматических параметров от одного слова до фрагмента фразы, или от одного до двух слов с грамматическими параметрами, а также задать поиск коллокаций.

Сбор и обработка материала по болгарскому корпусу были проведены в 2009 г., когда из Болгарского национального корпуса был доступен только болгарский корпус Brown, в который тогда входил значительно меньший объем информации. Там, где материал, появившийся впоследствии, дает новую информацию для нашего исследования, мы используем его со специальным комментарием; там, где новой информации нет, мы оперируем данными на 2009 г., никак это дополнительно не комментируя.

Незадолго до того, как эта книга была передана в издательство, сотрудники ИЛИ РАН и СПбГУ (Санкт-Петербург) запустили

албанский национальный корпус. Его устройство не отличается в значительной мере от болгарского национального корпуса (что объясняется схожими задачами), но его объем во много раз меньше (пока что корпус находится в стадии разработки и тестирования) — на момент передачи книги в издательство в корпус были включены 9 художественных произведений (романы и повести) и 6 не-художественных произведений (работы по истории Албании, труды деятелей Албанской партии труда). Точный объем корпуса в описании не указан, но по включенным в него произведениям можно понять, что до достижения относительной полноты ему еще предстоит развиваться. Этот корпус был использован для проверки результатов, полученных на албанском материале.

Поскольку работа над книгой была начата в 2006 г., когда из всех корпусов был доступен только болгарский ВС, да и то не в полном объеме, для анализа языка художественной литературы нами было создано **три электронных коллекции текстов** — болгарская, македонская и албанская (далее — БТ, МТ и АТ). Объем БТ (1878 г. — наше время) — 806 750 словоупотреблений. Объем МТ (середина XX века — наше время) — 224 750 словоупотреблений. Объем АТ (середина XX века — наше время) — 398 700 словоупотреблений. В основу коллекций положены существующие в Интернете электронные библиотеки. На настоящее время наиболее полно там представлен именно болгарский язык. Названия произведений, вошедших в БТ, МТ и АТ, приводятся в конце книги. Анализ проводился на всём материале коллекций, однако из соображений места пришлось ограничиться наиболее показательными примерами.

Основой для анализа функционирования категории эвиденциальности в аспекте балканской модели мира был выбран один **фольклорный сюжет** — «Приход мертвого брата». Его «обобщенный вариант, приблизительно соответствующий теоретико-множественному произведению всех вариантов» можно представить в следующем виде: «у матери 9 (чаще всего) сыновей и 1 дочь. Братья, или один из них, против воли матери отдают сестру замуж на чужбину. Они обещают матери по первой ее просьбе привести сестру обратно. После ухода сестры все братья умирают от болезни или погибают на войне. Оставшись одна, мать требует у братьев исполнения обещания. Один из братьев (редко все) встает из могилы и идет за сестрой. На обратном пути сестра по некоторым признакам (одежда брата

в пыли и плесени, он отказывается пить и есть) или по указанию птиц («мертвый ведет живую») прозревает или начинает подозревать правду, но брат разубеждает ее. Перед домом он оставляет сестру одну, а сам возвращается в могилу. Сестра стучит в дверь. Мать не узнает ее и не выпускает. Сестре удается уговорить мать, та открывает дверь, выходит, они обнимаются и падают мертвыми или превращаются в птиц» (Цивьян 1973: 85). Ср. изложение сюжета в: Шишманов 1896: 474–475; Burkhart 1966: 113–114; Aраpi 2007: 12–13.

Этот сюжет раскрывает значимые элементы балканской модели мира и содержит отсылки к целым комплексам архетипических мифопоэтических представлений (система кодов модели мира и переход между ними; смена знака в базовых оппозициях; оператор превращений в «зловещих знаках» и под.). Кроме того, он представлен большим количеством текстов во всех значимых балканских традициях, вплоть до того, что в некоторых случаях можно говорить об одном тексте в разных языковых воплощениях: это позволяет верифицировать наши выводы на большом количестве материала. Анализ проводился на материале 61 болгарской, 13 македонских и 13 албанских песен (см. четвертую главу).

Для проверки выявленных на фольклорном материале правил и тенденций было решено провести лингвистический эксперимент. Перед нами стояла задача проверить, можно ли получить от носителей стандартизованных языков тексты с ожидаемыми характеристиками. Вариант, на котором мы остановились — перевод фольклорного текста на современный язык через язык-посредник. В качестве образца был взят прозаический текст «Баллады о мертвом брате» на албанском языке, записанный в г. Орхание (совр. Ботевград, Р. Болгария) К. Шапкаревым от информантки родом из Крушево (сейчас в Р. Македония). К. Шапкарев перевел его на болгарский литературный язык своего времени (Шапкарев 1894: 525–27). Мы перевели этот текст на английский, итальянский и русский и затем предложили носителям болгарского, македонского и албанского языков (албанцам предлагался также сербский перевод) для обратного перевода на их родные языки. Более подробно исходные предпосылки, ход и результаты эксперимента описаны в конце четвертой главы.

Значительное количество материала для настоящей работы было получено из языка СМИ. СМИ — это средство воздействия на аудиторию, что ярко отражается в их языке (упомянем только несколько

сборников по теме, где есть и основная библиография вопроса: van Dijk 1986; van Dijk 1988; Kolstø 2009). Использование прямых/косвенных эвиденциалов (по модели «это не я говорю, что X» → «это не мы (инклюзивно) говорим, что X» → «мы говорим, что не-X»; возможен и вариант без негации) дает в руки журналисту прекрасный инструмент воздействия, а в руки исследователю — объект исследования, анализ которого позволяет выделить на основе стратегии воздействия компоненты значения эвиденциалов. В пятой главе книги рассматриваются три таких случая: анализ начинается с использования эвиденциалов в официальной газете Болгарской коммунистической партии «Работническо дело» (с 4.04.1990 — газета «Дума») в сообщениях из СССР и стран СНГ и Балтии в конце 1980-х — начале 1990-х гг., продолжается изложением описанных В. Фридманом тенденций употребления албанского (ад)миратива (= инвертированного перфекта с апокопированным причастием, или косвенных эвиденциалов) в информационных бюллетенях албанского Информационного центра Косова (Qendra për Informim e Kosovës) в 1994–2000 гг. и оканчивается проблемой функционирования косвенных эвиденциалов и перфекта в македонско-албанском двуязычном политическом дискурсе. Этот вид дискурса, насколько нам известно, еще не рассматривался на материале балканских языков. Современные македонские СМИ предлагают достаточное количество материала по этой теме: после Охридских соглашений 2001 г. количество и доступность албаноязычных СМИ стали расти. С марта 2006 г. начало свою работу двуязычное телевидение ALSAT-M. Большинство программ на этом канале выходят на двух языках: на албанском и македонском. Аудиоряд, в силу своей линейности, возможен только на одном из двух языков, но это компенсируется субтитрами или выпусками одной программы в двух языковых вариантах в разное время (например, вечерний блок новостей). Среди передач канала важное место занимает жанр политического ток-шоу, с различным количеством собеседников: от двух (журналист и приглашенный гость) — «Со здравје шишање/Me shëndet qethja» до пяти-шести (два журналиста, один из которых албанец, а другой македонец, и гости) — «Еурофокус/Eurofokus». Достаточно распространены ситуации, когда журналист задает вопрос на одном языке, а гость отвечает на другом. При помощи синхронного перевода гости общаются друг с другом, говоря каждый на своем языке. Приглашаемые в студию македонцы, как

правило, монолингвы (с точки зрения возможной ситуации македонско-албанского двуязычия; сложно оценить степень их владения иностранными языками, другими языками Македонии или, наряду с литературным языком, диалектом). Албанцы, как правило, билингвы, поэтому они не нуждаются в переводе, однако официальный статус разговора и его доступность широкой аудитории (в том числе и албанской) влияют на их выбор албанского языка как основного в студии.

Двуязычие становится нормой и для других македонских СМИ. Не последнюю роль в этом играет возможность быстрого и дешевого/бесплатного распространения материала. Так, видеоматериалы на двух языках (оригинальное аудио + перевод в виде титров) на общедоступном видеохостинге YouTube.com размещает радио «Free Europe».

Поскольку эвиденциальность — одна из «ярких» категорий, непосредственно связанных с процессом коммуникации (как уже говорилось, в болгарском и македонском в разговоре о событиях прошлого говорящему почти нельзя избежать указания на свой (не)свидетельский статус), а ее происхождение многие исследователи ищут в «ситуации языковых контактов, вызывающей усложнение акта коммуникации» (Цивьян 1990: 154; см. также Демина 1970; 1973а; 1973б; Асенова 2004; Levin-Steinmann 2004; Ницолова 2007; Fici 2008), плодотворным представляется рассмотрение ситуации языкового контакта на современном материале в ракурсе эвиденциальности. Интересно отметить, что в современных реалиях ток-студии можно наблюдать ситуацию многоязычного полилога, известную нам по описаниям Балкан до начала XX века²³.

²³ Заметим, что это во многом сохранилась и в наши дни, ср., например, языковую ситуацию у славян-мусульман Западной Македонии (использование албанского/македонского/турецкого языков иногда в рамках одной семьи); рынки славяно-албанского пограничья, в частности, вещевого рынка «Шулет» в Корче, на котором абсолютное большинство продавцов — из македонскоговорящей Преспы (Юго-Восточная Албания); опыт использования языков в ситуации «гибкой идентичности» у албанских вlahов-эмигрантов в Грецию и ре-эмигрантов из Греции в связи с кризисом.

ЧАСТЬ I

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ КОДЕ

1. Понятие и структура категории эвиденциальности

По вопросу о грамматическом статусе категории эвиденциальности (в том числе и в балканских языках) за прошедшие полторы сотни лет с начала ее изучения были высказаны самые разные точки зрения. Оставим в стороне следующие работы: те, где косвенные эвиденциалы определяются как особые формы времен (Kyriak-Cankof 1852; Dozon 1878; Frashëri 1886; Vasa 1887; Кепески 1946); где авторы сосредотачиваются на формах и их значениях, а не на определении их статуса с точки зрения грамматической структуры языка — “etic”, а не “emic” (Kristoforidi 1882; Meyer 1888; Pekmezi 1908; работы Р. П. Усиковой) и где определение статуса эвиденциальности носит компромиссный характер (Демина 1959; работы Ш. Демирая).

Оставшиеся работы могут быть сведены в две группы: те, которые рассматривают эвиденциальность как часть модальной системы (Шишков 1872; Xanoni 1909; Теодоров-Балан 1940; Маслов 1981; Эйнтрей 1982; Граматика 1983; Duchet, Përnaska 1996; Palmer 2001) и как самостоятельную глагольную категорию (возможно, входящую в более крупную гиперкатеорию — Трифионов 1905; Weigand 1907; Андрейчин 1944; Конески 1952; Jakobson 1957; работы В. А. Фридмана; Lafe 1975; Куцаров 1984; Герджиков 1984; Молошная 1995; Levin-Steinmann 2004; Aikhenvald 2004; Демина 2007; Ницолова 2007²⁴). Как правило, исследователей интересует, в какую традиционную категорию включить эвиденциальность, и меньший интерес вызывает вопрос о связи эвиденциальности с «нетрадиционными» категориями, которые стали пользоваться вниманием исследователей в последние десятилетия. На наш взгляд, важны оба направления анализа.

²⁴ Некоторые авторы включают в состав этой суперкатегории также модальность: Boye 2006, Palmer 2001; Wimer, Kampf (в печати).

Есть категории, которые постоянно упоминаются в контексте балканской эвиденциальности ((ад)миративность, эпистемичность, конклюдивность²⁵... — список потенциально открыт, ср. например выделение опплативности как одного из значений болгарских *л*-форм в Levin-Steinmann 2004 и форм славянского говора с. Бобоштицы в Юго-Восточной Албании — Courthiade 1993). Случайно ли это соседство?

Предложения объединить эвиденциальность с другими смежными категориями высказывались разными исследователями. Так, Г. Герджиков говорит о категории «модуса высказывания», в рамках которой он выделяет в современном болгарском языке на основании пересечения двух семантических сфер (субъективности / несубъективности и пересказанности/непересказанности) четыре способа передачи действия. Редуцированность парадигмы косвенных эвиденциалов по сравнению с соответствующей парадигмой прямых эвиденциалов объясняется через принцип компенсации: для устранения избыточности семантических противопоставлений устраняется противопоставление относительных/абсолютных времен. Наличие/отсутствие связки в третьем лице принимается в качестве формального средства для разграничения «конклюдивных форм» (типа *четял е*) и «пересказывательных (репортативных) форм» (типа *четял*). Представление об общей категории, которая объединила бы формы, которые по мнению Г. Герджикова передают прямую эвиденциальность, конклюдивность, репортативность и дубитативность, дает следующая таблица (в Герджиков 1984: 24–31 приводятся и другие схемы, которые позволяют представить категорию наглядно)²⁶.

Семантическая область Категория	Формы			
	удовери- тельные (прямая эвид.) <i>четеше</i>	умозаключи- тельные (конклюдивность) <i>четял е</i>	пересказыва- тельные (репортативность) <i>четял</i>	недоверчивые (дубитативность) <i>четял бил</i>
Пересказанность	—	—	+	+
Субъективность	—	+	—	+

В свою очередь, Р. Ницолова предлагает «постулировать одну глагольную гиперкатегорию — *информация говорящего о передаваемой им информации*, в которую вошли бы модальность, (ад)миративность и эпистемическая модальность» (Ницолова 2007: 113).

²⁵ Наше понимание терминов будет раскрыто дальше.

²⁶ Для удобства мы включили в эту таблицу свои термины.

Мы считаем, что в приложении к албанскому и балканославянским языкам наиболее подходящей интерпретацией связи между этими категориями является точка зрения Ж. Лазара и З. Генчевой: (ад)миративность (и эпистемичность) находится вне семантической зоны эвиденциальности, однако может быть объединена с ней в рамках более общей категории. Термин, предложенный Ж. Лазаром для этой категории — *médiation* ‘опосредование’ прочно укоренился во французской лингвистике, в то же время в работах нефранцузских исследователей он практически не используется. Но еще в 1952 г. Г. Лант предложил термин *distance* ‘дистанция’ для описания репортативных и перфектных значений македонских *л*-форм (Lunt 1952). На этом термине, вернее, на его русском переводе «дистанцирование» мы и остановимся. Как мы планируем показать во второй главе, этот термин отвечает значениям болгарских, македонских и албанских эвиденциалов. В то же время, как мы покажем в дальнейших главах, у дистанцирования говорящего от передаваемой им информации есть и другие измерения (нарративная перспектива, использование для маркирования точек текста в рамках семиотических оппозиций) — таким образом, эта семантическая категория имеет измерения не только на уровне системы языка, но и на уровне дискурса, текста и модели мира. О категориях эвиденциальности, эпистемичности и (ад)миративности мы будем говорить, таким образом, как о частных случаях категории дистанции, а кроме того — как о прежде всего семантических категориях, которые могут иметь свои грамматические воплощения²⁷.

Принимая этот термин и рассматривая разные виды эвиденциальности, эпистемичность и адмиративность как частные случаи категории дистанцирования, мы не утверждаем, что такой подход был

²⁷ Об (ад)миративности (как о частном случае дистанцирования) Ж. Лазар пишет: «Миравитивность, таким образом, представлена как семантическая категория. Оставим философам выяснение статуса семантических, т. е. понятийных категорий в отрыве от их лингвистического воплощения. Что же до лингвистов, то им следует заниматься грамматическими (и лексическими) категориями, которые даны им в виде ассоциации обозначаемого и обозначающего» (Lazar 1999: 105). Позволим себе, впрочем, указать, что возможные семантические категории, которые стоят за конкретными лингвистическими воплощениями (медиативность, миравитивность и др.), сам Лазар выделяет.

бы плодотворным для всех без исключения языков мира. По всей видимости, стремление объединить в рамках одной категории широкий спектр значений связано с тем влиянием, которое материал оказывает на своего исследователя; в языках с малым количеством формально маркируемых оппозиций в эвиденциальной системе, к которым принадлежат и балканские языки, один формальный показатель «отвечает» сразу за несколько значений («бинарные системы с высокой степенью полисемии эвиденциальных показателей» — Плунгян 2011: 347). В то же время в языках с разветвленной системой эвиденциального маркирования возможны и самые разнообразные виды связи эвиденциальных, эпистемических и адмиративных значений, в том числе и такие случаи, когда перечисленные значения выражаются средствами совершенно независимых систем. Однако предложенный подход, на наш взгляд, позволяет более удобно оперировать фактами балканских языков, и потому имеет право на применение.

1.1. Эвиденциальность в кругу других грамматических категорий

Эвиденциальность и модальность

Проблема связи эвиденциальности и модальности — одна из основных в истории описания болгарской, македонской и албанской эвиденциальности, но и в международной лингвистике по этому поводу также состоялась достаточно продолжительная дискуссия (см. обобщающие работы de Naan 1999; de Naan 2001b: 201–216; Palmer 2001; Aikhenvald 2004: 106–111, 257–267; Boye 2006; Plungian 2010; Lindstedt 2010; Плунгян 2011; Wimer, Kampf (в печати))²⁸.

Говоря о связи модальности с эвиденциальностью, имеют в виду прежде всего эпистемичность, то есть оценку достоверности информации. Чаще всего говорят об «эпистемической модальности», тем не менее, мы бы назвали ее более осторожно — «эпистемичность», так как считаем, что ее отношение к зоне модальности неочевидно.

²⁸ См. также одну из последних работ по балтийской модальности, где поддерживается тезис о том, что эвиденциальность нельзя рассматривать как наклонение: Holvoet 2007.

Мы подробно рассмотрим вопрос о связи эвиденциальности и эпистемичности в следующем параграфе, а здесь хотели бы рассмотреть другие неиндикативные модальности.

Очевидно, что в теориях, которые включают эвиденциальность в семантическую зону модальности, и в теориях, которые рассматривают их отдельно или вообще не говорят об эвиденциальности при анализе модальности, понятие «модальность» имеет разный объем. Это было показано, например, А. Левин-Штайнманн, которая сравнила определения модальности, данные болгарскими учеными, поддерживавшими точку зрения Л. Андрейчина о существовании так называемого «пересказывательного наклонения» в болгарском языке, и определения, данные русскими учеными, которые не рассматривали эвиденциальность в связи с модальностью (Levin-Steinmann 1999; 2004). В вопросе о грамматическом статусе эвиденциальности не последнюю роль сыграл разноречивый в терминологии. Так, множество определений категории наклонения, применимых к болгарскому языку, в сущности, сводится к двум:

1. «Наклонение есть отношение действия к действительности с точки зрения говорящего» (впервые у В. В. Виноградова в Виноградов 1947: 587; далее в разных формулировках в работах: Якобсон 1972: 101; Бондарко 1990; Караулов 1997 и др.);
2. Наклонение есть отношение говорящего к действию (*отношение-то на говорещото лице към действието*, как формулирует этот тезис, не разделяя его, И. Куцаров — Куцаров 2007: 280, там же приводится болгарская библиография)²⁹.

В. А. Плунгян усматривает в зоне модальности два компонента: отношение говорящего к ситуации, или *оценка*, и статус ситуации по отношению к реальности, или *ирреалис*. Полемика между представителями перечисленных точек зрения на сущность категории наклонения сводится к тому, какой из компонентов считать главным.

²⁹ То есть, из определения модальности/наклонения исключается связь с реальностью, на что обращает внимание А. Левин-Штайнманн (Levin-Steinmann 1999: 153). Об этом же пишет Е. И. Демина, критикуя позицию А. Теодорова-Балана: эвиденциальность нельзя рассматривать как модальность: тогда будет потеряно общее основание для определения категории модальности (ср. признак «отношение действия к действительности» для императива и конъюнктива и «источник информации» для эвиденциальности) (Демина 1959: 358).

При этом ни от того, ни от другого компонента отказаться нельзя, и приходится считать модальность двухполюсной категорией (Плунгян 2009).

Подпадает ли под такое понимание модальности балканская эвиденциальность? В семантике эвиденциальности не заложена информация об отношении ситуации к действительности (как мы уже говорили, проверка высказывания на предмет истинности/ложности не производится), и поэтому она с одинаковым успехом может описывать как реально осуществляющиеся (осуществленные) события, так и ситуации, которые реально не осуществляются / не осуществлены. В семантике эвиденциальности не заложена информация и об оценке говорящим действия. Следовательно, эвиденциальность не подпадает под понятие модальности.

Помимо несоответствия общему определению модальности, в балканских языках есть и более частные препятствия к тому, чтобы считать эвиденциальность модальностью, в частности:

1. Эвиденциальность маркирует не только изъявительное наклонение. В болгарском языке есть косвенные эвиденциалы императива/ конъюнктива и опатива, в македонском — для императива/ конъюнктива, в албанском — для конъюнктива и кондиционала. Если принять, что эвиденциальность — наклонение, то окажется, что одно наклонение может образовывать формы других наклонений (или, что существуют формы, принадлежащие сразу нескольким наклонениям).
2. В албанском языке есть специальные маркеры отрицания: два для изъявительного наклонения (*s'/nuk*) и один для всех остальных наклонений и для причастных форм (*mos*)³⁰, о чём ниже. Косвенные эвиденциалы изъявительного наклонения употребляются с изъявительными маркерами, а косвенные эвиденциалы конъюнктива — с маркером *mos*. Следовательно, в албанском языке эвиденциальность «изменяется по наклонениям».

Ф. де Хаан (de Naan 1999: 3) перечисляет несколько аргументов (относящихся, впрочем, только к разграничению эвиденциальности и эпистемичности): эвиденциальность и эпистемичность различаются семантически (первая относится к источнику информации,

³⁰ Рассмотрение прочих албанских маркеров отрицания (*jo*, *as*) для решения данной проблемы неактуально.

а вторая — к отношению говорящего к информации); синтаксически (в языках с грамматикализованной эвиденциальностью эвиденциальность и эпистемичность требуют разных маркеров отрицания — как в албанском) и по происхождению (часто эвиденциальные морфемы отличаются по происхождению от эпистемических).

То, что многие авторы в качестве гиперкатегории для эвиденциальности выбрали именно модальность, имеет следующие объективные предпосылки:

1) А. Айхенвальд объясняет частое включение эвиденциальности в модальность с точки зрения типологии: примеры из редких языков в лингвистических работах, посвященных эвиденциальности, часто переводятся на английский при помощи эпистемических маркеров, подразумевающих их модальную интерпретацию (таких; как *probably* ‘возможно’) (Aikhenvald 2004: 7);

2) в некоторых языках эвиденциальные показатели восходят к модальным показателям. Из языков, находящихся ближе всего к средневропейскому стандарту, можно вспомнить германские, в которых в качестве эвиденциальной стратегии используются формы конъюнктива (немецкий) или модальные глаголы (английский, голландский, немецкий), или французский, в котором эвиденциальной стратегией может быть кондиционал (так называемый *conditionnel de l'information incertaine* или *conditionnel de la rumeur*) — собственно, это те языки, на которых появляется значительная часть литературы по эвиденциальности;

3) в ментальном пространстве зоны эвиденциальности и модальности находятся рядом, как свидетельствуют ментальные карты Л. Андерсона (Anderson 1986).

Обратим внимание, что во всех перечисленных случаях речь идет о близости двух категорий, о проблеме перевода, общем происхождении их показателей, но никак не о их тождестве. На наш взгляд, рассмотрение эвиденциальности как наклонения так или иначе является попыткой втиснуть редкую для европейских языков глагольную категорию в прокрустово ложе традиционной грамматики³¹.

³¹ Как указывает В.А. Плулган, при том что эвиденциальность и модальность, бесспорно, являются совершенно разными категориями, нельзя отрицать и связи, которая существует между ними. В частности, по мнению В.А. Плулгана, эвиденциальное значение конклюдивности (он называет ее *презумптивностью*)

Таким образом, наиболее непротиворечивой представляется точка зрения, высказанная впервые в болгарской традиции Й. Трифоновым (Трифонов 1905), в македонской — Б. Конеским (Конески 1967; первое издание — 1952–1954), а в албанской — Э. Лафе (Lafe 1975): эвиденциальность имеет статус самостоятельной грамматической категории. Соответственно, в настоящей работе принимается следующий подход: эвиденциальность не есть модальная категория (так как оппозиция между прямыми и косвенными эвиденциалами допускается в рамках неиндикативных наклонений), а в балканских языках, наравне с формами, которые могут выражать прямую или косвенную эвиденциальность (а могут иметь и другое значение, например эпистемическое, или вовсе указывать на эмоциональное состояние говорящего), также существуют нейтральные в отношении эвиденциальности формы, как, например, настоящее и будущее время в болгарском и македонском языках. В этих языках противопоставление по эвиденциальности (прямая/косвенная) существует только в сфере прошедшего времени (соответственно, аорист \wedge имперфект vs. *л*-формы). В плане настоящего *л*-формы (в которых на первый план выходит значение эпистемичности) противопоставляются нейтральным формам настоящего времени. То же самое происходит в плане будущего. Рассмотрим этот вопрос подробнее, обращая внимание на то, как связаны между собой в семантике форм эвиденциальность и эпистемичность.

Эвиденциальность и эпистемичность

Как уже было сказано, мы занимаем осторожную позицию по поводу статуса эпистемичности. Несмотря на то, что большинство авторов склоняется к определению эпистемичности как модальной категории, как нам кажется, если применить к ней критерии, использованные нами в прошлом параграфе для категории эвиденциальности, статус эпистемичности по отношению к модальности следовало бы определить по-новому. Если мы разделяем

не является ничем иным, как выражением эпистемической необходимости события, т. е. его следует включить в модальную область (Плунгян 2011: 366). Этот факт и многочисленные случаи, когда эвиденциальные показатели используются как модальные, а модальные — как эвиденциальные стратегии, дают, по мнению В. А. Плунгяна, возможность считать по крайней мере некоторые эвиденциальные системы (среди них и те, что относятся к «балканскому типу») «модализованными».

виноградовское определение модальности как «отношения действия к действительности с точки зрения говорящего», то эпистемичность, безусловно, будет под него подпадать. В то же время, вновь укажем на возможность образования косвенных эвиденциалов неиндикативных наклонений в болгарском, македонском и албанском: если для изъявительного наклонения у косвенных эвиденциалов основным значением может являться эвиденциальное (косвенная эвиденциальность — прежде всего для прошедших времен), то, скажем, в семантике болгарского синтетического кондиционала эпистемичность занимает место наравне с эвиденциальностью. Строго говоря, если бы не авторитетная традиция, которая связывает *л*-формы в первую очередь с эвиденциальностью, а не с эпистемичностью, то мы бы с самого начала называли *л*-формы и формы на *-в/-ш/-х-* (а также соответствующие формы в македонском) эпистемическими, а не Ev^- , поскольку эпистемичность гораздо шире представлена в их парадигме, чем эвиденциальность или (ад)миративность.

В табл. 1.1 показано, каким образом происходит переплетение эпистемичности и эвиденциальности в балканославянских языках (в таблице отмечены только формы третьего лица единственного и множественного числа без вспомогательного глагола).

Таблица 1.1. Эвиденциальность и эпистемичность в болгарских и македонских формах Ev^-/Ev^+ (3Sg+3pl, Aux⁻)

	PrAET	PrAES	FUT	IMPER-SUBJ
Ev^+	$Ev^+ \setminus Ep^+$ болг.: <i>писа, писаха;</i> <i>пишеш, пишеха</i> макед.: <i>пиша, пишаа;</i> <i>пишеш, пишеа</i>	0	0	0
$Ev^- \text{Aux}^-$	$Ev^- + Ep^-$ болг.: <i>писал, писали;</i> <i>пишел, пишели</i> макед.: <i>пишал, пишале;</i> <i>пишел, пишеле</i>	$Ep^- \setminus Ev^-$ болг.: <i>пишел, пишели</i> макед.: <i>пишел, пишеле</i>	Ep^- болг.: <i>щял да пише, щели да пишат</i> макед.: <i>ке пишел, ке пишеле</i>	$Emot^+$ болг.: <i>да е пишел, да са пишели; да е писал, да са писали</i> макед.: <i>да пишел, да пишеле; да пишал, да пишале;</i>
NEUT	0	$Ev^0 + Ep^0$ болг.: <i>пише, пишат</i> макед.: <i>пише, пишат</i>	$Ev^0 + Ep^0$ болг.: <i>ще пише, ще пишат</i> макед.: <i>ке пише, ке пишат</i>	$Ev^0 + Ep^0$ болг.: <i>да пише, да пишат</i> макед.: <i>да пише, да пишат</i>

Приведенные в таблице формы большинство исследователей ассоциирует с эвиденциальностью; для форм $Ev^- .Aux^+$ (*l*-форм со вспомогательным глаголом в третьем лице) эвиденциальная семантика может отрицаться вовсе, как это происходит в поздних работах Л. Андрейчина, а формы 1–2 SG и PL употребляются в эвиденциальном/эпистемическом значении гораздо реже, чем формы 3 лица по вполне понятным причинам. Однако, как показано в таблице, среди них нет ни одной чисто эвиденциальной формы: в лучшем случае это одно из значений, обусловленных контекстом ($PRAET.Ev^+$; $PRAES.Ev^-$), а есть и случаи, когда одна форма объединяет эвиденциальное и эпистемическое значение ($PRAET.Ev^-$) или имеет чисто эпистемическое значение ($FUT.Ev^-$). Такое распределение характерно и для македонского языка.

Для болгарского и македонского языков можно говорить о параметрах, которые обуславливают большую степень эпистемически отрицательной оценки форм. Это $PRAET^0 \rightarrow PRAES^+ \rightarrow FUT^{++}$ (индекс показывает степень усиления признака — нулевую, среднюю и высокую); $3SG/PL^0 \rightarrow 2SG/PL^+ \rightarrow 1SG/PL^{++}$. Возможно, что об усилении эпистемически отрицательной оценки косвенных эвиденциалов по сравнению с индикативом можно говорить и в неиндикативных наклонениях.

В албанском языке ситуация несколько отличается, поскольку основным значением форм, основанных на инвертированном перфекте с апокопированным причастием (= косвенных эвиденциалов), является выражение эмоций говорящего, а эвиденциальность и эпистемичность возникают как вторичные значения.

Т. Гивон назвал эвиденциальность простой разновидностью эпистемичности (Givón 1982; см. также с некоторыми оговорками работу Palmer 2001), а Дж. Байби с соавторами трактуют эвиденциальность и эпистемичность как категории, связанные между собой, но не более того (Bybee et al. 1994: 180). Показательны в этом отношении работы В. Фридмана. Основной его тезис был сформулирован следующим образом: оппозиция между прямыми и косвенными эвиденциалами маркирует не «источник информации или засвидетельствованность, но скорее отношение говорящего» (Friedman 1986: 185), из чего следует, что такие термины, как эвиденциальность или инференциальность не описывают рассматриваемое явление во всей полноте. Термины, которые он предлагает использовать вслед за Г. Аронсоном (Aronson 1967: 87, см. в Friedman 2001: 1) — конфирмативность/

неконфирмативность (confirmative/non-confirmative). Он экстраполирует на македонский язык тезис Аронсона о том, что в болгарском в оппозиции по прямой/косвенной эвиденциальности прямые эвиденциалы маркированы как несущие в себе личное подтверждение говорящим сообщаемой информации (Aronson 1967: 87), что в дальнейшем позволит ему прийти к сопоставлению балканославянских языков и албанского по признаку маркированности одного из членов оппозиции (в албанском языке маркированы косвенные эвиденциалы) (Фридман 1980: 125–126). Таким образом, по Фридману, балканские косвенные эвиденциалы следует рассматривать не как эвиденциальные, но как эпистемические формы. Всё же, при значительности веса эпистемического компонента в их семантике, нельзя забывать об их эвиденциальных функциях, и здесь наиболее соответствующей балканскому материалу следует признать точку зрения Ф. де Хаана, который разграничивает понятия эвиденциальности и эпистемичности на семантическом уровне, но не разделяет их целиком. По его мнению, эвиденциальность указывает на наличие свидетельства для некоторой информации, а эпистемичность оценивает степень достоверности этого свидетельства с точки зрения говорящего (ср. de Haan 1999). Объединяет их то, что обе категории оперируют понятием свидетельства, хотя и используют его по-разному³². Собственно, этим и объясняется использование эвиденциалов для передачи эпистемических значений, как это происходит в балканских языках. Обе категории могут передаваться при помощи косвенных эвиденциалов в зависимости от ряда факторов, например контекста. В некоторых случаях оказывается невозможным разделить эвиденциальность и эпистемичность, например во многих контекстах с косвенными эвиденциалами. Особые болгарские формы для эпистемической оценки действия как недостоверного (дубитатив, напр., *Той бил пишел нов роман* 'Он якобы пишет новый роман') построены на базе косвенных эвиденциалов, хотя значение незасвидетельствованности для них неактуально. Многие лексические маркеры (например, болг. *уж*, макед. *џоа*, албанск. *gjoja* и др.) имеют и эвиденциальные, и эпистемические значения. Поэтому, даже если в центре нашего внимания находится эвиденциальность, иногда для правильной интерпретации необходимо взглянуть на сообщаемую информацию с точки зрения ее оценки

³² Ф. де Хаан сравнивает это со взаимоотношениями времени и вида.

говорящим (что и приводит нас к эпистемичности). Эпистемичность является бинарной категорией, однако в балканском контексте наиболее актуальным является ее отрицательный полюс — дубитативность, который связывается с косвенными эвиденциалами.

Ключевым термином в анализе И. Мушин (Mushin 2001) является эпистемическая позиция (*epistemological stance*) — технический термин, введенный для анализа эвиденциальных систем. Эпистемическая позиция говорящего определяется как оценка говорящим способа получения информации. Это инструмент для того, чтобы избежать смещения объективного способа получения информации (эвиденциальность) и субъективной оценки говорящим этого способа (эпистемическая позиция) в случае несоответствия источника информации и использованных эвиденциалов. И. Мушин приводит примеры из кечуа, в которых говорящий использует прямые эвиденциалы, говоря о событиях, свидетелем которых он не был. Как мы увидим далее, это может происходить и в балканских языках. На эпистемическую позицию говорящего наряду с источником информации оказывают влияние такие факторы, как дискурсивный контекст и языковая традиция.

По нашему мнению, введение дополнительной эпистемической позиции — это попытка представить изначально субъективную категорию как объективную, которая субъективизируется говорящим. Такой подход имеет право на существование, однако здесь мы сталкиваемся с проблемой связи языка и действительности. В речи действительность представлена субъективно, поскольку субъективен говорящий, порождающий речь. Субъективна и сама категория эвиденциальности. Однако описание ее использования не изменится от того, будем ли мы выделять внутри нее объективное основание и субъективную интерпретацию, или будем рассматривать ее как субъективную *par excellence* категорию. Мы склоняемся ко второму варианту.

В последнее время дискуссия о связи эвиденциальности и эпистемичности продолжается. Так, уже когда настоящая книга готовилась к печати, мы познакомились с работой Б. Вимера и В. Кампф (Wiemer, Kampf (in print)) «On conditions instantiating tip effects of epistemic and evidential meanings in Bulgarian»³³, в которой делается

³³ Это можно было бы перевести на русский как «К вопросу об условиях, обуславливающих попеременную актуализацию эвиденциального/эпистемического компонента в болгарском языке».

опыт разделения эвиденциального и эпистемического значения у болгарских лексических маркеров. Авторы проводят разделение между основным (эвиденциальным) значением и эпистемическим потенциалом маркеров, который может реализовываться в определенных дискурсных ситуациях. Конечно, разговор о значениях конкретных маркеров нельзя вести, не договорившись прежде о том, какие бывают значения и как они связаны между собой на концептуальном уровне. Б. Вимер и В. Кампф, продолжая идеи, высказанные в работах Boye 2006 и Palmer 2001, предлагают рассматривать эвиденциальность и эпистемичность как отдельные категории, которые, впрочем, можно объединить в рамках общей категории *пропозиционной модальности*.

В настоящей работе мы исходим из следующей точки зрения: эвиденциальность и эпистемичность являются отдельными грамматическими категориями; определение их связи на концептуальном уровне является задачей философии языка и не играет существенной роли при описании *hard data*. В то же время в балканославянских и албанских формах, которые мы называем эвиденциалами, эвиденциальные и эпистемические значения пересекаются.

Эвиденциальность и (ад)миративность

В болгарском и македонском (ад)миративное значение передают *л*-формы, т. е. те формы, которые в этих языках связываются прежде всего с косвенной эвиденциальностью. Это не уникальный случай — типологически выражение (ад)миративного значения при помощи косвенных эвиденциалов достаточно распространено (Aikhenvald 2004: 195–215). В то же время обратная ситуация (выражение косвенной эвиденциальности при помощи показателей (ад)миратива) неизвестна (Aikhenvald 2004: 207; Lazard 1999).

Выражение эмоциональной реакции говорящего — первое и самое яркое значение албанского «адмиратива». Именно оно привлекло к себе внимание первых исследователей албанского языка и надолго стало единственным значением, выделяемым у этих форм. Впрочем, со значением, которое в современной лингвистической литературе называется (ад)миративным (изменить предложенный О. Дозоном термин *admirative* ‘формы восхищения’ на «пустой» с точки зрения семантики термин *mirative* предложил С. Дилэнси (DeLancey 1997), совершенно справедливо утверждая,

что с *admiration* ‘восхищение’ у этой категории мало общего, а скорее имеет смысл говорить о выражении непосредственной реакции говорящего на новую для него информацию — *unprepared mind* ‘неподготовленность’).

Грамматическое значение (ад)миратива, насколько нам известно, первым описывает О. Дозон в своем учебнике албанского языка (Dozon 1878: 226), в сноске ссылаясь на К. Кристофориди³⁴, хотя первая книга Кристофориди, в которой упоминается соответствующая форма (инвертированный перфект с апокопированным причастием), вышла в 1882 г. (Kristoforidi 1882). Поэтому сложно определить чье-либо первенство в этом вопросе. Отметим, что это и первое описание значения албанского инвертированного перфекта, и первое описание грамматической категории (ад)миратива в лингвистической литературе. О. Дозон пишет о таких формах, как *kuënkam*, *kuëнкеçe* (совр. лит. албанск. *qenkam*, *qenkëshe*), а также о *patkam*, *patkeçe* (совр. лит. албанск. *paskam*, *paskëshe*), называя их «вторыми формами перфекта и плюсквамперфекта», «сложными временами адмиратива» (Dozon 1878: 226). Для К. Кристофориди речь идет о формах «неожиданности» (*áπροσδόγητοι*) у индикатива, конъюнктива и оптатива без указания на то, составляют ли эти формы отдельное наклонение или какую-либо иную категорию (Kristoforidi 1882). Таким образом, в первых албанских грамматических описаниях инвертированному перфекту не приписывается никакого категориального значения.

После работ О. Дозона и К. Кристофориди довольно быстро появляется несколько работ, в которых упоминается албанский инвертированный перфект. Так, С. Фрашëри и П. Васа говорят о формах инвертированного перфекта с апокопированным причастием как о дополнительных временных формах (Frashëri 1886; Vasa 1887). Г. Майер (Meuer 1888: 45) определяет их как «перифрастические формы времен и наклонений». Дж. Пекмези (Pekmezi 1908: 81, 197–199) не говорит о месте инвертированного перфекта в грамматической системе, а дает только его формы и описывает значение. А. Дзано-ни (Xanoni 1909: 91) считает инвертированный перфект особым

³⁴ «Кристофориди дает этим формам название *áπροσδόγητοι*, формы для выражения неожиданности, непредвиденности» («Kristoforidi les désigne par l'épithète de *áπροσδόγητοι*, inopinés, inattendus»).

наклонением, при этом выделяя у форм, построенных на его основе, только настоящее время. Формы типа *t'kenkshëm unë* (ИМПФ.СОНJ.ЕВ-, лит. албанск. *të qenkësha*) он одним из первых выделяет в качестве особого наклонения. В «Gramatika shqyre» он пишет, что это наклонение выражает предположение, удивление или суждение (*domethanje, hamendë, gjykim* — Ханони 1909: 91). После Конгресса в Люшне 1920 г. с некоторыми оговорками до настоящего времени в албанских грамматиках используется только термин *mënyra habitore* 'наклонение удивления'. Первым, кто выделял репортативную семантику у албанского инвертированного перфекта, был В. Фидлер (Fiedler 1968: 368), впрочем, по его мнению, репортативная семантика албанских форм основывается на (ад)миративной («выражение удивления говорящего или иного лица по поводу высказывания... выражение удивления какого-либо человека или выражение “общего удивления” по поводу высказывания»).

(Ад)миративность и эвиденциальность рассматривались вместе во многих работах. Приведем выборку мнений некоторых из наиболее авторитетных исследователей, которые, как несложно заметить, полностью противоречат друг другу:

- репортативное значение вторично по отношению к (ад)миративному — Fiedler 1968 vs. (ад)миративное значение исторически возникло на основе репортативного — Сытов 1979 vs. (ад)миративное значение возникло на основе конклюдива — Алексова 2003;
- (ад)миративное и репортативное значения входят в единый семантический комплекс со значением «неочевидности» (т.е. эвиденциальный — Сытов 1979) vs. значение албанских форм — неподтвердительность (т.е. эпистемическое — В. Фридман));
- (ад)миративность и репортативность входят в рамки более общей категории (опосредованность — Guentchéva 1996; дистанция — Lunt 1952; Slobin, Aksu 1982).

С эвиденциальностью (ад)миративность объединяет и быстрый рост свидетельств о данной категории в различных языках (албанский, болгарский, македонский, армянский, иранские языки, индийские языки, тюркские языки, кавказские и картвельские языки и многие другие языковые группы — подробнее см. Aikhenvald 2004: 195–215). Были предложены и описания, согласно которым эвиденциальность и (ад)миративность входят в рамки более общей категории

/ имеют общее семантическое основание (дистанцию — Slobin, Aksu 1982; *médiation* ‘опосредование’ — Lazard 1999; многочисленные работы З. Генчевой), о чём ниже. Точно так же, как и в случае с эвиденциальностью, признанию (ад)миратива в качестве самостоятельной грамматической категории в международной лингвистике (для (ад)миратива межевым камнем, подобным работе Р. Якобсона 1957 г., стала статья DeLancey 1997) предшествовал долгий процесс описания его выражения в отдельных языках, в случае балканских языков связанный с практическими задачами составления грамматики и обучения государственному языку в учебных заведениях.

В то же время если признание эвиденциальности произошло относительно быстро («казалось, открытия этой категории все только и ждали» — Плунгян 2004: 10): в 1911 Ф. Боас предлагает термин, в 1957 Р. Якобсон использует его в описании русского глагола, определяя эвиденциальность как самостоятельную семантическую категорию, после чего количество работ, посвященных эвиденциальности, стало увеличиваться экспоненциально, то в случае (ад)миратива термин был предложен еще в 1878 г., а как самостоятельная эта грамматическая категория была признана более чем через столетие — только в 1997 г.

Не последнюю роль в этом сыграло то, что во многих языках для выражения (ад)миратива используются показатели эвиденциальности (вслед за термином «эвиденциальные стратегии», предложенным А. Айхенвальд, можно было бы ввести термин «адмиративные стратегии», и одно из первых мест в ряду таких стратегий заняла бы эвиденциальность). А. Айхенвальд предлагает три возможных модели процесса возникновения (ад)миративных значений у косвенных эвиденциалов: (1) отсутствие неопосредованной информации > не-участие говорящего и отсутствие контроля > неподготовленность (*unprepared mind*) и новое знание > миративное прочтение; (2) отстранение говорящего от участия в действии > эффект дистанцирования > представление информации как новой, неожиданной и оттого «удивительной»; (3) отложенная реализация: говорящий видит или узнает о результате, но интерпретирует его спустя какое-то время > новое понимание результата неожиданно и потому «удивительно» (Aikhenvald 2004: 208–209).

Данные модели представлены в разных языках в разном объеме. Мы же отметим, что во всех трех моделях важное место занимает

дистанцирование/остранение говорящего: или через отсутствие непосредственной информации и, соответственно, контроля (модель 1), или через самоотстранение от участия в действии (модель 2), или в качестве временной дистанции между получением знания и его осознанием (модель 3), что поддерживает тезис о существовании единой семантической категории дистанции.

В. А. Плуноян считает, что «связь между миративностью и эвиденциальностью не прямая, а опосредованная: миративный эффект возникает, как правило, в бинарных эвиденциальных системах, где показатели непрямого доступа уже имеют сильную модальную окраску. Значение неожиданности, скорее всего, возникает как дальнейшее развитие значения эпистемической недоверности, а не непосредственно из эвиденциальных значений; но существенно, что все эти значения входят в единый медиативный кластер в языках с эвиденциальностью "балканского типа"» (Плуноян 2011: 368).

Отметим также другое возможное объяснение того, почему косвенная эвиденциальность и (ад)миративность могут выражаться одними и теми же формами. Мы уже упоминали о том, что для предложений с косвенными эвиденциалами проверка на истинность/ложность высказывания не проводится; таким образом, значение таких предложений как бы балансирует на некотором пороге, сразу за которым открываются расходящиеся пути в различные возможные миры (кот Шрёдингера окажется или живым, или мертвым, но пока оба его состояния равновероятны). (Ад)миратив же указывает на то, что говорящий неожиданно для себя узнает некоторый факт: это можно представить как переход из мира, который представлялся единственно верным, в другой возможный мир через точку их разделения («мы думали, что кот Шрёдингера мертв, но он оказался^{-(Ad)mir} живым»). И для косвенной эвиденциальности, и для (ад)миративности таким образом особую важность приобретает точка бифуркации возможных миров: косвенная эвиденциальность останавливает парсирование высказывания перед этой точкой; (ад)миративность показывает ментальный возврат к этой точке и переход в другой возможный мир.

Общеизвестно, что многомерное пространство грамматических категорий имеет свои представления в разных языках, и если в одном языке две семантические категории кодируются при помощи одной

граммемы, то в других языках ситуация может отличаться (см, напр., Lazard 1999). Отметим, впрочем, что распределение значений в балканских языках в целом соответствует семантическим категориям, выделяемым Лазаром — формальные различия между (ад)миративом и репортативом сводятся к минимуму, как в болгарском, или вовсе отсутствуют, как в македонском и албанском, в то же время на первый план в семантике соответствующих форм выходит то репортатив (болгарский и македонский), то (ад)миратив (албанский — но только в виде контекстуально обусловленного значения более широкого выражения эмоций).

Эвиденциальность и ирреалис

Сказанное об истории интереса к (ад)миративу в международной лингвистике во многом применимо и к ирреалису. Ирреалис имеет давнюю традицию использования в «частных лингвистиках» — прежде всего в исследованиях по индейским языкам Америки и по австралийским языкам. Однако рассмотрение ирреалиса не выходило за рамки соответствующих исследовательских традиций. В. А. Плунгян в своем предисловии к большому сборнику «Исследования по теории грамматики 3. Ирреалис и ирреальность» (Плунгян 2004) говорит о двух основных пониманиях ирреалиса в современной лингвистической литературе. Во-первых, это может быть грамматическая категория, характеризующая ситуацию как имеющую/имевшую место в реальном мире (этот полюс категории часто называют реалисом), или как не имеющую / не имевшую места в реальном мире (собственно ирреалис). Второе понимание ирреалиса более широко и близко тому, что мы бы определили как семантическую категорию: в этом случае речь идет об ирреальной семантике, применимой к «непринадлежащим к реальному миру» ситуациям. В. Плунгян (как и другие авторы упомянутого сборника) предпочитает в первом случае говорить об *ирреалисе*, а во втором об *ирреальности*, вводя таким образом разграничение между грамматической и семантической категориями.

Грамматические показатели ирреальности в разных языках могут маркировать «семантические зоны деонтической, эпистемической, волитивной, локутивной и условной модальности, будущего, прошедшего, эвиденциальности, отрицания и т. п.» (Плунгян 2004: 16), т. е., по большому счету, всё, что расходится со *здесь и сейчас* говорящего.

Эвиденциальные стратегии на основе ирреалиса не являются типологической редкостью. А. Айхенвальд предлагает следующую модель развития эвиденциальной семантики на основе неиндикативных модальностей (к которым она относит и ирреалис): нереальное/потенциальное событие > предположение / дедуктивный вывод, за который говорящий не может поручиться > разнообразные значения из зоны косвенной эвиденциальности с дополнительными эпистемическими обертонами (Aikhenvald 2004: 110). То есть ирреалис может связываться с эвиденциальностью через эпистемичность. Близость ирреальности к косвенной эвиденциальности предполагает, что оппозиция по реальности/нереальности соответствует делению эвиденциальности на прямую/косвенную, что позволяет перебросить лингвистический мостик от эвиденциальности к системе базовых оппозиций модели мира, которые, как мы планируем показать далее, исключительно важны для интерпретации функционирования эвиденциальности в балканском тексте.

Эвиденциальность и субъективность

Одной из исходных точек в разговоре об эвиденциальности становится ее субъективность. Если бы мы трактовали эвиденциальность как объективную категорию, при помощи которой говорящий объективно показывает наличие/отсутствие источника информации, следовало бы ожидать, что таким образом можно будет объяснить все случаи использования эвиденциалов (за вычетом (ад)миративных употреблений и случаев, когда эвиденциальность омонимична перфекту). В то же время в реальности ситуация значительно расходится с такими ожиданиями. Даже если мы добавим эпистемический (сам по себе субъективный) и (ад)миративный (в балканославянских языках — прежде всего удивление перед новой информацией, в албанском — эмоциональная реакция на информацию) компоненты, наша модель по-прежнему не будет объяснять ста процентов случаев. Выход из положения можно найти, только если рассматривать эвиденциальность как субъективную категорию.

В самом деле, если статус свидетеля/не-свидетеля действия — объективен, то к зоне субъективности принадлежат такие релевантные для выбора эвиденциала признаки, как определение включенности/невключенности информации в личный фонд знаний

говорящего и степень дистанцирования от нее (или от ее источника). Вместе с эпистемическим и (ад)миративным компонентом (которые в случае балканских языков, напомним, включены в семантику эвиденциалов), эти два признака задают принципиальную субъективность эвиденциалов.

Этой субъективности обязаны своим появлением такие многочисленные феномены, как связь эвиденциальности и вежливости; связь предпочитаемых эвиденциалов (прямых/косвенных) с полом говорящего; возможность лгать, применяя некорректные эвиденциалы, и многие другие явления³⁵.

На наш взгляд, из возможности субъективного использования эвиденциальности проистекает ее связь с прагматическими категориями. Субъективная эвиденциальность становится шире указания на источник знания и превращается в средство маркирования как в рамках изолированных фрагментов текста, так и на уровне всего текста / в пространстве дискурса. О маркировании элементов структуры текста/дискурса мы будем говорить далее, пока же отметим возможность маркирования при помощи эвиденциальности в рамках отдельных синтагм. Здесь речь идет прежде всего о фокусе. В монографии А. Айхенвальд есть указания на использование эвиденциальных показателей в качестве фокусных в кечуа (показатель прямой эвиденциальности при одном из членов предложения указывает также на фокус; в случае фокально немаркированной

³⁵ Связь эвиденциальности и вежливости известна на материале многих языков. А. Айхенвальд перечисляет японский, кечуа и шипибо-конибо, но как кажется, эта черта должна быть распространена на гораздо большее количество языков. Например, в болгарском невежливо использовать *л*-формы без вспомогательного глагола в третьем лице при передаче информации, полученной от собеседника, по всей видимости, из-за их возможного (но необязательного) эпистемического компонента. Связь предпочитаемых эвиденциальных форм и пола говорящего проявляется в частоте предпочитаемых эвиденциальных показателей. Так, в саларском (тюркские языки) женщины чаще, чем мужчины, используют несвидетельские формы, что связано с жанрами предпочитаемых текстов (мужчины чаще рассказывают случаи из истории или легенды, «которые они, по всей видимости, воспринимают как реальные, прямые и основанные на надежной информации», а женщины — сказки; *впрочем, при изменении обычного репертуара частотные различия остаются*: Dwyer 2000: 57).

конструкции показатель прямой эвиденциальности присоединяется к первой составляющей). Мы считаем, что использование эвиденциальности для выделения одного из членов предложения — явление одного плана с функционированием пространства для маркирования в рамках текста, а восходят эти две функции к такой прагматической функции эвиденциальности, как управление вниманием слушающего.

Среди субъективных категорий языка наиболее тесно связана с эвиденциальностью семантическая категория авторской позиции (*stance*), которая стала разрабатываться в лингвистической науке в конце 1980-х, начиная с работ Д. Байбера и Э. Финнегана (Biber, Finnegan 1988; 1989). Категория авторской позиции определяется как «явное выражение отношения, чувств, суждений или ответственности автора или говорящего за сообщение» (Biber, Finnegan 1988:1)³⁶. Она включает в себя как эвиденциальность, так и чувства говорящего по поводу сообщения, а также эпистемическую оценку (Biber, Finnegan 1989: 93–94). Как нетрудно заметить, категория авторской позиции шире категории эвиденциальности и включает в себя целый ряд явлений, обычно исключаемых из сферы эвиденциальности, например *Я надеюсь, что... Я рад, что... По моему мнению...* и др. При анализе некоторых лексических маркеров важно будет обращаться именно к категории авторской позиции, например, в случае болгарского и македонского *според* в конструкциях типа *според мене...* ‘по моему мнению’; *според него* ‘по его мнению’. Мы предполагаем (хотя определение статуса эвиденциальности по отношению к категории авторской позиции и не входит в задачи настоящей работы), что на семантическом уровне категория эвиденциальности включается в категорию дистанцирования (*mediation*), а та, в свою очередь, включается в категорию авторской позиции. Отметим, что не случайна своего рода языковая память — в английском названии категории *stance* этимологически также заложена идея нахождения в определенной точке пространства, ср. также слова Лютера *Hier stehe ich und ich kann nicht anders* «Здесь я стою и не могу иначе»: позиция в пространстве (связанная с *hic* говорящего) является метафорой мнения; метафорическое дистанцирование в пространстве указывает на неприятие мнения.

³⁶ “By stance we mean the overt expression of an author’s or speaker’s attitudes, feelings, judgments, or commitment concerning the message.”

1.2. Структура категории эвиденциальности

Семантическая зона эвиденциальности делится по внутренним дифференциальным признакам. Это предмет давней дискуссии — граница эвиденциальности неожиданно становится проницаемой, и то, что одни авторы включают в зону эвиденциальности, например эпистемическую модальность, другие из нее исключают. Соответственно, в разных классификациях разные грамматические субкатегории то подпадают под категорию эвиденциальности, то выводятся из нее и противопоставляются ей.

Первым опытом типологического описания эвиденциальных систем, по-видимому, следует считать статью Т. Гивона (Givón 1982), в которой сравниваются языки киньяруанда (банту), шерпа (тибето-бирманский) и юте (шошотская ветвь юто-ацтекских языков). Впрочем, Гивон в этой работе лишь приступает к созданию типологического аппарата для описания эвиденциальности: в ней сравниваются только три языка, а предлагаемая система описания эвиденциальности позже подверглась значительным уточнениям в работах других исследователей. Т. Уиллетт (Willett 1988) сравнивает 38 языков, принадлежащих к разным семьям и группам. Его классификация выделяет три типа свидетельства (*“types of evidence”*): *direct* ‘прямое’ (отождествляемое с ‘засвидетельствованным’ *attested*, в которое входит визуальное, слуховое и иное сенсорное восприятие), ‘репортативное’ (*reported*, в рамках которого выделяются несколько видов пересказа) и ‘конклюдивное’ (*inferring*, в котором выделяются свидетельство по результатам и свидетельство на основании причинно-следственной связи — *results vs. reasoning*)³⁷.

В основу систематизации А. Айхенвальд лег количественный принцип: количество семантических параметров эвиденциальности

³⁷ В англоязычных исследованиях по эвиденциальности обычно используется термин *inferential* (Auwera, Plugjan 1998; Palmer 2001; Aikhenvald 2004). В русскоязычных исследованиях этот термин часто транслитерируется (*инференциал* — Хелимский 1994; Кузнецова, Усенкова 2006) или частично калькируется (*инферентив* — Плунгян 2009). В то же время отечественной болгаристике известен и другой термин — *конклюдив* (начиная с работ Е. И. Деминой, см. напр. Демина 1974). Он был принят и болгарской традицией (в частности, его используют И. Куцаров, Р. Ницолова). В настоящей книге мы используем термины «конклюдивность» (для грамматической категории), «конклюдив» (для форм, передающих эту категорию).

**Таблица 1.2. Количество семантических параметров в языке
(по Aikhenvald 2004: xxiv)**

Количество параметров	Индекс	Набор семантических параметров	Перевод
2	A1	Firsthand and Non-firsthand	Первичная и непервичная информация
	A2	Non-firsthand versus 'everything else'	Непервичная информация vs. «всё остальное»
	A3	Reported (or 'hearsay') versus 'everything else'	Репортативность vs. «всё остальное»
	A4	Sensory evidence and Reported (or 'hearsay')	Сенсорность vs. репортативность
	A5	Auditory (acquired through hearing) versus 'everything else'	Аудитивность vs. «всё остальное»
3	B1	Direct (or Visual), Inferred, Reported	Визуальность, конклюдентность, репортативность
	B2	Visual, Non-visual sensory, Inferred	Визуальность, не визуальная сенсорность, инференциальность
	B3	Visual, Non-visual sensory, Reported	Визуальность, не визуальная сенсорность, репортативность
	B4	Non-visual sensory, Inferred, Reported	Не визуальная сенсорность, конклюдентность, репортативность
	B5	Reported, quotative, and 'everything else'	Репортативность, цитативность и «всё остальное»
4	C1	Visual, Non-visual sensory, Inferred, Reported	Визуальность, не визуальная сенсорность, конклюдентность, репортативность
	C2	Direct (or Visual), Inferred, Assumed, Reported	Визуальность, конклюдентность, презумптивность, репортативность
	C3	Direct, Inferred, Reported, Quotative	Визуальность, конклюдентность, репортативность, цитативность
5	D1	Visual, Non-visual sensory, Inferred, Assumed, and Reported	Визуальность, не визуальная сенсорность, конклюдентность, презумптивность, репортативность

в языке (т. е., сколько эвиденциальных значений имеют специальные грамматические показатели).

Балканославянские языки, по мнению А. Айхенвальд, относятся к типу А1, в котором грамматически разграничиваются только первичная и непервичная информация. К этому состоянию они пришли от А2 (непервичная информация vs. 'иное'), изначально же эвиденциальность была в них не особой грамматической категорией, а стратегией (Там же: 40, со ссылкой на Friedman 2003: 212).

Албанский язык в этой классификации относится к типу A2 (непервичная информация vs. ‘иное’) (Aikhenvald 2004: 288)³⁸.

В. А. Плунгян является автором двух систематизаций эвиденциальных значений (Plungian 2001 и Плунгян 2011), из которых мы остановимся на второй, поскольку она уточняет предыдущие положения автора и учитывает материал, появившийся за истекшие с момента первой публикации десять лет.

В качестве определяющего для семантики эвиденциальности он рассматривает не источник информации, а способ доступа к информации: «понятие доступа делает несколько больший акцент на способе восприятия ситуации, чем на чисто эпистемической стороне проблемы» (Плунгян 2011: 338 — отметим, что это позволяет избежать отождествления объективного способа получения информации и того, как это субъективно интерпретирует говорящий):

- «Прямой/личный доступ (= *attested, witnessed, firsthand, confirmative*):
 - партиципнтные/ эндофорические; <Общее знание> ;
 - визуальные (с подтипами);
 - не-визуальные (= сенсорные).
- Непрямой/личный доступ:
 - инферентивные (основанные на наблюдаемых результатах);
 - презумптивные (основанные на общих рассуждениях); <Общее знание>.
- Непрямой/неличный доступ (= *secondhand*):
 - репортативные (с подтипами)»
 (Плунгян 2011: 357).

На основе этой классификации значений автор предлагает классификацию типов эвиденциальных систем:

- «Тернарные системы (“базовые”):
 - прямая засвидетельствованность / инферентив³⁹/ репортатив (тип кечуа);
- Бинарные системы (“генерализованные”):
 - медиативный показатель широкой семантики (балканский тип) или репортативный показатель;

³⁸ См. также опыт применения разных систем классификации эвиденциальных значений к романскому материалу в Squartini 2001.

³⁹ Т.е. конклюдив.

- NB: Модифицированные бинарные системы (например, с двумя показателями медиативного типа) vs. “настоящие” тернарные или сложные системы;
- Сложные системы (“расширенные”):
 - с более детальными различиями или дополнительными параметрами, как например эндофорические, партиципантные, презумптивные показатели, показатели “общих истин” и т. п.» (Плунгян 2011: 362)

Как видно, балканские системы эвиденциальности в классификации В. А. Плунгяна принадлежат к «бинарным»/«генерализованным», поскольку грамматические эвиденциальные показатели в них имеют достаточно широкую семантику. Во второй главе («Грамматические маркеры эвиденциальности в балканских языках») будет показано, каким образом в семантике маркера совмещаются разные значения (как эвиденциальные, так и временные, эпистемические и адмиративные). Представляется, что такая систематизация позволяет избежать многих недостатков, связанных с количественным перечислением семантических маркеров (ср. классификацию А. Айхенвальд) или выделением эвиденциальных значений *ad hoc*. Из этой систематизации исходим в настоящей книге и мы.

Возникновение в балканских языках грамматикализованной эвиденциальности привело к тому, что существовавшие до этого глагольные парадигмы включились в новую систему оппозиций: унаследованные от более ранних стадий развития языка: в болгарском и македонском бывшие аорист и имперфект стали обозначать *прямую эвиденциальность*, а *л*-формы и подобные им, возникшие на основе перфекта⁴⁰, стали передавать *косвенную эвиденциальность* (в частности, *репортативность*), а также *эпистемическую модальность*, *конклюзивность* и (*ад*)*миративность*. В албанском нет прямых эвиденциалов. Новые парадигмы (инвертированный перфект с апокопированным причастием и построенные по похожей модели формы) стали передавать *косвенную эвиденциальность*.

В настоящей работе мы предпочитаем говорить о *значениях* авторской позиции (*stance*), (*ад*)миративности, дубитативности,

⁴⁰ Здесь мы не будем обсуждать вопрос, входил ли перфект в староалбанском и старославянском языках в систему индикатива.

имперцептивности, конклюдивности, репортативности, а не о соответствующих *категориях*. При этом в семантическую зону эвиденциальности включаются имперцептивность, конклюдивность и репортативность. Дубитативность находится на периферии категории, а (ад)миративность и категория авторской позиции — за ее пределами.

Приложение I. К проблеме типологической классификации болгарской эвиденциальной системы

Современная типология оперирует большими объемами информации из разных языков. Типологическая выборка не ограничивается теми языками, которые знает исследователь. В этом случае приходится полагаться на информацию, полученную из вторичных источников. Поэтому особенно важной становится первоначальная обработка информации.

Две из приведенных классификаций (Т. Уиллетта и А. Айхенвальд) интересны тем, что в них представлен один из балканских языков — болгарский, при этом представлен совершенно по-разному (А. Айхенвальд упоминает также албанский, но здесь мы ограничимся болгарским).

По мнению Т. Уиллетта, болгарский язык выделяет все три основные «типа свидетельства (прямое, пересказанное, конклюдивное), но не выделяет подтипы (т.е. в рамках прямого свидетельства есть только один вид форм, а дальнейшее деление на визуальные/аудитивные/другие сенсорные формы не проводится). Т. Уиллетт использует материал В. Фридмана (Friedman 1986). В то же время, согласно классификации А. Айхенвальд, болгарский язык относится к типу А1 (первичная vs. непервичная информация) (Aikhenvald 2004: 288), то есть к языкам, где разграничиваются не три, а два ряда маркированных форм, а нейтральные формы отсутствуют (Там же, 40). Примечательно, что А. Айхенвальд также опирается на материалы В. Фридмана, хотя и опубликованные в другой его работе (Friedman 2003: 190).

Кажется странным, что один и тот же язык помещен в разные ячейки классификации, при этом на основе одинакового материала. Мы считаем, что проблемы в описании эвиденциальности в болгарском языке возникают из-за того, что она тесно связана с ТАМ-парадигмами глаголов, а также с эпистемичностью и (ад)

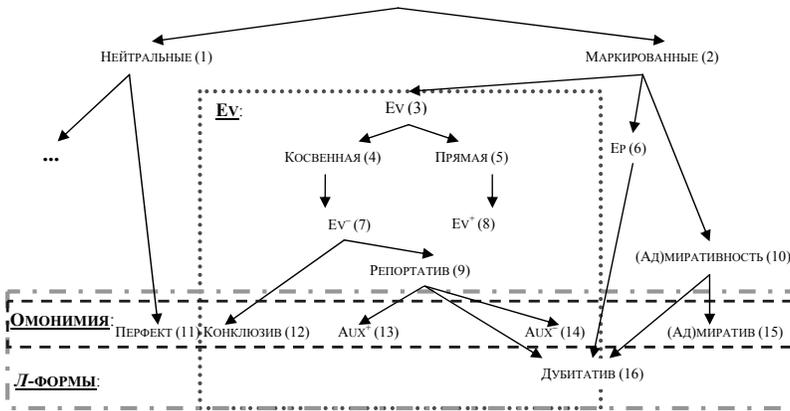

Схема 1.1. Эвиденциальная система болгарского языка:

пунктир из точек — категория эвиденциальности; *пунктир из тире* — (полу)омонимичные формы перфекта, конклюдива, простого репортатива и простого (ад)миратива, различающиеся (по версии академической грамматики) употреблением копулы в третьем лице; только *конечные узлы* схемы представлены в языке в виде грамматических форм; *промежуточные узлы* существуют только как семантические категории. Ev — категория эвиденциальности. Ep — эпистемическая модальность. Aux⁺ — формы со вспомогательным глаголом в третьем лице; Aux⁻ — формы без вспомогательного глагола в третьем лице

миративностью. На первый взгляд система похожа на запутанный клубок, в котором любая нить может привести куда угодно, любая форма — обозначать что угодно. В то же время любой, кто изучал болгарский язык как иностранный и имел возможность общаться на нём с носителями, может вспомнить, как часто они поправляли его ошибки, относящиеся именно к этой области: несмотря на кажущуюся многозначность, эта система работает по достаточно строгим правилам.

Представим эвиденциальную систему болгарского языка в плане прошедшего времени в виде схемы, с указанием смежных категорий эпистемической модальности и (ад)миративности (схема 1.1).

Если мы сконцентрируемся только на тех глагольных категориях, которые отличают болгарский язык от остальных славянских, не считая македонского, то мы увидим, что сложности здесь возникают из-за пересечения нескольких категорий.

Среди них мы находим эвиденциальность, эпистемическую модальность и (ад)миративность. Некоторые значения мы уже

иллюстрировали (выше в тексте этой главы и во введении), поэтому просто ставим на них ссылку с номером.

В эвиденциальной системе болгарского языка разграничиваются следующие семантические параметры: визуальность (см. пример 0.6 из введения), репортативность (0.5), конклюдивность (0.9). Визуальность позволяет маркировать информацию как засвидетельствованную лично (см. пример 0.6) или же вошедшую в личный фонд знаний говорящего (предложение 1.1 может сказать любой человек, в том числе и тот, кто родился после 1945 и о Второй мировой войне узнал из воспоминаний родственников, учебников истории, прессы, кинематографа, телевизионных программ):

Болгарский

1.1. <i>Втората световна война</i>	завърш-и	през	1945 г.
Вторая мировая война	закончиться-Аор	в	1945 г.
Вторая мировая война закончилась в 1945 г.			

Репортативность маркирует информацию, которую говорящий получил с чужих слов (пример 0.5 из введения). Формы *репортатива* имеют сложноуловимый оттенок дистанцирования (используя их, говорящий как бы снимает с себя ответственность за достоверность сообщаемой информации). То есть, в семантике этих форм помимо эвиденциального компонента присутствует и эпистемический. Чтобы избежать указания на дистанцирование от передаваемой информации, используются похожие формы, в которых вспомогательный глагол в третьем лице не опускается (ср. пример 0.9 из введения). Существует и третий вид репортатива, который в болгарской научной литературе называется «усиленным», или *дубитативом* и используется, чтобы показать, что говорящий сообщает информацию, которой он совершенно не доверяет (и которая вызывает у него сильную эмоциональную реакцию). Таким образом, в семантике этой формы пересекается сразу три категории: эвиденциальность, эпистемическая модальность и (ад)миративность. Она отличается регулярным использованием дополнительного вспомогательного глагола *бил* (более подробно мы рассмотрим эту форму дальше). *Конклюдив* (пример 0.8 из введения) передает информацию, которую говорящий получил путем логических рассуждений над доступными фактами.

Этот широкий спектр значений (прямые эвиденциалы, репортатив в двух видах, дубитатив, конклюдив, (ад)миратив) в болгарском

языке выражается весьма экономно. Если для прямых эвиденциалов существует своя парадигма (формы, восходящие к праславянским аористу и имперфекту), то *л*-формы являются по большому счету омонимичными друг другу. При этом конклюдив используется только со связкой, а перфект, репортатив и (ад)миратив в некоторых ситуациях используются со связкой, а в некоторых без связки. Репортатив со связкой указывает на меньшую дистанцию, которую говорящий занимает по отношению к сообщаемой им информации, а без связки — на большую.

Почти очевидный ответ на вопрос «Как же их разграничивать?» — «По контексту», как кажется, верен лишь отчасти. Безусловно, значения, передаваемые этими формами, разграничиваются по контексту, но существует ряд контекстов, которые допускают употребление только одной из форм.

Итак, в рамках категории эвиденциальности болгарский язык позволяет разграничивать три вида форм: формы для личного свидетельства (= прямые эвиденциалы), конклюдивные и репортативные (= косвенные эвиденциалы; потенциальная омонимия двух последних видов форм снимается только при помощи контекста). При этом в рамках репортатива существует оппозиция по степени дистанцированности от передаваемой информации, и есть также дубитатив, который совмещает в себе репортативное и (ад)миративное значения.

Как это можно описать с точки зрения типологии? При анализе выборки из 500 языков (например Aikhenvald 2004: xii) очень сложно, если вообще возможно, учесть нюансы каждого отдельного языка.

Мы считаем, что здесь на помощь может прийти противопоставление категорий описания и категорий сравнения (*descriptive categories* vs. *comparative concepts*), которому посвящена статья М. Хаспельмата (Haspelmath 2010). Категории описания принадлежат грамматикам отдельных языков (*emic*), категории сравнения принадлежат аппарату сравнительного языкознания (*etic*).

Приняв, что категории описания для каждого отдельного языка не обязательно должны совпадать с универсальными категориями сравнения, мы приходим к выводу, что есть ряд нюансов, которыми можно пренебречь в типологическом исследовании, чтобы они не скрывали за собой более общую картину. В приложении к болгарской эвиденциальности мы бы предложили такое решение проблемы: при подготовке типологических сэмплов отмечать, что, строго

говоря, болгарский язык разграничивает три вида эвиденциальности (прямая, репортативная и конклюдивная), но последние два вида передаются аллоформами одной формы. То есть отнесение болгарской эвиденциальной системы к типу А1 имеет под собой основание, но только если мы укажем, что, в зависимости от целей сэмплирования болгарскую систему можно рассматривать и как В1 (прямая эвиденциальность \wedge конклюдивность \wedge репортативность).

1.3. Виды эвиденциального маркирования

Во многих работах поднимается проблема «дефектности» балканославянских парадигм эвиденциальности, если сравнивать их, например, с парадигмами немаркированных форм. В подразделе «Эвиденциальность и эпистемичность» мы показали, что выбор между эвиденциальным и эпистемическим значением зависит от лица и от времени. Наиболее близкими к эпистемической нейтральности можно считать *л*-формы аориста и имперфекта 3sg/pl в повествовательных предложениях. Исключительно важно описание ограничений на использование *л*-форм (и соответственно, албанского инвертированного перфекта с апокопированным причастием), накладываемых структурой языка, сделанное В. Фридманом (Friedman 2003), поэтому мы будем часто ссылаться на эту работу.

Эвиденциальность и лицо

Зависимость эвиденциального значения от лица в языках разных систем описывается в монографии А. Айхенвальд⁴¹. Представляются интересными случаи, когда грамматическое маркирование эвиденциальности основано на конъюнктном/дизъюнктном маркировании: в языке цафики (барбакоанские языки) существует противопоставление говорящего/не-говорящего: на говорящего указывает специальный конъюнктивный маркер, который используется в повествовательных предложениях первого лица и в вопросительных местоимениях второго лица (это своего рода дейктический показатель говорящего). Для остальных ситуаций используется дизъюнктивный маркер. Однако в случае, когда дизъюнктивный маркер используется

⁴¹ См. также работы (Guentchéva, Donabedian, Maydan, Camus 1994; Wedel, Savova 1991).

для первого лица, это передает серию значений (отметим, чрезвычайно близких значениям балканославянских *л*-форм): удивление, дубитативность («иронический пересказ», как в русских конструкциях типа — *Ты X!* — *Это я-то X?*). В то же время конъюнктивный маркер, употребленный в предложении, относящемся к третьему лицу, указывает на прямую эвиденциальность: включенность информации в «личный фонд знаний» говорящего, что соответствует балканославянским прямым эвиденциалам.

Для балканских эвиденциальных систем актуально явление, которое А. Айхенвальд называет «эффект первого лица» (*first person effect*): «Как можно говорить о том, что я делал, используя маркер "непервичной информации" или "невизуальной" эвиденциальности? Именно тут эвиденциальное звучание приобретает дополнительные обертоны. Если "Я" — один из участников, то форма для выражения непервичной информации или невидуальной эвиденциальности может получить целый спектр дополнительных значений, связанных с тем, что участник "не присутствовал на месте событий в полной мере". Его действия интерпретируются как ненамеренные, то есть, говорящий как бы не мог полноценно контролировать или осознавать происходящее» (Aikhenvald 2004: 220). Это практически соответствует так называемому имперцептиву в болгарском и македонском языке: в рассказе о не вполне осознаваемом говорящим действии используются *л*-формы, совпадающие с репортативными:

1.2. След това неусетно съм заспа-л.

После этого незаметно ESSE.1SG заснуть-LPART

После этого я незаметно заснул.

Важной особенностью болгарской системы *л*-форм является противопоставление двух вариантов третьего лица (со вспомогательным глаголом, или *Aux*⁺, и без вспомогательного глагола, или *Aux*⁻) при том, что в первом и втором лице глагола употребление вспомогательного глагола обязательно (в македонском языке такого противопоставления не существует: в третьем лице *л*-форм вспомогательный глагол опускается всегда). Как мы покажем далее, противопоставление двух вариантов третьего лица болгарских *л*-форм передает ряд значений (эпистемическую оценку: соответственно, *Epist*⁺ vs. *Epist*⁻, нарративную перспективу: первый план vs. фон, эвиденциальные субкатегории: *CONCL* vs. *REPORT* и т.д.). Что касается первого и второго лица, то при отсутствии формального противопоставления нет

и основания для дополнительных оппозиций по нарративной перспективе, субкатегориям эвиденциальности и т. д.

Эффект первого лица снимает оппозицию по эпистемичности — любые косвенные эвиденциалы первого лица по определению имеют низкую эпистемическую оценку, соответственно, отпадает необходимость в градации по эпистемичности.

Тексты «от первого лица» и «о третьих лицах» обладают разной нарративной структурой и принадлежат к разным жанрам. Третье лицо часто связывается с исторической памятью общества и фольклорным нарративом. С третьим лицом связан легендарный эпос, исторические сказания, мифологические баллады, сказки, былички и многие другие тексты, подразумевающие устойчивую нарративную структуру, устойчивую ситуацию воспроизведения, фигуру хранителя традиции (*сказителя*) и слушателей. Переключение между формами Aux^+ и Aux^- в третьем лице создает эффект включения слушателя в ситуацию и исключения из нее и позволяет управлять его вниманием, с чем связаны многочисленные особенности нарративов «о третьих лицах» не только на Балканах, но и в языках совершенно разных регионов и систем.

От первого лица рассказываются в основном мемораты о собственной жизни. Формы первого лица являются шифтером в якобсоновском понимании — известно, что говорящий как бы «присваивает себе весь язык», а смена ролей в разговоре является и пусковым механизмом перераспределения значений у шифтерных категорий («я» становится «ты»), но в случае монологической речи происходит и еще один вид «присвоения»: личные воспоминания и размышления одного человека становятся собственностью многих. Включенность слушателя в ситуацию происходит через закрепление состояния шифтерных категорий на время рассказа и отождествление его с говорящим, то есть слушатель гораздо больше вовлечен в процесс порождения текста, чем в случае «текстов о третьих лицах».

Как пишет К. Алексова в исследовании, посвященном (ад)миративу в современном болгарском языке, «специфика (ад)миративных употреблений в трех лицах глагола не является результатом интрапарадигматической комбинации релевантных дифференциальных признаков в болгарском языке (т. е. это не синкатегориальное, конкатегориальное значение типа итеративности). Эта специфика употреблений

(ад)миратива имеет прагматический характер» (Алексова 2003: 204). То есть в отличие от многих привычных грамматических категорий средневропейского стандарта, (ад)миративное маркирование первого лица единственного числа и, допустим, третьего лица единственного числа не раскладывается на сумму значений $(AD)MIR + 1SG$, $(AD)MIR + 3SG$ (ср. это с $1SG.PRAET = 1SG + PRAET$; $3SG.PRAET = 3SG + PRAET$), а в значении формы обязательно будут появляться дополнительные семантические оттенки (эпистемичность, наличие/отсутствие «иронического» компонента и др.). Кажется, что «неконкатегориальность» в терминологии К. Алексовой присуща всем видам балканославянских *л*-форм: это и послужило причиной того, что эвиденциальность и связанные с ней категории оказались «крепким орешком» для соответствующих лингвистических традиций (прежде всего для болгарской, в которой количество мнений о категориальном статусе форм сопоставимо с количеством авторов, которые специально занимались этой темой).

Эвиденциальность, время и залог глагола

Описание связи эвиденциальности и эпистемической модальности обнажило помимо проблемы лица проблему времени. Выше мы предложили следующую модель эпистемического маркирования *л*-форм в балканославянских языках: $PRAET^0 \rightarrow PRAES^+ \rightarrow Fut^{++}$. Будущее время, как известно из грамматической типологии, достаточно часто относится к сфере ирреальности: в отличие от уже совершившихся действий в прошлом и действий, совершающихся в момент речи, будущее всегда неясно. В балканских (как и во многих других) языках ирреальность будущего времени находит свое выражение в использовании в качестве показателя будущего времени глагола желания (*VELLE*: болг. *ще*, макед. *ќе < хѣтѣти*; албанск. *do < dua* ‘хотеть’). Наложение ирреальной семантики на эвиденциальную вызывает эпистемический эффект недоверия, неприятия передаваемой информации.

От времени глагола зависит и набор форм, которые в балканославянских языках противопоставляются в рамках эвиденциальной системы. Здесь прошедшее время противопоставляется настоящему и будущему: в приведенной выше таблице показано, что если для прошедшего времени противопоставляются прямые и косвенные эвиденциалы, то в настоящем и будущем есть косвенные

эвиденциалы (EV⁻) и нейтральные по отношению к эвиденциальности формы (NEUT), и нет прямых эвиденциалов.

Не менее проблематично использование эвиденциального маркирования в настоящем времени: если мы передаем информацию о каких-то событиях в настоящем с чужих слов или на основе умозаключения, то акт сообщения/умозаключения уже произошел к настоящему моменту, т. е., относится к плану прошедшего. Таким образом, эвиденциальное маркирование настоящего времени содержит в себе скрытый элемент предшествования (ср. русские конструкции *А я и не знал, что...*). В. Фридман, в числе возможных интерпретаций (частичной) омонимии болгарского (ад)миратива и перфекта, пишет: «Можно сказать, что (ад)миратив — это использование перфекта (прошедшего неопределенного) в том случае, когда состояние или истинность утверждения начали существовать в плане прошедшего, причем говорящий не знал о них, и продолжают в плане настоящего, когда говорящий неожиданно узнает об этом и в результате говорит: *Аз не мислех, че било така, а сега виждам, че е така* ‘Я не думал, что это (было) так, а сейчас вижу, что это так’» (Friedman 1982: 66). В македонском (но и в болгарском) «с точки зрения временной системы, даже когда косвенные эвиденциалы имеют явное значение настоящего или будущего, они всегда несут в себе элемент отсылки к прошлому (*an element of past reference*)» (Friedman 2003: 206). Подтверждение этому В. Фридман находит при сравнении албанского и македонского переводов романа А. Константинова «Бай Ганю». См. один из наиболее показательных примеров:

1.3. *Ама,че си би-л прост човек*
 Ну,что ESSE.2SG ESSE-LPART недалеко человек
 Ну и недалеко же ты человек!

(Константинов 1970: 75).

Македонский

1.3а. *Амасу би-л прост човек*
 Ну ESSE.2SG ESSE-LPART недалеко человек

(Константинов 1967: 87).

Албанский

1.3б. *Ама, i humbur fare pas-ke qenë.*
 Ну MASC.SG.AGRCL глупый совсем НАБЕРЕ.PART-ESSE.2SG ESSE.PART.FLEX
 (Konstantinov 1975: 92).

Хотя албанский язык допускает использование на этом месте «адмиративной» формы настоящего времени (*qen-ke* = ESSE.PART-ESSE.3SG), в албанском переводе использована форма «адмиративного» перфекта — она передает «элемент, ссылающийся на прошлое». В. Фридман определяет такие соответствия, как «специальное использование форм прошедшего времени глаголов ‘быть’ и ‘иметь’, которые относятся к уже существовавшему, но неожиданному состоянию, обнаруженному в момент речи» (*pre-existent but unsuspected state discovered at the moment of speech*) (Friedman 1986: 184) и противопоставляет их албанским парадигмам «адмиратива» как контекстно обусловленное употребление. С этим В. Фридман связывает и тот факт, что в отличие от албанского, в македонском и болгарском языке нельзя использовать (ад)миративную форму для действий, начало которых совпадает с моментом речи, ср. 1.4. и 1.4а:

Болгарский/Македонский

1.4. *Бяга-л!/*Бега-л!
бежать-L_{PART}
Он бежит!

Албанский

1.4а *Vrapua-ka!*
бежать.PART-НАБЕРЕ.3SG
Он бежит!

Отметим, что в болгарском в «настоящем времени» (ад)миратива действительно используются в основном глаголы ‘быть’ и ‘иметь’, но в других временах (IMPF, AOR, PERF, PLSQ, FUT, FUT.PRAET) мы встречаем самые разнообразные глаголы (Алексова 2003: 117–127). И. Куцаров дает следующую статистику: 88 % употреблений (ад)миратива в болгарском приходятся на глагол *съм* ‘быть’, 11 % — на глагол *имам* ‘иметь’ и 11 % на все остальные глаголы, однако он не дает статистики по временам (Куцаров 1984: 69–70). В приводимых им примерах глаголы *съм* и *имам* относятся к «уже существовавшему, но неожиданно состоянию, обнаруженному в момент речи», так что даже нельзя сказать, соответствуют ли они грамматическому настоящему времени или имперфекту — в *л*-формах разница между ними снимается.

Если эвиденциальный/эпистемический статус болгарских и македонских *л*-форм зависит от времени глагола, то албанские формы на основе инвертированного перфекта сохраняют свое основное значение эмоциональной реакции в независимости от времени. При этом

в албанском не существует формы «адмиратива»⁴² аориста (*koha e kryer e thjeshtë*). В. Фридман связывает это с тем, что вспомогательные глаголы для образования «адмиратива» *kam* ‘иметь’ и *jam* ‘быть’, как правило, употребляются в имперфекте (в литературном языке есть и их аористные формы, но они используются редко; кроме того, аористные формы этих глаголов не встречаются во всех диалектах — Friedman 2003: 207; к сожалению, в диалектном атласе албанского языка — ADGJSh I — нет карты, посвященной аористным формам этих глаголов).

Впрочем, отсутствие аористной формы «адмиратива» в албанском языке успешно компенсируется «адмиративной» перфектной формой, таким образом, нельзя сказать, что здесь существует лакуна в области семантики. Это связано с тем, что в последнее время в албанском языке происходит экспансия перфекта в область, традиционно закрепленную за аористом. Подробнее об этом будет сказано во второй главе.

Проблема взаимоотношений эвиденциалов и времени затрагивает и проблему перфекта, который является источником для косвенных эвиденциалов в балканославянских языках и в албанском. Это приводит нас к проблеме происхождения форм, а также описания статуса перфекта по отношению к эвиденциалам, что мы рассмотрим в следующей главе.

Связям залога с эвиденциальностью в типологической литературе уделяется не так много внимания. А. Айхенвальд указывает на связь страдательного залога с результатом (Aikhenvald 2004: 116–117, там же см. ссылки на литературу по вопросу) и перечисляет языки, в которых эвиденциальные показатели связаны с пассивом. Коннотации результата у страдательного залога возникают из-за того, что «прототипический пассив предполагает акцент на субъекте предложения, подвергшегося пассивизации, а также на результате действия, т. е. на состоянии, в котором находится субъект». В балканских языках залог и эвиденциальность — две не связанных между собой категории; их маркеры могут совмещаться в одной словоформе. В болгарском и македонском существует несколько способов образования «не-действительного» залога: при помощи возвратной частицы *се* (*чете се* досл. ‘читается’) или сложной формы по модели

⁴² Если использовать устоявшийся в отечественной албанистике термин, который обозначает албанский инвертированный перфект с апокопированным причастием и образованные на его базе формы.

NPART + ESSE (*четен е* досл. ‘читаем/читан’) ⁴³, оба способа допускают образование косвенных эвиденциалов (соответственно, *пишел се* и *бил писан*). В то же время, в болгарском языке количество видов *л*-форм вида *бил съм писан* гораздо меньше, чем в действительном, из-за того, что в страдательном залоге снимается оппозиция между «нерезультативными» и «результативными» временами (Куцаров 1984: 53). Это накладывается на унификацию в *л*-формах вспомогательного глагола между временами, находящимися в плане одновременности и временами, находящимися по отношению к ним в плане предшествования (табл. 1.3).

Таблица 1.3. Болгарские косвенные эвиденциалы в системе страдательного залога ⁴⁴

«Нерезультативные»	«Результативные»	PASS	PASS.EV ⁻
IMPF <i>пишех, пишеше</i>	PLSQ <i>бях писал, беше писал</i>	<i>бях писан, беше писан</i>	<i>бил съм писан, бил (е) писан</i>
AOR <i>писах, писа</i>			
PRAES <i>пиша, пише</i>	PERF <i>писал съм, писал (е)</i>	<i>писан съм, писан е</i>	
FUT <i>ще пиша, ще пише</i>	FUT.ANT <i>ще съм писал, ще е писал</i>	<i>ще съм писан, ще е писан</i>	<i>щял съм да съм писан, щял (е) да е писан</i>
FUT.PRAET <i>щях да пиша, щеше да пише</i>	FUT.ANT.PRAET <i>щях да съм писал, щеше да е писал</i>	<i>щях да съм писан, щеше да е писан</i>	

⁴³ Здесь мы хотели бы абстрагироваться от дискуссии о количестве залогов в болгарском языке; так, Г. Герджиков относит эти формы к трем разным залогам: действительному (*чете*), возвратному (*чете се*), страдательному (*четен е*). Исчерпывающее описание взглядов на систему болгарского залога дает И. Куцаров (Куцаров 2007: 327–363). Сказанное в этом разделе о особенностях болгарских несвидетельских форм «не-действительного» залога можно распространить и на македонский. Впрочем, Б. Конески, наоборот, рассматривает формы типа *се прибира*, *се слушаат*, *ке се пери*, *се украла* и *беше убиен*, *е тепан* как «категории чисто синтактични» (Конески 1967: 381–382), предлагая рассматривать залог македонского глагола не в морфологии, а в синтаксисе.

⁴⁴ По (Куцаров 1984: 53); в оригинальной таблице не было *л*-форм, кроме перфекта (она иллюстрировала только страдательный залог). Кроме того, И. Куцаров считает наличие/отсутствие вспомогательного глагола в третьем лице *л*-форм признаком, который отличает разные парадигмы (перфект и «умозаключительное наклонение» vs. «пересказывание»).

По всей видимости, здесь не идет речь о специфических отношениях, в которые могут вступать эвиденциальность и залог, а скорее действует «принцип компенсации», предложенный Г. Герджиковым: «Принцип компенсации состоит в том, что члены, маркированные по отношению к данной категории или оппозиции, будучи более нагруженными семантически и более сложными для компенсации... в рамках парадигмы, <...> редуцируются при переименовании с маркированными членами других оппозиций и категорий (Герджиков 1984: 191–193). Через этот принцип Г. Герджиков объясняет совпадение в страдательном залоге форм «результативных» и «нерезультативных» времен и совпадение «пересказывательных форм» времен плана одновременности и времен плана предшествования (формам PRAES и IMPF соответствует один косвенный эвиденциал по модели LPART. IMPF + ESSE).

Академическая грамматика албанского языка различает четыре основных вида залога (действительный, страдательный, возвратный и средний — см. Domi et al. 2002: 270–272), но мы для удобства будем говорить, вслед за Г. И. Эйнтрей, о двух видах албанского залога — действительном и возвратно-страдательном (Эйнтрей 1982: 78), тем более, что с точки зрения морфологии формы страдательного, возвратного и среднего залога образуются при помощи одной системы показателей — флексий в имперфекте, настоящем и будущем времени; препозитивного маркера *u* (AOR; PRAES.EV⁻, IMPF.EV⁻; PRAES. ORT; IMPER, некоторые нефинитные формы и некоторые сложные формы, включающие упомянутые нефинитные формы); вспомогательного глагола *jam* ‘быть’ (все формы, которые в действительном залоге включают вспомогательный глагол *kam* ‘иметь’, кроме форм типа *kam për të larë* и подобных им) (Domi et al. 2002: 302–305). С формальной точки зрения парадигмы действительного и возвратно-страдательного залога в албанском языке идентичны (сокращения парадигм за счет результативных/нерезультативных форм или форм плана одновременности/предшествования не происходит) — для каждой из перечисленных форм страдательного залога всегда можно «восстановить» соответствующую форму действительного залога (ограничения здесь будут только лексического порядка). Перечисленные способы образования учитываются при образовании косвенных эвиденциалов: вспомогательный глагол *kam* ‘иметь’, входящий в состав формы, остается неизменным; в аналитических формах

апокопированное причастие глагола *kam* (*pas-*) заменяется апокопированным причастием глагола *jam* (*qen-*); перед синтетической формой ставится показатель *u*.

Эвиденциальность и отрицание

Типологически эвиденциальность и отрицание взаимодействуют совершенно по-разному: эвиденциальность может находиться в сфере действия отрицания, но может быть и несовместима с ним; если эвиденциал находится в сфере отрицания, то отрицание может относиться как к действию, передаваемому эвиденциалом, так и к эвиденциальности (Ev[NEG[событие, о котором идет речь]] vs. NEG[Ev[событие, о котором идет речь]]); набор эвиденциальных параметров для положительных и отрицательных форм может совпадать, а может и отличаться (для отрицательных форм набор эвиденциальных параметров будет меньше, чем для положительных) (Aikhenvald 2004: 256–257). В балканских языках, если косвенные эвиденциалы находятся в сфере действия отрицания, отрицание относится к действию, а не к эвиденциальности; эвиденциальные показатели не отрицаются.

В албанском наблюдается интересное взаимодействие показателей отрицания с инвертированным перфектом: как мы уже говорили, из возможных показателей отрицания *nuk/s'* (индикативный показатель) и *mos* (используется с формами неиндикативных наклонений и с нефинитными формами) второй используется с инвертированным перфектом только в формах неиндикативных наклонений (в так называемом «конъюнктиве-(ад)миративе») или в вопросительных придаточных предложениях:

1.5. <i>Th-ashë,</i> сказать-AOR.1SG	<i>mos</i> NEG	<i>e</i> CL.ACC	<i>pas-ka</i> HABERE.PART-HABERE.3SG
<i>ndërr-uar</i> изменить-PART.FLEX	<i>vend-in</i> место-ACC	<i>e</i> GEN.AGRCL	<i>pun-ës,</i> работа-DEF.GEN
<i>por</i> но	<i>ai</i> он	<i>vetë</i> сам	<i>e sqaroi.</i> это.ACC объяснить-AOR.3SG

(Buchholz, Fiedler 1987: 160)

Я сказал (= спросил), не изменил ли он места работы, но он сам это объяснил.

Как уже было сказано, это принимается в качестве доказательства того, что в албанском «адмиратив» является немодальной категорией.

Эвиденциальность в вопросах

Л. Андрейчин пишет, что в болгарском языке в вопросах «употребление форм прямого высказывания при прошедших действиях зависит не от отношения говорящего лица к действию, а от отношения лица, к которому мы обращаемся. Поэтому прямое высказывание встречается в случаях, когда само говорящее лицо не могло быть наблюдателем действия... При вопросах, касающихся прошедших действий, которые спрашиваемый не видел, употребляются формы пересказывания, но с сохранением вспомогательного глагола *e, sa* третьего лица» (Андрейчин 1949: 220; то же см. в Грамматика 1983: 361). Важным здесь кажется подчеркнуть то, что в болгарском языке использование эвиденциалов в вопросах зависит от ожиданий говорящего (фактически, это еще одно подтверждение того, что эвиденциальность — прагматическая категория). В македонском языке картина такая же (Friedman 2003). В албанском языке употребление эвиденциалов в вопросах достаточно распространено: в этом случае проявляется не статус собеседника по отношению к действию (свидетель/несвидетель), как в болгарском, а «отношение говорящего к действию»: такие формы несут в себе яркий эмоциональный оттенок, полемическое и/или дубитативное отношение (см. Buchholz, Fiedler 1987: 498–500).

2. Грамматические маркеры эвиденциальности в балканских языках

Если принять определение эвиденциальности как функционально-семантической области значений, то средства выражения эвиденциальных значений окажутся чрезвычайно разнообразными. Наиболее часто в литературе вопроса используется деление на два основных вида: грамматические и лексические средства, но кроме этого, иногда упоминаются и такие средства, как интонация и графические средства выделения (кавычки, восклицательные и вопросительные знаки при письменной передаче чужой речи, ср. Зализняк 2007).

В «Мировом атласе лингвистических структур» (de Naan 2007/2011: Chapter 78) на материале 418 языков предлагается следующая классификация грамматических средств маркирования эвиденциальности: глагольное окончание/клитика, часть системы глагольных форм, специальная частица, модальная морфема. Однако на уровне описания

смешиваются языки с грамматикализованными эвиденциальными системами (например, турецкий и грузинский) и языки без обязательного маркирования эвиденциальности (голландский, в котором используется модальный глагол *moeten* ‘быть должным’) — возможно, из-за непроясненности понятия *modal morpheme* ‘модальная морфема’. Не объясняется противопоставление клитик и частиц. Албанский язык отнесен к языкам, в которых эвиденциальность маркируется при помощи глагольной клитики/аффикса, а турецкий — к языкам с маркированием при помощи системы глагольных форм: мотивы деления на такие категории неясны, отчего кажется, что и отнесение разных языков к разным категориям произвольно. К языкам с модальной морфемой в качестве показателя эвиденциальности (всего таких языков на карте 7), среди прочих, отнесены голландский, немецкий, финский и французский, хотя в этих языках отсутствует обязательное маркирование эвиденциальности. Если же целью автора было представить в этой группе языки без обязательного маркирования эвиденциальности, то тогда неясно, почему к ней не отнесен, например, эстонский, в котором эвиденциальное значение может выражаться при помощи модального глагола (помимо специального набора форм, может использоваться глагол *pidama* ‘держат’⁴⁵).

Более подробную классификацию предлагает А. Айхенвальд (Aikhenvald 2004). Поскольку цель этой классификации — не исчерпывающее описание видов, а демонстрация того, насколько типологически разнообразны способы передачи эвиденциальных значений в языках мира, вместе с материалом современных языков использованы также реконструкции процесса грамматикализации эвиденциалов в разных языках (например, о языке марикопы говорится, что в нём эвиденциалы образовались путем грамматикализации глагола со значением ‘говорить’) (Aikhenvald 2004: 67–70; 105–152).

В работе (Wiemer 2010) анализируются лексические показатели эвиденциальности в языках Европы, и его цель — определить степень грамматикализации каждого из них. Б. Вимер предлагает расположить их сообразно степени грамматикализации (*grammaticalisation cline*): см. схему 1.2.

⁴⁵ П. Кехайов указывает, что *pidama* является «многофункциональным модальным показателем», поскольку он может передавать динамическую, деонтическую и эпистемическую необходимость.

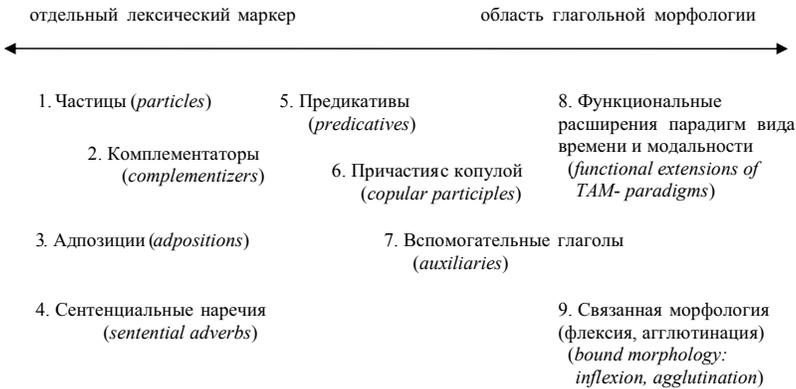

Схема 2.1. Типы эвиденциальных маркеров на пути грамматикализации
(по: Wiemer 2010: 62–66)

Показатели, находящиеся ближе всего к левому краю, имеют статус самостоятельных слов и поэтому входят в лексикон языка; показатели, находящиеся ближе всего к правому краю, имеют статус морфем. Посередине находятся единицы, которые имеют самостоятельный морфологический статус, однако в предложении функционируют только как компоненты сложных предикатов (такие, как вспомогательные глаголы или причастия с копулой) или являются вершинами сентенциальных аргументов (предикативы). Подход, принимаемый Б. Вимером, предполагает внимание к пограничной между лексикой и грамматикой зоне. Это своего рода «интенсивное» описание отдельной области, принципиально открытой в две стороны — лексическую (т.е., ко все менее синтаксически связанным с формой маркерам) и грамматическую (к различным видам грамматических показателей эвиденциальности).

Если принять во внимание всё вышесказанное, становится понятна проблема, которая возникла перед автором классификации для WALs: классификация языков по видам эвиденциальных показателей принципиально невозможна, поскольку один язык может попадать сразу в несколько ячеек. Классифицировать надо виды показателей (как внутри одного языка, так и в пределах любого множества языков). В одном языке может быть больше одного способа маркирования эвиденциальности, и интерес будет представлять то, какие виды маркеров будут сочетаться друг с другом, а какие нет. Кажется, «грамматическая

система + лексический маркер» — это универсальная система для языков с грамматическим маркированием эвиденциальности, однако понятие «грамматическая система» задает переменный параметр, поскольку возможно одновременное сосуществование разных способов грамматического маркирования: специальная система форм + модальный вспомогательный глагол, как например в эстонском; эвиденциальная стратегия + модальный вспомогательный глагол (немецкий, французский) и т. п. Существуют ли запреты на одновременное использование в языке каких-нибудь двух типов маркирования? Как это соотносится с ареальным фактором? Мы думаем, что проект, подобный WALS, вполне мог бы ответить на эти вопросы.

Цели настоящей монографии, конечно, значительно скромнее. В этой главе мы бы хотели представить классификацию способов грамматического маркирования эвиденциальности в балканских языках. В центре нашего внимания находятся болгарский, албанский и македонский, но мы постарались представить и доступный нам материал по другим языкам Балкан / балканским языкам.

2.1. Инвентарь

Л-формы в болгарском

Как уже было сказано, прежде всего в сфере внимания лингвистов попадают специальные парадигмы глаголов, которые могут выражать эвиденциальные значения. В болгарском и македонском это так называемые *л-формы*.

В качестве основных особенностей болгарской глагольной системы, отличающих ее от других славянских языков, не входящих в балканский языковой союз, указываются две: «хорошо развитая система для выражения категории времени» и «специальное (пересказывательное) наклонение для выражения несвидетельской модальности» (Грамматика 1983: 209)⁴⁶, а из сочетания этих двух особенностей и возникает особая ситуация с болгарскими *л-формами*, на которой мы остановимся далее.

⁴⁶ Мы не разделяем мнение академической грамматики о том, что эвиденциальность является особым наклонением, и о том, что понятие «засвидетельствованности» связано с модальностью.

В болгарской грамматике традиционно выделяется девять форм времен (в индикативе; в других наклонениях их количество значительно меньше).

Всё богатство глагольных форм болгарского языка образуется при помощи ограниченного инвентаря элементов. Фактически, для большинства форм сложно сказать, какие из них существуют в сознании носителей языка в целом виде, а какие составляются в случае необходимости из «кирпичиков». Ответить на этот вопрос могла бы серия психолингвистических экспериментов, но это не имеет отношения к решению задач данной работы. Поэтому мы будем указывать парадигмы со всеми возможными формами, которые приводятся в литературе вопроса, если отсутствие соответствующих форм не было убедительно доказано. В то же время наш анализ использования эвиденциалов построен исключительно на примерах из живой речи и литературы, а также на результатах лингвистического эксперимента, таким образом при анализе мы используем только формы, употребляемые достаточно часто.

Перечислим элементы, из которых состоят формы времен болгарского языка (картина несколько упрощена за счет второстепенных деталей; полный очерк болгарской системы см. в Аронсон 1973):

- СТЕМ — глагольная основа — в современном литературном языке может быть трех видов: настоящего времени (СТЕМ.ПРАЕС), аористная (СТЕМ.АОР); основа синтетического оптатива (СТЕМ.ОРТ)⁴⁷, который находится на периферии литературного языка, и, во всяком случае вне современного разговорного узуса;

⁴⁷ Формы (*писвал съм, писвал*) образованы от особой периферийной формы оптатива, появившейся в XVII–XVIII вв. в ряде восточных болгарских говоров (*пиша* → *писвам* ‘я хочу / готов писать’, *ям* → *ядвам* ‘я хочу / готов есть’ и др.). В болгарской традиции он называется условным наклонением, или конъюнктивом, но оба этих термина для нас неудовлетворительны: первый из-за общности значения — в большей степени готовность/желание, чем условие выполнения действия, а второй — из-за омонимии с термином *конъюнктив*, который мы используем для *да*-форм; поэтому здесь используется термин *оптатив*. Этот вид оптатива академическая грамматика сдержанно называет «друг тип формы за условно наклонение (срещани в народната реч)» (Грамматика 1983: 369); ср. это с названием основной парадигмы конъюнктива «нормальные формы за условного наклонение» (там же). «В ряде болгарских грамматик указано, что возможны и усилительные пересказывательные формы условного

- -PRAES, -AOR, -IMPF — набор окончаний для соответствующих форм. Для экономии места при глаголе *съм* ‘быть’ не указывается;
- ESSE — *съм*, спрягаемый вспомогательный глагол ‘быть’;
- VELLE — *ще*, вспомогательный глагол, участвующий в образовании будущего и будущего предварительного; восходит к глаголу *хътѣти* ‘хотеть’. В формах будущего и будущего предварительного он не изменяется и не требует после себя связующего элемента *да*, в отличие от всех остальных полнозначных глаголов в болгарском языке. В составе форм будущего в прошедшем и будущего предварительного в прошедшем он выступает в форме имперфекта и изменяется по лицам и числам; также у него есть *л*-причастие;
- CONJ — *да*, связующий элемент, вводящий так называемый балканский конъюнктив (соответственно макед. и сербск. *да*, албанск. *të*, греческ. *να*, рум. *să*);
- LPART — *л*-формы — бывают двух видов, аористная и имперфектная⁴⁸:
 - *л*-аористное причастие = STEM.AOR + показатель *л* + окончания рода/числа;
 - *л*-имперфектное причастие = STEM.PRAES + показатель *л* + окончания рода/числа;
- Если нам нужно указать на особенности употребления некоторого элемента, мы используем специальный показатель справа от него. Например, ESSE.1–2.SG/PL следует читать так: «глагол ‘быть’ употребляется только в первом и втором лице единственного и множественного числа»;

наклонения, действительного залога: *писвал съм бил* <...>, *писвал бил*. Однако, нигде не даются примеры их употребления, в нашем материале они также не зафиксированы. Всё это вызывает серьезные сомнения относительно их существования на практике» (Кущаров 1984: 12). Как считает К. Мирчев, «этот новый способ выражения условного наклонения встречается в литературном языке очень редко и не представляет в нем продуктивной категории» (Мирчев 1978: 231). Подробно эти формы описаны в монографии (Пантелеева 1988).

⁴⁸ К виду это деление не относится, так как исходный глагол *пиша* ‘писать’ принадлежит к несовершенному виду, однако может образовывать как аористное, так и имперфектное причастия (*писал* vs. *писел*). В грамматической нотации, принятой в настоящей работе, деление между *л*-аористными и *л*-имперфектными формами не отражается: мы используем сокращение LPART и для тех, и для других.

- Условные обозначения для этих элементов будут использоваться (с необходимыми изменениями) и в описании македонской и албанской систем.

Этот список элементов задает все девять традиционно выделяемых форм времен. Необходимо добавить, что в болгарской грамматике возможны как синтетические формы (у которых окончания лица и числа присоединяются непосредственно к основе), так и аналитические (у них показатели лица и числа присоединяются к вспомогательному глаголу). Данное замечание будет важно при рассмотрении того, как образуются косвенные эвиденциалы. Приведем формы, рассматриваемые академической грамматикой как «изъявительное наклонение», т. е. множество индикативных форм, из которого исключены косвенные эвиденциалы (но оставлены прямые эвиденциалы и нейтральные формы). В качестве примера использован глагол *пиша* ‘писать’, каждая форма которого, кроме, по понятным причинам, императива, задается первым и третьим лицом единственного числа (это конвенциональный способ представления в болгарской грамматике): таблица 2.1.

Таблица 2.1. Система личных форм болгарского глагола

Условное обозначение	Расшифровка	Пример	Основные составные элементы
PRAES	Настоящее	<i>пиш-а, пиш-е</i>	STEM.PRAES-PRAES
FUT	Будущее простое	<i>ще пиш-а, ще пиш-е</i>	VELLE + STEM.PRAES-PRAES
FUT.ANT	Будущее предварительное	<i>ще съм писал, ще е писал</i>	VELLE + ESSE + LPART
AOR	Аорист	<i>писа-х, писа-о</i>	STEM.AOR-AOR
IMPF	Имперфект	<i>пише-х, пише-ше</i>	STEM.PRAES-IMPF ⁴⁹
PERF	Перфект	<i>писал съм, писал (е)</i>	LPART + (ESSE) ⁵⁰
PLSQ	Плюсквамперфект	<i>бях писал, беше писал</i>	ESSE.IMPF / ESSE.AOR ⁵¹ + LPART
FUT.PRAET	Будущее в прошедшем	<i>цях да пиш-а, щеше да пиш-е</i>	VELLE.IMPF + CONJ + STEM.PRAES-PRAES

⁴⁹ Между основой и окончанием может вставляться имперфектный суффикс.

⁵⁰ В третьем лице может опускаться.

⁵¹ Редко.

Окончание табл. 2.1

Условное обозначение	Расшифровка	Пример	Основные составные элементы
FUT.PRAET.ANT	Будущее предварительное в прошедшем	<i>цях да съм писал, щеше да съм писал</i>	VELLE.IMP + CONJ + ESSE + LPART
IMPER.SYNTH	Синтетический императив	<i>пиши</i>	STEM.PRAES ^{2Sg/2Pl}
IMPER.ANALYTH = CONJ ⁵²	Аналитический императив = конъюнктив	<i>да пиш-а, да пиш-е</i>	CONJ + STEM.PRAES-PRAES
OPT	Синтетический оптатив	<i>писва-м, писва-и</i>	STEM.OPT-PRAES
OPT.IMP	Синтетический оптативный имперфект ⁵³	<i>писва-х, писва-ше</i>	STEM.OPT-IMP

По вопросу о количестве форм косвенных эвиденциалов в болгарском языке долгое время высказывались разные точки зрения. Например, Л. Андрейчин предложил систему, которая создавала иллюзию существования в болгарском языке трех параллельных парадигм («прямое высказывание», «пересказывание», «усиленное пересказывание») с девятью формами в каждой (настоящее, аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект, будущее время, будущее предварительное время, будущее в прошедшем, будущее предварительное в прошедшем) — итого 27 форм только для индикатива активного залога (Андрейчин 1949:

⁵² В течение достаточно долгого времени в болгарской традиции не было единого решения, считать ли *да*-конструкции отдельным наклонением, поскольку они отличаются от соответствующих форм индикатива только наличием частицы *да*; из наиболее важных работ второй половины XX века, где им приписывался статус наклонения, отметим (Маслов 1962; Георгиев 1991); библиографию и критику см. в (Куцаров 2007: 282). Для анализа только болгарского материала отнесение этих форм к специальному наклонению не представляется необходимым, но поскольку в албанском языке формы индикатива и конъюнктива различаются, в данной работе болгарские (и, соответственно, македонские) *да*-конструкции рассматриваются в качестве отдельного наклонения — *конъюнктива*, формы которого отличаются от соответствующих форм изъявительного наклонения только связкой *да*.

⁵³ Теоретически возможно образовать от этой основы все видо-временные формы, но едва ли можно будет найти на них примеры в текстах; примем как данное, что в этом пункте система потенциально открыта для строительства новых форм. В любом случае, новые формы будут строиться на основе уже представленных элементов.

201–202). В 1956 выходит «Очерк болгарской грамматики» Ю. С. Маслова (Маслов 1956). В нем представлена система форм, в основу которой положена не классификация соответствующих форм не-косвенной эвиденциальности (т. е., прямые эвиденциалы и нейтральные формы), а собственные формальные признаки, что позволяет ввести удобную таксономию. По версии Маслова, в парадигмах косвенных эвиденциалов активного залога («пересказывание», «усиленное пересказывание») всего восемь форм (Маслов 1956: 312–313). Кроме того, Ю. С. Маслов первым за границами Болгарии в послевоенное время принимает тезис о категории эвиденциальности как наклонении (Куцаров 2007: 265).⁵⁴

В 1984 г. И. Куцаров составил список болгарских косвенных эвиденциалов, насчитав 18 форм:

- **индикатив:** (1) имперфект / настоящее время (*пишел съм, пишел*); (2) аорист (*писал съм, писал*); (3) перфект / плюсквамперфект (*бил съм писал, бил писал*); (4) будущее / будущее в прошедшем (*щял съм да пиша, щял да пиша*); (5) будущее предварительное / будущее предварительное в прошедшем (*щял съм да съм писал, щял да е писал*);
- **императив:** (6) простой императив (*нека (да) съм пишел, нека (да) пишел*); (7) эпистемический императив (*да съм бил пишел, да бил пишел*);
- **оптатив:** (8) имперфект / настоящее время (*писвал съм, писвал*); (9) эпистемический имперфект / настоящее время (*бил съм писвал, бил писвал* — эти формы нигде не были засвидетельствованы, что вызывает у Ив. Куцарова сомнения в их существовании: (Куцаров 1984: 12);
- **конклюдив:** (10) имперфект / настоящее время (*бил съм пишел, бил пишел*); (11) будущее / будущее в прошедшем (*щял съм бил да пиша, щял бил да пише*); (12) будущее предварительное / будущее предварительное в прошедшем (*щял съм бил да съм (бъда) писал, щял бил да е (бъде) писал*)⁵⁵. В настоящей работе болгарские «пересказывательные формы конклюдива» будут называться дубитативом.

⁵⁴ Хотя еще в 1909 г. В. Н. Щепкин рассматривал *л*-формы косвенной эвиденциальности как формы «наклонения предположения» (Щепкин 1909).

⁵⁵ Под 13-м номером И. Куцаров рассматривает устаревшие формы типа *ще съм пишел, ще пишел*, совпадающие по значению с формами из п. 4 и нерелевантные для настоящей классификации. Под номерами с 14 по 18 идут формы страдательного залога, которые мы не приводим.

В этой схеме, как кажется, представлены все возможные в литературном болгарском языке *л*-формы, которые могут являться показателями косвенной эвиденциальности. Сделаем только два небольших замечания.

Представим классификацию И. Куцарова в виде таблицы. В ее основу положена табл. 2.2, составленная Ю. С. Масловым (Маслов 1956: 254). Для краткости используем принятые в болгарской грамматике термины. К вопросу терминологии мы еще вернемся, когда будем говорить о значениях этих форм.

Таблица 2.2. «Непересказывательные» и «пересказывательные» формы в болгарском языке⁵⁶

Условные обозначения	«НЕПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНЫЕ» (Ev ⁺)	«ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНЫЕ» / REP (Ev ⁻)	ДУБИТАТИВ / DUB*
ИНДИКАТИВ			
FUT	VELLE + STEM.PRAES-PRAES <i>ще пиш-а, ще пиш-е</i>	VELLE.LPART + (ESSE)** + CONJAGR + STEM.PRAES-PRAES <i>щял съм да пиш-а, щял (е) да пиш-е</i>	VELLE.LPART + (ESSE) + ESSE.LPART + CONJAGR + STEM.PRAES-PRAES <i>щял съм бил да пиш-а, щял (е) бил да пиш-е</i>
FUT.PRAET	VELLE.IMPF + CONJ + STEM.PRAES-PRAES <i>щях да пиш-а, щеше да пиш-е</i>		
FUT.ANT	VELLE + ESSE + LPART <i>ще съм писал, ще е писал</i>	VELLE.LPART + (ESSE) + CONJAGR + STEM.PRAES + ESSE + LPART <i>щял съм да съм писал, щял (е) да е писал</i>	VELLE.LPART + (ESSE) + ESSE.LPART + CONJAGR + ESSE + LPART <i>щял съм бил да съм писал, щял (е) бил да е писал</i>
FUT.ANT.PRAET	VELLE.IMPF + CONJAGR + ESSE + LPART <i>щях да съм писал, щеше да е писал</i>		
PRAES	STEM.PRAES-PRAES <i>пиш-а, пиш-е</i>	LPART + (ESSE) <i>пишел съм, пишел (е)</i>	ESSE.LPART + (ESSE) + LPART <i>бил съм пишел, бил (е) пишел</i>
IMPF	STEM.PRAES-IMPF <i>пише-х, пише-ше</i>		
AOR	STEM.AOR-AOR <i>писа-х, пис-а</i>	LPART + (ESSE) <i>писал съм, писал (е)</i>	
PERF	LPART/ LPART + (ESSE) <i>писал съм, писал (е)</i>		ESSE.LPART + (ESSE) + LPART <i>бил съм писал, бил (е) писал</i>
PLUSQ	ESSE.IMPF/ ESSE.AOR + LPART <i>бях писал, беше писал/бях писал, бе писал</i>		

⁵⁶ Мы не рассматриваем наличие/отсутствие связки в третьем лице как необходимое условие для выделения отдельных парадигм; подробнее об этом см. далее.

Окончание таблицы 2.2

Условные обозначения	“НЕПЕРЕКАЗЫВАТЕЛЬНЫЕ” (Ev ⁺)	“ПЕРЕКАЗЫВАТЕЛЬНЫЕ” / REP (Ev ⁻)	Дубитатив / Dub
ИМПЕРАТИВ (КОНЬЮНКТИВ)			
IMPER	(IMPER.SYNTH)STEM.PRAES <i>пиши́</i>	CONJAGR + ESSE + LPART <i>да сѣм правел</i>	CONJAGR + ESSE + ESSE.LPART + LPART <i>да сѣм бил пишел, да е бил пишел</i>
	(IMPER.ANALYTH/CONJ) CONJAGR + STEM.PRAES-PRAES <i>да пиш-а, да пиш-е</i>		
ОПТАТИВ			
OPT.PRAES	STEM.OPT-PRAES <i>писва-м, писва-ѳ</i>	LPART.STEM.OPT + ESSE <i>писвал сѣм, пи-свал (е)</i>	ESSE.LPART + (ESSE) + LPART.STEM.OPT <i>бил сѣм писвал, бил (е) писвал</i>
OPT.IMPF	STEM.OPT-IMPF <i>писва-х, писва-ше</i>		

* Дубитатив И. Куцаров предлагает называть репортативным конклюдивом (Куцаров 1984), но, как кажется, здесь ближе к истине Г. Герджиков, который называет их «недоверчивые/инверитативные формы» (Герджиков 1984: 13).

** Как мы уже говорили, академическая грамматика указывает, что в третьем лице вспомогательный глагол обязательно опускается, но уже накоплен большой объем примеров, опровергающих это, см. (Friedman 2001, с библиографией). Впрочем, статистики здесь пока нет.

К перечисленным *л*-формам для косвенной эвиденциальности примыкают так называемый (ад)миратив (Алексова 2003) и конклюдив (Куцаров 1994).

(Ад)миратив (*писал сѣм, писал (е); пишел сѣм, пишел (е)*) — образуется по модели LPART/ LPART + (ESSE), при этом его отличие от перфекта некоторые авторы сводят к тому, что в третьем лице *сѣм* регулярно опускается (К. Алексова приводит и примеры, где *сѣм* в третьем лице никуда не исчезает). Впрочем, этот же признак характерен и для «пересказывательных» форм. И. Куцаров считает (ад)миратив особым периферийным употреблением таких форм. С формальной точки зрения нет оснований для того, чтобы рассматривать (ад)миратив отдельно от *л*-форм для косвенной эвиденциальности, единственное различие между ними усматривается в значении.

Конклюдив (*писал сѣм, писал е; пишел сѣм, пишел е*) — образуется по той же модели (LPART/ LPART + ESSE), в третьем лице связка, согласно Куцарову, не опускается. Различия между конклюдивом и перфектом — в типе основы: у перфекта, согласно традиционным взглядам, она может быть только аористная, а у конклюдива аористная и имперфектная основы равноправны. Мы рассмотрим такие синонимические ряды форм чуть ниже.

Маркированность по эвиденциальности пронизывает значительную часть форм, но не все из них. Так, настоящее время и плюсквамперфект всегда немаркированы по эвиденциальности и могут употребляться независимо от того, был ли говорящий свидетелем события, или нет. Прямые эвиденциалы аориста и имперфекта (формы на *-х-/-ш-/-ѳ-*) в болгарской грамматике часто называют «свидетельскими временами», поскольку их употребление значительно ограничено в отношении незасвидетельствованных действий. Ср., например, следующий диалог не-носителя (А.) и носителя (В.):

Болгарский

2.1. А.: «*Преди Първата Балканска война българският цар и сърбският крал се_{.REFI} уговориха_{.AOR} за подялбата на територията на Македония*».

В.: «*Не можеш да кажеш "уговориха_{.AOR} се_{.REFI}", щото не си бил там и не си го виждал! Кажу "уговорили_{.Lpart} са_{.ESSE.3PL} се_{.REFI}"*» (из разговора, 7.01.2007)

«Перед Первой Балканской войной болгарский царь и сербский король договорились (*се уговориха*) о том, как поделить территорию Македонии» — «Ты не можешь сказать "*уговориха се*", потому что ты там не был и этого не видел! Скажи "*уговорили са се*"»).

* * *

На основании табл. 2.2. можно показать, что основной способ образования *л*-форм для косвенной эвиденциальности и дубитатива сводится к достаточно простому алгоритму.

Сравним «непересказывательный», «пересказывательный» и дубитативный аорист:

<i>писа-х, писа-ѳ</i>	<i>писал съм, писал</i>	<i>бил съм писал, бил (е) писал</i>
STEM.AOR-AOR	STEM.Lpart + (Esse) ⁵⁷	ESSE.Lpart + (Esse) + Lpart

В этом ряду каждая последующая форма образуется путем добавления новой связки (каждый новый элемент в схеме выделяется полужирным); при этом форма предыдущей степени преобразуется в *л*-причастие (порядок следования элементов зависит от места формы в синтагме: клитические формы глагола *съм* занимают первую позицию после первого ударного слова, т. е. не могут стоять в абсолютном начале предложения). Это можно представить в следующем виде:

⁵⁷ В третьем лице *съм* чаще всего опускается.

$$y \rightarrow f(y) \rightarrow f(f(y)),$$

где y — глагол в одной из «непересказывательных» форм индикатива, f — связка, которая переводит аргумент функции в форму $л$ -причастия.

Это действительно для всех форм, находящихся в одной строке таблицы 2.2.

Носители болгарского языка шутят по поводу кажущейся простоты образования новых форм, говоря, что в болгарском существует еще одно время, неизвестное школьным учебникам — *минало незапомнено* (иногда его также называют *десетото време на българския глагол*), приводя такой пример:

2.2. Бил сѣм се бил напил.
 ESSE.LPART/IMPF ESSE.1SG REFL ESSE.LPART/IMPF пить.LPART
 Я якобы напился⁵⁸.

Этот случай можно изобразить как $f(f(f(y)))$ или ESSE.LPART + ESSE + REFL + ESSE.LPART + LPART. Строго говоря, вместо возвратного глагола здесь можно было бы использовать и невозвратный, например *пиша*: бил сѣм бил писал, в этом случае возвратная частица будет исключена из схемы.

Вопрос о том, сколько степеней пересказа в принципе допустимо, остается открытым, однако носители языка затрудняются подобрать пример, в котором было бы больше степеней, чем в (2.2).

Еще раз обратим внимание на то, что при помощи несложного алгоритма, приведённого выше, $л$ -формы для косвенной эвиденциальности могут быть с легкостью образованы на базе практически любой болгарской финитной формы, поэтому разговор о составе $л$ -форм неизбежно связан с проблемой инвентаря болгарских грамматических категорий, что с самого начала задает множественность взглядов. Кроме того, именно в легкости этого алгоритма надо искать истоки искусственных форм, которые конструируются болгарскими грамматистами, но не находят подтверждения в текстах. Так, (2.2) — искусственная форма (она образуется только от одного глагола и всегда обозначает единственную ситуацию). При этом у нее есть все формальные признаки для того, чтобы стать примером особой грамматической категории,

⁵⁸ Ср. также шуточный пример «будущего неосуществимого» («бъдеще неосъществимо»; пример подсказан доктором П. Петковым): *Щял сѣм да спра да ния* 'Я собирался перестать пить'.

которую можно придумать для болгарского языка — «*форгетива*». И в этом случае для ее выделения будет больше оснований, чем для разграничения перфекта, «пересказывательного» аориста и «пересказывательного» имперфекта. Другое дело — целесообразность подобных «упражнений».

Рассмотрим, какие косвенные эвиденциалы и формы дубитатива не различаются. В табл. 2.3 слева приводятся названия форм и сами формы, а справа — значения, которые они могут получать.

Таблица 2.3. Омонимия косвенных эвиденциалов и дубитатива в болгарском языке

<i>щял съм да пиша, щял (е) да пише</i>	FUT.REP FUT.PRAET.REP
<i>щял съм бил да пиша, щял (е) бил да пише</i>	FUT.DUB FUT.PRAET.DUB
<i>щял съм да съм писал, щял (е) да е писал</i>	FUT.ANT.REP FUT.ANT.PRAET.REP
<i>щял съм бил да съм писал, щял (е) бил да е писал</i>	FUT.ANT.DUB FUT.ANT.PRAET.DUB
<i>пишел съм, пишел (е)</i>	PRAES.REP IMPF.REP
<i>бил съм пишел, бил (е) пишел</i>	PRAES.DUB IMPF.DUB
<i>бил съм писал, бил (е) писал</i>	PERF.REP PLSQ.REP AOR.DUB PERF.DUB PLUSQ.DUB

Можно предложить несколько способов интерпретации омонимии этих форм. Чтобы объяснить элиминирование оппозиции относительность/неотнoсительность у ряда времен, которые имеют одну общую «пересказывательную» форму, Г. Герджиков прибег к понятию компенсации значений, которое восходит к 37-й универсалии Дж. Гринберга («Ни в одном неединственном числе не может быть больше категорий рода, чем в единственном» (Герджиков 1984: 191)). По Герджикову, «во всех модусах высказывания, маркированных в некотором отношении, снимается оппозиция между абсолютными и относительными временами (*директни и индиректни времена*)» (Герджиков 1984: 193), поскольку чем более маркирован член грамматической оппозиции, тем меньше нерелевантных для оппозиции грамматических показателей он имеет.

Что же касается PERF.REP. (= PLUSQ.REP = AOR.DUB = PERF.DUB = PLUSQ.DUB), помимо совпадения форм абсолютных и относительных времен, ожидаемая форма дубитатива перфекта / плюсквамперфекта **бил съм бил писал*, **бил бил писал*, очевидно, подверглась сокращению из-за своей громоздкости (в третьем лице этой гипотетической формы подряд шли бы три *л*-причастия), совпав с «пересказанным» перфектом. Собственно, пример (2.2) может представлять собой именно такую несокращенную форму дубитатива.

Морфологические различия между некоторыми из перечисленных болгарских *л*-форм крайне малы. Существует два параметра, по которым они традиционно разграничиваются:

- (1) *л*-аористное причастие / *л*-имперфектное причастие:
 - LPART.AOR: PERF, AOR.EV⁻ и (AD)MIR vs;
 - LPART.IMP: IMPF.EV⁻, CONCL (Андрейчин 1949: 173; Граматика 1983: 318);
- (2) наличие/отсутствие связки *съм* в третьем лице (далее обозначается как AUX^{+/-}):
 - AUX⁺: PERF и CONCL vs;
 - AUX⁻: IMPF.EV⁻, AOR.EV⁻ и (AD)MIR (см. Андрейчин 1949: 200)⁵⁹.

Не решен вопрос о том, является ли основанием для различия разница в основах причастий: аористная основа перфекта (но в некоторых случаях и имперфектная; кроме того, у многих глаголов аористная и имперфектная основы совпадают) vs. равноправие аористной и имперфектной основ у *л*-форм для передачи косвенной эвиденциальности.

Однако эти параметры следует по ряду причин признать нерелевантными. Так, что касается перфекта, в нем также возможно опущение связки в третьем лице, например, в так называемой «констатации состояния» (см. пример 0.7 во введении; подробнее см. Levin-Steinmann 2004: 101–107). На это значение редко обращают внимание, хотя оно появляется еще в работах Б. Цонева (1910), а у Андрейчина (Андрейчин 1944; Андрейчин 1949; Андрейчин 2010 (=Andrejczyn 1938): 66) оно используется регулярно, а также

⁵⁹ К перечисленным формам примыкает репортативный синтетический опатив настоящего и имперфекта. В этих формах причастие основного глагола образовано от основы синтетической формы опатива (*писвам* → *писвал*). Но в настоящей работе эти формы не рассматриваются.

упоминается в академической грамматике под названием *статално минало неопределено време* «статальный перфект» (Грамматика 1983: 320). Л. Андрейчин определяет это значение следующим образом: «Наглядная констатация... которая имеет описательный или картинный характер, представляя (называя) наглядным образом самый результат действия или признаки предмета, которые наличествуют в данный момент» (Андрейчин 1974: 536).

Среди перфектоподобных форм без связки А. Левин-Штайнманн вместе с констатацией состояния выделяет также имперцептив, когда действие не воспринимается говорящим непосредственно, с оговоркой, что данное значение выступает во многих примерах наравне с остальными (Levin-Steinmann 2004: 47–50):

- 2.3. *Съвсем неочаквано той ми завъртя такъв плесник, че маргаритката на лявото ми ухо — както по-късно разбрах, хвъркна_{L.PART} чак до плювалника* (Вежинов П. Процесът. По: Levin-Steinmann 2004: 48).

Он совсем неожиданно дал мне такую пощечину, что маргаритка из-за моего левого уха, как мне позже стало понятно, отлетела аж до плевательницы.

А. Левин-Штайнманн, на наш взгляд не вполне удовлетворительно, определяет имперцептив как «незасвидетельствованность действия»⁶⁰, хотя из приводимых ею примеров следует, что под имперцептивом понимаются неосознаваемые говорящим ситуации, в которых он, впрочем, участвовал, и о которых потом узнал по некоторым следам. Интересно, что конклюдив, семантическое содержание которого так же, как и у имперцептива, сводится к восстановлению факта в прошлом по его следам в настоящем, но отличается не-связанностью говорящего с ситуацией, описываемой в пропозиции, наоборот, используется со связкой.

И наоборот, для (ад)миратива возможны случаи, когда в третьем лице используется связка:

- 2.4. *//кóлко съм билá_{ESSE,1SG} изостáнала_{L.PART (=AD)MIR} // не знám че са билú_{ESSE,L.PART} пусна_{L.PART (=AD)MIR} тóзи булеvárт//*

(Алексова 2003: 109).

Как же я отстала, не знаю даже, что открыли этот бульвар!

⁶⁰ «Unter dem Imperzeptiv ist die *Nichtbezeugtheit der Handlung* zu verstehen» (Ibid., 47).

Возможны также репортативные употребления *л*-форм для косвенной эвиденциальности со связкой в третьем лице, которые формально никак не отличаются от перфекта, ср.:

2.5. *Казват, че цар Борис III Хитлер го е отровил LPART (=PERF=AOR.EV'.AUX⁺) качили LPART са EsSE (=PERF) го на един самолет и са EsSE го вдигнали LPART (PERF=AOR.EV'.AUX⁺) много високо, където въздухът е разреден. Царят е EsSE имал LPART (PERF=AOR.EV'.AUX⁺) слабо сърце и се REFL EsSE почувствал LPART (PERF=AOR.EV'.AUX⁺) лошо, и тогава са EsSE му дали LPART (PERF=AOR.EV'.AUX⁺) отровата.*

Говорят, что царя Бориса III отравил Гитлер: его посадили на самолет и подняли на большую высоту, туда, где воздух был разрежен. У царя было слабое сердце, он почувствовал себя плохо, и тогда ему дали яд (из разговора, 19.07.07).

В примере подчеркнутые формы строятся по модели $PERF = AOR.EV'.AUX^+ = ESSE.3SG + LPART$. При помощи таких форм говорящий показывает, что он не являлся свидетелем передаваемых действий, но доверяет информации, которая у него есть из вторичных источников (эпистемически окрашенная «пересказывательная» форма)⁶¹.

При анализе болгарских *л*-форм сложно отделаться от мысли, что решение статуса связки постоянно ускользает от исследователя⁶²: значения умножаются и дробятся, пока не оказывается, что после того, как итоговая картина, обладающая внутренней логикой и простотой собрана, остаются лишние элементы мозаики, которые некуда поставить. Поэтому в последнее время некоторые исследователи придерживаются мнения о том, что болгарские формы со связкой и без связки следует рассматривать в рамках одной парадигмы — «генерализированного прошлого» (Alexander 2001; Sonnenhauser 2012; там же см. обсуждение и библиографию). Мы разделяем эту идею. По нашему мнению, для определения статуса отдельных *л*-форм в болгарском языке

⁶¹ Ж. Фёйе показывает, что в болгарском языке конца XVIII — начала XIX в. связка в третьем лице «медиатива» также была факультативна. В то время она употреблялась реже, если говорящий сильно сомневался в передаваемой им информации или если пересказываемые события произошли достаточно давно, чтобы их можно было подтвердить со стопроцентной уверенностью (Feulliet 2011: 156).

⁶² Ср. название работы В. Фридмана «Hunting the elusive evidential: The third-person auxiliary as a boojum in Bulgarian» («Преследуя ускользающую эвиденциальность: вспомогательный глагол третьего лица как буджим в болгарском языке» — Friedman 2001; о *буджиме* см. во введении).

присутствие/отсутствие связки (как и тип основы, от которой образуется причастие (аористная/имперфектная)), является нерелевантным признаком.

В. Фридман также указывает на случаи, которые противоречат обобщению «всё, что со связкой — перфект/конклюдив; всё, что без связки — пересказ/(ад)миратив» (напр., Friedman 2001: 11–13, там же см. обсуждение и ссылки на литературу). Он придерживается следующего мнения: наличие или отсутствие связки в форме третьего лица в парадигме перфекта не является основанием для того, чтобы говорить об особых формах пересказа, которые отличались бы от перфекта: скорее всего, в опущении связки проявляется стремление к полной ее потере, общее для всех славянских языков, но пока еще рано говорить о том, каким правилам подчиняется использование связки в болгарском языке на современном этапе (Friedman 1986: 176–177). На это отвечает Г. Филдер: наличие/отсутствие связки в III л. ед. ч. указывает не на отсутствие/наличие вторичного источника информации и не на отношение говорящего, но является прагматическим средством, указывающим на нарративную перспективу (соответственно действия фона / действия первого плана: Fielder 1995; 1996: 216; 1997: 177–179; Friedman 2000: 334; см. также Levin–Steinmann 1999; 2004). *Л*-формы со связкой указывают на *backgrounding*, или действия фона (второго плана), а *л*-формы без связки указывают на *foregrounding*, или действия первого плана, о чем подробнее мы будем говорить далее. Конечно, противопоставление первого плана и фона — не грамматическая оппозиция, поскольку оно реализуется не на уровне отдельного высказывания, а на уровне текста, однако к выбору форм для маркирования категорий текста должны существовать и существуют определенные предпосылки в исходной семантике форм. Это исключительно важная идея, на которой мы будем основываться при анализе семантики форм (в том числе и в дискурсе). Подробнее об этом мы скажем несколько ниже, когда определим значения *л*-форм для косвенной эвиденциальности в болгарском языке. Здесь же отметим работы Б. Зонненхаузер, которая, продолжая анализ, представленный в работе (Izvorski 1997), рассматривает семантику болгарских *л*-форм как реляционную в своей основе. По ее мнению, при помощи *л*-форм обозначаются отношения между состоянием вещей,

являющимся следствием некоторого события в прошлом (*consequent state of some previous event*, CS(e)), временем высказывания (*time of utterance*, TU), ассертивным временем или временем-топиком (*time of assertion, topic time*, TT) и позицией говорящего (Б. Зонненхаузер использует предложенное Е. В. Падучевой понятие «точка отсчета», ТО). Вспомогательный глагол связывает точку отсчета со временем высказывания. Соответственно, для Aux⁺ такая связь отсутствует: это и позволяет говорящему дистанцироваться при помощи форм от событий, о которых он говорит (Sonnenhauser 2012 (в печати)).

Перечислим значения, которые в литературе чаще всего связывались с болгарскими *л*-формами:

(Ад)миратив:

- 2.6. *Абе ти си _{ESSE} бил _{LPART} голям човек, бе!*
О, да ты большой человек, а!

Дубитатив:

- 2.7. — *Tu си стар!* — *Е, аз съм _{ESSE} бил _{Lpart} стар!*
— Ты старый! — Это я-то старый?

Для дубитатива есть и отдельный набор форм (см. табл. 2.2).

Имперцептив. В настоящей работе это значение не будет рассматриваться отдельно от прочих значений *л*-форм.

Конклюдив:

- 2.8. *Пламен влезе в апартамента и видя, че палтото на майката е на закачалката. Значи, майката вече е _{ESSE} дошла _{Lpart}.*
Пламен вошел в квартиру и увидел, что пальто мамы висит на вешалке. Значит, она уже пришла.

Существует и отдельный набор форм, *ще да е дошъл*, которые указывают на чистое предположение (например, в случае отсутствия каких-либо оснований), впрочем, их статус в современном языке неясен и мы не будем о них говорить в данной книге.

Констатация состояния. Как мы уже говорили, традиционно формы, употребляемые при «констатации состояния» (оставим этот термин

за неимением лучшего), определяются как перфект с опущенной связкой (Маслов 1959: 225; Станков 1959: 62; Андрейчин 1974: 536 и др.):

2.9. *Полето пусто. Път кален и безкраен... Небето се схлупило над земята...*

Пустое поле. Грязная бесконечная дорога... Небо нависло над землей...
(Андрейчин 1974: 537).

К сожалению, не комментируется другой возможный взгляд на этот вопрос — формы в предложениях вроде (2.9) и (2.10):

2.10. *Завчера... гледам го на кукуруза и се чудя (думата е за боб. — Л. А.): пожъл-
тял изсъхнал сдул се*

Вчера... смотрю я на него на кукурузе и недоумеваю (речь идет о бобе. — комментарий Л. Андрейчина): пожелтел, высох, опал

(Андрейчин 1974: 538).

могут восприниматься и как причастные формы в функции определений в назывных предложениях, ср. второй возможный перевод (2.10.): «...пожелтевший, высохший, опавший». Однако в некоторых синтаксических контекстах причастия и финитные глагольные формы ведут себя разным образом, в частности для возвратных причастий по-другому распределяются клитики, ср. (2.9.), где употреблена финитная форма, и то же предложение с причастием:

2.9а. *Небето, схлупило над земята...*

Небо, нависшее над землей...

Кроме того, позиция определенного артикля внутри именной группы (NP) будет разной в зависимости от того, имеем мы дело с финитной формой (2.11) или с причастием (2.11а) (в болгарском языке носитель предикации в предложении не может присоединять артикль), таким образом (2.11а) будет:

2.11. *Затова щом видят узрели къпини, казват: «Къпините узрели скоро ще узрее и гроздето!»*

Поэтому, увидев зрелую ежевику, говорят: «Ежевика созрела: скоро созреет и виноград!»

(Андрейчин 1974: 538).

2.11а ...: «*Ето узрелите къпини: скоро ще узрее и гроздето!*»

...: «*Вот созревшая ежевика: скоро созреет и виноград!*»

Оптитив. Оптитив — одно из редко выделяемых у болгарских *л*-форм значений. *Л*-формы в оптитивном значении используются прежде всего в устойчивых сочетаниях (проклятиях и благопожеланиях), напр. *Вълци го яли!* «Пусть его съедят волки!» или *Чул те Господ и с двете уши!* «Да услышит тебя Господь и тем, и другим ухом!». В литературе можно также найти некоторое количество случаев, когда такое значение появляется и в неклишированных сочетаниях (в 2.12 несколько *л*-форм, в данный момент нас интересует та, что использована в оптитивном значении: *ако била кобилата*):

2.12. *Жена му умряла*_{LPART} *преди година от огница, децата* *растели*_{LPART} *по божиата милост... О, ако била*_{LPART} *кобилата! Тогава можел*_{LPART} *да започне и търговия* (Калчев К. Софийски разкази. По: Levin-Steinmann 2004: 45).

Его жена умерла за год до этого от лихорадки, дети росли как Господь приведет... О, если бы у него была лошадь! Тогда он смог бы начать торговать.

Впрочем, вопрос о том, есть ли у болгарских *л*-форм косвенной эвиденциальности оптитивное значение вне клишированных конструкций, остается открытым. В приведенном примере не исключается и следующий вариант: крестьянин сказал: «О, ако беше кобилата», используя форму имперфекта после *ако* для передачи оптитивного значения, и уже эта форма была пересказана автором текста в виде «о ако била кобилата». В таком случае оптитивное значение будет связано с формой имперфекта, а не с ее маркированием по отношению к признаку Ev^- .

Мы предполагаем, что оптитивное значение *л*-форм в клишированных конструкциях возникло не на основе перфектоподобных форм, а из условного наклонения (болг. *бих писал*, *би писал*), в котором был опущен вспомогательный глагол. Таким образом они оказались идентичны *л*-формам без вспомогательного глагола, хотя их происхождение отличается. Это можно наблюдать и в их современном употреблении: по нашим наблюдениям, *л*-формы в оптитивном употреблении характерны исключительно для устойчивых конструкций, и таким образом, мы не будем их рассматривать.

Перфект:

2.13. *Виж децата ни как са*_{ESSE} *пораснали*_{LPART*}

Посмотри на наших детей, как они выросли.

Как правило, в случае употребления *л*-форм в перфектном значении, с ними не используется указание на точное время/дату совершения действия, но на это нет запрета, ср. допустимость (2.14) и (2.15)

2.14. *Постъпих*_{АОР} в университета на 1.9.2000.

Я поступил в университет 1.09.2000.

2.14а. *Постъпил*_{LPART} *съм*_{ESSE} в университета на 1.9.2000.

Я поступил в университет 1.09.2000.

(2.14а) может быть употреблен в автобиографии или в мемуарах, составляемых через продолжительное время после события, в то время как в рассказе о связанных между собой событиях прошлого следует использовать аорист и имперфект (2.14).

Репортатив. Репортатив — передача чужих слов с указанием на вторичность источника информации. Это одно из классических значений болгарских *л*-форм (болгарские *л*-формы именно в этом значении упоминаются в статье Р. Якобсона).

2.15. *Красимира била*_{LPART} болна. Иван ми го каза.

Красимира больна. Мне это сказал Иван.

В литературе по вопросу все эти значения обычно рассматриваются либо по отдельности, либо делятся на группы, либо — гораздо реже — исследователь ищет инвариантное значение, которое бы объединило все эти формы. Так, например, А. Левин-Штайнманн (Levin-Steinmann 2004: 191 et passim) предлагает считать таким инвариантом значение «констатации состояния», которое бы объединило все остальные значения, от перфекта (связь с настоящим через наблюдаемый результат действия, «состояние» дел в момент речи) до репортатива (через умозаключительный перфект/имперцептив, которые выводят на первый план опосредованность информации). З. Генчева (Guentschéva 1990; 1993; 1996; 2003; 2004; 2007) предложила считать инвариантным значением болгарских *л*-форм *médiatif* ‘опосредованность’ (термин восходит к работам Ж. Лазара), который включил бы в себя как собственно пересказ, так и умозаключение на основе каких-то фактов, но и (ад)миративное значение неожиданности факта для говорящего (Guentschéva 1996: 16).

На наш взгляд, наиболее многообещающий выход из ситуации представлен в работе (Fielder 1996), где автор предлагает выделить в болгарском языке специальную прототипическую категорию дистанцирования, носителем которой будут косвенные эвиденциалы ($Eν^-$) и прямые эвиденциалы ($Eν^+$). По всей видимости, эта идея восходит к грамматике македонского языка Г. Ланта (Lunt 1952), где предложен новаторский (и, на наш взгляд, недооцененный в позднейшей литературе) подход. Протицируем его слова: «Дистанцированный аспект (*distanced aspect*) глагола означает, что событие (действие) рассматривается как отдаленное во времени или с точки зрения реальности (*remote in either time or reality*). Он реализуется двумя способами. В первом случае с его помощью либо обозначается действие, которое началось в прошлом (т.е., до момента речи или момента, определяемого контекстом) и имеет отношение к настоящему, либо результат какого-либо действия в прошлом. Во втором случае с его помощью говорящий показывает, что он снимает с себя ответственность за точность утверждения»⁶³.

Не предлагая распространить этот подход на все языки, в которых есть грамматикализованная эвиденциальность, мы тем не менее полностью уверены, что он идеально подходит для болгарского языка (и, как мы покажем в дальнейшем, для македонского и албанского). Г. Лант пишет только о двух значениях *л*-форм (которые совпадают в болгарском и македонском языках) — перфектном и пересказывательном, но на наш взгляд, все остальные перечисленные выше значения укладываются в эту схему.

(AD)MIR	(Ад)миратив	(Новая) информация отличается от той, что есть у говорящего (т.е. она неожиданна для него), и он показывает, что <i>дистанцируется</i> от нее.
DUB	Дубитатив	Говорящий эпистемически оценивает информацию как недостоверную и показывает, что <i>дистанцируется</i> от нее.
CONCL	Конклюдив = имперцептив	Говорящий указывает на опосредованный способ получения информации (путем умозаключения) и показывает, что <i>дистанцируется</i> от ответственности за ее достоверность.

⁶³ «The distanced aspect denotes that the event (action) is viewed as somewhat remote in either time or reality. It is realized in two ways: either, an action which began in the past (that is, prior to the moment of utterance or a moment defined by the context) has some relevance for the present, or represents the result of a past action; or, it denotes that the speaker is disclaiming responsibility for the accuracy of the statement» (Lunt 1952: 67).

Окончание таблицы

PERF	Перфект = констатация состояния	Говорящий показывает, что между моментом речи и событием существует временная <i>дистанция</i> .
REP	Репоратив	Говорящий указывает на опосредованный способ получения информации (со слов других) и показывает, что <i>дистанцируется</i> от ответственности за ее достоверность.

Хотелось бы отметить, что до Г. Филдер к сходным выводам пришла Т. В. Цивьян (Цивьян 1990: 151 сл.) в описании балканской модели мира: «Говорящий подчеркивает, что он находится вне сообщения, и в случае (ад)миратива его шаг *внутри* совершается очень резко. В то же время в нейтральных ситуациях (чистый пересказ) говорящий подчеркнуто сохраняет свою внешнюю по отношению к сообщению позицию. Поскольку в том и в другом случае употребляется одна и та же грамматическая форма ((ад)миратив), надо или считать одно из употреблений основным, а другое побочным, или приписывать этой грамматической категории более общее значение, — что мы здесь и предлагаем, вводя ее в оппозицию *внутренний/внешний* и тем самым указывая на ее место в М<одели>М<ира>, в данном случае — в БММ <балканской модели мира>» (Там же, 162; разрядка и курсив авторские).

К месту эвиденциальности в балканской модели мира мы еще вернемся в третьей части книги, пока же кратко подытожим нашу позицию в отношении инвариантного значения *л*-форм и форм на *-x/-ш/-ø-* в болгарском языке. Мы считаем, что эвиденциальность (включающая в себя пересказанность и конклюдивность) — только частный случай категории дистанции, вместе с эпистемичностью, (ад)миративностью, дубитативностью и перфектностью. Это позволяет нам, во-первых, избежать принципиально неразрешимой для болгарского языка проблемы выделения отдельных форм для разных эвиденциальных значений (и других категорий, связанных с эвиденциальностью опосредованно) и, во-вторых, сосредоточиться на описании функционирования категории в тексте и дискурсе с прагматической точки зрения, не принимая во внимание объективное отношение говорящего к передаваемой им информации. Соответственно, определяющий признак для семантики *л*-форм, по нашему мнению, это Ev^- , поэтому мы называем их косвенными эвиденциалами, а для форм на *-x/-ш/-ø-* — Ev^+ , поэтому мы называем их прямыми эвиденциалами.

Тернарная оппозиция в болгарской эвиденциальной системе

Сложность эвиденциальной системы болгарского языка в том, что она основана не на бинарной, а на тернарной оппозиции: противопоставляются не *пересказывательные* и *непересказывательные* формы, а прямые, косвенные эвиденциалы и нейтральные по отношению к эвиденциальности формы. Первым, кто предложил сходное описание системы, был Станков (Станков 1967; в табл. 2.4 используется терминология автора):

Таблица 2.4. «Лично-пересказанные», нейтральные и «пересказанные» формы по (Станков 1967: 344)

	Лично-пересказанные	Нейтральные	Пересказанные
PRAES	—	<i>прави</i>	<i>правел</i>
FUT	—	<i>ще прави</i>	<i>щял да прави</i>
FUT.ANT	—	<i>ще да е правил</i>	<i>щял да е правил</i>
AOR	<i>прави</i>	<i>правил е</i>	<i>правил</i>
IMPF	<i>правеше</i>	<i>правел е</i>	<i>правел</i>
PLSQ	<i>беше правил</i>	<i>бил е правил</i>	<i>бил правил</i>
FUT.PRAET	<i>щеше да прави</i>	<i>щял е да прави</i>	<i>щял да прави</i>
FUT.PRAET.ANT	<i>щеше да е правил</i>	<i>щял е да е правил</i>	<i>щял бил да прави</i>

В системе Станкова возможность опущения связки в третьем лице принимается в качестве признака отдельной парадигмы. Ранее мы уже высказали свою точку зрения по этому вопросу: опущение связки выполняет несколько функций, но этого недостаточно, чтобы говорить об отдельной парадигме. Кроме того, Станков предлагает считать формы *правил е*, *правел е*, *бил е правил*, *щял е да прави* и *щял е да е правил* (т. е. PERF = AOR.REP.AUX⁺, IMPF.REP.AUX⁺, PERF.REP.AUX⁺, FUT.REP.AUX⁺, FUT.ANT.REP.AUX⁺) нейтральными с точки зрения категории эвиденциальности. Мы бы не стали утверждать это с такой определенностью, поскольку большинство этих форм используется прежде всего для передачи незасвидетельствованных действий (как пересказанных, так и тех, информация о которых получена путем логического вывода — *inferred*).

Модель Станкова подверглась пересмотру в работе В. Фридмана (Friedman 2001). В основу классификации Фридман положил эпистемический показатель: вслед за Г. Аронсоном (Аронсон 1974) он называет эпистемически маркированные формы конфирмативными, т. е. «подтверждающими», а эпистемически немаркированные нейтральные — неконфирмативными («неподтверждающими»):

**Таблица 2.5. «Подтверждающие», нейтральные
и «неподтверждающие» формы (Friedman 2001: 22)**

	«ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ»	НЕЙТРАЛЬНЫЕ	«НЕПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ»
PRAES	—	<i>прави</i>	—
FUT	—	<i>ще прави</i>	—
FUT.ANT	—	<i>ще е правил</i>	—
AOR	<i>прави</i>	<i>правил (е)</i>	—
IMPF	<i>правеше</i>	<i>правел (е)</i>	—
PLSQ	—	<i>беше правил</i>	<i>бил (е) правил</i>
FUT.PRAET	—	<i>щеше да прави</i>	<i>щял (е/бил) да прави</i>
FUT.PRAET. ANT	—	<i>щеше да (е) правил</i>	<i>щял да (е) правил</i>

Впрочем, эта модель описывает только эпистемические оппозиции в системе форм болгарского глагола и не учитывает эвиденциальных оппозиций.

Опираясь на модели Станкова и Фридмана, мы предлагаем свое описание болгарской эвиденциальной системы:

1. Все личные формы болгарского глагола могут указывать на дистантное отношение говорящего к передаваемой им информации (EV⁻); указывать на отсутствие дистантного отношения по отношению к передаваемой информации, или, другими словами, на ее включение в личный фонд знаний говорящего (EV⁺) или быть нейтральными по отношению к этому признаку (NEUT).
2. Настоящее, будущее и будущее предварительное — нейтральные формы⁶⁴. Они не несут в себе указания на дистанцирование говорящего от передаваемой информации и, соответственно, на эвиденциальный статус информации.
3. Синтетические формы на *-x/-ш/-ø-* («непересказанные аорист и имперфект», «минало свършено» и «минало несвършено») можно использовать только для действий или ситуаций, для которых говорящий задает малую дистанцию / отсутствие дистанции

⁶⁴ Здесь следует оговориться, что болгарские формы типа *Това ще*._{VELLE} (*да*._{AGR}) *го* *е*._{AUX} *направил*._{LPART} *той* ‘Это, должно быть, сделал он’ мы в настоящей книге не рассматриваем. Академическая грамматика говорит про них следующее: «в значении этих форм будущего времени на первый план выходит потенциально-предположительный оттенок» (Грамматика 1983: 343–344, см. также 349). См. также в (Станков 1969: 153; Куцаров 1994: 201–202; Пашов 1994: 162).

- (например, допускается также использование этих форм в разговоре о событиях, которые говорящий не наблюдал лично, но достоверность которых не вызывает у него сомнений: можно сказать *Първата световна война започна през 1914 г.* ‘Первая мировая война началась в 1914 г.’, но дальше в рассказе об отдельных событиях Первой мировой использование аориста исключается).
4. Статус плюсквамперфекта, будущего в прошедшем и будущего предварительного в прошедшем с точки зрения категории дистанции требует дальнейшего исследования. Во всяком случае, возможность их модального использования не вызывает сомнения.
 5. Все остальные *л*-формы, построенные по модели (L_{PART}^+ (ESSE)), и производные от них имеют признак (EV^-), в системе языка они могут передавать целый ряд производных значений, в том числе эвиденциальность (пересказанность и конклюдивность/имперцептивность), эпистемичность, дубитативность, (ад)миративность и перфектность.
 6. Поскольку в EV^- снимается оппозиция между планом одновременности и планом предшествования (не различаются PRAES и IMPF, PERF и PLSQ, FUT и FUT.PRAET), по косвенному эвиденциалу (форме EV^-) нельзя определить, относится ли она к плану одновременности или к плану предшествования. Вслед за В. Фридманом мы считаем, что в болгарском языке нельзя говорить о подлинном дистанцированном настоящем, а все формы такого плана будут связаны с прошлым («я знаю, потому что мне об этом сказали в прошлом»). Предложение *Сега той пишел* L_{PART} *нов роман* ‘Сейчас он [, как говорят/как мне сказали/как я узнал,] пишет новый роман’ подразумевает, что факт сообщения уже имел место, т. е. это предложение следует интерпретировать как ‘Я получил P_{RAET} информацию, что он сейчас пишет новый роман’.
 7. Использование/опущение связки в третьем лице *л*-форм не является основанием для разграничения парадигм.

Л-формы в македонском

В отношении количества и семантики основных грамматических категорий между македонским и болгарским языком нет существенных различий. Поэтому здесь мы остановимся только на основных отличиях македонской системы от болгарской. Одно из них относится, скорее к металингвистике: македонисты (на наш взгляд, совершенно

правильно) отказались от идеи давать максимальный список форм македонского глагола, что позволило им избежать форм, которые бы включались в грамматики, но не использовались бы в речи. По всей видимости, это связано и с большей открытостью македонского, по сравнению с болгарским к диалектам и, соответственно, с большей вариантностью его грамматической системы. Кроме того, в основу разных грамматик могут быть положены разные грамматические концепции: например, если Р. П. Усикова выделяет будущее время как самостоятельную парадигму форм, то в грамматиках В. Фридмана и Г. Ланта будущее время объясняется как настоящее + модальная частица *ќе*.

Хотя максимального списка и нет, можно выделить «ядро» македонской грамматической системы — формы, которые приведены во всех грамматиках (аорист, имперфект, настоящее время, перфект I⁶⁵), и периферийные формы, которые представлены только в некоторых из них (плюсквамперфект I, II и III, перфект II и III и т. д.).

Представленный ниже список грамматических элементов, из которых строится македонская грамматическая система, составлен на основе грамматик (Lunt 1952; Конески 1967; Friedman 2002; Усикова 2003). Поскольку ряд условных обозначений был описан в предыдущем разделе («Л-формы в болгарском литературном языке»), а часть грамматических показателей в болгарском и македонском

⁶⁵ В обозначении перфекта и плюсквамперфекта мы следуем македонской грамматической традиции. В македонском литературном языке существует три вида перфекта и, соответственно, три вида плюсквамперфекта:

- перфект I по модели $ESSE_{1SG/PI+2SG/PI} + LPART$ (сум правел, правел/сум правил, правил) и связанный с ним структурно плюсквамперфект I по модели $ESSE.IMPf + LPART$ (бев правел, беше правел/бев правил, беше правил);
- перфект II по модели $НАВЕРЕ + NFORM$ (имав правено, има правено) и связанный с ним структурно плюсквамперфект II по модели $НАВЕРЕ.IMPf + NFORM$ (имав правено, имаше правено);
- перфект III по модели $ESSE + NFORM.FLEX$ (сум дојден, е дојден) и связанный с ним структурно плюсквамперфект III по модели $ESSE.IMPf + NFORM.FLEX$ (бев дојден, беше дојден).

«Flex» мы будем использовать как показатель того, что данное причастие изменяемое (ср. македонские *дојден-в, дојден-а, дојден-о, дојден-и*) или имеет полную форму (ср. албанск. *shkrua-r*); отсутствие «Flex» показывает, что причастие неизменяемое (ср. македонские причастия в составе форм $PERfII$: *тој има дојдено, таа има дојдено, тие имаат дојдено*; албанское апокопированное причастие в формах Ev^+ : *shkrua-kam*).

является эквивалентной по форме и значению, описательная часть настоящего списка существенно сокращена.

- **STEM** — глагольная основа — в македонском литературном языке, как и в болгарском, бывает двух видов: настоящего времени (STEM.PRAES) и аористная (STEM.AOR). Основы синтетического оптатива в македонском языке нет;
- **-PRAES, -AOR, -IMPF** — набор окончаний для соответствующих форм. Для экономии места при глаголах *сум* ‘быть’ и *има* ‘иметь’ не указывается;
- **ESSE** — *сум* ‘быть’⁶⁶, спрягаемый вспомогательный глагол. Список его функций шире, чем в болгарском, поскольку он вводит, помимо македонского PERF I (по формальному составу болг. PERF: единственное различие — регулярный пропуск вспомогательного глагола в 3SG/PL), еще и PERF III (ESSE + NFORM.FLEX, например *сум дојден*, дословно *я прийдён, *сум јаден* ‘я поел’, дословно *я еден)
- **VELLE** — *ќе*, вспомогательная частица, участвующая в образовании будущего и будущего предварительного; как и болгарский вспомогательный глагол *ще*, восходит к глаголу *хътѣти* ‘хотеть’. Отличие македонского от болгарского в том, что *ќе* не изменяется по временам, лицам и числам — соответственно, *л*-причастия у нее тоже нет. С этим связано и то, что в системе индикатива *да* после нее не используется⁶⁷;
- **НАВЕРЕ** — *има* ‘иметь’, спрягаемый вспомогательный глагол, который участвует в образовании «новых» форм перфекта (и плюсквамперфекта) по балканской модели с глаголом *иметь* (ср. македонский перфект II: *Имам*_{HABERE} *одено*_{PART} *там неколку пати* ‘Я ездил туда несколько раз’, ср. также греческ. *Εχω*_{HABERE} *πάει*_{PART} *εκεί μιὰ-δύο φορές* ‘то же’, албанск. *Kam*_{HABERE} *shkuar*_{PART.FLEX} *atje disa herë* ‘то же’)

⁶⁶ Словарной формой глагола в македонском является третье лицо единственного числа, однако глагол *сум* в грамматических описаниях дается в форме первого лица единственного числа (см., например, Усикова 2003: 176).

⁶⁷ Формы для выражения предположения типа *ќе + да + Praes/Impf/ Aor/ Perf I/ Perf II/ Perf III*, напр. *Господи, колку сум лежел, ќе да поминаа петнаесет дена оттогаш, а може и повеќе* ‘Господи, сколько же я лежал, с того времени прошло, наверное, пятнадцать дней, а может, и больше’ (Верижникова 1998; Усикова 2003: 211–212) в настоящей работе не рассматриваются.

- CONJAGR — *да*, связующий элемент, вводящий так называемый-наз. балканский конъюнктив (соответственно болг. и сербск. *да*, албанск. *të*, греческ. *να*, румынск. *să*);
 - LPART — *л*-причастия — как и в болгарском, бывают двух видов, аористное и имперфектное:
 - *л*-аористное причастие = STEM.AOR + показатель *л* + окончания рода/числа;
 - *л*-имперфектное причастие = STEM.PRAES + показатель *л* + окончания рода/числа;
 - NFORM — причастные формы на *-н/-т-*, используются при образовании «новых» перфектов и созданных на их основе форм, могут как изменяться по родам и числам (например, в перфекте III по модели ESSE + NFORM.FLEX *сум дојден* ‘я вернулся’; *сум дојдена* ‘я вернулась’; *сме дојдени* ‘мы вернулись’), так и использоваться в неизменяемой форме (например, в перфекте II по модели HABERE + NFORM, *имам дојдено* ‘я вернулся’, ср. русск. простореч. *он выпивши*, диалектн. *Баня была сгоревши*).
- Македонская темпоральная система, как и болгарская, имеет гораздо более комплексный характер, чем в остальных славянских языках.

Таблица 2.6. Система личных глагольных форм македонского глагола

Условное обозначение	Расшифровка	Пример	Основные составные элементы
PRAES	Настоящее	<i>прав-ам, прав-и</i>	STEM.PRAES-PRAES
FUT	Будущее простое	<i>ќе прав-ам, ќе прав-и</i>	VELLE + STEM.PRAES-PRAES
FUT.ANT	Будущее предварительное	<i>ќе имам правено, ќе има правено</i>	VELLE + HABERE + NFORM
AOR	Аорист	<i>(на)прав-ив, (на) прав-и</i>	STEM.AOR-AOR ⁶⁸
IMPF	Имперфект	<i>прав-ев, прав-еше</i>	STEM.PRAES-IMPF ⁶⁹
PERFI	Перфект I	<i>сум правел, правел/сум правил, правил</i>	ESSE. _{1sg/Pl+2sg/Pl} + LPART

⁶⁸ Аорист от непроеизводных глаголов несовершенного вида образуется исключительно редко; говорящие более молодого возраста могут вовсе не использовать этой формы и не знать ее (Усикова 2003: 197).

⁶⁹ Между основой и окончанием может вставляться имперфектный суффикс.

Окончание таблицы 2.6

Условное обозначение	Расшифровка	Пример	Основные составные элементы
PLSQI	Плюсквамперфект I	<i>бев правил, беше правил/бев правел, беше правел</i>	ESSE.IMPf + LPART
PERFII	Перфект II	<i>имам правено, има правено</i>	HABERE + NFORM
PLSQII	Плюсквамперфект II	<i>имав правено, има-ше правено</i>	HABERE.IMPf + NFORM
PERFIII	Перфект III	<i>сум дојден, е дојден</i>	ESSE + NFORM.FLEX
PLSQIII	Плюсквамперфект III	<i>бев дојден, беше дојден</i>	ESSE.IMPf + NFORM.FLEX
FUT.PRAET	Будущее в прошедшем	<i>ќе прав-ев, ќе прав-еше</i>	VELLE.IMPf + CONJAGR + STEM.PRAES-IMPf
FUT.PRAET.ANT	Будущее предварительное в прошедшем	—	—
IMPER.SYNTH	Синтетический императив	<i>прави</i>	STEM.PRAES _{2SG/2PI}
IMPER.ANALYTH = CONJ	Аналитический императив = конъюнктив	<i>да прав-ам, да прав-и</i>	CONJAGR + STEM.PRAES-PRAES
OPT	Синтетический оптатив	—	—
OPT.IMPf	Синтетический оптативный имперфект	—	—

В македонском литературном языке выделяются следующие косвенные эвиденциалы:

- **индикатива:** (1) настоящего времени / имперфекта (*сум правел, правел*), (2) аориста (*сум направил, направил / сум правил, правил*), (3) будущего / будущего в прошедшем (*ќе сум правел, ќе правел*), (4) перфекта II / плюсквамперфекта II (*сум имал правено, имал правено*), (5) будущего предварительного (*ќе сум имал правено, ќе имал правено*);
- **конъюнктива:** (6) настоящего времени/ имперфекта: *да сум правел, да правел*; (7) перфекта: *да сум имал направено, да имал направено* (Усикова 2003: 217–218).

Как и болгарская эвиденциальная система, македонская основана на тернарной оппозиции следующих форм: Ev⁻, Ev⁺ и нейтральных (Таблица 2.7):

1. В македонском все личные формы македонского глагола могут указывать на дистантное отношение говорящего к передаваемой

Таблица 2.7. Эвиденциалы и нейтральные по отношению к эвиденциальности формы в македонском языке

Условное обозначение	Ev ⁺ + NEUT	Ev ⁻
FUT	VELLE + STEM.PRAES- <i>PR</i> AES <i>ке прав-ам, ке прав-и</i>	VELLE + ESSE + LPART <i>ке сум правил/правел, ке правил/правел</i>
FUT.PRAET	VELLE.IMPf + CONJAGR + STEM.PRAES- <i>IMPf</i> <i>ке прав-ев, ке прав-еше</i>	
FUT.ANT	VELLE + HABERE + LPART <i>ке имам правено, ке има правено</i>	VELLE + ESSE _{1Sg/Pl+2Sg/Pl} + HABERE. LPART + NFORM <i>ке сум имал правено, ке имал правено</i>
PR AES	STEM.PRAES- <i>PR</i> AES <i>прав-ам, прав-и</i>	ESSE _{1Sg/Pl+2Sg/Pl} + LPART <i>сум правел, правел</i>
IMPf.	STEM.PRAES- <i>IMPf</i> <i>прав-ев, прав-еше</i>	
AOR	STEM.AOR- <i>AOR</i> <i>прав-ив, прав-и</i>	ESSE _{1Sg/Pl+2Sg/Pl} + LPART <i>сум правил, правил</i>
PERfI	ESSE _{1Sg/Pl+2Sg/Pl} + LPART <i>сум правил, правил/сум правел, правел</i>	—
PLUSQI	ESSE.IMPf + LPART <i>бев правил, беше правил/бев правел, беше правел</i>	—
PERfII	HABERE + NFORM <i>имам правено, има правено</i>	ESSE _{1Sg/Pl+2Sg/Pl} + HABERE.LPART + NFORM <i>сум имал правено, имал правено</i>
PLUSQII	HABERE.IMPf + NFORM <i>имаев правено, имаше правено</i>	
PERfIII	ESSE + NFORM.FLEX <i>сум правен, е правен</i>	ESSE + ESSE.LPART + NFORM <i>сум бил правен, бил правен</i>
PLUSQIII	ESSE.IMPf + NFORM.FLEX <i>бев правен, беше правен</i>	

им информации (Ev⁻); указывать на отсутствие дистанции по отношению к передаваемой информации, т.е. на то, что информация включается в фонд личных знаний говорящего (Ev⁺) или быть нейтральными по отношению к этому признаку (NEUT).

- Настоящее время и времена группы будущего, PLUSQI, PERfII и PERfIII — нейтральные формы. Они не несут в себе информации об источнике информации. Статус PLUSQII и PLUSQIII по отношению к категории еще предстоит определить. Пока не будет доказано обратное, мы будем рассматривать их как нейтральные формы.
- Синтетические формы на *-в-/-ш-/-j-/-Ѡ-*, как и структурно соответствующие им болгарские синтетические формы на *-х-/-ш-/-Ѡ-*,

указывают на малую дистанцию говорящего от передаваемой им информации. Это прежде всего относится к лично засвидетельствованным говорящим событиям (прямая эвиденциальность), но не только: сюда же включаются и события, которые говорящий не наблюдал лично, но достоверность которых не вызывает у него сомнений («несвидетельский конфирматив»).

4. В отличие от болгарского, в македонском три вида форм перфекта. Их употребление подробно рассматривается в работе (Graves 2000). Перфект I чаще всего используется с несвидетельским значением (признак Ev^-)⁷⁰; перфект II используется со значением посессивности; перфект III иногда используется в значении экспериенциала. При этом основное значение для всех трех форм одно — перфектность. По мнению Н. Грейвс, «в большинстве македонских диалектов использование каждого из перфектов в особом контексте всё еще не конвенционализировано» (Ibid., 492). Для перфекта I нет маркированной формы Ev^+/Ev^- ; перфект II и III мы относим к нейтральным формам, поскольку их использование при пересказе чужой речи допустимо (они могут передавать дистанцию по времени, но нерелевантны с точки зрения дистанции говорящего от содержания высказывания).
5. Все остальные формы ($Fut.Ev^-$, $Fut.Ant.Ev^-$, $Impf.Ev^-$, $Aor.Ev^-$, $Perf.II.Ev^-$, $Perf.III.Ev^-$) можно использовать только в рассказе о незасвидетельствованных событиях, поэтому они включены в маркированные формы Ev^- .
6. Как и в болгарском, из-за снятия оппозиции между планом одновременности и планом предшествования (не различаются $Praes$ и $Impf$, Fut и $Fut.Praes$, $Perf.III$ и $Plsq.III$), по форме Ev^+ нельзя определить, соответствует ли она плану одновременности или плану предшествования. Поэтому и в отношении македонского языка мы не будем говорить о $Praes.Ev^+$ как о самостоятельной форме (только как об одном из значений формы $Impf.Ev^+$).

Перечислим основные значения македонских *л*-форм. Они совпадают со значениями, которые присутствуют у болгарских *л*-форм:

⁷⁰ Впрочем, это значение реализуется не всегда: Т. В. Цивьян пишет, что этот перфект «пересказывает сам себя» — Цивьян 1990: 175, т. е., есть и нейтральные с точки зрения эвиденциальности случаи использования этой формы

(Ад)миратив:

Македонский

2.16 *Па на двор не_{NEG} било_{LPART} ладно!*

А на улице (оказывается) не холодно! (Усикова 2003: 219).

Дубитатив:2.17. — *Ти си стар!* — *Е, јас сум_{ESSE.1SG} бил_{LPART} стар!*

— Ты старый! — Это я-то старый?! (Усикова 2003: 220).

Конклюдив:2.18. *Си_{ESSE.2SG} го ранила_{LPART} си_{ESSE.2SG} го гледала_{LPART} Настета со неспиење .*Ты кормила Насте, присматривала, не спала ночами⁷¹.

(Конески 1966: 471–472).

Констатация состояния:2.19. *На блага та косина тревата полегнала_{LPART} се_{REFL} направила_{LPART} патека од змегчено зеленило, па одвај успеваше во слабата утринска топлина да се исправи.*

На пологом склоне трава полегла, образовалась тропинка из примятой зелени, и она едва успевала выпрямиться от слабого утреннего тепла.

(Момировски Т., по Усикова 2003: 206).

Оптатив:

Как и в болгарском, в македонском оптатив, синонимичный косвенным эвиденциалам, встречается редко, и в основном в клишированных сочетаниях:

2.20. *Дал_{LPART} Бог добро чорбаџи Аџо, за арно сум те сретнала. Другачка ми те глеала низ чаршија и ептен те бендисала. Оди да те запознаам.*

(http://hi5.com/friend/182412222--aco--Profile.html)

Да даџ тебе Бог благо, господин Аџо, хорошо, что я тебя встретила. Моя подруга увидела тебя на чаршии и ты очень ей понравился. Идем, я тебя с ней познакоблю.

Источник омонимии этих форм с косвенными эвиденциалами, как и в болгарском, по всей видимости следует искать в формах условного наклонения (македонск. *јас би дал, тој би дал*) с пропущенным

⁷¹ Б. Конески комментирует этот пример так: «Хотя Зоре в первый раз встречается с Митрейцой, он делает следующее заключение о ее жизни... по тому, как бедно обставлен ее дом» (там же).

вспомогательным глаголом *би*. В настоящей работе они не будут рассматриваться.

Перфект:

Сложная ситуация с македонским перфектом I уже была описана выше, здесь же следует сказать, что в связи с возникновением и развитием перфекта II перфектные значения стали всё более ассоциироваться именно с перфектом II, а для перфекта I «теоретически любое употребление... может быть интерпретировано и как чистый перфект, и как форма КП <категории пересказа, т. е., в наших терминах, эвиденциальности. — М.М.> ...и даже обращение к контексту, необходимое по условию, не всегда может обеспечить однозначность. Эта особенность создает <...> постоянное "ощущение присутствия" КП» при использовании перфекта I (Цивьян 1991: 175), как, например, в следующем примере, одном из тех, которыми Р. П. Усикова иллюстрирует результативные значения перфекта:

2.21. *Се што напишал_{L.PART} Цинот во форма на дијалог е мошне скромно.*

Все, что написал Йордан Хаджиконстантинов-Джинн в форме диалога, весьма скромно (Бошковски J. , по Усикова 2003: 206).

Безусловно, здесь присутствует и значение перфекта, но не менее важным является и неличная засвидетельствованность (жизнь и творчество писателя, о котором идет речь, относятся к XIX веку, следовательно говорящий значительно дистанцирован от источника передаваемой информации).

Репортатив:

Собственно, то же самое можно сказать и о репортативе: если не все, то многие употребления косвенных эвиденциалов в репортативном значении могут актуализировать и значение перфекта:

2.22. *Таа се ограничи на неколку кратки и суви отговори. Ја викале_{L.PART} Донка... Мажот отишол_{L.PART} в град, отаде во туѓина, таму се преженил_{L.PART} заборавил_{L.PART} на неа.*

Она ограничилась несколькими краткими и сухими ответами. Ее звали Донка... Муж уехал в город, оттуда в чужие края, там женился еще раз, забыл ее (Чашуле К., по Усикова 2003: 219).

В приведенном примере у первой из подчеркнутых форм (*викале*), безусловно, значение перфекта исключается, зато у трех форм, которые следуют за ней, может быть и дополнительное значение перфекта. Соответственно, если бы информация передавалась не с чужих слов, то она могла бы выглядеть как 2.22а (без перфектного значения) или 2.22б/2.22в (с перфектным значением):

2.22а. «*Ме викаат*_{PRAES} *Донка... Мажот отиде*_{AOR} *в град, отаде во туѓина, таму се прежени*_{AOR} *заборави*_{AOR} *на мене*».

2.22б. «*Ме викаат*_{PRAES} *Донка. Мажот отишол*_{LPART=PERF} *в град, отаде во туѓина, таму се преженил*_{LPART=PERF} *заборавил*_{LPART=PERF} *на мене*».

2.22в. «*Ме викаат*_{PRAES} *Донка. Мажот има*_{JABERE} *отидено*_{PART (=PERFII)} *в град, отаде во туѓина, таму се*_{REFL} *има*_{JABERE} *преженето*_{PART (=PERFII)} *има*_{JABERE} *заборавено*_{PART (=PERFII)} *на мене*».

Инвертированный перфект в албанском

В основе албанской системы глагольных форм, как и в основе балканославянских систем, лежит ограниченное количество элементов:

- СТЕМ — глагольная основа. Классификация глагольных основ в албанском исключительно затруднена разнообразными морфологическими перестройками в диахронии; большинство глаголов имеет только одну основу, от которой образуются все формы при помощи аффиксов и вспомогательных глаголов и частиц (например, *puno-j* ‘работать’: *puno-j*_{PRAES}, *puno-ja*_{IMPF}, *puno-va*_{AOR}, *puno-kam*_{PRAES.EV+}, *puno-fsh-a*_{OPT...}), но есть и ряд глаголов, которые различают, например, основу настоящего времени и имперфекта (*vras* ‘убивать’: *vras-ø*_{PRAES}, *vrish-ja*_{IMPF}, *vra-va*_{AOR}, *vra-kam*_{PRAES.EV+}, *vra-fsh-a*_{OPT...}), имея при этом труднопредсказуемые чередования внутри отдельных парадигм (*vras*_{PRAES.1SG}, *vret*_{2SG=3SG}, *vrashim*_{1PL}, *vrishni*_{2PL}, *vrashin*_{3PL}), настоящее время, аорист и имперфект и т. д., см. подробнее в монографии Л. Ньюмарка (Newmark 1957: 89–95; также Buchholz, Fiedler 1987: 70 и далее; Domi et al. 2002: 278–279). Исключительно разнообразны основы для разных форм у вспомогательных глаголов *kam* ‘иметь’ и *jam* ‘быть’ (*kam*: *ki-sh-a*_{IMPF}, *pat-a*_{AOR}, *pas-ur*_{PART}, *pa-ça*_{OPT...}; *jam*: *i-sh-a*_{IMPF}, *qe-shë*_{AOR}, *qo-fsh-a*_{OPT}, *ji*_{IMPER...}). Для упрощения описания мы не будем делить основы глаголов по классам, приняв безотносительно к классу основы обозначение СТЕМ;

- PART — причастие. Албанские причастия образуются от особой основы (она может совпадать с основой настоящего времени или аориста, но может и не совпадать ни с одной из них). Мы будем рассматривать два вида причастий: полное (PART.FLEX) и краткое (PART: без окончания, или апокопированное) причастия. В отличие от балканославянских причастий, албанские не различают формы залога и времени;
- ESSE — *jam* ‘быть’, спрягаемый вспомогательный глагол;
- VELLE — *do*, вспомогательная частица со значением следования (она вводит времена группы будущего) и/или с модальным (как и македонское *ќе*, она используется в качестве показателя кондиционалиса). Как и соответствующие болгарский и македонский показатели, восходит ко глаголу со значением ‘хотеть’ (алб. *dua*; значение «желательности» — только одно из широкого семантического спектра, выражаемого этим глаголом: ‘любить’, ‘хотеть’, ‘нравиться’, ‘нуждаться’, ‘требовать’...);
- НАВЕРЕ — *kam* ‘иметь’, спрягаемый вспомогательный глагол;
- CONJAGR — *të*, связующий элемент, вводящий так называемый балканский конъюнктив (соответственно болг., македонск. и сербск. *да*, греческ. *να*, румынск. *să*). В албанской традиции считается показателем отдельного, «связывающего» наклонения — *mënyra lidhore*.

Со значениями, которые мы относим к семантической зоне дистанции (эвиденциальность, эпистемичность, (ад)миративность...), в албанском языке выступает инвертированная перфектная форма с апокопированным причастием (ср. перфект *kam shkruar*, ‘я написал’ vs. инвертированная перфектная форма с апокопированным причастием *shkruakam*⁷² ‘я, оказывается/говорят, пишу’). Остальные формы образуются по этому же образцу. Парадигма косвенных эвиденциалов в основном задействует апокопированное причастие (*shkrua-*) и связку ‘иметь’ в разных формах (НАВЕРЕ.PRAES: *-kam*, НАВЕРЕ.IMPf: *-kësha*, НАВЕРЕ.PRAES.EV: *paskam*, НАВЕРЕ.IMPf.EV: *paskësha*).

В отличие от болгарской и македонской эвиденциальных систем, албанская основана на бинарной оппозиции *косвенных эвиденциалов*⁷³

⁷² Приведены только формы действительного залога, для каждой из них есть соответствующая форма возвратно-страдательного залога.

⁷³ Как будет показано в дальнейшем, для албанской системы эвиденциальные значения находятся на периферии, а основным является выражение

и нейтральных по отношению к эвиденциальности форм. Использование форм дистанцирования грамматически необязательно, и вместо них всегда могут быть использованы соответствующие нейтральные формы. В сущности, среди рассмотренных систем албанская — наиболее простая.

Поскольку система личных форм албанского глагола строится из перечисленных выше элементов в разных комбинациях, потенциально она открыта, в принципе допуская образование новых форм. Приведем эту систему (только личные формы) в таком виде, в каком она представлена в академической грамматике (Domi et al. 2002) и в работе А. П. Сытова (Сытов 1979), специально рассматривающей косвенные эвиденциалы (табл. 2.8).

Таблица 2.8. Формы EV⁻ и NEUT в албанском языке

Название в источнике	Сокращение	NEUT	EV ⁻
Е TASHME (Domi et al. 2002)	PRAES	STEM-PRAES <i>shkrua-j</i>	PART-HABERE.PRAES <i>shkrua-kam</i>
Е ARDHME (Domi et al. 2002)	FUT	VELLE + (CONJAGR) + STEM-PRAES <i>do (të)⁷⁴ shkruaj</i>	VELLE + (CONJAGR +) PART-HABERE.PRAES <i>do (të) shkrua-kam</i>
Е ARDHME E PËRPARME (Domi et al. 2002)	FUT.ANT	VELLE + (CONJAGR) + HABERE.PRAES + PART.FLEX <i>do (të) kem shkruar</i>	<i>не зарегистрирована в грамматиках⁷⁵</i>
Е PAKRYER (Demiraj 2002)	IMPF	STEM-IMPF <i>shkruaja</i>	PART + HABERE-IMPF <i>shkrua-kësha</i>
Е KRYER E THJESHTE (Demiraj 2002)	AOR	STEM-AOR <i>shkro-va</i>	— (формы не существует)
Е KRYER (Demiraj 2002)	PERF	HABERE + PART.FLEX <i>kam shkruar</i>	HABERE.PART-HABERE. PRAES + PART.FLEX <i>pas-kam shkruar</i>

эмоциональной реакции слушателя на событие, о котором он говорит. Параллельное рассмотрение балканославянских и албанской системы предполагает использование унифицированной терминологии, поэтому в приложении к албанской системе мы также можем использовать термины «эвиденциальность», «эвиденциальный», «эвиденциал», если это оправдано логикой изложения.

⁷⁴ В современной разговорной албанской речи после *do* возможно опустить *të* во всех перечисленных в этом столбце формах.

⁷⁵ Поиск формы VELLE + (CONJAGR +) HABERE.PART-HABERE.PRAES + PART.FLEX (например, *do (të) paskam qenë* 'я, оказывается, буду бывшим') в Интернете показал, что она возможна.

Окончание таблицы 2.8

Название в источнике	Сокращение	NEUT	EV ⁻
ME SE E KRYER (Demiraj 2002)	PLSQI ⁷⁶	HABERE.IMPF+ PART. FLEX <i>kisha shkruar</i>	HABERE.PART-HABERE. IMPF + PART.FLEX <i>pas-kësha shkruar</i>
E KRYER E TEJSHKUAR (Demiraj 2002)	PLSQII	HABERE.AOR + PART. FLEX <i>pata shkruar</i>	HABERE.PART + HABERE. PRAES + HABERE.PART. FLEX + PART.FLEX <i>pas-kam pasë shkruar</i>
E ARDHME E SË SHKUARËS (Demiraj 2002)	FUT.PRAET	VELLE + CONJAGR + STEM-IMPF <i>do të shkrua-ja</i>	(ø Demiraj 2002 отсут- ствует, однако см. Сы- тов 1979, который при- равнивает эту форму к COND.PRAES, см. ниже)
E ARDHME E PËRPARME E SË SHKUARËS (Demiraj 2002)	FUT.PRAET. ANT	VELLE + CONJAGR + STEM-IMPF + PART. FLEX <i>do (të) kisha shkruar</i>	(ø Demiraj 2002 отсут- ствует, однако см. Сы- тов 1979, который при- равнивает эту форму к COND.IMPF, см. ниже)
СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛ., ИМПЕРФ. (Сытов 1979)	CONJ.IMPF	CONJAGR + STEM- IMPF <i>të shkrua-ja</i>	CONJAGR + PART + HABERE.IMPF <i>të shkrua-kësha</i>
СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛ., ПЛОСКВАМ. (Сытов 1979)	CONJ.PLSQ	CONJAGR + HABERE- IMPF + PART.FLEX <i>të kisha shkruar</i>	CONJAGR + HABERE.PART- HABERE.IMPF + PART.FLEX <i>të pas-kësha shkruar</i>
УСЛОВНОЕ НАКЛ., НАСТ. ВР. (Сытов 1979)	COND.PRAES (= FUT. PRAET)	VELLE + CONJAGR + STEM-IMPF <i>do (të) shkrua-ja</i>	VELLE + PART-HABERE. IMPF <i>do (të) shkrua-kësha</i>
УСЛОВНОЕ НАКЛ., ПРОШ. ВР. (Сытов 1979)	COND.IMPF (= FUT. PRAET.ANT)	VELLE + CONJAGR + HABERE.IMPF + PART. FLEX <i>do të kisha shkruar</i>	VELLE + CONJAGR + HABERE.PART + HABERE. IMPF + PART.FLEX <i>do të pas-kësha shkruar</i>

Количество косвенных эвиденциалов в парадигме в разных грамматиках значительно различается (иногда в несколько раз). Так, К. Кристофориди (Kristoforídi 1882) приводит 18 форм, С. Фрашэри (Frashëri 1882) и А. П. Сытов (Сытов 1979: 95–96) — 8 (их списки совпадают), а Ш. Демирай (Demiraj 2002: 292–293)⁷⁷ дает только шесть, двух из которых нет у Фрашэри и Сытова. Формы К. Кристофориди

⁷⁶ В работах по лингвистической албанистике разные виды перфектов и плюсквамперфектов обычно не нумеруются, но здесь для удобства мы вводим нумерацию.

⁷⁷ Причем в грамматике Domi et al. 2002 он приводит парадигмы только настоящего, имперфекта, перфекта и плюскваперфекта. В замечании на с. 293 он также указывает, что иногда употребляется «усложненная форма перфекта» («mbipërpëra të së kryerës»: *paska pasë larë*) и будущего (*do të laka*).

и С. Фрашэри приведены по (Lafe 1975: 144), при этом Э. Лафе не стал включать в таблицу формы, которые К. Кристофориди дает для так называемого «наклонения возможности» (например, *munt të pasëkam* = POSSUM + CONJAGR + HABERE.PART + HABERE.PRAES и т. п.).

В табл. 2.9. приведены албанские косвенные эвиденциалы, выделяемые разными исследователями.

**Таблица 2.9. Албанские косвенные эвиденциалы
в работах разных исследователей**

Накл.	Условные обозначения	К. Кристофориди	С. Фрашэри	Ш. Демирай ⁷⁸	А. П. Сытов
Индикатив	PRAES	PART + HABERE.PRAES <i>pasëkam</i>	<i>pasëkam</i>	<i>paskam</i>	<i>paskam</i>
	IMPF	PART+HABERE.IMPF <i>pasëkesham</i>	<i>pasëkesh</i>	<i>paskësha</i>	<i>paskësha</i>
	PERF	HABERE.PART + HABERE.PRAES + PART.FLEX <i>pasëkam pasë</i>	<i>pasëkam pasurë</i>	<i>paskam pasur</i>	<i>paskam pasur</i>
	PLUSQI ⁷⁹	HABERE.PART + HABERE.IMPF + PART.FLEX <i>pasëkesham pasë</i>	<i>pasëkësha pasurë</i>	<i>paskësha pasur</i>	<i>paskësha pasur</i>
	PERFII	HABERE.PART + HABERE.PRAES + PART.FLEX + PART.FLEX <i>pasëkam pasë pasë (dual.)*</i>	—	<i>paskam pasë pasë</i>	—
	PLUSQII†	HABERE.PART + HABERE.IMPF + PART.FLEX + PART.FLEX <i>pasëkesham pasë pasë (?)</i>	—	—	—
Конъюнктив	PRAES	CONJAGR + PART + HABERE. PRAES <i>të pasëkam‡</i>	—	—	—
	IMPF	PART + HABERE.IMPF <i>të pasëkesh</i>	<i>të pasëkësha</i>	—	<i>të paskësha</i>
	PERF	PART + HABERE.IMPF + PART. FLEX <i>të pasëkam pasë(?)§</i>	—	—	—
	PLUSQ	CONJAGR + HABERE.PART + HABERE.IMPF + PART.FLEX <i>të pasëkesh pasë</i>	<i>të pasëkësha pasurë</i>	—	<i>të paskësha pasur</i>

⁷⁸ У Демирая спрягаются несколько глаголов: *kam, jam, hap, laj, vë*, причем разные формы он образует для разных глаголов, поэтому мы вписали в таблицу недостающие формы глагола *kam*: *paskam pasur; paskësha pasur; paskam pasë pasë; do të paskam*.

⁷⁹ Неэвиденциальным эквивалентом этой формы является форма *kam pasë pasë*, которая обычно не выделяется в грамматиках.

Окончание таблицы 2.9

Накл.	Условные обозначения	К. Кристофориди	С. Фрашэри	Ш. Демирай ⁷⁸	А. П. Сытов
КОНЪЮНКТИВ	PERFII	PART+ HABERE.IMPf + PART.FLEX + PART.FLEX <i>të pasëkam pasë pasë(?)</i>	—	—	—
	PLUSQII	CONJAGR + HABERE.PART + HABERE.IMPf + PART.FLEX + PART.FLEX <i>të pasëkeshë pasë pasë(?)</i>	—	—	—
КОНДИЦИОНАЛИС	PRAES	VELLE + CONJAGR + PART + HABERE.PRAES <i>do të pasëkam (дуал.)**</i>	—	<i>do të paskam</i>	—
	IMPf	VELLE + PART + HABERE.IMPf <i>do të pasëkeshë</i>	<i>do të pasëkëshë</i>	—	<i>do të paskëshë</i>
	PERF	VELLE + PART + HABERE.IMPf + PART.FLEX <i>do të pasëkam pasë(?)</i>	—	—	—
	PLUSQI††	VELLE + PART + HABERE.IMPf + PART.FLEX <i>do të pasëkeshë pasë</i>	<i>do të pasëkëshë pasurë</i>	—	<i>do të paskëshë pasur</i>
	PERFII	VELLE + PART+ HABERE.IMPf + PART.FLEX + PART.FLEX <i>do të pasëkam pasë pasë(?)</i>	—	—	—
	PLUSQII	VELLE + PART + HABERE.IMPf + PART.FLEX + PART.FLEX <i>do të pasëkeshë pasë pasë(?)</i>	—	—	—

* Помету (*дуал.*) имеют «формы, носящие узкодиалектный характер» (Сытов 1979: 93), в то же время Демирай (Указ. соч.) никак их не комментирует. Вопросительным знаком отмечены «формы, реальное существование которых... вызывает сомнение» (Сытов 1979: 93).

† В албанской терминологии *me së e kryer* или *e kryer e tejkaluar*, форма не-(ад)миратива: *pata pasur*. Б. А. Серебренников (Серебренников 1950: 417) называет его «преждепрошедшее второе».

‡ Э. Лафе полемизирует с Демираем, указывает, что эта форма употребляется и в современной ему албанской речи, приводя примеры (Lafe 1975: 145).

§ В то же время Э. Лафе считает эту форму совершенно нормальной (Указ. соч., 148), хотя не приводит для нее примеров.

** Э. Лафе называет формы кондиционалиса формами «будущего времени» (Указ. соч., 145).

†† У А. П. Сытова просто «прошедшее время».

Э. Лафе объясняет, почему у К. Кристофориди такое большое количество форм: поскольку Кристофориди считал косвенные эвиденциалы вариантом нейтральных форм индикатива (соответственно, конъюнктива), то он образовывал их по аналогии с каждой из форм индикатива и конъюнктива. Собственно, по этому же пути пошли

и болгарские грамматисты при создании таких форм, как *щял сѝм бил да сѝм писал*, *щял бил да е писал*. Как несложно заметить, албанские косвенные эвиденциалы образуются по механизму, похожему на тот, что мы наблюдали в болгарском языке (*mutatis mutandis*; в албанском нет форм дубитатива, таким образом у нас будет не три степени, а две).

Болгарский

<i>писах, писа</i>	<i>писал сѝм, писал</i>	<i>бил сѝм писал, бил писал</i>
STEM.AOR	Lpart + (Esse)	Esse.Lpart + (Esse) ⁸⁰ + Lpart

$$y \rightarrow f(y) \rightarrow f(f(y)),$$

Албанский

<i>shkruaj</i>	<i>shkrua-kam</i>
STEM.PRAES	PART + HABERE
<i>kam₁ shkruar</i>	<i>pas₁-kam₂ shkruar</i> ⁸¹
HABERE + PART.FLEX	HABERE.PART + Habere + PART.INFL
<i>pata shkruar</i>	<i>paskam pasë shkruar</i>
HABERE.AOR + PART.FLEX	Habere.Part + Habere.Praes + HABERE.PART + PART.FLEX

$$y \rightarrow f(y),$$

где y — полнозначная глагольная основа (в нейтральных формах — с окончаниями лица и числа), af — глагол *kam* ‘иметь’, который переводит полнозначный глагол в форму апокопированного причастия, занимая первую позицию справа от него.

Интересен способ, при помощи которого в албанской системе от формы PERF, в состав которой входит аористная форма глагола *kam*, образуется PERF.EV⁻. Мы уже отмечали, что в албанском языке от аориста форма EV⁻ не образуется. Как же выйти из положения, если требуется передать эмоциональное отношение (недоверие, вторичность информации и пр.) при рассказе об однократном событии в прошлом? Для этого в албанском языке используется дистанцированная форма перфекта. Это одно из проявлений экспансии албанского перфекта в область традиционных значений аориста

⁸⁰ В третьем лице *сѝм* чаще всего опускается.

⁸¹ При переводе в форму EV⁻ глагол *kam₁*, входивший в состав изначальной формы, перешел в форму усеченного причастия *pas-*, а тот глагол *kam₂*, который присутствует в форме EV⁻, появляется в ней как формообразующий элемент.

(как в немецком и сербском), о котором мы говорили в первой главе. Ср. таблицу ниже:

	Значение	Нейтральные формы	Формы Ev ⁻
PERF	Действие в прошлом, актуальное для настоящего момента	<i>Blerta ka.</i> ^{HABERE.3SG} <i>qenë.</i> ^{PART.FLEX} <i>në Kosovë</i> 'Блерта бы(ва)ла в Косове'.	<i>Blerta pas-ka.</i> ^{HABERE.PART-HABERE.3SG} <i>qenë.</i> ^{PART.FLEX} <i>në Kosovë.</i> 'Блерта, оказывается,/ якобы бы(ва)ла в Косове!?'.
AOR	Однократное действие в определенный момент прошлого	<i>Ajo shkoi.</i> ^{AOR} <i>atje në 21 janar</i> = <i>Ajo ka.</i> ^{HABERE.3SG} <i>shkuar.</i> ^{PART.FLEX} <i>atje në 21 janar</i> 'Она ездила туда 21 января'.	<i>Ajo pas-ka.</i> ^{HABERE.PART-HABERE.3SG} <i>shkuar.</i> ^{PART.FLEX} <i>atje në 21 janar.</i> 'Она, оказывается,/ якобы ездилa туда 21 января'.

В грамматике О. Буххольц и В. Фидлера эта особенность отмечается только для северо-восточных гегских говоров (Buchholz, Fiedler 1986: 130); однако в академической грамматике албанского языка (Demiraj 2002: 313) указывается, что это происходит как в разговорной речи, так и в письменной, без привязки к диалектам; см. также (Përnaska 1982: 141, 143, 148; Асенова 2002: 252–253)⁸².

Значения

Первоначальные толкования семантики албанских косвенных эвиденциалов достаточно ясно отражены в данных им названиях. Определение «формы удивления», «наклонение удивления» (*mënyre habitore*) надолго вошло в албанский научный обиход, и «неизменно повторялось и в последующих грамматических описаниях, причем с минимальным количеством примеров» (Десницкая 1982: 171–172). В описаниях албанской грамматики на других языках прочно укрепился термин *адмиратив*⁸³, вошедший и в аппарат типологической лингвистики. Лишь в 1948 г. М. Ламберц отмечает, что «адмиративные формы передают живую заинтересованность рассказчика или говорящего в действии, обозначенном глаголом. Они появляются поэтому в грубоватых описаниях (напр. в народных песнях), в возгласах радости и удивления, в заверениях, и часто используются в народ-

⁸² Более того, под албанским влиянием в некоторых славянских идиомах (в кайнас, славянском говоре Бобоштицы; в Каменице, округ Корчи, в речи переселенцев из Требишт, округ Дибры-е-Вогэль) перфект также начинает замещать аорист.

⁸³ Который мы пишем без скобок (не: (ад)миратив) и в кавычках или курсивом, чтобы отличить его от соответствующего значения.

ной речи» (Lambertz 1948: 45). В 1966 А. Шмаус (Schmaus 1966: 103–124) проанализировал большое количество примеров употребления косвенных эвиденциалов в литературных и фольклорных текстах и выделил ряд их существенных семантических компонентов: неожиданность действия, субъективную реакцию говорящего, недоверие к сообщаемому факту и его внутреннее неприятие (собственно, почти все значения из этого списка мы включаем в семантическую зону дистанции). Это показало, насколько сложной является их семантика. Следствием из работы Шмауса стало ясное осознание того, что термин *адмиратив* не описывает албанские косвенные эвиденциалы во всей полноте. Сравнивая албанские и балканославянские косвенные эвиденциалы, В. Фидлер приходит к выводу, что в албанском языке они едва ли имеют эвиденциальность своим основным значением, хотя в ряде случаев в их семантике присутствует и пересказывательный элемент (что было существенно новым моментом в исследовании этих форм в албанском языке: до этого об эвиденциальных значениях албанского «адмиратива» не было известно). По большому счету, в балканославянских языках ситуация сходная, но если в них в качестве первичного значения принимается репортативность, а (ад)миративность — как производное, то в албанском ситуация обратная (Fiedler 1968: 369). Парадоксальным образом речь о репортативной семантике косвенных эвиденциалов зашла только через 80 лет после их первого научного описания, не без влияния работ, посвященных генетически иному языковому материалу.

А. П. Сытов также полагает, что албанские косвенные эвиденциалы передают значения (ад)миративности и репортативности, и выделяет их основные значения в тексте. Он приходит к выводу, что (ад)миративность и репортативность «следует признать частными, контекстуально обусловленными проявлениями некоего единого семантического комплекса» со значением неочевидности и незасвидетельствованности (Сытов 1979: 104). Первичным значением этого комплекса в диахронии следует признать именно репортативность, а (ад)миративные значения признаются вторичными, развившимися в результате перехода от нейтрального пересказа к пересказу оценочному. «Особое употребление» косвенных эвиденциалов в языке северногегского фольклора А. П. Сытов объясняет тем, что первоначально этим формам было присуще значение пересказывательности,

а со временем они стали одним из элементов стилистики жанра (Сытов 1979:105).

А. В. Десницкая исследует семантику албанских косвенных эвиденциалов на основе их употребления в народно-разговорной речи и в устной народной поэзии. Вслед за Фидлером Десницкая выделяет два спектра их значений: «адмиративное» и репортативное. В широком контексте повествования их употребление служит средством выделения факта, обладающего, с точки зрения рассказчика, особой значимостью. Косвенные эвиденциалы — это грамматико-стилистический показатель, с помощью которого акцентируется значимость этой информации (Десницкая 1982: 183–185). В поисках возможной семантической мотивации в выработке этой особой стилистико-грамматической категории А. В. Десницкая использует литературоведческий термин «остранение», когда говорящий подходит к содержанию своего сообщения как бы со стороны; тем самым подчеркивается особая позиция отчужденности говорящего по отношению к сообщению. Это выражается в эмфатическом выделении причастия, что истолковывается как «объективация, выдвижение на первый план основного признака, выраженного глагольной формой в составе сказуемого» (Там же, 185). В дальнейшем А. В. Десницкая обратилась к рассмотрению албанских косвенных эвиденциалов несколько под другим углом, о чем подробнее будет сказано ниже.

В грамматике Г. И. Эйнтрей «адмиратив» определяется как формы «наклонения, выражающего реакцию говорящего <...> на неожиданное для него событие, действие, известие, состояние» (Эйнтрей 1982: 110). Г. И. Эйнтрей выделяет у косвенных эвиденциалов следующие значения: выражение положительных эмоций говорящего; отрицательных эмоций; неуверенности, сомнения в сообщаемом; как частный случай этого значения выделяется передача информации с чужих слов.

Ш. Демирай говорит, что «при помощи "адмиратива" (*habitore*) говорящий выражает удивление, сомнение, неодобрение в связи с тем, что он увидел или услышал» (Demiraj 2002: 209), и в другом месте указывает на близость семантики соответствующих болгарских и македонских форм (*л*-форм), которые употребляются, чтобы показать «осторожность и сомнение по отношению к чьим-либо словам» (Демирай 1994: 185).

На основе перечисленных работ можно выделить следующие основные значения албанских косвенных эвиденциалов:

(Ад)миратив:

Албанский

2.23. *Sa bukur fol-ke*_{,PART-HABERE.2SG} *shqip!*

Как же хорошо ты, оказывается, *говоришь* по-албански!

Выражение эмоций говорящего. В грамматике Эйнтрей у инвертированного перфекта выделяется два значения, связанных с эмоциями: выражение положительных эмоций говорящего и выражение отрицательных эмоций. Очевидно, лучше вывести из определения этого значения знак эмоций (положительные/отрицательные). Для рассматриваемых форм характерно скорее само выражение эмоций при передаче фактов, а то, какого рода эти эмоции, второстепенно:

2.24. *Sa qen-ke*_{,ESSE,PART-HABERE.2SG} *rritur*_{,PART,FLEX} *moj bijë, gjatë kësaj verë!*⁸⁴

Ну и вытянулась же ты, дочка, за это лето! (Эйнтрей 1982: 111).

2.25. *Si s'*_{,NEG} *paske*_{,HABERE,PART-HABERE.2SG} *dërguar*_{,PART,FLEX} *një lajm në shtëpi gjatë dy muajve?*

Как же это ты не послал домой ни одной весточки за целых два месяца отсутствия? (Там же).

Дубитатив:

2.26. *Librezën e notave nuk tregoi: e pas-kësh*_{,HABERE,PART-HABERE,IMPERF.3SG} *lënë*_{,PART,FLEX} *në shtëpi.*

Зачетную книжку он так и не предъявил: будто бы оставил ее дома (Эйнтрей 1982: 112).

Конклюдив. Это значение обычно не выделяется у албанских косвенных эвиденциалов и тем не менее, в некоторых случаях они могут его иметь:

2.27. «*Më ngadalë, se kontrol pas-ka*_{,HABERE,PART-HABERE.3SG}» (Friedman 2012).

[Увидев, что машина, идущая навстречу, мигает дальним светом] «Помедленнее, там <вперед> полицейский пост»⁸⁵.

⁸⁴ Здесь вместо глагола 'иметь' использован глагол 'быть', потому что глагол *rritem* 'вырасти' в албанском является возвратным.

⁸⁵ В. Фридман не говорит о возможном конклюдивном значении этого примера.

Репортатив:

2.28. *Thonë, se ai pas-ka*_{HABERE.PART-HABERE.3Sg} *blerë*_{PART.FLEX} *dje vëllimin e poezisë.*

Говорят, что он вчера купил томик стихов (Эйнтрей 1982: 112).

2.29. *Valentini nuk mund të vinte edhe dje: nuk*_{NEG} *pas-ka*_{HABERE.PART-HABERE.3Sg} *pasur*_{PART.FLEX} *mundësi.*

Валентин вчера не мог прийти: <как он сказал,> у него не было возможности (из разговора, 5.05.2009).

В случаях репортативного употребления албанских форм инвертированного перфекта эмоциональный/эпистемический компонент значения исчезает, и такие случаи в точности соответствуют балканославянским употреблениям *л*-форм, ср. болг.:

Болгарский

2.28а. *Казват, че вчера (е_{AUX}) купиш*_{L.PART} *том поезия.*

2.29а. *Валентин не можа да дойде и вчера: нямал*_{L.PART} *възможност.*

2.2. Ареальная дистрибуция

Болгарские и македонские диалекты

При анализе ареала распространения *л*-форм в функции Ev в болгарских диалектах мы сталкиваемся со следующей проблемой: на настоящий момент нам неизвестно ни одной работы по ареальному функционированию болгарских грамматических категорий. Есть работа В. Косеской-Тошевой «Темпоральная система болгарских говоров на фоне литературного языка» (Koseska-Toszewa 1977), где в главе «Функции форм перфекта в болгарских говорах» рассматриваются и косвенные эвиденциалы, но этот анализ выполнен на ограниченном количестве диалектов (рассматриваются только ботевградский, видинский, родопский, софийский, странджанский и шуменский говоры). В существующих описаниях отдельных говоров нет единой системы, часто исследователи не дают полной информации. Например, иногда парадигма косвенных эвиденциалов задается только формами первого и второго лица при опущенном третьем; не комментируется обязательность/необязательность связи в перфекте и у косвенных эвиденциалов; не учтены расхождения с литературным языком по стандартной грамматике. Так, для говора с. Момчиловци (Смолянско) исследователь пишет: перфект «такой

же, как в литературном языке, и его употребление такое же» (Кабасанов 1956: 56), при том что не говорится о том, какое употребление перфекта автор считает литературным. Этот список можно продолжить, но уже ясно, что с таким материалом очень сложно работать. Пожалуй, наиболее корректно составленным исследованием по косвенным эвиденциалам в болгарских говорах остается работа В. Косеской-Тошевой. По ее работе с выборочным добавлением материалов, опубликованных в сериях «Българска диалектология» и «Трудове по българска диалектология», а также МДАБЯ⁸⁶, можно получить следующую картину.

Грамматикализованная эвиденциальность известна абсолютному большинству болгарских говоров и, по имеющимся у нас сведениям, единственный болгарский говор, в котором ее нет — это банатский говор (островной болгарский говор на территории Румынии) (Стойков 1967: 219). В своей «Болгарской диалектологии» С. Стойков не сообщает, в каких еще говорах отсутствует грамматикализованная эвиденциальность (Стойков 1968), в «Болгарском диалектном атласе» эта информация также не отражена (Стойков, Бернщейн 1964: 179–181). К. Мирчев пишет о говорах Северо-Западной Болгарии и Восточной Македонии, где нет «пересказывательного наклонения», но не уточняет, о каких говорах идет речь (Мирчев 1978: 233). Во всех остальных болгарских диалектах грамматикализованная эвиденциальность присутствует, при этом косвенные эвиденциалы в абсолютном большинстве случаев связаны с перфектом. Что касается связи, то В. Косеска-Тошева, сравнивая ботевградский, видинский, родопский, софийский, странджанский и шуменский говоры, отмечает, что только

⁸⁶ Вот список материалов и публикаций по болгарским говорам, которыми мы пользовались в дополнение к монографии В. Косеской-Тошевой: с. Войнягово, Карловско (Ралев 1977: 50–52); с. Габре, Белослатинско (Попов 1956: 139–140); с. Гела, Смолянско (Соболев 2001); Говедарци, Самоковско (Стойков и др. 1956: 284–285); Гребенский говор, Силистренско (Кочев 1969); с. Димитровград/Цариброд (Божков 1984); с. Доброславци, Софийско (Гъльбов 1965: 30–41); Кюстендил (Умленски 1965); с. Момчиловци, Смолянско (Кабасанов 1956:56); с. Нова Надежда, Хасковско (Христов 1956); с. Ново Село, Видинско (Младенов 1969); говор фракийских переселенцев в с. Орешник, Елховско (Бояджиев 1979:58–59, 61–62); с. Смолско, Пирдопско (Кънчев 1968: 46–47); с. Съчанли, Гюмюрджинско (Бояджиев 1972); Троян (Ковачев 1968: 184); Драмско и Сярко (Иванов 1977).

в шуменском говоре в третьем лице *л*-форм связка опускается регулярно, в остальных рассмотренных ею говорах связка может использоваться. По материалам, опубликованным в сериях «Българска диалектология» и «Трудове по българска диалектология», с известной осторожностью можно сказать следующее:

- перфект и косвенные эвиденциалы совпадают в говоре Ново-Село, Видинско (перфект — Aux^+ , формы Ev^- — Aux^+);
- перфект и формы Ev^- не совпадают в говорах с. Габре, Белосладинско (перфект — Aux^+ , формы Ev^- — Aux^-); в говоре переселенцев из Фракии, с. Орешник, Елховско (перфект — Aux^+ , формы Ev^- — Aux^-); с. Войнягово, Карловско (перфект — Aux^+ , формы Ev^- — Aux^-); с. Смолско, Пирдопско (перфект — Aux^+ , формы Ev^- — Aux^-); с. Доброславци, Софийско (перфект — Aux^+ , формы Ev^- — Aux^-);
- перфект и формы Ev^- могут совпадать (у перфекта связка может опускаться, или у форм Ev^- — появляться) в с. Гела, Смолянско (перфект — $Aux^+/-$; формы Ev^- — Aux^-); с. Съчанли, Гюмюрджинско (перфект — $Aux^+/-$; формы Ev^- — Aux^-); Димитровграде (перфект Aux^+ , формы Ev^- — $Aux^+/-$); Кюстендиле (перфект — $Aux^+/-$); с. Говедарци, Самоковско (перфект — $Aux^+/-$, формы Ev^- — Aux^-); гребенском говоре под Силистрой (перфект — $Aux^+/-$, формы Ev^- — Aux^-).

В настоящей работе по отношению к статусу связки принимается следующая позиция: в фольклорных текстах все *л*-формы (и со связкой и без связки) рассматриваются вместе и противопоставляются прямым эвиденциалам. Описание функционирования связки в фольклорных текстах представляется следующим возможным этапом исследования, к которому можно будет перейти после того, как будут описаны общие правила использования *л*-форм (т. е., мы предлагаем двигаться от решения общей проблемы к решению частных проблем). Но этот вопрос нельзя решить без систематического исследования того, как ведет себя связка в перфекте/ Ev^- в разных болгарских говорах.

Что касается специальных форм дубитатива с дополнительной связкой *бил*, то в софийском, странджанском и шуменском говорах они неизвестны, а в ботевградском встречаются только изредка (Koseska-Toszeva 1977: 95), такие формы есть также в говоре с. Говедарци, Самоковско; с. Гела, Смолянско; с. Смолско, Пирдопско и г. Троян (форма для будущего времени).

Помимо л-форм эвиденциальность может также выражаться следующими формами: в области Силистры есть косвенные эвиденциалы на основе императива, ср.:

Болгарский (Силистра)

2.30. *И той настигнѝ_{IMP} ги с матор им казал_{LPART*} едина ше земѝ, другийа нема. Зел_{LPART} жината. И кѝчѝ_{IMP} ѝа на куллоту и зѝнѝцѝ_{IMP} луцката жина у гурѝтѝ. <...> Мѝш ѝ у туй ѝреми зѝмѝ_{IMP} си пѝт'у и идѝ_{IMP} ѝѝ тѝрсѝ_{IMP}. Утивѝ_{PRaes} у гурѝтѝ и удрѝѝ_{IMP} ги: сум! сум! зѝмѝ_{IMP} му куллоту, кѝчѝ_{IMP} жината и вѝрѝѝ_{IMP} нѝ Тутракѝн (Кочев 1969: 79).*

И он догнал их на мотоцикле и сказал: одну я возьму, а другую нет. Забрал женщину. И посадил ее на мотоцикл и завез бедную женщину в лес. <...> В это время ее муж отправился в дорогу и пошел ее искать. Пришел он в лес и начал их бить: бац! бац! Забрал его мотоцикл, посадил на него жену и поехал в Тутракан.

Кроме этого, в этом же говоре есть также да-формы в несвидетельском значении:

2.31. *Идин вечер дѝ_{CONJAGR} убире_{PRaes (= CONJ.PRAES)} гараша и дѝ_{CONJAGR} улези_{PRaes (= CONJ.PRAES)} у идин дор и да_{CONJAGR} легни_{PRaes (= CONJ.PRAES)} у цвет'атѝ и дудет сѝ прумѝкнѝл. *Lpart* ѝ куртала дѝ_{CONJAGR} зѝми_{PRaes (= CONJ.PRAES)} убуфките дѝ_{CONJAGR} си сабуѝ_{PRaes (= CONJ.PRAES)} (Там же)*
Однажды вечером убирал он гараж и зашел в один двор и лег в цветы и перед тем как пролезть на задворки взял он и стал разуваться.

Это две инновации, которых другие болгарские говоры, судя по описаниям, не знают. Есть сообщения о том, что да-формы используются в адмиративном значении в некоторых западномакедонских диалектах (Кичево, Прилеп, Црско, Струшко, Мала Преспа, Гостиварско, Битолско): это связывается с возможностью этих форм «балансировать» на грани фактивности/не-фактивности («suspension of the opposition factivity ~ non-factivity» — Labroska 2012: 220, см. также Тополинска 1995: 255).

Л-формы в функции Ev⁻ известны на бóльшей части македонской языковой территории. В 1988 г. В. Фридман опубликовал статью (Friedman 1988), в которой разобрал ареальное распространение и семантику македонских л-форм. С юго-запада на северо-восток параллельно друг другу проходят изоглоссы (см. Карту 2.1), между которыми л-формы имеют одинаковый набор значений:

- На юго-восток от линии Корча—Костур (линия а) л-формы исчезли из активного употребления, иногда они встречаются в песнях — со значениями (ад)миратива и дубитатива.

Карта 2.1. Л-формы и их значение в македонских диалектах (Фридман 1988а)⁸⁷

- Между линиями Корча—Костур и Струга—Преспа (линия *b*) л-формы имеют маркированное неконфирмативное, репортативное и (ад)миративно-эпистемическое значение⁸⁸.
- Между линиями Струга—Преспа (*b*) и линией *c* (на схеме у Фридмана нет ориентиров для этой линии, а в тексте он ссылается

⁸⁷ Данная карта была подготовлена В. Фридманом для публикации (Фридман 1988а), но по техническим причинам была опубликована без изоглосс. Здесь она приводится в первоначальном виде с разрешения автора.

⁸⁸ В настоящее время славянские диалекты, находящиеся на территории Албании, находятся под влиянием албанского языка на всех уровнях. Во время экспедиции в Корчу и соседние с ней сёла в августе 2012 у нас была возможность провести продолжительные интервью с переселенцами из Требишт (Голоборда), Преспы (Туминец, Пустец) и с. Смърдеш (Эгейская Македония, семья информанта переселилась в Корчу около ста лет назад). Все без исключения информанты используют для событий, которые они не наблюдали, формы на *-в-/-ш-/-j-/-θ-*, таким образом, в данном случае нельзя говорить о том, что л-формы в их идиолектах могут иметь репортативное значение. Пока неясно, насколько отличается в настоящее время ситуация в селах, где большинство по-прежнему говорит на славянских диалектах.

на нее как на линию Битоля—Ресен) *л*-формы имеют перфектное, репортативное и (ад)миративно-эпистемическое значение.

- На восток от линии *с* *л*-формы имеют следующий набор значений: перфектное, репортативное, (ад)миративно-эпистемическое и маркированный неконфирматив.
- На карте также отмечены линия *d*, на запад от которой в формах перфекта связка опускается регулярно; линия *e*, на северо-восток от которой *бил* используется в качестве связки; линия *f*, на восток от которой может образовываться имперфектное *л*-причастие.

Приложение II. Избыточность и вариативность выражения эвиденциальности (славянский говор Бобоштицы)

Литературный язык укоренен в традиции и является во многом результатом кодифицирующей деятельности специальных учреждений. Лингвистические работы в области базовых структурных особенностей данного языка упрощают задачи последующих поколений исследователей, позволяя сосредоточиться на частных вопросах. Однако здесь в полной мере проявляется эффект первого наблюдателя: то, как описали языковую систему авторитетные исследователи, авторы академических грамматик, составители основополагающих теоретических курсов, накладывает неизбежный и неизгладимый отпечаток на то, как язык будут описывать последующие поколения исследователей. Более того, это влияет и на речь носителей («так сказать правильно, а так неправильно»; «X — неграмотный человек, потому что он говорит не так, как предписывает грамматика») и на то, как они осознают свой язык (как определила это одна наша македонская коллега, когда мы попросили ее составить текст на ее родном языке, в котором нас интересовали явления, которые стандартная грамматика обходит стороной, — «профессиональная деформация»).

В связи с этим особую ценность приобретает исследование диалектов, которые не несут на себе отпечатка кодификации и языковой политики. Если говорить о южнославянском языковом пространстве, то с каждым годом такие диалекты становится всё труднее и труднее находить, в силу совершенно понятных причин — всеобщего начального, обязательного среднего образования и престижного статуса высшего образования; распространения радио, телевидения и печатных СМИ, развития, ускорения и удешевления транспорта и т. д. Диалектным заповедником в этих условиях являются языковые

анклавы — южнославянские диалекты в иноязычном окружении. В условиях минимального контакта с соответствующим литературным языком эти диалекты не только сохраняют свои изначальные особенности, но и могут развивать новые под иноязычным влиянием. При этом используются уже существующие языковые элементы, что может пролить свет на историю развития диалектов, легших в основу соответствующего литературного языка.

В настоящем приложении используется материал, собранный нами в 2010 и 2011 гг. в селе Бобоштица, которое находится примерно в семи километрах на юг от города Корча, Албания. В настоящий момент только шестеро из 1400 жителей села еще помнят славянский диалект (сами они его называют *кайнас* [kajnas] ‘у нас’ или ‘как мы’), а основным языком общения является албанский. Степень сохранности диалекта у них варьирует от достаточно высокой до фрагментарной, и все они двуязычны. Все носители языка, которые живут в селе, старше 70 лет, их дети и внуки, как правило, не знают его совсем, или же их знание пассивно (носители говорят, что в некоторых семьях эмигрантов *кайнас* передавался от родителей к детям дольше, чем в селе, поэтому в городах еще можно найти носителей моложе пятидесяти лет). В то же время многие албанизированные по языку славяне по-прежнему включают себя вместе со своими славяноязычными односельчанами в группу *djemtë e vajzat e Boboshiticës* ‘сыновья и дочери Бобоштицы’ (т. е. автохтоны), которая противопоставлена новым поселенцам (прежде всего аромунам).

Исходя из сказанного о последовательной потере морфологических показателей и значений *л*-формами в македонских диалектах при движении с северо-востока на юго-запад, мы могли бы ожидать, что в *кайнас* как в самом юго-западном балканославянском диалекте *л*-формы будут строиться по формуле «ESSE._{1-2Sg/Pl} + LPART» и будут иметь только (ад)миративное значение. Самое первое описание *кайнас* (Mazon 1936: 92) не противоречит этим ожиданиям. Мазон отмечает, что в говоре *л*-формы используются только в функции (ад)миратива (см. примеры 2.32–2.33), а в песнях представляют собой или архаизм, или свидетельствуют о том, что песня происходит из другого региона.

Кайнас

- 2.32. *oh, kum-e, tuva si bi-ll-ø!*
 о кум-Вос здесь ESSE.2SG ESSE-LPART-MASC
 О, кум, ты, оказывается, здесь!

- 2.33. *ščo si bi-t-ø júnak!*
 что быть.2SG ESSE-LPART-MASC герой
 Какой ты герой!

М. Куртъяд (Courthiade 1993) выделяет у *л*-форм в кайнас три значения: незасвидетельствованность, (ад)миратив («со значением, в точности соответствующим албанскому адмиративу») и кондиционал (последнее значение необычно для балканославянской системы и, по всей видимости, образовано на основе форм типа макед. *би*._{ESSE}._{SUBJ} *дошо-л-ø*._{прийти-LPART-MASC} болг. *би-х*._{ESSE}._{SUBJ-1SG} *дошь-л-ø*._{прийти-LPART-MASC} ‘(я) бы пришел’ с пропущенным вспомогательным глаголом). Парадигмы *л*-форм в его работе не приводятся. К. Штайнке и Дж. Юллы (Steinke, Ylli 2007) выделяют у *л*-форм два значения — перфект и ренарратив. Они указывают, что перфект в кайнас образуется по «болгарскому типу» — по формуле «‘быть’._{PRaes} + *л*-причастие» (и что ‘быть’ может опускаться). Из выборки форм, которую они приводят, видно, что ‘быть’ может опускаться, кроме третьего, по крайней мере в первом лице (*jas*._я *ø romina-l-ø*._{прийти-LPART-MASC} ‘я прошел’), а в третьем, наоборот, может появляться (иногда совсем в неожиданных формах): *sǎ*._{ESSE}._{3SG} <?> *bǐ-l-o*._{ESSE-LPART-N} *manástir*._{монастырь} ‘был монастырь’, *se*._{ESSE}._{3PL} *óš-l-i*._{пойти-LPART-PL} *ǎja*._{они} ‘они пошли’. Для ренарратива не дается ни парадигмы, ни формулы, а только список примеров.

Во многом разноречив в описаниях связан со временем их публикации. Если на момент посещения Мазона кайнас являлся в Бобоштице основным языком (его учили даже первые переселенцы-аромуны — Dhamko 2010: 131 и албанки, которые выходили замуж в Бобоштицу), то к 1980-м гг. кайнас уже не передавался от родителей к детям (время написания работ М. Куртъяда), а К. Штайнке и Дж. Юллы смогли найти только трех носителей, причем большинство записей сделано от одного из них.

Сразу обращает на себя внимание «западнославянский» облик, который часто принимают в речи одного из наших информантов, с которым работали и К. Штайнке с Дж. Юллы — Илья Кунешки — формы «перфекта»: (*j*)*sem*._{ESSE}._{1SG} *bi-l’-ø*._{ESSE-LPART-MASC} ‘я был’. Этот облик им придает и протетическое *j* перед согласной (которое, впрочем, может опускаться), и характер гласной во вспомогательном глаголе (*e* по западославянской модели, а не *a*, ср. форму (*j*)*esa(m)* ‘(аз) есмь’), и смягченное *l’* вместо твердого (ср. приведенные выше примеры). По всей видимости, это чешская форма,

которая укоренилась в речи Ильо во время его обучения в Карловом университете в 1946–1951 гг. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что в речи других носителей не зарегистрировано ни одной такой формы, в то время, как перфект типа *ima-m*._{HABERE-1SG} *bandjǎ-n-o*._{ESSE-PART-N} ‘я был’⁸⁹ (ср. лит. макед. перфект II) и *jesam*._{ESSE-1SG} *dojde-n*._{ПРИЙТИ-PART-N} ‘я пришел’ (ср. лит. макед. перфект III) употребляются свободно. Отсюда ее использование в контекстах, которые требуют аориста/имперфекта или перфекта (кайнас: *bǎ(j)*._{ESSE-IMP} или *itam*._{HABERE-1SG} *bandjǎno*._{ESSE-PART-N} ‘я был’), а также в контекстах, которые К. Штайнке и Дж. Юллы называют ренарративом. Мы считаем, что в идиолекте Ильо эта форма приобрела статус «генерализованного прошлого» — как в чешском языке. Поэтому она может употребляться вместо аориста/имперфекта или перфекта, при том что последние формы не теряют своего значения и не смешиваются друг с другом. То есть «перфект на -л» — на самом деле не перфект, а генерализованное прошлое, употребленное под чешским влиянием в контексте, который требует перфекта.

Специфичны л-формы в роли (ад)миратива. Албанское предложение (2.34):

Албанский

- 2.34. *O, qen-ke njer-i i-pasur!*
 O ESSE.PART-HABERE.2SG человек-DEF MASC-богатый
 ‘О, а ты богатый человек!’

с инвертированным перфектом со значением (ад)миратива Ильо перевел двумя способами:

Кайнас

- 2.35. (ESSE.AOR/IMP + LPART)
O, ti bǎ bi-l-ø čovjek zenjin!
 O ты ESSE-IMP ESSE-LPART-MASC человек богатый
- 2.36. (ESSE.PRAES + л-форма)
O, ti si bi-l-ø zenjin!
 O ты ESSE.2SG ESSE-LPART-MASC богатый

Таким образом, в качестве вспомогательного глагола может использоваться и настоящее время, и аорист/имперфект глагола ‘быть’. Судя по всему, конструкция типа ESSE.AOR/IMP + л-форма возможна

⁸⁹ В наших записях кайнас ударение передается подчеркиванием.

только для настоящего времени, в то время как ESSE.PRAES + л-форма могут использоваться как в настоящем, так и в прошедшем⁹⁰.

Когда мы попросили Илью перевести на кайнас албанское предложение с (ад)миративом-дубитативом

Албанский

2.37. *Unë pas-kam marrë par-a-të?!
я иметь.PART-иметь.1Sg взять.PART деньги-PL-DEF
'Это я-то взял деньги?!'*

а затем подставить на место подлежащего местоимения всех лиц единственного и множественного числа, то получили такую нетривиальную парадигму (обратим внимание, что в ней вообще отсутствует вспомогательный глагол):

Кайнас

2.38.

	<i>Sg</i>	<i>Pl</i>
1	<i>jăskaj ima-l-ø zviă-t-o</i>	<i>nje ima-l-me/ima-l-o zviă-t-o</i>
2	<i>tj ima-l-ø zviă-t-o</i>	<i>vie ima-l-te/ima-l-o zviă-t-o</i>
3	<i>toj ima-l-ø zviă-t-o</i>	<i>tie ima-l-o zviă-t-o</i>

Исчезновение вспомогательного глагола «быть» во всех лицах типологически сближает кайнас с восточнославянскими языками (ср. прошедшее время в русском, украинском и белорусском)⁹¹, а спряга-

⁹⁰ По словам Илью, фразы *Q, šo*, как *dobre*, хорошо *bjă*, ESSE.IMPF.2/3Sg *bi-l-o*, ESSE-LPART-NI (ESSE.AOR + LPART) 'Как же хорошо!' и *šo*, как *dobre*, хорошо *bi-l-o*, ESSE-LPART-NI (LPART) являются синонимическими. В то же время албанское предложение *Q, ti*, ты *pas-ke*, НАБЕРЕ.PART-НАБЕРЕ.2Sg *qenë*, ESSE.PART.FLEX *i-pasur*, MASC-БОГАТЫЙ! (НАБЕРЕ.PART-НАБЕРЕ + PART.FLEX = PERF.EV-) 'О, да ты был богат!' может иметь несколько переводов в кайнас — *Q, ti*, ты *esi*, ESSE-2Sg *bande-n*, ESSE-NPART.FLEX *zengin*, БОГАТЫЙ! (ESSE.PRAES + NPART.FLEX); *Q, ti*, ты *si*, ESSE.2Sg *bi-l-ø*, ESSE-LPART -MASC *zengin*, БОГАТЫЙ! (ESSE.PRAES + LPART); *Q, ti* *bjă bande-n*, ESSE-NPART *zengin*, БОГАТЫЙ! (ESSE.AOR + NPART.FLEX), но не **Q, ti*, ты *bjă*, ESSE.IMPF.2/3Sg *bi-l-ø*, ESSE-LPART -MASC *zengin*, БОГАТЫЙ! (ESSE.AOR + LPART).

⁹¹ Интересно, что вспомогательный глагол «быть» в перфекте исчез и в полабском языке (Селищев 1941: 444): *joz zařäl, joz plokól, toj kródäl*. В Бобошнице в наше время происходит тот же процесс смены языка, который проходил в Полабье в начале XVIII в., причем в обоих случаях славянский язык сменяется неславянским. Не исключено, что вспомогательный глагол 'быть' в конструкциях с л-формами как несущий второстепенную информацию

емые формы для *л*-причастия — с западными, резко противопоставляя его южнославянским языкам и диалектам. Впрочем, множественность способов образования *л*-форм компенсируется тем, что они записаны только от одного носителя. Если в диалектологическом плане ценность этой информации явно не стоит преувеличивать, то в типологическом плане это интересный пример того, как в языке на пороге исчезновения в условиях контакта со структурно далекими языками и с опорой на внутреннюю логику развития возникают новые парадигмы.

Албанские диалекты

Формы *Ev-*, согласно Ш. Демираю, не зарегистрированы только в южнотосских говорах Чамерии и в некоторых арберешских говорах Греции и Италии (Demiraj 1990: 928)⁹², таким образом, они существуют на бóльшей части албанской языковой территории. К сожалению, нам неизвестны исследования, посвященные ареальному распространению инвертированного перфекта с апокопированным причастием в разных значениях на албанской языковой территории. В существующих работах по албанским диалектам, например, в «Албанской диалектологии» под ред. М. Доми (Domì 1969–1990) такие формы в интересующих нас говорах часто просто не упоминаются, как, например, в описании говоров Мирдиты (Vesì 1982: 26–143) или говора окрестностей Скадарского озера (Shkurtaj 1982: 144–278), и тем более речь не идет о значениях этих форм.

(лексическое значение формы передает основа *л*-причастия), исчезает в первую очередь при деформации языковой системы в процессе языкового контакта.

⁹² За малым исключением: встречаются фразеологические выражения, в которых используются формы (ад)миратива, кроме того, форма (ад)миратива-конъюнктива засвидетельствована в одной сказке с острова Порос (Греция). По причине значительно возросшего количества публикаций албанского фольклора (и арберешского в том числе), этот тезис, очевидно, следует пересмотреть, ср. пример из арберешской песни «Kostantini e Garentina» (точное место не указано): «Kostantin, vëllau im, tjetër shenj' të lig' un shoh, flokët e tua të dredhura *qën-kan*_{HABERE.PART-HABERE.PRAES} *bërë*_{PART.FLEX (= PERF.EV-)} gjithë pluhur» «Костантин, о брат мой, другой дурной знак вижу, твои развевающиеся волосы целиком **покрылись** пылью» (Arapì 2007: 296).

Насколько нам известно, вопрос о картографировании семантических изоглосс грамматических категорий на албанском материале не ставился. В анкете МДАБЯ есть вопросы об «адмиративе» и о репортативе (№ 6.6), но в двух албанских говорах, которые включены в атлас (гегский Мухур, крайна Дибра, р-н Пешкопия, среднегегский говор и тоскская Лешня, крайна Скрапар, р-н Чоровода, севернотоскский говор), зарегистрирован только «адмиратив», без репортативного значения. В опроснике албанского диалектного атласа (ADGJSh I 2007: 438–464) вообще нет вопросов, посвященных *mënyrë habitore*.

Г. И. Эйнтрей указывает, что репортативное значение у инвертированного перфекта есть в восточнотоскских говорах (Эйнтрей 1982: 112). А. В. Жугра и Л. В. Шарапова в статье, посвященной говору албанцев Украины (Жугра, Шарапова 1998: 138), приводят такой пример (носитель диалекта пересказывает текст, прочитанный в газете; перевод авторов статьи. Морфологически все подчеркнутые формы в литературном языке относились бы к настоящему времени):

Албанский (Украина)

2.39. *Mamoja mill-ka*_{,PART-HABERE, PRAES (= PRAES, EV)} *lopët, çupa katervishme lon me igrushka*
....gjelel këndonë, qentë zën të lehën. Komshiut djali vin: — Tujen çupë a muri
*i math qen. — Çupa nok 'shte, a mar-ka*_{,PART-HABERE, PRAES (= PRAES, EV)} *ulku. Gruja zë hresë,*
*komshijkat zunë të ngasën pas ulkut. Ulku vat-ka*_{,PART-HABERE, PRAES (= PRAES, EV)} *ta rixha. Çupa*
*ishte a rindë. Ulku a le çupën dhe tikall sam. Çupa nji balnjicat, — a qit-kan*_{,PART-HABERE,}
nji balnjicat.

Мать **доила** коров, четырехлетняя девочка играет в игрушки. Вдруг петухи поют, собаки начинают лаять. Приходит соседский мальчик: — Вашу девочку схватила большая собака. — Нет девочки, ее **забрал** волк. Женщина начинает кричать, соседки бросились за волком. Волк **побежал** в лес. Девочка была тяжелая. Волк оставляет девочку, а сам тикал (так!). Девочка в больнице, ее в больницу **отвезли**.

Авторы так комментируют эти формы (для инвертированного перфекта с апокопированным причастием используется традиционный для российской албанистики термин «адмиратив»): «Сказуемое первого предложения “доила” выражено формой адмиратива, но совершенно очевидно, что никакого «адмиративного» значения эта форма не выражает. Употребление её имеет другое назначение, — маркировать описываемую ситуацию как лично говорящим не наблюдавшуюся. Аналогичную функцию выполняет форма адмиратива и в последней фразе, выступая как своего рода заключительный маркер. Напротив, использование форм адмиратива в ходе развития

сюжета может иметь двоякое объяснение, — это не только средство выражения последовательного развертывания событий, но в какой-то мере и способ подчеркнуть необычность этих событий. Иными словами, возможно, здесь присутствует и собственно адмиративное значение, однако для более определенного вывода требуется дополнительный языковой материал» (Там же, 138–139).

Это замечание представляется нам исключительно важным: здесь авторы подходят к описанию албанского инвертированного перфекта с апокопированным причастием как к средству структурирования текста. Об «особом использовании» «адмиратива» в северногегской народной поэзии говорил еще В. Фидлер (Fiedler 1968), правда, под этим он понимал возможность албанского инвертированного перфекта функционировать наряду с нейтральными на одном участке текста, причем значение эмоционального отношения к действию и незасвидетельствованности у инвертированного перфекта в этом случае может не возникать или имеет второстепенное значение.

Во второй части настоящей работы мы покажем, как именно косвенные эвиденциалы могут структурировать текст, пока же стоит отметить, что, будучи явлением языка, этот феномен принципиально возможно было бы картографировать, правда, попытки сделать это нам неизвестны. Предварительно скажем, что на основе ограниченного знакомства с албанским фольклором мы бы указали здесь прежде всего на северные и северозападные гегские говоры (Шкодра и Лежа, Мирдита, ряд албанских говоров Косова). По всей видимости, похожим образом эти формы используются в албанских говорах Украины.

Традиционный сказочный зачин *qen-ka*^{.ESSE.PART-HABERE.PRAES (= PRAES.EV-)} *mos na qen-ka*^{.ESSE.PART-HABERE.PRAES (= PRAES.EV-)} («есть, нет», т.е. «было, не было»), известный на значительной части албанской территории, также содержит застывшие формы инвертированного перфекта с апокопированным причастием. Пока неясно, в каком отношении находится ареал этого зачина к ареалу использования косвенных эвиденциалов для структурирования основной части текста, но мы бы предположили, что сказочный зачин можно обнаружить на большей территории⁹³.

⁹³ Ср. это с русским сказочным зачином *жили-были*, который содержит в себе застывшую форму плюсквамперфекта, при том, что на большей части русской языковой территории плюсквамперфект неизвестен. Благодарим А. П. Сытова, который обратил на это наше внимание.

Таким образом, на настоящий момент можно указать следующее ареальное распределение значений:

- эмоциональная реакция — все албанские говоры, кроме чаме-рийских и, с оговорками, арберешских;
- репортатив — северногегские, восточнотоскские (Эйнтрей), украинские албанские говоры;
- «особое значение» — северногегские говоры (Фидлер), албанские говоры Украины;
- конклюдив — в известных нам исследованиях не говорится об ареальном распространении этого значения.

2.3. К происхождению грамматических маркеров эвиденциальности в балканских языках

Происхождение л-форм в болгарском и македонском языках

Начало использования л-форм для выражения эвиденциальности в диалектах, которые после легли в основу болгарского и македонского литературного языков, восходит ко времени, когда еще нельзя говорить о нациях и национальных языках в современном понимании, поэтому в настоящем исследовании на ранних этапах истории литературного языка мы не противопоставляем македонский болгарскому.

К. Мирчев (Мирчев 1978: 231) пишет, что в древнеболгарском языке до XIV в. л-формы не использовались для выражения косвенной эвиденциальности, в то же время, ряд авторов считает, что в XVII в. (язык дамаскинов) эвиденциальность в балканославянских диалектах уже существует как самостоятельная категория (Андрейчин 1951; Андрейчин 1952; Георгиев 1952; Герджиков 1984 и др.), соответственно, эта категория возникла в рассматриваемой совокупности диалектов между XIV и XVII вв. Для болгарских ученых вопрос о появлении эвиденциальности в болгарском языке на протяжении долгого времени во многом сводился к тому, является ли она турецким или возникла независимо от турецкого языка. Б. Цонев (Цонев 1937: 105–106) выразил первую точку зрения. Он указал на структурный изоморфизм косвенных эвиденциалов турецкого и болгарского аориста. Его позицию разделяли Л. Андрейчин, К. Мирчев (Мирчев 1978), В. Георгиев (Георгиев 1957: 47), а также Р. Лёч (Лёч 1971: 181).

Й. Трифонов считал эвиденциальность явлением, независимо зародившимся на болгарской почве (Трифонов 1905: 169). Предприняв исследование влахо-болгарских грамот XIV–XVI вв., К. Попов сделал следующий вывод: оппозиция прямая/косвенная эвиденциальность возникла в болгарских диалектах еще до османского нашествия, но османотурецкий язык стал катализатором их развития в более поздний период (Попов 1967: 19). Е. И. Демина на основе исследования болгарских дамаскинов XVII в. относит истоки этой категории к более ранним периодам, потому что в дамаскинах это, по ее мнению, уже оформившаяся категория (Демина 1970: 410). Она считает, что истоки болгарской эвиденциальности следует искать в сложной ситуации многовековых языковых контактов на Балканском полуострове. В статье (Демина 1973) показаны возможные пути формирования болгарской эвиденциальности (от (ад)миративных употреблений перфекта — как в современном албанском языке — к обозначению пересказанности). В. Косеска-Тошева на вопрос «Является ли турцизмом имперцептивная модальность в болгарском языке?», вынесенный в заглавие статьи (Косеска-Тошева 1975), дает уклончивый ответ: «Мнение, что имперцептивная модальность специфична лишь для турецкого языка и восточной группы южнославянских языков <...> не является абсолютно правильным» (Там же, 73). Она опирается на диалектологию славянских языков (прежде всего болгарского, но используя также материал западнославянских языков, русского и того, что она определяет как «славянские диалекты Восточной Герцеговины») и показывает, что в славянских языках существовали условия для развития эвиденциальности и поэтому вовсе необязательно принимать гипотезу о турецком влиянии. Г. Герджиков исключает влияние турецкого языка из-за многочисленных формальных различий между болгарской и турецкой системами косвенных эвиденциалов и относит грамматикализацию эвиденциальности к XII–XIII вв. (Герджиков 1984: 259). Х. Бирнбаум не дает однозначного ответа: «Нет полной уверенности и в том, что <...> нарратив (= эвиденциальность. — *М.М.*) действительно имеет своим источником турецкий язык» (Бирнбаум 1985: 40). На основании сопоставления албанской и болгарской эвиденциальных систем П. Асенова предполагает, что грамматикализованная эвиденциальность в них — результат самостоятельного развития балканских языков, а влияние турецкого языка на болгарский, если даже оно и имело место, сводится

к «стимулированию несвидетельских функций перфекта» (Асенова 2004: 37), это соответствует тому, что отмечает Т. Н. Молошная: в последнее время господствует компромиссная точка зрения, турецкое влияние не исключается (хотя двуязычность, например, болгар в эпоху османского ига не имела значительного масштаба), но с другой стороны основной упор делается на те средства и условия, при помощи которых в каждом из рассматриваемых языков могла возникнуть оппозиция Ev^- vs. Ev^+ (Молошная 1995). Сходную позицию занимают А. Левин-Штайнманн (Levin-Steinmann 2004), Р. Ницолова (Ницолова 2007) и Ф. Фичи (Fici 2008). В 2007 г. Е. И. Демина сформулировала обобщающую точку зрения: при выборе *л*-форм для передачи косвенной эвиденциальности были использованы морфологические средства болгарского языка, славянского по своей структуре, но при этом турецкое и албанское влияние играли роль катализатора, а сама категория эвиденциальности ориентирована на систему семиотических оппозиций балканской модели мира (Демина 2007: 154).

Б. Конески является сторонником компромиссной точки зрения (Конески 1986: 174): с одной стороны, македонская система косвенных эвиденциалов использует формальные средства, восходящие к праславянской эпохе, с другой — турецкое влияние, скорее всего, сыграло роль катализатора в грамматикализации эвиденциальности. Конески отмечает, что в старославянском аорист и имперфект использовались для засвидетельствованных действий, а перфект не был маркирован в этом отношении (Там же, 174), но с этим можно поспорить: например, К. Мирчев цитирует один из старославянских памятников, где формы аориста употреблены для незасвидетельствованных говорящим действий: «възаса ꙗ от гроба и не вѣмъ, кѣде положиша и» (Мирчев 1978: 231, источник не указан). Даже беглый просмотр старославянских памятников убеждает нас, что оппозиция по засвидетельствованности/незасвидетельствованности не имеет отношения к противопоставлению аориста / имперфекта и перфекта.

Происхождение косвенных эвиденциалов в албанском языке

Исследователи расходятся по вопросу о происхождении албанского «инвертированного перфекта». Всего было выдвинуто три основных гипотезы:

1. Так, Н. Йокль считал, что их источником были инвертированные гегские формы **будущего времени**, приводя следующие аргументы: восточногегские формы типа (2.40)

Албанский (восточногегский)

2.40 *gati dreka k̄a-ka* (= албанск. литерат. *gati dreka qenka*)
 готов обед ESSE.PART-HABERE.3SG
 'а обед-то готов'

по его мнению имеют значение будущего времени по модели *cantare habeo* (ср. старослав. *имамъ ꙗти*) наподобие сербского *скора ће подне*⁹⁴; албанские косвенные эвиденциалы сформировались из гегского инфинитива с опущенным инфинитивным показателем *te* при помощи связки *kat* 'иметь'; их (ад)миративное значение есть производное от одного из потенциальных значений будущего времени: неожиданности и предположения (изложено по Demiraj 1990: 911). М. Ламберц, не говоря о значении будущего времени у этих форм, высказал сходное предположение: в основе албанского инвертированного перфекта с апокопированным причастием лежит сочетание инфинитива и вспомогательного глагола 'иметь' в настоящем времени / имперфекте (INF + HABERE.PRAES/HABERE.IMPF; см. Lambertz 1948: 45). Ш. Демирай выдвигает встречные аргументы: в формах типа *gati dreka k̄a-ka* у глагола нет значения будущего времени, и они используются в тех же значениях, что и в литературном языке, точно так же у традиционного сказочного зачина *qenka, mos na qenka* 'было, не было' нет значения будущего, поскольку полностью синонимичны ему такие зачины, как

Албанский

2.41. *ishte_{IMPF} mos na ishte_{IMPF}; qe_{ACR} mos na qe_{ACR}; ishte_{IMPF} (qe_{ACR} ka qenë_{PERF}) një herë;*
ka_{HABERE.PRAES} pasë_{HABERE.PART.FLEX} qenë_{ESSE.PART.FLEX (= PERFII)} një herë

было, не было; было, не было; было (было, было) как-то раз; было как-то раз⁹⁵.

и др. Гипотеза о том, что сочетания типа *qenë kat* использовались в значении будущего времени, по его мнению, безосновательна

⁹⁴ Хотя в сербском будущее время образуется не по модели *cantare habeo*, а с глаголом желания, как и в болгарском и македонском: *Вечерас ѓу доћи код тебе* («Вечером я к тебе приду»).

⁹⁵ В русском языке отсутствуют морфологические средства, при помощи которых можно было показать различия в значении форм имперфекта, аориста и перфекта в этом примере, поэтому нам приходится переводить все перечисленные формы русским прошедшим временем.

и неаргументирована. Формы будущего времени могут иметь «модальность возможности», но никогда — «модальность истинности». На основе старых памятников восстанавливается процесс расхождения перфекта и косвенных эвиденциалов, но не найдено косвенных эвиденциалов с *te*, т.е. форм, которые можно было бы возвести к инфинитиву (Demiraj 1990: 911)⁹⁶.

2. Э. Ликай высказал другую гипотезу: формы инвертированного перфекта с апокопированным причастием возникли на основе свободного синтаксического сращивания причастных форм и глагола *kam* 'иметь'. Первоначально не существовало ни форм перфекта, ни косвенных эвиденциалов, и причастные формы и глагол *kam* могли входить в конструкцию со свободным порядком слов и неясным исходным значением. В зависимости от ряда факторов в случаях, когда связка предшествовала причастию, сформировались формы перфекта, а когда причастие выходило в позицию перед глаголом, сформировались формы инвертированного перфекта с апокопированным причастием (Likaj 1997: 149–150). Этой же точки зрения придерживается Ш. Рокай (Rrokaj 2007: 37–40).

3. Большинство исследователей возводят албанский инвертированный перфект с апокопированным причастием к «обычному» перфекту как формально, так и семантически. В современной албанистике эту точку зрения можно считать общепризнанной, о чем свидетельствует даже краткое перечисление основных исследователей, которые ее разделяли: Дж. Пекмези (Pekmezi 1908: 198); Г. Вайганд (Weigand 1925); А. Шмаус (Schmaus 1966: 121); В. Фидлер (Fiedler 1968: 367); М. Доми (Domi 1969: 71) и т.д. Так же считает и И. Айети (Ajeti 1969: 99), который говорит: «с морфологической точки зрения, настоящее время адмиратива есть не что иное, как перфект индикатива: *shkue kam: kam shkue*». Первичной формой $E_{\bar{v}}$ следует признать форму настоящего времени (типа *qenkam, paskam*), которая напрямую восходит к перфекту и по аналогии с которой образовались все остальные косвенные эвиденциалы (Demiraj 1990: 913). Эта точка зрения нам кажется наиболее логичной.

Поскольку самые ранние албанские памятники восходят к XVI в. и в них уже используются формы инвертированного перфекта

⁹⁶ Подробнее об использовании несвидетельских форм в формулах см. в Friedman 2000: 355–256.

с апокопированным причастием, вопрос о времени их возникновения в албанском языке имеет два возможных ответа: или время их формирования относится к периоду возникновения албанской письменности, или же это произошло раньше. Ш. Демирай пишет: «Появление этой формы — ...результат относительно долгого процесса, который начался в предписьменный период истории албанского языка, то есть до XVI в.» (Demiraj 2002: 388, также см. Demiraj 1971: 71–77; Demiraj 1990: 905–912), этого же мнения придерживаются и Э. Чабей (Çabej 1968: 387), И. Ајети (Ajeti 1969: 100) и В. Фидлер (Fiedler 1968: 367).

Ш. Демирай представляет процесс образования форм инвертированного перфекта с апокопированным причастием следующим образом: вначале, очевидно, существовали только формы перфекта, затем от них отделилась праформа косвенных эвиденциалов настоящего времени. Ее перфектное значение стало сходить на нет, а на первый план выходил модальный (в терминологии Демирая) компонент значения (т.е. выражение эмоциональной реакции говорящего, дубитативность, эвиденциальность...). После этого по образцу формы *PRÆS.EV* были созданы и формы других времен: «Вначале использовался инвертированный перфект в качестве стилистически окрашенной формы для выражения позиции говорящего в отношении речи о неожиданном событии. Как следствие, временное значение этой формы мало-помалу стало сходить на нет, и она всё чаще имела модальное значение... Новая синтетическая форма потеряла значение перфекта и получила значение настоящего времени, превратившись в конце концов в форму настоящего времени нового склонения... Затем подобные синтетические формы стали появляться по аналогии» (Там же: 388–389).

Далее, аргументируя свою датировку, Ш. Демирай говорит об определенных «ясных следах (ад)миратива и так называемого конъюнктива-(ад)миратива» в языке старых северных писателей, напр. у Дж. Бузуку (1555):

Албанский (XVI в.)

2.42. *E tha Jezu: Lee atë, ën ditet së vorrit tim ajo këta pas-kā*_{HABERE, PART-HABERE, 3SG} *ruojtunë*_{PART, FLEX}
Иисус же сказал: оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего (Ин. 12:7).

Использование этой формы у Бузуку, согласно Ш. Демираю, ясно свидетельствует, что инвертированный перфект с апокопированным

причастием в значении настоящего времени (*paskā*) в албанском языке к этому времени уже существовал. Всего у Бузуку формы *Ev*-индикатива использованы три раза, формы *CONJ.Ev*- 15 раз, кроме того, зарегистрировано 10 форм типа *në mos arkeshë*⁹⁷. Отметим, что все приведенные Ш. Демираем примеры из переводов Бузуку (Demiraj 2002: 391–392, § 44) с формами *Ev*- взяты из диалогов или речений Иисуса, причем некоторые предваряются глаголом речи, и нет ни одного примера из повествования от лица составителя Евангелия.

Рассматриваемые формы встречаются и в произведениях других северных авторов того же времени. У П. Буди в «*Dottrina Christiana*» (Budi 1618) и «*Speculum confessionis*» (Budi 1621) косвенные эвиденциалы индикатива использованы 14 раз, а *CONJ.Ev*- — 10 раз и еще 2 раза без частицы *të* (все примеры вместе с латинским и итальянским переводом приводятся по цитированному изданию Ш. Демирая):

Албанский (1621 г.)

2.43. ...*qi ashtë sikur thuo se shtëpia ime shtëpia e uratëvet quhetë, e ju e po shof se e bā-kī*_{PART-HABERE, PRAES, 2PL}⁹⁸ *shpellënë e kusarëvet e shtëpinë e tregut* (Budi 1621: 49).

⁹⁷ Вот его примеры (русский текст дается по синодальному переводу):
 ...*e u tha astyne: marë-kishnë*_{PART-HABERE, IMPF} *Tenëzonë ën vorit e nuk dime ku e vunë...*
 («И говорит им: унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его» — Ин. 20:2); *Ju në klenëkishtë*_{PART-HABERE, IMPF} *të shekullit, sekulli t*_{CONJAGR} *u dashke*_{PART-HABERE, IMPF} («Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое» — Ин. 15:19); *Ma mire të*_{CONJAGR} *klenë-k(e)*_{PART-HABERE, PRAES} *për të të*_{CONJAGR} *mos*_{NEG} *klenë-k(e)*_{PART-HABERE, PRAES} *lenë*_{PART. FLEX}... («...лучше было бы этому человеку не родиться...» — Мф. 26:24); ...*ti në ishnje këtu, em vëlla të*_{CONJAGR} *mos*_{NEG} *vdekunë-ke*_{PART-HABERE, PRAES}... («...если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» — Ин. 11:21); *Përse ky unguent mundë shiit të madhe gjā e t*_{CONJAGR} *u dhanë-kë*_{PART-HABERE, PRAES} *d vobegjet* («Ибо можно было продать это миро за большую цену и дать нищим» — Мф. 26:9).

Ниже Демирай указывает, что в некоторых случаях форма *Ev*-настоящего времени употреблена в значении нейтрального перфекта, напр. *Gjithë njeri ve përpara venënë e mire, e si denenë, atëherë u ep mē të udobë; e ti ruojtë-kë*_{PART-HABERE, PRAES} *venënë e mirë djerie tash* («и говорит ему: “Всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее, а ты хорошее вино сберег до селе”» (Ин. 2:10), предлагая сравнить латинский текст с формой перфекта: «*Omnis homo bonum vinum ponit: et cum inebriati fuerint, tunc id quod deterior est: tu autem servasti*_{PERF} *bonum vinum usque huc*».

⁹⁸ = *bakeni*. Демирай отмечает, что редукция элемента *-keni* → *-kë* дает основания подозревать относительно старое употребление (ад)миратива.

Латинский (Вульгата)

Domus mea domus orationis vocabitur, vos autem fecistis illam speluncam latrorum et domus negotiationis.

... как сказал он, что дом мой домом молитвы называется; а вы, как я увидел, сделали его пещерой разбойников и местом торго (ср. Мф. 21: 13, также Мк. 11:13; Лк. 19:46)

Албанский (1621 г.)

2.44. *...i cilli mirë tue e ndëgjuom ia dërgoi ndë dorë mjeshtri Pëllasit e mjeshtri i Pëllasit tue e vëm roe i shtiu shkag se genë-kë_{PART-HABERE, PRAES} kafshë plakë e jo aqi i mirë...* (Budi 1621: Parathënia).

... который, хорошо выслушав, отправил ее в руки мастеру дворца, который, посмотрев на нее, выдвинул причину, что она-де вещь старая и не такая уж хорошая...

В словаре Барди (Bardhi 1635) инвертированный перфект используется два раза в примерах из народного языка:

Албанский (1635 г.)

2.45. *Mirë se të sjellë-kë*_{PART-HABERE, PRAES} *e djathata e Tinëzot!* (Ibid, 217).

Хорошо, что ведет/привела тебя десница Господа!

2.46. — *Asht kjo udha qi ve n Krū?* — *Jo, vëlla, e harrue-kë*_{PART-HABERE, PRAES, 3SG} *larg* (Ibid, 221).

— Эта дорога ведет в Крую? — Нет, брат, ты забываешь/забыл (= пропустил) её далеко.

У Богдани (Bogdani 1685) косвенные эвиденциалы используются чаще, и, как кажется, модальный оттенок в них представлен гораздо реже:

Албанский (1685 г.)

2.47. *...kjanë-ka*_{PART-HABERE, PRAES} *pra spirti Tinëzot Ati...* (Ibid, I/III/22).

...и это был дух Господа нашего Отца...

Формы дистанцирования и их употребление у старых авторов не устоялись; нередко то, что с точки зрения современного состояния албанского языка могло бы быть проинтерпретировано как косвенный эвиденциал, на самом деле представляет собой конструкцию с перфектным значением, которая не передает (ад)миративности, репортативности или эмоционального отношения к событию (это можно наблюдать у Бузуку и Буди и в какой-то мере у Богдани). Э. Ли-кай называет такие случаи «свободное сочетание: причастие + глагол

‘быть’», в котором порядок элементов может быть любой. Однако с течением времени эти аналитические формы встречаются всё реже (Demiraj 1990: 926–927).

А. П. Сытов разделяет мнение Ш. Демирая об истории албанских эвиденциалов и дополняет его моделью семантической эволюции. Поскольку для Сытова первичным значением является именно репортативное, то исходным моментом в развитии их семантики он считает указание на источник информации, подчеркивание того, что говорящий не ручается за достоверность сообщаемого. Затем произошел переход от некатегоричного высказывания к высказыванию оценочному, с допустимой вариантностью оттенков — от неуверенности до «подчеркнуто отрицательного отношения к содержанию высказывания» (Сытов 1979: 123). Со временем оценочное значение форм становится самостоятельным, а репортативный компонент отходит на второй план.

О том, что касается возможного турецкого влияния на возникновение албанских косвенных эвиденциалов, Ш. Демирай писал, что против этой гипотезы есть следующие факты: (1) албанские косвенные эвиденциалы возникли еще в дописьменный период (по крайней мере, такова позиция Ш. Демирая), что оставляет мало времени для влияния; (2) неясно, почему в памятниках они встречаются в первую очередь у северных писателей-католиков (где турецкое влияние было минимальным); (3) почему в современных говорах они наиболее часто употребляются в местах, где турецкое влияние было не самым большим; (4) между значением албанского инвертированного перфекта с апокопированным причастием и турецких форм на *-miş* имеются значительные различия; (5) турецкое влияние на албанский язык ограничено лексикой и, частично, словообразованием, но не грамматикой (Demiraj 1990: 929).

В то же время в албанской грамматической традиции рассматривался тезис о возможном балканославянском влиянии на албанский. Ш. Демирай считает, что албанские и балканославянские косвенные эвиденциалы — разные явления, но, по его мнению, окончательный вывод делать еще рано: предварительно следует ответить на несколько вопросов:

«1) Насколько стары формы так называемого пересказывательного наклонения в македонском и болгарском, и было ли в этом случае турецкое влияние? 2) Является ли модальное значение удивления

исторически первичным или вторичным, и насколько древнее это содержание в так называемом пересказывательном наклонении в македонском и болгарском языках? 3) Где формы со значением *habitore* наиболее часто используются в историческом плане, в болгарском или македонском?» (Демирај 1994: 188; Demiraj 2002: 395).

К этому он добавляет несколько предварительных соображений:

- В болгарском и македонском эти формы еще аналитические, в то время как в албанском форма настоящего времени уже успела агглютинировать связку и стать синтетической.
- Исторически (ад)миративное значение *л*-форм в болгарском и македонском — вторичное, а в албанском — первичное.
- Поскольку *л*-формы с эвиденциальным, (ад)миративным или эпистемическим значением не встречаются в других славянских языках, следует признать их возникновение в болгарском и македонском результатом внешнего влияния (Там же).

Таким образом, вопрос остается открытым, однако очевидно, что Ш. Демирај отрицает прямое балканославянское влияние на возникновение албанского инвертированного перфекта с апокопированным причастием.

3. Лексические маркеры эвиденциальности в балканских языках

Со времени начала исследований лексического выражения эвиденциальности в балканских языках было предложено несколько классификаций лексических маркеров. И. Куцаров был в числе первых, кто заговорил об эвиденциальных лексических маркерах в болгарском языке (Куцаров 1978а; 1984), дав достаточно подробный список таких лексем, который затем был взят за основу позднейшими исследователями. В работе (Куцаров 1978а) приводится следующий список болгарских лексических маркеров: *уж*⁹⁹, *кай*, *май*, глаголы речи, вставные конструкции, самостоятельные предложения. Каждый маркер проиллюстрирован примерами употребления с разными формами (Ev⁺, Ev⁻, NEUT). V глава его монографии (Куцаров 1984) посвящена неграмматическим пересказыватель-

⁹⁹ Эти лексические маркеры переводятся и анализируются далее.

ным модификаторам и делится на несколько разделов: 1. Пересказывательные модификаторы — частицы. 2. Пересказывательные модификаторы — глагольные формы. 3. Пересказывательные модификаторы — предложения. 4. Лексические пересказывательные модификаторы типа *слух, мълва, приказка, съобщение, вест* и т. д. 5. Пересказывательные модификаторы — предложные сочетания.

Подробную классификацию предложила болгарская исследовательница Ж. Иванова (Иванова 2002). Она рассматривает «маркеры вторичности информации в русском языке, провоцирующие болгарское языковое сознание к употреблению пересказывательных форм при переводе текста с русского на болгарский язык»; анализ лексических средств выражения эвиденциальности в болгарском языке не входит в ее задачи. Тем не менее, предложенная ею классификация маркеров несобственно прямой речи может быть использована как отправной пункт для обращения к болгарским текстам: к «маркерам вторичности» она относит глаголы речи; предложно-именные конструкции типа *по словам, по мнению*; имена существительные типа *сообщение, слух, заявление, новость* и т. д.; предикаты с семантикой восприятия и получения информации: *стало известно, слышал, узнал*; презумпция незасвидетельствованности события, содержащаяся в широком контексте (Иванова 2002).

В конце «нулевых» годов македонские лингвисты обратились к исследованию лексического маркирования эвиденциальности в македонском языке (используя и другие языки для сопоставления). Отличительной чертой этих исследований стало хорошее знакомство авторов с работами исследователей из Западной Европы и Северной Америки. Прежде всего отметим работу, посвященную совместному употреблению грамматических и лексических маркеров в македонском языке (Гајдова, Лаброска 2008), пусть даже из лексических маркеров в ней рассматривались только глаголы речи и предположения. В следующей работе этих авторов (Гајдова, Лаброска 2010) предложен опыт описания лексических маркеров эвиденциальности в македонском языке, в основу которого положены в основном эвиденциальные частицы/наречия (*демек, ѓоа, демек ѓоа, како да, божем*). В (Петроска, Тофоска 2011) эта работа продолжена, а к сравнению с македонским материалом привлекается польский (поскольку работа рассматривает возможные переводные эквиваленты польских

лексических маркеров, список лексических маркеров в ней не дается). Польские глаголы речи в сопоставлении с македонскими рассматриваются также в (Тофоска 2008). Появились и исследования, посвященные отдельным показателям: в (Vužarovska 2006) рассматривается маркер *како да*, в (Petroska 2012) — *наводно*. Опыт классификации польских и македонских лексических маркеров эвиденциальности предлагает С. Тофоска (Тофоска 2008).

В (Макарцев 2008а) нами также была предложена классификация (на болгарском материале), опирающаяся на частеречную принадлежность маркеров. От предыдущих классификаций ее отличает ориентированность исключительно на лексические маркеры (без учета синтаксических, интонационных и др. средств). Более широкий анализ на македонском и албанском материале привел нас к мысли, что принцип частеречной принадлежности маркеров не является оптимальным, поскольку многие «маленькие слова» этих языков, т.е. слова, которые сложно отнести к традиционно выделяемым частям речи, могут вести себя по-разному в разных контекстах, например, албанск. *gjoja* может выполнять функции союза и вводить придаточное предложение, а может использоваться в качестве вводного слова, и это далеко не единственный пример. В лексикографии также нет единообразного описания. Например, в разных словарях *kinse* описывается как союз (Maңce 2007), союз/частица (в зависимости от значения — Fjalor 2002) и как наречие (Страшевски 2004). Такой же разноречивой в описаниях характерен для *gjoja*. *Sikur* в (Maңce 2007) определяется как союз, однако вместо описания дается отсылка «см. *gjoja*», при том, что *gjoja* в том же словаре трактуется как частица. И подобный список лексикографических недочетов можно продолжить.

Следует отметить, что здесь разноречивой в лексикографических описаниях до некоторой степени обременены теоретическим проблемами деления на части речи. Тема «маленьких слов» в последнее время стала пользоваться особой популярностью, при этом между разными исследователями нет консенсуса о том, как именно их следует называть, что часто можно видеть на некоторых международных конференциях (Макарцев 2008б; 2009д): например, термины *дискурсивные маркеры*, *клитики*, *particles* (частицы/партикулы) часто можно услышать в применении к одним и тем же лексемам. В работах Т. М. Николаевой (Николаева 1985; 2008) к одной из групп этих лексем в славянских

языках применяется термин «партикулы». Они объединяются общим (достаточно древним) происхождением и своей способностью объединяться друг с другом и с другими словами и оформлять разные синтаксические и семантические отношения в предложении¹⁰⁰. Предполагается, что в развитии индоевропейского праязыка был этап, когда привычного для нас деления на части речи еще не было (см. Иванов 1965; Schmalstieg 1980; Шилдз 1990; Adrados 1992 и др.). Т. М. Николаева в своей последней по времени выхода монографии предлагает следующую трактовку: «Итак, присматриваясь к этой гипотезе, мы видим язык по преимуществу моносиллабический, где есть только два класса: будущие слова "знаменательные" и будущие слова "дискурсивные"» (Николаева 2008: 29). Деление лексических маркеров на две группы — выраженные знаменательными и дискурсивными словами применяется в настоящей работе к классификации лексических маркеров эвиденциальности в балканских языках.

В апреле 2009 г. в Университете им. Иоганна Гутенберга в Майнце (ФРГ) состоялся круглый стол «База данных по эвиденциальным маркерам в европейских языках». Его целью было создание базы данных, которая позволила бы анализировать грамматические и лексические маркеры в европейских языках. В настоящее время эта база данных находится в состоянии разработки. На круглом столе были обсуждены также и теоретические проблемы категории эвиденциальности, и был выработан ряд решений (касавшихся определения эвиденциальности, ее субкатегорий и смежных категорий; классификации и таксономии лексических маркеров; проблемы полисемии маркеров и др., см. публикацию Wiemer, Stathi 2010), некоторые из них применяются и в настоящей работе. На круглом столе была предложена классификация, учитывающая как части речи в традиционном понимании, так и промежуточные классы, положение которых в таксономии вызывает вопросы.

¹⁰⁰ К этой теме обращается и А. А. Зализняк в своей последней монографии «Древнерусские клитики» (Зализняк 2008). Примечательно, что в «Оксфордской электронной энциклопедии языка и лингвистики» (Brown 2006) отсутствуют статьи «Таксономия» и «Части речи», однако в статье, посвященной традиционной грамматике, есть следующее утверждение: «Традиционная грамматика — практическая дисциплина в аристотелевском смысле. В ее центре — неуклюжая таксономия слов: классификации, которые не удовлетворяют научной точности, но удобны для обучения языкам» (Mulroy 2006: 11270).

При этом полнзначные глаголы были исключены из базы данных, что нам представляется оправданным только с точки зрения ограничения объема материала (в базу будет включено более 20 языков, а самой большой группой лексических эвиденциальных маркеров являются именно глаголы речи).

Одна из последних классификаций была приведена выше (Wiemer 2010). Ее отличие от других известных нам классификаций в том, что область лексических маркеров градуируется по «связанности» маркеров: от максимально свободных слов (частицы, сентенциальные наречия и пр.) к максимально связанным грамматическим показателям. Впрочем, в ней также отсутствуют лексические показатели-глаголы. Ее преимущество — в подробности и в том, что в ней, по всей видимости, представлены все известные на сегодняшний день виды эвиденциальных показателей в европейских языках

До сих пор не выработано общепринятого удобного способа описания значения лексических маркеров эвиденциальности. В настоящей работе для этого используется терминология, созданная при анализе грамматических маркеров. Так, используются термины «(ад)миративность», «визуальность», «конклюзивность», «репортативность», «эпистемичность».

Все рассмотренные классификации могут быть поделены на три группы — основанные на перечислении (Куцаров 1984; Иванова 2002; Тофоска 2008); на частеречной классификации (Макарцев 2008а; Wiemer, Stathi 2010) и на синтаксическом статусе показателей (Wiemer 2010). До сих пор не было предложено классификации по значениям, которые могут выражать лексические маркеры, что связано с плохим состоянием описания их инвентаря, тем не менее, после создания базы данных маркеров эвиденциальности создание такой классификации будет исключительно технической проблемой.

3.1. Инвентарь

Для нужд настоящей работы представляется наиболее удобным вариант, основанный на перечислении маркеров. Первоначальный список был составлен на основе авторитетных грамматик соответствующих языков и работ по эвиденциальности. В него включены как собственно эвиденциальные маркеры (репортативные и конклюзивные), так и находящиеся близко к ним по значению эпистемические.

Список основан на работах по болгарским маркерам (Иванова 2002; Куцаров 1978а; 1984; Граматика 1983; Kampf, Wiemer 2011)¹⁰¹; работах по македонским маркерам: (Vužaravska 2006; Гајдова, Лаброска 2008; Тофоска 2008; Гајдова, Лаброска 2010; Петроска, Тофоска 2011; Petroska 2012). Затем на основании списков русских эвиденциальных маркеров (Плунгян 2008; Вимер 2008) был произведен дополнительный поиск в двуязычных словарях: в русско-болгарском (Влахов 2004); русско-македонском (Чундева et al. 1997) и русско-албанском (Mançe et al. 2005). После этого список маркеров был проверен по одноязычным толковым словарям (болгарским: РБЕ 1977; БТР 2004; македонскому: Мургоски 2005; албанским: Fjalor 1981; Fjalor 2002) и по двуязычным словарям. Двуязычные словари отбирались по следующему принципу: русские, основные западные и балканские. Для албанского языка были также использованы албанско-итальянские словари. Для болгарского и македонского были дополнительно использованы болгарско-польский и македонско-польский словари. Поскольку нам неизвестны специальные работы по лексическим маркерам эвиденциальности в албанском языке, албанские маркеры мы собирали только по двуязычным словарям¹⁰².

¹⁰¹ Первоначальный вариант болгарской части списка был предложен в (Макарцев 2008: 256).

¹⁰² Использованы следующие словари.

Болгарский: Большой толковый «Словарь болгарского литературного языка» (РБЕ 1977-), «Болгарский толковый словарь» (БТР 2004). Двуязычные словари: болгарско-немецкий (Дорич et al. 1958), болгарско-албанский (Кацори et al. 1959), болгарско-польский (Славски 1963), болгарско-французский (Стефанова et al. 1964), болгарско-русский (Бернштейн 1966), болгарско-сербский (Младенов 1967), болгарско-македонский (Младенов et al. 1968) и болгарско-английский (Атанасова et al. 1975).

Македонский: «Речник на македонскиот јазик» З. Мургоского (60 000 слов). Двуязычные словари: македонско-албанский (гегский: Корвезировски, Руси 1967), македонско-русские (Толовски, Илич-Свитыч 1963; Усикова и др. 1997; Усикова 2003), македонско-польский (Црвенковски, Груиќ 1988), македонско-английский (Црвенковски, Груиќ 1988), македонско-сербскохорватский (Конески 1986), из которых отметим македонско-сербскохорватский, македонско-албанский и македонско-русский (Усикова и др. 1997) как наиболее полные.

Албанский: «Толковый словарь современного албанского языка» (35 000 слов) (Fjalor 2002), «Словарь современного албанского языка» (41 000 слов)

Полное описание всех маркеров рассматриваемых трех языков, безусловно задача отдельной работы, возможно, специального словаря или базы данных. Мы отобрали маркеры для анализа, прежде всего учитывая их используемость в современном языке. Однако мы сочли нужным включить в работу также некоторые из маркеров, описываемые в словарях как диалектные, устаревшие или просторечные (при том, что граница между этими тремя группами слов в балканских языках достаточно тонка), исходя из особенностей их функционирования.

В словарях лексические маркеры, выраженные наречиями и частицами, часто только переводятся (без специального толкования) или объясняются через синонимы, что мы бы назвали определением одного неизвестного через другое, ведь большинство маркеров имеет несколько значений¹⁰³. Поэтому в настоящей работе анализ

(Fjalor 1981). Двухязычные словари: албанско-русский (Mançe 2007), албанско-македонский (Страшевски 2004), албанско-сербскохорватский (Ndreca 1976), албанско-немецкий (Arbanas s.a.), албанско-английский (Mann 1948), албанско-итальянские (Leotti 1937; Cordignano 1934).

¹⁰³ Например, в македонско-польском словаре (Видоески et al. 1990) македонское *наводно* переводится как «*rzekomo, podobno*» (что можно попробовать перевести как «якобы, будто бы»). В то же время по польским эвиденциальным показателям *rzekomo* и *podobno* существует значительная библиография (см. в Żabowska 2008, а также в Wiemer 2008), у каждого из этих маркеров несколько значений, которые могут по-разному проявляться в разных контекстах. Едва ли все их значения совпадают со значениями македонского слова *наводно*. В словаре (Конески 1986) македонское *џоа* переводится на сербскохорватский как «*ђоја, кођоја, као, кобајаги, тобоже*» (что мы попытались перевести как «якобы, как, вроде бы, будто бы»). При этом каждый из аналогичных сербскохорватских маркеров переводится на русский несколькими способами: *ђоја* «по-моему, чего доброго, пожалуй» Мичатек 1903); «будто, якобы» (Толстой 2001); *као* «как» (Мичатек 1903); «словно, как будто» (Толстой 2001); *тобоже* «будто бы, на словах (но не на деле)» (Мичатек 1903); «якобы, будто, как будто, будто бы» (Толстой 2001). Перевод *кођоја* и *кобајаги* в доступных нам сербско(хорватско)-русских словарях отсутствует. Для *кобајаги* есть описание в Словаре Матицы сербской (Речник Матице српске 1990): «бајаги, тобоже», а *бајаги* переводится на русский как «будто бы, как бы». Таким образом, в нашем распоряжении оказывается 11 разных переводов: *по-моему, чего доброго, пожалуй, будто, якобы, как, словно, как будто, будто бы, как бы, на словах*, причем значительная их часть

значений проводится только на основе употреблений в текстах. Для поиска материала мы используем коллекции электронных текстов на болгарском, македонском и албанском языках. О критериях отбора уже было сказано во введении в работу, состав корпусов указан в приложении. В меньшей степени используется материал языковых корпусов.

В примерах эвиденциальные маркеры, анализируемые в настоящей работе или оставлены без перевода, поскольку их значение объясняется через толкование примеров, или их перевод носит примерный характер. В конце работы предлагается указатель использованных лексических маркеров с описанием значения посредством метаязыка, использованного при анализе грамматических маркеров. В приводимом списке жирным шрифтом выделены маркеры, которые анализируются в настоящей работе¹⁰⁴.

1. Знаменательные слова:

- a. **болгарский**: *вест* ‘известие’; *приказки* ‘слухи, разговоры, сказки’; *слух* ‘слух’ и под.; *виждам* ‘видеть’; *изглежда* ‘кажется’ (в форме 3SG); *научавам* ‘узнавать’; ***казвам (се)*** ‘говорить(ся)’ с синонимами (например *викам*, *думам*, *приказвам*, *разказвам* и др.); *струва ми се* (, *че/да*) ‘мне кажется’; *чувам* ‘слышать’;
- b. **македонский**: *вест* ‘известие’; *глас* ‘слух’; *слух* ‘слух’; ***(се) вели*** ‘говорить(ся)’; ***кажува/каже*** ‘говорить/сказать’; ***рече*** ‘сказать’;

является синонимами в некоторых из своих значений. И это только если мы допустим, что все значения сербских переводов *gjoja* включены в исходную семантику этого македонского слова. Ср. также пример и из албанской лексикографии. Например, во (Fjalor 2002) *kinse* описывается сразу через два репортативных/эпистемических маркера: «I. ... Gjoja. ... II. ... Sikur, gjoja sikur», при том что они, во-первых, никак не являются полными синонимами, что будет показано в настоящей главе, а во-вторых, описание значений каждого из маркеров, представленных как синонимы, сложно само по себе (в том же словаре у *sikur* как союза четыре значения и еще одно как у частицы). Поэтому словарные описания были исходным пунктом при отборе материала, и только после анализа корпуса мы предложили собственное описание, основанное не на подборе синонимов или переводе, а на указании семантических категорий, с которыми связаны маркеры ((ад)миративность, конклюдивность, репортативность, эпистемическая модальность и др.).

¹⁰⁴ Здесь и далее перевод болгарских маркеров дается по (Бернштейн 1966), македонских маркеров по (Ускова 1997; 2003), албанских маркеров по (Mançe 2007), если не указано иное.

- (*се*) *зборува* ‘говорить(ся)’; *значи* ‘значит’; *изгледа/по се изгледа* ‘кажется/как кажется’ (в форме 3SG); *се слуша* ‘слышится’ (в форме 3SG); *се шушка* ‘ползет слух’ (в форме 3SG);
- с. **албанский**: (*n*)*gjasë* ‘вероятность, возможность’ (чаще в словосочетаниях *sipas (n)gjasës* ‘по всей вероятности’; *me (n)gjasë* ‘с (большой) вероятностью’); *shprehet* ‘выразиться’; **them** ‘сказать’; *thuhet* ‘говорят; ходят слухи’ (в форме 3SG).
2. Дискурсивные слова:
- а. **болгарский**: *бéки* (разг.), *бéлки(м)* (диал. уст.) ‘может быть, возможно’; *бóжем* (уст.) ‘будто бы, как будто’; *бóзна*¹⁰⁵; *вероятно* ‘вероятно’; *едва ли* ‘едва ли, навряд ли’; **кай** петрифицированная глагольная форма ‘говорит’; *като че ли* ‘как будто’¹⁰⁶; *очевидно* ‘очевидно’; **май** (*че*) ‘как будто, пожалуй; вероятно’; *навярно* ‘наверное’; *надали* ‘едва ли, вряд ли’; *невя́м* (диал.) ‘будто, как будто’; *негли* (диал.) ‘может быть; неужели’; *сигурно* ‘скорее всего’; *свс сигурност* ‘то же’; **според** ‘по’ (*според X*; *според него*; *според думите на X* и т.д.); *съгласно* ‘согласно’; *сякаш* ‘как будто’; *може би* ‘может быть’; *уж, ўжким, ўжка* ‘якобы; как будто; будто бы’; *явно* ‘явно’;
- б. **македонский**: *божем* ‘как будто’; *веројатно* ‘вероятно’; **демек** ‘значит; как говорят’; **зоа** ‘якобы’; *евидентно* ‘очевидно, явно’; *како да* ‘как будто’; *ко* ‘будто бы’; *може би* ‘может быть’; **наводно** ‘как говорят’; *небаре* ‘как будто’; *очигледно* ‘очевидно’; *согласно* ‘согласно’; **спóред** ‘по’ (*спóред X*, *според него*, *спóред зборовите на X* и т.д.); *чунки/чункум* ‘как будто’;
- с. **албанский**: **demek** ‘значит’; *gjë* ‘как будто, вроде как’; **gjoja** ‘будто бы, якобы, вроде’; **kinse** (гегск.) ‘то же’; (*n*)*gjasmë* ‘похоже’¹⁰⁷;

¹⁰⁵ У Бернштейна только в значении «разг. *Бог знает*»; Грамматика 1983: 495 относит *божем* к частицам, употребляемым, «когда передаются чужие слова, чтобы подчеркнуть несовместимость с реальностью, противоречие ей <...>, когда указываются факты, о которых предполагается, что они соответствуют действительности, но которые с ней на самом деле несовместимы».

¹⁰⁶ Ср. название болгарских этнографических групп *гачовци* (села Красен Дол, Новопазарско и Доброплодно, Провадийско; жители обоих сел — переселенцы из Малой Азии) и *гачета* (село Есен, Карнобатско). Названия возникли по наречию *га че ли* (= *като че ли*), которое используется в говорах этих сел (Младенов 2008: 438).

¹⁰⁷ В словарях отсутствует; эту частицу нам сообщила Э. Балла, лектор албанского языка на филологическом факультете МГУ.

korsēm (гегск.) ‘якобы’ (Çabej 1976); *ndoshta/ndofta* ‘может быть’; *mbase* ‘может быть’; *sikur* ‘как, как будто, будто, словно’; *sipas/simbas* ‘по; согласно’.

Это, безусловно, неполный список, в частности, практически не учитываются стилистические синонимы приведенных в нем единиц. Тем не менее, он принимается за основу, позволяющую выработать правила, которые можно будет распространять на добавляемые в список элементы. Анализировать в данной работе все маркеры списка не представляется возможным из соображений как объема, так и количества материала по каждому маркеру в корпусах и коллекциях текстов (среди частиц, включенных в список, есть и малоупотребительные, прежде всего диалектные, напр.: *невям* и др., которые ни разу не встретились в корпусах, а также маркеры, которые крайне редко могут использоваться в эвиденциальном значении). Отметим также, что некоторые маркеры могут факультативно включать в свой состав союз ‘что’, ср. *май* и *май че*, *sikur* и *sikurse*, *gjoja* и *gjoja se* и некоторые другие¹⁰⁸. В настоящей работе мы будем рассматривать только «простые» маркеры, поскольку вопрос о взаимосвязи простых и сложных маркеров нам представляется достойным отдельного исследования.

Возможность использования лексического маркера при наличии грамматикализованной эвиденциальности создает впечатление плеонастичности. Как мы хотели бы показать в этой главе, плеонастичность здесь только кажущаяся, поскольку в рассматриваемых языках существуют специальные стратегии использования лексических и грамматических эвиденциальных маркеров.

Отправной точкой теоретического анализа таких конструкций для нас является статья П. Кехайова (Кегајов 2008), в которой

¹⁰⁸ Болгарским маркерам, которые могут выступать и как частица: *Сватбарите, изглежда, са празнували докъсно. (Но всъщност това може и да не е вярно)* «Гости на свадьбе, кажется, гуляли допоздна. (Но на самом деле это может быть и не так)», и как комплементатор (complement-taking predicate): *Изглежда, че сватбарите са празнували до късно (*Но всъщност това може и да не е вярно)* «Кажется, что гости на свадьбе гуляли допоздна. (Но на самом деле это может быть и не так)», в связи с этим изменяя свое значение, посвящено несколько работ Б. Вимера и В. Кампф (Wimer, Kampf 2011a; 2011b; (в печати)). Там же рассматриваются другие случаи гетеросемии (по Ф. Лихтенберку — Lichtenberk 1991) болгарских маркеров: *очевидно* и *очевидно е, че; явно и явно е, че*.

описано взаимодействие лексических и грамматических маркеров эвиденциальности в болгарском и эстонском языках. В частности, вводится разграничение между аналитическим и холистическим прочтением, *analytic* и *holistic reading*, т.е. между двумя способами связи лексических и грамматических маркеров с общим значением конструкции.

Поскольку в значении эвиденциалов (в случае болгарского языка, материал которого используется в статье, но также и в македонском, и в албанском) объединяются эвиденциальный и эпистемический компонент, при одновременном использовании лексического и грамматического маркера эвиденциальности возникает возможность двойного прочтения: при аналитическом прочтении лексический маркер отвечает за эвиденциальный, а грамматический — за эпистемический компонент значения, а при холистическом — и тот, и другой маркер вместе вводят один из компонентов. П. Кехайов иллюстрирует это следующим примером:

Болгарский

3.1. Стефан **май бил**_{Л.ПАРТ} от Бургас.

Стефан, **как будто**, из Бургаса.

который имеет несколько возможных прочтений в случае отсутствия уточняющего контекста:

- (1a) Говорящий слышал, что Стефан, скорее всего, из Бургаса.
- (1b) Говорящий скорее всего, слышал, что Стефан из Бургаса.
- (1c) Говорящий слышал, что Стефан из Бургаса и думает, что Стефан (скорее всего) из Бургаса.
- (1d) По мнению говорящего, Стефан выглядит так, что, скорее всего, он из Бургаса.

«(1a) выражает эвиденциальность с широкой сферой действия, когда слово *май* относится к синтаксической сфере действия пересказанной речи, и поэтому считается не частью высказывания говорящего, а частью высказывания человека, от которого говорящий получил информацию о Стефане. (1b) имеет точно противоположное значение: грамматический маркер *бил* (причастие прошедшего времени без связки) находится в сфере действия *май*. Здесь говорящий считает, хотя и не уверен до конца, что он слышал (где-то), что Стефан из Бургаса. В (1c) пропозиция модифицируется дважды, и ни один из двух модификаторов не подчиняется другому. Это значит, что

и слово *май*, и эвиденциальная форма *бил* независимо друг от друга модифицируют пропозицию. В (1d) *май* и *бил* воспринимаются как части единства, которое содержит как ссылку на источник информации, так и на эпистемическое суждение говорящего. Это разнообразие обязано трем возможностям выбора:

- (i) находятся ли сферы действия *май* и *бил* в асимметричном отношении или нет, ср. (1a/1b) vs. (1c/1d),
- (ii) амбивалентность сферы действия (*scope ambiguity*), ср. (1a) vs. (1b),
- (iii) выбор между свободным сочетанием или идиоматическим прочтением последовательности из грамматического и лексического маркеров, ср. (1c) vs. (1d)» (Там же, 166).

(1c) трактуется как «аналитическое», а (1d) как «холистическое» прочтение сочетания грамматического и лексического маркеров эвиденциальности.

Прибавим к этому еще и многозначность маркеров (в меньшей мере лексического, в большей мере грамматического): прекрасный пример такого рода дает В. Фридман (Friedman 2004: 106–107), который пишет, что предложение

Македонский

3.2. *Tu cu*_{ESSE.2SG} *бил*_{ESSE.LPART} *во Америка.*

Ты *ø*/был в Америке.

имеет несколько разных прочтений, в зависимости от контекста: говорящий мог видеть человека, о котором идет речь, в Америке, и теперь говорит об этом факте как когда-то имевшем место = PERF; говорящий пересказывает информацию с чужих слов = REP; говорящий делает вывод на основе каких-то фактов (например, собеседник носит американскую футболку) = CONCL; говорящий пересказывает слова собеседника о том, что он сейчас в Америке (например в разговоре по телефону) или был в Америке, и показывает свое недоверие = DUB; говорящий, находясь в Америке, неожиданно встречает собеседника на улице = (AD)MIR. Поскольку и *май* может выражать целый спектр значений (помимо конклюдентности, которая является постоянным семантическим признаком *май*, сенсорность, эпистемическую неуверенность, визуальность, репортативность), при интерференции значений мы можем наблюдать самые разнообразные результаты, от взаимоисключения значений до сложения,

а в потенциале — и до появления новых значений, несводимых к сумме значений элементов.

В данной главе мы рассмотрим совместное употребление лексических маркеров из приведенного выше списка с грамматическими маркерами Ev^+ / Ev^- . Лексический и грамматический элементы, которые входят в рассматриваемые нами конструкции, можно трактовать как два параметра. На область их значений следует наложить несколько ограничений, чтобы корректно отобразить материал для исследования и сделать более точными выводы.

Ограничение относится прежде всего к наиболее обширной группе — глаголам речи. В выбранных для анализа языках значение репортативности могут передавать разные глаголы, из которых здесь выбраны глаголы с максимально нейтральным значением ‘говорить/сказать’, т. е., не обремененные дополнительной эпистемической информацией — чтобы получить по возможности наиболее ясную картину. Если грамматические эвиденциалы в рассматриваемых языках имеют сразу два компонента значения, эвиденциальный и эпистемический, то обычный глагол речи не воздействует на эпистемический компонент их семантики, а отвечает только за эвиденциальный. В то же время если обратиться к глаголам с двумя компонентами, и эпистемическим, и эвиденциальным, например *твърдя* ‘утверждать’, *измислям* ‘выдумывать’ и др., то при анализе их сочетаний с эвиденциалами возникли бы проблемы в интерпретации. В частности, было бы очень сложно определить, в чем заложен эпистемический/эвиденциальный оттенок, в эвиденциалах или в семантике глагола речи, как в следующем примере:

Болгарский

3.3. *Обаче направо ще се спускам от яд на тая моята приятелка Мърморацията, понеже много ме ядосва. И също, понеже ме нервира. Ама защо си **измисля** такива работи, че съм_{ESSE} бил_{ESSE, LPART} казал_{LPART} че не обичам ягоди?* (BC)

Но я прямо-таки готов лопнуть от злости из-за этой моей подружки Бормотации, потому что она меня раздражает. И еще потому что нервирует. Ну зачем она **выдумывает** такие вещи, будто бы я сказал, что не люблю клубнику?

В этом примере передаваемая информация оценивается эпистемически как недостоверная и ложная. Однако как при этом связаны глагол *измислям си* ‘выдумывать’ и косвенный эвиденциал? Несут ли в таких примерах косвенные эвиденциалы только эпистемическое значение,

или и репортативное тоже? Едва ли есть другой способ ответить на эти вопросы, чем сравнение конструкций с глаголом, в семантике которого объединены эвиденциальный и эпистемический компонент, и конструкций с глаголом речи, не обремененным эпистемическими значениями. Различия будут объясняться наличием эпистемического компонента в семантике глагола у первого вида конструкций. Следовательно, анализ должен начинаться с обычным глаголом речи, а уже потом переходить к глаголам с эпистемическим компонентом.

Есть и ограничение, накладываемое на грамматический маркер: мы ищем только примеры с третьим лицом. Дело в том, что лицо глагола в сфере действия эвиденциального маркера, как мы уже говорили, имеет важное значение; в частности, оно может задавать один из параметров эпистемичности. Низкая эпистемическая достоверность обязательна для первого и второго лица; для третьего лица она может быть нереализованна. В то же время эвиденциальное значение форм, как правило, актуализируется в третьем лице, а в первых двух обычно остается полностью вытесненным эпистемичностью. То есть, если речь идет об эвиденциальности — наиболее богатый материал следует искать в третьем лице (ед. и мн. ч.).

КАЗВАМ/КАЖА (БОЛГ.)

Глагол *казвам/кажа* очень подробно описан в словарях. Первое его значение — передача речи; в более широком значении — передача информации любого рода, как, например, в предложении «*Хубаво момиче, но очите ѝ нищо не казват*» («Красивая девушка, но ее глаза ничего не выражают»: РБЕ VII). Во вводимых *казвам / кажа* отрезках текста противопоставляется несколько видов форм: косвенные эвиденциалы, нейтральные формы (будущее и настоящее) и прямые эвиденциалы (аорист и имперфект). Кроме того, есть ряд примеров того, как после глагола *казвам / кажа* одновременно употребляются формы сразу нескольких видов.

КАЗВАМ/КАЖА + PRAES

В примерах с настоящим временем после *казвам/кажа* (всего 46 случаев по коллекции болгарских текстов (БЛ)), информация часто воспринимается как достоверная по разным основаниям (здесь мы выходим за рамки непосредственно эвиденциальности и приближаемся к сфере эпистемичности):

- Ссылка на надежные источники, письменные (3.4) или устные (3.5):

Болгарский

- 3.4. *На часа аз извадих Изповедника, който носех при себе си в чантата, и прочетох на Кондя онова място, в което **се**_{.REFL} **казваше**_{.IMPF}, че който **прави**_{.PRAES} хайдутлук, не му **се**_{.REFL} **дава**_{.PRAES} свята комка двадесет години.*

Я тут же достал «Исповедник», который носил с собой в сумке, и прочитал К. то место, где **говорилось**, что тот, кто **становится** гайдуком, **лишается** Святого Причастия на двадцать лет (Стоянов, Записки).

- 3.5. *Честните хора <...> му дадоха още и парични средства, кой колкото имаше отгоре си, понеже всеки **казваше**_{.IMPF}, че човек бунтовник, който **отива**_{.PRAES} да мре, **няма**_{.PRAES} нужда от злато.*

Честные люди дали ему еще и денег, кто сколько имел с собой, потому что каждый **говорил**: бунтовщик, который **идет** на смерть, не **нуждается** в золоте (Стоянов, Записки).

- Основанное на последующих событиях знание о том, что информация оказалась истинной:

- 3.6. *Веднаж Галунка <...> дотърча изплашена и **каза**_{.AORF}, че на тавана **ходи**_{.PRAES} някой. Докато чакаха да изкарат някой хайдук, Марин слугата, който беше най-сърцат, избута пред себе си като овца жълтото куче. То беше си пхнало главата в една тенекия за масло и не можеше да я извади.*

Однажды Галунка в испуге прибежала и **сказала**, что на чердаке кто-то **ходит**. Пока собравшиеся ждали, что сверху приведут какого-нибудь разбойника, самый смелый, слуга Марин, вытолкнул перед собой, как овцу, желтую¹⁰⁹ собаку. Она засунула голову в бидон для масла и застряла там (Йовков, Ако можеха да говорят).

Однако часто достоверность информации не уточняется, и в этом случае возможно в одном и том же контексте употребить и нейтральное настоящее время, и Ev⁻, ср. пример из рассказа «Грешница», в котором при описании одной и той же ситуации используются сначала настоящее время, а затем Ev⁻:

- 3.7. *Отидох на преглед. Направиха ми изследвания и **казаха**_{.AORF} че **съм**_{.PRAES} напълно здрава, и че **нямат**_{.PRAES} причина да **нямат** деца. Отидох при друг лекар, ходих и в София. Същото. Здрава **съм**_{.ESSE} **била**_{.ESSE.LPART (= IMPF.EV⁻)} и **може**_{.L.PART} **съм**_{.ESSE (= IMPF.EV⁻)} да имам деца. Нужно **било**_{.ESSE.LPART (= IMPF.EV⁻)} и **мъжът** ми да се прегледа...*

¹⁰⁹ Т.е. рыжую.

Я сходила на прием. Меня проверили и **сказали**, что я полностью здорова и у меня нет препятствий, к тому, чтобы родить ребенка. Я сходила к другому врачу, съездила в Софию. То же самое. Я здорова, могу иметь детей. Нужно было осмотреть и мужа (Simon Ray Martin, Грешницата)¹¹⁰.

С другой стороны, так же может описываться и ложь, особенно выдаваемая за правду.

- 3.8. — *То е написано само да плаши простите хора — отговори той иронически. — Когато аз живееш на манастира, един святогорски калугер, който знаеше от тебе сто пъти повече, ми **казваше** ^{IMP} че каквото зло и да правиш, като купиш ^{PRAES} едно сребърно кандило на св. Богородица или направиш ^{PRAES} една икона, всичките ти грехове се ^{REFL} **прощават** ^{PRAES}.*

— Это написано только для того, чтобы пугать простых людей, — с иронией сказал он. — Когда я жил в монастыре, один монах-святогорец, который знал в сто раз больше тебя, **говорил** мне, что какое бы ты ни сделал зло, если купишь серебряную лампаду святой Богородице или сделаешь икону, все твои грехи прощаются (Стоянов, Записки).

Исходя из перечисленных случаев употребления, настоящее время в конструкции '*X каза / казваше, че Y прави*.^{PRAES} *Z*' — нейтрально и не маркировано ни с точки зрения эвиденциальности, ни с точки зрения эпистемической модальности. Таким образом, ни об аналитическом, ни о синтетическом прочтении конструкции, в которой глагол речи вводит формы настоящего времени речи идти не может; такие конструкции по значению не отличаются от соответствующих конструкций в любом языке, в котором нет грамматикализованной эвиденциальности или эвиденциальных стратегий.

КАЗВАМ/КАЖА + Fut ∨ Fut.Ev⁻

Рассмотрим, чем отличается употребление после глаголов речи простого будущего (всего 13 случаев в БЛ, см., напр., 3.9) от употребления форм Fut.Ev⁻ (5 случаев, см., напр., 3.10 и 3.11):

- 3.9. *Тук ни **казаха**, че всички ще ^{VELLE} **идем** ^{PRAES (= Fut)} в градския клуб <...>, а оттам ще ^{VELLE} **ни разпределят** ^{PRAES (= Fut)} по квартири.*

Здесь нам **сказали**, что мы все пойдем в городской клуб, а оттуда нас распределят по квартирам (Константинов, Бай Ганю).

¹¹⁰ Отметим, что глагол «говорить» появляется только в первой части этого примера, а во второй части его нет и единственным указанием на то, что информация передается с чужих слов, служат несвидетельские формы.

3.10. *Какво ще казва... **Казва**, че всичко било_{ESSE.LPART (IMPF.EV⁻)} в ръцете на бога. Какво-то кажел_{LPART (IMPF.EV⁻)} бог. **Казва** още че знаял_{LPART (IMPF.EV⁻)} един лек и щял_{VELLE.LPART} да_{CONJ.AGR} опита_{PRaes (= Fut.EV⁻)}. **Може да помогне**.*

Что ему сказать... **Говорит**, что всё в руках Божиих. Как Бог **решит**. **Говорит** еще, что знает одно лекарство и **собирается попробовать**. Может по-мочь (Йовков, Ако можеха да говорят).

3.11. [Той] **казваше**, че понеже къщата му била_{ESSE.LPART (IMPF.EV⁻)} по-близо до Чадър могила, <...> то направо щял_{VELLE.LPART} да_{CONJ.AGR} отиде_{PRaes (= Fut.EV⁻)} там.

Он **говорил**, что, поскольку его дом ближе к Чадыр-могиле, он **собирался** идти напрямик туда (Стоянов, Записки).

В (3.9) путешественники пересказывают сообщенную им информацию; в (3.10) пересказываются советы третьего лица в ситуации болезни; в (3.11) один из участников разговора сообщает о своих планах.

Рассмотрим, чем еще различаются примеры (3.9–3.11), кроме форм (Fut ∨ Fut.EV⁻). Исходя из контекста, между ними нет разницы в указании на источник информации (во всех трех случаях свидетельство косвенное). (3.9) эпистемически нейтрален. (3.10), судя по контексту, также не должен передавать недоверия. Отстраненное отношение к источнику сообщения (и, как производная от него, эпистемическая оценка недоверия) становится понятным читателю только в ретроспективе (из «макроконтекста», если использовать терминологию Б. Вимера и В. Кампф — Wimer, Kampf (в печати)), после знакомства с продолжением событий (человек, о котором идет речь, так и не пришел на Чадыр-могилу, а предал повстанцев).

Глагол *казвам* не налагает никаких ограничений на употребление/неупотребление форм Fut.EV⁻ и не влияет на их семантику. Можно сделать вывод, что конструкции типа ‘казвам + Fut.EV⁻’ следует прочитывать аналитически, причем компонент ‘казвам’ отвечает за указание на то, что информация получена со слов субъекта действия, обозначаемого глаголом, а неупотребление или употребление EV⁻ вносит дополнительный эпистемический нюанс более нейтрального или более недоверчивого отношения.

КАЗВАМ/КАЖА + (AOR ∨ IMPF ∨ LPART.AUX⁻)

При анализе коллекции болгарских текстов (БЛ) было найдено всего два примера со дистанцированным имперфектом после глагола речи. Дополнительная выборка по болгарскому национальному корпусу (сто случайных результатов) не дала результата.

3.12. Както **казвах**_{IMPF} **нямаше**_{IMPF} къща в селото, в която да не е удушено някое добиче. Като че беше преминала по добитъка чума (Йовков, Ако можеха да говорят).

Как **говорили**, **не было** в селе двора, где не пала бы скотина. Как будто чума по скоту прошла.

3.13. Болестта не **беше**_{IMPF} прилепчива (тъй **беше казал**_{PLUSSQ} докторът) и леша на Комура го извлякоха и оставиха на поляната (Йовков, Ако можеха да говорят).

Болезнь не **была** заразной (так **сказал** доктор), и тушу Комуры вытащили и оставили на поляне.

В (3.12) едва ли можно считать, что глагол речи вводит сообщение: рассказ о селе ведет автор, а указание на слова жителей села скорее приводится как часть описания ситуации. В (3.13) ситуация та же. Строго говоря, в данных примерах $IMPF.EV^+$ не попадает в сферу действия глагола речи, то есть может не учитываться. $AOR.EV^+$ после *казвам/кажа* не зарегистрирован ни разу, что подтверждает тезис о том, что аорист является маркированной формой косвенной эвиденциальности.

Если после *казвам/кажа* используется $IMPF.EV^-$ (всего более 35 таких примеров в БЛ, см. пример 3.14) или $AOR.EV^-$ (16 примеров в БЛ, см. 3.15), то речь идет об информации, по отношению к которой говорящий не хочет занимать выраженной позиции, а также о недостовой и/или ложной информации, например:

Болгарский

3.14. Зимно време тия носят тънки дочени дрехи, които другите хора употребяват в най-големите горещини; а лятно време, през месец май, изгорелият и почернял като отърлен кютюк овчар от добруджанското слънце се облича в дълъг кюрк, подплатен с кожи, в който се поти и пшка, като че се намира в запалена пещ. Но тъй **бил**_{ESSE.LPART (= IMPF.EV^-)} адетът, сега така **трябвало**, тъй **ходдел**_{LPART (= IMPF.EV^-)} синът на еди-кой хаджи, **казва**_{PRaes} майката (Стоянов, Записки).

Зимой они носят тонкую хлопчатобумажную одежду, которую другие люди носят в самую сильную жару, а летом, в мае, сгорев и почернев на добруджанском солнце, как обгорелый пень, пастух надевает длинную шубу с кожаной подкладкой, в которой потеет и тяжело дышит, как будто он в раскаленной печке. Но таков обычай, сейчас так надо, так **ходил** сын такого-то и такого-то хаджи, говорит мать.

3.15. Крачим, крачим от етап на етап, спим по участъците, посрещат ни пристави, изпращат ни жандарми, а накъде ни водят, и ний сами не знаем.

Казват _{PRaes} *че за възтържествуване на българското правописание намерили* _{LPART (= Aor, Ev)} *за полезно да ни възпитават по три годинки в арестантските роти. Кой знай! Може и туй чудо да стане* (Константинов, Бай Ганьо).

Мы шагаем, шагаем от этапа к этапу, спим в околотках, нас встречают приставы, провожают жандармы, а куда нас ведут, мы и сами не знаем. **Говорят**, что ради торжества болгарской орфографии **решили**, будто бы нам полезно было пройти курс воспитания — три года арестантских рот. Кто знает! Может, и такие чудеса происходят.

Сюда также входит новая для говорящего информация (здесь эвиденциальность связывается с (ад)миративом, см. Aikhenvald 2004: 195 и далее):

3.16. — *Човекът **каза*** _{Aor} *че селото било* _{ESSE, LPART (= Impf, Ev)} *близо — каза селянинът* (Йовков, По жицата).

«Человек **сказал**, что село близко», — сказал крестьянин.

Впрочем, есть ряд исключений:

3.17. *До кръчмата имаше каруца и конят, както беше впрегнат, лежеше на земята. Право **беше казал*** _{PLUSQ} *човекът, че конят му бл* _{ESSE, LPART (= Impf, Ev)} *болел. Спуснаха се всички да помагат.*

У трактира стояла телега, а лошадь, как она была запряжена, лежала на земле. Правду **сказал** человек, что его лошадь была больна. Все спустились помогать (Йовков, Другоселец).

Здесь на месте Ev^- были бы скорее уместны Ev^+ или нейтральное настоящее время (например, «...*че конят му беше* _{IMPF / E, ESSE, PRAES} *болел*»). В примере есть непосредственное указание на подлинность информации, которая больше ни у кого не вызывает сомнения («*Право беше казал човекът*»). С другой стороны, можно привести примеры несомненно неподлинной с точки зрения говорящего информации, которая вводится при помощи настоящего времени (3.8). Как кажется, подобную непоследовательность можно объяснить тем, что говорящие используют Ev^- то как эпистемический маркер (3.14), то как маркер эвиденциальный (3.17)¹¹¹

¹¹¹ Б. Вимер и В. Кампф предлагают рассматривать болгарские формы как эпистемически нейтральные, поскольку существуют контексты, в которых они не имеют эпистемического значения (рассказ о событиях отдаленного прошлого; рассказ с чужих слов о событиях прошлого). С категорией эпистемичности их роднит *эпистемический агностицизм* (термин предложен

КАЗВАМ/КАЖА + PERF.EV⁻

Как мы уже говорили, за формой ESSE.LPART + ESSE.1–2SG/PL + LPART (например *бил съм писал*; для краткости будем называть эту форму по одному из наиболее часто встречаемых значений — PERF.EV⁻) на самом деле стоит несколько разных значений (PERF.EV⁻, PLUSQ.EV⁻, AOR.DUB, PERF.DUB, PLUSQ.DUB). Конечно, при желании можно было бы подобрать примеры на каждое из значений, но в аспекте интересующей нас проблематики это не так интересно. Формальный механизм, который привел к этому, уже был рассмотрен выше, а здесь мы хотели бы показать, как взаимодействует PERF.EV⁻ и лексические маркеры.

Из-за совпадения значений в рамках одной формы, PERF.EV⁻ превращается в изменяемый параметр, на первый план в семантике которого может выходить как эвиденциальное, так и эпистемическое значение. В БЛ найдено 7 примеров с PERF.EV⁻, среди них как эпистемически нейтральные (3.18), так и отмеченные низкой степенью доверия (3.19):

Болгарский

- 3.18. *Чуха се мъжки гласове, някои заприказваха там, после се скараха, дигна се глъчка. Разтичаха се всички слуги. **Казаха**^{AOR} че били^{ESSE.LPART} хванали^{LPART (= PERF.EV⁻)} крадец, и докараха Велико.* (Йовков, Ако можеха да говорят)

Послышались мужские голоса, кто-то заговорил, потом донеслись ругательства, и начался гвалт. Все слуги забегали. **Сказали**, что поймали вора, и привели Велико.

- 3.29. ***Казваха** още, че една гладна година, когато имало много мишки, манастирските паткани (плъхове) му били^{ESSE.LPART} изгризали^{LPART (= PERF.EV⁻)} ушите като пастърма.* (Стоянов, Записки).

А еще **говорили**, что в один голодный год, когда было много мышей, монастырские крысы погрызли ему уши, как бастурму.

Исходя из семантики плюсквамперфекта, следовало бы ожидать, что в случае, когда пересказ вводится глаголом речи в аористе/имперфекте, события, находящиеся в сфере действия глагола речи, должны были бы вводиться эвиденциальным плюсквамперфектом

в Wierig 2006), или приостановка проверки высказывания на истинность/ложность, что позволяет им в некоторых контекстах передавать эпистемическое недоверие.

(соответственно, $PLSQ.EV^- = PERF.EV^-$, см. табл. 2.2), и примеров наподобие 3.18 должно было бы быть большинство. Однако это не так. В современном болгарском языке в сфере действия глагола речи (в AOR или IMPF), как правило, используются глаголы в (AOR.EV⁻/IMPF.EV⁻), а использование формы PERF.EV⁻ эпистемически окрашено (оценка недоверия, EPIS⁻). Обычно эта форма употребляется или вне связного рассказа о событиях (в ответе на реплику собеседника), или в связном нарративе для указания на события в плане предшествования, но не после глагола речи (в начале вводимого отрезка чужой речи).

КАЗВАМ/КАЖА + NEUT ∨ EV⁻

Иногда встречается ситуация, когда один и тот же лексический маркер вводит текст с совместным употреблением немаркированных форм и косвенных эвиденциалов (иногда немаркированные формы и косвенные эвиденциалы соседствуют даже в рамках одного простого предложения).

Всего при поиске по БЛ было найдено несколько таких случаев, которые распадаются на две группы. Так, вместе могут употребляться следующие формы:

- a. FUT + IMPF.EV⁻;
- b. PRAES + IMPF.EV⁻.

Разбор некоторых вопросов, связанных с будущим временем (а), позволит нам подойти к объяснению того, что происходит с настоящим (b):

a. В следующем примере мы видим, как имперфект EV⁻ используется вместе с будущим временем:

3.20. *Така например Георги Димитров от Одрин каза че имал_{LPART (= IMPF.EV⁻)} пригответени хора около Димотика, които с една дума само ще_{VELLE} може_{PRAES (= FUT)} да повдигне на въстание, и най-напред ще_{VELLE} прекъса_{PRAES (= FUT)} железницата...*

Так, например, Георгий Димитров из Адрианополя **сказал**, что у него около Димотики есть люди в полной готовности, которых он сможет одним только словом поднять на восстание, и прежде всего он перекроет железную дорогу (Стоянов, Записки).

Почему здесь при пересказе чужой речи не используются не только лишь EV⁻, но и NEUT? Следовало бы ожидать, что будущее время будет заменено на косвенное эвиденциальное будущее Fut.EV⁻, как и настоящее, находящееся с ним в одном придаточном предложении,

заменено на косвенный эвиденциальный имперфект IMPF.EV⁻ (например «**каза** *че* имал_{L.PART (= IMPF.EV⁻)} *приготвени хора около Димотика, ко-ито с една дума само щял*_{VELLE.L.PART} *да*_{CONJAGR} може_{PRAES (= FUT.EV⁻)} *да повдигне на въстание, и най-напред щял*_{VELLE.L.PART} *да*_{CONJAGR} прекъса_{PRAES (= FUT.EV⁻)} *железницата*»).

Это можно было бы объяснить разницей в восприятии семантики будущего EV⁻ и имперфекта EV⁻. У IMPF.EV⁻ выделяется два компонента: эвиденциальный и, во вторую очередь, эпистемический. У будущего EV⁻, как мы уже говорили, на первый план выходит эпистемический компонент значения в силу того, что для будущего всегда существует некий потенциал, который может не реализоваться, или реализоваться не так, как это ожидалось (ср., в частности, исходное значение желательности у грамматикализованной частицы *ще*, участвующей в образовании будущего времени в болгарском языке). Поэтому если к болгарским косвенным эвиденциалам плана прошедшего и настоящего времени можно применять термин, предложенный Р. П. Усиковой для аналогичного явления в македонском языке: «доверчивый пересказ» (Усикова 2003: 220), то косвенные эвиденциалы, относящиеся к будущему, всегда будут иметь более или менее ярко выраженную эпистемическую (*non-confirmative*) окраску.

b. Настоящее время может иметь разный статус. В (3.21) перед нами ситуация, которую мы предложили бы считать стандартной ситуацией совместного употребления EV⁻ и EV⁺ в одном контексте:

3.21. *Той... той просто избухна и каза*_{AOR} *че причината е*_{PRAES} (1) *в мен, че той*
имал_{HABERE.L.PART (= IMPF.EV⁻)} (2) *преди мен приятелка, с която... Изобщо, че*
имал_{HABERE.L.PART (= IMPF.EV⁻)} (3) *доказательства и при него всичко било*_{ESSE.L.PART (= IMPF.EV⁻)} (4) *наред*
(Simon Ray Martin, Грешницата).

Он... он просто взорвался и **сказал**, что причина во мне, что передо мной у него была подруга, с которой... В общем, что у него есть доказательства, и у него всё в порядке.

Разница между формами PRAES и IMPF.EV⁻¹¹² в этом примере видна достаточно хорошо: форма (1), обозначенная настоящим временем, относится к плану одновременности, а формы, обозначенные эви-

¹¹² Напомним, что поскольку у косвенных эвиденциалов снимается формальное выражение различия между планом одновременности и предшествования, PRAES.EV⁻ и IMPF.EV⁻ формально совпадают и мы рассматриваем все случаи PRAES.EV⁻ как IMPF.EV⁻.

денциальным имперфектом — как к плану одновременности (3, 4), так и к плану предшествования (2). Между формами (1) и (3, 4) основное различие — в дистанции: (1) = NEUT; (3, 4) = EV⁻. Если в случае (2) дистанцированное отношение к пересказанным событиям основывается на их отдаленности по времени, то в (3, 4) можно прибегнуть к литературоведческому термину *остранение* (Десницкая 1982: 185; см. также выше), когда говорящий излагает некоторые события как бы со стороны, подчеркивая свою отчужденность по отношению к ним.

Подводя итог тому, что было сказано о болгарском *казвам/кажа* и его связи с косвенной эвиденциальностью, отметим несколько ключевых моментов. Свобода в использовании косвенных эвиденциалов после глаголов речи практически ничем не ограничена, но, в зависимости от временного плана высказывания, они могут иметь различную семантику. Поскольку в косвенных эвиденциалах могут пересекаться эпистемическая модальность и эвиденциальность, в сочетании с глаголом речи на первый план выходит то один, то другой компонент значения, что влияет на стратегию анализа текста: раздельное или цельное прочтение (*analytic* или *holistic reading*). В то же время значительно ограничено употребление после глаголов речи именно прямых эвиденциалов: зарегистрировано всего два случая использования имперфекта после глагола речи (при этом достаточно маргинальных), а аорист не засвидетельствован ни разу. Подробнее о семантике косвенных эвиденциалов и возможностях ее распределения в разных контекстах мы скажем после того, как рассмотрим их связь с эвиденциальными частицами.

КАЖУВА/КАЖЕ, ВЕЛИ, РЕЧЕ (МАКЕД.)

Интересной особенностью македонского языка является то, что в нём три «нейтральных» глагола речи: *кажува/каже*, *вели* и *рече*. У *вели* (несов. вид.) и *рече* (сов. вид.), в отличие от *кажува/каже* нет видовой пары.

КАЖУВА/КАЖЕ, ВЕЛИ, РЕЧЕ + PRAES. √ IMPF. EV⁻

Настоящее время (17 примеров с *кажува/каже*; 35 примеров с *вели*; 50 примеров с *каже*) используется для действий, одновременных с актом сообщения (а также последующих ему и для

«вневременных» действий, наподобие «настоящего гномического»: *Земля вертится вокруг Солнца, Волга впадает в Каспийское море* и т.д.), если говорящий не хочет показывать своего отстраненного к ним отношения (3.23: 2). После «кажува/каже» мы не нашли ни одного примера со свидетельским имперфектом (Имрф.Ев⁺), хотя, как мы увидим позже, в принципе прямые эвиденциалы после глаголов речи в третьем лице в македонском языке допустимы.

Имрф.Ев⁻ (7 примеров с *кажува/каже*; 7 примеров с *вели*; 12 с *рече*) используется для действий, которые находятся в плане предшествования акту сообщения (3.22), действий, по отношению к которым говорящий занимает отстраненную позицию (3.23: 1), в частности которые он оценивает как эпистемически недостоверные (3.24):

Македонский

3.22. *Не морав да прашам дали богатството е поважно од љубовта, тој тоа го одговори кога ми **кажа**_{AOR} дека заради таа финансиска сигурност ја жр-твувал_{L, PART (= AOR, EV⁻)} неговата љубов кон мене, многу одамна* (Бачкоска, Зависна).

Я не должна была спрашивать, важнее ли богатство любви, он на это ответил, когда **сказал** мне, что ради этой финансовой обеспеченности он пожертвовал своей любовью ко мне, очень давно.

3.23. *Уште ù **кажа** дека Лила, онаа онаму, ене ја, која работи отспротива, во цвеќарата, за разлика од неа, од Сабина, не_{NEG} можела_{L, PART (= AOR, EV⁻)} (1) да поднесе милихброд ама се_{REFL} дави_{PRAES} (2) во гурабии. „Не можам да разберам што наоѓа во тие глупави гурабии“ (Мицковиќ, Куќата на Мазарена).*

Еще она **сказала** ей, что Лила, вон та, вот-вот эта, которая работает на-против, в цветочном магазине, в отличие от нее, от Сабины, не переносит гренки с вареньем, а объедается курабье. «Не могу понять, что она находит в этих глупых курабье».

3.24. *Сите четири ката се глуви, со прашливи скали и канцеларии со прашливи фотографии на починатиот претседател, кој набљудува од средината на валканиот суд. **Велат**, тука работеле_{L, PART (= IMPF, EV⁻)} луѓе. Јас не гледам никого (Прикопиев, 77 антиупатства)*

Все четыре этажа глухие, с пыльными лестницами и канцеляриями, с пыльными фотографиями покойного президента, который наблюдает с середины грязной стены. **Говорят**, здесь работают люди. Я никого не вижу.

Форма глагола речи (настоящее время vs. имперфект/аорист) не влияет на употребление Ev⁺/Ev⁻/NEUT: распределение форм внутри

придаточного предложения будет подчиняться более общей оппозиции по дистанции (в виде: одновременность + последование vs. предшествование; EPIS⁺ vs. EPIS⁻), по схеме:

Схема 3.1. Распределение форм EV⁺/EV⁻/NEUT в главном и придаточном предложениях в македонском языке

Главное предложение	Отношение придаточного к главному	Глагол в придаточном
VERBUM DICENDI.PRAES/AOR/IMPF X <i>кажува (вели)/ кажа (рече)/ кажуваше (велеше), дека</i>	Одновременность + последование √ EPIS ⁺ √ EV ⁺	VERB.PRAES Y <i>пишува, чита, спие...</i>
	Предшествование √ EPIS ⁻ √ EV ⁻	VERB.IMPF.EV ⁻ Y <i>пишувал, читал, спиел...</i>

КАЖУВА/КАЖЕ, ВЕЛИ, РЕЧЕ + FUT

В придаточных, вводимых глаголом речи, может использоваться как будущее (NEUT) (после *кажува/каже* — 5 случаев; после *вели* — 5 случаев; после *рече* — 15 случаев), так и дистанцированное будущее (EV⁻) (редко: один пример с *рече*). Нейтральное будущее зарегистрировано как в эпистемически нейтральных случаях (3.25), так и в тех, где информация о действиях в будущем не соответствует тому, что произойдет на самом деле (3.26), и говорящий об этом знает:

3.25. *Јосиф секогаш велеше дека нашите деца ќе бидат најубави на целиот свет затоа што ќе бидат „паметни како тато а убави како мама“* (Бачкоска, Зависна).

Иосиф всегда **говорил** мне, что наши дети **будут** самыми лучшими на свете, потому что они **будут** «умными, как папа, и красивыми, как мама».

3.26. *Нашата историја се повторуваше, јас плачев, тој ме тешеше, постојано повторувајќи колку ме сака, велејќи ми дека веднаш што стигне ќе ми се јави* (Бачкоска, Зависна)

Наша история повторялась, я плакала, он утешал меня, постоянно повторяя, как он меня любит, **говоря**, что сразу же, как он доедет, то **позвонит** мне.

Для глагола *рече* был найден один пример с будущим EV⁻:

3.27. *И рече дека за тоа дело ќе говори големиот градски инквизитор, без чија помош тешко дека Загреб ја видел светлината на оваа книга и дека не би го препознал „големиот светски заговор“ против Господинот Наш Исус Христос* (Андоновски, Вештица).

И **сказал**, что об этом деле будет говорить великий городской инквизитор, без чьей помощи едва ли Загреб увидел бы свет этой книги и не узнал бы о «великом мировом заговоре» против Господа Нашего Иисуса Христа.

Здесь действие, обозначенное косвенным эвиденциалом будущего времени, относится к плану предшествования акту сообщения (в плане нейтральных форм ему будет соответствовать не будущее время, а будущее в прошедшем: *ке видеше*). Несмотря на то, что в текстах нам не удалось найти других случаев употребления Fut.Ev⁻ после глагола речи, можно предположить, что их употребление возможно для действий, пересказанных с чужих слов; чья эпистемическая достоверность оценивается низко или от которых говорящий хочет дистанцироваться.

КАЖУВА/КАЖЕ, ВЕЛИ, РЕЧЕ + AOR \ / AOR.Ev⁻

Для конструкций такого типа были найдены следующие примеры: AOR после *вели*: 2; AOR.Ev⁻ после *кажувам/каже*: 15, после *вели*: 9; после *рече*: 2. Даже при том, что коллекция македонских текстов, которой мы пользуемся, весьма ограничена, здесь уже можно увидеть некоторую тенденцию.

Формы AOR.Ev⁻ после глагола речи ожидаются по умолчанию, то есть являются по сути нейтральными в этом контексте (как в 3.28), их можно считать немаркированными формами, на употребление которых не влияет засвидетельствованность и эпистемическая оценка:

3.28. *Оливер ми се јави следниот ден и ми **кажа**_{AOR} дека патувањето поминало_{LPART (=AOR.EV⁻)} во најдобар ред и ме потсети дека не сум сама, дека секогаш ќе биде тука за мене, во добро и во зло* (Бачкоска, Зависна).

Оливер позвонил мне на следующий день и **сказал**, что поездка прошла спокойно, и напомнил мне, что я не одна, что он всегда будет здесь ради меня, в радости и горе.

Поскольку аорист в таких контекстах исключительно редок, приведем оба примера, которые нам удалось найти:

3.39. *Станицјата, **велат**_{PRES} поради духот на времето, ја преместија_{AOR} педесет метри погоре, но името ѝ остана исто* (Прикопиев, 77 антиупатства).

Станцию, как **говорят**, из-за духа времени, переместили на пятьдесят метров выше, но название осталось тем же.

3.30. *Затоа, **вели**_{PRES} Ладлоу, приказната за Капетанот на јаничарите не произлезе_{AOR} од желбата на авторот да напише книга, туку од неговиот*

интерес за времињата и личностите за кои зборува (Михајловски, Мојот Скендербеј).

Поэтому, **говорит** Ладлоу, сказка о Капитане янычар произошла не из желания автора написать книгу, а из его истинного интереса ко временам и личностям, о которых он говорит.

В примере 3.29 в сфере действия глагола речи находится только конструкция «*поради духот на времето*», а глагол *преместија* к ней не относится, поэтому этот пример можно не рассматривать.

Е. Петроска называет недистанцированный аорист (Aor.Ev⁺) в примерах, подобных 3.30, «употреблением конфирмативных времен... для незасвидетельствованных действий» (Петроска 2008). При таком употреблении говорящий не дистанцируется от передаваемой информации, а включает ее в сферу своего личного опыта. Такие формы маркированы (в терминологии В. Фридмана, «маркированный конфирматив») и достаточно ярко выделяются для носителя языка в потоке речи. Отметим также, что такие случаи подтверждают тезис о том, что эвиденциальность — не единственная семантическая категория, которая участвует в противопоставлении Aor.Ev⁺ и Aor.Ev⁻.

КАЖУВА/КАЖЕ, вѐли, рече + NEUT √ Ev⁻

Как в болгарском языке, в македонском не требуется, чтобы после глагола речи использовались только одинаковые формы (только перфект / только нейтральное настоящее / только нейтральное будущее) и допускает на одном отрезке текста использование и косвенных эвиденциалов, и нейтральных форм (и прямых эвиденциалов, но в нашем материале они не встретились в таком контексте):

3.31. На Аска ѝ **кажаа** дека ја дале_{AOR.EV⁻}, но не ѝ **кажаа** други подробности, освен дека свадбата ќе биде_{VELLE, PRAES (= FUT)} наскоро (Теута Арифи, In Medias Res).

Аске **сказали**, что ее **выдали**, но не сказали других подробностей, кроме того, что свадьба **будет** скоро.

В случае совместного употребления каждая из форм употребляется в своем собственном значении, которые мы описали в отдельных подразделах. В частности, в примере (3.31) форма Aor.Ev⁻ (немаркированная в данном контексте) обозначает событие в плане предшествования, а форма нейтрального будущего (Fut, также немаркированная в данном контексте) — в плане следования. Однако если бы

признак Ev⁻ маркировал не аористную форму, а форму будущего времени, значение предложения кардинально изменилось бы. Вот как выглядел бы пример 3.31:

3.31а. На Аска ÿ **кажаа** дека ја **дадоа**_{Аор.Ев⁺}, но не ÿ **кажаа** други подробности, освен дека свадбата **ке била**_{Фут.Ев⁻} **наскоро**.

Аске **сказали**, что ее **выдали** (= и это совершенно ожидаемое с точки зрения говорящего действие), но не сказали других подробностей, кроме того, что свадьба **якобы** (= что исключительно сомнительно) **будет** скоро.

В этом случае из примера, в котором не было ни одной немаркированной формы, мы получили пример сразу с двумя: маркированный Аор.Ев⁺ указывает на то, что говорящий включает это действие в сферу личного знания, подчеркивая, что оно соответствует его знаниям о мире (конфирмативность), а маркированное Fut.Ев⁻ указывает на то, что скорое проведение свадьбы, наоборот, неожиданно для говорящего ((ад)миративность) или оценивается с недоверием (эпистемичность). Такой пример был бы не очень логичен, но можно попробовать представить себе ситуацию, где он был бы уместен.

ТНЕМ (АЛБАНСК.)

Как уже было сказано, в отличие от болгарского и македонского, в албанском всего один ряд маркированных форм — косвенные эвиденциалы (инвертированный перфект с апокопированным причастием / «адмиратив» / «наклонение удивления»). Помимо этого, в семантике албанских косвенных эвиденциалов на первом месте стоит (ад)миративность, которую мы на семантическом уровне включаем в категорию дистанции, исключая из категории эвиденциальности. На уровне форм это первичное значение накладывает ограничения: невозможность использования албанских косвенных эвиденциалов в качестве основных форм в связном тексте и исключительная редкость косвенных эвиденциалов в значении нейтрального пересказа.

С этим связана и малая частотность косвенных эвиденциалов в албанских текстах. А. В. Десницкая приводит следующую статистику: в сборнике новелл Я. Дзодзы, «густо насыщенном диалогической речью персонажей», на 155 страницах ей удалось обнаружить всего 64 случая их использования, в большинстве случаев — в диалогах. В нашей коллекции текстов албанской литературы (АТ) всего

шесть случаев использования Ev^- после *them*: перфект Ev^- (2 примера) и плюсквамперфект Ev^- (4 примера) (Десницкая 1982: 175–176).

Перфект является нейтральной с точки зрения эвиденциальности и эпистемической модальности формой, а $PERF.Ev^-$ — маркированной:

Албанский

3.33. — *Po sa vjeç mund të jetë tani? — e pyeti Ipaemri...*

— *Më thanë^{AOR} se paska lindur_{PERF.EV^-} më 1885.... domethënë tani është gjashtëdhjetë vjeç...* (Marko, Qyteti i fundit).

— Так сколько ему должно сейчас быть лет? — спросил его Безымянный...

— Мне **сказали**, что он родился в 1885... значит, сейчас ему шестьдесят лет...

В приведенном примере из спектра значений, передаваемых инвертированным перфектом, актуальна только репортативная эвиденциальность (с дополнительным эпистемическим оттенком недоверия, поскольку речь идет о молодом выглядящем человеке, которому, оказывается, шестьдесят лет). Данная конструкция из лексического и эвиденциального маркера должна прочитываться холистически: глагол речи передает эвиденциальное значение, инвертированный перфект — также эвиденциальное, а эпистемическое значение неактуально.

Албанский плюсквамперфект также эвиденциально и эпистемически не маркирован. В то же время $PLSQ.Ev^-$ употребляется для неза свидетельствованных действий, от которых говорящий дистанцируется:

Албанский

3.34. *Disa thanë se kjo ishte një nga ato shifrat e fshehta të ushtrisë, që as dreqi vet s'mund t'i zbërthente dot. Ti mund të lexoje në telegram fjalët "Shqipëri etnike" e pas tyre fshihej gruaja e trashë e kryetarit të bashkisë, e kështu me rradhë. Sipas kësaj logjike dikush **tha**^{AOR} se qen-këshim_{ESSE.PART-HABERE.IMPF} mërzitur_{PART.FLEX (= PERF.EV^-)} kot gjer tani dhe se s'^{NEG} paskësh_{HABERE.PART-HABERE.IMPF} qenë^{ESSE.PART.FLEX (= PERF.EV^-)} fjala për hapjen e shtëpisë publike por të frontit të dytë! (Kadare, Gjenerali i ushtrisë së vdekur)*

Некоторые уверяли, что это какой-то секретный военный код из тех, где сам черт не сможет ничего расшифровать. К примеру, читаешь в телеграмме слова «этническая Албания», а за ними скрывается толстая жена мэра, ну и так далее. Следуя этой логике, кто-то **сказал**, что мы вообще зря беспокоились всё это время, поскольку якобы на самом деле речь шла об открытии вовсе не публичного дома, а второго фронта!

Здесь после *them* употреблен плюсквамперфект Ev^- для передачи действий, которые вызывают у говорящего отторжение и желание дистанцироваться. В этом случае *them* и косвенный эвиденциал

должны прочитываться аналитически: глагол речи отвечает за эвиденциальный компонент, а косвенный эвиденциал — за дистанцирование.

ДЕМЕК (БОЛГАРСК.), ДЕМЕК (МАКЕД.), ДЕМЕК (АЛБАНСК.)

Демек является бесспорным лексическим балканизмом: кроме болгарского, македонского и албанского, лексема зарегистрирована также в сербском (*dèmek* ‘дакле, што се каже’ — РСМ I 1990: 654) и арумунском (*‘to znaczy, więc’*, Budziszewska 1983). У Н. Борецкого (Boretzky 1976) приводится следующая этимология: «**demek** „das soll heißen“: *demek* „sagen, d. h., also“» («„это значит“, от турецк. *demek* „сказать, то есть, итак; значит“») ¹¹³.

В болгарской литературе это слово встречается исключительно редко. В коллекции болгарских текстов нам удалось найти его только в прозе XIX в. (И. Вазов, З. Стоянов) В (РБЕ III 1981) *демек* описывается как «простонародное» слово, хотя в городской разговорной речи его можно услышать до сих пор. В Болгарском национальном корпусе зарегистрировано 260 употреблений *демек* (в периодических изданиях, переводах и художественной литературе; фольклорные источники были исключены из поиска), однако по большей части значение этого слова ограничивается следованием (‘то есть’) и поэтому не может быть связано с эвиденциальностью. Впрочем, среди таких случаев интерес вызывает употребление *демек* как своего рода «маркера перевода», когда он используется после слова/словосочетания на иностранном языке, чтобы ввести болгарский перевод:

Болгарский

3.34. *Alone* (**демек** "Сам")

"Alone", **то есть** "Одинокий" (из блога).

Это вариант значения «другими словами». Пусть даже *демек* в этом значении и вводит процитированные или пересказанные слова, это

¹¹³ Существующие албанские этимологические словари и работы по албанской этимологии Г. Майера (Meyer 1891), Н. Йокля (Jokl 1923), Н. Борецкого (Boretzky 1976), В. Орла (Orel 1997), Б. Демирая (Demiraj 1997) и Э. Чабея (Çabej 2002) во многом избирательно подходят к материалу; для албанских маркеров мы приводим не систематическое описание по всем существующим словарям, а только по тем, где маркер представлен наиболее подробно.

всё равно нельзя связать с эвиденциальностью, потому что основная его функция в таких контекстах — подвести к интерпретации (не так важно, в виде пересказа, перевода или уточнения).

Впрочем, *демек* также может использоваться как конклюдзивный маркер (хотя и исключительно редко):

- 3.35. *Дордето кривях уста да уверявам Доча, че съм от изгорелите и пострададите панагюрци, че търся царската войска да ѝ се предам на ръцете, той изучаваше подозрително моите тесни беневреци от панагюрски шаяк и влашкия ми калпак, а на думите малко внимание обръщаше.*
— **Демек** ти си от ония аратлици, от комиците — забележи Дочо уверено и метна поглед наоколо (Стоянов, Записки)

Пока я кривил душой, пытаюсь убедить Дочо, что я из пострадавших панагюрцев-погорельцев, что ищу армию султана, чтобы вручить свою судьбу в их руки, он подозрительно изучал мои узкие штаны из панагюриштского грубого сукна и валашскую меховую шапку, а на мои слова почти не обращал внимания:

— **То есть**, ты из этих друзей, из комиков, — уверенно заметил Дочо и огляделся по сторонам.

В сфере действия *демек* возможно употребление также косвенных эвиденциалов:

- 3.36. *Мине, не мине време, и в прословутото политическо пространство се появява поредното упражнение върху темата: "в партиите няма личности за продан". Демек, кадрите се били износили и ако не били пропорционалните листи, в бъдещия парламент нямало да влезе никое от познатите лица. Ето защо трябвало да се търсят свежи попълнения (БНК — газета «Дума», 9.10.2004)*

Пройдет какое-то время, и в пресловутом политическом пространстве появляется очередное упражнение на тему «в партиях нет людей на продажу». **Дескать**, кадры *устарели*, и если бы не пропорциональные списки, то в будущий парламент не смог бы попасть никто из известных лиц.

Мы считаем, что в болгарском языке в сфере действия *демек* косвенные эвиденциалы вводят интерпретацию говорящим утверждения, сделанного другим человеком, их использование в такой ситуации — эпистемическое (Е^р).

В словарях литературного македонского языка зарегистрировано только конклюдзивное значение *демек*, однако этот маркер часто используется как репортативный с дополнительным оттенком Е^р.

Македонский

3.37. *Растела*_{LPART (= IMPF, EV)} **демек**, *поддршката за ставот на македонската влада во спорот околу името со Грција* (из журнала).

[Они говорят, что] поддержка позиции македонского правительства в споре с Грецией об имени растет [что не соответствует действительности, если принять во внимание официальные заявления Брюсселя и Вашингтона].

Если в сфере действия репортажного *демек* есть пропозиция, возможно использовать грамматические показатели эвиденциальности двумя способами: в плане предшествования используются или *л*-формы (в этом случае они выступают как немаркированные), так и формы на *-в*-/*-ш*-/*-ј*-/*-ѳ*- (для маркированного признака EP^+), в плане одновременности и последования — как *л*-формы (для маркированного признака EP^-), так и нейтральные (как немаркированные). То есть и в плане предшествования, и в плане одновременности/последования существует оппозиция по эпистемичности, но *л*-формы могут оказываться по разные стороны этой оппозиции, а для оценки их значения нельзя обойтись без контекста.

В словарях албанского языка *demek* описывается как конклюдивный, эпистемический и (ад)миративный маркер. В то же время, возможно и его использование как репортажного маркера, хотя и с сильным эпистемическим оттенком (в приводимом примере его значение усилено при помощи эпистемического маркера *sikur*):

Албанский

3.38. [Ai] *vete jep intervista, del në televizor e u thotë broçkulla sikur demek, Amerika i ka*_{PRAES} *sytë te parti e tyre!* (Kulla, Rrëfenja nga Amerika)

Он сам дал интервью, пошел на телевидение и рассказал им бред, **будто** якобы Америка шпионит за их партией!

В коллекции албанских текстов был найден также пример с конклюдивным значением:

3.39. — *A kini zjarr? — i pyeta.*

Njëri pe tyre nxorri çakmaknë e ma zgjati.

— *Po cigare? — e pyeta gjene i hutuarë, sa më s'bëhej.*

*Ay qeshi e ma dha edhe cigaren me bujari. Demek, atyre u pëlqekër-ke*_{PRAES, EV}, _{PART-HABERE, PRAES (=}

edhe kur e ke humbur torruan (Kulla, Rrefenja nga Amerika).

— У вас есть огонь? — спросила я их.

Один из них достал зажигалку и протянул мне.

— А сигарета? — растерянно, не помня себя, спросила я. Он улыбнулся и щедрым жестом протянул мне и сигарету. **То есть** им нравится, когда действуешь без оглядки.

В 3.39 нет эпистемического оттенка, но есть (ад)миративный, передаваемый инвертированным перфектом, то есть в данном случае конструкция прочитывается холистически: *demek* передает значение логического вывода из ситуации (конклюдив), а инвертированный перфект — (ад)миративность. Отметим также, что в этом примере можно наблюдать конклюдивность в плане одновременности (точнее, во «вневременном» плане: им нравится *всегда*), что нельзя передать грамматическими средствами болгарского и македонского языков.

Ѓоа (МАКЕД.), ГЈОЈА (АЛБАНСК.)

В балканских языках широко распространен маркер *ѓоа* (макед.), *gjoja* (албанск.), *гџоа* (болг. диалектн.) — с вариантами: *гџове* (юго-восточные болгарские говоры), *гџоа* (Прилеп), *гџоа* (Дебрско), *гџой*, *гџойким* (Момчиловци, Смолянско), *гџем* (Банско) (БЕР); *гџоѐ(мѐ)*, *гџѐ-ми-ти* («областн. простореч.», Младенов 1941; без указания точного места); *ѓоа-ми-ти* (макед.); *gõmti* «tak jakbu» (эгейские макед. говоры — Budziszewska 1983); *gjjá* (албанск. диал.); ср. также *ђоја*, *кођоја* (сербск.). Является заимствованием из турецкого: «Через тур. *güya*, *güya* от перс. *gü* ‘говорить’» (БЕР). У Борецкого в словаре турецких заимствований в албанском встречаем: «Из турецкого *gjøya*, *güya*» (Boretzky 1976); «из турецк. *guja* ‘как будто, может быть’» (Meuser 1891). В современном турецком *göya*, *güya* имеет значения ‘будто бы, якобы; будто, как будто, словно; кажется’ (Турецко-русский словарь 1945).

В болгарском языке слово *гџоа* (и его варианты) не употребляются в стандартном языке, неизвестны большинству его носителей и встречаются только в диалектных текстах. В коллекции болгарских текстов (БЛ) мы не нашли ни одного употребления этого слова, поэтому не рассматриваем болгарский материал.

В македонских словарях *ѓоа* описывается как эпистемический и репортативный маркер (обычно с пометой «диалектное»). Однако, при том что *ѓоа* в принципе встречается, наш поиск именно репортативного *ѓоа* по коллекции македонских текстов (и по дополнительной выборке из Интернета) не увенчался успехом. По всей

видимости, в македонском основная семантика этого маркера всё же эпистемическая, а его использование в качестве репортивно-го маркера (если это вообще допустимо) — вторичное. Отметим, впрочем, что есть эвиденциальное значение, которое может ассоциироваться с *ѓoa*: визуальность, хотя и с дополнительным значением контрфактивности (‘казалось, что *p*, но на самом деле это было не так’):

Македонский

3.40. *Господинот Димитар ја напушти својата улога, седна и се задлабочи*^{Аор.Еv+} *ѓoa*, и тој во слушањето (Мицковиќ, Куќата на Мазарена).

Это возбудило еще большее любопытство и сосредоточенное внимание, да и господин Димитрий оставил свою роль, сел и **как будто** тоже погрузился в слух.

В то же время, достаточно распространены случаи эпистемического использования этого маркера:

3.41. *Сѐ е измислено, ѓoa од деликатност, обсур и морални причини а само Маза ја излага на срам и потсмет под вистинското име. Краен простотилак!* (Мицковиќ, Куќата на Мазарена).

Всё выдуманно, **будто бы** от деликатности, осмотрительности и причин морального характера, и только Маза ее и выставляет на позор и посмешище под настоящим именем. Крайняя неотесанность!

Как видно, эвиденциальное значение у *ѓoa* не появляется отдельно от сопутствующего эпистемического значения.

В (3.42) можно наблюдать репортивное значение, но первостепенным в данном случае следует признать значение эпистемической недостоверности (Еv⁺):

Македонский

3.42. *Излегува дека сета добра волја што ја покажувала Маза кон мештаните тие ја игнорирале, дека тие, особено мештанките, ја презирале, ја мразеле! Таа измислица на писателот му била^{А.Ессе.ЛPART (IMPF.Еv-)} потребна да покаже, ѓoa, дека Маза, која наводно првпат во животот се почувствувала како вистински да дише и да живее, страшно се излагала, како да сметала дека е и самата окружена со пријателство и љубов зашто и таа им ги пружала на другите, а била, всушност, отфрлена, омразена* (Мицковиќ, Куќата на Мазарена).

Получается, что всю ту добрую волю, которую показывала Маза в отношении мешчан, они игнорировали, что они, в особенности мешчанки, ее презирали, ненавидели! Этот вымысел, **следовательно**, был нужен, чтобы

показать, что Маза, которая, по его словам, в первый раз в жизни почувствовала, будто она живет и дышит по-настоящему, роковым образом обманывалась, считая, что и сама она окружена дружбой и любовью, которые и она дарила остальным, а на самом деле она была отверженной, ненавидимой ими.

Поскольку всего в коллекции македонских текстов было найдено только шесть примеров с *ѓoa*, сложно сделать выводы о его сочетаемости с Ev^+/Ev^- . Если отложить в сторону нерелевантные примеры, то останется три (да и те принадлежат одному и тому же писателю): один с Ev^+ (3.40) и два с Ev^- , (3.42) и (3.43):

3.44. *Но тука ќе му направам една умесна забелешка на господинок писател. Ако веќе сакал да ја претстави работата како заговор морал да покаже како заверениците се готвеле да ја уловат уште во возот, на тесно а не да излезе дека **ѓoa** таму се_{REFL} нашле_{,PART (= Aor.Ev⁻)} по игра на случајот* (Мицковик, Куката на Мазарена).

Но здесь я сделаю уместное замечание господину писателю. Если он хотел представить это как заговор, то он должен был показать, как заговорщики готовятся схватить ее еще в поезде, в замкнутом пространстве, а не чтобы получилось так, **будто бы** они оказались там по воле случая.

Эти примеры отражают следующую тенденцию использования Ev^+/Ev^- после *ѓoa*:

- после *ѓoa* используются Ev^+ , если ситуация подразумевает визуальный компонент (ср. 3.40);
- после *ѓoa* используются Ev^- , если ситуация не подразумевает визуального компонента, в частности, если речь идет о реконструированных или эпистемически отрицательно оцениваемых действиях. В таком случае речь идет о холистическом прочтении лексического маркера и следующих за ним косвенных эвиденциалов.

У *ѓoa* первичным и основным значением следует признать эпистемическое, а эвиденциальное — вторичным и редким.

Если в литературном македонском *ѓoa* обычно считается диалектным словом (просторечным, устаревшим — в балканских языках границы между этими группами слов часто смыкаются), то у албанского *gjoja* такой ассоциации нет. Оно также описывается в словарях как эвиденциальный и эпистемический маркер, но его эвиденциальное значение ограничивается репортивом:

Албанский

3.44. *Bexheti nisi të bënte njohjet e mua më paraqiti si kryetar të degës së partisë së tij në Nju Jork, që gjoja nëmëronte*_{IMPF} *gjer tashi katërqind antarë* (Kulla, Rrëfenja nga Amerika).

Беджет отправился сообщать мне, представляясь главой отделения своей партии в Нью-Йорке, которая **якобы** насчитывала на настоящий момент четыреста членов.

Эпистемическое значение в семантике албанского *gjoja* также представлено:

3.45. *Ky popull është barbar, prandaj duhet ta shfarosim... Dhe ata që gjoja janë*_{PRESENT} *me ne, për të holla na shërbejne. Janë maskarenj!* (Marko, Qyteti i fundit)

Этот народ — варвары, поэтому их нужно истребить... А те, что **якобы** с нами, служат нам за деньги. Они разбойники!

Следовательно, *gjoja* можно определить как эпистемический маркер с возможностью дополнительного репоративного употребления. Примеров с косвенными эвиденциалами после *gjoja* в албанских текстах найдено не было, но в системе языка ограничений на совместное употребление *gjoja* и инвертированного перфекта нет (см. переводной пример 3.90б).

СПОРЕД (БОЛГ., МАКЕД.), SIPAS (АЛБАНСК.)

Эвиденциальное значение предлога *според* в болгарском и македонском вторично и восходит к значению соразмерности (соразмерность чему-либо > соответствие чьим-либо словам). В (БЕР VII) это слово возводится к *ред*, но не описана его семантическая и структурная история (указано только, что от слова *ред* этот предлог образован путем двойной префиксации; что отмечал еще С. Младенов: с+по+ред — Младенов 1941). В балканославянских диалектах достаточно распространено в разных значениях (как эвиденциальных, так и пространственных: ‘напротив чего-л.’, ‘потому что’, ‘по причине’, ‘помимо’ и др.): *спурид* (Войнягово, Карловско), *спуред*, *спуред чи* (Банат) (БЕР); *спорай* ‘согласно’ (Гора, Северо-Восточная Албания: Dokle 2007: 1054). Используется также в сербском, но не в эвиденциальном значении (*според* и *поред*: ‘возле; наряду; в сравнении; вопреки’).

Наиболее распространено в болгарском и македонском значении соответствия (например болг. *Според нуждите и средствата* / макед. *Според потребите и сретствата* ‘Согласно потребностям

и возможностям') и авторской позиции (*stance*: болг. и макед. *според мене...* 'по-моему, как я считаю').

Для сферы действия *според* можно построить подробную классификацию всех глагольных форм. Однако основные особенности функционирования форм в разных контекстах уже определены в параграфах, посвященных глаголам речи. Поэтому здесь мы ограничимся только теми случаями, которые позволяют показать специфику *според* как эвиденциального маркера.

Примеры, где *според* выступает не в роли эвиденциального маркера, были отсеяны. Среди них были примеры с близким к эвиденциальности значением «точки зрения» (*stance*; чаще всего в отношении к первому лицу, как в 3.46):

Болгарский

3.46. *След това му изказване реших да се махна по-далеч от този според моите разбираня, побъркан човек и неговите среди и да си търся работно място другаде (Лазаров, Български глас).*

После этого его высказывания я решил убраться подальше от этого, **по** моему пониманию, сумасшедшего человека и его среды и искать работу в другом месте.

Очевидно, что точку зрения говорящего нельзя считать источником информации, на основании которого он говорит, следовательно, здесь мы не имеем дело с эвиденциальностью.

В ряде случаев *според*, несомненно, используется для передачи чужих слов, однако либо они оформлены как цитата (3.47), либо во вводимом отрезке отсутствует пропозиция (3.48), что не дает возможности говорить о выборе глагольной формы:

3.47. *Често той дохождаше от Сеймен на станцията и в селото Търново, с кош на гърба, пълен с хляб, а между хлябовете в "Независимост" или друга някоя брошура от Л. Каравелов, които той раздаваше по другите работници, "да учат словото божие"; според както се изразяваше той сам (Стоянов, Записки).*

Он часто приезжал из Сеймена на станцию и в село Търново, с корзиной, полной хлеба, на спине, а среди буханок хлеба лежала газета «Независимость» или какая-нибудь брошюра Л. Каравелова, которые он раздавал другим работникам, «чтобы они учили слово Божие», **как** он сам выражался.

3.48. *Накрая все пак решихме да отидем в една absolutely natural, според думите на Кейт, таверна, близо до пристанището Мандраки (BC).*

В конце мы всё-таки решили пойти в одну *absolutely natural*, **по** словам Кейт, таверну, недалеко от пристани Мандраки.

Все подобные примеры были отсеяны. Оставшиеся примеры, входящие в семантическую зону эвиденциальности, распадаются на две группы несопоставимого размера: *според* в конклюдивном (всего 1 пример, 3.49) и в репортативном значении (154 примера, например, 3.50):

- 3.49. *След дълги препирни оказало се, че американката ни считала^{LPART (= IMPF.EV-Y)} според изложените предмети, за едно южноамериканско племе (Костантинов, До Чикаго и назад).*

После долгих преприрательств оказалось, что **на основании** представленных на выставке предметов американка считала нас каким-то южноамериканским племенем.

- 3.50. *Също така [американское радио] преди месец съобщи за арестуването на П. Стайнов, когато той, според уверението на близките му тук, бил^{ESSE.LPART (= IMPF.EV-)} на курорт с жена си в Балчик (Чудомир, Дневник).*

Также месяц назад американское радио сообщило об аресте П. Стайнова, когда тот, как уверяли его близкие, живущие здесь, был на курорте в Балчике со своей женой.

Если обратиться к случаям репортативного употребления, то мы увидим, что *според* всегда образует предложную группу, зависимый компонент которой (именная группа) называет источник информации, а вершина (*според*) указывает на связь источника с передаваемой информацией. Например, в (3.50) *според* открывает предложную группу «според уверението на близките му тук», в которой «уверението на близките му» указывает на источник информации, а *според* — на связь источника информации с передаваемой информацией («той... бил на курорт с жена си в Балчик»). Таким образом на источник сообщения указывает не само *според*, а предложная группа, вводимая *според*, и лексическим маркером эвиденциальности следует считать эту предложную группу целиком.

Как представляется, эти два значения *според* имеют общее основание, что распространяется и на значительную часть остальных употреблений предлога (*stance*: «по моему мнению»; значение ссылки на письменные источники: «согласно Конституции...»): это связь между основанием для суждения и самим суждением, то есть выражение ссылки на источник информации является лишь частным случаем этого более общего значения.

Значения македонского *според* не отличаются от болгарских: это и «авторская позиция» (3.51), и сообразность, и ссылка на письменные источники. Среди этого спектра значений есть и два, входящих в семантическую зону эвиденциальности: репортативности (3.52) и конклюдентности (3.53):

Македонский

3.51. *Нејзе навистина, во очите на малограѓанскиот свет, ја изневерував, но филозофски гледано оно што се есапеше и што според мене значеше*_{Impf.Ev⁺} *светла водилка во човечкото постоење, љубовта, не ја изневерував!* (Михајловски, Мојот Скендербеј)

Ей я, в глазах мещанского мира, действительно изменил, но если смотреть философски, тому, о чём я думал, и что, **по** моему мнению, было светлой путеводной звездой в человеческой жизни, любви, я не изменил!

3.52. *На пример, по кафеани зборувал дека уште кога ја зел, таа му правела маги, што значи дека тие нечесни нешта ги научила уште дома. А таму, според* *многумина, има*_{Praes} *многу маѓосници, падре* (Андоновски, Вештица).

Например, в кофейнях он говорил, что еще когда он женился на ней, она колдовала ему, что значит, что эти нечестивые вещи она узнала еще дома. А там, **по словам** многих, есть много колдуний, святой отец.

3.53. *Но, според* *блесокот во очите додека неуморно раскажува за своите патувња меѓу Ескимите или кај кај жителите на Андите, неговиот номадски порив е*_{Praes} *неоспорен* (Прикопиев, 77 антиупатства).

Но судя **по тому**, как блестяли его глаза, когда он, не зная усталости, рассказывал о своих путешествиях среди эскимосов или жителей Анд, то, что у него дух кочевника, не вызывает сомнений.

После *според* в конклюдентном значении в македонских текстах зарегистрированы следующие формы: будущее время (2 примера), конъюнктив (1 пример), настоящее время (14 примеров), Ev⁺ (2 примера: 3.54), Ev⁻ (7 примеров: 3.55).

3.54. *Излезе најпосле на една крстеста ширина, на која, според* *нејзиното чувствување, требаше*_{Impf.Ev⁺} *да се наоѓа куката, но куката ја немаше, просторот беше сосема празен, од што се штрекна* (Мицковиќ, Куката на Мазарена).

Наконец она вышла на открытое пространство, где, **по** ее ощущениям, должен был стоять дом, но дома не было, вокруг было всё пусто, отчего она вздрогнула.

3.55. *Преписката, според* *датите и годините, се*_{RefI} *одвивала*_{Lpart (= Impf.Ev⁻)} *пред сто и педесетина а* *траела*_{Lpart (= Impf.Ev⁻)} *неколку години* (Мицковиќ, Куката на Мазарена).

Согласно датам и годам, переписка продолжалась несколько лет, и было это полтора столетия назад.

Действия, обозначенные Ev^- , относятся к плану предшествования событиям основной линии, а действия, обозначенные Ev^+ , одновременны с ней. Как кажется, в этом и состоит различие в использовании Ev^- и Ev^+ после *според* в конклюдивном значении. Настоящее время в этой ситуации также выступает в роли немаркированного члена.

После *според* в репортативном значении в македонских текстах зарегистрированы следующие формы: настоящее время (16 примеров), прямые эвиденциалы (3 примера), косвенные эвиденциалы (7 примеров) и 7 примеров нерелевантны для нас (*според* вводит неглагольные группы).

Употребление прямых эвиденциалов для описания действий, одновременных акту сообщения, не маркировано (3.56). Также в двух примерах формы имперфекта употреблены в значении «конфирмативной незасвидетельствованности» (Петроска 2008), например в (3.57). В этом случае они предшествуют акту сообщения.

3.56. *Параскева и Богоја правеа натчовечки напори да го вратат 'испреврте-ниот' син на нозе којшто, според нив, и по толку години во Австралија, сè уште им одеше*_{Impf.Ev⁺} на глава (Михајловски, Мојот Скендербеј)

Параскева и Богоја прилагали нечеловеческие усилия к тому, чтобы поставить на ноги «заблудшего» сына, который, **по** их словам, и через столько лет, проведенных в Австралии, всё еще им вспоминался.

3.57. **Според** Андре Жид, Вајлд не разговараше_{Impf.Ev⁺}: тој раскажуваше_{Impf.Ev⁺}... (Прикопиев, 77 антиупатства).

Согласно Андре Жиду, Уайльд не разговаривал: он рассказывал.

В примерах с косвенными эвиденциалами *според* вводит действия фона (3.58), или имеет дополнительное эпистемическое значение (3.59):

3.58. *Вели дека писанката е нејзина и дека ја изгубила во неговата кука онаа ноќ кога старецот е уапсен, а таа избегала од потерата. Книгата, според исказот, ја пишувала*_{Lpart (= Impf.Ev⁻)} *и сочинувала*_{Lpart (= Impf.Ev⁻)} *самата* (Андоновски, Вештица).

Она говорит, что это ее записи и она потеряла их в его доме в ту ночь, когда старика схватили, а она бежала от погони. **По ее словам**, эту книгу она писала и сочиняла сама.

- 3.59. *Од кажувањето на сведокот Б., самостоен хемичар познат по производство со кое се спречувало косата да пушти корен кон мозокот, од што, според неговите испитувања, се задушувале*^{REFL* LPART (= IMPF.EV)} *прогресивните мисли* (Јаневски, Архивски мозаик)

По словам свидетеля Б., это независимый химик, известный по своему средству, которое предохраняло волосы от того, чтобы пустить корни в мозг, что, **как он выяснил**, душило прогрессивные мысли.

Настоящее время после репортативного *според* в македонском выступает как немаркированный член и может использоваться независимо от отношения к основной линии.

В словарях у албанского *sipas* выделяются те же значения, что и у болгарского и македонского *според*: соразмерность чему-то и передача мнения или чьих-то слов. На севере Албании и в Косове *sipas* звучит как *simbas*, у арбэрешей (Piana degli Albanesi) как *pas* (Gerbino 2007). Часто в качестве синонима к предлогу *sipas* в значении передачи чужих слов дается другой, похожий предлог — *pas*, который этимологически является его инвариантом (*si* ‘как’ + *pas*). Наиболее достоверная этимология для *pas*: *(en) *apa tši* (протоалбанск.) (‘за, после’ + ‘что’) (Orel 1997). Исходное значение *(en) *apa tši*, к сожалению, не определено, однако, как можно заключить, эвиденциальное значение является производным, а первичным, как и в болгарском и македонском, следует признать значение «соответствия» (значение 1 по Fjalor 2002). Для *simbas* в словаре также не приводится этимологии, однако она есть для *mbas* ‘за, после’, которое рассматривается как префигированный вариант *pas* (хотя что это за префикс, опять-таки не указывается), и таким образом этимология *simbas* также возводится к сочетанию *si* ‘как’ + (*mbas* < *(en) *apa tši*).

Всего в АТ зарегистрировано 111 примеров с *sipas/simbas*, из них 33 в интересующем нас репортативном значении. Конклюдивного употребления *sipas/simbas* не зарегистрировано. Репортативное *sipas/simbas* вводит как эпистемически нейтральные, так и маркированные части текста, ср. нейтральное (3.60) и маркированное (3.61) (хотя в последнем случае эпистемическая оценка становится понятной из более широкого контекста, а в *sipas/simbas* не содержится указания на нее):

Албанский

- 3.60. — *Ju, zoti oficer, — i tha Agroni, — u dhatë disa ushqime për njëzet e katër orë. Na thatë se vaporët do të vinin brenda ditës. Dhe ne, pasi pamë që ishin shumë — ne e dimë me sa mundim i mblodhëm nga të katër anët e Shqipërisë,*

gjersa i prumë këtu — i futëm në mol, se, sipas fjales suaj, vaporët ishin nisur
PART.FLEX (= PERF)*** (Marko, Qyteti i fundit).

— Вы, господин офицер, — сказал ему Агрон, — дали им еды на 24 часа. Сказали нам, что пароходы придут днем. И мы, увидев, что их много — мы знаем, с каким трудом мы собирали их со всех концов Албании, пока не доставили их сюда — пошли на пристань, если, **по** вашим словам, корабли отправились...

- 3.61. *Qarkulluan edhe zëra, sipas të cilëve babai ishte i lidhur me shërbime informative të huaja, madje njëkohësisht me tri prej tyre!* (Starova, Koha e dhive)
 Ходили также слухи, **согласно** которым отец **был** связан с иностранными разведывательными службами, одновременно как минимум с тремя из них!

Когда говорящий эмоционально относится к передаваемой информации, возможно употребление Ev^+ . Здесь мы имеем дело с (ад-)миративным значением:

- 3.62. *Babi u kthye, por, as që vihet në dyshim, pa para, dhe pa asnjë shpresë. Shoku i tij nuk gjendet. As në shtëpinë e vet, as në atë të vëllait. Qen-kan keqkuptuar, sipas prindërve të tij. Ata i pas-keshin, thënë babit se ai vërtet ka shkuar te vëllai, por te vëllai i madh, jo tek i vogli, tek ai që është në Itali. E si pas-ka shkuar, shkuar ky zoteria në Itali, me ç'para, pse ka shkuar, si e pas-ka lënë, punën, kur iu mbushën pucrrat e fytyres gjithë gëzim, teksa numëronte-numëronte parate e babit tënd, që i duheshin gjasmë per te punuar* (Xhunga, Sikur ana).

Отец вернулся, но, в чём мы и не сомневались, без денег и без надежды. Его друг не появился. Ни у себя дома, ни у брата. Они его якобы неправильно **поняли**, как сказали его родители («согласно тому, что сказали его родители». — М.М.). Те **сказали** отцу, что он действительно поехал к брату, но к старшему, не к младшему, к тому, который в Италии. А если он **поехал** в Италию, на какие деньги, зачем, как он **оставил** работу, когда у него лицо сияло от радости, когда он считал деньги твоего отца, которые ему якобы были нужны, чтобы работать.

В этом случае мы выбираем аналитическое прочтение: лексический маркер указывает на несобственную информацию, а Ev^- — на эмоциональное отношение. Из более чем 110 примеров с *sipas/simbas* Ev^- используется только в одном — 3.61 (зато там — с исключительно большой плотностью), а эпистемическая/эмоциональная оценка действия распространена гораздо шире; хотя она и никак не связана с *sipas/simbas*, а становится понятна из более широкого контекста. Таким образом, албанские Ev^- после *sipas/simbas* служат дополнительным средством указания на оценку действия.

Уж (болг.)

В словарях *уж* описывается с разной степенью подробности. Если толковый словарь (БТР 2004; полный академический словарь РБЕ 1979- дошел только до буквы П) указывает в качестве его единственного значения эпистемическое, то в двуязычных словарях мы находим у этого маркера и репортативное, и даже оптативное значение (в сочетании с *дано*). В (Атанасова et al. 1975) есть пример с *уж* и $E\bar{v}$ — *думите, които уж бил казал*, который переводится как ‘the words alleged to have been spoken by him’ (‘слова, которые, как говорят, он сказал’). Иногда в качестве соответствия *уж* указывается и слово *ужким* (в частности, в БТР 2004), однако в нашей коллекции текстов болгарской литературы оно употребляется исключительно редко (всего два раза), и потому мы его не рассматриваем.

Всего *уж* встретилось в болгарском корпусе Brown (BC) 34 раза, в коллекции болгарских текстов (БЛ) 180 раз. Его основным значением следует признать эпистемическое (21 в BC, 133 из БЛ). В то же время еще в 26 примерах (3 из BC, 23 из БЛ), помимо эпистемического, есть и эвиденциальное значение. Кроме того, еще в 18 примерах (2 из BC, 16 из БЛ) можно увидеть пример контрфактического действия, а в одном — оптатива (БЛ). Рассмотрим эти значения более подробно.

Эпистемическое значение маркера можно проиллюстрировать таким примером:

Болгарский

3.63. *Без нужда, сякаш само от завист, че кесията на Пана е пълна, Тодор му поиска пари назаем. Той често тъй искаше пари искаше пари, само за да покаже, че **уж** няма* PRaes (Йовков, Женско сърце).

Без нужны, как будто только от зависти, что у Пана полный кошель, Тодор попросил у него займы. Он часто просил займы таким образом, только чтобы показать, будто бы у него у самого нету.

В приведенном примере *уж* указывает на эпистемическую оценку неистинности: человек, о котором сообщается, специально вводит в заблуждение и автор при помощи *уж* показывает это. Вместе с *уж* чаще всего употребляются $E\bar{v}$ (в БЛ зарегистрировано 22 таких случая):

3.64. *Щом пристигнал реченият своего рода пратеник, Барутанлията издава втора заповед да излязат всички живи батачени навън пред черковата, мъже и жени, че **щяло*** VELLE.LPART *да* CON.AGR *се* REFL *състави* PRaes (= Fut.Ev) ***уж** списък на избитите, на мъжете и на останалите вдовици* (Стоянов, Записки).

Как только приехал упомянутый своего рода посланец, Барутанлия издал второй приказ: пусть все оставшиеся в живых жители Батака выйдут к церкви, мужчины и женщины, так как он **якобы хотел составить** список убитых мужчин и овдовевших женщин.

В то же время есть и небольшое количество случаев, когда после *уж* используются Ev^+ (3 из ВС, 2 из БЛ), например:

- 3.65. *Спри се, издай я най-сетне и си виж къщата — продължаваше да нарежда Добрин и **уж се** приближаваше а седеше все на едно място. — Стига си се разтакавала!* (ВС).

Остановись, выдай ее, наконец и иди себе домой — продолжал настаивать Добрин, и при этом он как будто приближался, но оставался на одном и том же месте. — Хватит ломаться!

Употребление Ev^+ после *уж* допустимо, если ситуация предполагает участие говорящего. В приведенном примере говорящий является свидетелем действия, о котором он сообщает, поэтому использована Ev^+ .

Во всех остальных случаях вместе с *уж* в эпистемической конструкции используются нейтральные формы настоящего или будущего времени или отсутствует пропозиция, поэтому мы их не рассматриваем.

Как уже было сказано, встречаются случаи, когда эпистемическому значению сопутствует сильный эвиденциальный компонент, например:

- 3.66. *Ама и на господин министъра госпожата си няма хас, джанъм; **уж** ми обеща че ще рече да ми турят един звънец, па туй за туй* (Константинов, Разни хора разни идеали).

Но и госпожа министерша меня подвела, почтенные; она хоть и обещала мне, что прикажет, чтобы мне повесили колокольчик, но так на том разговоре всё и кончилось.

В приведенном примере *уж* вводит слова жены министра (вместе с глаголом *обеща* 'обещала'), которые на основании знания о том, что последовало за обещанием, говорящий оценивает как ложь. В этом примере *уж* и *обеща* мы прочитываем аналитически: к основному эпистемическому значению недоверия, выражаемому *уж*, добавляется эвиденциальный компонент, передаваемый прямым эвиденциалом.

Отметим также достаточно большую группу примеров с контрфактическим значением (не доведенное до логического завершения

или не возымевшее результата действие, ср. русские конструкции с *было*: *Он было поднял трубку, но раздумал звонить*), например:

3.67. *Уж родителите съгласни, уж не знам какво си, пък работата май започва да става малко съмнителна* (Минков, Алхимия на любовта).

И родители было согласились, и я уже не знаю что, но дело вроде бы становится несколько сомнительным.

Был также найден один пример с оптативным значением (с дополнительным маркером *дано*):

3.68. *Напразно си печехме краката на огъня, дано уж се_{REFL} разположим_{1.PRAES} дано се приближи_{1.PRAES} сладкият сън; но и той бяга!...* (Стоянов, Записки)

Напрасно мы грели ноги у огня, хоть бы нам уже хорошо улечься, хоть бы приблизился сладкий сон, но и он избегает нас!..

Итак, *уж* имеет сильное эпистемическое значение, и все остальные компоненты значения этого маркера всего лишь производные. Поэтому в наиболее часто встречаемых конструкциях с *уж* допускается употребление Ev^- в качестве дополнительного средства усиления эпистемического компонента. Употребление Ev^+ допустимо только в редких случаях, предполагающих непосредственное участие говорящего. Таким образом, при употреблении совместно с *уж* косвенные эвиденциалы усиливают общее эпистемическое значение недоверия и потому конструкция из лексического и грамматического маркера прочитывается холистически, а прямые эвиденциалы передают эвиденциальное значение (прямая засвидетельствованность) и потому конструкция прочитывается аналитически.

Кай (болг.)

Кай в репортативном значении оказывается достаточно редко представленным в словарях. Так, в РБЕ приводится только два омонима *кай*: диалектное наречие со значениями ‘как’ и ‘куда’ и предлог ‘около’. Единственным болгарским толковым словарем, где есть *кай* в репортативном значении оказывается РСБКЕ под ред. С. Романского (РСБКЕ 1955). В известных нам болгарско-русских словарях *кай* в интересующем нас значении отсутствует. В двуязычных словарях это слово также представлено очень мало. Из 7 болгарских двуязычных словарей, используемых в настоящей работе, *кай* описан

только в болгарско-польском (Славски 1963) и болгарско-английском (Атанасова et al. 1975).

По БЕР, *кай* является вариантом *кае́* (нар. разг. *ка́же* ‘говорит’), которое возводится к глаголу *ка́я* ‘ка́жа’ (‘сказать’) (Банат). Действительно, в (Стойков 1968) для *кай* есть особая статья: «гл. сов. безл. Казва, съобщава. *Ас, кай, за ѝда да вѝда, кай. Кай, чи ни зная́ кѝк’е за бѝй*» (глагол, сов. вида, безл. Говорит, сообщает. *Я, говорит, поѝду посмотрю, говорит. Говорит, что не знает, что будет*). Однако в то же время поиск по коллекции болгарских текстов (БЛ) дал 34 употребления *кай* в репортативном значении (‘говорит’), причём оно используется для имитации просторечия, а не при передаче диалектной речи. Таким образом, нельзя считать его только диалектным словом (тем более употребляемым только лишь в островном банатском говоре, который находится вне границ Болгарии).

В Национальном корпусе было найдено около четырехсот примеров с *кай* в значении репортативного маркера, но больше половины их встречается в текстах нескольких авторов: Чудомира, Йордана Йовкова, Николая Хайтова. *Кай* встречается в текстах, передающих народную речь (Й. Йовков, Д. Талев), просторечие (Чудомир, Н. Хайтов, А. Константинов — «Бай Ганю»; характерно активное использование *кай* в болгарском переводе Св. Иванчева «Похождений бравого солдата Швейка» Я. Гашека, а также в переводе А. Далчева «Повести о Ходже Насредине» Л. Соловьева). Отметим хронологические рамки этих текстов: перечисленные авторы и переводчики родились в конце XIX — начале XX в., а тексты, в которых зарегистрировано репортативное *кай*, в основном созданы (переведены на болгарский язык) до третьей четверти XX в. В более поздних текстах *кай* если и используется, то относится к пласту «устаревшего просторечия» и используется в мемуарах и в речи персонажей внутри плана повествования, соотносимого хронологически со временем до третьей четверти XX в. (или с диалектной речью, как в произведениях Д. Вылева).

В абсолютном большинстве случаев *кай* вводит прямую речь, и служит, таким образом, маркером цитатива. Учитывая более чем свободную постановку знаков препинания, часто одну и ту же фразу можно отнести и к прямой речи (если в ней нет иных указаний на говорящего: личных местоимений и т.д.; такие случаи не рассматриваются), и к косвенной. *Кай* в абсолютном большинстве случаев

употребляется парентетически (обычно выделяясь запятыми или другими знаками препинания), но изредка занимает позицию сказуемого при подлежащем — субъекте речи, проясняя таким образом собственную этимологию. Впрочем, такие примеры едва ли можно отнести к просторечию: это диалект или стилизация под диалект.

Просматривается тенденция использовать после *кай*, если оно вводит несобственно-прямую речь, Ev^- . В этом случае Ev^- вводят дополнительный эпистемический оттенок неприятия и недоверия:

3.69. *И не иде сама, ами и другарка си води. За общество, **кай**, я водела_{L_{PART}(=IMPF.EV⁺)} Напуснала_{L_{PART}(=AOR.EV⁺)} мъжа си, хубостницата му, дошла_{L_{PART}(=AOR.EV⁺)} тук да се поправя нервено (Чудомир, Провинциалистки).*

И не одна она приехала, но еще и знакомую пригласила. За компанию, видите ли, ее пригласила. Бросила мужа, красавица этакая, приехала нервы лечить.

С другой стороны, Ev^- могут использоваться для разделения высказываний разных участников диалога:

3.70. <Бай Ганю рассказывает автору про то, что ему рассказал один молодой болгарин о своих проблемах в университете>:
*Ректора, **кай**, не го остава*_{PRaes⁺} *Не може*_{PRaes⁺} ***кай**, казал*_{L_{PART}(=AOR.EV⁻)} *му, за три месеца, да станеш доктор, **кай** <...> Казал*_{L_{PART}} *му ректора, не може, **кай**, за три месеца само да прочетеш, а камо ли да го изучиш.*

Ректор, **говорит**, не позволяет ему. Нельзя, **говорит**, сказал ему, за три месеца стать врачом, **говорит**, сказал ему ректор, невозможно за три месеца и прочитать всё это, а тем более выучить (Константинов, Бай Ганьо).

Этот текст образует сложную структуру. Она представлена на схеме 3.2. Лексические маркеры эвиденциальности выделены курсивом и поставлены в круглые скобки; кавычки вводят (реконструированную) прямую речь персонажей; каждый новый речевой акт обозначается скобками разной формы, а его номер обозначается римской цифрой; нумерация идет в хронологическом порядке, следовательно — снизу вверх¹¹⁴.

В данном фрагменте текста можно выделить «речевую цепь» персонажей, каждый из которых последовательно передает слова предыдущего. Сначала ректор сказал «Не може за три месеца да

¹¹⁴ От хронологически более раннего речевого акта (I) к более позднему (III).

 Схема 3.2. Структура примера 3.70

Бай Ганю

III. [Молодой человек (*кай*):

II. {«Ректора не [ме] остава» (*казал*):

I. /«не може за два месеца да станеш доктор...не може за три месеца само да прочетеш, а камо ли да го изучиш»/}]

станеш доктор» (I). Затем молодой человек рассказал об этом бай Ганю (II). Спустя какое-то время бай Ганю сообщает всё это автору (III). Чтобы разграничить три вида фактов: слова ректора, слова молодого человека и объяснение бай Ганю, А. Константинов маркирует их по-разному — между двумя маркерами (*кай* и *казал*) происходит распределение ролей: *кай* указывает на речь молодого человека, а *казал* маркирует речь ректора, при этом сам глагол *каза* стоит в аористе E_v^- (здесь это показывает исключительно вторичность источника информации). В собственной речи Бай Ганю, когда он описывает то, что произошло со студентом, наблюдается совместное употребление средств двух регистров: немаркированных форм и косвенных эвиденциалов (*не го остава*; *казал му*), что можно объяснить меняющейся позицией говорящего по отношению к пространству текста: если форма *не го остава* описывает некоторое продолженное настоящее время, то формой *казал му* автор показывает, что рассказчик дистанцируется от ситуации в прошлом, свидетелем которой он не был.

Таким образом, E_v^- и *кай* могут употребляться как вместе, так и отдельно, независимо друг от друга. В примере (3.70) следует видеть раздельное прочтение (*analytic reading*), когда на первый план в семантике E_v^- выходит эпистемический компонент, а указание на источник информации остается на долю лексического маркера.

На основании разобранных примеров можно заключить следующее: рассматриваемая частица указывает, что информация сообщена неким сторонним лицом, и ее оценка говорящим не раскрывается. Ее употребление носит факультативный характер. В прямой речи *кай* может передавать значение цитатива и репортатива, таким образом специфицируя общее значение дистанцированности говорящего от объекта высказывания, характерное для E_v^- . В семантике же E_v^- на первый план выходит эпистемический компонент.

Май (болг.)

В словарях *май* описывается как частица, выражающая предположение, неуверенность, сомнение. (БЕР III) возводит *май* к румынскому *mai*, «частица для образования сравнительной и превосходной степени; больше, уже; еще; опять; почти; едва ли не». Интересно, что из румынского это слово было заимствовано и в украинские диалекты (*май* ‘почти; больше; гораздо’ — Гринченко 1908: 397; об этимологии см. ЕСУМ III 1989: 361), таким образом, его можно рассматривать как карпатизм.

Рассмотрение 40 зарегистрированных словоупотреблений *май* (29 в БЛ, 11 в ВС) показывает следующую картину: они представляют несколько семантических параметров: визуальность, сенсорность, репортатив и конклюдив — на них мы остановимся подробнее — а также память, предчувствие и безосновательное предположение — связь этих семантических параметров с эвиденциальностью несомненна, но нуждается в дополнительном изучении, и потому скажем только, что на проблему можно взглянуть и под таким углом. Здесь мы рассматриваем *май* только в кругу его эвиденциальных значений (о связи эвиденциальности и эпистемической модальности с этим лексическим маркером см. Кеһауов 2008), а вне нашего анализа остаются случаи, когда *май* обозначает уступку или используется для усиления значения.

Май как маркер сенсорного восприятия предполагает употребление нейтральной формы (настоящего времени):

3.71. *Късно е — нямах представа колко е часът, но интуитивно чувствах, че май наистина е_{PRAS} късно.*

Было поздно — я не имел представления, который час, но интуитивно чувствовал, что **май** и вправду поздно (ВС)¹¹⁵.

Когда конклюдивное значение *май* основано на визуальности (3.71)¹¹⁶, оно также употребляется с прямыми эвиденциалами, что вполне объяснимо:

3.72. <Моканин видит в телеге девушку, закутанную в одеяло, и говорит крестьянину:>

— *Ти май болно цмаш_{PRAS}* (Йовков, По жицата).

У тебя, **кажется**, больная.

¹¹⁵ *Наистина* ‘вправду’ входит в сферу действия *май*.

¹¹⁶ В. Кампф и Б. Вимер называют это «perzeptiv basierte Inferenz» (Kampf, Wiemer 2011).

Такое значение *май* исключительно редко встречается — по всей видимости, это одно из периферийных значений. Мы считаем, что в целом для *май* более характерно значение малообоснованной предположительности (в этом случае мы уже не можем говорить про конклюдентность, скорее, *май* на лексическом уровне является коррелятом форм будущего времени, использованных в значении предположения), гадательности и неуверенности, в гораздо большей мере, чем указание на источник информации. Ни сенсорность (3.71), ни визуальность (3.72) не предполагают использования косвенных эвиденциалов.

Май может употребляться и для передачи конклюдентности, ср.:

- 3.73. <Собаки чувствуют приближение постороннего и начинают лаять, но быстро умолкают, и к забору, внутри которого находится Давидко, подходит человек>
 — Бе, приятелю — каза Давидко, — ти какви магии правиш на кучетата? Защо не те лаят кучетата? Ти **май** не си_{PRRES} чист човек (Йовков, Ако можеха да говорят).
 — Эй, друг, — сказал Давидко, — ты какие чары наводишь на собак? Почему собаки на тебя не лают? Недобрый ты, кажется, человек.

Есть также небольшое количество случаев, когда *май* имеет значение репортатива:

- 3.74. <Боянов узнает о здоровье своих близких со слов третьего лица и говорит своему другу:>
 — Не сме_{PRRES} **май** добре — говореше той на Топузова и въздъхваше. — Вяра била_{LPART (= IMPF, EV)} малко болна (Йовков, Песента на колелетата).
 — У нас, **кажется**, не всё в порядке, — говорил он Топузову и вздыхал. — Вера немного заболела.

Здесь на первый план в значении косвенных эвиденциалов выходит значение незасвидетельствованности, а *май* обозначат сделанный на базе переданной другим человеком информации вывод. Таким образом, репортативное значение здесь проявляется как дополнительное, а основным всё равно остается конклюдентное¹¹⁷.

С репортативом можно было бы связать еще одно из употреблений, но несложно убедиться, что приводимый ниже пример должен прочитываться аналитически, и *май* в нём не несет значения репортатива:

¹¹⁷ См. также анализ этого маркера у В. Кампф и Б. Вимера (Kampf, Wiemer 2011).

3.75. *Когато след търпеливо чакане се обаждах на телефоните им, за предложенията ми не си спомняше вече никой, само от време на време някоя секретарка ми казваше, че **май** ESSE.LPART била вижда LPART (= PERF.EV*) *някакво такова писмо* (Лазаров, Български глас).*

Когда после терпеливого ожидания я звонил им, о моих предложениях уже никто не помнил, только время от времени какая-нибудь секретарша говорила, что **вроде бы** она где-то видела какое-то такое письмо.

В этом примере репортативное значение передают косвенные эвиденциалы (при этом говорящий сильно дистанцируется от секретарш, слова которых пересказывает), а *май* принадлежит речи секретарш и имеет значение припоминания.

С *май* могут использоваться и прямые эвиденциалы. Так, найдено три примера с имперфектом (два с *май* в значении конклюдива, один — припоминания) и три с аористом (все в значении конклюдива, при этом один с оттенком визуальности).

Таким образом, *май* может передавать сразу несколько семантических параметров: визуальность, сенсорность, репортатив, а практически постоянным компонентом смысла будет конклюдив (более или менее ярко выраженный). Этот компонент снимает с говорящего часть ответственности за полноту и точность сообщаемых фактов. Источник информации как добавочный компонент значения рассматриваемой частицы может быть нерелевантным во многих случаях (собственно говоря, в абсолютном большинстве употреблений *май*, которые мы оставили вне рассмотрения). Информацию о нем следует искать в более широком контексте.

Наводно (МАКЕДОНСК.)

Наводно — наречие, образованное от глагола *наведува/наведе* ‘сообщать/сообщить’. Это эвиденциальный маркер по преимуществу, поскольку значение передачи информации, свидетелем которой говорящий не являлся — основное его значение. В художественной литературе было найдено 14 употреблений *наводно*, все репортативные. В следующем примере с *наводно* эпистемический компонент отсутствует:

Македонский

3.76. *Потоа се поведе разговор зошто на седенките веќе не доаѓа госпоѓата Виктор, жената на касанот. Госпоѓа Михаил имаше теза дека самата престанала, зашто тука го озборуваа мажот ѝ, кој, **наводно**, го монел LPART*

(= IMPF, EV⁺) *месото во специјална течност од што добивало, ^{LPART (= IMPF, EV⁺)} тежина и боја на свежест* (Мицковиќ, Куката на Мазарена).

Потом разговор зашел о том, почему на посиделки больше не приходит госпожа Виктор, супруга мясника. Госпожа Михаил выдвинула тезис, что она сама перестала приходить, так как здесь ее мужа оговорили, **будто бы он погружал** мясо в специальную жидкость, из-за чего его вес прибавлялся и оно получало свежий цвет.

После *наводно* используются косвенные эвиденциалы (всего тринадцать случаев) или нейтральные (одно употребление, см. 3.77) и не зарегистрировано ни одного случая использования прямых эвиденциалов.

3.77. *Така, Андоновски, воспоставува и некое творечко содејство со читателот (кому **наводно** му ослободува, ^{PRaes} простор да го открива скриеното, да брише и допишува)* (Андоновски, Вештица)

Таким образом, Андоновский устанавливает в некотором роде творческое взаимодействие с читателем (для которого, **как признает сам Андоновски**, предоставляется пространство для открытия сокрытого, пространство для редактирования и дописывания).

На основании имеющегося материала можно заключить, что лексический маркер эвиденциальности *наводно* требует употребления косвенных эвиденциалов или нейтральных форм (настоящее время). При этом настоящее время используется в случае одновременности действия акту сообщения, а косвенные эвиденциалы — в случае предшествования.

Из найденных примеров с косвенными эвиденциалами в нескольких есть довольно сильный эпистемический компонент. В общей сложности таких примеров пять. Однако наряду с ними есть также примеры, в которых эпистемический элемент отсутствует (можно говорить только о некоторой отстраненности говорящего от действия, свидетелем которого он не являлся), например:

3.78. *Писателот целиот текст го преиначил во трето лице, та станал, ^{LPART (= AOR, EV⁺)} **наводно**, пообјективен и поверојатен зашто воспоставувал некаква дистанца* (Мицковиќ, Куката на Мазарена).

Весь текст писатель переделал в третьем лице, так что тот стал, по его мнению, более объективным и более располагающим к доверию, так как он установил некоторую дистанцию.

Имеющийся материал позволяет предположить, что в случае, если действие предшествует акту сообщения, употребление

косвенных эвиденциалов никак не связано с эпистемической оценкой действия.

Сконструируем условный пример, в котором действие одновременно моменту речи:

3.79. *В его романе принимается другая точка зрения: люди ничему не учатся.*

Для перевода этого примера на македонский мы обратились к носителю языка. Он предложил два варианта:

3.79а. *Во неговиот роман е застапена друга гледна точка, **наводно** луѓето на ништо **не**_{NEG} **се**_{REFL} **учат**_{1.PRAES}**

3.79б. *Во неговиот роман е застапена друга гледна точка, **наводно** луѓето на ништо **не**_{NEG} **се**_{REFL} **учеле**_{1.PART (= IMPF. EV*)}**

Исходя из комментария переводчика, в первом случае эпистемическая оценка действия отсутствует, а во втором выражено недоверие говорящего к сообщаемой информации («люди **якобы** ничему не учатся, но это не так»).

Таким образом, правила употребления *наводно* с косвенными эвиденциалами можно сформулировать следующим образом:

1. Основным значением *наводно* является репортативность.
2. В контекстах, когда действие предшествует моменту речи, после *наводно* используются косвенные эвиденциалы. В этом случае разумно выбрать холистическое прочтение.
3. В контекстах, когда действие одновременно моменту речи, после *наводно* могут использоваться как нейтральные формы, так и косвенные эвиденциалы. Тогда в значении косвенных эвиденциалов актуализируется эпистемический компонент. В этом случае мы имеем дело с аналитическим прочтением.

KINSE (АЛБАНСК.)

Это слово часто определяется в словарях албанского языка через *gjoja*, и их переводные соответствия совпадают. Э. Чабей в «Исследованиях по албанской этимологии» (Çabej 1976) описывает значение этого слова через другие эвиденциальные маркеры: «*gjoja, sikur*». Он считает его южногегским словом. На основании анализа языка старых авторов (Барди, Бузуку) Чабей предлагает считать его универбом *kini se* ‘вы имеете это, вы предполагаете это’ и приводит некоторое

количество диалектных эвиденциальных маркеров, образованных по похожей модели: *zese* = *ze(je) se* ‘ловит, что’ (Гьирокастра); *banse* = *bën se* ‘делает, что’ (Ульцин).

Сейчас *kinse* используется не на всей албанской территории: так, оно неизвестно коренным жителям Тираны¹¹⁸. В коллекции албанских текстов (АТ) зарегистрировано 8 примеров с этим словом (формы *Ev* не используются ни в одном из них).

В шести из них *kinse* имеет эпистемическое значение, как, например в (3.80):

Албанский

3.80. *Qeveria e kishte marrë e çue në Shkup me bursë kinse për*_{CL,PLA} *t'a*_{CONJ,AGR-CL,ACC} *mësue*_{CL,PART},
por në të vërtetë e kishte marrë si peng për t'i a rruhdë guximin t'atit (Stermilli,
Sikur t'isha djale).

Власти отправили его в Скопье по стипендии **будто бы**, чтобы он учился, а на самом деле как заложника, чтобы сломить храбрость его отца.

В то же время в двух примерах есть и ссылка на акт сообщения, следовательно, их можно считать репортативными, однако с сильным эпистемическим оттенком:

3.81. *Doruntina mbërriti vërtet te shtëpia e prindërve, mirëpo duhet thënë se këtu doli*
*një enigmë e re: vëllai, me të cilin ajo kinse e bëri*_{AOR} *këtë udhë, nuk rron prej*
kohësh (Kadare, *Kush i solli Doruntinën*).

Дорунтина действительно приехала в дом своих родителей, однако нужно сказать, что здесь возникает новая загадка: брат, с которым она якобы поехала по этому пути, уже давно умер.

Очевидно, *kinse* следует определить как эпистемический маркер с возможностью дополнительного репортативного употребления.

SIKUR (АЛБАНСК.)

В словарях *sikur* толкуется как эпистемический маркер. В албанских диалектах встречается в различных вариантах (например у арбэрешей Пьяна-дельи-Албанези *skuna, skur, skurse* ‘come, come se’ — Gerbino 2008). Оно также может вводить ирреальное условие. Достаточно часто *sikur* указывается в качестве соответствия *gjoja*. Представляется, что *sikur* может соответствовать *gjoja* прежде всего в эпистемических контекстах и не является эвиденциальным

¹¹⁸ Из беседы с Э. Балла, албанским лектором в МГУ.

маркером. Чтобы проверить это, мы предприняли анализ употреблений *sikur* в языке современной албанской литературы.

Внутренняя форма слова достаточно прозрачна: (*si* + *kur* ‘как’ + ‘когда’). В коллекции албанских текстов (АТ) не было найдено репортативных (конклюдивных) употреблений *sikur*. Всего зарегистрировано 2 оптативных употребления, 2 конъюнктивных (которые мы не анализируем), 4 с семантикой сравнения:

3.82. *Ugoja ende luante me ujin e detit dhe vazhdonte të këndonte me buzët e trasha të puthitura... Sytë e tij të mëdhenj, në atë fytyrë të rumbullakët e të mbushur, herë pas here i mbyllte **sikur** ëndërronte*_{IMP}. (Marko, Qyteti i fundit).

Гуго наконец-то играл с морскими волнами. Он продолжал мычать какую-то мелодию сквозь плотно сжатые толстые губы, раз за разом прикрывая свои большие глаза на полном, круглом лице, **как будто** мечтая о чём-то.

Кроме того, найдено 4 эпистемических употребления *sikur* (в конструкции *bëj sikur* ‘притворяться’):

3.83. — *Ç'është? Pse s'flisni? Ka ngjarë gjë? — përsëriste Mara, duke shikuar andej-këndej. Asnjë s'lëvizte. Asnjë s'fliste. Mara bëri **sikur** po largohet*_{IMP}. *Ajo dëgjoji një bisedë të shuar, por nuk mori vesh gjë. U ndal. Pastaj u drejtua për tek toger Leka* (Marko, Qyteti i fundit).

— В чём дело? Почему вы не говорите? Что случилось? — повторяла Мара, оглядываясь по сторонам. Никто не пошевелился. Никто не говорил. Мара притворилась, **будто уходит**. Она услышала тихий разговор, но ничего не поняла. Остановилась. Потом направилась к старшему лейтенанту Леке.

Если *sikur* и может употребляться в качестве репортативного маркера, то в коллекции албанских текстов таких примеров не нашлось. Даже если это возможно, то основным значением *sikur* в подобных контекстах всё равно будет эпистемическое, а репортативное будет дополнительным.

Албанское *sikur* принадлежит к группе маркеров, эпистемическое значение которых развивается на основе значение сравнения. Типологически это достаточно распространенное явление, так, Н. Д. Арутюнова считает, что такие эпистемические маркеры восходят к ситуациям «недостовверного сравнения», когда одно из оснований для сравнения существует лишь в воображении говорящего (Арутюнова 1999: 833). А. Б. Летучий определяет это так: «реальная ситуация сближается с некоторым эталоном, который, в свою очередь, сближается с еще одной ситуацией, существование которой говорящий

может только предполагать» (Летучий 2008: 218) — что происходит, например, в (3.82). Примечательно, что *sikur* имеет достаточно широкую ирреальную семантику, а эпистемическое значение у этого слова является лишь одним из частных значений в рамках ирреалиса. Сочетание исходного компаративного значения и эпистемической семантики — не уникальное явление в албанском языке. Здесь можно вспомнить, например, русск. *якобы*, польск. *jakoby* (Wiemer 2006), испанск. *soto sí* и др.

3.2. Дистрибуция

Несмотря на фиксированную морфологическую форму и ясный морфотактический статус маркеров (свободные, состоящие из одного слова — в случае эвиденциальных предлогов являющиеся синтаксической вершиной именной группы (NP), которую в строгом смысле и следует считать эвиденциальным показателем), между словарями наблюдается серьезный разнобой по поводу их частеречной принадлежности (самый ясный случай — это *snored* и *sipas*, которые большинство словарей относят к предлогам; в то же время *демек/ demek* и *эоа/ gjoja* относят то к наречиям, то к союзам или частицам).

Хотя вопрос о синтаксическом классе этих слов и выходит за рамки настоящего исследования, тем не менее попробуем наметить пути решения этой проблемы. Исходить здесь следует из сферы действия маркеров. Частная библиография вопроса, насколько нам известно, на настоящий момент состоит всего из одной работы — (Kampf, Wiemer 2011a; 2011b). В ней предлагается разделить «маленькие слова» на две группы: *Satzadverbien* и (*Modal*)*partikeln*, а в качестве критерия предлагается возможность/невозможность использования в качестве однословного ответа на вопрос¹¹⁹. Кроме того, ставится вопрос о том, что эта дихотомия далее может разделяться еще на несколько: сен-тенциальное наречие vs. комплементатор; сен-тенциальное наречие/

¹¹⁹ «Als Test für den Status einer Partikel vs. eines Satzadverbs betrachten wir hier also die Unmöglichkeit bzw. Möglichkeit der Einheit, allein eine Antwort auf Entscheidungsfragen zu bilden, vgl. *Ше дойдеш ли на партито?* ‘Kommst du zur Party?’ — *Май (че). / *Като че (ли). / *Сякаш (че). ‘*Anscheinend’. (Partikel) vs. Вероятно./ Сигурно./ Навярно. ‘Wahrscheinlich./ Sicher./ Vermutlich.’ (Satzadverb)» (Kampf, Wiemer 2011).

частица vs. предикатив (*Satzadverb* vs. *Komplementierer*; *Satzadverb*/*Partikel* vs. *Prädikativ*), ср. очевидно (*e*), *че*; явно (*e*), *че* — «чистый случай» предикативного употребления («*klarer Prädikativgebrauch*»); *сигурно e, че* vs. **сигурно, че* и *вероятно e, че* (*вероятно e да*) vs. **вероятно, че* (**вероятно да*) — «ограниченное предикативное употребление» («*eingeschränkter Gebrauch*»). Таким образом, в этой работе предлагается интерпретировать разные случаи синтаксического употребления маркеров как своего рода «прочтение» (гетеросемическое употребление по Lichtenberk 1991) — в одном случае маркер выступает как синтаксическое наречие, в другом как частица, в третьем как комплементатор и т.д., но во всех случаях это один и тот же маркер. Этот подход представляется нам разумным. В статье В. Кампф и Б. Вимера рассматриваются в основном нерепортативные маркеры. Всего выделяется четыре типа маркеров: а) прямое восприятие — умозаключение на основе прямого восприятия — ретроспектива (5 маркеров: *май (че)*, *като че ли*, *сякаш*, *струва ми се (, че/да)*, *определено*); б) умозаключение на основе прямого восприятия (3 маркера: *изглежда (, че/да)*, *очевидно*, *явно*); в) дедуктивное умозаключение на основе общего или специального знания (6 маркеров: *навярно*, *вероятно*, *сигурно*, *несъмнено*, *безспорно*, *със сигурност*); г) репортативность (2 маркера: *уж*, *кай*), кроме того, используется только болгарский материал. Попробуем представить опыт классификации, основанный на маркерах, рассмотренных в настоящей работе.

В то время как использование пропозиции в сфере действия лексических маркеров вполне ожидаемо — вплоть до тривиальных случаев, когда лексический маркер-глагол речи вводит зависимое предложение, — гораздо более интересны случаи, когда маркер может модифицировать главное предложение, как это происходит, например, с болгарским *кай*. Обычно оно употребляется парентетически (например, 3.70), но от предложений с парентетически используемым глаголом речи их отличает отсутствие предикативности маркера: фактически, *кай* нельзя считать глаголом, так как он не спрягается и не имеет форм времен (в отличие от русского *нет*, ср. *нет*_{PRaes} и *не было*_{PRaet}).

В сфере действия маркеров необязательно должна быть пропозиция: у «дискурсивных слов» в сфере действия могут попадать любые члены предложения, например группа прилагательного/наречия (AP):

Македонский

3.84. *Не е ни во видео-игрите кај кои во 3Д ([демек [стварно]], а всушност стварно) со рафали се решетаат војниците на непријателот, се сечат глави, нозе и раце, се фрлаат бомби (Андоновски, Вештица).*

Этого нет и в видеоиграх, в которых в формате 3D (**как бы** на самом деле, но и на самом деле) солдаты противника прошиваются очередями, отрубаются головы, ноги и руки, летят бомбы.

В современной болгарской речи можно встретить огромное количество случаев, когда в сферу действия *демек* попадает группа существительного (NP), хотя в большинстве из них *демек* используется для указания на идентичность и не имеет эвиденциального значения:

Болгарский

3.85. *ТХ часовници ([демек [Тітех]])... (из блога)
часы ТХ (то есть, Тітех)...*

Подобные употребления есть и у болгарского *уж*:

3.86. *Със смъртта на Тито изчезна и насилствената спойка в тази изкуствено създадена федерация, за да се получи в крайна сметка този остатък, на който му се радваме днес — независими Хърватия, Словения и Република Македония; Босна и Херцеговина плюс Косово с мироопазващи сили на ООН; Черна Гора — [уж [част от федерация със Сърбия]], а на път и тя да се откъсне като независима и накрая Сърбия на днешното си дередже (“Демокрация” № 49, 2001 — НКБЯ).*

Со смертью Тито исчезла и насильственная спайка в этой искусственно созданной федерации, чтобы в конечном счете получился тот остаток, который у нас в наличии сегодня: независимая Хорватия, Словения и Република Македония; Босния и Герцеговина плюс Косово с миротворческими силами ООН; Черногория — будто бы часть федерации с Сербией, а на самом деле на пути к отрыву в качестве независимого государства, и, наконец, Сербия в своем сегодняшнем положении.

Такую же картину, может быть, даже более ясную, можно наблюдать в употреблениях македонского *џоа*, которое может встраиваться внутрь NP после указательного местоимения:

Македонский

3.87. *...од овој [џоа-[дисидент]-ов], г'зо-лижач на Енвер Хоџа (из форума)
...от этого якобы диссидента, подхалима у Энвера Ходжи.*

Можно найти достаточно много албанских примеров, в которых в сферу действия *gjoja* и *kinse* попадают любые составляющие

предложения, но некоторые носители литературного албанского языка из Тираны считают неприемлемыми предложения, в которых в сфере действия лексического маркера — дискурсивного слова находится только NP, как в следующих примерах:

Албанский

- 3.88. *Dokumenti i [gjoja [shërbimeve sekrete]] se "Fazli Veliu është spiun i serbëve", është i falsifikuar ("Zëri i Kosovës", 22.04.2008).*

Документ якобы секретных служб с информацией о том, что Фазли Велю — сербский шпион, фальсифицирован.

- 3.89. *Kryepeshkopi i ra drejt. Ai i tha Stresit se kishte marrë njoftim për një [kinse [ngritje nga varri të dikujt]], dy jave me parë, ne kete pjesë të principatës (Kadare, Kush i solli Doruntinën).*

Архиепископ сразу приступил к делу. Он сказал Стрессу, что получил известие о чем-то **якобы** восстании из гроба две недели назад в этой части области.

Если лексический эвиденциальный маркер — предлог (болгарск. и макед. *според*, албанск. *sipas*; как уже было сказано, в этом случае более корректно говорить об эвиденциальном маркере — предложной конструкции), то в его сфере действия может оказаться любая составляющая. В примере (3.90) это иноязычное вкрапление (английская AP):

Болгарский

- 3.90. *Накрая все пак решихме да отидем в една [[absolutely natural], според] думите на Кейт, таверна (Попов, Small Woman).*

В конце концов мы решили пойти в одну *absolutely natural*, по словам Кейт, таверну.

Рассмотренные маркеры с точки зрения возможной сферы действия можно поделить на четыре группы (табл. 3.1).

Если глаголы речи и предлоги легко выделяются по формальным признакам, то с синтаксическим статусом остальных лексических показателей, о которых шла речь в настоящей работе (*зоа*, *gjoja*, *демек* (болг. и макед.), *demek*, *kinse*, *уж*, *sikur*, *наводно*, *май*, *кай*) не всё так просто. Как показано в таблице, некоторые маркеры могут соединять в себе признаки, характерные для разных синтаксических классов («модификация пропозиции» — частицы; «возможность введения придаточного» — союзы и «союзные слова»;

**Таблица 3.1. Лексические маркеры эвиденциальности
в балканских языках**

Часть речи	Лексические маркеры	Модифицирует пропозицию	Модифицирует любую составляющую	Может вводить придаточное	Парентетическое употребление
1. глаголы речи	<i>казвам/кажа, кажува/каже, вели, рече, them</i>	—	—	+	+
2. предлоги	<i>според</i> (болг. и макед.), <i>sipas</i> (в составе AP)	+	+	—	+
3. «союзы»	<i>џоа</i>	+	+	+	+
	<i>gjoja</i>	+	+	+	+
	<i>демек</i> (болг. и макед.)	+	+	+	+
	<i>demek</i>	+	—	+	+
	<i>kinse</i>	+	+	+	?
	<i>уже</i>	+	+	+	—
4. «парентетики»	<i>sikur</i>	+	—	+	—
	<i>наводно</i>	+	+	—	+
	<i>май, кай</i>	+	—	—	+

«модификация любой составляющей» — наречия). Разнобой в словарных описаниях и грамматических исследованиях связан именно с этой особенностью маркеров. Как кажется, традиционное деление на части речи не дает возможности описать семантику рассмотренных маркеров. В таком случае есть два выхода: 1) отказаться от отнесения этих маркеров к синтаксическим классам, а в словарях указывать вместо частеречной принадлежности синтаксические характеристики; 2) подобрать общее основание для этих маркеров и отнести их, с оговорками, к соответствующему синтаксическому классу.

Темным цветом мы выделили те ячейки таблицы, которые могут дать такое основание. Группа 3 выделяется благодаря своим «союзным употреблением». В таком случае, почему бы не отнести их к союзам, выделив внутри этого синтаксического класса особую группу/группы (эвиденциальные и эпистемические союзы). Для группы 4 есть два возможных основания — «модификация пропозиции» (что объединяет все рассмотренные группы маркеров, кроме глаголов речи) и «парентетическое употребление» (которое встречается, хотя бы и не всегда, у маркеров всех групп). Оба признака

не представляются нам достаточными; эта группа скорее выделяется по отрицательному признаку («невозможность вводить придаточное»).

Эта проблема не нова в лингвистике, и в разных национальных традициях она находит различное разрешение. Например, в англоязычной традиции слова, которые модифицируют целую пропозицию (*frankly, personally, apparently, luckily* и т.д.), обычно называются *sentential adverbs*. В то же время в русской, болгарской и албанской традициях они включаются в группу *частиц* (болгарск. *частици*, албанск. *pjesëza*), а термин *наречие* (русск., болгарск.) / *ndajfolje* (албанск.) обычно используются для слов, которые модифицируют VP (т.е. группу глагола) и AP, выражая, как это часто формулируется в русской грамматике, «признак признака».

В македонской традиции выделяется специальная группа *модални (начински) зборови* ‘модальные слова’ (Конески 1967: 543), в которые включаются дискурсивные маркеры и показатели авторской позиции (*stance*), т.е. в качестве общего основания принимается два исходных пункта: 1) способность маркеров модифицировать пропозицию; 2) «модальное» (= эвиденциальное и эпистемическое) значение. К похожему решению приходят авторы одной из последних грамматик болгарского языка (Бояджиев, Куцаров, Пенчев 1999: 361; см. также Куцаров 2007: 169). Внутри группы частиц они выделяют несколько классов: *пересказывательные частицы* (*кай, каже*), *конклюдивные частицы* (*май, едва ли, надали, уж, божем, може, може би*) и *дубитативные частицы* (*уж, надали, едва ли*)¹²⁰. Мы использовали такой же подход в справочнике по болгарской грамматике (Макарцев, Жерновенкова 2010: 184–185)¹²¹.

Представляется, что эти два подхода близки к истине. Мы бы предложили отделить лексические маркеры эвиденциальности

¹²⁰ Можно поспорить о включении того или иного слова в определенную группу, но сам принцип представляется правильным.

¹²¹ Прочитированные здесь книги — учебники и учебные справочные пособия, поэтому в них неизбежно упрощение и пропуск менее важных моментов. В то же время, мы считаем, что здесь (как и во многих областях лингвистики) приложимы комментарии А. Вежбицкой о семантическом метаязыке: «Семантический метаязык будет в полной степени средством объяснения, если он будет понятен и прозрачен сам по себе, то есть если он не будет требовать специальных объяснений... Семантический язык, призванный объяснять, должен делать сложное простым, запутанное ясным, тёмное само собой разумеющимся» (Wierzbicka 1972: 1–2).

и эпистемичности (строки 3 и 4 таблицы; возможно, что в эту группу можно будет включить и другие слова) в отдельный класс: «показатели авторской позиции» (англ. *stance words*).

3.3. Проблема «межбалканского» перевода лексических маркеров

Самостоятельной темой, непосредственно продолжающей настоящий анализ, является перевод лексических маркеров эвиденциальности с одного балканского языка на другой. Обращение к этой теме предполагает создание многоязычного корпуса текстов, куда следовало бы отбирать тексты, написанные на одном из балканских языков и переведенные еще как минимум на один балканский язык. В этом плане следует ожидать известных трудностей, связанных с объемом и количеством таких текстов.

Что касается перевода с македонского на албанский и с албанского на македонский, то после подписания Охридского соглашения 2001 года в Македонии была принята Пятая поправка к Конституции, регламентирующая использование языков национальных меньшинств (к которым относятся и албанцы Македонии). Согласно этой поправке, официальным языком Республики Македонии, помимо македонского, должен быть и тот язык, на котором говорит более 20% населения страны. На настоящий момент этому критерию удовлетворяет только албанский (Brunnbauer 2002: 5). В областях локального самоуправления могут быть приняты в качестве официальных и другие языки, если в данной области на них говорит более 20% населения, а также языки, на которых говорят менее 20% населения области, по решению органов самоуправления. В этой же поправке указывается, что в общении с органами государственной власти любой гражданин имеет право использовать любой из официальных языков. Со времени подписания Охридского соглашения албанский язык стал активно использоваться в политической жизни Западной Македонии (общины Гостивар, Дебар, Тетово, Струга и др.). Некоторые города в этих регионах полностью двуязычны (например Струга). В Македонии выходит печать на албанском языке (*Koha, Lajm Maqedoni*), часть газет выходит одновременно в Косово и Македонии (*Fakti*). Представители албанских партий (Демократическая партия албанцев, Партия демократического процветания,

Демократический союз за интеграцию албанцев в Македонию) дают интервью журналистам также на албанском языке.

Так, один из самых известных албанских политиков Македонии, Али Ахмети («Демократический союз за интеграцию албанцев в Македонии»), общается с прессой исключительно на албанском языке. Некоторые македонские СМИ при подготовке видеосюжетов не используют закадровый перевод, а снабжают интервью титрами, что дает возможность сравнивать албанский оригинал и македонский перевод. Далее представлена выдержка из интервью Али Ахмети, данного в 2008 г. радио «Свободная Европа» (ролик с интервью выложен на общедоступный видеохостинг Youtube.com):

Албанский

- 3.91. *Me sa unë e kam vëzhguar situatën nga mbrënda Parlamentit, ka qenë nji situatë jashtzakonisht e rëndë, që Parlamenti i Maqedonisë ka qenë i rrethuar prej njsive të Alfa, të pauniformuar, por me kallashnikov, me armë tjera për të paisur me armë për antiterrorizëm, kështu që ajo që **thuhet** (1) se... **gjoja** (2) se simpatizantë apo anëtarë i Bashkimit Demokratik për Integrim **kanë** HABERE.PRAES **qenë** ESSE.PART.FLEX (= PERF) **të paisur apo kanë** HABERE.PRAES **ardhë** PART.FLEX (= PERF) (3) **armatosur fare nuk qëndron** ("Free Europe", 2008).*

Насколько я мог следить за развитием ситуации из здания Парламента, это была чрезвычайно тяжелая ситуация: Парламент Македонии был окружен отрядами "Альфы", без униформы, но с автоматами Калашникова и с другим оружием, чтобы бороться с оружием против терроризма, так что когда **утверждается** (1), что... **якобы** (2) сторонники или члены Демократического союза за Интеграцию **были** вооружены или **пришли** (3) вооруженными, это неправильно.

Македонский

- 3.91а. *Онака како што можев да следам внатре од Собранието, тоа беше навистина тешка ситуација. Собранието на Македонија беше опкружено од специјални единици Алфи, кои беа без униформи, со калашникови и со други оружја за противтерористичко дејствување, така што оние што **велат** (1) дека **наводно** (2) симпатизери или членови на ДУИ **биле** ESSE.LPART **дојдени** NPART (= PERFIII.EV+) (3) **вооружени, тоа воопшто не држи.***

В приведенном албанском фрагменте интервью (3.91) Али Ахмети использует два эвиденциальных маркера, после которых следует перфект. Первый лексический маркер — *thuhet* (1) — указывает на эвиденциальный компонент, а второй — *gjoja* (2) — на эпистемический, после чего следует нейтральная как в эвиденциальном, так и в эпистемическом отношении форма перфекта (3). В македонском

переводе отношение Ахмети к сообщаемой информации передано следующим образом: *велат* (1) указывает на эвиденциальный компонент, *наводно* (2) — также на эвиденциальный, а на эпистемический компонент указывает перфект III *биле дојдени* (3). Таким образом, как эвиденциальный, так и эпистемический компоненты сообщения переданы, но при помощи разных средств (табл. 3.2).

Таблица 3.2. Эвиденциальный и эпистемический компоненты значения конструкции в переводе с албанского на македонский

	(1)	(2)	(3)
АЛБАНСКИЙ (3.88)	<i>thuhet se <...></i>	<i>gjoja se <...></i>	<i>kanë qenë ... apo kanë ardhë <...></i>
перевод	утверждается, что	якобы	были <...> или пришли <...>
значение	Ev	Ev + Ep	Ø
МАКЕДОНСКИЙ (3.88A)	<i>велат дека</i>	<i>наводно</i>	<...> <i>биле дојдени</i>
перевод	<i>говарят, что</i>	<i>якобы</i>	<i>пришли</i>
значение	Ev	Ev	Ev + Ep

Эта таблица иллюстрирует несколько проблем, которые мы рассматривали в данной главе. Как в албанском, так и в македонском значение высказывания представлено в виде суммы значений разных маркеров, причём некоторые из них чисто эвиденциальные, а некоторые совмещают эвиденциальное значение с эпистемическим. Важно подчеркнуть, что переводчик не использовал македонское слово *џоа*, которое формально соотносится с албанским *gjoja*, поскольку у этих межъязыковых паронимов разные стилистические ассоциации и значения — допустимость использования *gjoja* в албанской литературной норме vs. диалектный/просторечный статус *џоа* в македонском.

Второй пример «межбалканского» перевода — это характерный фрагмент из повести Алеко Константинова «Бай Ганю» (болгарск. «Бай Ганьо»), который обладает сложной дискурсивной структурой. Мы уже говорили об этом фрагменте (см. пример 3.70), но приведем его еще раз, с македонским и албанским переводом. Переводы цитируются по работе В. Фридмана (Friedman 1998), но если его интересует использование различных форм глагола для выражения разных степеней дистанции и (не)конфирмативности (в его анализе используются также румынский и турецкий перевод), нас здесь интересует использование лексических показателей эвиденциальности.

Болгарский

- 3.92. *Досега да е станал веке доктор, ама инат хора тукашните. Ректора, **кай** (1), не го остава. Не може, **кай** (2), казал му, за три месеца да станеш доктор, **кай** (3). А бе как да не може, когато момчето знае?* (Константинов 1980: 162).
Ректор, **говорит**, не позволяет ему. Нельзя, **говорит**, **сказал** ему, за три месеца стать врачом, **говорит**. **Говорит**, **сказал** ему ректор, невозможно за три месеца и прочитат всё это, а тем более выучить.

Македонский

- 3.92a *Досега веќе требаше да стане доктор, ама инаетчи се овдешниве. Ректорот, **вели** (1), не го оставал. Не може, **вели** (2), му рекол за три месеца доктор да станеш, **вели** (3). А, бе, како не може, кога знае момчето?* (Константинов 1967; по Friedman 1998)

Албанский

- 3.926. *Do të qe bërë doktor gjer tani, po këta të këtushmit janë kokëfortë. Rektori, **gjoja** (1), nuk e lejuaka! Nuk qenka e mundur, **gjoja** (2), t'u bëka doktor, **gjoja** (3), njeriu, vetëm për tre muaj! E po pse s'mundet, ore t'i thuash, kur çuni i di për bukuri?* (Konstantinov 1975; по Friedman 1998).

Как мы видим, технически было бы возможно использовать один и тот же маркер во всех трех предложениях — например, *демек/демек* или даже *гьоа/џоа/gjoja* (несмотря на то, что слово *гьоа* не используется в романе Константинова, его было бы легко представить себе в обильно сдобренном диалектизмами просторечии Бай Ганю). Однако единственный текст, в котором используется хотя бы один из этих общих маркеров — албанский перевод. Ситуация становится еще интереснее, если мы обратим внимание на турецкий перевод: в нём не используется ни один из перечисленных маркеров (которые имеют турецкое происхождение), а вместо этого стоят *mİş*-формы¹²². Таким образом, общие элементы списка отвергаются каждым отдельно взятым языком из-за системы их значений и коннотаций внутри этого языка.

Лексические маркеры эвиденциальности/эпистемичности в болгарском, македонском и албанском языке, рассмотренные нами,

¹²² Вот турецкий перевод: “Bu akilla artık doktor olmalıydı, ama buradakiler inat! Rektör razı gelmezmiş “Üç ayda doktor olunmaz,” demiş Rektör. A be, oğlan biliyor ya; bildikten sonra nasıl olunmazmış” — Konstantinov 1972, цитируется по: Friedman 1998.

характеризуются разной частотой употребления и имеют разные дополнительные значения.

В настоящей главе были описаны наиболее часто встречающиеся лексические маркеры эвиденциальности (прежде всего репортативные). Мы сочли целесообразным разделить их список на две части — знаменательные слова (глаголы речи) и дискурсивные слова. В каждом из языков было рассмотрено примерно одинаковое количество наиболее показательных маркеров: в болгарском шесть (один глагол речи и пять дискурсивных слов), в албанском шесть (один глагол речи и пять дискурсивных слов), в македонском семь (три глагола речи и четыре дискурсивных слова).

Наиболее часто употребляемыми лексическими маркерами эвиденциальности/эпистемичности в болгарском являются *според* и *уж*. *Уж* имеет прежде всего значение эпистемического маркера, а эвиденциальное значение может появляться как дополнительное. *Според* — это репортативный маркер, однако почти половина случаев его употребления относится к другим значениям (передачи мнения или соответствия). *Демек* используется как конклюдивный маркер, а также как «показатель перевода/интерпретации» говорящим с чужих слов. *Кай* является прежде всего показателем цитатива, то есть введения чужих слов без изменений, так, как они были произнесены. *Май* указывает на «бездословательное предположение» (в то время как при конклюдивном употреблении ожидается, что говорящий предложит также факты, на основании которых он сделал вывод). Это значение также связано с категорией эвиденциальности, однако нам неизвестны работы, где оно бы рассматривалось среди других грамматических значений эвиденциальности.

В отличие от болгарского языка, в македонском не один нейтральный глагол речи, а три: *кажувам/каже*, *вели* и *рече*, при этом *кажувам/каже* представляет собой видовую пару, *вели* не имеет видовой пары совершенного вида, а *рече* — несовершенного, причем с семантической точки зрения между ними нет никаких различий.

Из рассмотренных четырех македонских маркеров — «маленьких слов» три являются репортативными: *демек*, *наводно* и *според*. *Ѓоа*, скорее, является эпистемическим маркером, а в македонском в отличие от болгарского *демек* имеет сильный эпистемический оттенок. В отличие от болгарского *според*, у его македонского соответствия более сильно представлено конклюдивное значение (в болгарском был

найден всего один пример с конклюдивным *според*, а в македонском их около трети от всех употреблений).

Как и в болгарском, в албанском один нейтральный глагол речи, после которого крайне редко используются *Ev*. Это связано с их семантикой: косвенные эвиденциалы в значении репортатива достаточно редкое явление в современном албанском языке.

Из рассмотренных албанских маркеров три: *gjoja*, *demek* и *sipas*, являются репортативными. *Kinse* — эпистемический маркер, который может также иметь репортативное употребление, а *sikur* является эпистемическим маркером и не имеет эвиденциальных значений. В отличие от болгарского и македонского *според*, *sipas/simbas* не имеют конклюдивных употреблений — по крайней мере, они не зарегистрированы в корпусе. Косвенные эвиденциалы в албанском после лексических маркеров употребляются чрезвычайно редко.

Списки дискурсивных слов болгарского, македонского и албанского языков имеют некоторое количество схождений (друг с другом и с остальными балканскими языками), меньшая часть которых связана с языковым родством (болг. и макед. *според*), а большая — вызвана причинами типологического характера (в частности, принадлежностью данных языков к балканскому языковому союзу) (табл. 3.3).

Темной заливкой выделены маркеры, исконные для данного языка и не встречающиеся больше ни в одном из двух других — больше

Таблица 3.3. Происхождение лексических маркеров эвиденциальности в балканских языках /языках Балкан

Болгарск.	Макед.	Албанск.	Сербск.	Румынск.	Турецк.	Примечания
според	според	—	според, поред	—	—	общее происхождение
—	—	<i>sipas/simbas</i>	—	—	—	
—	foa	<i>gjoja</i>	(ko)hoja	—	güya, güya	заимствование
демек	демек	<i>demek</i>	демек	—	<i>demek</i>	заимствование
—	—	<i>kinse</i>	—	—	—	
уж	—	—	—	—	—	
—	—	<i>sikur</i>	—	—	—	
—	наводно	—	наводно	—	—	общее происхождение
кай	—	—	—	—	—	
май	—	—	—	mai	—	заимствование

всего таких маркеров в албанском (3), в болгарском 2, в македонском ни одного. Полужирным выделены ячейки с маркерами в языках-источниках заимствований.

Как мы видим, списки рассмотренных лексических маркеров эвиденциальности (повторим, что при отборе решающим критерием была употребляемость маркера в текстах), в рассматриваемых языках во многом совпадают (при разных путях совпадений: прямое или опосредованное заимствование), что более чем ожидаемо, поскольку лексический уровень наиболее проницаем для заимствований. Это подводит далее к теме проницаемости языков для эвиденциальности, на что указывает Б. Джозеф в статье «Evidentials: Summation, Questions, Prospects» (Joseph 2003). Он предположил, что если в одном языке появляется грамматикализованная эвиденциальность, то, скорее всего, она возникнет и в соседних языках ареала. Если происхождение грамматической эвиденциальности в балканских языках достаточно спорно (как мы уже отмечали, нельзя говорить о прямом заимствовании, но можно утверждать, что турецкий язык стал катализатором этого процесса), то рассмотренные нами лексические показатели могут передаваться не только в соседние языки, но и по цепочке через несколько языков, ср. макед. *ѓоа*, *ѓоамити*; сербск. *ђоја*, *кођоја*; албанск. *gjoja* < турецк. *güya*, *güya* < перс. *gū*.

На материале разных лексических маркеров эвиденциальности было показано, что каждый из них может объединять несколько значений, которые могут актуализироваться в зависимости от контекста: например, репортативное и конклюдзивное (болгарское *май*), конклюдзивное и эпистемическое (македонское *демек*, албанское *demek*), репортативное и эпистемическое (македонское *ѓоа*; албанские *gjoja*, *kinse*). К этому примыкают албанск. *sikur* и болг. *уж*, которые могут использоваться в оптативном значении. При этом иногда приходится констатировать, что словарные толкования создают противоречивую и неполную картину. Так, у македонского *демек* в словарях регистрируется только конклюдзивное значение, анализ текстов добавляет к нему также репортативное (часто с эпистемической оценкой недоверности). У албанского *demek* в словарях выделяются только эпистемическое и (ад)миративное значения, а анализ текстов добавляет к ним конклюдзивное и репортативное (также с сильным эпистемическим компонентом). Таким образом, эти два маркера имеют различное описание в словарях, однако сходное употребление в текстах.

Общим значением, объединяющим *според* (болг. и макед.) и *sipas* (албанск.), следует признать «основание для суждения». Эвиденциальность (прежде всего, репортативность) в каждом из трёх языков — лишь его вторичное значение. Отметим, что если в болгарском и македонском были зарегистрированы случаи конклюдзивного употребления этого предлога, то в албанском таких случаев не было найдено.

При анализе совместного использования лексических и грамматических маркеров в тексте мы опираемся на идеи П. Кехайова об аналитическом или холистическом прочтении (т. е., передают ли лексический и грамматический маркер разные значения или одно). Выбор между аналитическим и холистическим прочтением лексического маркера и косвенных эвиденциалов осуществляет слушающий.

Как уже отмечалось, у албанских косвенных эвиденциалов эвиденциальность уходит на второй план, уступая место (ад)миративности; этим они отличаются от болгарских и македонских, где ситуация прямо противоположная. Из этого вытекает часть различий в употреблении и взаимодействии лексических и грамматических маркеров эвиденциальности, с одной стороны в албанском, и с другой — в болгарском и македонском. Кроме того, в болгарском для появления косвенных эвиденциалов после лексических маркеров важно, является ли информация достоверной или недостоверной, а в македонском достоверность/недостоверность отходит на второй план, и более важно, предшествует ли действие, о котором идет речь, акту сообщения или следует за ним (таким образом, здесь наиболее важным становится не источник информации, а система видо-временных оппозиций).

Это подводит нас непосредственно к пространству текста. Как именно эвиденциальность проявляется в тексте? Во второй главе мы попытались показать, что семантика грамматических маркеров эвиденциальности, при всей своей сложности, может быть описана достаточно точно. В третьей главе мы попытались показать, что семантика лексических маркеров оказывается более сложной, поскольку она включает значительно большее число категорий, — и хорошо описанных, таких как, например, эвиденциальность, оптативность и эпистемическая модальность (которые сочетаются в семантике, например, болг. *уж*) и недавно попавших в сферу внимания лингвистов, таких как категория авторской позиции (*stance*). Функционированию эвиденциальности в дискурсе и пространстве балканского текста посвящены следующие главы.

ЧАСТЬ II

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ТЕКСТЕ

Термин *пространство текста* восходит к работам В. Н. Топорова (прежде всего Топоров 1994), где определяется два логических полюса соотношения пространства и текста: «текст пространствен (т.е. он обладает признаком пространственности, размещается в “реальном” пространстве <...>), и пространство есть текст (т.е. пространство как таковое может быть принято как сообщение)» (Топоров 1994: 17). Для настоящей книги наиболее актуален первый «логический полюс» — текст пространствен. Текст не представляет собой простой последовательности языковых знаков — он структурен. Идеи о структурности текста восходят к работам Л. П. Якубинского (Якубинский 1923), В. Я. Проппа (Пропп 1928), Н. С. Поспелова (Поспелов 1948) и И. А. Фигуровского (Фигуровский 1948)¹²³. Однако если термин «структура текста» предполагает статичное восприятие, то дискурсивный термин «пространство текста» имеет в виду динамику: текст рассматривается не как нечто застывшее, а как результат серии выборов, сделанных автором/исполнителем текста, ср. хотя бы привязку текста к *hic et nunc* говорящего, т.е. введение пространственно-временных координат, например в сказочных зачинах/концовках *жили-были...*, *и я там был* и т. п.

В современной культурной антропологии достаточно давно и активно используется термин *модель мира*. Его определение в энциклопедии «Мифы народов мира» стало хрестоматийным: «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» (Топоров 1980: 161). На балканском материале понятие *балканская модель мира* было исследовано в работе Т. В. Цивьян

¹²³ Кибрик 2003: 12.

«Лингвистические основы балканской модели мира» (Цивьян 1990). *Мир* определяется как «человек и среда в их взаимодействии» (Там же, 5). Слово *модель* указывает на то, что первичные данные о мире подвергаются перекодировке при помощи семиотических систем.

Среди этих систем исключительное место принадлежит языковому коду (и не случайно обращение к балканской модели мира происходило прежде всего на почве лингвистической балканистики, см. там же, 64), что основывается на трех его свойствах:

1. «Язык (и только язык) может описать модель мира во всей ее совокупности и с любой степенью подробности;
2. Язык может описать не только свою собственную модель мира, но и любую другую (*чужую*);
3. Язык служит посредником при переходе с одного кода модели мира на другой» (Там же, 32).

Впервые вопрос о месте эвиденциальности в балканской модели мира был поставлен в уже цитированной монографии Т. В. Цивьян «Лингвистические основы балканской модели мира» (Цивьян 1990). В аспекте балканской модели мира эвиденциальность участвует в целом ряде базовых оппозиций: внешний/внутренний, истинный/ложный, определенный/неопределенный, свой/чужой, хороший/плохой, причем в каждом конкретном случае она может как заявить о позиции говорящего, так и позволить уклониться от прямого ответа, становясь при этом амбивалентной *par excellence*. Учитывая, что эпистемическая оценка высказывания закладывается говорящим (автором высказывания), а истолковывается слушающим, придется признать: семантика эвиденциалов определяется уже не в лингвистических, а в семиотических категориях «множественности прочтений». Именно поэтому, обращаясь к эвиденциалам в балканских языках, мы говорим скорее о нюансах и тенденциях, чем фактах, позволяющих с уверенностью доказать или опровергнуть ту или иную гипотезу.

Помимо собственно балканистического анализа эвиденциальности, обращается внимание на один важный недостаток в понимании этого вопроса: многие описания категории строятся на примерах, выхваченных из контекста. «Первое, чего не хватает для выводов о КП <категории пересказывания — *М.М.*>, это анализа ее функционального пребывания в тексте (а не в отдельном предложении)» (Цивьян 1990: 164). Анализ эвиденциальности в семиотическом пространстве текста может показать, чем и в какой мере ограничено ее

применение и как она определяет положение говорящего по отношению к сообщаемой информации.

Количество работ по такой многообещающей тематике, как семиотический анализ эвиденциальности, не столь велико. Помимо упомянутой, нам известна всего одна работа последующих лет, которая связана с этой же проблемой (Асенова 2004). В ней П. Асенова исходит из того, что хотя эвиденциальность не является грамматическим балканизмом, она вписывается в балканскую модель мира на семиотическом уровне. Оппозицию Ev^+/Ev^- она рассматривает *sub specie* оппозиции увиденное/услышанное (*видяно/чутно*), показывая особую маркированность видения.

Неслучайно, что сугубо лингвистическая работа Р. Ницоловой, одно из наиболее полных изложений состояния дел в сфере исследований болгарской эвиденциальности, заканчивается положением о том, что «эвиденциальность в болгарском языке — это категория текста», которая подчиняется множеству грамматических, информационных, когнитивных, прагматических, а иногда и стилистических факторов (Ницолова 2007). Из чего, по всей видимости, можно сделать вывод: лингвистические методы исследования эвиденциальности, с переменным успехом применявшиеся более ста лет, позволили приблизиться к пониманию этого феномена. Обращение же к структуре текста и семиотическим правилам функционирования эвиденциальности в тексте позволяет выйти на качественно иные уровни интерпретации, что, как хотелось бы надеяться, откроет новые горизонты.

* * *

Прежде всего в орбиту внимания исследователей попала связь эвиденциального маркирования с жанром текста (так называемые «повествовательные регистры» — Баева 2000). Об особенностях функционирования эвиденциальности в разных повествовательных регистрах в болгарском языке писал еще Л. Андрейчин (Андрейчин 1949: 221–228). Начиная с середины XX в. в болгарских грамматиках (Маслов 1981: 277; Граматика 1983: 362–366; Ницолова 2007: 173–185) дается список жанров, в которых следует использовать Ev^+ или Ev^- ¹²⁴.

¹²⁴ См. также работу Ж. Фёйе, в которой употребление «медиатива» в болгарском языке конца XVIII — начала XIX в. описывается через систему жанров (Feuillet 2011).

Так, обычно в болгарской и македонской художественной литературе действия персонажей описываются при помощи прямых эвиденциалов, что имплицитно образ автора как демиурга, который видит и знает всё, что происходит в создаваемом им мире. Как пишет Л. Андрейчин, «с точки зрения фактического состояния вещей нельзя предположить, чтобы автор мог сам наблюдать всё то, что он описывает. Он является не физическим наблюдателем, а творцом, обнимающим своим взглядом весь тот мир образов и действий, который он сам воссоздает как художественное целое» (Андрейчин 1949: 224). Болгарская академическая грамматика приобретает в соответствующем разделе несвойственную ей темпераментность: «Из наших писателей только Л. Каравелов пытался вести художественный рассказ при помощи пересказывательного наклонения, но остался без последователей, потому что пересказывательные времена в этом случае убивают живость рассказа и находятся в противоречии с творческой волей автора» (Грамматика 1983: 365).

При пересказе литературных произведений говорящий в принципе может выбрать любой способ, исходя из своего отношения к тексту и его автору, хотя обычно предполагается, что «в литературной критике» должно использоваться настоящее время, как самое нейтральное (соответственно, для событий в плане предшествования должен использоваться перфект, а для событий в плане последования — будущее время — Ницолова 2007: 181, см. также ее работу Ницолова 2006). Такая же система должна применяться и при описании произведений изобразительного искусства — например, при описании картины.

В исторических исследованиях (если только они не посвящены событиям новейшей истории) знание о прошлом основано на источниках и на логических рассуждениях автора, следовательно, ожидается, что формами, используемыми по умолчанию, будут *л*-формы (Ev). Р. Ницолова выделяет несколько подрегистров: так, наиболее нейтральным будет рассказ о событиях прошлого при помощи нейтральных форм настоящего времени, т.е. в настоящем историческом (Ницолова 2007: 175–177).

В религиозных текстах (прежде всего в переводах Библии) используются прямые эвиденциалы, чтобы избежать любого намека на недостоверность передаваемой информации (Korytkowska 2000; Feulliet 2011: 154; 2012: 122).

Балканославянский прозаический фольклор (сказки, легенды, былички...) использует косвенные эвиденциалы, что соответствует особенностям передачи этих текстов (устным путем, от носителя к носителю и от поколения к поколению — Андрейчин 1949: 227; Ницолова 2007: 173–174). А. Теодоров-Балан даже относил болгарские *л*-формы в репортативной функции к особой модальной категории — *приказно наклонение* ‘сказочное наклонение’ (Теодоров-Балан 1940: 164). Другие жанры фольклора могут иметь другие стратегии использования эвиденциалов — мы рассмотрим их в четвертой главе.

Похожие явления происходят и в других языках с грамматической эвиденциальностью: А. Айхенвальд приводит данные многочисленных австралийских языков, индейских языков Северной и Южной Америки, эскимосских и многих других, упоминая среди прочего и македонский (по В. Фридману); таким образом, здесь можно говорить о типологических соответствиях на широком языковом материале (Aikhenvald 2004: 310–315). Албанский инвертированный перфект в литературном языке (в отличие от *л*-форм в болгарском и македонском) используется чрезвычайно редко, поэтому он не может выступать в качестве немаркированной формы в фольклорном тексте.

Список повествовательных регистров можно продолжить (разговорная речь, речь героев литературного произведения, научный текст и т.д.), и каждому регистру можно сопоставить определенный набор форм; во избежание повторов сошлемся на работу Р. Ницоловой (Ницолова 2007) как на одно из самых последних и наиболее рациональных описаний вопроса. Скажем только, что количество форм в болгарском языке не так велико, чтобы эти наборы радикально отличались друг от друга; скорее, речь идет об уникальных конструкциях из неуникальных элементов (если перефразировать слова Т.В. Цивьян о балканской модели мира). В македонском (хотя эта тема и не пользовалась таким интересом в македонистике, как в болгаристике) распределение форм в повествовательных регистрах примерно совпадает с болгарским.

В перечисленных случаях особые стратегии использования форм эвиденциальности восходят к объективным особенностям текстов. Устойчивость статуса говорящего (свидетель/несвидетель) может подтолкнуть к мысли, что перечисленные стратегии

являются языковыми признаками жанров — в какой-то мере это так, но не всегда. Так, Е. Петроска пишет о неудачной адаптации для детей сказок М. Цепенкова, пересказанных с использованием прямых эвиденциалов: «Язык адаптированных сказок Цепенкова <...> обеднен: лишен прекрасной возможности использования неопределенных времен <т.е., л-форм — М.М.>... Остается проблемой ненужное отбрасывание в сторону неопределенных времен» (Петроска 2006: 219). Общие выводы статьи Е. Петроской достаточно сдержанны: она признает возможным использование прямых эвиденциалов в адаптации фольклорного текста (что связывается с намечающейся тенденцией использовать прямые, а не косвенные эвиденциалы в анекдотах), но указывает, что это имплицитно иное отношение слушателя: основное место занимает личное переживание события рассказчиком, а восприятие сказки как рассказа о событиях, происходивших когда-то давным-давно, исчезает¹²⁵.

В. Фридман приводит следующий пример: когда македонский политик В. Тупурковский опубликовал книгу об Александре Македонском, в которой о временах завоевательных походов и расцвета Македонской империи говорилось с использованием прямых эвиденциалов, это было воспринято как претензия на то, что Тупурковский считает себя прямым наследником Александра (Fiedman 2003: 207). В политически ангажированной книге Г. Радуле «История Македонии. Апология македонизма» (Радуле 2007), которая была написана и опубликована на болгарском языке, в рассказе о событиях древнейшей истории Македонии активно используются прямые эвиденциалы, например:

Болгарский

II.1. *Но великият македонец, Александър III, показва, че нищо не може да устои на македонската военна мощ. Персите са победени. Създадена е световната македонска империя. На небосклона на световната история, като държавна единица, тя проблясна_{AOR,Ev*} и исчезна_{AOR,Ev*} като метеор, но значението ѝ за развитието на човешката цивилизация е огромно.*

¹²⁵ Когда в 2008 г. Е. Петроска использовала примеры из этой адаптации сказок Цепенкова в докладе на XVI конференции по балканским и южнославянским языкам и культурам (Калгари/Банфф, Альберта, Канада), одна из македонских коллег отреагировала достаточно эмоционально: «Не может быть, чтобы такие тексты опубликовали люди, для которых македонский язык — родной!».

Македонската армия водена от Александър Велики извърши_{Aor.Ev+} една от най-големите културни революции познати на Земята. Достиженията на македонската и елинската цивилизации станаха_{Aor.Ev+} достояние на други народи, а македонците се обогатиха_{Aor.Ev+} с достиженията на завоюваните народи (Радуле 2007: 4).

Но великий македонец Александр III показывает, что ничего не может устоять перед македонской военной мощью. Персы побеждены. Создана мировая македонская империя. В качестве государственной единицы она промелькнула и исчезла как метеор на небосклоне мировой истории, но ее значение для развития человеческой цивилизации огромно. Македонская армия под предводительством Александра Великого совершила одну из величайших культурных революций на земле. Достижения македонской и эллинской цивилизаций стали достоянием других народов, а македонцы обогатились достижениями завоеванных народов.

Мы попросили десять носителей болгарского языка (образование — высшее и незаконченное высшее) в возрасте от 18 до 25 лет прочитать вступление в книгу, после чего задали им вопрос: какие особенности языка книги наиболее бросаются в глаза и какие особенности их раздражают. Если среди этих особенностей опрошенные не отмечали использования прямых эвиденциалов в рассказе о событиях, которых автор не мог видеть лично, то мы задавали им второй вопрос: что они думают об использовании в тексте Aor.Ev+ («минало свършено») и Impf.Ev+ («минало несвършено»). Только один из опрошенных (студент португальского отделения факультета филологии Софийского университета) в ответе на первый вопрос упомянул использование прямых эвиденциалов («Я рассмотрел отрывок достаточно внимательно, и единственное, что произвело на меня впечатление, было свидетельское время (*свидетелско време*), как будто автор жил во времена Македонской империи») и еще двое (экономист и юрист, образование высшее) в ответе на второй вопрос сказали, что обратили на это внимание при чтении текста, но решили не упоминать этого в ответе («когда я его читала, у меня создалось впечатление, что времена перепутаны, но я не обратила на это достаточного внимания, потому что искала, какие еще есть ошибки. Да, абсурдно звучит... должно быть в одном времени, если это со слов других, происходило в прошлом... время должно быть одно и то же во всем тексте»). В то же время, остальные сказали, что считают, что прямые эвиденциалы в тексте оправданы и не раздражают читателя («я могу сказать как носитель языка, что иногда, да даже достаточно

часто, употребление свидетельских и несвидетельских форм в болгарском языке достаточно относительное явление <...> Мне тоже случалось использовать свидетельские формы в рассказе о некоторых событиях, при которых я не присутствовал, но о которых мне рассказывали и я субъективно рассматриваю их всё равно как если бы я был там, понимаешь? Просто потому, что меня информировали об этом событии» — филолог-русист, образование высшее; «я перечитала текст, но так ничего и не заметила. Эти времена использованы правильно, так даже лучше» — филолог-русист, образование высшее).

Следовательно, приведенные стратегии использования эвиденциалов не носят универсального характера и дают автору достаточную свободу.

Рассмотренные типы повествовательных регистров (кроме случаев, которые, как мы видели, выпадают из классификации) допускают обобщения, вроде «в пересказе литературного произведения используй настоящее время»; «в историческом исследовании используй настоящее время как нейтральную форму; *л*-формы без вспомогательного глагола в третьем лице (= Ev^-Aux^-) для рассказа о событиях, о которых узнал из письменных источников; *л*-формы со вспомогательным глаголом в третьем лице (= Ev^-Aux^+) для рассказа о событиях, о которых делаешь логический вывод» и под. Проблемы возникают при обращении к повествовательным регистрам, для которых нельзя выделить доминирующих способов употребления какого-либо одного из видов эвиденциалов, Ev^- или Ev^+ (разговорная речь; речь героев художественной литературы и т.д.).

Прорывом в этой области стали работы, в которых использование разных видов форм эвиденциальности в текстах рассматривается с дискурсивной точки зрения, в частности работы Г. Филдер. По ее мнению, противопоставление прямых и косвенных эвиденциалов, помимо традиционно выделяемых в грамматиках значений может указывать на позицию говорящего по отношению к сообщаемой информации. Г. Филдер предлагает считать эти формы показателем прототипической глагольной категории дистанции (*prototypical verbal category of distance*) (Fielder 1995; 1996; 1997; 1999a; 1999b; 2000; 2001; 2003) и использует при анализе понятия *первый план* (foreground) и *фон* (background), опираясь на работы П. Хоппера и С. Томпсон (Hopper 1979; 1982; Hopper and Thompson

1984), где применяются следующие критерии определения *первого плана и фона*¹²⁶:

- *первый план* состоит из действий, представленных во временной последовательности (= секвентных действий), которые формируют «событийную линию повествования», или «каркас дискурса»;
- *фон* состоит из вспомогательной информации; действия фона не формируют «событийную линию повествования» и происходят одновременно с событиями первого плана.

Г. Филдер приходит к выводу, что противопоставление *foreground/background* ('первый план / фон', далее мы будем использовать сокращения FORE и BACK) влияет на функционирование таких глагольных категорий болгарского языка, как вид, время и эвиденциальность (Fielder 1997). В зависимости от этих показателей, глагольные формы могут занимать разное место на шкале между FORE и BACK, что дает говорящему/исполнителю/*сказителю* дополнительные возможности для структурирования текста.

Случаи, когда в III лице EV⁻ используется связка, противопоставлены случаям, когда она опускается, следующим образом: использование связки обозначает BACK, а ее опущение — FORE, см. (Fielder 1995; 1999a; 2001; 2003, а также ее работы по функционированию связки в македонских диалектах: Fielder 1999b и Fielder 2000). В статье, посвященной одному восточномакедонскому диалекту (Пехчево), она показывает, как варьирование связки связано с разными уровнями дискурса (выделенными в соответствии с Labov, Waletzky 1967; Labov 1972 и Schiffrin 1994) и заключает: «использование эвиденциальной формы — скорее дискурсивно-прагматическая функция, чем отражение грамматикализованной категории» (Fielder 2001: 194).

В работах Г. Филдер анализ на основе оппозиции FORE/BACK применяется к ряду балканских текстов, например, к произведениям болгарской литературы второй половины XX в. (Б. Томов, Г. Атанасов, П. Вежинов — Fielder 1997: 162–184) к «Бай Ганю»

¹²⁶ См. также работы Chvany 1979 о функционировании грамматических форм в болгарском литературном тексте; Matras 1995 об эвиденциалах во владшском диалекте цыганского языка; Sonnenhauser 2012 о дискурсивных функциях болгарских и македонских *л*-форм; Sonnenhauser 2011 о понятии «перспективности» в приложении к структуре различных балканских текстов.

А. Константинова (Fielder 1999a: 59–89), к устному нарративу в диалектах Восточной и Эгейской Македонии (Fielder 1999b: 57–69; Fielder 2000: 137–146).

Конечно, при определении дискурсивного статуса некоторых событий (events) текста возможны колебания, связанные с принципиальной субъективностью отнесения их к *первому плану* или к *фону*. Для определения дискурсивного статуса события предлагаются следующие формальные признаки: главное предложение относится к FORE, придаточное — к BACK. Секвентные (последовательные) события — к FORE, несеквентные (одновременные) к BACK и т.д. Представляется, что эта классификация находится в начальной стадии разработки, ср. предложенную Г. Филдер таблицу (табл. II.1).

Таблица II.1. Свойства первого плана и фона в болгарском языке¹²⁷

Свойства первого плана Движение действия вперед Секвентные, динамические события Новая тема или сюжет Высокая степень ассерции	Свойства фона Дополнительный/дескриптивный материал Одновременные, статические события Продолжение старой темы или сюжета Низкая степень ассерции
Кодирование первого плана Совершенный вид AOR «Определенное прошедшее» (AOR/IMPF) Л-причастие AUX ⁻ (АКЦИОНАЛЬНОЕ)	Кодирование фона Несовершенный вид IMPF «Неопределенное прошедшее» (LPART.AUX ^{+/-}) Л-причастие AUX ⁺ (СТАТАЛЬНОЕ)

В настоящей работе предлагается следующий вариант (табл. II.2).

Таблица II.2. Средства кодирования первого плана/фона в болгарском языке

ПЕРВЫЙ ПЛАН (FORE)			
	Главные средства	Дополнительные средства	
↑	Аорист Имперфект Ev ⁻ .Aux ⁻ Ev ⁻ .Aux ⁺	Совершенный вид	Главное предложение
		Несовершенный вид	Подчиненное предложение
Фон (BACK)			

¹²⁷ Из Fielder 1997: 175, Table 3. В оригинале опечатка (перепутаны заголовки FOREGROUND CODING и BACKGROUND CODING, а также строчки «continuity of topic or subject» и «new topic or subject» в первой половине таблицы).

Средства кодирования первого плана/фона располагаются на шкале, по возрастанию от ВАСК к FORE (стрелка показывает повышение дискурсивного статуса). Значение имеет их взаимная дистрибуция. Например, события, движущие повествование (FORE), могут быть выражены аористом, а события фона (ВАСК) — $Ev.Aux^-$, в то время как обратное невозможно (невозможен контекст, в котором события, движущие повествование, были бы выражены $Ev.Aux^-$, а фон — аористом, согласно описанию, сделанному Г. Филдер). Аорист от глаголов несовершенного вида расположен ниже по шкале, чем аорист глаголов совершенного вида, а имперфект в подчиненном предложении — ниже, чем в главном.

Предложенная Г. Филдер система построена по принципу либо/либо — и так же применена при анализе текста (ср. фрагменты из произведений П. Вежинова в Fielder 1997: каждая точка в тексте, где возможен выбор между формами, классифицируется по оппозиции FORE/ВАСК). Каждая из глагольных форм, по Филдер, принадлежит либо первому плану, либо фону. Иными словами, каждое употребление считается мотивированным и за пределы бинаризма не выходит. При всей разумности этой концепции (во всяком случае, в качестве исходной), как кажется, нужен подход, учитывающий большее количество факторов. Безусловно, работы Филдер дают надежную основу, однако анализ по принципу *да/нет*, по определению, является слишком жестким. Тем более, что должны быть учтены особенности балканского текста — а именно, особенности, индуцируемые балканской моделью мира.

4. ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Наш интерес к функционированию категории эвиденциальности в фольклорных текстах начался с наблюдений над тем, как прямые и косвенные эвиденциалы непоследовательно используются в фольклорных прозаических текстах. Мы рассмотрели сказку «Человек без счастья» (АТ 842; БФП 1994: № 947А) в болгарских и македонских версиях. Сюжеты версий сводятся к следующему инварианту, описанному в каталоге «Болгарские фольклорные сказки» (БФП 1994): «Богатый человек (брат) оставляет на мосту сумку

(узелок) с деньгами для бедняка (бедного брата), который должен идти этой дорогой. Бедняк (младший брат) решает пройти с закрытыми глазами, чтобы понять, как ходят слепые. Он проходит мимо сумки»¹²⁸.

В текстах рассматриваемых сказок были выделены точки, где ожидалось бы косвенные эвиденциалы (но их нет); где эти формы на самом деле появляются. Из возможных реализаций этих двух условий логически выводятся четыре варианта — I. Ev⁻ ожидаются и присутствуют; II. Ev⁻ ожидаются, но отсутствуют; III. Ev⁻ не ожидаются и отсутствуют; IV. Ev⁻ не ожидаются, но присутствуют.

Случаи I и III интересны только как примеры описанного стандартной грамматикой употребления/неупотребления косвенных эвиденциалов, и если бы представленное в текстах разнообразие сводилось только к этим двум случаям, тему эвиденциальности в болгарском и македонском фольклоре можно было бы действительно считать закрытой. Но это не дают сделать случаи «нарушения ожиданий» (II и IV).

Приведем три показательных примера:

Болгарский

- 4.1. *Имало*_{L_{PART}(= IMPF.Ev⁻)} двоица брака. На еденио Госпот сичко дал_{L_{PART}(= AOR.Ev⁻)}: и ниви, и ливади, и стока, и пари. А на друго сиромашиа до оне край. Ден и нош работи_{L_{PRES}} човеко, ама се сиромаш (СБНУ XLII, с.207, село Бобошево, Дупнишко (Станкедимитровско)).

Было двое братьев. Одному Господь всё дал: и поля, и луга, и скот, и деньги. А другому бедность до конца дней. Днем и ночью работает человек, а всё бедняк.

- 4.2. *Си беа*_{L_{IMPF}(= IMPF.Ev⁺)} дваица бракъа, со кукьите делени, еднио беше_{L_{IMPF}(= IMPF.Ev⁺)} богат, а другьот сиромаш. Многу пати му велел_{L_{PART}(= IMPF.Ev⁻)} сиромашот на богатиот, да му дайт троа пари (Цепенков II: 442).

Было двое братьев, которые разделили хозяйство, один был богат, а другой бедняк. Много раз говорил бедняк богатому, чтобы тот дал ему немного денег.

¹²⁸ Анализ опирается на следующие варианты: СБНУ 8, с. 196, № 3, Прилеп; СБНУ 10, с. 145, № 2, Софийско; СБНУ 42, с. 207, с. Бобошево, Дупнишко (Станкедимитровско); Славейков, Притчи I, с. 115; СБНУ 31, с. 112, № 6, Тетевенско; СБНУ 49, с. 607, с. Красава, Брезнишко; СБНУ 57, с. 749, № 13, с. Вършило, Бургаско; СБНУ 57, с. 769, № 27, с. Граматиково (колиби Малката котловина), Малкотърновско.

- 4.3. <Однажды утром богатый брат наполнил деньгами сумку> и отишол_{LPART} (= Aor.Ev⁻) на мост, кай що кье вървеше брат му, та го дочекал_{LPART} (= Aor.Ev⁻γ) кога кье вървеше на мостот, и му я кладл_{LPART} (= Aor.Ev⁻) торбата на крайот на мостот. Фтасал_{LPART} (= Aor.Ev⁻) <стигнал> брат му и си намислил_{LPART} (= Aor.Ev⁻) со умот <...> Я крена_{AOR} (= Aor.Ev⁺) торбата со пари на рамо и търгна_{AOR} (= Aor.Ev⁺) дома да си [2]и носит (Цепенков II: 442; см. также СбНУ 8, с.196, № 3, Прилеп (= БНТ 10, с. 389)).

... и пошел на мост, где должен был пройти его брат, и дождался его, когда он должен был взойти на мост, и положил ему сумку на край моста. Дошел его брат <до того места> и решил <...>. Он поднял на плечо сумку с деньгами и отправился домой.

В приведенных примерах используются следующие формы: косвенные эвиденциалы (Aor.Ev⁻; Impf.Ev⁻); прямые эвиденциалы: аорист (Aor.Ev⁺) и имперфект (Impf.Ev⁺); настоящее (Praes). Л-формы в сказках можно отнести к зоне I (они ожидаются и используются). Настоящее время является нейтральной немаркированной формой: ее появление едва ли возможно предсказать с уверенностью, но она не нарушает наших ожиданий от фольклорного текста (мы также относим ее к зоне I). Смена косвенных эвиденциалов настоящим историческим (как в 4.1) не должна оставаться незамеченной для слушающего: использование настоящего исторического подчеркивает участие слушателя в действии, что сокращает дистанцию между *hic et nunc* и пространством текста. Однако в (4.2) и (4.3) мы видим, что вместе с косвенными эвиденциалами употребляются и прямые, что с точки зрения существующих конвенций использования форм представляется нелогичным и неожиданным (четвертая четверть схемы). И если для прямого эвиденциала в (4.2) можно подобрать некоторое количество похожих текстов, которые начинаются подобным же образом, сказав, что этого требует формула зачина, то в (4.3) о формульности говорить нельзя и приходится констатировать, что в этом случае с точки зрения традиционных описаний болгарской/македонской грамматики это употребление необъяснимо. Следовательно, приходится искать новые алгоритмы объяснения, что мы бы и хотели предложить в четвертой и пятой главе исследования.

Примеры (4.2) и в особенности (4.3) заставляют задуматься, не маркируют ли разные виды эвиденциалов часть текста или текст в целом, а не только конкретное высказывание о каком-либо факте¹²⁹. Тогда, очевидно, изменение семиотической позиции автора/

¹²⁹ Ср. Цивьян 1987: 125; 1990: 137, также см. Асенова 2004: 39.

рассказчика/сказителя по отношению к пространству текста (связанное с оппозицией внутренний/внешний; такое изменение можно проиллюстрировать, например чередованием речи автора и прямой речи персонажа) будет вызывать смену грамматического регистра (прямые эвиденциалы будут сменять косвенные и наоборот). Важную роль в употреблении прямых и косвенных эвиденциалов будут играть такие факторы, как позиция говорящего (внутри текста vs. вне его) и его отношение к событию, а также задаваемая им дистанция по отношению к событиям, о которых идет речь. Рассмотрение проблемы под этим углом позволит от дискуссии об объективной реальности и отношении к ней языка (референция) обратиться непосредственно к структуре текста и положению по отношению к нему автора/рассказчика/сказителя, то есть — перейти от пространства реально-го к семиотическому пространству текста и пространству говорящего.

* * *

Выше мы говорили о разных повествовательных регистрах, в которых употребление Ev^+ и Ev^- предсказуемо, упомянув, что использование эвиденциалов в непрозаическом фольклоре будет рассмотрено позднее. В перечисленных выше грамматических описаниях многие случаи остаются фактически без объяснения, ср. следующий пример из грамматики Л. Андрейчина:

Болгарский

- 4.4. *Пасъл*_{,LPART (= AOR,Ev⁻)} *Нанко девет стада,*
девет стада по хиляда,
*че му сянка не достигна*_{,AOR (= AOR,Ev⁺)}
*Викна*_{,AOR} *Нанко, та заплака*_{,AOR (= AOR,Ev⁺)}
*Де го зачу*_{,AOR (= AOR,Ev⁺)} *стара юда,*
*че си простря*_{,AOR (= AOR,Ev⁺)} *дясно крило,*
*че си прикри*_{,AOR (= AOR,Ev⁺)} *ясно слънце —*
*че му сянка достигнало*_{,LPART (= AOR,Ev⁻)} (Андрейчин 1949: 227).

Пас Нанко девет стада,/ девет стада по тысяче,/ и ему не хватило тени./ За-
кричал Нанко, да заплакал./ И услышала его старая юда, и протянула пра-
вое крыло, и прикрыла ясное солнце — ихватило ему тени.

Андрейчин комментирует этот пример следующим образом: «В народных песнях прямые и пересказанные времена часто смешиваются. <...> Вероятно, такое смешение глагольных времен — отражение более архаического состояния языка, когда эти два типа форм употреблялись

с меньшим различием в значении, чем теперь» (Андрейчин 1949: 227–228). Такие объяснения можно встретить и в более поздних грамматиках (например, «смешение» под воздействием ритмической организации: текст сохранился в таком виде со времени, когда категория эвиденциальности в болгарском языке еще не устоялась). Конечно, такое объяснение исключительно диахроническое, а интерпретации такого употребления *л*-форм с точки синхронии до сих пор не было предложено.

В македонских народных песнях, как и в болгарских, использование прямых и косвенных эвиденциалов не поддается интерпретации с точки зрения нормативной грамматики, но в работах Б. Конеского (Конески 1967), В. А. Фридмана (Friedman 2002) и Р. П. Усиковой (Усикова 2003) это не комментируется. Зато «особое использование» косвенных эвиденциалов в североалбанском фольклоре привлекает внимание исследователей, начиная с работы В. Фидлера (Fiedler 1968). Несколько работ посвятила этому А. В. Десницкая (Десницкая 1982 и в особенности Десницкая 1986). Важный фрагмент статьи А. В. Десницкой (Десницкая 1986) следует привести здесь целиком:

В огромной массе случаев употребления форм адмиратива (т.е. албанского инвертированного перфекта) в эпических текстах, кажущегося на первый взгляд пестрым и хаотическим, представляется возможным выделить некоторые конкретные типы стилистического их использования.

1. В составе постоянно повторяющихся эпических формул, в частности в формулах а) снаряжения героя в поход, б) принятия пищи и питья, в) вводящих прямую речь. Употребление форм адмиратива в таких традиционных формулах концентрирует внимание слушателей эпического произведения на факте либо вступления героя в активный процесс действия, будь это военный поход или произнесение многозначительных слов, либо достижения им состояния покоя и физического удовлетворения едой и питьем. Такие постоянно повторяющиеся действия героев наделены для эпического повествования определенной значимостью и поэтому могут выделяться с помощью форм адмиратива. Такой же характер имеет употребление форм адмиратива в традиционных зачинах песен.

2. Эмфатическая функция адмиратива достаточно отчетливо проявляется в лаконичных высказываниях персонажей, содержащих констатацию или оценку роковых событий в их жизни.

3. Более сложен вопрос о нарративной функции адмиратива, которая достаточно выражена в частях текстов, имеющих повествовательный

характер. Почему в потоке изложения действий и событий среди других глагольных форм вдруг появляются адмиративные? Является ли это чередование случайным, как полагают некоторые, или же оно семантически обусловлено содержанием и композицией эпического текста?

Основным и исходным в соответствии со стилистическими требованиями эпического жанра, по-видимому, можно считать использование форм адмиратива для выделения факта, представляющегося особо значимым в плане развития сюжета, для подчеркивания кульминационных моментов в процессе развития событий или для обозначения граней повествования, переходов между отдельными отрезками действия. Для определения функций адмиратива оказывается важным анализ композиции всего произведения в целом, тем более, что албанские эпические песни отличаются относительной краткостью. Эмфатическое употребление адмиратива в потоке событий иногда предваряется специальными формулами типа «Что же он сделал?», «Посмотри, что сделал?», «Посмотри, как...» и др., призывающими слушателей сконцентрировать внимание на примечательных действиях героев.

4. Иногда использование фонетически полновесных форм адмиратива бывает также обусловлено требованиями стихового размера.

5. Как вторичный факт можно отметить, что сама по себе широта употребления адмиративных форм в текстах эпических песен не могла не привести к частичному стиранию их выразительной функции (Десницкая 1986: 39–40).

Как мы считаем, предложенные А. В. Десницкой наблюдения позволяют объяснить многие случаи употребления не только албанского инвертированного перфекта («адмиратива»), но и балканославянских *л*-форм. Особенно важно, что эти идеи были высказаны в середине 80-х гг., до того, как функционирование категории эвиденциальности в тексте стали рассматривать *sub specie* дискурса и структуры текста. В частности, для данной главы важным представляется следующее наблюдение: в албанских текстах косвенные эвиденциалы используются прежде всего в формулах и также в наиболее отмеченных точках («для обозначения граней повествования, переходов между отдельными отрезками действия»).

Наблюдение над функционированием косвенных эвиденциалов в фольклорных текстах интересно еще и тем, что здесь употребление албанского инвертированного перфекта и балканославянских *л*-форм, на наш взгляд, максимально приближены друг ко другу.

Мы уже говорили, что в болгарском и македонском *л*-формы могут использоваться для описания последовательных действий (более того, существуют жанры, в которых это одна из наиболее часто применяемых стратегий). Для албанских текстов это исключительно редкий случай: в современном литературном языке практически невозможный. Можно найти примеры, в которых инвертированный перфект встречается несколько раз в одном предложении или в соседних, но для текстов с развернутой нарративной структурой по Лабову на литературном албанском языке постоянное использование инвертированного перфекта исключено. А. В. Десницкая в свое время указывала, что косвенные эвиденциалы редко встречаются в языке албанской художественной литературы и не являются основными при развитии сюжета: «Наблюдение, следующее из элементарного подсчёта, показывающего среднее соотношение — один случай употребления на 2,4 страницах, — говорит о сравнительной ограниченности применения форм адмиратива. Эти формы не относятся к числу грамматических единиц, конституирующих основную схему построения высказывания, их употребление избирательно и имеет ярко выраженный стилистический характер» (Десницкая 1982: 176).

Однако, в албанских фольклорных текстах ситуация несколько отличается от того, что мы наблюдаем в албанской художественной литературе: здесь инвертированный перфект как раз может использоваться в качестве формы, которая двигает действие вперед. Конечно, количество таких текстов не очень велико, и всё же, хотя статистически употребление инвертированного перфекта в албанских и *л*-форм в балканославянских версиях фольклорных текстов различается, по существу, как мы пытаемся показать в этой главе, это достаточно близкие друг ко другу явления.

* * *

Если в первой части работы акцент ставился на уровне языка, парадигматическом и синтагматическом (в первой главе определение рассматриваемой категории, во второй главе — грамматика, в третьей — лексика), то теперь мы переходим к анализу текста как единого целого. Для настоящей главы выбран один текст, существующий в разных версиях во всех балканских традициях — «Баллада о мертвом брате».

Балканский сюжет «Приход мертвого брата» является одним из наиболее разработанных за последние полтора столетия, он записан в нескольких сотнях версий на всем Балканском полуострове¹³⁰. Его краткое изложение приведено во введении к книге, поэтому здесь мы на нём не останавливаемся. В балканской версии сюжет не вошёл в указатель Аарне-Томпсона (АТ); там есть другой сюжет «Жених-мертвец» («*Невеста оплакивает убитого жениха; он является к ней и увозит ее в могилу* (“Ленора”»)) (№ 365); так же (хотя и более подробно) он описан в словаре (Funk and Wagnalls 1949: 108), причем в последнем круг текстов, связанных с мотивом, значительно расширяется. В указателе Ю. Е. Березкина (Березкин 2011) мотивы «Жених-мертвец» и «Приход мертвого брата» отсутствуют.

На протяжении последних полутора столетий этот сюжет пользовался особым вниманием исследователей. Упомянем только работы И. Шишманова (Шишманов 1896; Шишманов 1898), Д. Каракосты (Caracostea 1929); Э. Чабея (Çabej 1975); Т. Папахаджи (Papahagi 1944); Г. Врабие (Vrabie 1966: 108–144); Х. Трнавци (Trnavci 1975); Ф. Арапи (Arapı 2007: 7–117) и Т. В. Цивьян (Цивьян 1973: 83–105; 1999: 338–356; 2009: 177–180), в которых содержится основная библиография и обсуждение вопроса. Такое обилие литературы вызвано *загадочностью* текста «Баллады...» — вопросы (самый часто задаваемый из них — так почему же всё-таки в конце мать и дочь умирают?), которые она ставит перед слушателем/читателем, не находят разрешения внутри ее текста, а требуют владения предметно-понятийным аппаратом *модели мира*.

Самое подробное исследование «Баллады...» за почти двухвековую историю ее изучения принадлежит И. Шишманову. Его работа разделена на две части, в первой из которых он рассматривает существовавшую на тот момент библиографию вопроса, а во второй анализирует основные мотивы на материале 148 текстов со всего Балканского полуострова (7 албанских, 4 арумунских, 77 болгарских (и македонских), 43 греческих, 5 румынских и 12 сербских и хорватских). Кроме того, в исследовании Шишманова есть опыт выделения

¹³⁰ Список используемых в работе версий см. в приложении; в тексте работы ссылки на версии баллады даются в виде индекса МБ (= «Мертвый брат») и номера, под которым дается библиографическое описание соответствующей версии в приложении.

структуры «Баллады...». Эта работа была промежуточным подведением итогов для дискуссии о том, какой сюжет считать исконным: «Жених-мертвец» или «Приход мертвого брата», а также какая из балканских версий «Баллады...» является первичной. Однозначное решение получила только вторая проблема. И. Шишманов сформулировал ряд положений, которые сохранили свою актуальность до сих пор:

- а. «Баллада...» происходит из Малой Азии (район Вифинии), откуда она попала на Балканы двумя путями — через южные греческие колонии и через материковую Грецию.
- б. Албанская, арумунская и болгарская версии возникли на основе греческой.
- в. Болгарские и македонские версии имели два центра распространения: с юго-востока и с юго-запада.
- г. Из двух типов «Баллады...» на территории Болгарии один дал происхождение румынскому варианту, а другой — сербско-хорватскому (Шишманов 1896: 589–590).

В то же время вопрос о том, какой сюжет считать исконным, остался открытым. Шишманов смог лишь констатировать, что на Балканах эти два сюжета, как правило, не пересекаются: сюжет «Приход мертвого брата» характерен для тех областей, где неизвестен «Жених-мертвец», и наоборот (Там же, 594).

В работах Т. В. Цивьян «Баллада...» описывается с точки зрения балканской картины мира. Основные элементы сюжета рассматриваются *sub specie* проекции системы базовых оппозиций балканской модели мира. Сюжет укладывается в пропповскую формулу *недостача — ликвидация недостачи*, а структура текста определяется следующим набором оппозиций:

- 1) мужской/женский
- 2) свой/чужой
- 3) живой/мертвый
- 4) близкий/далекий
- 5) внутренний/внешний
- 6) открытый/закрытый.

Оппозиции 2–6 объединяются в более общую оппозицию: *свой мир/чужой мир*. «Оппозиции *муж/жен* и *свой мир/чужой мир* в плане выражения должны реализоваться таким образом, чтобы их члены были максимально разъединены в пространстве, с запрещением соприкосновения. В таком случае оппозиция *свой мир/чужой*

мир оказывается формальным средством для осуществления оппозиции *муж/жен*: носители признака *муж* принадлежат *своему*, носители признака *жен* — *чужому миру*. Герои сюжета постоянно переходят границы, поставленные им структурой оппозиций, и тем самым их разрушают» (Там же, 86). Сравнение «не-загадочной» «Леноры» с «загадочной» «Балладой...» *sub specie* движения и пути показывает балканскую специфичность сюжета последней: в «Леноре» «три маршрута = пути: уход жениха от невесты (на войну) — приход к ней после смерти — совместный путь в могилу» (Цивьян 1999: 341), в «Балладе...» пути мультиплицированы (уход сестры из дома и смерть братьев; мать идет на кладбище и брат встает из могилы; брат едет за сестрой; брат возвращается с сестрой домой; брат доводит сестру до дома; брат возвращается в могилу, а мать и сестра умирают на пороге дома / на кладбище). Эти пути противопоставлены по разным признакам: туда — обратно; по горизонтали — по вертикали; по длине; по времени, но объединяет их один признак: «куда бы они ни были направлены, они неумолимо приводят в иной мир: нижний мир, мир мертвых» (Там же, 341–342), причем смерть персонажей носит мистериальный характер. Отметим здесь интерпретацию «Баллады...» как рассказа о пути персонажей через границы миров и оппозиций — концепт движения и пересечения границы будет исключительно важен для лингвистического анализа *sub specie* структуры текста.

Система базовых оппозиций, на противопоставлении левой и правой частей которых основан конфликт «Баллады...» — не единственное, что связывает этот текст с моделью мира; «Баллада...» также содержит отсылки к многочисленным прецедентным текстам.

Герои «Баллады...» при сравнении с персонажами других балканских сюжетов, оказываются ипостасями существ более высокого ранга. Так, мертвый брат — воплощение божества смерти (ср. греческ. Харон, болгарск. Тодор), а сестра — Чумы (Там же; это, отметим, дает повод Г. Врабие, которого в каком-то смысле также можно считать *homo balcanicus*, говорить о том, что на самом деле в «Балладе...» действуют не люди, а потусторонние существа — Vrabie 1966: 108–144). К этому же ряду добавим не комментированный ранее в известной нам литературе эпизод из болгарской версии «Баллады...» МБ 11 (в других версиях он отсутствует):

37	Маика им провалницата,
<...>
Сама си себе прудума:
— Ја гледај, Божне, ја гледај | Их проклятая мать

Сама себе сказала,
— Посмотри-ка, Боже, посмотри, |
| 45 | Чи куја маика кату мене,
Дур девет сина да утхрани,
И идна милна джштерџа,
Да утхрани и да ја ужени,
На туј хубаво Загори, | Есть ли другая мать, похожая на меня,
Чтобы она девятерых сыновей вырастила
И милую дочь,
Вырастила и замуж выдала,
В это прекрасное Загорье, |
| 50 | И мама на повратки да иди,
Ходила и сж і вжрнжла.
Кату си і сама себе думала,
Тжі ли ја слушала чумата <...> | И чтобы она к матери на <i>повратки</i> ходила,
Ходила и вернулась.
Сама себе она это говорила,
Да услышала ее чума. |

На наш взгляд, этот эпизод можно связать с мифом о Ниобе и ее детях (и здесь, и в мифе о Ниобе причиной трагедии, постигшей мать — потери всех детей — стала гордость матери. В мифе Ниоба, у которой было много сыновей и дочерей, возгордилась перед Лето, у которой было только два ребенка — Аполлон и Артемида; в МБ 40 мать считает себя самой лучшей среди всех остальных матерей).

Ф. Арапи предполагает, что «Баллада...» связана и с другими античными мифами — об Афродите и Адонисе, Деметре и Персефоне, т.е. с символикой весеннего возрождения природы. Кроме того, многие албанские версии начинаются со слов *Ditën e Pashkës së madhe* («В день великой Пасхи...»), что отсылает к мотиву Воскресения Христа из мертвых¹³¹.

Таким образом, «Балладу...» можно рассматривать как балканский *rag excellence* текст: она не только раскрывает базовые оппозиции балканской модели мира, но и содержит отсылки к важным прецедентным

¹³¹ Здесь же отметим эпизод в романе И. Кадаре «Kush e solli Doruntinën»: архиепископ требует найти реального человека, привезшего Дорунтину, поскольку воскреснуть из мертвых может только Христос, и, следовательно, идея восстания мертвого брата из могилы является ересью. Этот эпизод можно связать с мотивом божественного вмешательства, который хорошо просматривается во многих версиях «Баллады...», и, в частности, на уровне имен героев (во многих славянских версиях брата зовут Лазарем, что отсылает к воскрешению Лазаря (Ин 11: 1 и далее)) (Цивьян 2009: 179).

текстам; полный развернутый комментарий к «Балладе...» мог бы стать своего рода энциклопедией балканской модели мира.

При выборе из балладных мифологических сюжетов, общих для рассматриваемых балканских традиций, именно «Прихода мертвого брата» сыграли свою роль сразу несколько факторов. Для лингвистической работы, анализирующей «пространство балканского текста», актуальны те сюжеты, которые связаны с идеей пространства, в частности с границей и путем (т.е. с предикатами движения). Представляется, что из всех перечисленных выше сюжетов именно выбранный актуализирует эти темы наиболее отчетливо. Кроме того, важно было, чтобы текст для анализа был доступен в максимально большом количестве версий — этому критерию «Баллада...» также отвечает.

Заметим, что чаще всего «Баллада...» не рассказывается, а поется. Из 61 болгарских и 13 македонских версий, которые мы будем рассматривать в настоящей работе, нет ни одного прозаического; из 11 албанских прозаических текстов два (МБ 78 и МБ 80). Работа А. Лорда (Lord 1964; русский перевод Лорд 1994), продолжающая идеи, высказанные его учителем М. Пэрри (Parry 1932), посвящена анализу эпических песен, но многие, если не все его выводы, могут быть распространены и на баллады. Один из основных постулатов, выдвинутый А. Лордом и М. Пэрри, состоит в том, что *сказитель* (the singer of tales) каждый раз создает песню заново, используя для этого специальные правила. Поэтому та же самая песня, записанная от одного исполнителя через некоторое время, может более или менее отличаться. Песни по большей части, если не целиком формульны, что накладывает известный отпечаток и на употребление в ней глагольных форм. Следовательно, сначала следует описать структуру текста «Баллады...» на семиотическом уровне, а затем рассмотреть, обращая особое внимание на формулы, как эта структура может проявлять себя на лингвистическом уровне.

Различия между основными типами баллады крайне малы, что позволяет выделить инвариант структуры. Это не подразумевает, что с самого начала была только одна версия, из которой произошли все остальные; скорее, это теоретико-множественное произведение всех версий. Представим здесь структуру, которую мы принимаем за инвариантную для «Баллады...»:

- I. Экспозиция и введение персонажей
- II. Сватовство и свадьба

- III. Смерть братьев
- IVa. Проклятие брата матерью / IVb. Призывание брата сестрой
- V. Восстание из гроба и метаморфозы мертвого брата
- VI. Встреча с сестрой
- VII. Путь домой. Приметы смерти: слова птиц, могильный запах и др.
- VIII. Исчезновение брата и путь сестры до дома матери
- IX. Встреча матери и сестры и их смерть.

Как уже было сказано, «Баллада...» построена на системе оппозиций, лежащих в основе балканской модели мира; ее сюжет содержит в себе несколько мифоритуальных сценариев, важных для всей балканской модели мира или ее этнических версий (переход границы, клятва и т. п.). Однако эти мифоритуальные сценарии существуют не сами по себе, а через языковое воплощение. Таким образом, в «Балладе...» мы имеем дело минимум с двумя кодами — мифоритуальным и языковым, которые сложным образом взаимодействуют¹³².

4.1. Эвиденциальное маркирование на лексическом уровне: лексико-семантические группы глаголов и формулы

Эвиденциальное маркирование на лексическом уровне

Прежде чем перейти к описанию роли эвиденциальности в пространстве текста, следует сказать об одном виде ее использования, который до сих пор, как кажется, не привлекал внимания исследователей балканской эвиденциальности. Приведем одну из болгарских версий «Баллады...» (МБ 40) целиком. Она показывает очень интересное распределение форм (жирным шрифтом выделены косвенные эвиденциалы/ Ev^- ; курсивом — прямые/ Ev^+ ; нейтральные формы (в данном случае только настоящее время) никак не выделяются;

¹³² Этот список можно продолжить, например, составив бестиарий названий животных-вестников, упомянутых в тексте: в болгарских, македонских и албанских версиях это прежде всего птицы (в албанских — вóроны, воробьи, петухи; в болгарских и македонских — неназываемые птицы, но также и лягушки). Можно составить одористический словарь (запах, который исходит от мертвого брата: вареная крапива, бузина, земля, ладан, паутина, плесень, тина и др.). Опыт описания растительного кода «Баллады...» предложен в: Макарец 2011в; опыт описания цветового кода — в: Макарец 2011б.

подчеркнуты глаголы речи и движения. Рассматривается только речь рассказчика, прямая речь персонажей из анализа исключается):

<p>1 Имала мама, имала
 До деветина синове
 И девет мили снашици,
 Една джштерья Драгана,</p> <p>5 И неѝа Павел <i>ѝожени</i>
 През девет села в десетьо.
 Черната чума морила,
 Та изморила девет брате
 И девет мили снашици,</p> <p>10 Остала маѝка самичка.
 Сичките маѝка <i>плачеше</i>,
 <i>Плачеше</i> и <i>поменуваше</i>,
 А баѝа Павел провала: —
 Провалил ми са, Павел</p> <p>15 Че ми Драганка ѝожени</p> <p>През девет села в десетьо!
 И Богу са е смлило,
 Даде му Господ, даде му:
 Їот носило добра конья,</p> <p>20 Їот покривка синьо седло,
 Їот кржстат жлжта бжклица.
 <i>Налѝа</i> Павел жлжта бжклица,
 <i>Налѝа</i> ѝа с вино червено,
 Та па си конья <i>воседна</i>,</p> <p>25 У Драганкини <i>ѝотиуди</i>.
 Та е <i>ѝотишал</i>, <i>ѝотишал</i>
 През девет села в десетьо,
 Во срьад село <i>ѝотишал</i>,
 В срьад село оро играе.</p> <p>30 Като го <i>виде</i> Драганка,
 Тѝа са от оро <i>ѝоткжсна</i>,
 Па си Павела <i>посрешина</i>,
 Та на Павела <i>думаше</i>:
 — Баѝа Павел, Павел!</p> | <p>Было у матери, было
 Девять сыновей
 И девять милых невесток,
 Одна дочь — Драгана.</p> <p>И ее Павел выдал замуж
 Через девять сел в десятое.
 Черная чума морила,
 И уморила девять братьев
 И девять милых невесток,
 Осталась мать одна-одиошенька.
 Всех мать оплакивала,
 Оплакивала и поминала,
 А старшего брата Павла проклиняет:
 — Чтобы ты провалился, Павел,
 За то, что ты выдал замуж мою
 Драганушку,</p> <p>Через девять сѝл в десятое!
 И Богу стало жалко,
 Дал ему Господь, дал ему:
 Из носилок доброго коня,
 Из покровы синее седло,
 Из креста желтую фляжку.
 Наполнил Павел желтую фляжку,
 Наполнил ее вином красным,
 Да на коня сел,
 К дому Драганушки поехал.
 Да поехал, поехал
 Через девять сѝл в десятое,
 На середину села выехал,
 На середине села хоровод танцуют.
 Когда увидела его Драганушка,
 Она из хоровода вышла,
 Да Павла встретила,
 Да Павлу говорила:
 — Брат Павел, Павел!</p> |
|--|--|

- 35 Іа аїде дома да ідем,
 Да вида, зашто ти идеш.
 Кога у Драганкини іотишле,
 Драганка Павелу думаше:
 — Баїа Павеле, Павеле!
- 40 Че што ти, бае, мерише,
 Мерише, бае, премьбана
 На мухал, бае, на плесен?
 Павел Драганки думаше:
 — Мила сестрице, Драганке!
- 45 Іа аїде да тья заведа,
 У дома, сестро, да ідем,
 Че девет сме свадби правиле,
 И девет сме кжшти градиле,
 Та маїка не може да фтаса,
- 50 Ризите да ни іопере.
 Іа аїде, сестро, да ідем,
 На измет да и помогнеш,
 Ризите да ни іопереш.
 Драганка Павелу думаше:
 — Баїа Павеле, Павеле!
- 55 Почакаї, баїо, почакаї,
 Да меса бяло кисело,
 Да іопеча вити кравае,
 Тогиз, баїко, да ідем.
- 60 Павел сестра си почака.
 Та меси¹³³ бяло кисело,
Іопече вити кравае,
 Та па са с Павел тржгнале.
 Девет са села минале,
- 65 Кога в десетьо іотишле,
Минале гора зелена,
Настале поле широко,
 В полето нови гробове,
 Павел Драганки думаше:
- Пойдем-ка домой,
 Чтобы я посмотрела, зачем ты приехал.
 Когда в дом Драганушки поехали,
 Драганушка Павлу говорила:
 — Братец Павел, Павел!
- А что это у тебя, братец, пахнет,
 Пахнет, братец, одежда,
 Плесенью, братец, плесенью?
 Павел Драганушке говорил:
 — Милая сестричка, Драганушка!
- Давай я тебя отвезу,
 Домой, сестра, поедем,
 Ведь мы девять свадеб отпраздновали,
 И девять домов построили,
 Да мама не может справиться,
 Рубахи наши выстирать.
- Поедем-ка, сестра, поедем,
 Чтобы ты помогла ей,
 Рубахи наши выстирать.
 Драганушка Павлу говорила:
 — Братец Павел, Павел!
- Подожди, братец, подожди,
 Я замешу белое тесто,
 Испеку витые караваи,
 Тогда мы, братец, поедем.
- Павел сестру подождал.
 Она (за)месила белое тесто,
 Испекла витые караваи,
 Да отправились они с Павлом.
 Девять сёл проехали,
- Когда в десятое приехали,
 Проехали через зеленый лес,
 Оказались в широком поле
 В поле новые могилы,
 Павел Драганушке говорил:

¹³³ Эту форму можно понять и как настоящее время, и как аорист от глагола несовершенного вида.

- 70 — Сестро Драганко, Драганко! — Сестра Драганушка, Драганушка!
 И врџви, сестро, кам дома, Иди-ка, сестра, домой,
 Азе шта тук малко да са јотбиа. А я сюда зайду ненадолго.
 Тџа го *послуша* Драганка, Драганушка его послушала,
 Та си е дома *јотишла*, Она домой пошла,
 75 Кога е дома *јотишла*, Когда домой пришла,
 Порти са в пелин *јобрасле*, Ворота польнью заросли,
 Кжштата в кичест стратул, Дом — плакучим бархатником,
 Тџа си на порти *потрона*, Она в ворота постучала,
 Иа мајка и *са јобади*: Вот, ее мама откликнулась:
 80 — Чумоле, черна чумоле! — Чума, черная чума!
 Че малко ли си тропала, Мало ли ты топтала,
 Тропала и изтропала, Топтала и потоптала,
 До деветина синове Девять сыновой
 И девет мили снашици! И девять милых невесток!
 85 А Драганка ù *думаше*: А Драганушка ей говорила:
 — Мамо ле, стара мајчице! — Мама, старая матушка!
 Не ти е, мамо, чумата, Это, мама, не чума,
 Ами е мамо Драганка. Но, мама, Драганушка.
 И мајка и е *сганала*, И ее мама встала,
 90 Та и портите *јотвори*; Да ворота ей открыла;
 Като ја *видџа* мајка и, Как увидела ее мама,
 Живи **са са прижрналe**, Они живыми обнялись,
 Мрџтви **са са разжрналe**. Мертвыми разомкнули объятия.

Всего в тексте 22 форм E_v^- и 27 E_v^+ .

Косвенные эвиденциалы занимают в тексте следующие позиции:

- экспозиция (строка 1);
- действия чумы (7–8);
- одиночество матери (10);
- жалость Бога (17);
- перемещения персонажей (26, 27, 37, 63–67, 74–76, 89);
- концовка (92–93).

Прямые эвиденциалы отмечают:

- плач матери (11–12);
- речь персонажей (33, 38, 43, 54, 69, 79, 85);
- свадьбу сестры (5);
- действия Бога (18);

- действия брата после восстания из могилы (22–25);
- встречу брата и сестры (30–32);
- подготовку сестры к путешествию с братом (60–62);
- реакцию сестры на слова брата (73);
- встречу с матерью (78; 90–91).

Из 14 глаголов движения 12 выражены косвенными эвиденциалами, а все 6 глаголов речи — прямыми. Случайно ли это, или здесь можно найти закономерность? Анализ остальных 60 болгарских текстов «Баллады...» показал следующее: в 18 из них картина оказалась схожей. В МБ 2 точно так же все глаголы речи (всего 7) выражены прямыми эвиденциалами, а все глаголы движения — косвенными (всего 6). В МБ 56 глаголы движения (все 11) стоят в форме косвенной эвиденциальности¹³⁴. В шестнадцати версиях все глаголы речи (МБ 3, МБ 4, МБ 5, МБ 14, МБ 22, МБ 25, МБ 29, МБ 32, МБ 39, МБ 41, МБ 42, МБ 44, МБ 46, МБ 55, МБ 57, МБ 59)¹³⁵ стоят в формах прямой эвиденциальности. Таким образом, основываясь на перечисленных случаях, можно сказать следующее: существуют версии, в которых определенные лексико-семантические группы глаголов маркируются при помощи либо прямых, либо косвенных эвиденциалов. На выбор соответствующей формы влияет семантика. В абсолютном большинстве таких случаев прямые эвиденциалы маркируют глаголы речи, а косвенные — глаголы движения. Однако в МБ 51 соотношение обратное: прямые эвиденциалы маркируют глаголы движения, а косвенные — глаголы

¹³⁴ В текстах зарегистрированы следующие глаголы движения (список полный, по 61 рассмотренному болгарскому варианту «Баллады...», глаголы даются в современной болгарской орфографии) — *влегна* 'войти', *вляза* 'войти', *възседна* (коня) 'сесть (на коня)', *дойда* 'прийти', *дохождам* 'приходить', *заведа* 'отвести', *излегна* 'выйти', *изляза* 'выйти', *крена* 'тронуться (в дорогу)', *мина* 'проехать', *настана се в* 'остановиться в', *отида* 'пойти', *пойда* 'пойти', *покача се* 'подняться', *слегна* 'слезть, сойти', *сляза* 'слезть, сойти', *спра* 'остановиться'. Все эти глаголы учитываются только если они применяются к персонажам «Баллады...», т.е. словосочетания типа *дойде събота* 'пришла суббота' не учитываются.

¹³⁵ Зарегистрированы следующие глаголы речи: *викам* 'говорить', *думам* 'говорить', *казвам* 'говорить', *натяквам* 'укорять', *окам* 'причитать', *обадя се* 'отозваться', *попитам* 'спросить', *похваля се* 'похвалиться', *хоратя* 'говорить', *хортувам* 'говорить', а также *излъгам* 'соврать', *пея* 'петь', *кълна* 'проклинать', *моля се* 'молиться', *заплача* 'заплакать', *теша* 'утешать', если они используются для введения слов персонажей.

речи¹³⁶. Приведем ее текст в сокращении (за счет прямой речи и отрезков, нерелевантных для анализа форм дистанцирования):

1	Иану макъа на далеко дава,
Из пианџц-га у Леву-реку.
Иана нече куд іу макъа дава,
Ноло сака куд си она знае.	Яну мама далеко выдает,
Из села Пиянец <?> в Лева-реку.
Яна не хочет туда, куда ее мама выдает,
Но знает сама, куда хочет.
5	А Иани су бракъа говорили :
<...>	А Яне братья говорили:
11	Она <i>оиде</i> куд іу макъа дава.
Іоште Иана од конья не слезла ,
Она се іе жълвем повалила ,
Дека си іе од рода голема.
<...>	Она поехала, куда ее мама выдавала.
Еще Яна с коня не спешила,сь,
Она уже перед золовками похвалилась,
Что она из рода большого.
18	Иана <i>оиде</i> — цжрна чума <i>доиде</i> ,
Та убила сви Іанини бракъа.	Яна поехала — черная чума пришла,
И убила всех Янинных братьев.
20	<i>Свжришише</i> се тамжн девет годин
Иани нема никоі да воі доіде.
А Іану су жълвем прекориле :
<...>	Прошло целых девять лет,
За Яной некому приехать.
А Яну золовки упрекали:
31	А Иани се вжрло нажалело ,
Та <i>излезе</i> на дела голема,
Та викала три дњи и три ноци.
Богу се е жалба домилила ,	А Яне сильно надоело,
И вышла она на холмы (?) большие,
Да кричала три дня и три ноци.
Бог над скорбью сжалился,
35	Та <i>извади</i> по старога брата,
Та га <i>прати</i> на госье да иде.
Одалеко Іана га <i>опази</i> ,
Целива га у десну ручицу.
<...>	И достал старшего брата,
И отправил его в гости.
Издалека Яна его увидела,
Целует его правую руку.
54	Па <i>тжргоше</i> през гору зелену
<...>	И отправились через зеленый лес
60	Ка <i>насташе</i> през полье широко
Нешо Іани тжвњан <i>замириса</i> .
<...>	Когда оказались в широком поле,
Что-то Яне ладаном запахло.
67	Па <i>насташе</i> под село големо.
<...>	И оказались у села большого.

¹³⁶ Это единственная версия такого рода.

- V. Восстание из гроба (24–28)
 VI. Встреча с сестрой (37)
 VII. Дорога домой. Приметы смерти: слова птиц, могильный запах и др. (63–67)
 VIII. Исчезновение брата [и путь сестры до дома матери] (74–75)
 <...>

В (24) глагол *wosedna* обозначает путь брата по вертикали — с поверхности земли на коня; в (25–28) формы *јотиди*, *јотишал е*, *јотишал* плеонастически обозначают путь брата в село, куда была выдана сестра; в (37) глагол *јотишле* — путь в дом сестры; в (63–67) *са тржгнале*, *са минале*, *јотишле*, *минале*, *настале* — путь домой; в (74–75) *е јотишила* — путь сестры домой уже без брата.

Что касается выбора прямых эвиденциалов для глаголов речи, то возможно, на него влияет включаемая при их помощи прямая речь персонажей, которая не пересказывается, а непосредственно передается (ср. употребление личных местоимений и глагольных форм первого и второго лица, соответствующие времена и наклонения и др.; подробнее о прямой и косвенной речи в приложении к болгарскому и македонскому материалу см. Усикова 2008).

Маркирование лексико-семантических групп глаголов при помощи разных видов эвиденциалов встречается также в македонских версиях. Нам удалось найти три таких текста: МБ 66, МБ 69, МБ 73. В МБ 66 глаголы движения¹³⁸ маркированы при помощи косвенных

¹³⁸ В 13 используемых в настоящей работе македонских версиях «Баллады...» зарегистрированы следующие глаголы движения (глаголы даются в современной македонской орфографии) — *вијде* ‘выйти’, *влезне* ‘войти’, *влезе* ‘войти’, *врати се* ‘вернуться’, *доближи* ‘приблизиться’, *дојде* ‘прийти’, *закара* ‘отвезти’, *замине* ‘уйти’, *издојде* ‘прийти’, *искочи* ‘выпрыгнуть’, *јавне* ‘сесть (на коня)’, *киниса* ‘начать (о движении)’, *мине* ‘пройти’, *обиде* ‘обойти’, *оди* ‘идти’, *отиде* ‘пойти’, *појде* ‘пойти’, *помине* ‘пройти’, *приближи* ‘приблизиться’, *пропее* ‘пропеть’, *рече* ‘сказать’, *слезе* ‘спуститься’, *се спушти* ‘спуститься’, *стигне* ‘дойти’, *тргне* ‘начать движение’. Как и в болгарских версиях, эти глаголы учитываются только если они применяются к персонажам «Баллады...». К глаголам речи в македонских версиях относятся: *вели* ‘говорить’, *вреви* ‘говорить’, *говори* ‘говорить’, *дума* ‘говорить’, *зборува* ‘говорить’, *изговара* ‘выговаривать’, *каже* ‘сказать’, *кажувам* ‘говорить’, *одговара* ‘отвечать’, *попита* ‘спросить’, *привикне* ‘прикрикнуть’, *провикне* ‘крикнуть’, *продума* ‘проговорить’, *реди* ‘причитать’, а также *жали* ‘скорбеть’, *запее* ‘запеть’,

эвиденциалов (всего 5), а глаголы речи — при помощи прямых эвиденциалов (5). В МБ 69 распределение почти такое же: все глаголы движения маркированы при помощи косвенных эвиденциалов (10). Глаголы речи либо в форме настоящего времени (5), либо в форме прямого эвиденциала (2), косвенных эвиденциалов глаголов речи в версии нет. В то же время в МБ 73 маркированы глаголы речи (5, все в Ev⁺).

В албанских версиях ситуация с эвиденциальным маркированием лексико-семантических групп глаголов несколько более сложная. Всего в отобранных для анализа двенадцати албанских версиях использовано 97 форм Ev⁻ от 26 глаголов: *bëj* ‘делать/сделать’ (3 формы), *bie* ‘встать/вставать, отправиться/отправляться, спуститься/спускаться’ (8), *çoj* ‘послать/посылать, поднять/поднимать, проснуться/просыпаться’ (8), *dal* ‘выйти/выходить’ (7), *filloj* ‘начать/начинать’ (1), *gëzohem* ‘обрадоваться/радоваться’ (2), *gjej* ‘найти/находить’ (1), *hap* ‘открыть/открывать’ (2), *hip* ‘подняться/подниматься’ (3), *jam* ‘быть’ (4), *kam* ‘иметь’ (3), *kthej* ‘вернуть/поворачивать’ (2), *marr* ‘брать/взять’ (10), *mbërrij* (= *arrij*) ‘прибыть/прибывать’ (2), *mbyll* ‘закрыть/закрывать’ (2), *ndodhem* ‘находиться’ (1), *nie* ‘услышать/слышать’ (1), *nis* ‘поехать/ехать’ (8), *njoh* ‘узнать/узнавать’ (1), *shikoj* ‘увидеть/видеть’ (3), *shkoj* ‘пойти/идти, поехать/ехать’ (5), *them* ‘сказать/говорить’ (11), *ulem* ‘сесть/садиться’ (1), *vdes* ‘умереть/умирать’ (1), *vij* ‘прийти/приходить’ (5), *vuej* ‘ехать’ (4). Покажем это распределение на схеме 4.1.

Как видно, на семь наиболее часто используемых глаголов (с частотой от пяти и выше; менее трети от общего числа глаголов) приходится пятьдесят четыре формы (то есть пятьдесят один процент от общего количества). Это следующие глаголы:

them ‘сказать/говорить’ — 11 форм, которые появляются только во II, VI и VII эпизодах:

МБ 76. VI. “Ore Sokoll, bre vlla — i **paska thonë**, — A e di besën qysh me kini dhonë?”;

МБ 78. II. **Paska thônë**: — Hajde, vlla, hina mrëna, se je lodhë. — Halili **paska thônë**: — Mori moter, nuk po kâm ngë me hî mrëna, veç besen qi ta kôm

zasviri ‘засвистеть, начать петь (о птице)’, *kolne* ‘проклинать’, *nee* ‘петь’, *пофали се* ‘похвалиться’, *прекори* ‘укорить’, *проколне* ‘проклясть’, *свири* ‘свистеть, петь (о птице)’, когда они вводят прямую речь персонажей.

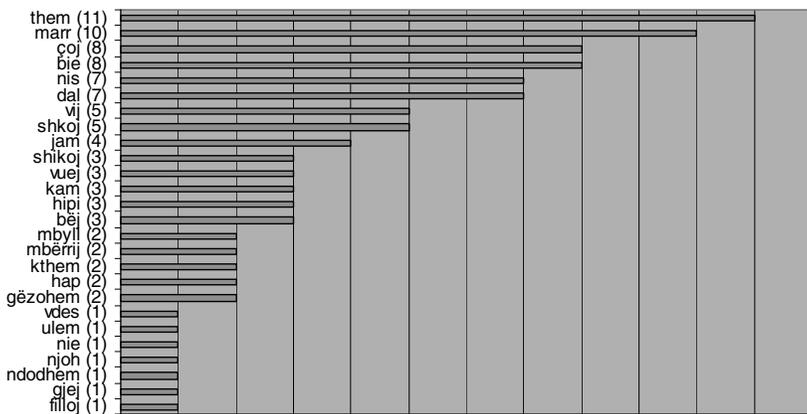

Схема 4.1. Косвенные эвиденциалы в албанских версиях

- dhônë erdha me t'marrë; **VII.** Kah shkojnë udhes po bôjnë llaf nermje' veti. Motra Halilit i **paska thônë**: — Lum vllau, more vlla, shka po t'vjen era dhë?; МБ 82. **II.** Vllau i mall ç'ja **paska than** nan dit larg motrën m'e dhanë ç'ka ka than; МБ 85. **II.** N' shpinë gjogut i paska ra, kenka nisë n'Budinë me kthye. Kutrull kullash, kur ka dalë, vllaznit me nanë larg e kanë pa e përpara i paskan dalë. «Hoxhgjedën, vlla!» i **paskan thanë**; Tash Halili, ç'**paska thanë**? "Shtatë vëllazën na ke, ka 'i herë n'javët kem' me t'pa, ka 'i herë n'mujt kem' me t'marrë"; **VII.** E janë nisë n'shpi me dalë. Nja pak rrugë kur kanë kalua, motra t'vllatë na i **paska thanë**;
- МБ 86. **VI.** — Çou ti motër, n'shpi me shkue! — Po, lum motra, — i **paska thanë**; **VII.** — Неч, мой motër — i **paska thanë**, — pse nanë vllazen si jem kanë, e nanë nuse i kemi marrë, nan'çin krushk na i kemi pasë, të xhithë tuj kyce e tuj lodru, deri konaçet na i kanë rrxu, tim i pushkve i ka vrugue;
- МБ 87. **VII.** "S'ké pse m'ton, moj motra e ëme: bukë kam ngrânë, kafe kam pi, Por shtërngou e t' shkojmë ne shpi!" "Po, lum motra!" — i **paska thanë**.
- (МБ 76. **VI.** "Ох, Сокол, брат, — **сказала** она ему, — Помнишь ли ты клятву, которую вы мне дали?";
- МБ 78. **II.** **Сказала**: — Ну, брат, заходи, так как ты устал. — Халиль **сказал**: — О сестра, я не войду внутрь, но клятву, которую я тебе дал, пришел я исполнить; **VII.** Когда ехали по дороге, разговаривали. Сестра Халилию **сказала**: — О брат, мой брат, почему пахнет землей?;
- МБ 82. **II.** Что **сказал** проклятый брат, за девять дней пути сестру отдать, [вот] что он сказал;
- МБ 85. **II.** На спину коня он сел, отправился в Будин-град. Когда доехал до кул, девять братьев издалека его увидели и навстречу ему вышли. «Добро пожаловать, брат!», — **сказали** они ему. И сейчас Халиль что **сказал**? — «Нас семь братьев, раз в неделю будем тебя навещать, раз в месяц будем

забирать домой»; **VII.** И они поехали, отправились домой. Когда немного проехали по дороге, сестра брату **сказала**;

МБ 86. **VI.** — Эй, сестра, поедem домой! — Да, братец, — **сказала** она; **VII.** — Поедем, сестра, — **сказал** ей, — ведь нас девять братьев, девять невест мы взяли, девятьсот дружек у нас было, когда все возвращались и веселились, дворцы обветшали, дым ружей их опалили.

МБ 87. **VII.** «— Не нужно меня приглашать, сестра моя. Я съел хлеба и я выпил кофе, но собирайся и пойдem домой. — Да, братец, — **сказала**»).

marr ‘взять/братъ’ — 10 форм, которые появляются во II, V, IX эпизодах:

МБ 77. **IX.** Të dyja n'grykë **kokan marrë** Kry për kry shpirti u ka dalë, Zoti e i madhi shehit e ka bô!;

МБ 78. **V.** Halili koka çu pej vorri. Ai koka kônë gjatar. E **paska marrë** zagarin e po shkon me marrë motren n't'panë qi ja ka dhônë besen;

МБ 81. **II.** E i ka kcye gjogut në shpin, e **paska marr** rrugën për Krali. Shum ka zan miq e probatina. E ni nat kish shku me fjet tu ni zotni, djali i ri. Ka qit ky e ka pvet;

МБ 84. **II.** Fort Fatimja qat'herë kanka gzue, **marrke** punën çika me punue;

МБ 86. **II.** Qenka çu djali fill prej shpie, shtek të largë ke **paska marrë**, paska votë ke ni zotni i ranë; **IX.** Dorë për dorë na **qenkan marrë**, në funt të shkallës paskan ra, kurrkund djalin se kan pa. Me xhall djali nuk a nie, veç krahin jashtë e ka shtie, nanë e bi qanë çu në kamë, n'grika-n'grika **qanë marrë**, në vorr t'Halilit dekun ranë;

МБ 87. **II.** Shtek të large tek **paska marrë**; **IX.** **Kânkân marrun** dora-doras e n' fund t' shkallve kânkân rá; Nânë e bî janë ç-ue në kâmbë, ngryka-ngrykas **kânkân marrë**: n' vorr t' Halilit dekun rân!

(МБ 77. **IX.** Они **обнялись** [досл. ‘взялись за горло’], головой к голове, и испустили дух, вот какое чудо сотворил Бог!;

МБ 78. **V.** Халиль встал из могилы. Он был охотником. **Взял** свою собаку и идёт взять сестру домой повидаться, так как он ей дал клятву;

МБ 81. **II.** И он сел на спину коня и **отправился** (досл. ‘взял путь’) в Крали. Там много завел друзей и побратимов. И одной ночью пошел этот юноша ночевать к одному господину. Вошел туда и спросил его;

МБ 84. **II.** Сильно тогда Фатиме обрадовалась, **занялась** девушка делом;

МБ 86. **II.** Пошел юноша из дома, **отправился** в дальнюю дорогу [досл. ‘взял дальнюю дорогу’], отправился к важному господину; **IX.** **Взялись** за руки, спустились по лестнице, но нигде юношу не увидели. Живым юношу не нашли, но только руку наружу он высунул, мать и дочь встали на ноги, **обнялись** [досл. ‘взялись за горло’] и на могиле Халилия упали мертвыми).

МБ 87. **II.** **Отправился** в дальнюю дорогу [досл. ‘взял дальнюю дорогу’]; **IX.**

Взялись они за руки и спустились по лестнице; Мать и дочь встали на ноги, обнялись: на могиле Халилия упали мертвыми!

bie ‘спуститься/спускаться, расстилаться/расстелиться, лечь/ложиться, заходить/зайти, повиснуть/висеть, сдать/сдавать, упасть/падать,

ослабнуть/ослабевать, принести/приносить' — 8 форм, которые появляются во II, V, VI, IX эпизодах:

МБ 84. **VI. Kanka ra**, more, Halili me fjetë, hiç gjithë natën motra nuk po flen, shpejt e shpejt asht gati tu'u ba, po qet pite motra e qet kuleç;

МБ 85. **II. Ma tradhtoi**, motrën ja ka dhanë, për tri javë rogun ja ka da. Nuk vonojnë dhe **paskan ra**, n' shpinë gjogut i **paska ra**, kenka nisë n'Budinë me kthye; **IX. Odë në odë** po shkojnë tuj kja e n'oborr na **paskan ra**;

МБ 86. **IX. Dorë për dorë** na qenkan marrë, në funt të shkallës **paskan ra**;

МБ 87. **V. Dhimët** te Zoti i **paska râ**; Ne shpinë të gjokut, si **kish' pas' râ**; **IX. Kâncan marrun dora-doras** e n' fund t' shkallve **kâncan rá**.

(МБ 84. **VI. Лер**, ох, Халиль, спать, всю ночь сестра не спит, скоро готовится, и приготовила сестра лепешку и приготовила калач;

МБ 85. **II. Но он обманул**, сестру отдал, за три недели пути ее дал. Не опаздывают, и они **встали**, на коня он **сел**, отправился в Будин-град; **IX. Из комнаты в комнату** идут, плача, и во двор они **спустились**;

МБ 86. **IX. Взялись** они за руки, вниз по лестнице **спустились**;

МБ 87. **V. Помощью** Божией она его **восставила**; **Сел** на коня; **IX. Взялись** за руки и по лестнице **спустились**).

çoj 'послать/посылать, поднять/поднимать, разбудить/будить' — 8 форм, которые появляются во II, IVb, V, VI, VII, IX эпизодах:

МБ 78. **V. Halili koka çu** rej vorri. Ai koka kônë gjatar. E paska marrë zagarin e po shkoll me marrë motren n't'panë qi ja ka dhônë besen;

МБ 79. **II. Koka çue** nji mik jabanxhi;

МБ 82. **IVb. Ç'at-here** zogu a fillue, nan cop bjeshek i ka kalue, m'gur tuk vorri i **paska çue**;

МБ 85. **II. Kur** ka dalë sabah drita e bardhë, heret Halili **kenka çua**, à bà gadi n'shpi me shkua; **IVb. Fluturim** zogu **kenka çua**, n'gur të vorrit i paska shkua, Gjithsesi vorrit ja ka kallzua; **VI. Kur** n'Krali djali ja mrri, motra n'baçe à tu kja. Sa larg vllan' e paska pa! Jalla n'kejmë **kenka çua**; **VII. Atherë** motra **kenka çua**, kenkan nisë në shpi me shkua;

МБ 86. **II. Qenka çu** djali fill prej shpie, shtek të largë ke paska marrë, paska votë ke ni zotni i ranë.

(МБ 78. **V. Халиль встал** из могилы. Он был охотником. Взял свою собаку и идёт взять сестру домой повидаться, так как он ей дал клятву;

МБ 79. **II. Пошел** к другу-иноземцу;

МБ 82. **IVb. Тогда** птица полетела, девять взгорий пролетела, к могильному камню **подлетела**;

МБ 85. **II. Когда** утром рассвело, рано Халиль **встал**, приготовился ехать домой; **IVb. В полет** птица **отправилась**, к могильному камню подлетела, и из могилы его позвала; **VI. Когда** в Крали юноша пошел, сестра плакала в саду. Издалека она его увидела! Ох, на ноги она **встала**; **VII. И тогда** сестра **пошла**, отправилась домой;

МБ 86. **II.** Пошел юноша из дома, в дорогу дальнюю отправился, доехал до большого господина).

nis ‘отправиться/отправляться’, ‘начинать/начать’ — 7 форм, которые появляются во II, VI, VII эпизодах:

МБ 78. **VI.** **Paska nisë** e po kanë, qaq qi u permallue qi e nijti zagarin tu leh;

МБ 85. **II.** **Kenka nisë** n'Krali me dalë, natn e ditën n'Krali ja ka mrrri, ka zanë miq edhe kumarë. Ka zanë shokë edhe jarana. Hajt e hajt ni vjet po rrin, **Kenka nisë** n'shpi me kthye; **VII.** **Kenka nisë** n'Budinë me kthye. Kutrull kullash, kur ka dalë, vllaznit me nanë larg e kanë pa e përpara i paskan dalë e n'shtatë vorre **paskan neshë**; prej atkinet motra â ulë, vorr në vorr emnat tuj knua, n'vorr t'Halilit â ulë po rrin atherë motra kenka çua, **kenkan nisë** në shpi me shkua;

МБ 86. **II.** Ka marrë rrugën n'shpi ka shkue. Sa fort **niska** me u penue!

МБ 87. **II.** Kúr â dredhë djali ne shpi se fort **niska** m' u pendue.

(МБ 78. **VI.** Она **начала** плакать, потому что ей стало тяжело, когда она услышала лай собаки;

МБ 85. **II.** Он **отправился** в Крали, днём и ночью в Крали едет, и завел он себе там друзей и кумовьев, завел приятелей и побратимов. Вот, проходит год, **отправился** он домой; **VII.** **Отправился** он в Будин-град. Когда доехал до кул, издалека его увидели девять братьев, и навстречу вышли, и к семи (так!) могилам они **пошли**; С коня сестра сошла, на могилах их имена читает, у могилы Халилия остановилась, и сразу сестра пошла, сразу домой **отправилась**;

МБ 86. **II.** Отправился в дорогу и пошел домой. Как сильно он **стал** раскаиваться!

МБ 87. **II.** Когда вернулся парень домой, как сильно он **начал** раскаиваться).

dal ‘выйти/выходить’ — 7 форм, которые появляются во II, IVb, VI, VII, IX эпизодах:

МБ 78. **VI.** Mirë Halili ish kônë shkue me marrë motren e i **paska dalë** motra Halilit përpara; **IX.** Dor' për dore jasht **kokan dalë**;

МБ 83. **IVb.** Prit tre mujë e prit ni vit, **paska dalë** Fata në shkallë;

МБ 85. **II.** Aty m'ndodhke miku i mirë e n'prezore **paska dale**; **VI.** Kutrull kullash, kur ka dalë, vllaznit me nanë larg e kanë pa e përpara i **paskan dalë**; Jalla n'kejme kenka çua e prej baçes paska shkua, vllatë në rrugë i **paska dalë**; **IX.** Pak bjesedë janë tue bâ, motra n'prezore **paska dalë** dhe Halilit âsht tuj i thirrë.

(МБ 78. **VI.** И вот, Халилий отправился взять сестру и **вышла** сестра ему навстречу; **IX.** Взявшись за руки, **вышли** наружу;

МБ 83. **IVb.** Ждет три месяца, и ждет год, и тогда **выходит** Фата на лестницу;

МБ 85. **II.** Там он нашел доброго друга и к окну **подошел**; **VI.** Когда доехал до кул, издалека его увидели девять братьев, и навстречу **вышли**; Ох, на ноги она встала и из сада вышла, к брату на дорогу **пошла**; **IX.** Поговорили немного, сестра к окну **подошла** и Халилия позвала).

vij ‘прийти/приходить’ — 5 форм, которые появляются только во II эпизоде:

МБ 84. II. *Shkojke m'siti-tha-e u ardhke miku*; Tri javë dit-o me dit'kur u mbushen, **ardhke** vadia Fatimen m'e marrë. **Ardhke** dita s'pari për me shkue, gjith ditën Fatimja n'udhë po ruen hiç kurrkush o at'natë s'i ka shkue.

МБ 86. II. Nanëdhëtë krushq na i **paskan ardhë**, kanë ardhë nusen për me e marrë.

МБ 87. II. Nând-dhetë krushq tek **paskan ardhë**, kanë ardhë nusen për me marrë;

(МБ 84. II. Пошел сват, говорят (досл. ‘сказал/а он/а’), **пришел** друг; Когда прошло три недели, **пришел**¹³⁹ срок Фатиме взять. **Пришел** день, в который они должны были идти, весь день и всю ночь Фатиме стоит на дороге, но никто не пришел;

МБ 86. II. Девятнадцать друзей **пришли**, пришли взять невесту;

МБ 87. II. Девятнадцать друзей **пришли**, пришли взять невесту).

shkoj ‘пойти/идти, поехать/ехать’ — 5 форм, которые появляются во II, IVb, V и VI эпизодах:

МБ 81. V. Kur jan mush plot ni muej, vllau i vogël prej vorrit a çue. Fill te motra **paska shkue**;

МБ 82. II. Shtrengoj gjokun, asht fillue, nan cop bjeshk i ka kalue, bash tuk miku **paska shkue**;

МБ 84. II. *Shkojke m'siti-tha-e u ardhke miku*, At ditë vaden për s'parit p'e dajjë, fort të shkurtë, heu, vaden e kanë da;

МБ 85. IVb. Fluturim zogu kenka çua, n'gur të vorrit i **paska shkua**, gjithsesi vorrit ja ka kallzua; VI. Jalla n'kejmë kenka çua e prej baçes **paska shkua**, vllatë në rrugë i paska dalë.

(МБ 81. V. Когда прошел целый месяц, младший брат из могилы встал. Прямо к сестре он **поехал**;

МБ 82. II. Оседлал коня, отправился в дорогу, проехал девять взгорий, прямо к другу **приехал**;

МБ 84. II. **Пошел** сват, говорят (досл. ‘сказал/а он/а’), пришел друг. В этот день срок назначили, чтобы ее отдать, и такой короткий, хей, срок назначили;

МБ 85. IVb. В полет птица отправилась, к могильному камню **подлетела**, и из могилы его позвала; VI. Ох, на ноги она встала, и из сада **вышла**, к брату на дорогу пошла).

Можно предложить следующую модель для описания использования косвенных эвиденциалов в албанских версиях: чаще всего в косвенных эвиденциалах стоят глаголы, которые обозначают

¹³⁹ В болгарском и македонском материале мы не учитывали метонимические сочетания типа «пришла суббота», «пришло время», но на албанском материале видно, что даже в таких конструкциях глагол движения может подчиняться общей тенденции и быть маркированным.

наиболее важные с точки зрения сюжета события: путь героев (глаголы движения: *bie, çoj, nis, dal, vij*), акт речи героев как сообщение важной информации (*them*), особо — в финале — прикосновение матери и дочери друг к другу (*marr* в таких сочетаниях, как *marr doradoras* ‘взяться за руки’, *marr gryka-grykas* ‘обняться’, досл. ‘взять горло за горло’). То есть, в албанских версиях и глаголы движения, и глаголы речи могут выделяться при помощи косвенных эвиденциалов.

Как уже было сказано, нам неизвестны специальные исследования по взаимодействию эвиденциальности с лексико-семантическими полями в балканских языках, хотя в отдельных работах или учебных пособиях можно встретить указания на отдельные глаголы, которые при определенных условиях чаще всего употребляются в форме косвенного эвиденциала (прежде всего глагол ‘заснуть’). А. Айхенвальд (Aikhenvald 2004: 324–331) дает типологический обзор проблемы, из которого можно заключить, что балканославянские языки не одиноки с этой своей особенностью: в языках мира особое взаимодействие с грамматическим эвиденциальным маркированием наблюдается у тех глаголов, в семантике которых содержится эвиденциальный компонент, как в качестве основного значения, ср. глаголы ‘почувствовать себя’, ‘испытывать боль’, ‘слышать’ и их связь с эндофориками или аудитивностью, так и в качестве одного из семантических компонентов (глагол ‘спать’ включает в свое значение, среди прочего, ‘не воспринимать в полной мере информацию из внешнего мира’)¹⁴⁰.

Эвиденциальное маркирование в словесных формулах

Под словесными формулами понимаются устойчивые клишированные конструкции в текстах «Баллады...». К ним относятся прежде всего зачин и конечная формула «Они обнялись живыми и отпустили друг друга мертвыми», а также ряд конструкций внутри текста.

Отдельная и интересная проблема — маркирование зачина. В болгарских и македонских текстах можно выделить шесть видов зачина. Здесь и далее дается инвариант в переводе на русский язык; в примерах словесные формулы выделены курсивом:

¹⁴⁰ Однако те группы глаголов, в семантике которых эвиденциальный компонент не содержится, А. Айхенвальд не рассматривает. Например, она ничего не говорит о глаголах движения.

1. «Было у матери, было...» (= досл. «Имела мать, имела...» — 31 версия, только болгарские: МБ 18—МБ 48).

2. «Где это слыхано, где это видано, чтобы у женщины три раза подряд рождалась тройня...» (4 версии, только болгарские: МБ 3—МБ 5; МБ 56).

3. «Захотели...» (7 версий, болгарские: МБ 13—МБ 17; македонские: МБ 72—МБ 73).

4. «Кормила мама, хранила...» (4 версии, только болгарские: МБ 57—МБ 60).

5. «Родила мать девять сыновей...» (2 версии, только болгарские: МБ 54—МБ 55).

6. «Хорошо той матери...» (3, только македонские: МБ 62—МБ 63; МБ 71).

7. «Яну мама далеко выдает...» (6 версий, болгарские: МБ 49, МБ 51—МБ 52; МБ 61; македонские: МБ 65—МБ 66).

Из перечисленных вариантов зачина только косвенные эвиденциалы используются в (1), (2), (4); в (3) используются как прямые, так и косвенные эвиденциалы; в (5) — только прямые эвиденциалы; в (7) — нейтральные формы.

Такое избирательное маркирование, возможно, связано с тем, как трактуется зачин — помещается ли он внутрь пространства текста или воспринимается как часть его внешнего обрамления. Нельзя еще раз не упомянуть об амбивалентности границы; широко известная метафора двери и окон дома, одной стороной обращенных внутрь, а другой — наружу, как нельзя более актуальна. Будучи границей, зачин нуждается в особом маркировании на лингвистическом уровне, и эту роль выполняют косвенные эвиденциалы.

С другой стороны, зачин может включаться и внутрь пространства текста. Тогда он начинает подчиняться правилам, действующим внутри текста, и здесь мы встречаем как прямые, так и косвенные эвиденциалы. В этом случае зачин уже нельзя отделять от текста.

* * *

Внутри текстов баллад мы находим несколько формульных конструкций, из которых рассмотрим одну, самую характерную — «Шли они, шли...» (часто с добавлением: и пришли, и дошли, и остановились и т.п.). Уже говорилось о глаголах движения, которые могут маркироваться при помощи косвенных эвиденциалов.

Словесная формула *вървели, що са вървели, па стигнали* ‘шли, сколько шли, и дошли до...’ представляет конструкцию с плеоназмом глаголов движения. Такая конструкция-формула встречается в 32 болгарских текстах «Баллады...», в некоторых по несколько раз¹⁴¹. Отметим, что во всех без исключения версиях эта формула используется только в эпизодах VI–VIII, при этом с наибольшей частотой в VII, где описывается путь брата и сестры домой и приметы смерти. Она непосредственно связана с внутренним членением текста, поскольку каждый раз вводит новый эпизод или делит эпизоды на более мелкие части, например, разделяет разные приметы смерти, ср. МБ 58:

90	Петкана са много зарадва
и си на конче възседна,
и са за село тръгнаха.
<i>Вървели, що са вървели,</i>
стигнали гора зелена,
сред гора студен кладенец,
седнали да си починат,
студена вода да пият.
Славейче в гора запяло:
— Де се е чуло, видяло
жив човек с мъртъв да ходи!
<...>
<i>Вървели, що са вървели,</i>
стигнали поле широко,
сички са ниви оженати,
само техните непоженати.
<...>
<i>Вървели, що са вървели,</i>
когат до ливади стигнали,
сички ливади косени,
само техните непокосени. | Петкана очень обрадовалась
и на коня села,
и они отправились в село.
Ехали они, ехали,
доехали до зеленого леса,
посреди леса холодный колодец,
сели отдохнуть,
холодной воды испить.
Соловей в лесу запел:
— Где это видано, где это слыхано,
чтобы живой человек ездил с мертвым!
<...>
Ехали они, ехали,
доехали до широкого поля,
все посева сжаты,
только их посева не сжаты.
<...>
Ехали они, ехали,
когда доехали до лугов,
все луга покосены,
только их луга не покосены. |
|----|---|---|

¹⁴¹ Ради экономии места ограничимся указанием индексов версий: МБ 2, МБ 4, МБ 5, МБ 9, МБ 10–МБ 14, МБ 16, МБ 18, МБ 19, МБ 22, МБ 23, МБ 27, МБ 28, МБ 30, МБ 31, МБ 33, МБ 34, МБ 36, МБ 38, МБ 41–МБ 43, МБ 46, МБ 48, МБ 55, МБ 57–МБ 60.

<...>

Формула маркируется при помощи E_v^- по преимуществу: только в двух случаях в ней используется E_v^+ (МБ 10 и МБ 19), впрочем, в этих двух версиях прямые эвиденциалы в принципе используются гораздо чаще, чем косвенные (в МБ 10 — в четыре раза; в МБ 19 — в девять раз). Мы считаем, что эту формулу следует связать с глаголами движения, которые, как мы показали, маркируются при помощи косвенных эвиденциалов, что связано с особой ролью пути в структуре текста «Баллады...».

В балканославянских версиях «Баллады...» можно выделить еще несколько формул, которые мы не будем рассматривать в настоящей книге¹⁴²; обращение к ним потребовало бы статистических обследований обширного массива фольклорных текстов с самыми разными сюжетами — использование клише не ограничивается только одним текстом, в данном случае «Балладой о мертвом брате», они имеют жанровый и межжанровый характер и могут использоваться и в других мифологических балладах, и не только в мифологических: они встречаются и в других жанрах, например в исторических песнях.

* * *

В 45 из исследуемых болгарских песен (напомним, что их всего 61), т.е. в 75%, конечная фраза «Они обнялись живыми и отпустили друг друга мертвыми» построена только на косвенных эвиденциалах (в конечных фразах еще 12 песен¹⁴³ в концовке используются только прямые эвиденциалы, а в четырех песнях — как прямые, так

¹⁴² «Где сидел Господь, что он слышал это...» (МБ 5, МБ 14, МБ 25, МБ 26, МБ 33, МБ 39, МБ 46, МБ 58, МБ 59), «И Господь послушал...» (МБ 20, МБ 29, МБ 32), «Бог сжалился...» (МБ 4, МБ 7, МБ 14, МБ 15, МБ 21, МБ 37, МБ 50–МБ 54, МБ 60, МБ 61), «Бог смилостивился...» (болгарские: МБ 2, МБ 3, МБ 5–МБ 8, МБ 11, МБ 12, МБ 15, МБ 17, МБ 18, МБ 22, МБ 23, МБ 28, МБ 30, МБ 35–37, МБ 40–МБ 45, МБ 47, МБ 48, МБ 52–МБ 55, МБ 57; македонские: МБ 64, МБ 66, МБ 67, МБ 68, МБ 70–МБ 75); «Когда вышла сестра, вошла чума...» (болгарские: МБ 4–10, МБ 12–17, МБ 20, МБ 22–29, МБ 35, МБ 36, МБ 39, МБ 42, МБ 44–47, МБ 49, МБ 50, МБ 53, МБ 56, МБ 58, МБ 61; македонские: МБ 67, МБ 72, МБ 73).

¹⁴³ МБ 8, МБ 15, МБ 16, МБ 19, МБ 21, МБ 28, МБ 29, МБ 34, МБ 39, МБ 46, МБ 51, МБ 52.

и косвенные¹⁴⁴). Такая же ситуация в македонских песнях: большинство финалов (в 11 песнях) построено на косвенных эвиденциалах, а меньшая часть — на прямых (в 3 версиях).

Следовательно, формы *E_v* маркируют большинство финальных предложений балканославянских версий. Как толковать те случаи, когда в финальных предложениях всё же появляются прямые эвиденциалы? Отметим, что ареального объяснения не позволяет предложить анализ географической дистрибуции: версии с маркированными как при помощи прямых, так и при помощи косвенных эвиденциалов финалами зарегистрированы в самых разных пунктах болгарской и македонской территории.

Возможно, объяснять такое распределение следует субъективным решением авторов. Использование прямых/косвенных эвиденциалов служит признаком того, что финал соответственно или не отделяется от основной части текста, или отделяется от него.

В доступных нам албанских текстах исключительно мало словесных формул. Единственная из них, в которой есть косвенные эвиденциалы, используется как концовка:

«Они обнялись и на могиле брата умерли»¹⁴⁵ (4 раза): МБ 82. *Ngryka ngryka nân e bij kan dek*; МБ 83. *Edhe n'grikë nana e ka marrë. E shehit Zoti i ka lanë!*; МБ 86. *N'grika-n'grika qanë marrë, në vorr t'Halilit dekun ranë*; МБ 87. *Ngryka-ngrykas kânkan marrë: N' vorr t'Halilit dekun rân!* (МБ 82. *Обнявшись, мать и дочь умерли*; МБ 83. *И обняла ее мать, и чудо Господь сотворил!*; МБ 86. *Они обнялись и на могиле Халиля умерли*; МБ 87: *Они обнялись и на могиле Халиля упали мертвыми!*).

К сожалению, этого материала слишком мало, чтобы сделать какие-либо выводы об использовании косвенных эвиденциалов в словесных формулах в албанских версиях «Баллады...», однако, на наш взгляд, показательно, что косвенные эвиденциалы зарегистрированы в формуле, которая частично совпадает с балканославянской.

¹⁴⁴ МБ 11, МБ 32, МБ 35, МБ 38.

¹⁴⁵ В значении «обняться» используется не нейтральный глагол *përqafoj*, а экспрессивный диалектный фразеологизм *marr gryka-grykas* 'взять горло к горлу'.

4.2. Эвиденциальное маркирование на уровне текста

Эвиденциальность и нарративная перспектива в фольклорном тексте

Предложенная Г. Филдер интерпретация употребления прямых и косвенных эвиденциалов в болгарских и македонских текстах с точки зрения нарративной перспективы может быть применена и к некоторым албанским текстам. В трех из анализируемых албанских песен (МБ 85–87) использование косвенных эвиденциалов происходит исключительно в рамках оппозиции первый план / фон¹⁴⁶ (foreground/background). Покажем это на материале МБ 86 и МБ 87. Полный текст с русским переводом приведен в приложении, поэтому здесь примеры приводятся только на албанском языке. Сюжет песен различается только во второстепенных деталях и достаточно близко подходит к теоретико-множественной сумме вариантов:

- I. **Экспозиция и введение персонажей:** братья дают клятву никогда не отдавать сестру замуж, а оставить ее при себе.
- II. **Сватовство и свадьба:** Халиль Гаррия приходит в гости к «большому господину» (*zotni i ranë / zotni ma i rëndi*), который убеждает Халиля выдать сестру за него замуж. Халиль дает сестре клятву, что через девять дней он придет ее проведать и через девять недель возьмет навестить родной дом.
- III. **Смерть братьев:** Девятнадцать дружек, которые забирают сестру, приносят с собой белую оспу (*paskan pasë të bardhën li*), и все братья умирают. Через девять дней сестра призывает птицу и просит ее напомнить брату о клятве. Через семь лет птица находит Халиля в могиле и исполняет поручение.
- V. **Восстание из гроба:** Брат встает из гроба, едет на коне к сестре.
- VI. **Встреча с сестрой:** При встрече сестра предлагает ему хлеба и кофе, но он отказывается и они отправляются в дорогу.
- VII. **Дорога домой. Приметы смерти: слова птиц, могильный запах и др.:** По дороге сестра спрашивает, почему от него пахнет землей (ответ: братья вдвоем строили девять дворцов, и поэтому от Халиля пахнет землей), просит сыграть на флейте

¹⁴⁶ Впрочем, среди болгарских и македонских версий «Баллады...» мы не нашли ни одного текста, где оппозиция Ev⁺/Ev⁻ использовалась бы только для противопоставления первого плана и фона.

(ответ: он играл на девяти свадьбах и у него устал язык), в МБ 87 есть эпизод с разговором птиц («Что за чудо мы сегодня видим? Едут живая и мертвый!», что брат комментирует следующим образом: «Поедем, сестра, убей тебя Бог за то, что ты слушаешь горных птиц! Будешь слушать горных птиц, будем ехать домой три года»). Затем с вершины холма сестра видит, что дома в деревне пришли в упадок, и спрашивает, почему это произошло. Брат объясняет, что на девяти свадьбах братья стреляли из ружей, и поэтому стены домов повреждены. Далее по дороге они видят «девять белых могил» (*nanë vorre t'bardha / nändë vorre t'bardha*), и брат объясняет, что это могилы их девяти работников.

VIII. Исчезновение брата: Недалеко от дома брат говорит, что дал слово одному человеку и просит сестру идти дальше.

IX. Встреча матери и дочери и их смерть: Девушка видит мать, которая плачет у входа. Та рассказывает, что ее сыновей унесла оспа и спрашивает, с кем приехала дочь. «С Халилем» — «Э, дочь, убей тебя Бог! Ведь Халиль мертв». Мать и дочь, взявшись за руки, идут на могилу Халиля и видят, что его там нет, и только его рука торчит из-под земли (*veç krahin jashhtë e ka shtie/veç se krahin jashhtë ká shtí*). Они обнимаются и умирают.

Всего в МБ 86 используется 73, а в МБ 87 — 80 глагольных форм (схема 4.2).

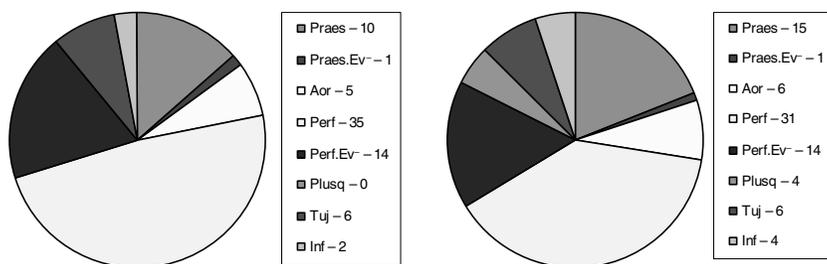

Схема 4.2. Глагольные формы в МБ 86 и МБ 87

Большинство глагольных форм в версиях — перфект, на втором месте — косвенные эвиденциалы (как *PERF.EV-* — в большинстве случаев, так и *PRAES.EV-*). При этом в одном и том же месте в МБ 86 и МБ 87 могут использоваться разные формы, ср.:

МБ 86	МБ 87
Dhimit ke zoti si i ka ranë ^{PERF} (35)... N'jat'herë djali del ^{PRAES} (36) prej vorrit, na i ka ranë ^{PERF} (37) gjogut në shpinë.	Dhimët te Zoti i paska rã ^{PERF:Ev-} (35): <...> Qat-herë djali ã' dalë ^{PERF} (36) prej vorrit. Ne shpinë të gjokut, si kish' pas' rã ^{PLUSQ} (37).

Перфекту (МБ 86: 35)¹⁴⁷ и (МБ 86: 37) соответствует PERF.EV⁻ (МБ 87: 35) и (МБ 87: 37), а настоящему времени (МБ 86: 36) — перфект (МБ 87: 36).

Это приводит к заключению, что обычные правила употребления глагольных форм (в примерах мы видели аорист, перфект и PERF.EV⁻, но к этому можно добавить также с оговорками настоящее историческое) в рассматриваемых текстах не работают или, по крайней мере, не являются определяющими. Следует искать другие закономерности, и, как кажется, плодотворным явится обращение к дискурсивному анализу текста (подробнее см. в начале главы). Определим дискурсивный статус глагольных форм sub specie оппозиции FORE/BACK (размеченные тексты песен см. в приложении), а затем рассмотрим их дистрибуцию.

При определении того, какие глагольные формы относятся к *первому плану*, а какие к *фону*, учитывались только однозначные случаи, а все колебания оговаривались (они отмечены вопросительным знаком). Далее предлагается обзор форм (сначала косвенные эвиденциалы, затем нейтральные формы: настоящее, аорист, перфект, плюсквамперфект; затем инфинитив и деепричастные формы с *tuj/tue*)¹⁴⁸.

Косвенные эвиденциалы. В большинстве случаев используется PERF.EV⁻, зарегистрирована также одна форма PRAES.EV⁻ (МБ 86 и МБ 87: 14–15 «Sa fort **niska**^{FORE} me u penue^{BACK!} / se fort **niska**^{FORE} m' u pendue^{BACK}»)¹⁴⁹. Формы (МБ 87: 7a «Fjalë burrnijet më **paskan folë**^{FORE}») и (МБ 86 и МБ 87: 20 «Nanëdhëtë krushq tanë kalori, **paskan pasë**^{FORE?} të bardhën li / Nând-dhetë vetë, të tânë kalori: **paskan pasë**^{FORE?} të bardhën lí...») требуют отдельного комментария: (МБ 87: 7a), хотя и относится, судя по всему, к продолжительному действию (которое обычно является фоном для одномоментных действий), но секвентно по отношению к (МБ 87: 6–7 «I **ã' dhânë**^{FORE} djalit mrendë me hî^{BACK}»).

¹⁴⁷ Вторая цифра в скобках — порядковый номер формы в песне.

¹⁴⁸ Косая черта разделяет идентичные примеры из МБ 86 и МБ 87.

¹⁴⁹ В данной перспективе противопоставление форм EV⁻ по времени представляется несущественным, но это требует дальнейшего исследования.

Форма (МБ 86 и МБ 87: 20) не секвентна по отношению к (МБ 86 и МБ 87: 18–19 «**kanë ardhë**^{FORE} nusen rëg me e matë^{BACK} / **kan ardhë**^{FORE} nusen rëg me matë^{BACK}»), однако она вводит новый факт, который не только получает развитие в (МБ 86 и МБ 87: 21 «Pse t' nanë vllaznet lla i **ka met**^{FORE} / Se të nândë vllaznit lija i **mbyti**^{FORE}»), но и является определяющим для сюжета баллады. Следовательно, и эти две формы относятся к первому плану.

Настоящее историческое. Абсолютное большинство форм настоящего исторического времени относится к первому плану. Форма (МБ 86 и МБ 87: 25 «**kundron**^{FORE?} motra rrugën s'largut / **kundron**^{FORE?} motra rrugën s'largut») существенна для развития сюжета, она секвентна по отношению к предыдущим формам, и ее, скорее всего, также следует причислить к первому плану. Форма (МБ 86 и МБ 87: 26 «As kurrxha **nuk shef**^{BACK} me sy / por kurrkend **s'po dën**^{BACK} me sy»), скорее всего, принадлежит фону (отсутствует секвентность, нарратив не движется вперед). Впрочем, эта форма пока не может считаться показательной для анализа, поскольку она является отрицательной, что ставит сразу ряд вопросов (например, может ли неосуществленное действие рассматриваться в рамках оппозиции первый план / фон, или следует ввести дополнительные критерии?).

Аорист. Аорист встречается четыре раза в МБ 86 и пять раз в МБ 87. В большинстве случаев он относится к первому плану, за исключением двух употреблений. Форма (МБ 86: 33 «Kur e **gjet**^{BACK} në vorr Halilin») включена в придаточное предложение с союзом kur 'когда', что понижает ее дискурсивный статус (об этом см. выше), и потому она принадлежит к фону. Форма (МБ 87: 49 «Qi **po dolin**^{FORE?} m' nji lak kodre!») принадлежит к первому плану. Хотя она и употреблена в придаточном предложении с подчинительным союзом (литературное албанское që 'что'), что должно было бы понизить ее дискурсивный статус, как это и происходит в (МБ 86: 33) но в этом случае союз вводит новое событие (ср. русск. 'И вот...').

Перфект. Употребление перфектных форм распадается на две группы. Большая часть (всего 26 форм в МБ 86; 20 в МБ 87) принадлежит первому плану, а меньшая (всего 8 форм в МБ 86; 9 в МБ 87) — фону. Все фоновые формы перфекта используются после союзов, в составе придаточных предложений, что является способом понижения дискурсивного статуса. В большинстве случаев это временной союз kur 'когда', но одна форма (МБ 86 и МБ 87: 69 «veç krahin jashtë

е **ka shtie**^{BACK?} / *Veç se krahin jashtë **ká shtí**^{BACK?}») встретилась и после наречия *veç* ‘только’, выступающего в роли союзного слова, причем ее временное отношение к событиям, описанным перед этим, а следовательно, и дискурсивный статус, нельзя установить точно.*

Плюсквамперфект. Плюсквамперфект использован только четыре раза и только в одной версии (МБ 87: 28а–28с «Por n' at natë qi **ki' n ardhë**^{BACK} krushqit, shtat sahat motrën e **ki' n përcjellë**^{BACK}, kúr **ki' n kthye**^{BACK} n' oborr t' sarajit, të nândë vllaznit vrán shoshojn»; МБ 87: 37: «Qat-herë djali â' dalë prej vorrit, ne shpinë të gjokut, si **kish' pas' rá**^{FORE}»). В МБ 87: 28а–28с плюсквамперфект употреблен в своем обычном значении «действие, предшествовавшее ориентационному моменту в прошлом» и обозначает только действия фона. В МБ 87: 37 плюсквамперфект заменяет перфект/аорист: это секвентное действие («сначала он вышел из гроба, а уже потом сел на коня»), и его следует отнести к первому плану. В грамматике О. Бухholz и В. Фидлера такие случаи называются «плюсквамперфект со снятой двойной временной ориентацией» («Plq... ohne das Moment der Doppelzeitigkeit» — Buchholz, Fiedler 1987: 132).

Инфинитив. Все формы инфинитива относятся к фону, например (МБ 86 и МБ 87: 23 «Askurrxha motra **me e ditë**^{BACK} / as kurgjâ motra **me dijtë**^{BACK}»).

*Деепричастные формы с *tuj/tue*.* Все эти формы также относятся к фону, но статус одной из них (МБ 86 и МБ 87: 38 «Nanë ditë lark **tuj shtegtue**^{BACK?} / Nândë dit udhë larg **tue shtegtue**^{BACK?}») требует оговорки. Это секвентное действие, но акцент в предложении, как кажется, перенесен на следующую форму (МБ 86 и МБ 87: 39 «fill ke motra na **ka shkue**^{FORE} / po i **del**^{FORE} para, tue ngâ, e motra»): более существенно не то, что брат ехал именно 9 дней (мифологии числа 9 мы в данном случае не касаемся), а то, что он в итоге доехал до сестры. Поэтому (МБ 86 и МБ 87: 38) мы также относим к фону.

Таким образом, в рассматриваемых двух текстах глагольные формы связаны с оппозицией первый план / фон следующим образом:

- Косвенные эвиденциалы — только первый план.
- Настоящее историческое — прежде всего первый план.
- Аорист — прежде всего первый план, в придаточных предложениях фон.
- Перфект — первый план, в придаточных предложениях фон.
- Имперфект, инфинитив, плюсквамперфект и деепричастные формы с *tuj/tue* — только фон.

Мы бы предложили считать перфект и аорист немаркированными формами по отношению к оппозиции первый план / фон. Тогда косвенные эвиденциалы и настоящее историческое будут маркировать первый план, а имперфект, инфинитив и деепричастные формы с *tuj/tue* — фон.

В одном и том же эпизоде в МБ 86 и МБ 87 могут употребляться разные формы: и аорист, и настоящее время, и перфект и т.д. Отметим один показательный случай (МБ 87: 49 «**Qi po dolin**^{FORE?} m' nji lak kodre!») использована форма аориста, а в (МБ 86: 49 «Kur **kanë dalë**^{BACK} në ni lak kodër») — перфекта. Эти же две формы противопоставлены с точки зрения дискурсивного статуса: аорист в (МБ 87: 49) принадлежит к первому плану, а перфект в (МБ 86: 49) к фону (о чём см. выше). Таким образом, аористу в первом плане в одном тексте соответствует перфект в фоне в другом тексте. Возможно, что аорист имеет более высокий дискурсивный статус, чем перфект. Не исключено, что другие соответствия (например настоящего аористу) также связаны с дискурсивными факторами. Однако для такого вывода необходимо больше материала.

В МБ 87 в перечислении примет можно усмотреть смысловую градацию, выраженную с помощью глагольных форм, о чём хотелось бы сказать подробнее. В этой версии всего пять примет:

1. Запах плесени от брата (МБ 87: 44–45 «**Kúr kan shkue**^{BACK} der' m' nji shêj vendit, na i **tha**^{FORE} motra të vllá't, Halilit: "Era dhé, bre vllá, po t' vjen?!"»);
2. Его отказ играть на свирели, с которой он никогда не расставался (МБ 87: 46–48 «**Kúr kan shkue**^{BACK} pak ma përtëj, "Bjeri fyellit, vllá!" — i **ká thânë**^{FORE}. — Нес, mo'j motër!— djali i **ká thânë**^{FORE}: ["]se nândë vllazën, qi kém kânë; se nândë fej, qi kemi pasë; të nândve s'bashkut na u kém rá; të gjithve gjuha copa â' bâl["]»);
3. Слова птиц (МБ 87: 48a–48b «**Ç' po kuvendin**^{FORE} dy zogj malit! "Me nji çudë, qi sot po shofin! Shkon i gjalli udhës me të deknin...["] "Ndiej, more vllá!" — motra **po i thotë**^{FORE}: "Shka kuvendin zo'jt e malit?!"»);
4. Вид разрушенных домов (МБ 87: 49–50 «**Qi po dolin**^{FORE?} m' nji lak kodre! Na i **ká pã**^{FORE} sarajet e veta: të gjitha zí edhë vrugë»);
5. Девять могил на вершине холма (МБ 87: 53–55 «**Paskan hipun**^{FORE} prap m' nji kodër, **paskan pã**^{FORE} nândë vorre t' bardha; sá trishtim motra **ká marrë**^{FORE!}»).

В МБ 86 набор примет почти совпадает (кроме разговора птиц, который там отсутствует), однако языковое оформление переходов

между приметами в МБ 86 и МБ 87 различается. Если в МБ 86 каждая примета вводится формой перфекта: *Kur kanë dalë* (= *Kur kanë vot*), то в МБ 87 четвертая примета вводится формой аориста (МБ 87: 49 «**po dolin**^{FORE?}»), а пятая — формой ЕV перфекта (МБ 87: 53 «**paskan hipun**^{FORE}»). Соответственно, в МБ 87 четвертой и пятой приметам придается более высокий дискурсивный статус.

Таким образом, косвенные эвиденциалы и близкие к ним перфектные формы в МБ 86 и МБ 87 используются как дискурсивное средство для выделения первого плана. В болгарских и македонских версиях мы не нашли такого использования косвенных эвиденциалов, но их дискурсивное употребление описано на материале текстов художественной литературы и диалектных меморатов (см. указанные выше работы Г. Филдер).

Начало, конец текста и стыки между эпизодами

Анализ употребления форм с точки зрения нарративной перспективы позволяет выделить новые функции эвиденциалов, но, как нам представляется, это описание также не может учесть всех случаев употреблений. Особенность этого метода анализа состоит в том, что статус формы определяется по отношению к окружающим формам. Это подобно невматической системе музыкальной записи (в балканских реалиях — системе записи «восточного» или «византийского» пения), когда каждому звуку в данной партитуре сопоставлено не абсолютное музыкальное значение, а относительное (звукоступень, мелодический ход). Абсолютной («западноевропейской нотной») системе записи соответствуют опыты грамматистов по описанию системы форм и их соотношения друг с другом на основании изолированных примеров: это позволяет создать ряд эталонов-камертонов, а случаи использования форм, не соответствующие этим эталонам, воспринимаются как несистемные («фальшивые звуки»). Как показывает опыт этномузыкологов, иногда традиционные системы записи могут соответствовать звучанию вернее, чем западноевропейская нотация (например, в Греции в публикациях музыкального фольклора тексты часто даются в двух видах нотации: «византийской» и западноевропейской нотной записи) — точно также дискурсивная интерпретация позволяет объяснить некоторые употребления форм, не получившие должной интерпретации в академической грамматике.

Позволим себе сделать еще один шаг в развитие этой аналогии. В абсолютной системе музыкальной записи каждому «идеальному» звуку соответствует свой символ (= положение нотного знака на стане, его начертание, дополнительные знаки, указывающие на динамику, длительность, альтерации и т.д.). Но музыкальное произведение делится и на части, ясно опознаваемые на слух, даже если у вас перед глазами нет партитуры. Узнаваемость разных частей музыкального произведения проистекает из совокупности признаков. Точно так же и в рассматриваемых в настоящей главе мифологических балладах разные части текста узнаваемы — и не только с точки зрения места.

Мы считаем, что в рассматриваемых балладах с семиотической точки зрения наиболее выделены следующие части: начало, конец, границы/стыки между сюжетными эпизодами.

Начало текста во многих традициях выделяется особым образом. Мы уже упоминали, что албанский зачин *qenka mos na qenka* (с косвенным эвиденциалом) известен на значительной части албаноязычной территории, даже там, где эвиденциальность не грамматикализована. В болгарских сказках традиционно используются зачины *Било едно време... / Имало някога... / Живеели някога...* («Было время / Было однажды... / Жили когда-то»), а в македонских *Си биле...* («Были "себе"...» с возвратным местоимением в *dat. eth.*), также с косвенными эвиденциалами. Эти формы отделяют сферу повседневной речи, предваряющую и последующую мифологической балладе от сферы фольклорного дискурса.

При взгляде же изнутри баллады *начало* и *конец* — две стороны одного *целого* (Арутюнова 2002: 10); в некотором роде начало и конец — это одно и то же: «В бесконечном и безначальном движении времени концы оборачиваются началами, восходящими к одному Началу, а начала — концами, сходящимися в одном Конце» (Там же, 3). Начало открывает текст, а конец закрывает, возвращая слушателей в реальный мир и соответствующий ему дискурс. Таким образом, между началом и концом текста ожидается некоторый изоморфизм на уровне языка. Выше мы рассматривали словесные формулы, которые используются в начале и конце текста (зачин и концовку). Было показано, что косвенные эвиденциалы имеют тенденцию употребляться в конце текста, что мы интерпретировали как маркирование конца. Маркирование в зачине, как мы показали, зависит от его формулы и фиксировано в рамках некоторых зачинов.

Колебание между прямыми/косвенными эвиденциалами в концовке мы попытались объяснить тем, что конец текста может как относиться к основному тексту, так и отделяться от него: в первом случае употребление форм будет подчиняться правилам, применяемым в тексте; во втором случае концовка маркируется при помощи косвенных эвиденциалов. Но каковы правила распределения форм внутри текста?

Рассмотренные в предыдущих главах и разделах «эталонные» значения, выделяемые у прямых/косвенных эвиденциалов, позволяют объяснить значительную долю употреблений — помимо фольклорных текстов. Снятие проблемы вспомогательного глагола в третьем лице *л*-форм в болгарском языке помогает разрешить проблему использования «разных» форм (фактически отличающихся только наличием/отсутствием связки) в одном контексте. Введение в систему правил употребления прямых/косвенных эвиденциалов нарративной перспективы объясняет еще какую-то часть примеров. И всё же остается довольно внушительная группа случаев, которым пока не нашлось объяснения.

Для того чтобы предложить опыт такого объяснения, обратимся к прозаическому болгарскому переводу албанской версии «Баллады...», выполненному К. Шапкаревым¹⁵⁰ (албанский текст — МБ 80, перевод на русский см. в приложении). Фрагмент баллады с несколькими примерами, которые не подчиняются делению на первый план / фон приводится ниже. Прямая речь и нейтральные формы не учитываются. Противоречащие дихотомии первый план / фон формы отмечены подчеркиванием:

Болгарский

- 4.5. *А тя му каза^{Fore} (93); "Бъгай (94) отъ тука, невидгънику: кждѣ е (95) Тодия? — далече три мѣсеци и три дни, задъ чърното море!" Петелтът и мачката направили^{Back} (96) сѣщото, както и кучето. А пакъ тя все туку кълнеше^{Back} (97): "Да се не видишь (98), Костадине мой, отъ кръсникъ и отъ кръсница, що ми омѣжи (99) Тодия далече три мѣсеци и три дни, задъ чърното море далечъ!" По това време дошла^{Fore} (100) Тодия и почукала^{Fore} (101) на портата. Бабата излъзла^{Fore} (102) на портата и взели^{Fore} (103) да се прегръщатъ (104) и умргъли^{Fore} (105) и двѣтът, тя отъ вѣтрѣ, а Тодия, отъ вѣнка.*

¹⁵⁰ Некоторые положения данного раздела представлены в работе (Makartsev 2010: 75–111). Отметим, что несмотря на то, что речь идет о переводе, албанский оригинал не мог повлиять на употребление свидетельских и несвидетельских форм в переводе, поскольку в оригинале нет ни одной несвидетельской формы.

А она ей говорит (93): “Вон отсюда, проклятая! Где Тодия — далеко, за три месяца и три дня пути, за черным морем”. Петух и кошка сделали (96) то же самое, что и собака. А она всё так же проклинала (97): “Чтоб тебе не видеть (98), Костадин, крестника и крестницу, что ты мою Тодию выдал замуж (99) за три месяца и три дня пути, за черное море, далеко!” В это время пришла (100) Тодия и постучала (101) в ворота. Баба вышла (102) к воротам и стали (103) они обниматься (104), и обе умерли (105), она внутри, а Тодия снаружи.

Представляется, что формы (100–103) и (105) не подчиняются критериям отнесения к первому плану/фону. Предшествующая (100) форма первого плана — аорист (93), а непосредственно перед (100) (если не принимать во внимание прямую речь в (98–99) стоит имперфект, относящийся к фону (97). Таким образом, здесь форма, относящаяся к фону, находится выше по шкале, чем формы первого плана. Следовательно, необходимо предложить дополнительное правило.

Это возможно сделать на примере того же перевода. Ограничимся только прямыми и косвенными эвиденциалами, исключив нейтральные и прямую речь. Всего в версии 63 таких формы. Из них 13 косвенных эвиденциалов, а остальные 50 — прямые. На схеме 4.3 показан процент форм для каждой из частей текста.

На схеме показано, что в переводе Шапкарева в основном использованы прямые эвиденциалы. Единственная часть, в которой используются исключительно косвенные эвиденциалы — развязка (X).

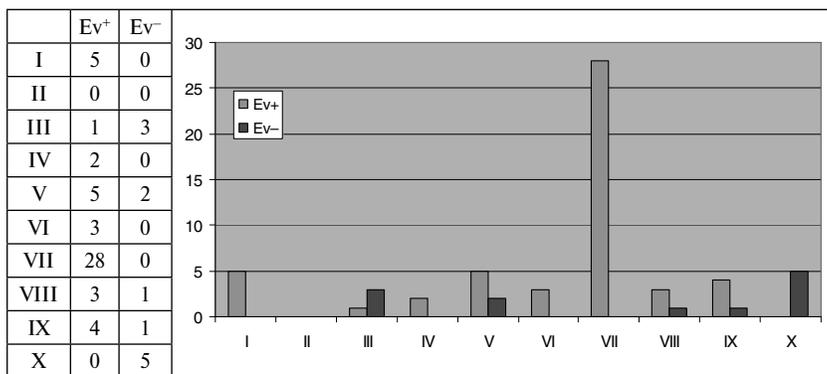

Схема 4.3. Использование прямых и косвенных эвиденциалов в переводе Шапкарева¹⁵¹

¹⁵¹ Римские цифры обозначают эпизоды текста по схеме, принятой в настоящей работе.

Поскольку основными формами нарратива являются прямые эвиденциалы, каждое переключение между прямыми и косвенными эвиденциалами можно считать семиотически значимым: место эпизодов в рамках структуры текста, среди прочего, задается и через маркирование их границ-стыков; границы между эпизодами иконически отражают границу между говорящим и пространством текста; характер эвиденциалов (прямые/косвенные) в рамках эпизодов указывает на малую/большую дистанцию, которую говорящий занимает по отношению к событиям, о которых рассказывает. Здесь используется следующая черта эвиденциальности: она не должна маркировать все формы, но может присутствовать в тексте через серию включений, становясь таким образом «категорией текста» (Ницолова 2007: 191).

Рассмотрим такие включения в переводе Шапкарева более подробно. В первый раз косвенный эвиденциал появляется в (10) («*Щомъ я омжжва* (9) и *той умръль* (10)» досл. ‘Как только он выдает ее замуж (9), <то и> и умер (10)’) и вводит еще два косвенных эвиденциала, *умръли* (11) ‘умерли’ и *закопали* (12) ‘закопали’, за которыми следует имперфект *погръбоха* (13) ‘погребли’. Следующее включение косвенных эвиденциалов — в описании метаморфоз мертвого брата («*Костадинъ, щомъ стангълъ* (23) *отъ гробътъ, сандъкътъ му станжлъ* (24) *на конь, а чаршафътъ му, на чулъ на коня*» ‘Когда Костадин встал (23) из гроба, его гроб стал (24) конем, а его саван конской попоной’). До и после этого эпизода используются прямые эвиденциалы. Далее косвенные эвиденциалы появляются в эпизоде VIII (Исчезновение брата): «*Като приближилъ* (80) *до кжцата*» ‘Когда он приблизился (80) к дому’. Затем одна форма появляется в предложении «*Петельтъ и мачката направили* (96) *сжщото, както и кучето*» ‘Петух и кошка сделали (96) то же самое, что и собака’, после которого вся развязка «Баллады...» идет в косвенных эвиденциалах: (100–103) и (105). Таким образом, в тексте косвенные эвиденциалы отмечают следующие точки:

- неожиданное событие, которое двигает рассказ вперед (10);
- «развернутое изложение» (*complicating action* в терминах, используемых в Labov, Waletzky 1967; Labov 1972; Fielder 1999), т. е. добавочную информацию о второстепенных для развития сюжета событиях (23–24; 80; 96);
- развязку (100–103, 105).

Между этими точками сложно найти что-либо общее. Однако если мы представим, что маркированы не формы, а те точки, где

формы сменяют друг друга, то мы увидим, что такие переключения происходят непосредственно перед сюжетными стыками или непосредственно после них: (10–12) отмечает смерть брата; (23–24) завершает часть о восстании из могилы и метаморфозах; (80) исчезновение брата, а последняя часть «Баллады...», развязка, выдержана полностью в косвенных эвиденциалах (100–103, 105). Этой тенденции не подчиняется только одна форма (96).

Таким образом, в переводе Шапкарева можно увидеть следующую закономерность использования эвиденциалов: переключение форм, наиболее частое на стыке эпизодов («сюжетных поворотов» текста).

Ср. то же в песенных версиях, например МБ 14 (жирным шрифтом выделены косвенные эвиденциалы, курсивом — прямые):

I. Экспозиция (нет)

II. СВАТОВСТВО И СВАДЬБА

1	Заискали са Неделя, Недельо, йегне баюва, от камънлива Клисура. Сички Неделя <i>давая</i> ,	Попросили Неделю, О Неделя, сладкий ягненок! из каменистой Клисуры. Все Неделю отдавали
5	майка Неделя не дава, братец я Лазар най дава, той майка си преговаря: <...>	мать Неделю не отдавала, а больше всех отдает братец Лазарь, и мать уговаривает:
15	Мама Лазару <i>послуша</i> , па си Неделя там дали .	Мать Лазаря послушала, и Неделю туда отдали.

III. СМЕРТЬ БРАТЬЕВ

20	Като Неделя извели , черната чума увляла , та ми <i>умори</i> Недели, Недели девеття брата, Недели осемтя снаи и осем мъжки унучки.	Когда Неделю вывели, черная чума вошла, и уморила Неделиных Неделиных девять братьев, Неделиных восемь невесток и восемь внучков.
----	--	--

IVa. ПРОКЛЯТИЕ МАТЕРИ

Неделината майчица ката ден оди в гробища,	Неделина мама каждый день ходит на кладбище,
---	---

- 25 на осем гроба прелива,
 прелива и оплакува,
 на деветия проваля:
 <...>
- V. ВОССТАНИЕ ИЗ ГРОБА И МЕТАМОРФОЗЫ БРАТА
- 31 И Лазару *са нажали*,
 на клето сърце *намили*.
 Лазар из гробът *продума*,
 той *са* на Богът *помоли*:
 <...>
- 41 Де *седя* Господ, де *слуша*,
даде му Господ,
даде му от носилки врано конче,
 от ветрилки бяло лице,
 45 от кръстът жылта бъклица.
 Па ми *са качи* на конче,
 у Неделини *отиде*.
- Где сидел Господь, что он слышал,
 дал ему Господь,
 дал ему из носилок вороного коня,
 из <погребальных> одежд белое лицо,
 из креста желтую фляжку.
 И вот он сел на коня,
 поехал в дом Недели.
- VI. ВСТРЕЧА С СЕСТРОЙ
- Като в селото *увлязъл*,
 сряд мегдан оро играе,
 50 Неделя оро *водеше*.
 Тя като *видя* Лазара,
 кръстом оро *кръстоса*
 и при Лазара *отиде*,
 та са със него *зрависа*
 55 и му ръкът целува,
 па на Лазара *думаше*:
 <...>
- 62 Лазар Недели *думаше*:
 <...>
- 70 И Неделя го *послуша*,
 па са с Лазара тръгнаха.
- Когда он в село въехал,
 посреди площади хоро танцуют,
 Неделя хоро водит.
 Когда увидела Лазаря,
 она крест-накрест хоро пересекла
 и к Лазарю пошла,
 и с ним поздоровалась
 и ему руку поцеловала,
 и Лазарю говорила:
 Лазарь Неделе говорит:
 И Неделя его послушала,
 и они с Лазарем отправились.

¹⁵² Имеется в виду обычай каждения и поливания могилы вином, см. Вакарелски 1990: 142 и далее.

- VII. Приметы: слова птиц, могильный запах и др.
<p>Вървели, що са вървели,
 минали гора зелена,
 настали в поле широко,
 75 в полето дърво високо
 и под дървото кладенче.
 Де са й зело лятно пиле,
 лятно пиле, шарен сокол,
 то ми <i>кацна</i> на дървото,
 80 па ми <i>запя</i> жално-милно,
 като пее дури дума,
 дури дума, дур казува:
 <...></p> <p>86 Неделя кае Лазару:
 <...></p> <p>95 Вървели, що са вървели,
 стигнали в нови гробища.</p> | <p>Ехали они, ехали,
 проехали лес зеленый,
 оказались в поле широком,
 в поле дерево высокое
 и под деревом колодец.
 Окуда взялась летняя птица,
 летняя птица, пестрый сокол,
 она села на дерево,
 и запела жалостно-мило,
 поет, будто говорит,
 будто говорит, будто рассказывает:</p> <p>Неделя говорит Лазарю:</p> <p>Ехали они, ехали,
 доехали до нового кладбища.</p> |
|---|--|
- VIII. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БРАТА
<p>Лазар Неделе <i>думаше</i>:
 <...></p> <p>102 Като Неделя <i>отмина</i>,
 Лазар във гробът <i>увлезе</i>.
 Доде е в село стигнала,
 105 се са надзад извивала,
 Лазар го няма никакъв.</p> | <p>Лазарь Неделе говорит:</p> <p>Когда Неделя ушла,
 Лазарь вошел в могилу.
 Пока она в село шла,
 всё назад оборачивалась,
 Лазаря нигде нету.</p> |
|---|---|
- IX. ВСТРЕЧА МАТЕРИ И ДОЧЕРИ И ИХ СМЕРТЬ
<p>Тя до майчини стигнала,
 на нови порти <i>почука</i>:
 <...></p> <p>110 Майка от къщи <i>викаше</i>:
 <...></p> <p>116 Неделя мами пак кае:
 <...></p> <p>120 Майка й навънка изляла.
 Тя ù портите <i>отвори</i>.
 Като са двете видели,</p> | <p>Она до дома матери дошла,
 в новые ворота постучала:</p> <p>Мать из дома кричала:</p> <p>Неделя опять матери говорит:</p> <p>Мама из дома вышла.
 Она ей ворота открыла.
 Когда они увидели друг друга,</p> |
|--|--|

от милост **са прегърнали**,
та ги мрътви **разгърнали**.

из любви обнялись,
и их мертвых разняли.

Укажем на некоторые тексты, где мы имеем дело с вариантом такого маркирования. В них выделяются не только границы между эпизодами, но целые эпизоды (как, впрочем, и в 100–103 и 105: здесь у Шапкарева выделяется почти целый эпизод). Так в МБ 48 в тексте используются и прямые, и косвенные эвиденциалы, однако один из эпизодов (III) выдержан полностью в косвенных эвиденциалах:

II. СВАТОВСТВО И СВАДЬБА

<...>

И мамж му гу *пслушж*,
Дали Кжсаткж джлоку.
Зели ъж и ъж **жжвели**.

И мама его послушала,
Отдали Касатку далеко.
Взяли ее и отвели ее.

III. СМЕРТЬ БРАТЬЕВ

25 Кжт у момьжни **ходили**,
Девьжт **сж** братьж **ходили**,
Ходили и **вжрнжли сж**.
Чернж ги чумж **срешнжлж**,
Срешнжлж и **билежилж**.
30 Девьжт сж братьж **умрели**,
Девьжт сж гробж **нжридили**.

Когда в дом к девушке ходили,
Девять братьев ходило,
Ходили и вернулись.
Черная чума их встретила,
Встретила и отметила.
Девять братьев умерло,
Девять могил в ряд им выкопали.

IVa. ПРОКЛЯТИЕ МАТЕРИ

Усталж старж маічицж,
Дж ходи сутру и вечжр,
Дж си приливж, прикжждж,
35 Дж им свишчица жпалвж.
Сичкити нжрет приливж,
Приливж и ги прикаждж,
Кустжнда ни гу приливж,
Ни му свишчицж жпалвж,
40 Ами гу юшти прувальж:
<...>

Встала старушка-мать,
Стала ходить утром и вечером,
Поливать, кадить,
Свечу палить,
Все могилы подряд поливает,
Поливает и кадит,
Только Кустанду не поливает,
И свечу ему не зажигает,
А еще и проклиняет:

Если в первом выделенном нами случае маркируются только стыки эпизодов, т.е. границы между частями текста, то во втором случае — эпизоды целиком за счёт сплошного маркирования глагольных форм внутри каждого из них. Это можно рассматривать в качестве варианта маркирования границ-стыков.

В македонских версиях, как и в болгарских, многие употребления косвенных эвиденциалов можно объяснить с точки зрения их позиции в тексте. Точно так же маркируются стыки между эпизодами, см. МБ 66:

- I. Экспозиция и введение персонажей (отсутствует)
- II. Сватовство и свадьба
1	Иану маика на далеко дава,
Иана неикье дек гу маика дава,	Яну мама далеко отдает,
Яна не хочет туда, куда ее мама
отдает,
	Туку сака, дек гу сжрце тегле.
Иана браќка си је послушала ,	Но хочет, куда ее сердце тянет.
Яна братьев послушала,
5	Отишла је , дек ву сжрце сака.
<...>	Поехала туда, куда ее сердце хотело.
11	Кџт је ошла Ианенка девоика,
И још от кон не си је слегнала ,
Па говоре на своите золви:
<...>	Когда поехала Яненка-девица,
И еще с коня не спустившись,
Говорит своим золовкам:
- III. СМЕРТЬ БРАТЬЕВ
21	Кат је било дена — великдена,
Иане браќка чума искжцала . | Когда был день — Пасха,
Яниных братьев чума побила. |
|----|--|--|
- IV_A. ПРОКЛЯТИЕ МАТЕРИ
25	Иане маќка на сви свекќа пале,
Нај на малијо свекќа не му пале,
Иа на него много <i>се дожали</i> :
<...> | Янина мама всем свечку ставит,
Самому младшему свечку не ставит,
И ему очень жаль стало: |
|----|--|--|
- V. ВОССТАНИЕ ИЗ ГРОБА И ПРЕВРАЩЕНИЯ МЕРТВОГО БРАТА
35	Сторил го је какџв-годжр човек.
Носилата, што му <i>беа</i> кукќа | Сделал его <Бог> хоть каким-то
человеком.
Носилки, что были ему домом |
|----|--|---|

	<i>Стори</i> си ги таia врана конья;
Покров платно, што <i>беше</i> покриен,
Му го <i>твори</i> тиia свилни руби.	Сделал он вороным конем;
Полотно, которым он был покрыт,
Сделал он ему шелковой одеждой.
40	Отишжл ie у сестра на гости.	Пошел он к сестре в гости.
VI. ВСТРЕЧА С СЕСТРОЙ		
	Иана води на три ора танци,
<i>Изговарьав</i> Ианините золви:
<...>	Яна танцует в трех хороводах,
Сказали золовки Яны:
50	Веднжг Иана оро отпуштила.
Брат ву стоie Ианините двори,
Веднжг Иана брата прегърнала ,
У лице го веднжг целувала :
<...>	Сразу Яна хоро оставила.
Брат ее стоит на ее дворе,
Сразу Яна брата обняла,
В лицо сразу поцеловала:
58	И говоре Ианинка невеста:
<...>	И говорит Янинка-невеста:
66	Па говоре Ианиното братче:
<...>	Да отвечает брат Яны:
75	Па <i>се справи</i> Ианенка за гости.	И приготовилась Яна ийти в гости.
VII. ДОРОГА ДОМОЙ. ПРИМЕТЫ: СЛОВА ПТИЦ, МОГИЛЬНЫЙ ЗАПАХ И ДР.		
	Иахнале са тиia врани коньи,
Минале са преко чесна гора,
Низ гората златни пилци <i>пове</i> :
<...>	Сели они на этих вороных коней,
Проехали через частый лес,
В лесу золотые птицы пели:
81	Изговарья Ианинка невеста:
<...>	Говорит Янинка-невеста:
88	Поминале низ тоi рамно поле,
<i>Замериша</i> голема меризма,	Проехали через это ровное поле,
Запахло сильно,
90	<i>Замериша</i> на бели тамъани.
Па говоре Ианенка невеста:
<...>	Запахло белым ладаном.
Да говорит Янинка-невеста:
97	Улегнале у нихните лоiза:
<...>	Заехали в их виноградник:
104	Улегнале у Ианино село,	Въехали в Янино село,
105	Отишле са Ианините порти;
Почукнало наi-малото братче,
Искочила старата им маiка,	Поехали к Яниным воротам;
Постучал младший брат,
Выскочила их старушка-мать,

VIII. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БРАТА

- Веднџ братче штук си **поштукнало**, Сразу же братец исчез,
 Што му *беа* тија врани конџи, То, что было этими вороными
 конями,
 110 На носила веднџ *се сторџа* Сразу же стало носилками
 И веднџ си братче *загинаја*. И сразу же братец пропал <досл.
 «пропали»>

IX. ВСТРЕЧА МАТЕРИ И ДОЧЕРИ И ИХ СМЕРТЬ

- Јана си **је** мајка **прегџрнала**. Јана маму обняла,
 Они **са се** живи **прегџрнала**, Они живыми обнялись,
 114 Двете **са** ги мџртви **раздвоиле**. И их мертвыми разняли.

В этой версии косвенные эвиденциалы маркируют III эпизод целиком (строки 21–22); переход к V (35); переход от V к VI (40); начало VII (76) и весь конец этого эпизода (104–107); начало VIII (108). Кроме того, отмечены: завершение рассказа о свадьбе (4–5); похвальба перед золовками (11); одна из примет смерти, которые попали в эпизод встречи с сестрой (могильный запах от брата: 51–52) и приметы смерти в VII (77; 88; 97). Отметим особое использование косвенных эвиденциалов глаголов движения в анафоре (76; 77; 88; 97; 104; 105) — здесь хорошо видно, как бы тавтологично это ни звучало, что именно глаголы движения движут действие вперед, о чём уже было сказано выше.

В некоторых албанских версиях косвенные эвиденциалы могут маркировать стыки между эпизодами. Так, в МБ 78 сразу несколько косвенных эвиденциалов появляются в начале V эпизода («Halili **koka çu** rej vorri. Ai **koka kônë** gjatar. E **paska marrë** zagarin e po shkon me marrë motren n't'panë qi ja ka dhônë besen» / «Халиль встал из могилы. Он был охотником. Взял свою собаку и идёт взять сестру домой повидаться, так как он ей дал клятву»); в МБ 84 — часть II эпизода о пути невесты в дом жениха («Fort Fatimj'a qat'herë **kanka gzue, marrke** punën çika me punue. **Shkojke** m'siti-tha-e **u ardhke** miku, ni parë teshja p'r'i herë i ka prue; at ditë vaden për s'parit p'e dajinë, fort të shkurtë, heu, vaden e kanë da» / «Сильно тогда Фатиме обрадовалась, занялась девушка делом. Пошел сват — сказал(а) — пришел друг, мешок с вещами он сразу ей принес. В этот день срок, чтобы отдать ее, назначили, и очень короткий, хей, срок назначили»).

В МБ 85¹⁵³ косвенные эвиденциалы используются в нескольких эпизодах:

I. ЭКСПОЗИЦИЯ И ВВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ

Shtatë vllazën ishin kenë,
Kishin pasë ni nanë e ni moter;
Besa besë vllaznit ishin lidhë,
Kurrkun motrën mos me e martua;	Семь братьев было,
Была у них одна мать и одна сестра;
Дали друг другу клятву братья,
Никуда сестру замуж не давать;
5 ["Dumë me e lanë roe ne me dekë"].	Мы хотим оставить ее, чтобы она
с нами умерла.

II. СВАТОВСТВО И СВАДЬБА

Vllau i vogël vllaznet u kish thanë:
«Me ma dhanë lirinë e hailallin,
Du me dalë n'Krali me shetitë,
Me zanë miq e probatina,
10 Me zanë shokë edhe kumarë.»	Младший брат братьям сказал:
«Дайте мне свободу и позволение,
Я хочу поехать в Крали,
Завести друзей и побратимов,
Завести приятелей и свояков».
Qyr, lirinë vllaznit ja kanë dhanë
E i kanë dhanë gjogun me shalë.
Kenka nisë n'Krali me dalë,
Natn e ditën n'Krali ja ka mrrri,
15 Ka zanë miq edhe kumarë.
Ka zanë shokë edhe jarana.
Hajt e hajt ni vjet po rrin,
Kenka nisë n'shpi me kthye;	Вот, свободу они ему дали
И дали коня с седлом.
Отправился он в Крали,
За ночь и за день доехал до Крали,
Завел себе друзей и свояков.
Завел приятелей и верных товарищей.
И вот, год он там живет,
Отправился он в путь, чтобы домой
вернуться;
20 Nata n'rrugë djalin e ka zanë,
Kurrkuj shpinë nuk po ja din.
Larg pe e she' ni dritë të naltë,
Drejt at dritë Halili pe e msy.
Fill në derë ja paska mrrri .
Ka nisë derën ja cokatë.	Ночь в дороге его застала,
Ничьего дома он не знает.
Вдалеке на горе видит свет ¹⁵⁴
Прямо на свет Халиль поехал.
Прямо к двери подошел.
Стал в дверь стучать.
25 Aty m'ndodhke miku i mirë
E n'prezore paska dale .
«Kush je ti derën çu ma cokatë?»	Там оказался добрый друг
И в окно он выглянул.
«Кто ты, стучащий в мою дверь?»

¹⁵³ Këngë popullore 1955: 34–41, записана в Леже. Темным выделена прямая речь персонажей; при анализе использования косвенных эвиденциалов она не учитывается.

¹⁵⁴ Досл. «вдалеке видит высокий свет».

	«Ma çil derën se mik po jam, Jabaxhi i largë kam qillua.»	«Открой мне дверь, потому что я друг, Я издалека приехал ¹⁵⁵ ».
30	Sa shpejt derën ja ka çilë; Ja merr gjogun, n'podrum ja ka shti. Hipkan nalt e në çardak, Pas, «hoxhgjedën!» i paska thanë .	Как быстро он дверь открыл; Взял коня, в конюшню его отвел. Поднялись высоко на террасу, И он сказал ему «добро пожаловать!».
35	«Kah je kenë, dialë, kah po vjen?» «Prej Budine, vet po jam, Prej kralishë jam tuj ardhë.» Athere miku e paska njoftë .	«Где ты был, юноша, откуда идешь?» «Я из Будина, Из Крали я приехал». Тогда его друг узнал.
40	«Shtatë vëllaznet zanin ja u kam nie, Çi n'Turki shokët nuk i kini; Zanin motrës ja kam nie, Çi mâ e bukur n'dynjâ nuk âsht. Tash du motrën, Halil, me ma dhanë	«О семи братьях я слышал слух, Что в Турции равных нет им; Я слышал слух о сестре, Красивее которой в мире нет. И сейчас, Халиль, я хочу, чтобы ты
	Edhe miq na dumë me u zanë.» I â dredhë Halili, mikut i ka thanë:	сестру мне отдал И я хочу, чтобы мы породнились». Повернулся Халиль и другу сказал:
45	«Shtatë vëllazën na ç'i jemi, Besa besën na jem' lidhë, Kurkuj motrën mos me ja dhanë, Dumë me e lanë me ne me dekë.» I â dredhë miku e i ka thanë:	«Нас семь братьев, Мы связаны <i>бесой</i> Никому сестру не давать, Хотим оставить ее с нами до смерти». Повернулся друг и ему сказал:
50	«Pak keq mua âsht tu m'ardhë; Me kenë puna si thua ti, T'kurrnjant motra mos me u martua, As u e ti nuk kim me kenë. Motra t'huja babat na kanë marrë,	«Мне немного жаль стало; Если бы было так, как говоришь ты, Ни за кого сестра чтобы не вышла, Ни меня ни тебя бы не было. Наши отцы женились на чужих
55	Mua e ty Zoti na ka falë.» Ma tradhtoi, motrën ja ka dhanë, Për tri javë rogun ja ka da. Nuk vonojnë dhe paskan ra . Kur ka dalë sabah drita e bardhë,	сестрах, И тебя и меня Господь им даровал». Но он предал, сестру ему (от)дал, Назначил срок — через три недели. Не стали они медлить и легли. Когда пришло утро, белый свет,
60	Heret Halili kenka çua , Â bâ gadi n'shpi me shkua;	Рано Халиль встал, Приготовился домой ехать;

¹⁵⁵ Досл. «я — далекий иностранец».

<p>N' shpinë gjogut i paska ra, Kenka nisë n' Budinë me kthye. Kutruull kullash, kur ka dalë, 65 Vllaznit me nanë larg e kanë pa E përpara i paskan dalë.</p>	<p>На спину коня сел, Отправился в Будин-град. Когда к кулам подъехал, Братья и мать издалека его увидели и навстречу ему вышли.</p>
<p>«Hoxhgedën, vlla!» i paskan thanë.</p>	<p>«Добро пожаловать, брат!» — сказали ему.</p>
<p>«Mir' se u gjeta! [»] u ka thanë. Janë turrë n'grykë të tanë me e marrë.</p>	<p>«Здравствуйте!», — сказал он им. Устремились все, чтобы его обнять.</p>
<p>70 «Aspak n'grykë ju mu mos m'merrni, Besn e Zotit ja u kam thye, Se motrën n'Krali vet e kam fijuja.»</p>	<p>«Вы меня не обнимайте, Кляtvу[, данную] Богу, я нарушил, Так как сестру в Крالي сам я обручил».</p>
<p>«Hiç marak, Halil, mos u ban, Se me gjeder gjâ s'na ke bâ,</p>	<p>«Не тревожься, Халиль, Потому что ничего во вред ты не сделал,</p>
<p>75 Për martesë tash motra â bâ.» E n'oborr janë ulë po rrinë.</p>	<p>К замужеству сестра теперь готова». И во двор они спустились и там сидят.</p>
<p>Motra aty nuk ka qillua, Çobaneshë në mal ka nollë, Çobaneshë prej malit vjen. 80 Kur e sheh vllanë n'oborr, Të tanë gjanë mrapa e ka lanë, Turret vllanë n'grykë me e marrë.</p>	<p>Сестры там не оказалось, Она пастушка была и в горы ушла, Пастушка с гор приходит. Когда видит брата во дворе, Весь скот она оставила позади, Бросается к брату на шею, чтобы обнять.</p>
<p>Â dredhë Halili dhe i ka thanë: «Motër, n'grykë mos me m'marrë, 85 Se larg n'Krali ty t'kam fijuja.»</p>	<p>Повернулся Халиль и сказал: «Сестра, не обнимай меня, Потому что далеко в Крالي я тебя посватал».</p>
<p>Ka nisë motra m'u idhnua Edhe vllaut i âsht largua. Ka marrë vajn, âsht tuj kja, Gjâ nuk del për me e pajtua.</p>	<p>Стала сестра огорчаться И от брата отошла. Стала сокрушаться и плакать, Ничего не помогает, чтобы ее успокоить.</p>
<p>«Aman, motër, vajn tash me e lanë!»</p>	<p>«Прошу, сестра, прекрати плакать!»</p>
<p>91 Tash Halili, ç'paska thanë? «Shtatë vëllazën ne na ke,</p>	<p>Теперь Халиль, что он сказал? «Нас семь братьев у тебя,</p>

Ka 'i herë n'javët kem' me t'pa,	Один раз в неделю будем ездить тебя проведать,
Ka 'i herë n'mujt kem' me t'marrë.»	Один раз в месяц будем брать тебя [домой]».
95 Atherë vajn motra pak e ka lanë. Po i njuh ditt, qyqja, kah i shkojnë.	Сразу сестра плакать перестала. Узнала день, бедная, когда за ней приедут.
Kur ka ardhë dita e tri javve,	Когда пришел этот день через три недели,
Ka ardhë miku me krushq me e marrë. M'u bâjnë ner dhe qeram.	Приехал друг с друзьями ее взять. И оказали им честь и благоволение.
100 Kur ka dalë sabah drita e bardhë, Janë bâ krushqit gadi me dalë Edhe gadi nusen për me e marrë. Kanë dalë vllaznit me nanën me, e përcjellë	Когда пришло утро, белый свет, Были дружки готовы отправляться И готовы невесту взять. Пошли братья с матерью ее проводать,
Ka marrë vajn 'motra çu po kjan, 105 Çu zakon me kjahtë at ditë nuk âsht. Dredhë Halili e i ka thanë:	Стала сокрушаться сестра и плакать, А обычая плакать в этот день нет. Повернулся Халиль и ей сказал:
«Aman motër vajn me e lanë, Ka 'i herë n'javt vimë me t'pa,	«Прошу, сестра, прекрати плакать, Раз в неделю будем приезжать тебя проведать,
Ka 'i herë n'mujt vimë me t'marrë.»	Один раз в месяц будем брать тебя [домой]».
110 Mshili gojën, ma nuk po kjan, Por ni fjalë vllaznet u ka thanë:	Закрывает рот, больше не плачет, Но слово братьям сказала:
«Pa m'nigioni vllaznit e mi: Sall ni motër tjetër s'patt,	«Послушайте меня, братья мои У вас только одна сестра, другой не было,
Si u kujtut n'Krali me m'tretë?	Как вам пришло в голову отправить меня в Крали?»
115 N'vent t'rrogтарит bukën me ma qitë, E pat' kollaj ju me m'majtë.»	Если бы я была вашим наемным работником и вы давали бы мне хлеб, И тогда вам было бы легче меня оставить».
Mshili gojën mâ nuk flet. Motra u nis nuse n'Krali, Vllaznit kthehen me nann shkojnë.	Закрывает рот и не говорит. Сестра отправилась невестой в Крали, Братья с матерью возвращаются
n'shpi	домой.

III. СМЕРТЬ БРАТЬЕВ

- 120 Hakibet Zotynë e ka bâ,
N'ditt t'shtatë ditëve murtaja u ka ra,
T'shtatë murtaja na i ka mytë,
Për sevap n'dhe na i kanë shti,
Qyqe nanën e kanë lanë në shpi.
- 125 Motra nuse në Krali,
Për gjithë ditën n'baçe tu dalë,
Nën ni mollë rrin tuj kja,
Pret mos shkojnë me e marrë me e pa.
Plot ni vjet kanë pa' bâ,
- 130 Nuk shkon kush me e marrë,
as me e pa.
Plot ni vjet kur â bâ
Nër mollë nusja âsht tuj kja.
- Господь волю свою проявил,
На седьмой день пришла к ним чума,
Всех семерых чума задушила,
На собранную милостыню их
в земле похоронили.
Бедную мать оставили в доме.
- Сестра-невеста в Крали,
Весь день в сад выходит,
Под яблоней сидит и плачет,
Ждет, не придут ли взять ее домой
или проведать.
Ровно год прошел, а это не случилось.
Никто не приходит ее взять или
проведать.
Когда прошел целый год,
Под яблоней сестра плачет.

IVb. ПРИЗВАНИЕ СЕСТРЫ

- Premton Zoti ni zok të verdhë,
N'gem të mollës para i del.
- 135 «Ça ke nuse ç'i rrin tuj kja?
A t'ka dekë ty nana e baba?
A t'ka dekë motër e vlla?
A t'ka dekë noj mik i mirë?
O noj uladë zemrën ta ka tha?»
- 140 I â dredhë nusja e i ka thanë:
«Babën vetë men s'e ma;
At ditë nuse ç'i jam bâ,
Shnosh' e mirë nanën e kam lanë,
Shtatë vllazën mirë i kam lanë;
- 145 Motra tjera nuk kam pasë;
Sa për miq n'zemër s'më ka le;
- Послал Бог желтую птицу,
На ветке яблони перед сестрой
появляется.
«Что такое, невеста, почему ты тут
плачешь?
Умерли ли у тебя мать и отец?
Умерли ли у тебя сестра и брат?
Умер ли у тебя хороший друг?
Или ты переживаешь за ребенка?»
Повернулась к ней невеста и сказала:
«Отца я не помню¹⁵⁶;
В день, когда я стала невестой,
Оставила я мать в добром здравии,
Семерых братьев в добром здравии;
Других сестер у меня нет;
Что до друзей сердца, у меня
[ни одного] не осталось;

¹⁵⁶ Ср. станд. албанск. *s'e mbaj mend* 'я его не помню'.

E re jam, uladin s'e njoh; Por amanet zok do t'ta lâ:	Я молода и не знаю ребенка; Но, птица, прошу тебя, послужи мне службу:
Fluturim ti tash m'u çua, 150 Fill te shpia ti me m'shkua. Si n'kjoftë gjallë Halilit me i thanë,	Отправляйся в полет, Прямо ко мне домой лети. Если Халиль жив, чтобы сказать ему,
Si n'kjoftë dekun vorrit me i kallxua:	Если мертв, чтобы над могилой позвать:
Motra e jote ktu m'ka çua, Ku e ke besën çì m'ke dhanë?»	Твоя сестра сюда меня послала, Где клятва, которую ты мне дал?»
155 Fluturim zogu kenka çua , N'gur të vorrit i paska shkua , Gjithsesi vorrit ja ka kallzua:	В полет птица полетела, К могильному камню прилетела, Всё этой могиле поведала:
«Motra e jote ktu m'ka çua, [“]Ku e ke besën çì m'ke dhanë?“]»	«Твоя сестра меня сюда послала, “Где клятва, которую ты мне дал?“»

V. ВОССТАНИЕ ИЗ ГРОБА [И МЕТАМОРФОЗЫ МЕРТВОГО БРАТА]

160 Nakibet Zoti e ka bâ, Hieja e tij n'kamë â çua, Tinës ke nana n'shpi ka shkua,	Господь волю свою проявил, Его (Халиля) тень на ноги встала, Невидимый, к матери домой он пошел,
Ka marrë gjogun e atkinën E n'shpinë gjogut na i ka ra,	Взял коня и лошадь И на спину коня сел,
165 Per Krali kenka tfillua , Fill te motra don me shkua.	В Крали отправился Прямо к сестре хочет идти.

VI. ВСТРЕЧА С СЕСТРОЙ

Kur n'Krali djali ja mrrri, Motra n'baçe â tu kja. Sa larg vllan' e paska pa!	Когда в Крали юноша приехал, Сестра в саду плачет. Как далеко она брата увидела!
170 Jalla n'kejmë kenka çua E prej baçes paska shkua , Vllatë në rrugë i paska dalë .	Ох, на ноги она поднялась И через сад прошла, К брату на дорогу вышла.
«O, hoxhgedën, vlla! — i ka thanë —	«О, добро пожаловать, брат! — сказала ему
M'ka plasë zemra mu me t'pa!»	У меня разрывалось сердце от желания увидеть тебя!»

- 175 «Mir' se t'gjejë, motër!» — i ka thanë. «Здравствуй, сестра!» — сказал ей.
 A turrë motra n'grykë me e marrë. Бросилась сестра его обнимать.
 «Aman, motër, n'grykë mos më merr!» «Прошу, сестра, не обнимай меня!
 Qe ni vjet jam tu lngua Так как я год болею
 E me heqima tu u heqimua. И лечусь у врачей.
- 180 Por me zort kam ardhë me t'marrë» Но с трудом я приехал забрать тебя».
 Sa me t'shpejtë ka shku në shpi, Как можно быстрее в дом она пошла,
 Po shkon kafën me ja pjekë. И идет она приготовить кофе.
 «Aman, motër, kafet s'muj i pi, «Э, сестра, кофе я не могу пить,
 Se ma ka vu peheriz heqimi» Так как врачи мне пост назначили».
- 185 Ka dashtë bukën me e bâ gati. Хотела хлеб [= еду] приготовить.
 «Nuk muj, motër, bukë me hangër, «Не могу я, сестра, есть хлеб,
 Barnat n'xhept po jam tu i pi, У меня в кармане лекарство, чтобы
 его пить,
 Por banu gati se dumë me shku n'shpi.» Но будь готова ехать со мной домой».
 «Qyqja, vlla, me ty si vi? «Ах я несчастная, брат, как я с тобой
 поеду?»
- 190 Se ktu burri s'ëm ka qëllua, Ведь у меня здесь мужа не оказалось,
 Âsht nalt n'bjeshkë, ka dalë me gju Он далеко на горном пастбище,
 отправился на охоту,
 Kur t'vi burri, ktu mos më gjejë, Когда приедет муж, не найдет меня
 здесь,
 I thonë shoqet: nusja t'ka ikë, Ему скажут подруги: жена уехала,
 Erzi em mâ gjâ nuk vie.» И моя честь больше ничего не будет
 стоить».
- 195 «Banu gati motër, dumë me shkua «Приготовься, сестра, и поедем
 E ni letër mikut po ja lamë: А другу письмо оставим:
 Ka ardhë Halili dhe e ka marrë.» Приехал Халиль и забрал ее».
 Edhe motra gati â bâ. И приготовилась сестра.
 Kanë dalë jashtë derën e kane myllë, Вышли за дверь и закрыли ее,
- 200 Letrën n'derë mikut ja kanë lanë. Письмо другу на двери оставили.
 I kanë hypë gjogut e atkinës Сели коню и лошади на спину
 E janë nisë n'shpi me dalë. И отправились домой.
- VII. Дорога домой. ПРИМЕТЫ СМЕРТИ: СЛОВА ПТИЦ, МОГИЛЬНЫЙ ЗАПАХ И ДР.
 Nja pak rrugë kur kanë kalua, Когда проехали немного,
 Motra t'vllatë na i paska thanë: Сестра брату сказала:
- 205 «Pash ni Zot, vlla, ç'i t'ka dhanë, «Богом клянусь, брат, который тебя
 сотворил,

Ni herë mua ti me m'knuaj! M'ka plasë zemra zanin me ta nie.»	Сейчас ты мне спой! У меня разрывается сердце, так хочу улышать твой голос!»
I â dredhë vllau motrës e i ka thanë: «Shtatë vllazën motër na ke lanë,	Повернулся брат к сестре и сказал: «Ты, сестра, нас, семерых братьев, оставила,
210 Shtatë nuse na i kem' marrë, N'gjashta krushq vetë kam kenë, M'â marrë zani e s'muj me knua.»	Мы семерых невест взяли, Я шесть раз был дружкой, У меня пропал голос, и я не могу петь».
Sa mirë motrën e ka tradhtua! Opet rrugën e kanë kalua.	Как хорошо он сестру обманул! Опять они в дорогу отправились.
215 «Pash 'i Zot, vlla, ç'i t'ka dhanë,	«Богом клянусь, брат, который тебя сотворил,
Ku m'i ke longoj, zagarë? Kurr në derë pa to s'ke dalë». «Longojt plakë, zagart qërrua E me mua s'muj' me ardhë.»	Где твои псы, собаки? Ты никогда не выходил без них». «Псы постарели, собаки ослепли И со мной не смогли прийти».
220 Opet motrën e ka tradhtua. Lare e larg janë tuj shkua.	Опять он сестру обманул. Далеко-далеко они едут.
«Pash 'i Zot, vlla, ç'i t'ka dhanë,	«Богом клянусь, брат, который тебя сотворил,
Ni herë fellit me m'i ra! Kurr ne derë pa tâ s'ke dalë.»	Ты мне сыграй на флейте! Ты никогда не выходил без нее»,
225 «S'kam si fellit me t'i ra; Nusen teme kur kam marrë E kaq fort vet ç'i i kam ra, Fort mërzhitë mua ma ka, Për brij vetit n'tokë e kam vu,	«Я не могу на флейте сыграть; Когда я женился на своей невесте И очень сильно на флейте играл, Мне это очень надоело, И я бросил ее на землю рядом с собой,
230 Ni jaran kamën m'ja ka vu E dy copsh mua ma ka kputë.»	И один друг наступил на нее ногой И на две части ее сломал».
Larg e larg janë tu shkua, Sa mirë motrën e ka tradhtua! Qyqja motra, çka po nie?	Далеко-далеко они едут, Как хорошо он сестру обманул! Бедная сестра, что она слышит?
235 Zojt e malit shoqi shojt i thonë: «Qyr si ecin i gjallim me t'dekmin!»	Горные птицы друг другу говорят: «Смотри, едут живой с мертвым!»

«A i nie zogit, vlla, qysh po thonë?»	«Ты слышишь птиц, брат, что они говорят?»
Qyqja motra atherë i ka nie, I â dredhë vllatë edhe i ka thanë:	Тогда бедная сестра это услышала, Он повернулся к ней и сказал:
240 «Hiq tu, Zoti i vraftë! Tash ni vjet jam tuj lngua, Kujtojnë zogit se kam dekë.»	«Оставь их, да поразит их Бог! Я уже год, как болею, Птицы думают, что я умер».
Atherë motrën e ka tradhtua. Nja pak rrugë e kanë kalua	Тогда он сестру обманул. Немного проехали
245 E n'shtatë vorre paskan neshë . Prej atkinet motra â ulë, Vorr në vorr emnat tuj knua, N'vorr t'Halilit â ulë po rrin.	И доехали до семи могил. С лошади сестра спешила, На могилах имена читает, Перед могилой Халилия остановилась.
«O Halil, o vlla — i ka thanë — 250 Kto vorre t'reja ktu, çka janë? N'emna tanë emnat tuk i kanë!»	«О Халиль, о брат — сказала ему — Что это за новые могилы здесь? На них написаны наши имена!»
«Ktu shtatë krushq, motër, janë zanë, Shoqi shoqin na e kanë vra, N'emna tanë emnat i kanë pasë.»	«Здесь семь дружек, сестра, схватились [врукопашную], Они убили друг друга, У них были наши имена».
255 Atherë motra kenka çua , Kenkan nisë në shpi me shkua. Kutruull kullash kur kanë dalë, Kullat motra i paska pa .	Тогда сестра поднялась, Отправилась домой. Когда доехали до <i>кулы</i> , <i>Кулы</i> сестра увидела.
«O Halil, o vlla, — po i thotë — 260 Çka kanë kullat si janë zi? Ku janë nuset, Zoti i vraftë! Kush në derë nuk po del!» «Kush në derë nuk ka me dalë, Se shtatë nuse jan n'gjini;	«О Халиль, о брат, — говорит ему, — Почему <i>кулы</i> черные? Где невестки, Господь их поразит! Никто к двери не выходит!» «Никто к двери не может выйти, Так это потому что семь невест отправились к своим [родителям ¹⁵⁷];
265 Nevojë kullat kanë m' u zi, N'dazëm tonë timi pushkve i ka zi.»	А <i>кулы</i> черные, [Потому что] на нашей свадьбе ружейный дым их опалил».
«Mirë se kullat kenkan zi, «Ç'kanë pullazet si janë rrenua?»	«Хорошо, что <i>кулы</i> черные, Почему провалились крыши?»

¹⁵⁷ Досл. «потому что семь невест у своего рода».

«Plumbi pushket i ka rrenua.»	«Ружейные пули их обвалили».
270 Aty motrën e ka tradhtua.	Там он сестру обманул.
Sa me t' shpejtë n'oborr kanë shkua	Как можно быстрее во двор они поехали
Dhe kualve u kenkan ulë.	И спешились с коней.
«Hip ti motër nalt n'çardak, Se vetë kualt po i godis.»	«Иди, сестра, прямо на террасу, А я сейчас ставлю коней».
275 Hipka motra nalt n'çardak,	Поднимается сестра высоко на террасу,
Priret motra n'çardak ka hipë,	Прямо на террасу сестра поднялась,

VIII. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БРАТА [И ПУТЬ СЕСТРЫ ДО ДОМА МАТЕРИ]

Vrap në vorr Halili ka ikë.	Халиль прямо в могилу быстро пошел.
-----------------------------	--

IX. ВСТРЕЧА МАТЕРИ И ДОЧЕРИ И ИХ СМЕРТЬ

N'akshihane motra ka hi	Вошла сестра в главную комнату
E na e gjenë nanën në hi.	И находит мать в золе.
280 «Mir'se t'gjejë — thotë — bre nanë!»	«Здравствуй, — говорит, — мать!»
«Mir'se vjen — thotë — bija eme!»	«Добро пожаловать, — говорит, — дочь!»
A çua n'kamë e n'grykë janë marrë.	Встала на ноги и обнялись.
Pak bjesejë janë tue bâ,	Немного поговорили,
Motra n'prezore paska dalë	Сестра к окну подошла
285 Dhe Halilit është tuj i thirrë.	И Халилия зовет
«O Halil! Ç'u bane? Ka shkove?»	«О Халиль! Что произошло? Куда ты пошел?»
Nana s'bisë na i ka britë:	Мать дочери крикнула:
«Zoti t'vraftë, ty bija eme,	«Убей тебя Бог, дочь моя,
Si kujtohe djalit me m'i thirrë?»	Как тебе пришло в голову звать моего сына?»
290 Qe ni vjet t'shtatë n'dhe i kam mlua.»	Вот уже год, как семерых я похоронила.»
«Hajt, bre nanë, ti çka po m'thua, Se vetë Halili ktu m'ka prui; Mos beson, kualt del e qyri!»	«Э, мама, что ты мне говоришь, Ведь сам Халиль меня сюда привез; <Если> не веришь, иди и посмотри на коней!»
«Hajt aty budallja e marrë,	«Иди сюда, глупая дурочка,

295 Hieja e tij ktu t'ka pru.»	Его тень сюда тебя привела».
Atherë motra kenka kthye ,	Тогда сестра повернулась,
Dorën nans ja paska kapë ,	За руку мать взяла,
Odë në odë po shkojnë tuj kja	Из комнаты в комнату идут и плачут
E n'oborr na paskan ra .	И во двор вышли.
300 Dern e oborrit na e paskan myllë ,	Ворота двора закрыли,
E paskan myllë për mos m'u çilë!	Закрыли, чтобы они не открылись потом!
Nan' e bi nër vorre shkojnë,	Мать и дочь на могилы идут,
Vorr në vorr vajin e kanë marrë,	Стали над могилами плакать,
Maje vorrit Halilit t'dyja kanë plasë!	Над могилой Халилия обе умерли ^{158!}

Здесь косвенные эвиденциалы расположены группами («сгустками»), которые соответствуют стыкам между эпизодами: они отмечают начало пути брата из Крали в Будин-град (которое описывается с избыточной полнотой: брат не просто уезжает от друга, а «когда пришло утро, свет ясный, рано Халиль встал, приготовился домой ехать, на коня сел, отправился обратно в Будин-град» — строки 58–63); (169–172) — встречу с сестрой; (255–258) отмечают последнюю приметку (почерневшие *кулы*); (296–301) — встречу с матерью¹⁵⁹.

Примечательно распределение «скоплений» косвенных эвиденциалов в МБ 86 и МБ 87.

МБ 86:

3–5

II. «**Qenka çu** djali fill prej shpie, shtek të largë ke **paska marrë**, **paska votë** ke ni zotni i ranë»;

17–20

VI. «Nanëdhëtë krushq na i **paskan ardhë**, kanë ardhë nusen për me e marrë. Nanëdhëtë krushq tanë kalori, **paskan pasë** të bardhën li»;

II. «Пошел юноша из дома, в дорогу дальнюю отправился, доехал до большого господина»;

«Девятнадцать дружек приехали, приехали, чтобы взять невесту. Девятнадцать дружек проехали, у них была белая оспа»;

¹⁵⁸ Досл. взорвались, ср. болг. *пукна* в том же значении.

¹⁵⁹ При этом в концовке косвенные эвиденциалы отсутствуют («Vorr në vorr vajin e kanë marrë, Maje vorrit Halilit t'dyja kanë plasë!» / «На могиле плакать начали, на могиле Халилия обе упали мертвыми!»).

41–42

VI. «...i **paska thanë**. Edhe gati **çenka ba**»;

64–65, 70–71

IX. «Dorë për dorë na **qenkan marrë**, në funt të shkallës **paskan ra**, kurrkund djalin se kan pa. Na kanë shku te vorri i djalit. Me xhall djali nuk a nie, veç krahin jashtë e ka shtie, nanë e bi qanë çu në kamë, n'grika-n'grika qanë marrë, në vorr t'Halilit dekun ranë»;

МБ 87: 4–5

II. «Shteg të large tek **paska marrë**; **paska vojhtë** ke një zotni ma i rëndi»;

35, 37

V. «Dhimët te Zoti i **paska râ** <...> Qat herë djali â' dalë prej vorrit, ne shpinë të gjokut, si kish' pas' râ»;

53–54

VII. «**Paskan hipun** prap m'nji kodër, **paskan pâ** nândë vorre t' bardha; sâ trishtim motra ká marrë!»;

64–65, 67, 71

IX. «**Kânkân marrun** dora-doras e n' fund t' shkallve **kânkân rá**: kurrkund djalin a' e kan pà. **Paskan vojhtë** tu vorri i djalit; na i ka thirrë: "Halil Garri!" Djali gjallë ma nuk â' ndie. Veç se krahin jashtë ká shtë. Nânë e bí janë çue në kâmbë; ngyrka-ngyrkas **kânkân marrë**: n' vorr t' Halilit dekun rân!».

VI. «...сказал он ей. И она приготовилась»;

IX. «Взялись они за руки, спустились вниз по лестнице, не увидели парня. Пошли на могилу парня. Живым парня не увидели, только рука торчала снаружи. Мать и дочь пошли, обнялись и на могиле Халиля упали мертвыми»;

II. «В дорогу дальнюю отправился, доехал до большого господина»;

V. «Помощью Божией она его восставила <...> Сразу юноша вышел из могилы, сел на коня»;

VII. «Поехали дальше на вершину горы, увидела девять белых могил. Как опечалилась сестра!»;

IX. «Взялись они за руки, спустились вниз по лестнице, не увидели парня. Пошли на могилу парня, стали его звать: "Халиль Гария!". Живым парня не увидели, только рука торчала снаружи. Мать и дочь пошли, обнялись и на могиле Халиля упали мертвыми!».

Эпизод, начинающийся в (МБ 86 и МБ 87: 3–5), отмечает переход от экспозиции к сватовству сестры. (МБ 86 и МБ 87: 17, 20) — стык между эпизодами сватовства и смерти братьев. (МБ 86 и МБ 87: 35, 37) — эпизод восстания из гроба. (МБ 86 и МБ 87: 40–41) — встречу брата и сестры. (МБ 86 и МБ 87: 53–54) — последнюю из «примет». Интересно отметить, что маркирование стыков происходит при помощи косвенных эвиденциалов. В (МБ 87: 64–72) примечательно нагнетение форм Ев₇: на небольшом отрезке текста (около одной

шестнадцатой от общего объема) используется сразу по четыре таких формы.

Таким образом, косвенные эвиденциалы в албанских и в болгарских и македонских версиях¹⁶⁰ имеют следующую общую функцию: выделение границ между эпизодами.

4.3. Лингвистический эксперимент

Для проверки выдвинутого положения о том, что эвиденциалы маркируют границы-стыки между эпизодами или целые эпизоды фольклорного текста, в 2008–2009 гг. был поставлен лингвистический эксперимент. Нашей задачей было подтолкнуть носителей исследуемых языков к созданию текстов, в которых можно было бы ожидать сопоставимого с тем, какое мы наблюдали в «Балладе...», употребления прямых и косвенных эвиденциалов.

Из нескольких возможных способов мы остановились на переводе. Мы перевели болгарский текст (МБ 80) на английский, итальянский, русский и сербский языки и предложили его болгарам, македонцам и албанцам для перевода на их родные языки¹⁶¹, на вопрос о цели эксперимента мы отвечали не конкретно («это нужно, чтобы потом я смог описать некоторые грамматические явления в вашем языке»).

Для проверки результатов болгарский эксперимент мы проводили двумя способами. Один из них — более примитивный — включал в себя задание на раскрытие скобок в готовом тексте на болгарском языке и использование глагола в подходящей форме (МК 5–8). Другой — более сложный — подразумевал собственно перевод (МК 1–4). Поскольку и тот, и другой способ дали ожидаемые результаты (см. табл. 4.1), македонский и албанский эксперименты были проведены только на основе перевода.

¹⁶⁰ В болгарских и македонских версиях выделять границы между эпизодами могут также переходы от прямых эвиденциалов к косвенным и наоборот.

¹⁶¹ Полученные переводы см. в приложении.

¹⁶² Мы включили в таблицу также информацию по исходному тексту К. Шапкарева, который подсказал нам идею этого эксперимента. Поскольку текст К. Шапкарева используется для сравнения с результатами лингвистического эксперимента, мы приняли решение описать его по этой же модели.

Таблица 4.1. Лингвистический эксперимент. Информанты¹⁵⁶

Вариант	Язык	Оригинал	Образование	Происхождение	Место проживания
МК 0 (текст Шап-карева)	Болг.	Албанск. (МБ 80)	—	Крушево, Македония	Орхание (совр. Ботев-град), Бол-гария
МК 1	Болг.	Русск.	Неполное высшее	Пловдив	Пловдив
МК 2	Болг.	Русск.	Неполное высшее, филолог	Пловдив	Пловдив
МК 3	Болг.	Русск.	Высшее, филолог	София	Чикаго
МК 4	Болг.	Русск.	Высшее, филолог	София	София
МК 5	Болг.	—	Неполное высшее, филолог	Благоевград	Благоевград
МК 6	Болг.	—	Неполное высшее, филолог	Благоевград	Благоевград
МК 7	Болг.	—	Неполное высшее, филолог	Благоевград	Благоевград
МК 8	Болг.	—	Неполное высшее, филолог	Благоевград	Благоевград
МК 9	Македонск.	Английск.	Высшее, филолог	Куманово	Куманово
МК 10	Македонск.	Английск.	Высшее	Демир Хисар	Демир Хисар
МК 11	Македонск.	Английск.	Высшее, филолог	Скопье	Скопье
МК 12	Македонск.	Английск.	Высшее, филолог	Скопье	Скопье
МК 13	Албанск.	Английск.	Высшее	Буррель	Буррель
МК 14	Албанск.	Английск.	Высшее, филолог	Ляч	Тирана
МК 15	Албанск.	Английск.	Высшее	Шкодра	Тирана
МК 16	Албанск.	Итальянск.	Среднее	Буррель	Буррель
МК 17	Албанск.	Английск.	Среднее	Буррель	Буррель
МК 18	Албанск.	Сербск.	Высшее	Прешево	Прешево
МК 19	Албанск.	Русск.	Высшее	Тирана	Тирана

Показательно для процессов, происходящих сейчас на Балканах, то, как болгары, македонцы и албанцы выбирали язык. Для болгар и македонцев мы перевели МБ 80 на английский и русский языки. Болгары выбрали только русский, македонцы — только английский. Поскольку в Албании до последнего времени наиболее широко был известен итальянский, а в Р. Сербии (частью которой является Прешевская долина) — сербский, мы предложили албанцам для перевода английский, итальянский, русский и сербский. Три албанских информанта выбрали итальянский, два английский, и по одному русский и сербский.

Это объясняется знанием иностранных языков и их статусом в каждой из балканских стран, где мы проводили эксперимент. Болгария долго была ориентирована на Советский Союз, поэтому русский язык в Болгарии был основным и часто единственным иностранным языком в учебных заведениях. Югославия значительно меньше была связана с СССР, поэтому в Македонии, которая входила в ее состав, русский пользовался значительно меньшей популярностью (предложить македонцам и болгарам для перевода сербский текст мы не сочли корректным, поскольку в этом случае сербские формы прошедших времен могли бы оказывать сильное влияние на переводчиков). Албания после Второй мировой войны и до начала 1990-х годов была самой изолированной страной в Европе, однако даже в это время там был востребован итальянский: интересны рассказы носителей о том, как они или их родители учили этот язык во времена коммунистической диктатуры Э. Ходжи: во многих местах можно было принимать программы итальянского радио и телевидения, которое не подвергалось цензуре, и это создавало сильнейший стимул к овладению итальянским.

Все глагольные формы в болгарской версии К. Шапкарева были пронумерованы — эта нумерация перенесена во все полученные версии для удобства ссылок. Орфография и пунктуация переводов даются без изменений.

Далее анализ болгарских результатов эксперимента будет посвящен только двум версиям, МК 1 и МК 7, которые показывают неожиданные вариации в использовании эвиденциалов.

Предварительно необходимо было решить несколько промежуточных вопросов:

(1) **Формы после настоящего исторического** в МК 1. Здесь наиболее существенна не часть текста в настоящем историческом, а тот момент, когда *РАЕС.Нист* сменяется косвенными эвиденциалами. Примечательно, что это происходит там же, где и в переводе Шапкарева:

Болгарский

4.6. *Става (6) братътъ и годява (7) сестра си далечъ три мѣсеци и три дни, задъ чърното море. Най-послъ я омѣжва (8). Щомъ я омѣжва (9) и той умргълъ (10) (Шапкарев = МК 0).*

Встает (6) брат и сватает (7) свою сестру, за три месяца и три дня пути, за черное море. Наконец-то выдает (8) он ее замуж. Как только выдал (9) он ее замуж, так и умер (10).

- 4.7. *Става (6) братът и сватосва (7) сестра си, далече, на три месеца и три дни път, на Черно море. Накрая я дава (8) за жена. Едва я бе дал (9) да се жени (9а), и умрял (10) (МК1).*

Предшествующий приведенному отрывку текст (1–5) в переводе Шапкарева — в косвенных эвиденциалах. Настоящее историческое используется в одной и той же точке и в том, и в другом тексте, а затем неожиданно сменяется косвенными эвиденциалами. Этот переход указывает на границу в тексте, которая отделяет новый эпизод.

(2) **Прямые эвиденциалы в МК 7.** Прямые эвиденциалы отмечают в МК 7 формы (18–33) и (100–101). Они появляются сразу после фрагмента прямой речи в V (18) и заканчиваются в (33), почти сразу же после того, как начинается VII (единственное исключение — 22).

Болгарский

- 4.8. *Най-сетне на Бог му омръзна (18) и Бог съживи (19) Костадин и той тръгна (20) да търси (21) сестра си, защото майка му го кълняла (22) ден и нощ. Когато Костадин стана (23) от ковчега, ковчегът му се превърна (24) в кон, а саванът се превърна (24а) в чул и той тръгна (25) да търси (25а) сестра си, далече-далече, на три месеца и три дни път, отвъд черното море. Той пристигна (26) и каза (27) на сестра си: “Ех, сестро, хайде да те водим (28) вкъщи.” Когато тя го видя (29) и целуна (30), го попита (31): “Защо, братко, миришеш (32) на земя и плесен?” А той ѝ отвърна (33): “От дългия път.” Те яздели (34), яздели (35), докато Тодия не каза (36) (МК 7).*

Наконец, надоело (18) Богу, и Бог оживил (19) Костадина, и пошел (20) он за своей сестрой, потому что мать днём и ночью всё его проклинала (22). Когда Костадин встал (23) из гроба, его гроб стал (24) конем, а саван — поной, и поехал (25) он так к своей сестре, далеко, за три месяца и три дня пути, за черное море. Пришел (26) он туда и сказал (27) сестре: “Ну, сестра, поехали (28) к нам”. Когда она его увидела (29) и поцеловала (30) как брата, то сказала (31) ему: “Почему, брат мой, ты пахнешь (32) землей и плесенью?” А он сказал (33) ей: “От долгого пути”. Ехали (34) они, ехали (35) и Тодия, сестра его, сказала (36).

Здесь начинается другой эпизод (VII. Дорога домой. Приметы СМЕРТИ: слова птиц, могильный запах и др.), что показано при помощи неожиданного переключения между формами в (34).

Можно предположить, что косвенные эвиденциалы у Шапкарева играют ту же роль, что прямые эвиденциалы для переводчика МК 7. Основная оппозиция, таким образом, не грамматическая (прямые эвиденциалы vs. косвенные эвиденциалы), а *немаркированные vs. маркированные формы*, причем в разных текстах маркируют разные формы. В данном случае мы говорим о контекстуальной

маркированности, а не о грамматической. Это можно увидеть в (100–101), где напряжение достигает высшей точки, после чего переводчик вновь обращается к прямым эвиденциалам («Точно тогава Тодия се завърна (100) и чукна на вратата (101)»). В грамматике балканославянских языков, как было сказано во второй главе, нейтральными формами является настоящее время (которое можно использовать, например, в рассказе о событиях прошлого), а маркированными — прямые/косвенные эвиденциалы. Однако в рассматриваемых в данном разделе текстах ситуация с маркированностью отличается от того, что предписывает грамматика. Версия Шапкарева почти целиком выдержана в прямых эвиденциалах, и только в ключевых точках он переходит на косвенные. Версия МК 7 почти целиком выдержана в косвенных эвиденциалах, и только в ключевых точках информант переходит на прямые. То есть оказывается, что прямые и косвенные эвиденциалы маркированы противоположным образом в версии Шапкарева и в МК 7: у Шапкарева оппозиция: $Ev^+ = \text{немаркированные} : Ev^- = \text{маркированные}$, а в МК 7 $Ev^+ = \text{маркированные} : Ev^- = \text{немаркированные}$. Однако переключение между разными видами форм имеет одинаковые функции и у Шапкарева, и в МК 7: оно показывает выделенность последующей части текста. Можно сказать, что не так важно, какие формы являются маркированными в данном случае, а важно то, в какой момент рассказчик/говорящий/сказитель переходит от одного набора форм к другому.

Македонские тексты (МК 9–11) целиком выдержаны в косвенных эвиденциалах, что было вполне ожидаемо с точки зрения правил современного литературного языка. Однако МК 12 выбивается из этого ряда. Первые 15 глагольных форм (МК 12: 1–15), действительно, косвенные эвиденциалы, однако сразу после проклятия матерью они исчезают и до конца текста идут Aor. Ev^+ и Impf. Ev^+ , а также настоящее время. Таким образом, в этом тексте косвенные эвиденциалы маркируют эпизоды I–IVa, или широко понятое начало текста. У нас была возможность «по горячим следам» узнать у участницы эксперимента, которой принадлежит перевод, чем она руководствовалась при выборе форм, и вот что она ответила: «Кога го преведував текстот, го правев тоа што поспонтано, за да биде што поприродно (кога би го прегледувала сега со дистанца, можеби и од професионална лекторска деформација, би го искоригирала секаде да

биде со прекажани форми). Мислам дека на местото каде сум почнала со аорист сум почувствувала дека завршил воведот во приказната (како *background*) и сум почувствувала дека следува она што треба да биде во прв план (*foreground* — по когнитивистичка или некоа друга теорија) во таа приказна, т.е. самата (актуелна) случка, која треба поживо, поблиско, поекспресивно да се раскаже. И затоа сум прешла на непрекажани форми»¹⁶³. Как видно, тенденции, обнаруженные в фольклорных текстах, в некоторой мере могут быть актуальными и для современного языка.

Косвенные эвиденциалы были использованы только в двух албанских переводах, при этом в прямой речи в одном из наиболее часто выделяемых значений — «удивление, *unprepared mind*»¹⁶⁴, то есть, для нас это употребление в данном случае несущественно, и мы его не рассматриваем.

В то же время отметим особо МК 18. Если во всех остальных версиях используются только аорист, имперфект и настоящее историческое, то в этой версии употребляется 22 формы перфекта, причем все — в эпизодах I—VI (1—14а; 18—20; 22). После этого переводчик переключается на нейтральные аорист, имперфект и настоящее историческое. В этом тексте перфект является формой, маркирующей

¹⁶³ «Когда я переводила текст, я делала это как можно более спонтанно, чтобы получилось как можно ближе к тому, как мы говорим (если бы сейчас я переводила этот текст, то я бы его исправила и везде бы оставила только пересказывательные формы, может быть и по причине того, что я профессиональный преподаватель языка). Я думаю, что на том месте, где я начала использовать аорист, я почувствовала, что введение в сказку (как бы *background*) закончилось, и почувствовала: за этим следует то, что должно относиться к первому плану (*foreground* в когнитивистской или другой теории), то есть само происшествие, которое нужно рассказать более живо, более близко к слушающему, более экспрессивно. И поэтому я перешла на непересказывательные формы». Отметим, что в реплике переводчика также используются формы *Ev*-первого лица единственного числа (*сум почнала... сум почувствувала... сум прешла*) в достаточно редкой функции, о которой мы говорили выше: действия, в которых говорящий не отдавал себе отчет во время совершения, и о которых судит в ретроспективе.

¹⁶⁴ В одном и том же фрагменте: МК 13: 76—77 VI. «Kostandini, vëllai im, çfarë zog i mallkuar *qenka* ky, pse po këndon këshu?» / «Костандин, о мой брат, что это за проклятая птица, которая так поет?» и в МК 16: 76—77 VI. «Kostandin vëllai im, çfarë zog i mallkuar *qenka* (76) ky, pse po këndon (77) këshu?» ‘то же’.

начало текста (как в МК 12 косвенные эвиденциалы); как только брат вступает в разговор с сестрой, перфект исчезает и больше не встречается нигде в этой версии.

* * *

Итак, в болгарских и македонских фольклорных версиях «Баллады...» грамматические маркеры эвиденциальности играют важную роль в организации пространства текста. Они маркируют глаголы речи (прямые эвиденциалы) и глаголы движения (косвенные эвиденциалы), что связано с позицией этих лексико-семантических групп в структуре текста. Самым существенным представляется то, что чередование прямых/косвенных эвиденциалов может использоваться для маркирования стыков/границ между эпизодами¹⁶⁵. Лингвистический эксперимент показывает, что чередование Ev^-/Ev^+ или $Ev^-/Praes.Nist$ может использоваться в такой функции и носителями современного литературного языка. Болгарские информанты использовали для маркирования стыков между эпизодами настоящее историческое и формы прямой эвиденциальности. Это объяснимо — в современном болгарском языке как основные формы в стилизациях под фольклор используются косвенные эвиденциалы. Двигаясь от противоположного, носители языка выбирают максимально контрастные формы — прямые эвиденциалы, которые и применяются для маркирования. Это упрощенная картина по сравнению с тем, что мы видели в фольклорных текстах (где и прямые, и косвенные эвиденциалы имеют тенденцию появляться в определенных точках текста), тем не менее, общий принцип остается прежним — эвиденциальность реализуется через серию включений в наиболее важных точках текста. Один из македонских информантов также использовал для маркирования оппозицию между прямыми и косвенными эвиденциалами: начало текста выдержано только в косвенных эвиденциалах,

¹⁶⁵ Это можно сопоставить с явлением, которое Р.-М. Дешен называет *reportative concord* ‘пересказывательное согласование’: в равнинном кри (алгонкинские языки) показатель репортатива $\hat{e}s(a)$ может появляться в предложении несколько раз, отмечая правый конец составляющих (эта информация была представлена в докладе Р. Дешен на круглом столе “Documenting Evidentiality” в университете Лейдена в июне 2012 г.). По всей видимости, в равнинном кри это дискурсивное средство, которое является маркером жанра сказки/легенды.

а основное действие и развязка — в прямых. В данном случае говорящий начинает с определения своей «несвидетельской» позиции, и выделенность начала оказывается для него достаточной. При этом, как и в болгарских песнях, самый существенный принцип — принцип «экономного» использования эвиденциальности в диагностических точках текстов — сохранен.

Как было показано во второй главе, косвенные эвиденциалы используются для дистанцирования от сообщаемой информации, например, когда она получена из вторичного источника, неожиданна для говорящего или вызывает у него сомнение и т. д. Прямые эвиденциалы показывают, что говорящий ручается за достоверность информации (например, потому что он сам видел то, о чем он говорит). Поэтому переходы между прямыми и косвенными эвиденциалами будут служить средством для расстановки акцентов, для придания рассказу живости или для указания на вторичность и сомнительность информации. Исходя из этого, косвенные эвиденциалы в финале могут показывать своего рода закрытие границы текста, что актуализирует идею дистанции, заложенную в употреблении этих форм. Отметим, что в албанских песнях конец может быть выделен и при помощи лексического маркера («Të duja — **thon'** — qyqe që jonë bonun! Pej atëher' — **thonë** — qyqet jonë nxonun!» / «И обе — говорят — кукушками стали! И они с тех пор — говорят — и живут в виде кукушек!» — МБ 79). Впрочем, если в фольклорных текстах косвенные эвиденциалы могут использоваться для структурирования пространства текста (не только для указания на стыки между эпизодами, как в болгарских и македонских версиях «Баллады...», но и в качестве одного из средств выражения нарративной перспективы), то лингвистический эксперимент не обнаружил такого использования в переводах, выполненных носителями современного литературного языка (или языка, приближенного к литературному). В то же время носители языка по-прежнему ощущают потребность маркировать определенные части текста при помощи специальных грамматических форм, но решают эту проблему по-разному. О маркировании лексико-семантических групп сложно говорить на материале албанских песен: скорее, речь может идти о маркировании определенных глаголов, которые обозначают важные с точки зрения структуры текста действия героев (их прикосновение друг ко другу, разговор, отдельные отрезки пути).

5. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Любая сложная система в процессе исторического развития с неизбежностью сталкивается с «бременем традиции»: когда количество правил достигает критической точки, а некоторая их часть противоречит более ранним или более поздним. Это применимо и к описанию грамматики, что ставит перед исследователями проблему рецепции наследия предшественников: как отсечь лишнее и выбрать необходимое. Такую задачу мы попытались решить в первых двух главах работы, где на основании ранее представленных в лингвистике моделей были определены структура и значения категории эвиденциальности, а также набор форм, связанных с ней. Одним из критериев для выбора модели была внутренняя непротиворечивость и подтвержденность языковым материалом. Закономерно, что итоговая картина достаточно мало отличается от того, что можно прочесть в академических грамматиках соответствующих языков: изменены названия субкатегорий, к которым относятся те или иные формы, и их взаимное расположение, но при этом примеры в большинстве случаев совпадают с тем, что предлагается в академических грамматиках и авторитетных исследованиях. Таким образом, для «ядерной» зоны семантической категории эвиденциальности (так сказать, «эвиденциальность в языке, приближенном к литературному, используемая по прямому назначению») обрисован ясный контур и определены «эталонные» значения.

Ограничение только двумя видами текстов: фольклорными и текстами СМИ кажется на первый взгляд нелогичным. Если мы определяем только две области из континуума, можно ли поручиться, что этого достаточно для описания феномена в целом?

Как уже было сказано, фольклор и язык СМИ объединяются своим «внешним» по отношению к литературной норме статусом. Язык фольклора (изначально — диалект) имеет «достандартный» статус. Известно, что часто именно язык фольклора становится основой для складывающегося койне, а затем, опосредованно, и для литературного языка. В процессе строительства литературного языка диалектные языковые явления проходят усвоение и шлифовку, таким образом ожидается, что система литературного языка будет, с одной стороны богаче простого «среднего арифметического» диалектов за счет

своей обработанности, наличию регулирующих словарей-справочников, грамматик. С другой стороны, простая сумма диалектных явлений (не среднее арифметическое, а инвентарь всех возможных элементов) по определению больше, чем может вместить литературный язык. Обращаясь к диалектному/фольклорному материалу, мы обращаемся к корням явлений, существующих в литературном языке, и можем наблюдать процессы, которые изменяют наше представление о законах, действующих в рамках литературного языка.

Язык многих СМИ Юго-Восточной Европы после политических изменений в регионе стал всё более отталкиваться от литературной нормы, ориентируясь на язык улиц и жаргоны. Его статус можно определить как «постстандартный» (пурист сказал бы о порче литературного языка): в погоне за новым — тем, что могло бы привлечь аудиторию, язык СМИ не только отходит от литературного, но и становится источником новых слов, значений и языковых явлений иного порядка.

Этот внешний по отношению к языковой норме статус языка фольклора и языка СМИ дает возможность для их параллельного анализа. «Пропущенное» на первый взгляд в данной работе место в континууме языковых фактов на самом деле занято литературным языком, а следовательно, язык фольклора и язык СМИ не рассматриваются в изоляции друг от друга и от *tertium comparationis*: литературный язык является отправным пунктом нашего анализа, и вместе эти три области применения языка задают прекрасную координатную сетку для «ловли» значений эвиденциальности.

* * *

Общеизвестно, что СМИ представляют собой средство воздействия на адресата, и это отражается в их языке. Как и во многих других областях лингвистики, в дискурсивном анализе СМИ в 1980-е гг. начинается настоящий бум, связанный прежде всего с тем, что у этого лингвистического направления есть вполне конкретные практические измерения, связанные с анализом процессов, происходящих в обществе, и управлением ими. Упомянем только несколько работ и сборников по этой проблематике с основной библиографией: (van Dijk 1986; van Dijk 1988; Bednarek 2006; Gillespie, Toynbee 2006; Foulton et al. 2005). Приведенный список ни в коем случае не исчерпывающий — в этом нет нужды, учитывая тематику, рассматриваемую в данной работе. Отметим также, что исследования по дискурсивному анализу СМИ

начались на материале наиболее распространенных европейских языков (английский, немецкий, французский и др.), а языки, в которых есть показатели эвиденциальности, из этого мейнстрима часто выпадают. В то же время вместе с такими семантическими категориями, как дейксис, инклюзивность/эксклюзивность, нарративная перспектива и многими другими эвиденциальность (и тесно связанная с ней эпистемичность) — категории, прекрасно подходящие для манипулирования сознанием адресата текста. Языки, в которых есть обязательное грамматическое маркирование этих категорий, в нашем случае — эвиденциальности (с дополнительным эпистемическим звучанием), используют для этого его возможности в полной мере.

Степень этой манипуляции и ее цели будут различаться в зависимости от вида коммуникации (межперсональная или массовая), но в ее основе будет лежать один и тот же механизм: факты, которые автор текста хочет представить как достоверные, будут маркироваться формами, выражающими прямое свидетельство / низкую дистанцию / эпистемическую оценку доверия, а факты, которые автор хочет представить как недостоверные — наоборот, формами, выражающими косвенное свидетельство / высокую дистанцию / эпистемическую оценку недоверия. Поскольку это переплетается с другими значениями форм для выражения эвиденциальности, адресат текста (если он ставит себе целью истолкование не только послания, но и целей автора текста, которые тот не вербализует) имеет дело с нелегким делом: отделить субъективный компонент от объективного.

5.1. Болгарская пресса на рубеже 1980-х — 1990-х: «стратегия объективности»¹⁶⁶

Использованию *л*-форм в болгарских СМИ посвящено достаточно много работ, из которых упомянем статьи Е. Георгиевой (1985); И. Васевой (1995); С. Стоичковой и Е. Чаушевой (1995); Р. Шопова и С. Вылковой (1995); Р. Ницоловой (Ницолова 1998); А. Замбовой (2000); Й. Дапчевой (2003); Е. Метевой-Русевой (2009). Как подчеркивают Р. Шопов и С. Вылкова, при использовании *л*-форм достоверность

¹⁶⁶ Предварительная версия данного раздела опубликована в: «Съпоставително езикознание», № 2–3/2013, сс. 224–238.

события расшатывается, оно превращается в недостоверное, не-событие (1995: 223)¹⁶⁷. И наоборот, используя формы на *-х/-ш/-ѳ-*, мы можем представить событие как более достоверное. (Не)достоверность события — всего лишь один из многих семантических оттенков болгарских эвиденциалов. Среди других таких параметров — собственная/несобственная речь, большее/меньшее удивление и др.

Приведем развернутые фрагменты одного болгарского текста. Это аналитическая статья, в которой используются фрагменты криминальной хроники:

Болгарский

5.1. I. **Високи цени — евтина смърт**

II. **Битовите убийства плашат хората повече от Наглите и Килърите**

III. <...> В истинската България хората много повече се плашат от бум на кражбите и битовите убийства.

IV. Във врачанското село Михайлово две ромчета удавиха_{Aor} (1) собствено-ромчано местната магазинерка след като я душили_{Lpart (= Aor.Ev)} (2) с връзка за обувки. Много се гиздела_{Lpart (= Impf.Ev)} (3) със злато и биела_{Lpart (= Impf.Ev)} (4) на очи на фона на цялата немотия. Хората се вдигнаха_{Aor} (5) с искания да изселят ромските кланове, от които произхождат невръстните килъри. Това убийство било_{Esse.Lpart (= Aor.Ev)} (6) върхът на наглостта от кражби, страх и терор.

V. Списъкът, както в съседните села, така и в цялата страна е по-дълъг от брадата на Осам бен Ладен.

VI. Лани пак в същата община Хайредин 27-годишен изнасили_{Aor} (7) старица, ей така, да не е капо, защото не_{Neg} открил_{Lpart (= Aor.Ev)} (8) къде клетата баба си държи пенсията.

VII. Преди дни маскирани мъже с бухалки нахлуха_{Aor} (9) при бременна жена и мъжа ѝ в плевенското село Радомирци. Побоят, както се разбра_{Aor} (10) по-късно, е_{Esse.3sg} бил_{Esse.Lpart (= Impf.Ev)} (11) заради вересици, които безработното семейство дължало_{Lpart (= Impf.Ev)} (12) на местен бакалин.

VIII. В село Хотанца, Русенско, се_{Ref} случило_{Lpart (= Aor.Ev)} (13) обратното — длъжникът предприе_{Aor} (14) изпреварващите действия. Там заради 200 лева борч млад мъж затри_{Aor} (15) семейство кръчмари. 19-годишният безделник взимал_{Lpart (= Impf.Ev)} (16) месеци наред храна и алкохол, а накрая пре-бил_{Lpart (= Aor.Ev)} (17) до смърт пенсионерите, държачи селския хоремаг. След като строшил_{Lpart (= Aor.Ev)} (18) главите им, задигнал_{Lpart (= Aor.Ev)} (19) най-ценното — тефтера с вересиите. Така освен себе си отървал_{Lpart (= Aor.Ev)} (20)

¹⁶⁷ При этом, конечно, не стоит недооценивать и другие языковые средства — дискурсивные маркеры, стилистически окрашенные слова, пунктуацию (в случае письменного текста), интонацию (в случае устного текста) и прочее.

и много свои съселяни от бремето да дължиш пари, когато нямаш нищо друго освен живота си. <...>

Любомир Стардиолски, «Високи цени — евтина смърт», в. «Стандарт», 17 февраля 2011, <http://paper.standartnews.com/bg/article.php?article=357959>

I. Высокие цены — дешевая смерть

II. Бытовые убийства пугают людей больше, чем «Наглые» и «Киллеры»

III. <...> В настоящей Болгарии люди гораздо больше боятся участвовавших краж и бытовых убийств.

IV. Во врачанском селе Михайлово двое молодых цыган утопили (1) хозяйку магазина после того, как душили (2) ее бечевкой от обувной коробки. Она чрезмерно украшала себя (3) золотом, что бросалось (4) в глаза на фоне всеобщей нищеты. Люди вышли на улицы (5) с требованиями выселить цыганские кланы, к которым принадлежат несовершеннолетние убийцы. Это убийство (6) увенчало собой пирамиду наглости — краж, страха и террора.

V. Список — как по соседним селам, так и по всей стране, длинее бороды Осамы бин Ладена.

VI. В прошлом году в той же общине Хайредин 27-летний парень изнасиловал (7) старушку, просто так, чтобы не ходить зря, — после того, как не нашел (8), где бедная бабушка держит пенсию.

VII. Несколько дней назад в плевенском селе Радомирци мужчины в масках и со скалками в руках ворвались (9) к беременной женщине и ее мужу. Нападение, как стало (10) ясно позже, произошло (11) из-за долгов семьи перед местным бакалейщиком (досл. «которые семья задолжала (12) местному бакалейщику»).

VIII. В селе Хотанца под Русе всё произошло (13) наоборот — должник предпринял (14) упреждающие действия. Там из-за долга в 200 левов молодой человек расправился (15) с семьей владельца гостиницы. 19-летний бездельник несколько месяцев подряд забирал (16) еду и алкоголь, а в конце нанес (17) тяжелые побои, несовместимые с жизнью, семье пенсионеров, содержавших сельскую гостиницу с ресторанчиком и магазином. После того, как он разбил (18) им головы (= после того, как он убил их), он вынес (19) самое ценное — записную книжку с отметками о долгах. Так რომе себя он избавил (20) и много своих односельчан от долгового бремени, особенно тяжелого, когда жизнь — это единственное, что у тебя осталось.

С точки зрения Академической грамматики (Грамматика 1983), в этом тексте формы употреблены бессистемно: нет никаких оснований противопоставлять свидетельский статус говорящего в (1) и (2), (7) и (8), (13) и (14), (15) и (17): автор не наблюдал ни одного из этих действий. Собственно, обязательным было бы использование косвенных эвиденциалов для всех форм, кроме (5), (10) и (11) (в (5) автор вполне мог быть свидетелем того, как люди протестовали; в (10) в число людей, узнавших о происшествии, можно включить и автора).

Однако если рассматривать употребление косвенных и прямых эвиденциалов как средство манипуляции, то обнаружится достаточно ясное распределение. Первая часть основного тезиса, вводимого в подзаголовке статьи — «Бытовые убийства пугают людей», аргументируется фактами IV, VI, VII, VIII. Каждый факт вводится в виде сжатого изложения (*abstract*), за которым следует развернутое изложение (*complicating action*) (табл. 5.1):

Таблица 5.1. Нарративная структура и эвиденциалы в примере 5.1.

Тип изложения	IV	VI	VII	VIII	Эвиденциал
сжатое изложение (<i>abstract</i>)	(1)	(7)	(9)	(14–15)	форма Ev ⁺
	—	—	—	(13)	
развернутое изложение (<i>complicating action</i>)	(2–4)	(8)	(11–12)	(16–20)	форма Ev ⁻

Здесь можно увидеть механизм, о котором мы говорили в предыдущих главах: прямые и косвенные эвиденциалы распределяют между собой функции в зависимости от того места текста, в котором они находятся, а в общем и целом противопоставление между сжатым и развернутым изложением соответствует противопоставлению разных видов форм¹⁶⁸. Но мы хотели бы обратить внимание на то, что это полностью совпадает с одним из значений прямых/косвенных эвиденциалов: информация, включенная в личный фонд знаний говорящего/информация, полученная из вторичных источников. Поскольку эти два вида информации могут совпадать, выбор формы является следствием субъективного прагматического выбора говорящего. В данном случае выбор обусловлен не информативной, а убеждающей функцией СМИ. Чтобы показать, что информация, использованная в статье, несмотря на вторичные источники, достоверна, автор делает выбор в пользу прямых эвиденциалов по крайней мере для сжатого изложения (*abstract*). Однако в своем выборе он ограничен ожиданиями адресатов текста. Поскольку из текста явно следует, что он основан на вторичных источниках, использование только Ev⁻ нарушило бы ожидания адресатов и вызвало бы нежелательный эффект недоверия. Мы бы назвали это «стратегией объективности»:

¹⁶⁸ Если считать форму (13) не частью сжатого изложения, а, допустим, переходом к VIII или ориентирующей информацией (*orientation*, по У. Лавбу и Дж. Валецкому) на уровне текста, то соответствие будет стопроцентным.

автор текста при выборе подходящего эвиденциала (прямого/косвенного) исходит не столько из зафиксированных в грамматике значений, сколько из ожиданий потенциальных адресатов. Эта стратегия не имеет отношения к истинности/ложности высказывания: порукой истинности фактов выступает авторитет печатного издания («Стандарт» — одна из самых читаемых газет в Болгарии, выходит с 1992 г. и позиционирует себя как «национальный информационный еженевник»).

* * *

«Стратегия объективности» лежит в основе специального прагматического правила, которое, по сообщениям многих болгарских исследователей (Стоичкова, Чаушева 1995: 259; Замбова 2000: 108; Ницолова 1998; Ницолова 2007: 178–181), регулярно применялось в болгарской публицистике до 1989 г. Согласно этому правилу, в сообщениях из Советского Союза использовались только прямые эвиденциалы, а для сообщений западных агентств (Associated Press, Reuters и др.) о странах несоциалистического лагеря часто были характерны косвенные эвиденциалы. Р. Ницолова пишет, ссылаясь на работу С. Стоичковой и Е. Чаушевой, что *л*-формы в сообщениях с Запада использовались, «чтобы выразить определенную дистанцию по отношению к передаваемой информации, не принимая ответственности за ее истинность» (Ницолова 2007: 179), что делалось по идеологическим причинам. Хотя *л*-формы и не составляют 100% всех глагольных форм в сообщениях с Запада, всё же в сравнении с материалами из СССР, где в определенные периоды они практически отсутствуют, разница очень велика. В настоящем разделе мы покажем, как и почему происходят изменения в функционировании эвиденциальности в болгарской прессе в конце восьмидесятых — начале девяностых годов прошлого века на материале того, как изменялось использование *л*-форм в официальной газете Болгарской коммунистической партии «Работническо дело» (с 4.04.1990 газета получила новое название «Дума») в сообщениях из (а также о) СССР и государств постсоветского пространства (прежде всего, Российской Федерации) во время великих перемен в общественной жизни Болгарии и СССР/СНГ и Прибалтики в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Анализ основывается на публикациях с 1985 по 1993 г., из каждого года выбрано примерно по одной неделе. Общее количество материала — около

200 газетных статей и заметок¹⁶⁹. По причине официального характера газеты ожидается, что употребление форм в нём отражает одобрённый партией узус, и поэтому изменения в языке отражают изменения в сознании людей и в политической реальности Болгарии.

Среди номеров газеты, которые были нами проанализированы — и те, которые отражают более спокойные периоды перестройки в Советском Союзе, когда не происходило событий, которые вызвали бы серьёзный резонанс (сентябрь 1985, ноябрь 1987, февраль 1988, май 1989, март 1990 и февраль 1992 г.), а также периоды серьёзных потрясений. 26 апреля 1987 г. происходит пожар на Чернобыльской АЭС — мы проанализировали номера, вышедшие в течение недели после пожара, в которых появляются строчки со скудной информацией; 19 августа 1991 г. в Советском Союзе проходит путч ГКЧП, который получает серьёзный резонанс как во всём мире, так и в Болгарии в условиях наступившей гласности; 3–4 октября 1993 в Российской Федерации достигает пика противостояние между президентом Б. Н. Ельциным и российским парламентом, которое кончается штурмом парламента. Ряд аналитиков определяет это событие как государственный переворот. Мы анализируем номера газеты от 11–16 октября, когда орудия уже отгрохотали, и корреспонденты дополняют свои предыдущие сводки с места событий новой информацией.

1985–1987 гг.

В номерах 1985 г. мы не нашли ни одной формы Ev^-Aux^- (типа *писал съм, писал*) в сообщениях из/об СССР. Первые номера, где эти формы встречаются, посвящены чернобыльской катастрофе 1986 г. Формы без вспомогательного глагола в третьем лице используются при описании «распространяемых на Западе слухов» о большом количестве жертв (в обоих случаях это дубитатив):

¹⁶⁹ «Работническо дело»: № 244–251 (01–08.09.1985); 117–123 (27.04–03.05.1986); 313–319 (09–15.11.1987); 49–54 (18–23.02.1988); 122–128 (02–08.05.1989); 60–66 (01–07.03.1990); «Дума»: 209–211 (19–22.8.1991); 49–51 (27–29.02.1992); 237–242 (11–16.10.1993). Проанализированы сообщения из советских/российских источников (с 1991 г. — из источников в России, СНГ и Прибалтике) о событиях, связанных с СССР (с 1991 г. — с Россией, СНГ и Прибалтикой). Не рассматриваются сообщения о спортивной жизни, поскольку это другой вид дискурса, не подчиняющийся идеологии в такой мере.

- 5.2. Някои агенции на Запад разпространяват слухове, че при аварията в АЕЦ били_{ESSE.LPART} загинали_{LPART (= Perf.EV-.Aux*)} хиляди хора. Както вече бе съобщено, фактически са загинали двама души и само 197 са хоспитализирани. От тях 49 са напуснали болницата след изследване. Предприятията, колхозите, совхозите и учрежденията работят нормално (РД, год. LX, № 121, четвъртък, 1 май 1986).

Некоторые агентства на Западе распространяют слухи, будто бы при аварии на АЭС погибли тысячи человек. Как уже сообщалось, фактически погибло два человека и 197 госпитализировано. Из них 49 покинули больницу после обследования. Предприятия, колхозы, совхозы и учреждения работают нормально.

- 5.3. Постоянният представител на СССР при ООН отхвърли разпространяваните от някои агенции на Запад слухове, че при аварията били_{ESSE.LPART} загинали_{LPART (= Perf.EV-.Aux*)} хиляди. В действителност са загинали двама души, 197 са хоспитализирани, от които 49 са напуснали болницата, след като са им били направени изследвания (РД, год. LX, № 122, петък, 2 май 1986 г.).

Постоянный представитель СССР при ООН опроверг распространяемые некоторыми агентствами на Западе слухи о том, что при аварии будто бы погибли тысячи человек. На самом деле погибло два человека, 197 госпитализировано. 49 из них покинули больницу после обследования.

Фактически здесь речь идет о пересказе и интерпретации советскими официальными лицами сообщений с Запада, в которых идет речь о катастрофе.

В номерах за 1987 г. в одной из статей о близнецах из пробирки мы находим сразу пять $Ev^-.Aux^-$ подряд:

- 5.4. Навремето майката на Кирил и Руслан е_{ESSE.3SG} била_{ESSE.LPART (= Impf.EV-.Aux*)} (1) оперирана, след което не_{NEG} е_{ESSE.3SG} могла_{LPART (= Impf.EV-.Aux*)} (2) вече да има деца. Учените и специалистите от Лабораторията за ранен ембриогенез в споменатия център се притичват на помощ. Там от нейния организъм взели_{LPART (= Impf.EV-.Aux*)} (3) яйцеклетка и я поставили_{LPART (= Aor.EV-.Aux*)} (4) в епруветка, като «добавили»_{LPART (= Aor.EV-.Aux*)} (5) и полова клетка на съпруга. След оплождането върнали_{LPART (= Aor.EV-.Aux*)} (6) ембриона в организма на жената, а след определения от природата срок тя роди_{LPART (= Aor.EV-.Aux*)} близнаци (РД, год. LXI, брой 317, петък, 13 ноември 1987 г.).

В свое время мать Кирилла и Руслана была прооперирована, после чего она уже не могла иметь детей. На помощь пришли ученые и специалисты из Лаборатории раннего эмбриогенеза в вышеупомянутом центре. Там из ее организма взяли яйцеклетку и поместили в пробирку, «добавив» и половую клетку супруга. После оплодотворения они вернули эмбрион в организм женщины, а после истечения определенного природой срока она родила близнецов.

Здесь косвенные эвиденциалы (1–6) передают события, которые произошли относительно давно. Интересен тот факт, что журналист всё же выбирает формы без вспомогательного глагола (3–6), хотя оснований сомневаться в зачатии *in vitro* нет, а информация получена из газеты «Труд», т.е. идеологически достоверного источника. Однако, поскольку в статье речь не идет о релевантных с точки зрения политики или идеологии событиях или высказываниях, остается считать, что в подобных текстах использование прямых/косвенных эвиденциалов не подчинялось в такой мере идеологии, и выбор форм, по всей видимости, принадлежал журналисту. Здесь можно увидеть выбор следующей стратегии: для сжатого изложения (*abstract*) используется форма Aux^+ , а для развернутого (*complicating action*) — Aux^- . Это зеркально соотносится с практикой, выявленной Г. Филдер в восточномакедонском диалекте Пехчево, где для сжатого изложения используется Aux^- , а для развернутого — Aux^+ (Felder 2009: 67). Впрочем, такая стратегия применяется в этот период в газете «Работническо дело» исключительно редко, в силу того, что практически не используются формы Aux^- . Фактически речь идет о двух редких для дискурса «РД» условиях, которые встречаются в одном месте: 1) отдаленные во времени события (обычно в газете дается актуальная информация); 2) малый масштаб (обычно речь идет о больших/резонансных событиях — фестивалях, визитах на высшем уровне, экономических успехах). Формы со вспомогательным глаголом в третьем лице в этот период используются как совершенные или конклюдивные, но иногда появляются и формы Ev^-Aux^+ :

- 5.5. *Нощес в 1,26 ч. московско време бе осъществено скачването на космическия кораб «Прогрес-26» с орбиталния пилотиран комплекс «Мир-Союз Т-15», съобщил ТАСС. Процесите по скачването са ESSE били ESSE.LPART (= ImpfEv^-Aux^+) контролирани от Центъра за управление на полета (РД, год. LX, брой 118, понеделник, 28 април 1986 г.).*

Этой ночью в 1:26 по московскому времени была осуществлена стыковка космического корабля «Прогресс-26» с пилотируемым орбитальным комплексом «Мир-Союз Т-15», как сообщил ТАСС. Процесс стыковки проходил под контролем Центра управления полетами.

Из использования Ev^-Aux^+ в этом примере можно понять, что журналист не был свидетелем операции по стыковке (= не был в Центре управления полетами), а всю информацию получил из официального сообщения ТАСС.

Такие формы могут использоваться и в пересказе информации, полученной от советских чиновников. Например, они появляются в сообщении о заявлении Юрия Гремитских, заместителя начальника управления информации при советском МИДе:

5.6. *Той подчерта, че редица страни са_{ESSE,3PL} се_{REFL} стремили_{LPART (= AOR.EV-.AUX+/PERF)} да насочат това обсъждане по конструктивен път. Например Сирия и НДРЙ са_{ESSE,3PL} излезли_{LPART (= AOR.EV-.AUX+)} с конструктивна инициатива, която е_{ESSE,3SG} цел_{LPART (= IMPF.EV-.AUX+)} ляла_{LPART (= IMPF.EV-.AUX+)} да се придаде на предложената от Пакистан резолюция балансиран, приемлив за всички характер. В техните поправки се_{REFL} е_{ESSE,3SG} съдържал_{LPART (= IMPF.EV-.AUX+)} призив за строго спазване на принципа за ненамеса по отношение на Афганистан и се_{REFL} е_{ESSE,3SG} приветствувал_{LPART (= IMPF.EV-.AUX+)} напредъкът на Женевските преговори за политическо уреждане (РД, год. LXI, брой 317, петък, 13 ноември 1987 г.).*

Он подчеркнул, что ряд стран стремился к тому, чтобы направить это обсуждение по конструктивному пути. Например, Сирия и НДРЙ вышли с конструктивной инициативой, целью которой было придать предложенной Пакистаном резолюции сбалансированный, приемлемый для всех характер. В их поправках содержался призыв к строгому соблюдению принципа невмешательства по отношению к Афганистану и приветствовался прогресс в Женевских переговорах по политическому урегулированию.

Мы считаем, что здесь речь идет о косвенных эвиденциалах, а не о перфекте, по ряду причин: 1) прежде всего, подчеркнутые формы можно заменить прямыми эвиденциалами (аористом/имперфектом) без изменения их темпорального значения: «Сирия и НДРЙ излязоха с конструктивна инициатива, която целеше да се придаде на предложената ...резолюция балансиран... характер. В техните поправки се съдържеше (или даже в настоящем времени: се съдържи) призив... и се приветстваше (также возможно в настоящем времени: се приветства) напредъкът»; 2) обычно перфектные формы встречаются редко (из-за того, что они принадлежат ко второму плану дискурса и дают дополнительную информацию), а здесь мы сталкиваемся с их концентрацией в одном месте. Мы хотели бы подчеркнуть, что не все *л*-формы со вспомогательным глаголом в третьем лице являются косвенными эвиденциалами¹⁷⁰: первая форма («редица страни са се стремили») имеет спорный статус, поскольку без дополнительного контекста мы не можем сказать, можно ли заменить ее импер-

¹⁷⁰ Если отвлечься от того, что перфект тоже указывает на дистанцию, но особого рода — временного.

фектной формой («редица страни *се стремяха*»¹⁷¹), или здесь идет речь об отдельных однократных действиях в прошлом, которые обобщаются в перфектной форме (например: одна страна стремилась, затем другая, затем третья, но все их стремления продолжались недолго и быстро прекращались).

1988–1990 гг.

В этот период мы наблюдаем интервенцию форм $Ev\text{-}Aux^-/Ev\text{-}Aux^+$, даже в областях, традиционно зарезервированных для прямых эвиденциалов — в сообщениях об официальных встречах на высшем уровне:

- 5.7. *Днес тук се_{REFL} състоя_{AOR} (1) среща на министъра на външните работи на СССР Едуард Шеварнадзе с председателя на Съвета на Европа и министър на външните работи на Португалия Жоау Пирейру и с генералния секретар на съвета Катрин Лалюмиер... В разговора са_{ESSE,3PL} били_{ESSE,LPART (= IMPF. Ev-Aux*)} (2) обсъдени възможностите на контактите между СССР и Съвета на Европа... Подчертана е_{ESSE,3SG} била_{ESSE,LPART (= IMPF. Ev-Aux*)} (3) и важноста на политическия диалог... Спирайки се на развитието на общоевропейския процес, двете страни подчертали_{LPART (= AOR. Ev-Aux*)} (4) неговата нарастваща роля като важен фактор на стабилността в Европа. Съветската страна изтъкна_{AOR} (5), че е необходимо да се синхронизират извършващите се в континента промени (РД, год. LXIV, № 62, събота, 3 март 1990).*

Сегодня здесь состоялась (1) встреча министра внутренних дел СССР Эдуарда Шеварнадзе с председателем Совета Европы и министром внутренних дел Португалии Жоау Пинеиро и с генеральным секретарем совета Катрин Лалюмьер... В разговоре были (2) обсуждены возможности контактов между СССР и Советом Европы... Была (3) подчеркнута и важность политического диалога... Остановившись на развитии общеевропейского процесса, стороны подчеркнули (4) его возрастающую роль важного фактора стабильности в Европе. Советская сторона заявила (5), что необходимо синхронизировать изменения, которые совершаются на континенте.

В сообщении, из которого взята эта развернутая цитата, прямые эвиденциалы (1 и 5) исполняют своего рода «маркерную» функцию: они показывают, что состоявшаяся встреча — серьезное политическое событие, которое не вызывает ни у кого сомнений, входит в личный

¹⁷¹ В этом случае в оригинале следовало бы ожидать *л*-имперфектной формы «редица страни са се стремели», но известно, что носители болгарского языка с запада Болгарии часто употребляют *л*-аористные формы вместо *л*-имперфектных.

фонд знаний пишущего и должно быть воспринято читателями соответствующим образом. Однако в изложении последовательных действий сторон во время встречи используются $Ev^- .Aux^+$ (2–3) и $Ev^- .Aux^-$ (4). Очевидно, журналист не присутствовал на пресс-конференции по результатам встречи и познакомился с рабочими материалами позже. Если до начала гласности в Советском Союзе, насколько можно судить по доступным нам материалам, в сообщениях о подобных встречах используются только прямые эвиденциалы (и неважно, был ли журналист на встрече), сейчас мы видим, что становится допустимо использовать и косвенные эвиденциалы обоих типов (со вспомогательным глаголом в третьем лице и без него).

Тем не менее, $Ev^- .Aux^-$ в этот период встречаются в сообщениях из СССР достаточно редко: например, в номерах газеты за 1990 г. (01–07.03.1990) в 32 сообщениях, в которых всего 429 форм (115 Ev^+ , 37 $Ev^- .Aux^+$, 314 нейтральных: настоящее и будущее), зарегистрирована всего одна $Ev^- .Aux^-$. Кроме этого, в данный период болгарские журналисты продолжают использовать в основном прямые эвиденциалы, даже если они и не были непосредственными свидетелями события:

5.8. *В такава атмосфера преминаха_{ДЮР} и празничните манифестации на трудещите се в столиците на съюзните републики и всички големи градове, тържествата по цялата територия на страната* (РД, Год. 63, № 122, вторник, 2 май 1989).

В такой атмосфере прошли и праздничные манифестации трудящихся в столицах союзных республик и всех больших городах, торжества по всей территории страны.

1991–1993 гг.

18–21 августа 1991 г. в Советском Союзе группа высокопоставленных партийных и государственных деятелей попыталась совершить переворот, чтобы снять М. Горбачева с поста президента СССР и свернуть проводимую политику изменений в стране. В «РД» частота использования косвенных эвиденциалов значительно возрастает. Интересно, что в номере от 20 августа (поскольку «РД» выходит по утрам, оно не успело отразить известие о перевороте, которое было распространено по советскому телевидению в 6:00 19.08.1991) нет $Ev^- .Aux^-$, что, по всей видимости, отражает неопределившуюся позицию редакции «РД». Формы $Ev^- .Aux^+$, пусть и ненадолго, превращаются в используемые по умолчанию в сообщениях из России

(в общем в трех номерах 20–22.09.1991 в таких сообщениях используется 251 форма, из них 92 Ev^+ , 25 $Ev^- \cdot Aux^-$, 162 $Ev^- \cdot Aux^+$, 159 нейтральных — настоящее и будущее). Это, как кажется, отражает дезориентированность и неуверенность в том, какую из сторон следует поддержать.

Интересно проследить, каким образом функционирует эвиденциальность при передаче заявлений разных политиков. Первые несколько сообщений переведены с русского или пересказаны близко к исходному тексту — это официальное заявление ТАСС о перевороте в СССР, сообщение от возглавившего переворот Г. Янаева о судьбе Горбачева и биографическая справка о Г. Янаеве. В этом же номере мы находим сообщение о действиях Ельцина, в то время президента РСФСР, который выступает против путча. В нём в основном используются $Ev^- \cdot Aux^+$ в рассказе о «недокументированных» действиях Ельцина, а издание указа описывается в прямых эвиденциалах. Текст указа журналист, по всей вероятности, видел, а следовать за Ельцином повсюду мог вряд ли:

- 5.9. Борис Елцин $e_{ESSE,3SG}$ наредил_{LPART (= AOR,Ev-,Aux+)} (1) на всички военни части и части на КГБ да се оттеглят и $e_{ESSE,3SG}$ обявил_{LPART (= AOR,Ev-,Aux+)} (2), че поема контрола върху Русия... Елцин $e_{ESSE,3SG}$ призова_{LPART (= AOR,Ev-,Aux+)} (3) да не се изпълняват разпоредбите на неконституционния Комитет по извънредното положение. Часове след като стана_{AOR} (4) известна новината за установяване на извънредно положение в Съветския съюз и за отстраняването на Горбачов, сред участниците в хилядният митинг на Манежния площад в Москва са_{ESSE,3Pl} били_{LPART (= ESSE,IMPF,Ev-,Aux+)} (5) разпространени листовки с обръщение на президента на РСФСР Борис Елцин, министър-председателя Иван Силаев и изпълняващата длъжността председател на Върховния съвет на РСФСР Руслан Хасбулатов. В него се казва, че $e_{ESSE,3SG}$ бил_{ESSE,LPART (= ESSE*IMPF,Ev-,Aux+)} (6) извършен десен, антиконституционен, реакционен преврат... В късните следобедни часове Борис Елцин издаде_{AOR} (7) указ, с който комитетът бе_{AOR} (8) обявен за антиконституционен и действията на организаторите му бяха_{IMPF} (9) квалифицирани като държавен преврат, който представлява държавно престъпление (Дума, год. II, № 209, вторник, 20 август 1991).

Борис Елцин приказал (1) всем военным частям и частям КГБ отступить и объявил (2), что принимает на себя контроль над Россией... Елцин призвал (3) не выполнять требования антиконституционного Комитета по чрезвычайному положению. Через несколько часов после того, как стала (4) известна новость об установлении чрезвычайного положения в Советском союзе и об отстранении Горбачева, среди участников многотысячного митинга в Москве были (5) распространены листовки

с обращением президента РСФСР Бориса Ельцина, премьер-министра Ивана Силаева и и.о. Председателя Верховного Совета РСФСР Руслана Хасбулатова. В нём говорится, что был (6) совершен правый, антиконституционный, реакционный переворот... Вечером Борис Ельцин издал (7) указ, согласно которому комитет был (8) объявлен антиконституционным и действия его организаторов были (9) квалифицированы как государственный переворот, который представляет собой государственное преступление.

Здесь используются и формы Ev^+ , и $Ev^- .Aux^+$. Формы (1–3) описывают действия Ельцина, о которых, как можно понять, журналист узнал из какого-то источника, но не видел их сам и не хочет ни нести за них ответственность, ни чрезмерно от них дистанцироваться. Поэтому используются $Ev^- .Aux^+$. (4) рассказывает об уже установленном факте переворота (это вновь своего рода дейктическое употребление прямых эвиденциалов, поскольку при их посредстве информация связывается с уже твёрдо установленными фактами). (5) передает отдельный случай по сообщению из неназванного источника. (6) пересказывает содержание листовок, для чего актуально сказанное о формах (1–3). В (7) используется прямой эвиденциал (аорист), потому что журналист, по всей видимости, познакомился с текстом указа, а (8–9) имеют перформативный характер: фактически подписание указа означает квалифицирование антиконституционности переворота (это уже не пересказ, и поэтому $Ev^- .Aux^+$ не используются).

В других сообщениях этого номера формы прямые эвиденциалы используются с исключительной экономностью: основание для использования прямого эвиденциала — это личное свидетельство говорящего или его личное знакомство с соответствующим документом (указом или распоряжением). Для всех остальных событий используются $Ev^- .Aux^+$. Это продолжается и в номерах 21–22 августа: если речь идет о лично засвидетельствованных журналистом событиях, указании на источник («Би Би Си сѡбщи...») или информация получена из документа, представленного одной из сторон конфликта, то используются прямые эвиденциалы; по умолчанию используются $Ev^- .Aux^+$; для указания на бóльшую дистанцию используются $Ev^- .Aux^-$. Впрочем, часто авторы не делают никаких комментариев, поэтому их сообщения выглядят достаточно запутанно:

5.10. *Лидерите на няколко съветски републики ясно дадоха_{.АОР} (1) да се разбере, че не се канят да прекъснат политиката на реформи независимо от преврата в Съветския Съюз, сѡбщи_{.АОР} (2) «Гласът на Америка».*

Молдова и занаяпред ще се стреми да постигне своята независимост от СССР, заяви_{AOR} (3) президентът на Молдова Мирча Снегур, говорейки по Молдовската телевизия няколко часа след преврата.

Преустройството в Киргизстан ще продължи и ще се провеждат набялязаните радикални реформи, заяви_{AOR} (4) президентът на Киргизстан Аскар Акаев. В републиката е спокойно, предприятията работят. Войските на Министерството на вътрешните работи на СССР са_{ESSE,3Pl} заяли_{LPART} (= Aor.Ev. Aux*) (5) няколко здания, в които са разположени правителствени учреждения.

Председателят на Върховният съвет на Украйна Леонид Кравчук е_{ESSE,3Sg} казал_{LPART} (= Aor.Ev. Aux*) (6), че са недопустими антиконституционните и незаконните органи на властта. <...>

Ръководителите на Латвия, Литва и Естония са_{ESSE,3Pl} заявили_{LPART} (= Aor.Ev. Aux*) (7), че не признават новото съветско правителство и ще игнорират комитета, свалил Горбачов. Те са_{ESSE,3Pl} отхвърлили_{LPART} (= Aor.Ev. Aux*) (8) също заповедта на командувачия на Прибалтийския военен окръг генерал Фьодор Кузмин, който обявил_{LPART} (= Aor.Ev. Aux*) (9), че държи в ръцете си властта в републиките.

Върховният съвет на Литва е_{ESSE,3Sg} одобрил_{LPART} (= Aor.Ev. Aux*) (10) резолюцията в солидарност с Руската Федерация за оказване на съпротива на правителствения преврат <...>.

Президентът на Грузия, Президиумът на Върховния съвет и правителството на републиката са_{ESSE,3Pl} направили_{LPART} (= Aor.Ev. Aux*) (11) декларация, в която се казва, че в създадената обстановка е необходимо спокойствие и спазване на реда и дисциплината.

В столицата на Узбекистан се_{REF} е_{ESSE,3Sg} състояла_{LPART} (= Aor.Ev. Aux*) (12) среща на президента Ислам Каримов с актива от града. Анализирайки положението, президентът е_{ESSE,3Sg} казал_{LPART} (= Aor.Ev. Aux*) (13), че не е необходимо да се въвежда извънредно положение в Узбекистан. <...>

В Армения президентът Левон Тер-Петросян в обръщение към нацията призова_{AOR} (14) политическите сили и средствата за масова информация да бъдат максимално съдържани и да избягват всякакви оценки, изводи и коментари за преврата в СССР (Дума, год. II, № 209, вторник, 20 август 1991).

Лидери на няколко советски републики недвусмислено заявили (1), че не собираются прекращать политику реформ независимо от переворота в Советском Союзе, как сообщил (2) «Голос Америки».

Молдова и дальше будет стремиться к независимости от СССР, как заявил (3) президент Молдовы Мирча Снегур в своем выступлении по молдавскому телевидению через несколько часов после переворота.

«Перестройка в Киргизии продолжится и будут проведены намеченные радикальные реформы», заявил (4) президент Киргизии Аскар Акаев. В республике спокойно, предприятия работают. Войска МВД СССР заняли (5) несколько зданий, в которых расположены правительственные учреждения.

Председатель Верховного совета Украины Леонид Кравчук сказал (6), что недопустимы антиконституционные и незаконные органы власти. Руководители Латвии, Литвы и Эстонии заявили (7), что не признают нового советского правительства и будут игнорировать комитет, который отстранил Горбачева. Они также отказались (8) исполнять приказ командующего Прибалтийским военным округом генерала Федора Кузьмина, который объявил (9), что держит власть в республиках в своих руках. Верховный совет Литвы одобрил (10) резолюцию о солидарности с Российской Федерацией об оказании сопротивления правительственному перевороту.

Президент Грузии, Президиум Верховного совета и правительство республики выступили (11) с декларацией, в которой говорится, что в создавшейся обстановке необходимо спокойствие и сохранение порядка и дисциплины.

В столице Узбекистана состоялась (12) встреча президента Ислама Каримова с активом города. Анализируя положение, президент сказал (13), что нет необходимости вводить в Узбекистане чрезвычайное положение.

В Армении президент Левон Тер-Петросян в обращении к нации призвал (14) политические силы и средства массовой информации быть максимально сдержанными и избегать всяческих оценок, выводов и комментариев в отношении переворота в СССР.

Сообщение имеет сложную дискурсивную структуру. Несмотря на то, что источником всего сообщения является «Голос Америки», в тексте используются самые разные эвиденциальные формы: и Ev^+ , и Ev^- . Aux^+ , и Ev^- . Aux^- . Здесь действуют как правила передачи незасвидетельствованных событий, так и дискурсивные правила. (2) — указание на прямой источник, поэтому это не может быть никакая другая форма, кроме Ev^+ . Сложнее объяснить некоторые другие формы. (1) — резюмирование всей статьи, и по форме Ev^+ мы понимаем, что журналист не дистанцируется от передаваемой информации. То, что следующие за ней формы (3–4) — Ev^+ , можно объяснить их начальной позицией в тексте: как и в примере (5.7) (форма 1), они выполняют дейктическую функцию, вводя полученную информацию в пространство личного знания говорящего (= автора статьи). Речь идет не только об этих предложениях, но и о сообщениях из других республик. Переход к Ev^- . Aux^+ в (5) показывает, что здесь речь идет о дополнительном факте, по отношению к которому автор сохраняет дистанцию. Формы (6–8; 10–13) по сути не отличаются от (3–4), потому что источник остается тем же — «Голос Америки», но это место занимает не-начальную позицию в тексте, поэтому используются Ev^- . Aux^+ (которых следовало бы ожидать с самого начала,

если бы там не действовали правила, проистекающие из структуры текста). (9) передает неожиданный факт, о котором, по всей вероятности, не была получена информация из другого источника, кроме того, по своей природе он сенсационен¹⁷², поэтому $Ev^- .Aux^-$ используется как адмиратив. (14) находится в крайней позиции, и поэтому автор посредством формы Ev^+ восстанавливает связь информации с пространством своего личного знания.

В 1992–1993 гг. в сообщениях из России используются прямые эвиденциалы и нейтральные формы. Косвенные формы (и со вспомогательным глаголом, и без него) достаточно редки — даже в сообщениях недели после переворота 3–4 октября 1993 г. в Москве¹⁷³. Но можно сказать, что после событий 1991 г. косвенные эвиденциалы вошли в политический дискурс и сейчас могут использоваться без влияния идеологии: авторы свободно могут определять свою позицию по отношению к передаваемой информации (и, заметим, неизбежно навязывать ее читателям). Колоссальны изменения и в составе публикуемых текстов: со страниц газеты практически пропадает российская политическая хроника (больше нет сообщений о текущих визитах в Москву на высшем уровне, на которых гости и хозяева встречи «дружески» обсуждают последующие шаги «по пути сотрудничества»).

Таким образом, в употреблении форм эвиденциальности в публикациях в официальной газете Болгарской коммунистической партии «Работническо дело»/«Дума» во время перемен в общественно-политическом строе Болгарии и перестройки в Советском Союзе наблюдаются изменения под влиянием идеологических перемен в обществе.

В начале периода мы видим, что в официальных, идеологически важных текстах (в сообщениях о демонстрациях по праздникам или о встречах на высоком уровне) используются прямые эвиденциалы,

¹⁷² Если дистанцироваться от факта, что события, связанные с ГКЧП, сенсационны сами по себе: современники наблюдают гибель империи, долгое время возглавлявшей военно-политический блок, куда входила и Болгария.

¹⁷³ Только в одной статье — «Как КГБ помогна на “Жигули” с 38 милиона долара» (Дума, 4 година брой 241, петък, 15 октомври 1993) большинство форм — $Ev^- .Aux^+$, но в ней речь идет о событиях, отдаленных во времени.

даже если журналист не был прямым свидетелем событий. При этом, если сообщение получено по каналам с меньшим идеологическим значением или относится к событиям меньшего масштаба, возможно использование и косвенных эвиденциалов. В 1988–1990 гг. косвенные эвиденциалы начинают входить в политический дискурс (речь идет об $E\nu^-A\nu x^+$, которые передают меньшую дистанцию от информации), даже в сообщениях о встречах на высшем уровне. Это, по всей видимости, отражает изменения в идеологии во время становления гласности в Советском Союзе. Употребление форм в 1991–1993 гг. отражает распадение идеологической машины. Во время путча 1991 г. исход противостояния неясен, поэтому на короткий срок косвенные эвиденциалы становятся формами по умолчанию. После исчезновения идеологических рамок журналисты становятся свободнее в выборе форм, и мы замечаем здесь достаточно редкие явления (использование форм в качестве дейктического показателя для связывания передаваемой информации с уже известной и маркирование отдельных частей текста). Насколько можно понять из наличного материала, именно события неудачного переворота в России в 1991 г. становятся водоразделом, после которого эта свобода реализуется полностью¹⁷⁴.

5.2. Косовские албанские электронные СМИ в 1994–2000 гг.: оппозиция свой/чужой

Для настоящей главы очень важной представляется одна из последних статей В. Фридмана, в которой рассматривается изменение стратегий использования инвертированного перфекта в косовских албанских электронных СМИ в условиях изменяющейся внутри- и внешнеполитической ситуации в 1994–2000 гг. (Friedman 2012). По мнению В. Фридмана, при помощи таких форм «электронные

¹⁷⁴ Разумеется, наша выборка сделана из номеров, вышедших с промежутком в год и больше, поэтому в рамках данного раздела мы не можем точно определить влияние, которое на употребление несвидетельских форм оказали изменения в общественно-политическом строе Болгарии, но из процитированных работ Е. Георгиевой (1980; 1985), С. Стоичковой и Е. Чаушевой (1995); Р. Шопова и С. Вълковой (1995); Р. Ницоловой (1998); А. Замбовой (2000); Й. Дапчевой (2003); Е. Метевой-Русевой (2009) становится понятно, что оно также очень велико.

СМИ косовских албанцев выставляли тех, кого они воспринимали в качестве политических оппонентов, в качестве ненадежных источников, и позиционировали себя как «нейтральный и, следовательно, надежный источник информации». Автор в основном использует сообщения двух информационных агентств, которые выпускали информационные электронные бюллетени с новостями из Косова на протяжении последнего десятилетия XX века: Информационного центра Косова (Qendra për Informim e Kosovës = QIK), который в 1998 г. уступил свои функции Совету по защите прав и свобод человека (Këshilli për Mbrojtjen e të Drejtave e të Lirive të Njeriut = KMDLNj). Основная албанская газета Косова — *Rilindja* 'Возрождение', закрытая в 1990 г., (за употреблением инвертированного перфекта в ней автор наблюдал с 1970-х гг.), а также официальная газета Албанской партии труда *Zëri i Popullit* 'Голос народа', выходящая в Тиране, дают возможность сравнивать употребление инвертированного перфекта в разных видах албаноязычных СМИ в эпохи с различной идеологией.

В отличие от болгарских СМИ, в албаноязычных СМИ до начала демократических изменений в Албании и распада Югославии косвенные эвиденциалы, то есть инвертированный перфект, не употреблялись в новостных сообщениях, но были допустимы в других видах публикаций (юмористические колонки, комиксы, письма в редакцию, передовицы...). Тем более неожиданным было то, что в 1990 г. электронных информационных бюллетенях инвертированный перфект вдруг стал употребляться в качестве репортативной формы с эпистемическим оттенком недоверия. Автор выделяет периоды, когда использование инвертированного перфекта в этой функции применялось при передаче информации, полученной из разных источников (первоначально — из сербских, затем также и из источников миротворческих сил в Косове), кроме того, изменение в стратегиях использования этих форм увязывается с изменением расстановки сил на албанской политической сцене Косова и с внешними событиями (операцией НАТО против Югославии в 1999 г., в результате которой бóльшая часть Косова de facto вышла из-под контроля югославского правительства). Спектр значений инвертированного перфекта при этом самый широкий. Так, возможно (хотя и редко) использование этой формы как показателя нейтрального репортатива (часто с дополнительным оттенком эмоциональной реакции):

Албанский

- 5.11. *Sot u konfirmua se 3 prej 10 shqiptarëve të kidnapuar të Rudicës së Klinës nga paramilitarët serbë <...> qen-kan_{ESSE, PART-HABERE, 3SG} vrrarë_{PART, FLEX} kurse 7 të tjerët, të cilët gjendeshin në arrest në burgun e Pejës <...> u dënuan sot në Gjykatën serbe të Qarkut në Pejë <...>* (KMDLNJ #445 — 17.11.1998).

Сегодня пришло подтверждение того, что трое из десяти албанцев, похищенных в Рудице (округ Клины) сербскими незаконными вооруженными формированиями <...> были убиты, а семи оставшимся в живых, находившимся под арестом в тюрьме в Печи <...>, сегодня были вынесены обвинительные приговоры сербским судом округа Печи.

Впрочем, использование инвертированного перфекта в такой функции достаточно редко. Гораздо чаще эта форма имеет дополнительный оттенок выраженного возмущения:

- 5.12. *Udhëheqja e dhunshme e Elektroekonomisë së Kosovës urdhëroi të gjithë të punësuarit që në komunikim zyrtar dhe në shkresat, raportet dhe aktet e tjera të ndërmarrjes të përdorin vetëm serbishten, e cila, me ligj dhe me statut të kësaj Ndërmarrjeje Publike na qen-ka_{ESSE, PART-HABERE, 3SG} caktuar_{PART, FLEX} "gjuhë zyrtare". Në bazë të kësaj urdhërese, edhe punëtorët shqiptarë në këtë Ndërmarrje u_{PASS} dash-ka_{PART-HABERE, 3SG} të flasin serbisht njëri me tjetrin!* (QIK #1659 — 07.03.1997).

Жестокий (м.б. также «навязанный») ¹⁷⁵ Совет директоров Электроэнергетической компании Косова издал приказ, согласно которому все служащие обязываются в официальном общении, документах, заявлениях и иной документации предприятия использовать только сербский язык, который, согласно закону и уставу предприятия, якобы определен в качестве «языка делопроизводства». На основании этого и албанским работникам предприятия предписывается говорить по-сербски даже друг с другом!

Для недвусмысленного истолкования читателями таких сообщений в них грамматический маркер усилен лексическим: в данном примере используется *na* ‘мы+указ.мест.Асс’, но В. Фридман приводит и примеры с лексическими маркерами *gjoja* и *kinse* (см. третью главу настоящей монографии).

Впрочем, наиболее часто инвертированный перфект используется в функции репортатива с дополнительным эпистемическим значением недоверия и неодобрения:

¹⁷⁵ В. Фридман переводит это как «the violent board of directors». Алб. *dhunë*, -a ‘насилие’, *dhunoj* ‘1. нарушать правила, попирает, преступать, вторгаться; 2. насиловать, применять насилие, бесчестить’ (Манџе 2007: 119).

- 5.13. *Gazeta më tutje shqiptarët i akuzon për “ekonomi gri” për shkak se në qytete e Serbisë nuk ^{NEG} pas-ka ^{HABERE, PART-HABERE, 3SG} mall, kurse në tregjet e Kosovës ka mall me bollëk!* ([QIK #967 — 11.02.1995).

Далее газета (= сербская газета «Единство») обвиняет албанцев в [создании] серой экономики, потому что в сербских городах якобы нет товаров, а в косовских магазинах их кучи!

Инвертированный перфект отмечает также действия, которые мы бы охарактеризовали *свои* против *чужих*: *свои* — это, конечно, албанцы, под понятие *чужие* подпадают до 1999 г. исключительно сербы, сербские организации и органы власти (5.14), а после 1999, наряду с сербами, и международные миротворческие силы (5.15):

- 5.13. *Në qendër të qytetit, dy persona të panjohur, që flitnin serbisht, sulmuan dhe tentuan të rrëmbejnë studenten Afërdita Aliu (1973) nga Kaçaniku i Vjetër, të cilës ia plaçkitën 60 DM dhe 50 dinarë. Falë ndërhyrjes së një qytetari shqiptar ajo shpëtoi nga rrëmbimi dhe u dërgua në ambulancë ku iu dha ndihma mjekësore. Njëri nga personat e panjohur e pas-ka ^{HABERE, PART-HABERE, 3SG} sulmuar ^{PART, FLEX} Afërditën dhe e pas-ka ^{HABERE, PART-HABERE, 3SG} kërcënuar ^{PART, FLEX} me revole edhe më 17 janar (KMDLNJ #457 — 09.02.1999).*

В центре города двое неизвестных, которые говорили по-сербски, напали на студентку Афэрдиту Алиу (1973 г. р.) из Старого Качаника и попытались ее похитить. Они отобрали у нее 60 немецких марок и 50 динаров. Благодаря вмешательству горожанина-албанца она была спасена и отправлена в клинику, где ей была оказана медицинская помощь. Один из неизвестных напал на Афэрдиту и угрожал ей пистолетом еще 17 января.

- 5.14. *Më 6 janar, rreth orës 14.00, afër 20 ushtarë francezë të KFOR-it në Suhadoll bastisën... shtëpinë e Fehmi Rexhep Alushit, të vrarë nga paramilitarët serbë vitin e kaluar në shtëpinë e tij. Togerit Pantuk, pas-ka ^{HABERE, PART-HABERE, 3SG} deklaruar ^{PART, FLEX} se shkak i bastisjes ishte se një fëmijë pas-ka ^{HABERE, PART-HABERE, 3SG} gjuajtur ^{PART, FLEX} me gurë një kamion francez ku kanë qenë disa serbë. Sipas deklaratës së një dëshmitari ushtarët janë sjellë në mënyrë arrogante dhe kanë demoluar çdo gjë në lokalet e bastisura (KMDLNJ #479 — 18.01.00).*

Шестого января примерно в 14:00 около 20 французских миротворцев из КФОР в Сухи-доле обыскали <...> дом Фехми Реджепа Алуши, убитого в собственном доме членами сербской вооруженной группировки в прошлом году. Старший лейтенант Пантук заявил, что причина обыска состоит в том, что ребенок бросил камень во французский грузовик, в котором находились также сербы. Согласно свидетелю, солдаты вели себя вызывающе и сломали всё, что находилось в доме, который они обыскивали.

Как кажется, такая интерпретация (враждебные «они» против «наших») присутствует во многих случаях использования инвертированного перфекта с апокопированным причастием в косовских

электронных СМИ (по крайней мере если судить по тому объему источников, который приведен в статье В. Фридмана, — когда мы познакомились со статьей, архивы QIK/KMDLNj в Интернете уже были недоступны). Употребление инвертированного перфекта в двух противоположных ситуациях (эмоциональная реакция на произошедшее со *своими* (как в 5.11, 5.14) vs. дубитативный пересказ *чужих* источников) достаточно сложно различить формально. В. Фридман указывает, что во втором случае часто используются лексические показатели (*na, gjoja, kinse*), но это не позволяет определить все без исключения случаи такого употребления. В то же время однозначное толкование примеров как относящихся к первой или ко второй ситуации позволяет сделать вывод, что существует некоторый «спусковой механизм», который определяет конечное значение формы. В качестве такого «спускового механизма» мы бы предложили ссылку на источники информации, определяемые как враждебные. Во всех приведенных у В. Фридмана текстах *чужие*, чьи действия или комментарии передаются инвертированным перфектом, однозначно враждебны по отношению к *своим* — албанцам-протагонистам, т.е. здесь на уровне языка прослеживается одна из базовых оппозиций модели мира.

5.3. Эвиденциальность vs. перфект в македонско-албанском политическом дискурсе конца 2000-х¹⁷⁶

В обзоре грамматических форм, передающих косвенную эвиденциальность, мы говорили, что наиболее часто употребляемые в македонских текстах *л*-формы на самом деле амбивалентны, и могут выражать спектр значений — перфект, репортативность, имперцептивность, конклюдивность, адмиративность, эпистемическую оценку недоверия... Другие македонские косвенные эвиденциалы, неомонимичные перфекту, например VELLE + ESSE.1–2SG/PL + LPART (*ке сум кажел, ке кажел*), употребляются значительно реже и не встретились в нашем материале. Таким образом, в каждой перфектной форме можно было бы подозревать косвенный эвиденциал (ср. Цивьян

¹⁷⁶ Материалы данного раздела легли в основу работы Maxim Makartsev. Towards evidentiality markers in Albanian and Macedonian bilingual political discourse. To appear in: Irina Kor Chahine (ed.). Current trends in Slavic linguistics. John Benjamins.

2009: 175 — «теоретически любое употребление македонского перфекта может быть проинтерпретировано и как чистый перфект, и как форма К<атегории>П<ересказа>»). Если в болгарском некоторые стратегии использования вспомогательного глагола в третьем лице (достаточно запутанные и с трудом поддающиеся алгоритмизированию) позволяют частично снять омонимию/многозначность *л*-форм, то в македонском такого прагматического средства нет. Для албанского перфекта эта омонимия снята полностью (хотя, как мы уже говорили, в последнее время в албанском языке происходит экспансия перфекта в область традиционных значений аориста).

Поэтому в данном разделе мы обратимся к одному из способов интерпретации значений македонских *л*-форм, при котором отталкиваться будем от не менее амбивалентных форм албанского перфекта. Этот способ основан на анализе двуязычного македонско-албанского дискурса. Говоря о лексических маркерах в «межбалканском» переводе, мы уже использовали двуязычные македонско-албанские СМИ, но там элементы дискурса на самом деле проясняли значение элементов системы. Теперь мы хотели бы обратиться к зеркальной ситуации и показать, как омонимия/многозначность системы соотносится с дискурсом и частично снимается при добавлении дополнительных языковых измерений.

В качестве материала для раздела использовано двуязычное албанско-македонское политическое ток-шоу «Еврофокус», которое выходит на канале АЛСАТ-М в Скопье. В студию приглашаются македонские и албанские политики Македонии, а также политические эксперты. Каждый из них выбирает язык, на котором будет говорить (как мы уже отмечали, для албанских участников выбор языка имеет прагматический характер и учитывает прежде всего позицию албанской части аудитории). Студия предоставляет синхронный перевод (впрочем, албанские гости в нём обычно не нуждаются), а выходит программа с субтитрами. Таким образом, мы имеем дело с одним текстом в двух лингвистических измерениях.

Рассмотрим сплошную выборку форм прошедших времен из одного выпуска передачи «Eurofokus» (08.03.2010, 57'58''), в котором рассказывается о том, как жители муниципалитетов Куманово и Липково стали массово выезжать в Бельгию и требовать экономического убежища. В программе участвуют двое ведущих; Абдулкадар Мехмети, государственный секретарь МВД Македонии; Абедин Зибери («Новая Демократия»); Сунай Рахими, социолог, и Лидия Димова (Македонский центр европейского образования). Большинство

из присутствующих в студии говорят на албанском языке; на македонском говорит Лидия Димова и одна из ведущих. Абдулкадар Мехмети в пылу спора переключается на македонский, но через незначительное время опять переходит на албанский. Синхронным переводом фактически пользуется только Лидия Димова, поскольку остальные присутствующие владеют и македонским, и албанским языком. Впрочем, в силу состава участников в основном разговор ведется на албанском языке (количество высказываний на албанском языке в тексте программы примерно в пять раз больше количества высказываний на македонском). В программу включены также несколько репортажей (на албанском языке) с фрагментами интервью с другими людьми (политиками и албанцами-мигрантами).

Этот выпуск был выбран потому, что в нём речь идет о событиях прошлого (пусть и произошедших незадолго до эфира), а не о настоящем и будущем Македонии (которым посвящено большинство других выпусков программы), и таким образом, мы ожидали активного использования разных форм прошедшего времени, а непропорциональное соотношение языков снимается при статистической обработке путем введения коэффициента ($k = 5$). Наши ожидания подтвердились. Если рассматривать параллельно двуязычный текст программы, всего мы нашли 205 «слотов» в которых хотя бы на одном из языков используется одна из следующих форм прошедшего времени: аорист, имперфект, перфект. В табл. 5.2 приведено статистическое соотношение распределения переводов разных глагольных форм внутри «слотов». Столбец «Alb → Mk» описывает случаи с албанским оригиналом и македонскими титрами; столбец «Mk → Alb» — случаи с македонским оригиналом и албанскими титрами. В левом столбце перечислены пары форм (форма, стоящая в оригинале → форма, стоящая в переводе). Албанский инвертированный перфект встретился только один раз (в македонском переводе ему соответствовал аорист), для передачи эмоционального отношения к описываемым фактам: «В Бельгии нас никто не принимает/не принял (*s'na merr-ka*.PART-НАВЕРЕ.PRAES/*не нè зеде*.AOR)» («Eurofokus», 08.03.2010, 34'20"). Поскольку говорящая была свидетельницей и активной участницей событий, это употребление адмиратива нельзя связать с эвиденциальностью. В программе были использованы только те македонские косвенные эвиденциалы, которые формально совпадают с перфектом, поэтому в таблице они описаны вместе

с перфектом. «Other» обозначает прочие формы (настоящее время, будущее время, плюсквамперфект, причастия, а также лакуны в переводе), которые мы не будем рассматривать, поскольку их количество не превышает статистической погрешности.

Таблица 5.2. Статистика по переводу глагольных форм в выпуске программы «Еврофокус»

Времена в оригинале → времена в переводе	Alb → Mk	Mk → Alb
Aor/Impf → Aor/Impf	72	29
Aor/Impf → Perf	—	—
Perf → Perf	63	4
Perf → Aor/Impf	20	4
Aor/Impf → Other	1	—
Perf → Other	3	—
Other → Aor/Impf	4	—
Other → Perf	1	—
Unclear	4	—

Если предположить значительное влияние одного языка на другой, то следовало бы ожидать, что аорист/имперфект переводился бы аористом/имперфектом, перфект — перфектом (т.е. глагольные формы переводились исключительно при помощи их структурных эквивалентов). Однако есть достаточно большая группа примеров, в которых албанский перфект переводится на македонский аористом/имперфектом. Здесь мы имеем дело с неоднозначностью перфекта в албанском и македонском языках (см. схему 5.1).

Между зонами значений, которые передает перфект в албанском и македонском языке, есть пересечение (действия, совершенные в прошлом и актуальные в момент речи), но есть и непересекающиеся зоны (площадь зон на картинке носит условный характер).

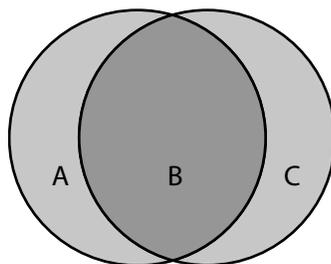

Схема 5.1. Перфект в македонском и албанском языке¹⁷⁵

A — перфект замещает аорист;
 B — перфект для передачи действий, произошедших в прошлом и актуальных в момент речи; C — формы для косвенной эвиденциальности, омонимичные перфекту

¹⁷⁵ Площадь кругов на схеме условная.

Левый круг схематически описывает албанский перфект, а правый — македонский. В идеальном случае в нашем материале значенная зоны В должны встречаться в тех случаях, когда и в македонском, и в албанском и в оригинале, и в переводе используется перфект. Если с албанского на македонский переводится перфектная форма, относящаяся к зоне А, то в переводе используется аорист (в примерах сначала дается оригинал, затем русский перевод, затем субтитры)¹⁷⁸:

Албанский

5.16a.[Оригинал] *Azilkërkuesit nga Maqedonia, Serbia apo Mali i Zi, që kanë mbetur shuma, por ata me më shumë fat, që mund të kenë qjetur vende në një kamp refugjatësh, në pritje të përgjigjës, që thuan se do t'jetë negative, marrin vetëm 7 euro në javë* («Eurofokus», 08.03.2010, 18'20").

5.16b.Беженцы из Македонии, Сербии или Черногории, которые остались на улицах, не только что не видели этих денег, но и те, кто оказался более удачлив и смог найти места в лагере беженцев, в ожидании ответа — о котором говорят, что он будет отрицательным, получают всего по 7 евро в неделю.

Македонский

5.16в.[Субтитры] *Но азилантите од Македонија и од Србија кои останаа на улица, не само што не ги видоа овие пари, туку тие со повеќе среќа што можеа да најдат некое место во некој од камповите за бегалци и се во исчекување на одговор — за кој се вели дека ќе биде негативен — добиваат по седум евра неделно.*

Если в оригинале используется перфектная форма, относящаяся к зоне В, то в переводе (в данном случае направление перевода несущественно) также используется перфект:

Албанский

5.17a.[Оригинал] *Për shkak se gjitha punë kjo Qeveri bân nga zyrja, asnjëherë komuna e Likovës nuk ka përjetu që një kryeministër i Maqedonisë të pretë ndonjë lentë në komunën e Likovës* («Eurofokus», 08.03.2010, 29'48").

5.17b.Поскольку все дела эта власть осуществляет через канцелярии, никогда в муниципалитете Липково (sic — М.М.) не видели (досл.: «муниципалитет

¹⁷⁸ Во всех случаях перевод сделан с оригинала, а не с субтитров, поэтому расхождения между субтитрами и переводом в некоторых случаях неизбежны. Во избежание искажений смысла релевантные для нашего анализа формы отмечены и глоссированы внутри примера.

никогда не дожид до момента, когда...»), чтобы премьер Македонии перерезал бы какую-нибудь ленту в муниципалитете Липково.

Македонский

- 5.17в. [Субтитры] *Бидејќи оваа Влада своите работи ги прави од канцеларија, никогаш општина не_{NEG} доживеала_{L.PART} еден министер на Македонија да пресеке некоја лента во општина Липково.*

Если с македонского на албанский переводится перфектная форма, относящаяся к зоне С, то в албанском переводе может использоваться как перфект, так и аорист (возможно также использование PERF.EV, но в нашем материале он не зарегистрирован), поскольку обязательность выражения оппозиции между засвидетельствованностью / незасвидетельствованностью в албанском языке снимается, ср. пример с аористом:

- 5.18а. [Оригинал] *Мене ми е несфатливо дека Владата не_{NEG} можело_{L.PART} <sic!> да го предвиди, пошто година дена зборувавме («Eurofokus», 08.03.2010, 40'00").*

- 5.18б. Мне непонятно, почему у власти не было возможности предвидеть это, потому что мы целый год говорили об этом.

Албанский

- 5.18в. [Субтитры] *Për mua është e pakuptueshme, që qeveria këtë nuk_{NEG} arriti_{AOR} ta parashikojë, ngase ne ka një vit, që po flasim.*

Безусловно, оригинал оказывает влияние на переводчика, и встречаются случаи, когда в переводе используются структурно схожие формы, которые имеют значение, противоречащее намерениям говорящего. Например, в рассказе об определенных событиях прошлого, свидетелем которых говорящий был и которым, как ожидается, он должен доверять, в македонском переводе под влиянием албанского оригинала может использоваться перфект (= косвенные эвиденциалы):

- 5.19а. [Оригинал] *Ismeti, i cili nuk pranonte të identifikohej para kamera, është një tjetër banor që ka_{HABERE} kërkuar_{P.ART.FLEX} azil në Belgjikë («Eurofokus», 08.03.2010, 18'40").*

- 5.19б. Исмет, который не хотел говорить перед камерой, — еще один житель Куманово, который потребовал убежища в Бельгии.

Македонский

5.19в. [Субтитры] *Исмет, кој не сака да зборува пред камера, е жител на Куманово кој побарал*^{ЛНМГ} *азил во Белгија.*

Репортер встретил Исмета в очереди перед бельгийским Бюро по делам иностранцев среди других албанцев из бывшей Югославии, которые на протяжении нескольких недель перед этим в массовом порядке выезжали из Сербии, Черногории и Македонии в поисках убежища. Поскольку репортер не говорит о каких-либо основаниях не доверять Исмету, а, наоборот, представляет его историю как еще один пример трагедии вынужденных экономических беженцев, не в его интересах было бы представлять слова Исмета как не заслуживающие доверия — однако его подводит перевод. В этом контексте в македонском можно было бы использовать как аорист («побара»), так и настоящее время («бара»), поэтому перфект, противопоставленный этим нереализованным возможностям, воспринимается как репортаж с дополнительным эпистемическим значением недоверия. Однако такие примеры редки и не изменяют общей картины.

Двуязычные СМИ Македонии, помимо их важной роли источника информации, являются и площадкой для общения; в последние годы — площадкой для общения людей, принадлежащих к различным народам и говорящих на разных языках. В связи с тем, что современные технические средства перевода и вещания позволяют дискурсу развиваться сразу в двух языковых измерениях, это дает исследователю новый источник информации для конфронтативного исследования функционирования языковых категорий. Следующим этапом исследования должно стать установление соответствий между средствами выражения языковых категорий в этих языковых измерениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историю интереса к эвиденциальности (и шире — категории дистанцирования от передаваемой информации) и средствам ее выражения можно уподобить петляющей реке со множеством потоков и параллельных рукавов¹⁷⁹. Начинаясь с решения исключительно практических задач (как описать употребление некоторых форм для усовершенствования практического обучения языку в школе¹⁸⁰), этот интерес прошел через стадию открытия черт «своего» в «чужом» языке, что заставляет исследователя испытывать состояние «unprepared mind»¹⁸¹; через обнаружение исключительной распространенности рассматриваемого явления во множестве традиций, которые до того времени рассматривались по отдельности (см. статью Jakobson 1957), что выдвигает на первый план проблему перевода и взаимной интерпретации не столько иноязычных текстов, сколько научных традиций; через обнаружение черт «чужого» в «своих» языках (поворотным пунктом здесь можно считать сборник Chafe, Nichols 1986, который открыл дорогу многочисленным работам по лексическому эвиденциальному маркированию в языках

¹⁷⁹ Ср. меандр — по Сенеке, «предмет упражнений и игры для всех поэтов, вьётся частыми излучинами, близко подступает к собственному руслу и опять поворачивает, не успевши влиться в себя самоё» (Сенека. Письма к Луцилию, CIV:15)

¹⁸⁰ Ср. название одной из работ, стоявших у истоков описания *л*-форм в современном болгарском языке: «Неуспеваемость по болгарскому языку в наших школах» (Теодоров-Балан 1887).

¹⁸¹ Как писал Г. Вайганд, «Читая некоторое время назад пьесу Церковского "Луди-млади", я был поражен («I was struck») некоторыми пассажами, которые ярко напомнили мне использование албанского перфекта в значении настоящего времени» (Weigand 1924: 567, курсив наш).

«среднеевропейского стандарта»). Последние годы — время поиска интегрированного подхода к эвиденциальности, который бы вобрал в себя все достижения отдельных национальных лингвистик за последние полторы сотни лет, что можно видеть, в частности, в работе Майнцского кружка исследователей эвиденциальности (Wiemer, Stathi 2010b и другие работы, вошедшие в сборник Wiemer, Stathi 2010a).

Изменениям подвергся и сам предмет исследований: от интереса к морфологическим показателям, у которых выделяются нетривиальные с точки зрения классической лингвистики значения¹⁸², исследователи со временем перешли к определению статуса категории, которая стоит за этими показателями, и ее отношениям с другими категориями.

В настоящей книге мы предприняли опыт комплексного описания употребления грамматических и лексических показателей эвиденциальности в балканских языках — болгарском, македонском и албанском. Это описание основано на теоретическом фундаменте, который был заложен за последние полтора столетия научных исследований эвиденциальности в балканских языках. В то же время наиболее плодотворным, с нашей точки зрения, является рассмотрение эвиденциальности в рамках более общей семантической категории дистанцирования (ср. франц. *médiatif*), которая не так популярна вне рамок французской лингвистики. Включение эвиденциальности в более общую семантическую категорию и ориентация исследования на функционирование форм в тексте и дискурсе позволяет поставить во главу угла языковой материал и его интерпретацию без необходимости создания подробной грамматической модели, которая бы учитывала все возможные грамматические категории, находящие выражение в балканославянских *л*-формах и албанском инвертированном перфекте.

Отметим несколько существенных моментов, которые сближают балканославянские и албанскую эвиденциальные системы. Это прежде всего их связь с перфектом: в случае балканославянских косвенных эвиденциалов самая прямая, вплоть до омонимии;

¹⁸² Ср. название работы Й. Трифонова «Синтаксические заметки о конструкции из прошедшего причастия активного залога с глаголом *съм* 'быть' в новоболгарском языке» (Трифонов 1905).

в случае албанских эвиденциалов мы предпочитаем говорить о четко противопоставленных в литературном языке и в значительном количестве диалектов инвертированном перфекте с апокопированным причастием и «обычным» перфекте¹⁸³, которые, тем не менее, состоят из практически одного и того же набора элементов в разном порядке.

Исключительную близость показывает механизм образования косвенных эвиденциалов. Его можно изобразить в виде двух формул:

$$(1) y \rightarrow f(y);$$

$$(2) f(y) \rightarrow f(f(y)),$$

где y — глагол в одной из синтетических форм (для болгарского и македонского $Ev^+/PRAES$; для албанского $PRAES$), а f — связка, которая переводит y в форму l -причастия (для болгарского и македонского) или в апокопированную причастную форму (для албанского). Если исходная форма уже содержит связку (например $PRAES/PLUSQ$, а для болгарского еще и формы с элементом $VELLE$), то в причастие переводится связка¹⁸⁴:

Болгарский

y	$f(y)$
<i>писал, писа</i>	<i>писал съм, писал (e)</i>
AOR = STEM.AOR	Lpart + (ESSE) ²³
$f(y)$	$f(f(y))$
<i>бях писал, беше писал</i>	<i>бил съм писал, бил писал</i>
PLUSQ = ESSE. _{IMP} + Lpart	ESSE. Lpart + (ESSE) + LPART

Албанский

y	$f(y)$
<i>shkruaj</i>	<i>shkrua-kam</i>
STEM.PRAES	PART + HABERE
$f(y)$	$f(f(y))$
<i>kam shkruar</i>	<i>pas-kam shkruar</i>
HABERE + PART.FLEX	HABERE.PART + HABERE + PART.FLEX

¹⁸³ Впрочем, в некоторых северных говорах, а также в староалбанских памятниках можно говорить о синонимии «обычного» и инвертированного перфекта, так что эта генерализация верна не для всей языковой системы.

¹⁸⁴ В третьем лице *съм* чаще всего опускается.

Список значений, которые принимают косвенные эвиденциалы в болгарском, македонском и албанском языках, практически совпадает (адмиративность, конклюдентность, репортативность и эпистемическая оценка присутствуют в списке значений и болгарских, и македонских, и албанских косвенных эвиденциалов; констатация состояния и результативность характерны только для болгарских и македонских форм, но могут передаваться также северногегскими косвенными эвиденциалами).

В наборе лексических маркеров эвиденциальности в исследуемых языках значительное место занимают заимствования из турецкого, часто совпадающие (ср. *đoa/gjoja* и *демек/demek*). Такие маркеры распространены и в других балканских языках и диалектах. Описание этих маркеров по единой схеме дало возможность говорить об инвентаре и иерархии значений. Прежде всего, большая часть маркеров многозначна, и наиболее часто эвиденциальному значению в их семантике сопутствует эпистемическое. Это мы наблюдаем в болг. *уж*, макед. *демек* и *đoa*, албанск. *demek, gjoja, kinse*; при этом основным значением может быть как эвиденциальное (албанск. *demek*), так и эпистемическое (болг. *уж*, макед. *đoa*, албанск. *gjoja* и *kinse*). Иногда маркер может иметь и другие значения (например значение «необоснованного предположения» у болг. *май*), связанные с эвиденциальностью опосредованно.

Введение оппозиции *аналитическое/холистическое прочтение*, заимствованной у П. Кехайова (Кехайов 2008), позволило описать совместное употребление лексических и грамматических маркеров. В болгарском в таких конструкциях на первый план выходит эпистемическая оценка (достоверность/недостоверность), а в македонских — видо-временные оппозиции¹⁸⁵. Предварительный подход к проблеме межбалканского перевода позволяет указать на важность анализа переводных конструкций с лексическими и грамматическими маркерами с точки зрения аналитического/холистического прочтения (в частности показано, как албанская конструкция «*gjoja*._{Ep+Ev} + NEUT», требующая холистического прочтения, переводится на македонский при помощи конструкции «*наводно*._{Ev} + Ev_{Ev+Ep}», требую-

¹⁸⁵ В литературном албанском языке несвидетельские формы употребляются исключительно редко, поэтому поиск по текстам дает крайне незначительный объем материала.

щей аналитического прочтения; лексический маркер *наводно* отвечает за репортативный компонент значения, а косвенный эвиденциал — за эпистемический).

Функционирование эвиденциальности в фольклорных текстах показывает значительное количество схождений между болгарским, македонским и албанским: чередование прямых и косвенных эвиденциалов играет роль средства маркирования, причем маркируются как отдельные группы глаголов (в болгарском и македонском косвенные эвиденциалы маркируют глаголы движения, а прямые — глаголы речи; в албанском косвенные эвиденциалы маркируют отдельные глаголы, которые играют особую роль в структуре текста «Баллады...»), так и отдельные элементы текста: зачины, концовки, стыки между эпизодами и некоторые словесные формулы. Наибольшее количество схождений с болгарскими и македонскими текстами в отношении эвиденциальности показывают северногегские албанские тексты.

Проблема избирательности при маркировании поднималась еще в монографии Т. В. Цивьян «Лингвистические основы балканской модели мира» (Цивьян 1990). Для того чтобы успешно функционировать в тексте, эвиденциальности не нужно маркировать все формы, и она существует через серию включений. В настоящей книге избирательность при маркировании подробно анализируется, что позволяет прийти к следующим выводам: во многих болгарских и македонских, а в некоторой мере и в албанских текстах косвенные эвиденциалы появляются в ключевых точках структуры текста, а прямые эвиденциалы — во второстепенных, что связано с их первоначальным значением «несобственная vs. собственная информация». К ключевым точкам относятся начало и конец, а также переходы между эпизодами. Глаголы движения в болгарских и македонских вариантах «Баллады о мертвом брате» маркируются при помощи косвенных эвиденциалов, поскольку они занимают важное место в структуре текста. Для албанских песен был составлен список глаголов, которые маркируются чаще всего, и оказалось, что они также играют важную роль в композиции песен. Всё это в конечном счете используется *сказителем*, чтобы, во-первых, отделить пространство текста песни от обыденной речи и, во-вторых, отметить наиболее важные точки в структуре текста. То есть функционирование эвиденциальности сводится к управлению вниманием слушателя.

Анализ фольклорных текстов и языка СМИ приводит нас к выводу, что эвиденциальность характерна для матрицы балканской языковой картины мира, будучи связанной с такими существенными бинарными оппозициями, как *видимый/невидимый*, *внутренний/внешний*, *свой/чужой* и др. Так, в болгарских газетных статьях и сообщениях конца 1980-х — начала 1990-х о ситуации в СССР / на постсоветском пространстве при выборе прямого или косвенного эвиденциала автор руководствуется тем, что мы назвали «стратегией объективности»: через маркирование действий при помощи прямых эвиденциалов автор указывает на истинность событий и их важность, а при помощи косвенных эвиденциалов показывается недостоверность событий или их малый масштаб и малая доступность прямой информации о них, что особенно явно видно в использовании косвенных эвиденциалов в сообщениях из Москвы и союзных республик во время путча ГКЧП. Использование косвенных эвиденциалов в албанских косовских электронных текстах в середине 1990-х гг. показывает, что в них выбор между нейтральными формами и косвенными эвиденциалами определяет оппозиция *свой/чужой* (враждебные «они» против «наших»).

Общее не должно заслонять собой различное. Эвиденциальность по-разному представлена в глагольной системе рассматриваемых языков. Проще всего картина в албанском: все формы легко различимы (и по структуре, и по составным элементам). В македонском перфект I всегда омонимичен Aor.Ev⁻, что создает для него «постоянное “ощущение присутствия”» эвиденциальности (Цивьян 1990: 175). В болгарском ситуация гораздо более запутана (в грамматике указывается, что у перфекта и «пересказывательных форм» аориста и имперфекта разные парадигмы, но эта разница сводится только к опущению связки в третьем лице, а затем оказывается, что есть случаи, когда перфект используется без связки, а «пересказывательные формы» аориста и имперфекта — со связкой). Эту запутанность мы предложили решить следующим образом: говорить о перфекте и *л*-формах для выражения косвенной эвиденциальности, адмиративности, конклюдентности как об одном наборе форм, в котором наличие/отсутствие связки играет прагматическую или дискурсивную роль. В качестве общего значения *л*-форм предлагается семантическая категория дистанции (фр. *médiatif*). Как определяет это Г. Лант, дистанцирование бывает двух видов: временное и ирреальное (*remote*

in either time or reality — Lunt 1952). Основное формальное отличие балканославянских систем от албанской состоит в том, что в болгарском и македонском оппозиция тернарная: NEUT/EV⁻/EV⁺, а в албанском — бинарная NEUT/EV⁻. Существуют также некоторые расхождения в том, какие формы могут иметь соответствия в косвенных эвиденциалах, а какие не могут (в болгарском нет формальных препятствий к тому, чтобы образовать *л*-форму от любой формы индикатива; в албанском нельзя образовать форму Aor.EV⁻).

Существует также некоторое количество незначительных различий между значениями, которые могут принимать косвенные эвиденциалы: албанские косвенные эвиденциалы регулярно выражают эмоциональную оценку действия (не обязательно положительную), а для балканославянских косвенных эвиденциалов выражение эмоций возможно только как дополнительное значение, выводимое из контекста; в литературном албанском, в отличие от болгарского и македонского, значение констатации состояния и результата зарезервировано за перфектом, который не может быть омонимичен косвенным эвиденциалам¹⁸⁶; опативность, находящаяся на периферии значений болгарских и македонских косвенных эвиденциалов, не выделяется в кругу значений албанского инвертированного перфекта¹⁸⁷; различается иерархия значений косвенных эвиденциалов: в болгарском и македонском адмиративное употребление является вторичным для этих форм, а в албанском — первичным.

Различается частота использования форм в текстах: наиболее часто косвенные эвиденциалы используются в болгарском и македонском, где возможно найти значительные фрагменты текста, целиком выдержанные в этих формах. Наиболее редко косвенные эвиденциалы встречаются в албанском, впрочем, анализ северногегских версий «Баллады о мертвом брате» показывает, что в некоторых диалектах косвенные эвиденциалы могут использоваться как основные формы в целых фрагментах текста. Это подводит нас к вопросу ареальной принадлежности текстов: так, северногегские тексты показывают

¹⁸⁶ Хотя в северногегских говорах существует так называемый инвертированный перфект, который может быть омонимичен косвенным эвиденциалам.

¹⁸⁷ Хотя в староалбанских текстах зафиксированы случаи использования инвертированного перфекта в функции условного наклонения.

наиболее близкую к балканославянской картину использования косвенных эвиденциалов, но при движении на юг албанской территории на первый план будет выходить всё больше отличий: функции косвенных эвиденциалов будут последовательно сокращаться, пока мы не дойдем до крайних южных диалектов и диалектов албанской диаспоры в Южной Италии, где формы инвертированного перфекта отсутствуют.

Это сплетение сходного и различного в формах, выражающих прямую и косвенную эвиденциальность в балканских языках, — еще одно проявление амбивалентности балканской модели мира как «целостности и единства, образованного дискретным и разным» (Цивьян 1990: 76).

На этом повороте меандра мы хотели бы остановиться. Нельзя сказать, что вопрос о функционировании эвиденциальности как категории текста получил окончательное разрешение. Мы бы предпочли говорить скорее о начале движения, направление которого мы попытались задать в настоящей работе.

МАТЕРИАЛЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

1. ОРИГИНАЛ И ТЕКСТЫ ДЛЯ ПЕРЕВОДА

Албанский оригинал МБ 80¹⁸⁸

Ishte_{.IMPF} (1) një plakë edhe kishte_{.IMPF} (2) nëntë djemë edhe një çupë. Ranë_{.AOR} (3) edhe vdiqën_{.AOR} (4) tetë djem¹⁸⁹. Nga nëntët mbet_{.AOR} (5) një edhe çupë, Kostadin edhe çupë — Thodhinë. Ngrihet_{.PRAES} (6) i vallai edhe e këmbeu_{.AOR} (7) Thodhinë lark tre muaj e tri ditë detit zi. Si e këmbeu_{.AOR} (7a) të motrënë edhe e martoi_{.AOR} (8). Si e martoi_{.AOR} (9) të motrënë edhe vdiqi_{.AOR} (10). Të gith vëlezërit i mbulluan_{.PRAES} (12) më shtëpi, e Kostadinjë e mbullnë_{.AOR} (13) ndë uaret. Mbet_{.AOR} (14) plaka uetëm edhe gith ditën mallkonte_{.IMPF} (15): “Mu vithish_{.PRAES} (16) Kostadinom im nga kumtri edhe nga ndrikulla, ke më martoe_{.AOR} (17) Thodhinën tre muaj e tridit detit zi.” Ber sa¹⁹⁰ i umërzit_{.AOR} (18) Perëndisë edhe Perëndija e ngjalli_{.AOR} (19) Kostadinë edhe uate_{.PRAES} (20) të marrë_{.CONJ.PRAES} (21) të motrënë se s’iëmë gith mallkonte_{.IMPF} (22) dit e natë.

Kostadin si u ngrit_{.AOR} (23) nga uari sënduqi iu bë_{.AOR} (24) kallë, edhe çarshafi u bë_{.AOR} (24a) shallë e kallit edhe uate_{.PRAES} (25) tek e¹⁹¹ motra lark tre muaj e tri ditë detit zi. Si uate_{.PRAES} (26) atie edhe i thotë_{.PRAES} (27): “Hajde, motra ime të uemi_{.CONJ.PRAES} (28) ndër neue.” Ajo si e puothi_{.AOR} (29) ndë faqet, i tha_{.AOR} (31): “Pse vëllathi imi, vjen_{.PRAES} (32) erë dhe edhe muhllë?” Ay i thotë_{.PRAES} (33): “Nga udha [e] largë.” U nisë_{.AOR} (33a) të ecenë_{.CONJ.IMPF} (33b). Ecnë_{.PRAES} (34), ecnë_{.PRAES} (35), edhe Thodhija i thotë_{.PRAES} (36): “Haj të rrimë_{.CONJ.PRAES} (37) të hamë_{.CONJ.PRAES} (38) drekë.” Ndejnë_{.PRAES} (39) të hanë_{.PRAES} (40) drekë. Si hanin_{.AOR} (41), erdhin_{.AOR} (42)

¹⁸⁸ К. Шапкарев приводит текст в кириллической транскрипции; албанская транскрипция уточнена по изданию Mbledhës 1962: 441–442 (орфография приближена к стандартной).

¹⁸⁹ Досл. «упали и умерли восемь парней». К. Шапкарев, издавший этот текст с переводом на болгарский (см. Приложение VI), перевел это так: «Случи се (3), та умрѣха (4)...» («Случилось, что умерли...»). В этом месте мы следуем переводу Шапкарева.

¹⁹⁰ В Mbledhës 1962: 441: «gjersa».

¹⁹¹ У Шапкарева: «те ко мотра».

zogu edhe zuri_{AOR} (43) të këndonjë_{CONJ.PRAES} (44): “Ciri-viri, viri viu, e gjali me të vdekuri rrinë_{PRAES} (45) e hanë_{PRAES} (46) bukë.” Thodhija tha_{AOR} (47): “Kostadin, vëllathi imi, çë [ë]shtë_{PRAES} (48) kjo i shkretë zoq ke thëret_{PRAES} (49) kështunë?” — “Thodhija, motra ime! zogu ka_{PRAES} (50) kënkën e tij.” Ngrini_{AOR} (51) këtë edhe ikë_{AOR} (51a). Uanë_{AOR} (52), uanë_{AOR} (53) edhe ndejnë_{AOR} (54), të bëjnë_{CONJ.AOR} (55) vapë. Gjene erdhi_{AOR} (56) zogu edhe këndoi_{AOR} (58): “Ciri-viri, viri viu, e gjali me të vdekuri rrinë_{PRAES} (59) e bëjnë_{PRAES} (60) vapë.” Gjene u ngrita_{AOR} (61), edhe ecnin_{AOR} (62) udhëz. Si ecnin_{AOR} (63), Thodhija tha_{AOR} (64) të vëllait: “Kostadin, vëllathi im! aj të rrimë_{CONJ.PRAES} (65) të të shoh_{PRAES} (66) ndë kruet.” Edhe ndojnë_{AOR} (67) të kërkonen_{CONJ.IMPF} (68)! Motra i tha_{AOR} (69): “Kostadin, vëllai im; pse të vjen_{CONJ.PRAES} (70) erë kruet dhe edhe muhllë?” Ay i tha_{AOR} (71): “Todhinë, motra ime; nga udha e largë.” Pastaj erdhi_{AOR} (72) zogu, — “Ciri-viri, viri viu, e gjali me të vdekuri rrinë_{PRAES} (74) e kërkoen_{PRAES} (75) ndë kruët!” — “Kostadin, vëllathi im, çë është_{PRAES} (76) kjo i shkretë zog, kë këndonj_{PRAES} (77) kështu?” — Ay i tha_{AOR} (78): “Thodhinë, motra ime, zogu ka_{PRAES} (79) këngën e tij!”

Si harinë_{AOR} (80) shtëpinë edhe Kostadin tha_{AOR} (81) motrës: “Ti, motra ime, e di_{PRAES} (82) shtëpinë tënë, se un do t’ uete_{FUT} (85) ndë pazar, të marr_{CONJ.PRAES} (86) një çikë peshk.” Edhe ay (Kostadin) uate_{AOR} (87) e rra_{AOR} (88) ndë gart. M’atë kohë ke vinin_{AOR} (89) qeni ndëfteu_{AOR} (90) plakas: “Nëno, nëno, del_{IMP} (91), se vjen_{PRAES} (92) Thodhina.” Ajo i tha_{AOR} (93): “Tut_{IMP} (94), i shkretë, tut_{IMP} (94a), i nëmur; ku është_{PRAES} (95) Thodhinë? — Lark tre muaj e tri dit detit zi!” Edhe kaposhi bëri_{AOR} (96) si qeni edhe macja ashtu. Ajo gjith po mallkonte_{IMPF} (97): “Mu vithish_{PRAES} (98), Kostadinom im, nga kumtrë e nga ndrikulla ke më martoe_{AOR} (99) Thodhinën tre muaj e tridit detit zi lark.” Ma të kohë erdhi_{AOR} (100) Thodhina edhe rra_{AOR} (101) ndë portët, Ajo (plaka) doli_{AOR} (102) në portët, edhe zunë_{AOR} (103) të ziren_{CONJ.IMPF} (104) ndë qafët edhe vdiqnë_{AOR} (105) ke të diojë, ajo ke jashtë edhe ajo ke mbrenda.

Английский перевод МБ 80

Once upon a time there was (1) an old woman who had (2) nine sons and a daughter. It happened (3) so, that eight sons died (4) and only one son and the daughter remained (5) — Kostadin and Thodhija. The brother arises (6) and arranges a marriage for (7) his sister, three months and three days distant, beyond the Black Sea. Finally he gives (8) her away in marriage. As soon as he had given (9) her away in marriage he died (10). When his brothers died (11), they were buried (12) inside the house and only Kostadin was buried (13) in the graveyard. So the old woman remained (14) alone and started (15) cursing him (15a): “May you not see (16) your godson nor your

goddaughter, O my Kostadin, as you gave (17) my Thodhija to be married so far away, three months and three days, beyond the Black Sea.” At last God became bored (18), so he brought (19) Kostadin back to life and he went (20) to fetch (21) his sister, because his mother kept cursing (22) him day and night.

When Kostadin arose (23) from the coffin, his coffin turned (24) into a horse, and the shroud became (24a) a horse-blanket and he went (25) to his sister’s home, three months and three days distant, beyond the Black Sea. He came (26) there and said (27) to his sister: “Well, my sister, let’s go (28) home.” When she saw (29) him and kissed (30) him as a brother she said (31) to him: “My brother, why do you reek (32) of earth and mold?” And he said (33) to her: “Because of the long journey.” They stood up (33a) and rode away (33b). They rode (34) and rode (35) and Thodhija, his sister, said (36): “Let’s dismount (37) to have lunch (38).” They dismounted (39) to have lunch (40). When they were having lunch (41) a bird came (42) and started (43) singing (44): “Ciri-viri, viri-viu, a living person and a dead one are sitting (45) and are eating (46) bread!” — Thodhija said (47), “Kostadin, my brother, what is (48) this accursed bird which sings (49) so?” — “Thodhija, O my sister, the bird has (50) its own song.” So they got up (51) and they rode (52) and rode (53) away from there, at last they dismounted (54) and recovered (55) from the heat. Again a bird came (56) and started (57) singing (58): “Ciri-viri, viri-viu, a living person and a dead one have dismounted (59) to take a rest (60)!” They got up (61) again and went on (62). As they were going (63) Thodhija said (64): “Kostadin, O my brother, let’s dismount (65) and I’ll look (66) for lice [in your hair].” So they dismounted (67) to look (68) for lice in each other’s hair. The sister said (69) to him: “Kostadin, my brother, why does your hair reek (70) of ashes and mold?” — And he told (71) her, “Thodhija, my sister, because of the long journey.” — Then again the bird came (72) and sang (73), “Ciri-viri, viri-viu, a living person and a dead one dismounted (74) to look (75) for lice in each other’s hair!” — “Kostadin, my brother, what an accursed bird is (76) this, which is singing (77) so?” — He said (78) to her, “Thodhija, my sister, the bird has (79) its own song.”

They approached (80) their home and Kostadin said (81) to his sister, “My sister, you know (82) where our home is (83), go (84) home, because I shall go (85) to the market to buy (86) some fish.” And he went (87), and he entered (88) the tomb. While they were on their journey (89), a dog said (90) to the old woman, “Mother, mother, come (91) out of the house, Thodhija

is coming (92).” — And she said (93) to it, “Go away (94), accursed thing! Where Thodhija is (95), distant, three months and three days, beyond the Black Sea.” — The rooster and the cat did (96) the same as the dog. And she kept (97) cursing (97a), “May you not see (98) your godson nor your goddaughter, o my Kostadin, as you gave (99) my Thodhija to be married (99a), three months and three days away, beyond the Black Sea, far away!” At this time Thodhija came (100) and knocked (101) on the gate. The old woman went out (102) from the house to the gate and they began (103) hugging (104) each other and they both died (105), she died (105a) inside and Thodhija outside.

Итальянский перевод МБ 80¹⁹²

C’era (1) una donna anziana che aveva (2) nove figli e una figlia. Avvenne (3) che, gli otto figli morirono (4) e solo uno figlio e la figlia rimasero (5) in vita — Costadino e Thodhija. Il fratello si alza (6) e organizza (7) il matrimonio a sua sorella, in un luogo lontano tre mesi e tre giorni, oltre il Mar Nero. In fine lui la fa sposare (8). Quando lei si é sposata (9), lui é morto (10). Quando i suoi fratelli morirono (11), vennero seppelliti (12) dentro la casa e soltanto Costadino venne seppellito (13) nel cimitero. Cosí la donna anziana rimase (14) sola e cominció (15) a maledire (15a). “Possa tu non vedere (16) il tuo figlioccio e neppure la tua figlioccia, o mio Costadino, che hai fatto sposare (17) la mia Thodhija cosí lontano, tre mesi e tre giorni, oltre il Mar Nero”. In fine Dio si annoió (18), cosí resuscitó (19) Costadino e lo mandó (20) a prendere (21) sua sorella, perché sua madre lo malediva (22) giorno e notte.

Quando Costadino si alzó (23) dalla bara, la sua bara si trasformó (24) in un cavallo, e il lenzuolo funebre si trasformó (24a) nella sella del cavallo e lui andó (25) da sua sorella, lontano tre mesi e tre giorni, oltre il Mar Nero. Lui arrivó (26) lí e disse (27) a sua sorella: “Salve, o sorella mia, andiamo (28) a casa.” Quando lei lo vide (29), e lo bació (30) come un fratello, gli disse (31): “O fratello mio, perché profumi (32) di terra e di muffa?”. E lui le rispose (33): “É colpa del lungo viaggio.” Loro si alzarono (33a) e andarono (33b) via. Cavalcarono (34) e cavalcarono (35) e Thodhija, sua sorella, disse (36): “Sediamoci (37) e pranziamo (38).” Si sedettero (39) e pranzarono (40). Mentre stavano pranzando (41) arrivó (42) un uccello e cominció (43) a cantare (44): “Ciri-viri, viri-viu, un vivo e un morto son seduti

¹⁹² Перевод выполнен М. Рандаццо.

(45) e stanno mangiando (46) pane!” — “Costadino, fratello mio, cosa sta cantando (48) questo uccello dannato?” disse (49) Thodhija. — “Thodhija, sorella mia, l’uccello ha (50) la sua canzone.” Così si alzarono (51) e cavalcarono (52) e cavalcarono (53) da quel luogo e alla fine si sedettero (54) per fare (54a) una sosta e prendere respiro (55) dal caldo. Di nuovo un uccello arrivò (56) e cominciò (57) a cantare (58): “Ciri-viri, viri-viu, un vivo e un morto son seduti (59) e stanno facendo (60) una sosta!” Loro si alzarono (61) nuovamente e se ne andarono (62). Mentre stavano andando (63) Thodhija disse (64): “Costadino, o fratello mio, siediti (65) e io cercherò (66) i pidocchi nei tuoi capelli. Così si sedettero (67) e cercarono (68) i pidocchi l’una all’ altro. La sorella gli disse (69): “Costadino, fratello mio, perché i tuoi capelli puzzano (70) di cenere e di muffa?” E lui le disse (71): “Thodhija, sorella mia, é colpa del lungo viaggio.” — Poi di nuovo l’uccello arrivò (72) e cantò (73): “Ciri-viri, viri-viu, un vivo e un morto son seduti (74) e cercano (75) i pidocchi l’uno all’ altro!” — “Costadino, fratello mio, chi é (76) questo uccello dannato che sta cantando (77) così?” — Lui le disse (78): “Thodhija, sorella mia, l’uccello ha (79) la sua canzone.”

Loro raggiunsero (80) la casa e Costadino disse (81) a sua sorella: “Sorella mia, tu sai (82) dov’ é (83) la nostra casa, vai (84) a casa perché io andrò (85) al bazar per comprare (86) del pesce.” E lui andò (87) e entrò (88) nella tomba. Mentre loro stavano andando (89), il cane disse (90) alla donna anziana: “Madre, esci (91) dalla casa, Thodhija sta tornando (92)!” E lei gli disse (93): “Vai (94) via, maledizione! Dov’ é (95) Thodhija, lontano, tre giorni e tri notti oltre il Mar Nero!” La gallina e il gatto fecero (96) come il cane. E lei stava (97) ancora maledicendo. “Possa tu non vedere (98) il tuo figlioccio e neppure la tua figlioccia, o mio Costadino, che hai fatto sposare (99) la mia Thodhija così lontano (99a), tre mesi e tre giorni, oltre il Mar Nero.” In quel momento Thodhija arrivò (100) e bussò (101) alla porta. La donna anziana uscì (102) dalla casa verso la porta e loro cominciarono (103) ad abbracciarsi e insieme morirono (105), lei morì (105a) dentro e Thodhija fuori.

Русский перевод МБ 80

Жила-была (1) одна баба, и было (2) у нее девять сыновей и одна дочка. Случилось (3) так, что восемь сыновей умерли (4), и остались (5) у нее сын да дочка — Костадин и Тодия. Встает (6) брат и сватает (7) свою сестру, за три месяца и три дня пути, за черное море. Наконец-то выдает (8) он ее замуж. Как только выдал (9) он ее замуж,

так и умер (10). Когда умерли (11) его братья, их всех закопали (12) в доме, и только Костадина похоронили (13) на кладбище. И так, осталась (14) баба одна и стала (15) весь день проклинать (15а): “Чтоб тебе, Костадин мой, не видеть (16) ни крестника, ни крестницы, что ты мою Тодию выдал (17) замуж за три месяца и три дня пути, за черное море, далеко”. Наконец, надоело (18) Богу, и Бог оживил (19) Костадина, и пошел (20) он за своей сестрой, потому что мать днём и ночью всё его проклинала (22).

Когда Костадин встал (23) из гроба, его гроб стал (24) конем, а саван — попоной, и поехал (25) он так к своей сестре, далеко, за три месяца и три дня пути, за черное море. Пришел (26) он туда и сказал (27) сестре: “Ну, сестра, поехали (28) к нам”. Когда она его увидела (29) и поцеловала (30) как брата, то сказала (31) ему: “Почему, брат мой, ты пахнешь (32) землей и плесенью?” А он сказал (33) ей: “От долгого пути”. Ехали (34) они, ехали (35) и Тодия, сестра его, сказала (36): “Давай сядем (37) обедать (38)”. Сели (39) они обедать (40). Когда они ели (41), прилетела (42) птичка и начала (43) петь (44): “Цири-вири, вири-виу, живой и мертвый сидят (45) и хлеб едят (46)!” Тодия сказала (47): “Костадин, о мой брат, что это за проклятая птичка, которая так поет (49)?” “Тодия, сестра моя, у птички своя песня”. Встали (51) они, шли (52) они оттуда, шли (53), наконец, сели (54) перевести (55) дух от жары. Опять прилетела (56) птичка и начала (57) петь (58): “Цири-вири, вири-виу, живой и мертвый сели (59) отдохнуть (60)!” Опять они встали (61) и пошли (62). Когда они шли (63), Тодия сказала (64): “Костадин, брат мой, давай сядем (65) и я поищу (66) у тебя блох”. И сели (67) они искать (68) друг у друга блох. Сестра ему сказала (69): “Костадин, брат мой, почему у тебя голова пахнет (70) прахом и плесенью?” А он ей сказал (71): “Тодия, сестра моя, из-за долгой дороги”. Потом опять прилетела (72) птичка и запела (73): “Цири-вири, вири-виу, живой и мертвый сели (74) блох друг у друга искать (75)!” “Костадин, брат мой, что это за проклятая птичка, которая так поет (77)?” Он ей сказал (78): “Тодия, сестра моя, у птички своя песня”.

Подъехали (80) они к дому, и Костадин сказал (81) сестре: “Сестра моя, ты знаешь (82), где наш дом, иди (84) домой, потому что я пойду (85) на базар купить (86) немного рыбы”. И он пошел (87), и вошел (88) в могилу. В то время, как они шли (89), собака говорила (90) бабе: “Мама, мама, выходи (91), Тодия идет (92)”. А она ей

говорит (93): “Вон отсюда, проклятая! Где Тодия — далеко, за три месяца и три дня пути, за черным морем”. Петух и кошка сделали (96) то же самое, что и собака. А она всё так же проклинала (97): “Чтоб тебе не видеть (98), Костадин, крестника и крестницу, что ты мою Тодию выдал замуж (99) за три месяца и три дня пути, за черное море, далеко!” В это время пришла (100) Тодия и постучала (101) в ворота. Баба вышла (102) к воротам и стали (103) они обниматься (104), и обе умерли (105), она внутри, а Тодия снаружи.

Сербский перевод МБ 80¹⁹³

Bila (1) jedna stara žena i imala (2) devet sinova i jednu kćer. Desilo se (3) da je osam sinova umrlo (4) i ostali su (5) jedan sin i jedna kćerka — Kostadin i Todija. Brat je štutio (6) sestru i provodadžisao (7) na daleko, tri meseca i tri dana, preko Crnog mora. Na kraju ju je udao (8). Kada ju je udao (9), on je umro (10). Kada su njegova braća umrla (11), oni su bili (12) sahranjeni unutar kuće i samo je Kostadin sahranjen (13) na groblju. Tako je stara žena ostala (14) sama i počela je (15) proklinjati (15a): “Možda ne vidiš (16) svoje kumče i kumicu, o moj Kostadine, pošto si udao (17) moju Todiju daleko, na tri meseca i tri dana, sve do Crnog mora.” Na kraju se Bogu dosadilo (18), pa je oživeo (19) Kostadina, koji je otišao (20) da dovede (21) svoju sestru, jer ga je majka klela (22) i danju i noću.

Kada je Kostadin vaskrsnuo (23) iz mrtvačkog kovčega, njegov se kovčeg u konja pretvorio (24), i mrtvački pokrov sedlom postao (24a), i on krenu (25) po sestru svoju, daleko, na 3 meseca i 3 dana, čak do Crnog mora. Stigao (26) tamo i rekao (27) sestri: “Hajde sestro da idemo (28) našima [-kući]”. Kada je brata videla (29), ona ga poljubila (30) pa mu rekla (31): “Brate moj, što se na zemlju i buđ osečaš [mirišeš] (32)?” I on joj reče (33): “Zbog dugoga puta.” Ustaše (33a) i odjahaše (33a). Jahali (34) su i jahali (35) i Todija, njegova sestra reče (36): “Hajde da ručamo (38).” Sedoš (39) da obeduju (40). Dok su ručali (41) dođe (42) ptica i poč (43) da peva (44): “Ćiju-ći, ćju-ći živi i mrtvi sede (45) i hleb jedu (46)!” — “Kostadine, brate moj, koja je (48) ovo prokleta ptica koja ovako peva (49)?” reče (47) Todija. — “Todija, sestro moja, ptica ima (50) svoju pesmu.” Ustaše (51) i odjahaše (52) odatle, jahaše (53) i najposle stadoše (54) da uzmu (55) malo daha od vrućine. Ponovo ptica dođe (56) i zapeva (57): “Ćiju-ći, ćju-ći živi i mrtvi sede (59) i odmaraju (60)!” Ponovo ustadoše (61) i odoše (62). Dok su

¹⁹³ Перевод выполнен В. Тодорович.

išli (63) Todija reče (64): “O moj brate, Kostadine, hajde da sednemo (65) da ti pogledam (66) vaši u kosi.” Sedošē (67) da pogledaju (68) vaši jedno drugom. Sestra reče (69): “Kostadine, brate moj, što tvoja kosa miriše (70) na pepeo i buđ?” — I on joj odgovori (71): “Zbog dugoga puta, Todijo, sestro moja.” Onda ptica ponovo dođe (72) i zapeva (73): “Ćiju-ći, ćju-ći živi i mrtvi sede (74) i gledaju (75) vaši jedni drugima!” — “Kostadine, brate moj, koja je (76) ovo prokleta ptica, koja peva (77) ovako?” — On joj reče (78): “Todija, sestro moja, ptica ima (79) svoju pesmu.”

Približiše se (80) kući i Kostadin reče (81) sestri svojoj: “Sestro moja, ti znaš (82) gde je (83) naša kuća, idi (84) kući jer ja ću (85) na pazar da kupim (86) malo ribe.” I on ode (87) i otvori (88) grob. Dok su oni išli (89), pas reče (90) staroj ženi: “Majko, izadi (91) iz kuće, Todija dolazi (92).” — I ona mu na to reče (93): “Odlazi (94) prokletinjo! Tamo gde je (95) Todija, to je (95a) na tri meseca i tri dana, preko Crnog mora.” Petao i mačka učiniše (96) istu stvar kao i pas. I ona je ponovo proklinjala (97): “Možda ne vidiš (98) svoje kumče i kumicu, o moj Kostadine, pošto si učinio (98a) da se moja Todija uda (99), na 3 meseca i tri dana, preko Crnog mora, tako daleko.” U tom trenutku Todija dođe (100) i zakuca (101) na kapiju. Stara žena pođe (102) iz kuće ka kapiji i počēše (103) se grliti (104) i obe umreše (105), ona unutra, a Todija na kapiji [spolja].

2. ПЕРЕВЕДЕННЫЕ ТЕКСТЫ

Болгарские переводы

МК 0. Перевод К. Шапкарева (Шапкарев 1894: 526–527)

Си бѣше _{IMPF} (1) една баба, която имаше _{IMPF} (2) деветъ момчета и едно момиче. Случи се _{AOR} (3), та умрѣха _{AOR} (4) осьмьте момчета и отъ деветьтъ останѣха _{AOR} (5) само едно момче и момичето, — Костадинъ и Тодия. Става _{PRAES} (6) братьтъ и годява _{PRAES} (7) сестра си далечъ три мѣсеци и три дни, задъ чърното море. Най-послѣ я омжжва _{PRAES} (8). Щомъ я омжжва _{PRAES} (9) и той умрѣлъ _{L.PART (= AOR.EV⁻)}¹⁹⁴ (10). Вситъ му братя, когато умрѣли _{AOR.EV⁻} (11), ги закопали _{L.PART (= AOR.EV⁻)} (12) въ кжщата, а само Костадина погрѣбоха _{AOR} (13) въ гробищата. Най-послѣ останѣ _{AOR} (14) бабата сама и по цѣлъ день кълнеше _{IMPF} (15) “Да се невидишь _{CONJ.PRAES} (16), Костадине мой, отъ кръсника и кръсницата, шо ми омжжи _{AOR}

¹⁹⁴ Л-формы выделены полужирным.

(17) Тодия три мѣсеци и три дни, задѣ чърно море, далечь.” Най-послѣ омързна_{AOR} (18) и на Бога и Богъ съживи_{AOR} (19) Костадина и този отиде_{AOR} (20) да доведе_{CONJ.PRAES} (21) сестра си, защото майка му все кълнеше_{IMPF} (22), денѣ и ношѣ.

Костадинѣ, шомѣ **станѣль**_{L.PART (= AOR.EV-)} (23) отѣ гробѣтъ, сандѣкътъ му **станѣль**_{L.PART (= AOR.EV-)} (24) на конѣ, а чаршафѣтъ му, на чулъ на коня и отиде_{AOR} (25) така при сестра си далеко три мѣсеци и три дни, задѣ чърното море. Като отиде_{AOR} (26) тамѣ и ѣ каза_{AOR} (27): “Хайде, сестро моя, да идемѣ_{CONJ.PRAES} (28) у насѣ.” Тя, шомѣ го видѣ_{AOR} (29) и го цѣлува_{AOR/PRAES} (30) братски, каза_{AOR} (31) му: “Защо, братко мой, миришешѣ_{PRAES} (32) на земя и на мухла?” А той ѣ каза_{AOR} (33): “Отѣ дългия пѣтъ.” Вървехѣ_{IMPF} (34), вървехѣ_{IMPF} (35) и Тодия (сестра му) каза_{AOR} (36): “Хайде да сѣднемѣ_{CONJ.PRAES} (37), да обѣдваме_{CONJ.PRAES} (38).” Сѣднѣха_{AOR} (39) да обѣдватѣ_{CONJ.PRAES} (40). Като ядехѣ_{IMPF} (41) дойде_{AOR} (42) една птичка и почнѣ_{AOR} (43) да пѣе_{CONJ.PRAES} (44): “Цири-вири, вири-виу, живия съ мъртвия сѣдятѣ_{PRAES} (45) и ядатѣ_{PRAES} (46) хлѣбѣ!” Тодия каза_{AOR} (47): “Костадине, братко мой! Каква е_{PRAES} (48) тази пуста птичка, дѣто пѣе_{PRAES} (49) тѣй?” — “Тодие, сестро моя! птичката си има_{PRAES} (50) своята пѣсенѣ!” Станѣха_{PRAES} (51) отѣ тамѣ и вървеха_{IMPF} (52), вървеха_{IMPF} (53), най-послѣ сѣднѣха_{AOR} (54) да се расхладатѣ_{CONJ.PRAES} (55) Пакѣ дойде_{AOR} (56) птичката и почна_{AOR} (57) да пѣе_{CONJ.PRAES} (58): “Цири-вири, вири-виу, живийтъ съ мъртвийтъ **сѣ**_{ESSE.3PL} **сѣднѣли**_{L.PART (= PERF)} (59) да взематѣ_{CONJ.PRAES} (60) хладѣ!” Пакѣ станѣха_{AOR} (61) и трѣгнѣха_{AOR} (62) изѣ пѣтътъ. Като вървехѣ_{IMPF} (63), Тодия каза_{AOR} (64): “Костадине братко мой! Хайде да сѣднемѣ_{CONJ.PRAES} (65), да те попоша_{CONJ.PRAES} (66).” И сѣднѣха_{AOR} (67) да се пошатѣ_{AOR} (68). Сестра му му каза_{AOR} (69): “Костадине, братко мой! Защо ти мирише_{PRAES} (70) главата на прѣстъ и на плесенѣ?” А той ѣ каза_{AOR} (71): “Тодие, сестро моя! отѣ дългия пѣтъ!” Послѣ пакѣ дойде_{AOR} (72) птичката и запѣ_{AOR} (73): “Цири-вири, вири-виу, живия съ мъртвия **сѣднѣли**_{L.PART (= AOR.EV-)} (74) да се пошатѣ_{CONJ.PRAES} (75)!” — “Костадине, братко мой, каква е_{PRAES} (76) тая пуста птичка, дѣто пѣе_{PRAES} (77) тѣй?” Той ѣ каза_{AOR} (78): “Тодие, сестро моя! птичката си има_{PRAES} (79) своята пѣсенѣ!”

Като **приблѣжилѣ**_{L.PART (= AOR.EV-)} (80) до кѣщата, Костадинѣ рѣче_{AOR} (81) на сестра си: “Сестро моя! ти знаешѣ_{PRAES} (82) гдѣ е_{PRAES} (83) нашата кѣща, иди_{IMP} (84) дома, защото азѣ ще отидѣ_{FUT} (85) на пазарѣ, да вземѣ_{CONJ.PRAES} (86) малко риба.” И отиде_{AOR} (87) и си влезе_{AOR} (88) въ гробѣтъ. Въ това врѣме, когато тия идехѣ_{IMPF} (89), кучето казваше_{IMPF}

(90) на бабата: “Мамо, мамо! излѣзи_{.IMP} (91), че иде_{.PRAES} (92) Тодия.” А тя му каза_{.AOR} (93); “Бѣгай_{.IMP} (94) отъ тука, невидѣнику: кѣдѣ е_{.PRAES} (95) Тодия? — далече три мѣсеци и три дни, задъ чърното море!” Петелътъ и мачката **направили**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (96) сѣщото, както и кучето. А пакъ тя все туку кълнеше_{.IMPF} (97): “Да се не видишь_{.PRAES.EV⁻} (98), Костадине мой, отъ кръсникъ и отъ кръсница, що ми омѣжи_{.AOR} (99) Тодия далече три мѣсеци и три дни, задъ чърното море далечъ!” По това врѣме **дошла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (100) Тодия и **почукала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (101) на портата. Бабата **излѣзла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (102) на портата и **взели**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (103) да се прегръщатъ_{.CONJ.PRAES} (104) и **умрѣли**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (105) и двѣтъ, тя отъ вѣтрѣ, а Тодия, отъ вѣнка.

МК1. Пловдив

Информант: 1988 г.р., род. в Пловдиве, България. Образование незаконченное высшее, не филолог. Перевод с русского языка.

Имало_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (1) едно време една баба, **имала**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (2) си тя девет сина и една дъщеря. **Случило се**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (3) така, че осем от синовете ѝ **умрели**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (4) и ѝ **останали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (5) един син и една дъщеря — Костадин и Тодия. Става_{.PRAES} (6) братътъ и сватосва_{.PRAES} (7) сестра си, далече, на три месеца и три дни път, на Черно море. Накрая я дава_{.PRAES} (8) за жена. Едва я бе дал_{.PLUSQ} (9) да се жени_{.CONJ.PRAES} (9а), и **умрял**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (10). Когато **умрели**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (11) неговите братя, ги **погребали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (12) в дома им, и само Костадин **погребали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (13) в гробището. И така, **останала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (14) бабата сама и **започнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (15) цял ден да проклина_{.CONJ.PRAES} (15а): “Костадине мой, тебе да не те види_{.CONJ.PRAES} (16) ни кръстник, ни кръстница, че ти моята Тодия я даде_{.AOR} (17) за жена на 3 месеца и 3 дни път, на Черно море, далече.” Накрая на Бог му **омръзнало**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (18) и той **възкресил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (19) Костадин и **трѣгнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (20) той за своята сестра, защото майката по цели дни и нощи го **проклинала**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (22).

Когато Костадин **станал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (23) от гроба си, гробътъ му **станал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (24) кон, а саванътъ — покривало, и така **трѣгнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (25) той към своята сестра, на три месеца и три дни път, далече, на Черно море. **Стигнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (26) той там и **казал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (27) на сестра си: “Хайде, сестро, да си ходим_{.CONJ.PRAES} (28) въкъщи.” Когато тя го **видяла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (29) и го **целунала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)}

(30), както се целува_{.PRAES} (30a) брат, му **казала**_{.LPART (= AOR.EV-)} (31): “Защо ти, братко мой, миришеш_{.CONJ.PRAES} (32) на земя и плесен?” А той ù **казал**_{.LPART (= AOR.EV-)} (33): “От дългия път.” **Пътували**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (34) те, **пътували**_{.LPART (= IMPF.EV-)} и Тодия, неговата сестра, му **казала**_{.LPART (= AOR.EV-)} (36): “Дай да седнем_{.CONJ.PRAES} (37) да обядваме_{.CONJ.PRAES} (38).” <...> Докато **се хранили**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (41), **долетяла**_{.LPART (= AOR.EV-)} (42) птичка и **започнала**_{.LPART (= AOR.EV-)} (43) да пее_{.CONJ.PRAES} (44): “Цири-вири, вири-виу, живият и мъртвият стоят_{.PRAES} (45) и хляб ядат_{.PRAES} (46).” Тодия **рекла**_{.AOR.EV-} (47): “Костадине, о братко мой, що за проклета птичка е_{.PRAES} (48) тази, която така пее_{.PRAES} (49)?” — “Тодия, сестро моя, птичката си има_{.PRAES} (50) своя песен.” **Станали**_{.AOR.EV-} (51) те, **тръгна**_{.LPART (= AOR.EV-)} (52) си оттам, накрая **седнали**_{.LPART (= AOR.EV-)} (54) да се разхладят_{.CONJ.PRAES} (55). Отново **долетяла**_{.AOR.EV-} (56) птичката и **започнала**_{.LPART (= AOR.EV-)} (57) да пее_{.CONJ.PRAES} (58): “Цири-вири, вири-виу, живият и мъртвият стоят_{.PRAES} (59) и си почиват_{.PRAES} (60).” Отново **станали**_{.LPART (= AOR.EV-)} (61) и **тръгна**_{.LPART (= AOR.EV-)} (62). Докато **ходили**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (63), Тодия **казала**_{.LPART (= AOR.EV-)} (64): “Костадине, братко мой, дай да седнем_{.CONJ.PRAES} (65) и да ти потърся_{.CONJ.PRAES} (66) бълхи.” И **седнали**_{.LPART (= AOR.EV-)} (67) те да се пошат_{.CONJ.PRAES} (68) един друг. Сестра му **рекла**_{.LPART (= AOR.EV-)} (69): “Костадине, братко мой, защо главата ти мирише_{.PRAES} (70) на прах и плесен?” И той ù **казал**_{.LPART (= AOR.EV-)} (71): “Тодия, сестро моя, заради дългият път ще да е (71a).” После отново **долетяла**_{.LPART (= AOR.EV-)} (72) птичката и **запяла**_{.LPART (= AOR.EV-)} (73): “Цири-вири, вири-виу, живият и мъртвият **са**_{.ESSE} **седнали**_{.LPART (= PERF)} (74) един друг да си пошат_{.CONJ.PRAES} (75) бълхите.” Тодия **рекла**_{.LPART (= AOR.EV-)}: “Костадине, о братко мой, що за проклета птичка е_{.PRAES} (76) тази, която така пее_{.PRAES} (77)?” <...> “Тодия, сестро моя, птичката си има_{.PRAES} (79) своя песен.”

Тръгна_{.LPART (= AOR.EV-)} (80) те към къщи и Костадин **рекл**_{.LPART (= AOR.EV-)} (81) на сестра си: “Сестро моя, ти знаеш_{.PRAES} (82), къде е_{.PRAES} (83) нашият дом, иди_{IMP} (84) у дома, защото аз отивам_{.PRAES} (85) на пазара да купя_{.CONJ.PRAES} (86) малко риба.” И той **тръгнал**_{.LPART (= AOR.EV-)} (87) и **влязъл**_{.AOR.EV-} (88) в могилата. Във времето, докато те **вървели**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (89), кучето **говорило**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (90) на бабата: “Мамо, мамо, излез_{IMP} (91), Тодия иде_{.PRAES} (92).” А тя ù отвърща_{.PRAES} (93): “Марш отгук, проклетице! Къде е_{.PRAES} (95) Тодия — далече, на три месеца и три дни път, на Черно море!” Петелът и котката **стори**_{.LPART (= AOR.EV-)} (96) същото, което и кучето. А тя все така **проклинала**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (97): “Костадине мой, тебе да не те види_{.CONJ.PRAES} (98) ни кръстник, ни кръстница, че ти

моята Тодия я даде_{.AOR} (99) за жена на 3 месеца и 3 дни път, на Черно море, далече.” В това време **дошла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (100) Тодия и **потропа-ла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (101) на вратата. Бабата **отишла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (102) на вратата и те **започнали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (103) да се **прегръщат**_{.CONJ.PRAES} (104) и двете **умрели**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (105), тя вътре, а Тодия вън.

МК2. Пловдив

Информант: 1988 г.р., род. в Пловдиве, България. Образование незаконченно высшее, филолог. Перевод с русского языка.

Имало_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (1) едно време една баба, която **имала**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (2) девет синове и една дъщеря. **Случило се**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (3) така, че осем от синовете ѝ **умрели**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (4) и ѝ **останали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (5) един син и дъщеря — Костадин и Тодия. **Решил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (6) братът да омъжи_{.CONJ.PRAES} (7) сестра си. **Вървели**_{.IMPF.EV⁻} (7а) три месеца и три нощи, отвъд черното море. Накрая я ѝ (sic) **намерил**_{.AOR.EV⁻} (8) жених. Но щом **се омъжила**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (9), Костадин **умрял**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (10). Когато **умрели**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} другите братя (11), ги **погребали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (12) в дома им, а само Костадин — на гробището. И тъй, **останала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (14) старата жена съвсем сама и **започнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (15) по цял ден да проклина_{.CONJ.PRAES} (15а) сина си: “Болест да те изяде_{.CONJ.PRAES} (16), Костадине, задето даде_{.AOR} (17) моята Тодия за жена толкова далече — на три месеца и три нощи (sic) път оттук, отвъд черното море!” Но **омръзнало**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (18) на Бог да слуша_{.CONJ.PRAES} (19) постоянните клетви на майката и **съживил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (19) Костадин, и той **тръгнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (20) да прибере_{.CONJ.PRAES} (21) сестра си, защото майка му ден и нощ го **проклинала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (22) и **не му давала**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (22а) покой.

Щом Костадин **станал**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (23) от гроба, ковчегът му **се превърнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (24) в кон, а савана — в чул, и **тръгнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (25) той за сестра си, три месеца и три нощи пътувал_{.IMPF.EV⁻} (25а), отвъд черното море. **Стигнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (26) там и **рекъл**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (27) на сестра си: “Върни се_{.IMP} (28), сестричке, при нас.” Щом го **видяла**_{.AOR.EV⁻} (29), **целунала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (30) го и **попитала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (31): “Защо, братко, миришеш_{.PRAES} (32) на пръст и мухъл?” А той ѝ **отвърнал**_{.AOR.EV⁻} (33): “От дългия път.” **Вървели**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (34), **вървели**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (35) и сестра му Тодия **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (36): “Хайде да обядваме_{.CONJ.PRAES} (37).” И **седнали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (39) да ядат_{.CONJ.PRAES} (40). В това време над тях

прелетяла_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (42) птичка и запяла_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (43): “Чик-чирик, чик-чирик, жив и мъртъв седят_{.PRAES} (45) и заедно ядат_{.PRAES} (46)!” Тодия се зачудила_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (47): “Костадине, братко, шо за проклета птичка е_{.PRAES} (48) тая, която пее_{.PRAES} (49) така?” “Тодия, сестро, птичката си има_{.PRAES} (50) своя песен.” Станали_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (51) и тръгнали_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (51a). Вървели_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (52), вървели_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (53) и скоро пак седнали_{AOR.EV⁻} (54) да си поемат_{.CONJ.PRAES} (55) дъх. Пак прелетяла_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (56) птичката и запяла_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (57): “Чик-чирик, чик-чирик, жив и мъртъв седят_{.PRAES} (59) и си почиват_{.PRAES} (60)!” Пак станали_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (61) и тръгнали_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (62). Като вървели_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (63), Тодия рекла_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (64): “Братко, хайде пак да седнем_{.CONJ.PRAES} (65) и да те попощя_{.CONJ.PRAES} (66) малко!” И седнали_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (67) отново и започнали_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (67a) да се пощят_{.PRAES.CONJ} (68). Тодия рекла_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (69) на Костадин: “Костадине, братко, защо главата ти така мирише_{.PRAES} (70) на прах и плесен?” А той ù отвърнал_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (61): “Заради дългия път.” Тогава отново прелетяла_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (72) птичка и запяла_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (73): “Чик-чирик, чик-чирик, жив и мъртъв седнали_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (74) да се пощят_{.CONJ.PRAES} (75)!” “Костадине, братко, шо за проклета птичка е_{.PRAES} (76) тая, която пее_{.PRAES} (77) така?” Той ù отвърнал_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (78): “Тодия, сестро, птичката си има_{.PRAES} (79) своя песен.”

Стигнали_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (80) до родния дом и Костадин рекъл_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (81) на сестра си: “Сестричке, ти знаеш_{.PRAES} (82) къде е_{.PRAES} (83) домът ни, прибери се_{.IMP} (84) вкъщи, а аз ще отида_{.FUT} (85) на пазара да купя_{.CONJ.PRAES} (86) малко риба!” И тръгнал_{AOR.EV⁻} (87) той и се върнал_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (88) обратно в гроба. Докато вървели_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (89) те, кучето казвало_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (90) на старата жена: “Майко, майко, излизай_{.IMP} (91)! Тодия идва_{.PRAES} (92)!” А тя му отвършала_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (93): “Махай се_{.IMP} (94) оттук, проклето животно! Къде е_{.PRAES} (95) Тодия — на три месеца и три нощи път оттук, отвъд черното море.” Петелът и котката направили_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (96) същото, което и кучето. А тя все тъй проклинала_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (97): “Болест да те изяде_{.CONJ.PRAES} (98), Костадине, задето даде_{AOR} (99) моята Тодия за жена толкова далече — на три месеца и три нощи път оттук, отвъд черното море!” В това време дошла_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (100) Тодия и почукала_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (101) на вратата. Шом я видяла_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (102) старицата, двете се запрегръшали_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (103) и двете умрели_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (105) — тя вътре, а Тодия — отвън.

МКЗ. София

Информант: 1976 г.р., род. в Софии, в 2005 г. преехала в Чикаго. Образование высшее, филолог. Перевод с руского языка.

Имало_{.IMPF.EV-} (1) едно време една жена, която **имала**_{.IMPF.EV-} (2) девет сина и една дъщеря. **Случило се**_{.LPART(=AOR.EV-)} (3) така, че осем от синовете ù **умрели**_{.LPART(=AOR.EV-)} (4) и ù **останали**_{.LPART(=AOR.EV-)} (5) само един син и една дъщеря — Костадин и Тодия. **Тръгнал**_{.LPART(=AOR.EV-)} (6) братът да сватосва_{.PRAES} (7) сестра си. **Вървяли**_{.LPART(=IMPF.EV-)} (7а) три месеца и три дни, отвъд черното море. Най-сетне **успял**_{.LPART(=AOR.EV-)} (7б) да я омъжи_{.CONJ.PRAES} (8). Но веднага шом я **омъжил**_{.LPART(=AOR.EV-)} (9), **починал**_{.LPART(=AOR.EV-)} (10). Когато братята му **умрели**_{.AOR.EV-} (11), **погребали**_{.LPART(=AOR.EV-)} (12) ги у дома, а Костадин **погребали**_{.LPART(=AOR.EV-)} (13) на гробище. **Останала**_{.LPART(=AOR.EV-)} (14) майка му сама и **започнала**_{.LPART(=AOR.EV-)} (14а) всеки ден да го проклина (15): “Ах, Костадине, кръстник да не видиш_{.CONJ.PRAES} (16), кръстница да не видиш_{.CONJ.PRAES} (16а), задето сватоса_{.AOR} (17) моята Тодия на три месеца и три дни път оттук, далече-далече, отвъд черното море.” Най-сетне на Бог му **омръзнало**_{.LPART(=AOR.EV-)} (18) и Бог **съживил**_{.LPART(=AOR.EV-)} (19) Костадин, и той **тръгнал**_{.LPART(=AOR.EV-)} (20) да търси_{.CONJ.PRAES} (21) сестра си, защото майка му го **кълняла**_{.LPART(=IMPF.EV-)} (22) ден и ноц.

Когато Костадин **станал**_{.LPART(=AOR.EV-)} (23) от ковчега, ковчегът му **се превърнал**_{.LPART(=AOR.EV-)} (24) в кон, а саванът **се превърнал**_{.LPART(=AOR.EV-)} (24а) в чул и той **тръгнал**_{.LPART(=AOR.EV-)} (25) да търси_{.CONJ.PRAES} (25а) сестра си, далече-далече, на три месеца и три дни път, отвъд черното море. **Пристигнал**_{.LPART(=AOR.EV-)} (26) той и **казал**_{.LPART(=AOR.EV-)} (27) на сестра си: “Ех, сестро, хайде да те водя_{.CONJ.PRAES} (28) вкъщи.” Когато тя го **видяла**_{.AOR.EV-} (29) и **целунала**_{.LPART(=AOR.EV-)} (30), **попитала**_{.LPART(=AOR.EV-)} (31) го: “Зашо, братко, мирешеш_{.CONJ.PRAES} (32) на земя и плесен?” А той ù **отвърнал**_{.LPART(=AOR.EV-)} (33): “От дългия път.” Те **яздили**_{.LPART(=AOR.EV-)} (34), **яздили**_{.LPART(=AOR.EV-)} (35), докато Тодия **не казала**_{.AOR.EV-} (36): “Хайде да седнем_{.CONJ.PRAES} (37) да обядваме_{.CONJ.PRAES} (38).” **Седнали**_{.LPART(=AOR.EV-)} (39) да обядват_{.CONJ.PRAES} (40). Докато **ядели**_{.LPART(=IMPF.EV-)} (41), **долетяла**_{.LPART(=AOR.EV-)} (42) една птичка и **започнала**_{.LPART(=AOR.EV-)} (43) да пее_{.CONJ.PRAES} (44): “Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят_{.PRAES} (45) и ядат_{.PRAES} (46) хляб.” Тодия **попитала**_{.LPART(=AOR.EV-)} (47): “Костадине, братко, шо за проклета птица е_{.PRAES} (48) това, че така пее_{.PRAES} (49)?” “Всяка птичка си има_{.PRAES} (50) своя песен, сестрице Тодия.” **Станали**_{.LPART(=AOR.EV-)} (51) те и **тръгнали**_{.LPART(=AOR.EV-)} (52), **вървяли**_{.LPART(=IMPF.EV-)} (52а), **вървали**_{.LPART(=IMPF.EV-)} (sic!) (53), пък **седнали**_{.AOR.EV-} (54) малко да отдъхнат (55) от жегата. Отново

долетяла_{.LPART(=AOR.EV-)} (56) еднаптичка и започнала_{.LPART(=AOR.EV-)} (57) да пее_{.CONJ.PRAES} (58): “Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят_{.PRAES} (59) и почиват_{.PRAES} (60).” Те пак станали_{.LPART(=AOR.EV-)} (61) и тръгнали_{.LPART(=AOR.EV-)} (62). Докато вървяли_{.LPART(=IMPF.EV-)} (63), Тодия каза_{.LPART(=AOR.EV-)} (64): “Костадине, братко, хайде да седнем_{.CONJ.PRAES} (65) да те попошя_{.CONJ.PRAES} (66) за въшки. И седнали_{.LPART(=AOR.EV-)} (67) да се пошат_{.CONJ.PRAES} (68) от въшки. Сестра му каза_{.LPART(=AOR.EV-)} (69): “Костадине, братко, защо главата ти мирише_{.PRAES} (70) на прах и плесен?” А той отвърнал_{.LPART(=AOR.EV-)} (71): “От дългия път, сестрице Тодия.” Тогава пак долетяла_{.LPART(=AOR.EV-)} (72) птичка и запяла_{.LPART(=AOR.EV-)} (73): “Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят_{.PRAES} (74) и си пошат_{.PRAES} (75) въшките.” “Костадине, братко, що за проклета птица е_{.PRAES} (76) това, че така пее_{.PRAES} (77)?” Той ѝ отвърнал_{.AOR.EV-} (78): “Всяка птичка си има_{.PRAES} (79) своя песен, сестрице Тодия.”

Приближили_{.LPART(=AOR.EV-)} (80) вече до вкъщи и Костадин казал_{.LPART(=AOR.EV-)} (81) на сестра си: “Сестрице, ти знаеш_{.PRAES} (82) къде е_{.PRAES} (83) домът ни, върви_{.IMP} (84) вкъщи, а аз ще отида_{.FUT} (85) до пазара да купя_{.CONJ.PRAES} (86) малко риба.” И той отишъл_{.LPART(=AOR.EV-)} (87) и влязал_{.LPART(=AOR.EV-)} (sic!) (88) в гроба. Докато те вървяли_{.LPART(=IMPF.EV-)} (89), кучето повтаряло_{.LPART(=IMPF.EV-)} (90) на майката: “Мамо, мамо, излез_{.IMP} (91), Тодия иде_{.PRAES} (92)!” А тя отвърнала_{.LPART(=AOR.EV-)} (93): “Махай се_{.IMP} (94) оттук, проклето куче! Къде живее_{.PRAES} (95) Тодия — далече-далече, на три месеца и три дни път оттук, отвъд черното море.” Петелът и котката ѝ казали_{.LPART(=AOR.EV-)} (96) същото, както и кучето. А тя продължава-ла_{.LPART(=IMPF.EV-)} (97) да къльне_{.CONJ.PRAES} (97а): “Кръстник да не видиш_{.CONJ.PRAES} (98), кръстница да не видиш_{.CONJ.PRAES} (98а), Костадине, задето сватоса_{.AOR} (99) моята Тодия на три месеца и три дни път оттук, далече-далече, отвъд черото (sic) море.” Точно тогава Тодия се завърнала_{.LPART(=AOR.EV-)} (100) и чукунала_{.LPART(=AOR.EV-)} (101) на вратата. Майката излязла_{.LPART(=AOR.EV-)} (102) на вратата и шом започнали_{.AOR.EV-} (103) да се прегръщат_{.CONJ.PRAES} (104), и двете умрели_{.LPART(=AOR.EV-)} (105), бабата втрпе, а Тодия отвън.

МК4. София

Информант: 1978 г.р., род. в София, България. Образование висше, филолог. Перевод с руского языка.

Живяла_{.LPART(=IMPF.EV-)} (1) някога една баба, която имала_{.LPART(=IMPF.EV-)} (2) деветима сина и една дъщеря. Случило се_{.LPART(=AOR.EV-)} (3) така, че осемте ѝ сина умрели_{.LPART(=AOR.EV-)} (4) и ѝ останали_{.LPART(=AOR.EV-)} (5) само един

син и една дъщеря, Костадин и Тодия. Братът **взел**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (5а), че **сватосал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (7) своята сестра на три месеца и три дена път надалеч, отвъд черното море. И най-накрая я **омъжил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (8). И шом я **омъжил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (9) веднага **умрял**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (10). Когато **умрели**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (11) неговите братя, всички до един ги **погребали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (12) в дома им, само Костадин **погребали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (13) на гробището. А бабата **останала**_{.AOR.EV⁻} (14) сама-самичка и по цели дни **проклинала**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (15): “Дано не те види_{.PRAES} (16), Костадине мой, ни кръстник, ни кръстница, дете омъжи_{.AOR} (17) моята Тодия на три месеца и три дни път отгук, отвъд черното море надалеч.” Накрая на Господ му **омръзнало**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (18) и **съживил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (19) Костадин. И **тръгнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (20) той да дири_{.CONJ.PRAES} (21) сестра си, че нали майка му денем и нощем все го **проклинала**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (22).

Когато Костадин **станал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (23) от гроба, гробът му **се превърнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (24) в кон, а саванът в седло и така **тръгнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (25) той към своята сестра на три месеца и три дни път надалеч, отвъд черното море. **Пристигнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (26) там и **рекъл**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (27) на сестра си: “Е, сестро, да си вървим_{.CONJ.PRAES} (28) у дома.” А тя като го **видяла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (29), **разцелувала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (30) го така както се целува_{.PRAES} (30а) брат и му **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (31): “Зашо, братко мой, миришеш_{.PRAES} (32) на земя и плесен?” А той ѝ **рекъл**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (33): “От дългия път.” **Пътували**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} те (34), **пътували**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (35) и Тодия **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (36): “Хайде да седнем_{.CONJ.PRAES} (37) да обядваме (38).” И **седнали**_{.AOR.EV⁻} (39) да обядват (40). Докато **ядели** (41), **прилетяла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (42) птичка и **започнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (43) да пее (44): “Чурулик-чурулик, жив и мъртъв заедно седят_{.PRAES} (45) и хляба си ядат_{.PRAES} (46).” **Попитала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (47) Тодия: “Костадине, братко, каква е_{.PRAES} (48) тази проклета птичка, която пее_{.PRAES} (49) така?” “Тодия, сестрице, птичката си пее_{.PRAES} (50) своята си песен.” **Станали**_{.AOR.EV⁻} (51) те и **тръгна**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (51а), **вървели**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (52) отгук, **вървели**_{.IMPF.EV⁻} (53) оттам и накрая **седнали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (54) да си отдъхнат_{.PRAES} (55) от жегата. Пак **прилетяла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (56) птичка и **започнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (57) да пее_{.CONJ.PRAES} (58): “Чурулик-чурулик, жив и мъртъв заедно седят_{.PRAES} (59) и си почиват_{.PRAES} (60).” Пак **станали**_{.AOR.EV⁻} (61) те и пак **тръгна**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (62). И докато **вървели**_{.IMPF.EV⁻} (63), Тодия **казала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (64): “Костадине, братко, дай да поседнем_{.CONJ.PRAES} (65) да ти попошя_{.CONJ.PRAES} (66) бълхите.” **Седнали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (67) те и **почнали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (68) да си пошят_{.CONJ.PRAES} (69b) един на друг бълхите. Сестрата **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (69):

“Костадине, братко, защо главата ти мирише_{.PRAES} (70) на прах и плесен?” А той ù **отвърнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (71): “Тодия, сестрице, това е_{.PRAES} (71a) от дългия път.” После пак **долетяла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (72) птичката и **запяла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (73): “Чурулик-чурулик, жив и мъртъв заедно седят_{.PRAES} (74) и си пощят_{.PRAES} (75) блхките!” “Костадине, братко, каква е_{.PRAES} (76) тази проклета птичка, която пее_{.PRAES} (77) така?” А той ù **рекъл**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (78): “Тодия, сестрице, птичката си пее_{.PRAES} (79) своята си песен .”

Приближили_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (80) те своя дом и Костадин **рекъл**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (81) на сестра си: “Сестрице, ти знаеш_{.CONJ.PRAES} (82) къде е_{.PRAES} (83) нашата къща, върви_{.IMP} (84) удома, пъказще отида_{.FUT} (85) на пазара, да купя_{.CONJ.PRAES} (86) малко риба.” И **тръгнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (87) той и **влязъл**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (88) в гроба си. А в това време, докато братът и сестрата **вървели**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (89), кучето **говорело**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (90) на бабата: “Мамо, мамо, излез_{.IMP} (91), Тодия си иде_{.PRAES} (92).” А тя ù **отвърнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (93): “Вън оттук, куче проклето! Къде е_{.PRAES} (95) Тодия ? На три месеца и три дни път надалеч, отвъд черното море.” Петелът и кокошката **направили**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (96) същото като кучето. А бабата все така си **проклинала**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (97): “Дано не те види_{.CONJ.PRAES} (98), Костадине мой, ни кръстник, ни кръстница, дете омъжи_{.AOR} (99) моята Тодия на три месеца и три дни път оттук, отвъд черното море надалеч!” **Дошла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (100) в това време Тодия и **почукала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (101) на вратата. Бабата **отишла**_{.AOR.EV⁻} (102) до вратата, **започнали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (103) да се прегръщат_{.PRAES} (104) и така **умрели**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (105) — бабата отвътре, а Тодия отвън.

МК5. Благоевград

Информант: 1988 г.р., род. в Благоевграде, България. Образование незаконченно высшее, филолог. Перевод с русского языка.

Имало_{.IMPF.EV⁻} (1) едно време една жена, която **имала**_{.IMPF.EV⁻} (2) девет сина и една дъщеря. **Случило се**_{.AOR.EV⁻} (3) така, че осем от синовете ù **умрели**_{.AOR.EV⁻} (4) и ù **останал**_{.AOR.EV⁻} (5) само един син и една дъщеря — Костадин и Тодия. **Тръгнал**_{.AOR.EV⁻} (6) братът да сватосва_{.CONJ.PRAES} (7) сестра си. **Вървял**_{.IMPF.EV⁻} (7a) три месеца и три дни, отвъд черното море. Най-сетне **успял**_{.AOR.EV⁻} (7б) да я омъжи_{.CONJ.PRAES} (8). Но веднага шом я **омъжил**_{.AOR.EV⁻} (9), **починал**_{.AOR.EV⁻} (10). Когато братята му **умрели**_{.AOR.EV⁻} (11), **погребали**_{.AOR.EV⁻} (12) ги у дома, а Костадин **погребали**_{.AOR.EV⁻} (13) на гробище. **Останала**_{.AOR.EV⁻} (14) майка му сама и **започнала**_{.AOR.EV⁻} (14a) всеки ден да го проклина_{.CONJ.PRAES} (15): “Ах, Костадине, кръстник да

не видиш_{.CONJ.PRAES} (16), кръстница да не видиш_{.CONJ.PRAES} (16а), задето сватоса_{.AOR} (17) моята Тодия на три месеца и три дни път оттук, далече-далече, отвъд черното море.” Най-сетне на Бог му омръзнало_{.AOR.EV-} (18) и Бог **съживил**_{.AOR.EV-} (19) Костадин, и той **тръгнал**_{.AOR.EV-} (20) да търси (21) сестра си, защото майка му го **клела**_{.IMPF.EV-} (22) ден и нош.

Когато Костадин **станал**_{.AOR.EV-} (23) от ковчега, ковчегът му **се превърнал**_{.AOR.EV-} (24) в кон, а саванът **се превърнал**_{.AOR.EV-} (24а) в чул и той **тръгнал**_{.AOR.EV-} (25) да търси_{.CONJ.PRAES} (25а) сестра си, далече-далече, на три месеца и три дни път, отвъд черното море. **Пристигнал**_{.AOR.EV-} (26) той ѝ **казал**_{.AOR.EV-} (27) на сестра си: “Ех, сестро, хайде да те вода_{.CONJ.PRAES} (28) вкъщи.” Когато тя го **видяла**_{.AOR.EV-} (29) и **целунала**_{.AOR.EV-} (30), **попитала**_{.AOR.EV-} (31) го: “Защо, братко, миришеш_{.CONJ.PRAES} (32) на земя и плесен?” А той ѝ **отвърнал**_{.AOR.EV-} (33): “От дългия път.” Те **яздели**_{.IMPF.EV-} (34), **яздели**_{.IMPF.EV-} (35), докато Тодия **не казала**_{.AOR.EV-} (36): “Хайде да седнем_{.CONJ.PRAES} (37) да обядваме_{.PRAES} (38).” Седнали_{.AOR.EV-} (39) да обядват_{.PRAES} (40). Докато **яли**_{.IMPF.EV-} (41), **долетяла**_{.AOR.EV-} (42) една птичка и **започнала**_{.AOR.EV-} (43) да пее_{.PRAES} (44): “Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят (45) и ядат_{.PRAES} (46) хляб.” Тодия **попитала**_{.AOR.EV-} (47): “Костадине, братко, шо за проклета птица е (48) това, че така пее_{.PRAES} (49)?” “Всяка птичка си има (50) своя песен, сестрице Тодия.” **Станали**_{.AOR.EV-} (51) те и **тръгнали**_{.AOR.EV-} (52), **вървели** (52а), **вървели** (53), пък **седнали**_{.AOR.EV-} (54) малко да отдъхнат_{.PRAES} (55) от жегата. Отново **долетяла**_{.AOR.EV-} (56) една птичка и **започнала**_{.AOR.EV-} (57) да пее_{.PRAES} (58): “Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят_{.PRAES} (59) и почиват_{.PRAES} (60).” Те пак **станали**_{.AOR.EV-} (61) и **тръгнали**_{.AOR.EV-} (62). Докато **вървели**_{.AOR.EV-} (63), Тодия **казала**_{.AOR.EV-} (64): “Костадине, братко, хайде да седнем_{.CONJ.PRAES} (65) да те попошия (66) за въшки”. И **седнали**_{.AOR.EV-} (67) да се пошат_{.PRAES} (68) от въшки. Сестра му **казала**_{.AOR.EV-} (69): “Костадине, братко, защо главата ти мирише_{.PRAES} (70) на прах и плесен?” А той **отвърнал**_{.AOR.EV-} (71): “От дългия път, сестрице Тодия.” Тогава пак **долетяла**_{.AOR.EV-} (72) птичка и **запяла**_{.AOR.EV-} (73): „Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят_{.PRAES} (74) и си пошат_{.PRAES} (75) въшките.” “Костадине, братко, шо за проклета птица е_{.PRAES} (76) това, че така пее_{.PRAES} (77)?” Той ѝ **отвърнал**_{.AOR.EV-} (78): “Всяка птичка си има (79) своя песен, сестрице Тодия.”

Приближили_{.AOR.EV-} (80) вече до вкъщи и Костадин **казал**_{.AOR.EV-} (81) на сестра си: “Сестрице, ти знаеш_{.CONJ.PRAES} (82) къде е_{.PRAES} (83) домът ни, върви (84) вкъщи, а аз ще отида_{.FUT} (85) до пазара да купя_{.CONJ.PRAES}

(86) малко риба.” И той **отишъл**_{.AOR.EV-} (87) и **влязал**_{.AOR.EV-} (sic!) (88) в гроба. Докато те **вървели**_{.IMPF.EV-} (89), кучето **повтаряло**_{.IMPF.EV-} (90) на майката: “Мамо, мамо, излез_{.IMP} (91), Тодия идва_{.PRAES} (92)!” А тя **отвърнала**_{.AOR.EV-} (93): “Махай се_{.PRAES} (94) оттук, проклето куче! Къде живее_{.PRAES} (95) Тодия — далече-далече, на три месеца и три дни път оттук, отвъд черното море.” Петелът и котката ѝ **казали**_{.AOR.EV-} (96) същото, както и кучето. А тя **продължавала**_{.IMPF.EV-} (97) да къльне_{.PRAES} (97а): “Кръстник да не видиш_{.CONJ.PRAES} (98), кръстница да не видиш_{.CONJ.PRAES} (98а), Костадине, задето сватоса_{.AOR} (99) моята Тодия на три месеца и три дни път оттук, далече-далече, отвъд черното море.” Точно тогава Тодия **се завърнала**_{.AOR.EV-} (100) и **чукнала**_{.AOR.EV-} (101) на вратата. Майката **излезла**_{.AOR.EV-} (102) на вратата и щом **започнали**_{.AOR.EV-} (103) да се прегръщат_{.PRAES} (104), и двете **умрели**_{.AOR.EV-} (105), бабата вътре, а Тодия отвън.

МК6. Благоевград

Информант: 1988 г.р., род. в Благоевграде, България. Образование незаконченно высшее, филолог. Перевод с русского языка.

Имало_{.IMPF.EV-} (1) едно време една жена, която **имала**_{.IMPF.EV-} (2) девет сина и една дъщеря. **Случило се**_{.AOR.EV-} (3) така, че осем от синовете ѝ **умряли**_{.AOR.EV-} (sic) (4) и ѝ **останали**_{.AOR.EV-} (5) само един син и една дъщеря — Костадин и Тодия. **Тръгнал**_{.AOR.EV-} (6) братът да сватосва_{.CONJ.PRAES} (7) сестра си. **Вървяли**_{.IMPF.EV-} (7а) три месеца и три дни, отвъд черното море. Най-сетне **успял**_{.AOR.EV-} (7б) да я омъжи_{.CONJ.PRAES} (8). Но веднага щом я **омъжил**_{.AOR.EV-} (9), **починал**_{.AOR.EV-} (10). Когато братята му **умряли**_{.AOR.EV-} (11), ги **погребали**_{.AOR.EV-} (12) у дома, а Костадин **погребали**_{.AOR.EV-} (13) на гробище. **Останала**_{.AOR.EV-} (14) майка му сама и **започнала**_{.AOR.EV-} (14а) всеки ден да го проклиня_{.CONJ.PRAES} (15): “Ах, Костадине, кръстник да не видиш_{.CONJ.PRAES} (16), кръстница да не видиш_{.CONJ.PRAES} (16а), задето сватоса_{.AOR} (17) моята Тодия на три месеца и три дни път оттук, далече-далече, отвъд черното море.” Най-сетне на Бог му **омръзнало**_{.AOR.EV-} (18) и съживил_{.AOR.EV-} (19) Костадин, и той **тръгнал**_{.AOR.EV-} (20) да търси_{.CONJ.PRAES} (21) сестра си, защото майка му го **проклиняла**_{.AOR.EV-} (sic) (22) ден и нош.

Когато Костадин **станал**_{.AOR.EV-} (23) от ковчега, ковчегът му **се превърнал**_{.AOR.EV-} (24) в кон, а саванът — в чул. Костадин **тръгнал**_{.AOR.EV-} (25) да търси_{.CONJ.PRAES} (25а) сестра си, далече-далече, на три месеца и три

дни път, отвъд черното море. **Пристигнал**_{.AOR.EV-} (26) той и **казал**_{.AOR.EV-} (27) на сестра си: “Ех, сестро, хайде да те водя_{.CONJ.PRAES} (28) вкъщи.” Когато тя го **видяла**_{.AOR.EV-} (29), го **целунала**_{.AOR.EV-} (30) и го **попитала**_{.AOR.EV-} (31): “Защо, братко, миришеш_{.CONJ.PRAES} (32) на земя и плесен?” А той ѝ **отвърнал**_{.AOR.EV-} (33): “От дългия път.” Те **яздили**_{.IMPF.EV-} (34), **яздили**_{.IMPF.EV-} (35), докато Тодия **не каза**_{.AOR.EV-} (36): “Хайде да седнем_{.CONJ.PRAES} (37) да обядваме_{.PRAES} (38).” Така и сторили_{.AOR.EV-} (38а). Докато **яли**_{.IMPF.EV-} (41), **долетяла**_{.AOR.EV-} (42) една птичка и **започнала**_{.AOR.EV-} (43) да пее_{.PRAES} (44): “Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят_{.PRAES} (45) и ядат_{.PRAES} (46) хляб.” Тодия **попитала**_{.AOR.EV-} (47): “Костадине, братко, що за проклета птица е_{.PRAES} (48) това, че пее_{.PRAES} (49) така?” “Всяка птичка си има_{.PRAES} (50) своя песен, сестрице Тодия.” **Станали**_{.AOR.EV-} (51) те и **тръгна**_{.AOR.EV-} (52), **вървяли**_{.IMPF.EV-} (52а), **вървяли**_{.IMPF.EV-} (53), пък **седнали**_{.AOR.EV-} (54) малко да отдъхнат_{.PRAES} (55) от жегата. Отново **долетяла**_{.AOR.EV-} (56) една птичка и **започнала**_{.AOR.EV-} (57) да пее_{.PRAES} (58): “Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят_{.PRAES} (59) и почиват_{.PRAES} (60).” Те пак **стана**_{.AOR.EV-} (61) и **тръгна**_{.AOR.EV-} (62). Докато **вървяли**_{.IMPF.EV-} (63), Тодия **каза**_{.AOR.EV-} (64): “Костадине, братко, хайде да седнем_{.CONJ.PRAES} (65) да те попошя_{.CONJ.PRAES} (66) за въшки.” И **седнали**_{.AOR.EV-} (67) да се пошат_{.CONJ.PRAES} (68) от въшки. Сестра му **каза**_{.AOR.EV-} (69): “Костадине, братко, защо главата ти мирише_{.PRAES} (70) на прах и плесен?” А той **отвърнал**_{.AOR.EV-} (71): “От дългия път, сестрице Тодия.” Тогава пак **долетяла**_{.AOR.EV-} (72) птичка и **запяла**_{.AOR.EV-} (73): “Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят_{.PRAES} (74) и си пошат_{.PRAES} (75) въшките.” “Костадине, братко, що за проклета птица е_{.PRAES} (76) това, че пее_{.PRAES} така (77)?” Той ѝ **отвърнал**_{.AOR.EV-} (78): “Всяка птичка си има_{.PRAES} (79) своя песен, сестрице Тодия.”

Приближили_{.AOR.EV-} (80) вече до вкъщи и Костадин **казал**_{.AOR.EV-} (81) на сестра си: “Сестрице, ти знаеш_{.CONJ.PRAES} (82) къде е_{.PRAES} (83) домът ни, върви_{.IMP} (84) вкъщи, а аз ще отида_{.FUT} (85) до пазара да купя_{.CONJ.PRAES} (86) малко риба.” И той **отишъл**_{.AOR.EV-} (87) и **влязъл**_{.LPART (= AOR.EV-)} (88) в гроба.

Докато те **вървяли**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (89), кучето **повтаряло**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (90) на майката: “Мамо, мамо, излез_{.IMP} (91), Тодия иде_{.PRAES} (92)!” А тя **отвършала**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (93): “Махай се_{.PRAES} (94) оттук, проклето куче! Къде живее_{.PRAES} (95) Тодия — далече-далече, на три месеца и три дни път оттук, отвъд черното море”, Петелът и котката ѝ **казвали**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (96) същото, както и кучето. А тя **продължавала**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (97) да къльне_{.PRAES}

(97a): “Кръстник да не видиш_{.CONJ.PRAES} (98), кръстница да не видиш_{.CONJ.PRAES} (98a), Костадине, задето сватоса_{.AOR} (99) моята Тодия на три месеца и три дни път оттук, далече-далече, отвъд черното море.” Точно тогава Тодия се завърнала_{.LPART (= AOR.EV-)} (100) и почукала_{.LPART (= AOR.EV-)} (101) на вратата. Майката излязла_{.LPART (= AOR.EV-)} (102) на вратата и щом започнали_{.LPART (= AOR.EV-)} (103) да се прегръщат_{.PRAES} (104), и двете умряли_{.LPART (= AOR.EV-)} (105), бабата вътре, а Тодия отвън.

МК7. Благоевград

Информант: 1988 г.р., род. в Благоевграде, България. Образование незаконченно высшее, филолог. Перевод с русского языка.

Имало_{.HABERE.LPART (= IMPF.EV-)} (1) едно време една жена, която имала_{.HABERE.LPART (= IMPF.EV-)} (2) девет сина и една дъщеря. Случило_{.LPART} се_{.REFL (= AOR.EV-)} (3) така, че осем от синовете ѝ умрели_{.LPART (= AOR.EV-)} (4) и ѝ останали_{.LPART (= AOR.EV-)} (5) само един син и една дъщеря — Костадин и Тодия. Тръгнал_{.LPART (= AOR.EV-)} (6) братът да сватосва_{.CONJ.PRAES} (7) сестра си. Вървял_{.LPART (= IMPF.EV-)} (7a) три месеца и три дни, отвъд черното море. Най-сетне усиял_{.LPART (= AOR.EV-)} (7b) да я омъжи_{.CONJ.PRAES} (8). Но веднага щом я омъжил_{.LPART (= AOR.EV-)} (9), починала_{.LPART (= AOR.EV-)} (sic!) (10). Когато братята му умрели_{.LPART (= AOR.EV-)} (11), погребали_{.LPART (= AOR.EV-)} (12) ги у дома, а Костадин погребали_{.LPART (= AOR.EV-)} (13) на гробище. Останала_{.LPART (= AOR.EV-)} (14) майка му сама и започнала_{.LPART (= AOR.EV-)} (15) всеки ден да го проклина_{.CONJ.PRAES} (15a): “Ах, Костадине, кръстник да не видиш_{.CONJ.PRAES} (16), кръстница да не видиш_{.CONJ.PRAES} (16a), задето сватоса_{.AOR} (17) моята Тодия на три месеца и три дни път оттук, далече-далече, отвъд черното море.” Най-сетне на Бог му омръзна_{.AOR} (18) и Бог съживи_{.AOR} (19) Костадин и той тръгна_{.AOR} (20) да търси_{.CONJ.PRAES} (21) сестра си, защото майка му го кълняла_{.LPART (= IMPF.EV-)} (22) ден и нош.

Когато Костадин стана_{.AOR} (23) от ковчега, ковчегът му се превърна_{.AOR} (24) в кон, а саванът се превърна_{.AOR} (24a) в чул и той тръгна_{.AOR} (25) да търси_{.CONJ.PRAES} (25a) сестра си, далече-далече, на три месеца и три дни път, отвъд черното море. Той пристигна_{.AOR} (26) и каза_{.AOR} (27) на сестра си: “Ех, сестро, хайде да те водим_{.CONJ.PRAES} (28) въкъщи.” Когато тя го видя_{.AOR} (29) и целуна_{.AOR} (30), го попита_{.AOR} (31): “Защо, братко, миришеш_{.CONJ.PRAES} (32) на земя и плесен?” А той ѝ отвърна_{.AOR} (33): “От дългия път.” Те яздели_{.LPART (= IMPF.EV-)} (34), яздели_{.LPART (= IMPF.EV-)} (35), докато Тодия не_{.NEG} каза_{.LPART (= AOR.EV-)} (36): “Хайде да седнем_{.CONJ.PRAES} (37) да

обядваме.^{PRAES} (38).” **Седнали**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (39) да обядват.^{PRAES} (40). Докато **ядели**.^{L.PART (= IMPF.EV⁻)} (41), **долетяла**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (42) една птичка и **започнала**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (43) да пее.^{PRAES} (44): “Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят.^{PRAES} (45) и ядат.^{PRAES} (46) хляб.” Тодия **попитала**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (47): “Костадине, братко, що за проклета птица е.^{PRAES} (48) това, че така пее.^{PRAES} (49)?” “Всяка птица си има.^{PRAES} (50) своя песен, сестрице Тодия.” Те **станали**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (51) и **тръгнали**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (52), **вървели**.^{L.PART (= IMPF.EV⁻)} (52а), **вървели**.^{L.PART (= IMPF.EV⁻)} (53), **пък седнали**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (54) малко да отдъхнат.^{PRAES} (55) от жегата. Отново **долетяла**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (56) една птичка и **започнала**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (57) да пее.^{PRAES} (58): “Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят.^{PRAES} (59) и почиват.^{PRAES} (60).” Те пак **станали**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (61) и **тръгнали**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (62). Докато **вървели**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (63) Тодия **казала**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (64): “Костадине, братко, хайде да седнем.^{CONJ.PRAES} (65) да те пощя.^{CONJ.PRAES} (66) за въшки.” И **седнали**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (67) да се пощят.^{CONJ.PRAES} (68) за въшки. Сестра му **казала**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (69): “Костадине, братко, защо главата ти мирише.^{PRAES} (70) на прах и плесен?” А той **отвърнал**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (71): “От дългия път, сестрице Тодия.” Тогава пак **долетяла**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (72) птичка и **запяла**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (73): “Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят.^{PRAES} (74) и си пощят.^{PRAES} (75) въшките.” “Костадине, братко, що за проклета птица е.^{PRAES} (76) това, че пее.^{PRAES} (77) така?” — “Всяка птица си има.^{PRAES} (78) своя песен, сестрице Тодия.”

Приближили.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (80) вече до къщи и Костадин **казал**.^{AOR.EV⁻} (81) на сестра си: “Сестрице, ти знаеш.^{PRAES} (82) къде е.^{PRAES} (83) домът ни, върви.^{IMP} (84) вкъщи, а аз ще отида.^{FUT} (85) до пазара да купя.^{CONJ.PRAES} (86) малко риба.” И той **отишъл**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (87) и **влязъл**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (88) в гроба. Докато те **вървяли**.^{L.PART (= IMPF.EV⁻)} (89) кучето **повтаряло**.^{L.PART (= IMPF.EV⁻)} (90) на майката: “Мамо, мамо, излез.^{IMP} (91), Тодия идва.^{PRAES} (92)!” А тя **отвърнала**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (93): “Махай се.^{PRAES} (94) отгук, проклето куче! Къде живее.^{PRAES} (95) Тодия, далече-далече на три месеца и три дни път отгук, отвъд черното море.” Петелът и котката ѝ **казали**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (96) същото, както и кучето. А тя **продължавала**.^{L.PART (= IMPF.EV⁻)} (97) да къльне.^{PRAES} (97а): “Кръстник да не видиш.^{CONJ.PRAES} (98), кръстница да не видиш.^{CONJ.PRAES} (98а), Костадине, задето сватоса.^{AOR} (99) моята Тодия на три месеца и три дни път отгук, отвъд черното море.” Точно тогава Тодия се завърна.^{AOR} (100) и чулна.^{AOR} (101) на вратата. Майката **излязла**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (102) на вратата и щом **почнали**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (103) да се прегръщат.^{PRAES} (104), и двете **умрели**.^{L.PART (= AOR.EV⁻)} (105), бабата вътре, а Тодия отвън.

МК8. Благоевград¹⁹⁵

Информант: 1988 г.р., род. в Благоевграде, България. Образование незаконченное высшее, филолог. Перевод с русского языка.

Имало_{.HABERE.LPART (= IMPF.EV⁻)} (1) едно време една жена, която **има-ла**_{.HABERE.LPART (= IMPF.EV⁻)} (2) девет сина и една дъщеря. **Случило**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (3) така, че осем от синовете ѝ **починали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (4) и ѝ **останали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (5) само един син и една дъщеря — Костадин и Тодия. **Тръгнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (6) братът да сватосва_{.CONJ.PRAES} (7) сестра си. **Вървял**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (7а) три месеца и три дни, отвъд черното море. Най-сетне **успял**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (7б) да я омъжи_{.CONJ.PRAES} (8). Но веднага щом я **омъжил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (9), <той> **починал**_{.AOR.EV⁻} (10). Когато братята му **умрели**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} <**почина-ли**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} > (11), **погребали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (12) ги у дома, а Костадин **погребали**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (13) на гробище<то>. Майка му **останала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (14) сама и **започнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (15) всеки ден да го проклина_{.CONJ.PRAES} (16): “Ах, Костадине, кръстник да не видиш_{.CONJ.PRAES} (16а), кръстница да не видиш_{.CONJ.PRAES} (16б), задето сватоса_{.CONJ.PRAES} (17) моята Тодия на три месеца и три дни път оттук, далече-далече, отвъд черното море.” Най-сетне <най-накрая> на бог му **омръзнало**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (18) и **съж-вил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (19) Костадин. Той **тръгнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (20) да търси_{.CONJ.PRAES} (21) сестра си, защото майка му го **кълняла**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (22) ден и нощ.

Когато Костадин **станал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (23) от ковчега, ковчегът му се **превърнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (24) в кон, а савантът <капакът?> **се**_{.REFL} **пре-върнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} <По-добре е без глагола!> (24а) — в чул и той **тръг-нал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (25) да търси_{.CONJ.PRAES} (25а) сестра си, далече-далече, на три месеца и три дни път, отвъд черното море. **Пристигнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (26) той и **казал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (27) на сестра си: “Ех, сестро, хайде да те водя (28) вкъщи.” Когато го **видяла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (29) и **целунала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (30), **попитала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (31) го: “Защо, братко, миришеш_{.CONJ.PRAES} (32) на земя и плесен?” А той ѝ **отвърнал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (33): “От дългия път.” Те **яздили**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (34), **яздили**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (35) докато Тодия **не**_{.NEG} **казала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (36): “Хайде да седнем_{.CONJ.PRAES} (37) да обядваме_{.PRAES}

¹⁹⁵ Переводчик сделал несколько комментариев, которые приводятся здесь в угловых скобках. При работе над текстом переводчик пользовался кириллицей, но комментарии были даны на «шльокавице», т.е. на болгарском языке латинским алфавитом. Мы приняли решение не сохранять это решение в настоящей публикации.

(38).” **Седнали**_{.LPART (= AOR.EV-)} (39) <(40)> и докато **яли**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (41) **доле-
тяла**_{.LPART (= AOR.EV-)} (42) една птичка и **започнала**_{.LPART (= AOR.EV-)} (43) да пее_{.PRAES}
(44): “Чик-чик, чик-чирик, живият и умрелият седят_{.PRAES} (sic!) (45)
и ядят_{.PRAES} (sic) (46) хляб.” Тодия попитала_{.LPART (= AOR.EV-)} (47): “Костади-
не, братко, що за проклета птица е_{.PRAES} (48) това, че така пее_{.PRAES} (49)?”
“Всяка птичка си има_{.PRAES} (50) своя песен, сестрице Тодия.” **Стана-
ли**_{.LPART (= AOR.EV-)} (51) и **тръгнали**_{.LPART (= AOR.EV-)} (52). **Вървели**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (52а),
вървели_{.LPART (= IMPF.EV-)} (53) пък **седнали**_{.LPART (= AOR.EV-)} (54) малко да отдъхнат_{.PRAES}
(55) от жегата. Отново **долетяла**_{.LPART (= AOR.EV-)} (56) една птичка и **започна-
ла**_{.LPART (= AOR.EV-)} (57) да пее_{.PRAES} (58): “Чик-чик, чик-чирик, живият и ум-
релият седят_{.PRAES} (59) и почиват_{.PRAES} (60).” Те пак **стана**_{.LPART (= AOR.EV-)} (61)
и **тръгна**_{.LPART (= AOR.EV-)} (62). Докато **вървели**_{.LPART (= AOR.EV-)} (63), Тодия **каза-
ла**_{.LPART (= AOR.EV-)} (64): “Костадине, братко, хайде да седнем_{.CONJ.PRAES} (65) да
те попошя_{.CONJ.PRAES} (66) за въшки.” И **седнали**_{.LPART (= AOR.EV-)} (67) да се по-
шят_{.CONJ.PRAES} (68) от въшки. Сестра му **казала**_{.LPART (= AOR.EV-)} (69): “Костади-
не, братко, защо главата ти мирише_{.PRAES} (70) на прах и плесен?” А той
отвърнал_{.LPART (= AOR.EV-)} (71): “От дългия път, сестрице Тодия.” Тогава
пак **долетяла**_{.AOR.EV-} (72) птичка и **запяла**_{.LPART (= AOR.EV-)} (73): “Чик-чик, чик-
чирик, живият и умрелият седят_{.PRAES} (74) и си пошат_{.PRAES} (75) въшки-
те.” “Костадине, братко, що за проклета птица е_{.PRAES} (76) това, че така
пее_{.PRAES} (77)?” Той и **отвърнал**_{.LPART (= AOR.EV-)} (78): „Всяка птичка си има_{.PRAES}
(79) своя песен, сестрице Тодия.”

Приблизихи_{.LPART (= AOR.EV-)} <Мисля, че по-добре ще е — наближихи>
(80) вече до къщи и Костадин **казал**_{.LPART (= AOR.EV-)} (81) на сестра си: “Се-
стрице, ти знаеш_{.PRAES} (82) къде е_{.PRAES} (83) домът ни, върви_{.IMP} (84) къ-
щи, а аз ще отида_{.FUT} (85) до пазара да купя_{.CONJ.PRAES} (86) малко риба.”
И той **отишъл**_{.LPART (= AOR.EV-)} (87) и **влязъл**_{.LPART (= AOR.EV-)} (88) в гроба. Докато
те **вървели**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (89), кучето **повтаряло**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (90) на майка-
та: “Мамо, мамо, излез_{.IMP} (91), Тодия идва_{.PRAES} <иде> (92)!” А тя **от-
вършала**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (93): “Махай се_{.IMP} (93а) оттук, проклето куче! Къде
живее_{.PRAES} (94) Тодия — далече-далече, на три месеца и три дни път
оттук, отвъд черното море.” Петелът и котката ѝ **казвали**_{.LPART (= IMPF.EV-)}
(95) същото, както и кучето. А тя **продължавала**_{.LPART (= IMPF.EV-)} (96) да къл-
не_{.CONJ.PRAES} (97а): “Кръстник да не видиш_{.CONJ.PRAES} (98), кръстница да не ви-
диш_{.CONJ.PRAES} (98а), Костадине, задето сватоса_{.AOR} (99) моята Тодия на три
месеца и три дни път оттук, далече-далече, отвъд черното море.”
Точно тогава Тодия **завърнала**_{.LPART (= AOR.EV-)} (100) и **почукала**_{.LPART (= AOR.EV-)}
(101) на вратата. Майката **излязла**_{.LPART (= AOR.EV-)} (102) на вратата и шом

започнали_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (103) да се прегрџат_{.CONJ.PRAES} <Но не е многу правилно, не звучи добре. Никак даже. По-хубаво е — шом се прегрѓнали> (104), и двете умрели_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (105) бабата вџтре, а Тодия отвџн.

Македонские переводы

МК 9. Куманово

Информант: 1983 г.р., род. в Куманово, Македонија. Образование высшее, филолог. Перевод с английского языка.

Си живеела_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (1) една стара жена која што имала_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (2) девет синови и една ќерка. Се_{.REFL} случило_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (3) да ѝ умрат_{.PRAES} (4) осумте сина и ѝ останале_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (5) само едниот син и ќерка, Константин и Фодија. Братот станал_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (6) и ја свршил_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (7) својата сестра, далеку за три месеци и три дена преку Црното море. На крајот ја оженил_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (8). Кога ја оженил_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (9) тој починал_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (10). Кога починале_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (11) неговите браќа, ги закопале_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (12) во ќуката, само Константин бил_{.ESSE.LPART} закопан_{.NPART (= AOR.EV⁻PASS)} (13) на гробишта. Старата жена останала_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (14) сама и почнала_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (15) да колне_{.PRAES} (15а): „Можеби не видов_{.AOR} (16) внуци и внуки, о мој Константине, како што ја ожени_{.AOR} (17) мојата Фодија, преку три месеци и три дена, преку Црното море,.. На крајот му здодеало_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (18) на Господ и го спасил_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (19) Константин и тој отишол_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (20) да ја земе_{.CONJ.PRAES} (21) својата сестра, бидејќи мајка му го колнела_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (22) по цели денови и ноќи.

Кога Костадин станал_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (23) од ковчегот, овој се претворил_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (24) во коњ, а неговата мртвечка кошула во прекривка за коњот. Тој заминал_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (25) кај сестра си три месеци и три дена далеку преку Црното Море. Тој отишол_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (26) таму и кажал_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (27) на сестра си: „Еј, моја сестро, ајде да одиме_{.CONJ.PRAES} (28) кај нашите,.. Кога таа го видела_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (29) и го бакнала_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (30) како свој брат му рекла_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (31): „Мој брате, зошто мирисаш_{.PRAES} (32) на земја,..? Тој ѝ возвратил_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (33): „Поради долгиот пат,.. Тие станале_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (33а) и одјавале_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (33б). Јавале_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (34) и јавале_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (35), а Фодија, неговата сестра, му рекла_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (36): „Ајде да се одмориме_{.CONJ.PRAES} (37) негде и да каснеме_{.CONJ.PRAES} (38) нешто,.. Така и направиле_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (39). Додека јаделе_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (41), дошло_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (42) едно пиле и почнало_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (43) да пее_{.PRAES} (44): „Цр, цр, цр еден жив и еден мртвец седат_{.PRAES} (45) и се одмораат_{.PRAES} (46)!,..

<пропуск в переводе>

Станале_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (61) пак и **заминале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (62). По патот Фо-
дија му **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (64) на брата си: „Костадине, мој брате, ајде да
седнеме_{.CONJ.PRAES} (65) и јас ќе побарам_{.FUT} (66) некоја вошка во твојата коса.,,
Така тие **седнале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (67) и обата си **барале**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (68) вошки
по нивните коси. Сестра му му **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (69) на Костадин: „Кос-
тадине, мој брате, зошто косата ти мириса_{.PRAES} (70) на пепел и земја?, а тој
ѝ **одговорил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (71): „Фодија, моја сестро, поради долгиот пат.,,
Потоа уште еднаш **дошло**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (72) пилето и **почнало**_{.LPART (= AOR.EV⁻)}
(73) да пее_{.CONJ.PRAES} (73а): „Цр, цр, цр еден жив и еден мртовец седат_{.PRAES}
(74) и си бараат_{.PRAES} (75) вошки еден на друг!., „Костадине, мој брате,
каква е_{.PRAES} (76) оваа проклета птица што пее_{.PRAES} (77) вака?, а тој ѝ **одго-
ворил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (78): „Тодија, моја сестро, пилето така си пее_{.PRAES} (79).,,

Кога **наближиле**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (80) до куќата Костадин ѝ **рекол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)}
(81) на сестра си: „Сестро, знаеш_{.PRAES} (82) кај ни е_{.PRAES} (83) домот. Оди_{.IMP}
(84) дома затоа што јас ќе одам_{.FUT} (85) на пазар да купам_{.CONJ.PRAES} (86)
малку риба.,. Тој **заминал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (87) и **се**_{.REFL} **вратил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (88)
во гробот. Додека Костадин и Фодија патувале_{.IMPF.EV⁻} (89) кучето ѝ **ре-
кло**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (90) на старата жена: „Мајко, излези_{.IMP} (91) од куќата
Фодија доаѓа_{.PRAES} (92),. Таа му **возвратила**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (93): „Бегај_{.IMP} (94)
проклето суштество! Фодија е_{.PRAES} (95) далеку три месеци и три дни пре-
ку Црното Море.,. Потоа петелот и мачката ги **изустиле**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (96)
истите зборови, а таа пак **проколнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (97): „О, мој Костади-
не, никогаш да не ги видиш_{.CONJ.PRAES} (98) твоите кумашин и кумашин-
ка, бидејќи ја ожени_{.AOR} (99) мојата Фодија три месеси и три дни далеку
преку Црното море!.,. Тогаш Фодија **дошла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (100) и **чукна-
ла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (101) на портата. Старата жена **излегла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (102)
од куќата да ја отвори_{.CONJ.PRAES} (102а) портата и кога се **виделе**_{.LPART (= AOR.EV⁻)}
(102b) **почнале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (103) да се гушкаат_{.CONJ.PRAES} (104) и двете **ум-
реле**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (105). Едната внатре, а Фодија надвор од куќата.

МК 10. Демир Хисар

Информант: 1984 г.р., род. в Демир-Хисаре. Образование выс-
шее, не филолог. Перевод с английского языка.

Си **живеела**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (1) една баба која **имала**_{.HABERE.LPART (= IMPF.EV⁻)} (2)
девет синови и една ќерка. Но, **се случило**_{.AOR.EV⁻} (3) осум од синовите
да починат_{.CONJ.PRAES} (4), и **останале**_{.AOR.EV⁻} (5) само еден син и ќерката —

Костадин и Фодија. Братот се **погрижил** .REFL .LPART (= AOR.EV⁻) (6) да биде .CONJ.PRAES (7) стројник за мажење на сестрата три месеци и три дена патување преку Црното Море. Најпосле, тој се **оженил** .REFL .LPART (= AOR.EV⁻) (8) со неа. Кога се **оженил** .REFL .AOR.EV⁻ (9) — **умрел** .LPART (= AOR.EV⁻) (10). Кога неговите браќа **починале** .LPART (= AOR.EV⁻) (11), тие **биле** .ESSE.LPART **погребани** .NPART (= AOR.EV⁻PASS) (12) внатре во куќата, само Костадин **бил** .ESSE.LPART **погребан** .NPART (= AOR.EV⁻PASS) (13) надвор во дворот. Бабата **останала** .LPART (= AOR.EV⁻) (14) сама и **почнала** .LPART (= AOR.EV⁻) (15) да колне .CONJ.PRAES (15a): "Можеби не **си** .ESSE.PRAES **видел** .LPART (= AOR.EV⁻) (16) ни кума ни кумче, о мој Костадине затоа што ја омажи .AOR (17) мојата Фодија толку далеку три месеци и три дена преку Црното море". Најпосле му **здодеало** .LPART (= AOR.EV⁻) (18) на Господ па го **оживеал** .LPART (= AOR.EV⁻) (19) Костадин и тој **заминал** .LPART (= AOR.EV⁻) (20) да ја донесе .CONJ.PRAES (21) сестра му зошто неговата мајка го **проколнувала** .LPART (= IMPF.EV⁻) (22) цел ден и цела ноќ.

Кога Костадин **излегол** .AOR.EV⁻ (23) од ковчегот, неговиот ковчег **се претворил** .LPART (= AOR.EV⁻) (24) во коњ, а мртовечката покривка **се претворила** .LPART (= AOR.EV⁻) (24a) во самар за коњот, и тој **заминал** .LPART (= AOR.EV⁻) (25) кај неговата сестра, далеку три месеци и три дена преку Црното море. Кога **отишол** .LPART (= AOR.EV⁻) (26) таму и **рекол** .LPART (= AOR.EV⁻) (27) на својата сестра: "Еј, моја сестро ајде да одиме .CONJ.PRAES (28) кај нашине". Кога го **видела** .LPART (= AOR.EV⁻) (29) таа и **бакнала** .LPART (= AOR.EV⁻) (30) како брат, му **рекла** .LPART (= AOR.EV⁻) (31): "Брате, зошто мирисаш .PRAES (32) на земја и мувла?"

И тој ѝ **рекол** .LPART (= AOR.EV⁻) (33) неа: "Поради долгиот пат". **Се качиле** .LPART (= AOR.EV⁻) (33a) на коњот и **одјавале** .LPART (= AOR.EV⁻) (33b). Тие **јавале** .LPART (= IMPF.EV⁻) (34) и **јавале** .LPART (= IMPF.EV⁻) (35) и Фодија, неговата сестра **рекла** .LPART (= AOR.EV⁻) (36): "Ајде да седнеме .PRAES (37) да ручаме .CONJ.PRAES (38)". Тие **седнале** .LPART (= AOR.EV⁻) (39) да ручаат .CONJ.PRAES (40). Кога **ручале** .LPART (= AOR.EV⁻) (41) **дошла** .LPART (= AOR.EV⁻) (42) птица и **почнала** .LPART (= AOR.EV⁻) (43) да пее .CONJ.PRAES (44): "Цири-вири, вири-виу, жив и мртовец седат .PRAES (45) заедно и јадат .PRAES (46) леб". "Костадине брате, каква е .PRAES (48) оваа проклета птица што пее .PRAES (49) вака?" — **прашала** .LPART (= AOR.EV⁻) (47) Фодија. "Фодијо, сестро, птицата си има .PRAES (50) своја песна". Па, така тие **станале** .LPART (= AOR.EV⁻) (51) и **јавале** .LPART (= IMPF.EV⁻) (52), **јавале** .LPART (= IMPF.EV⁻) (53), па најпосле **застанале** .LPART (= AOR.EV⁻) (54) да земат .CONJ.PRAES (55) здив од жештината. Повторно **дошла** .LPART (= AOR.EV⁻) (56) птицата и **почнала** .LPART (= AOR.EV⁻) (57) да пее .CONJ.PRAES (58): "Цири-вири, вири-виу, жив и мртовец седат .PRAES (59) и се одмарат .PRAES (60)". Тие повторно **станале** .LPART (= AOR.EV⁻) (61) и **заминале** .LPART (= AOR.EV⁻)

(62). Одејки_{.PART} (63) Фодија **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (64): "Костадине, брате, ајде да седнеме_{.PRAES} (65), да побарам_{.CONJ.PRAES} (66) болви во твојата коса". Така тие **седнале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (67) и си **барале**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (68) болви еден на друг. Сестрата **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (69): "Костадине, брате, зошто твојата коса мириса_{.PRAES} (70) на пепел и мувла?". Тој ù **одговори**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (71): "Фодијо, сестро, поради долгиот пат". И пак **дошла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (72) птицата и **песла**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (73): "Цири-вири, вири-виу, жив и мртовец седат_{.PRAES} (74) и си бараат_{.PRAES} (75) болви еден на друг". "Костадин, брате, каква е_{.PRAES} (76) ова проклета птица што пее_{.PRAES} (77) вака?" Тој ù **рекол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (78): "Фодијо, сестро, птицата си има_{.PRAES} (79) своја песна".

Пристапиле_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (80) кон куќата и Костадин ù **рекол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (81) на својата сестра: "Сестро знаеш_{.PRAES} (82) каде е_{.PRAES} (83) нашиот дом, оди_{.IMP} (84) дома зошто јас ќе одам_{.FUT} (85) на пазар да купам_{.CONJ.PRAES} риби (86)". Тој **заминал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (87) и **влегол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (88) во гробот. Додека тие **оделе**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (89) кучето ù **рекло**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (90) на бабата: "Мајко, излези_{.IMP} (91) од куќата, Фодија доаѓа_{.PRAES} (92)!" Таа му **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (93): "Бегај_{.IMP} (94) проклето животно! Каде, кога Фодија е_{.PRAES} (95) далеку три месеци и три дена преку Црното море". Петелот и мачката го **кажувале**_{.IMPF.EV⁻} (96) истото што и кучето. И таа **колнела**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (97) повторно: "Можеби не си ги **видел**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (98) кумот и кумчето, о мој Костадине, зошто ја натера_{.AOR} (99) мојата Фодија да се омажи_{.CONJ.PRAES} (99а) три месеци и три дена преку Црното море многу далеку". Во тоа време Фодија **дошла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (100) и **тропнала**_{.AOR.EV⁻} (101) на портите. Бабата **излегла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (102) од куќата до портите и **почнале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (103) да се прегрнуваат_{.CONJ.PRAES} (104) и така двете **умреле**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (105), таа внатре, а Фодија надвор.

МК 11. Скопје

Информант: род. в Скопје. Образование высшее, филолог. Перевод с английского языка.

Си **била**_{.ESSE.LPART (= IMPF.EV⁻)} (1) една стара жена, која си **имала**_{.HABERE.LPART (= IMPF.EV⁻)} (2) девет синови и една ќерка. Така **се случило**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (3), што осум синови **умреле**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (4), а само еден син и една ќерка **останале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (5) — Костантин и Годија. Братот застанува_{.PRAES} (6) и ја ветува_{.PRAES} (7) сестра си, три месеци и три

дена далеку, преку Црното Море. Кога ја **омажил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (9), **умрел**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (10). Кога **умреле**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (11) браќата, закопани **биле**_{.ESSE.LPART (= IMPF.EV⁻)} (12) внатре во куќата, а само Костадин **бил**_{.ESSE.LPART} **закопан**_{.NPART (= AOR.EV⁻PASS)} (13) на гробиштата. Така старата жена **останала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (14) сама и **почнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (15) да колне_{.CONJ.PRAES} (15a): „Да не си го видиш_{.CONJ.PRAES} (16) својот внук ни својата внука, о мој Костадине, штом ја омажи_{.AOR} (17) мојата Тодија толку далеку, три месеци и дри дена, преку Црното Море,, На крајот на Господа му **се здосадило**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (18), та го **спасил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (19) Костадин и тој **отишол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (20) да ја врати_{.CONJ.PRAES} (21) сестра си, затоа што мајка му го **проколнувала**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (22) и дење и ноќе.

Кога Костадин **станал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (23) од кофчегот, тој му **се претворил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (24) во коњ, а чаршафот му **се претворил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (24a) во шал на коњот и тој **отишол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (25) кај сестра си, далеку три месеци и три дена, преку Црното Море. **Дошол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (26) таму и и **рекол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (27) на сестра си „Еј, сестро моја, ајде да си одиме_{.CONJ.PRAES} (28) дома,,. Кога го **видела**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (29) го **бакнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (30) братски и му **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (31): „Брате мој, зошто смрдиш_{.PRAES} (32) на земја и мувла?,. А тој ѝ **одговорил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (33): „Од долгиот пат,,. **Застанале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (33a) и **одјавале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (33b). **Јавале**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (34), **јавале**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (35) и Тодија, сестра му му **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (36): „Ајде да седнеме_{.CONJ.PRAES} (37) да јадеме_{.PRAES} (38)”. **Седнале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (39) да јадат_{.CONJ.PRAES} (40). Кога **ручале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (41) **дошла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (42) една птица и **почнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (43) да пее_{.CONJ.PRAES} (44): „Цири вири виу, жива и мртов си седат_{.PRAES} (45) и си јадат_{.PRAES} (46) леб,,. Костадине, брате, која е_{.PRAES} (48) оваа проклета птица што пее_{.PRAES} (49) така?,. **прашала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (47) Тодија. — „Тодијо, о сестро моја, птицата си има_{.PRAES} (50) своја песна,,. Та **станале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (51) и **јавале**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (52), **јавале**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (53) од таму и на крајот си **седнале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (54) да се одморат_{.CONJ.PRAES} (55) од жештината. Повторно **дошла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (56) птицата и **почнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (57) со пеењето „Цири вири виу, жив и мртов си седат_{.PRAES} (59) и си се одмораат_{.PRAES} (60),. **Станале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (61) повторно и си **отишле**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (62). Како што си **оделе**_{.IMPF.EV⁻} (63) Тодија **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (64): „Костадине, ајде да седнеме_{.CONJ.PRAES} (65), а јас ќе барам_{.FUT} (66) вошки во твојата коса. Та **седнале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (67) да бараат_{.CONJ.PRAES} (68) вошки еден кај друг. Сестрата му **рекла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (69): „Костадине, брате мој, зошто косата ти е_{.PRAES} (70) со пепел и мувла?,. А тој ѝ **рекол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (71): „Тодијо, сестро,

тоа е_{.PRAES} (71a) од долгиот пат,, Повторно **дошла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (72) птицата и **запеала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (73): „Цири вири виу, жив и мртов си седат_{.PRAES} (74) да си бараат_{.CONJ.PRAES} (75) вошки: „Костадине, брате мој, која е_{.PRAES} (76) оваа проклета птица што пее_{.PRAES} (77) така?,, Тој ù **рекол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (78): „Тодија, сестро моја, птицата си има_{.PRAES} (79) своја песна,,

Се приближиле_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (80) до куќата, а Костадин ù **рекол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (81) на сестра си, “Сестро моја, знаеш_{.PRAES} (82) каде ни е_{.PRAES} (83) куќата, оди_{.IMP} (84) дома, зашто јас ќе одам_{.FUT} (85) на пазар да купам_{.CONJ.PRAES} (86) риба”. И тој си **отишол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (87), и си **влегол**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (88) во гробот. Додека **се враќале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (89), кучето ù **рекло**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (90) на старата жена, “Мајко, излези_{.IMP} (91) од куќата, Тодија доаѓа_{.PRAES} (92)”. — А таа **одговорила**_{.AOR.EV⁻} (93): “Оди си_{.IMP} (94), проклето! Таму каде е_{.PRAES} (95) Тодија е_{.PRAES} (95b) далеку, три месеци и три дена, преку Црното Море”. Петелот и мачката го **направиле**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (96) истото што и кучето. А таа повторно **проколнувала**_{.IMPF.EV⁻} (97): “Да не си ги видиш_{.CONJ.PRAES} (98) ни кумашинот ни кумашинката, о мој Костадине, штом направи_{.AOR} (99) мојата Тодија да се омажи_{.CONJ.PRAES} (99a), три месеци и три дена далеку, преку Црното Море, далеку!” Во тоа време **дошла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (100) Тодија и **чукнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (101) на портата. Старата жена **излегла**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (102) од куќата до портата и **почнале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (103) да се гушкаат_{.CONJ.PRAES} (104), та и двете **умреле**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (105), таа внатре, а Тодија надвор.

МК 12. Скопје

Информант: род. в Скопје. Образование высшее, филолог. Перевод с английского языка.

Си **била**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (1) еднаш една стара жена која **имала**_{.LPART (= IMPF.EV⁻)} (2) девет синови и една ќерка. Се **случило**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (3) така дека осумте синови **умреле**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (4) и **останале**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (5) само едниот син и ќерката — Костадин и Тодија. Братот ја **пораснал**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (6) сестрата и ù **договорил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (7) венчавка, три месеци и три дена далеку, некаде зад Црното Море. На крај, ја **омажил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (8). Веднаш штом ја **омажил**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (9), умрел_{.AOR.EV⁻} (10). Кога **умреле**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (11) неговите браќа **биле**_{.ESSE.LPART} **закопани/погребани**_{.NPART (= AOR.EV⁻PASS)} (12) во куќата, само Костадин бил погребан (13) на гробишта. Така, старата жена **останала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (14) сама и **почнала**_{.LPART (= AOR.EV⁻)} (15) да го колне_{.PRAES} (15a): "Да даде_{.CONJ.PRAES} (15b)

Господ да не ги видиш_{.CONJ.PRAES} (16) никогаш твоите кумче и кумица, О мој Костадине, штом ја даде_{.AOR} (17) Тодија да се омажи_{.CONJ.PRAES} (17а) толку далеку, три месеца и три дена одовде, зад Црното Море". На крај, на Господ му здодеа_{.AOR} (18), па го врати_{.AOR} (19) Костадин во живот и тој отиде_{.AOR} (20) да ја донесе_{.CONJ.PRAES} (21) назад сестра си, затоа што мајка му го колнеше_{.IMPF} (22) дење-ноќе.

Кога Костадин стана_{.AOR} (23) од ковчегот, ковчегот се претвори_{.AOR} (24) во коњ а покривката на мртовецот стана_{.AOR} (24а) покривка за коњ и тој отиде_{.AOR} (25) во куќата на сестра си, три месеци и три дена далеку, зад Црното Море. Дојде_{.AOR} (26) таму и ѝ рече_{.AOR} (27) на сестра си: „Ајде, сестро моја, си одиме_{.CONJ.PRAES} (28) дома". Кога го виде_{.AOR} (29) таа го бакна_{.AOR} (30) братски и му рече_{.AOR} (31): „Брате мој зошто мирисаш/смрдиш_{.PRAES} (32) на земја и мувла?" И тој ѝ рече_{.AOR} (33): „Затоа што долго патував_{.AOR} (33а)". Тие јаваа_{.IMPF} (34) и јаваа_{.IMPF} (35) и Тодија неговата сестра рече_{.AOR} (36): „Ајде да се симнеме_{.CONJ.PRAES} (37) и да ручаме_{.PRAES} (38)". Се симнаа_{.AOR} (39) за да ручаат_{.PRAES} (40). Додека ручаа_{.IMPF} (41) дојде_{.AOR} (42) една птица и почна_{.AOR} (42) да пее_{.CONJ.PRAES} (44): „Цири-вири, вири-ви, жив и мртов седат_{.PRAES} (45) заедно и јадат_{.PRAES} (46) леб“. Тодија рече_{.AOR} (47): „Костадине, брате мој, каква е_{.PRAES} (48) оваа проклета птица што пее_{.PRAES} (49) вака?" „Тодија, сестро моја, птицата си има_{.PRAES} (50) некаква своја песна“. Па, тие станаа_{.AOR} (51) и јаваа_{.IMPF} (52) и јаваа_{.IMPF} (53) далеку од таму, накрај се симнаа_{.AOR} (54) и се одморaa/ закрепнуваа_{.IMPF} (55) од жештината. Повторно дојде_{.AOR} (56) една птица и почна_{.AOR} (57) да пее_{.CONJ.PRAES} (58): „Цири-вири, вири-ви, жив и мртов се симнаа_{.AOR} (59) за да се одморат_{.CONJ.PRAES} (60)". Тие повторно станаа_{.AOR} (61) и продолжија_{.AOR} (62). Додека одеа_{.IMPF} (63) Тодија рече_{.AOR} (64): „Костадине, брате мој, ајде да се симнеме_{.CONJ.PRAES} (65) и да побараме_{.CONJ.PRAES} (66) вошки (во твојата коса)!“ Па се симнаа_{.AOR} (67) за да си побараат_{.CONJ.PRAES} (68) вошки во нивните коси. Сестрата му рече_{.AOR} (69): „Костадине брате мој, зошто твојата коса смрди_{.PRAES} (70) на пепел и мувла?“ И тој ѝ рече_{.AOR} (71): „Тодија, сестро моја, затоа што патував_{.AOR} (71а) долго“.

Птицата повторно дојде_{.AOR} (72) и пееше_{.IMPF/запеа} (73): „Цири-вири, вири-ви, жив и мртов се симнаа_{.AOR} (74) за да побараат_{.CONJ.PRAES} (75) вошки во своите коси“. „Костадине, брате мој, каква е_{.PRAES} (76) оваа проклета птица што пее_{.PRAES} (77) вака?“ — А тој ѝ рече_{.AOR} (78): „Тодија, сестро моја, птицата си има_{.PRAES} (79) некаква своја песна“. Се приближија_{.AOR} (80) до нивната куќа и Костадин ѝ рече_{.AOR} (81) на сестра си:

„Сестро моја, знаеш_{.PRAES} (82) каде е_{.PRAES} (83) нашата куќа, оди_{.IMP} (84) дома, зашто јас морам_{.PRAES} (85) да појдам_{.CONJ.PRAES} (85а) на пазар да купам_{.CONJ.PRAES} (86) малку риба“. И тој си отиде_{.AOR} (87) и си влезе_{.AOR} (88) во гробот. Додека тие патуваа_{.AOR} (89), едно куче ù рече_{.AOR} (90) на старата жена: „Мајко, мајко, излези_{.IMP} (91) од куката, Тодија доаѓа_{.PRAES} (92)“. А таа му рече_{.AOR} (93) „Оди си_{.IMP} (94), проклето (животно) — Тодија е_{.PRAES} (95) далеку, три месеца и три дена одовде, зад Црното Море“. Петелот и мачката ù го рекоа_{.AOR} (96) истото. А таа продолжи_{.AOR} (97) да колне_{.CONJ.PRAES} (97а): „Да даде_{.CONJ.PRAES} (98) Господ да не ги видиш_{.CONJ.PRAES} (98а) ниту твоето кумче ниту твојата кумица, о мој Костадине, зашто ја даде_{.AOR} (99) Тодија да се омажи_{.CONJ.PRAES} (99а) толку далеку, три месеца и три дена далеку одовде, зад Црното Море“. Во тој момент Тодија дојде_{.AOR} (100) и чукна_{.AOR} (101) на портата. Старата жена излезе_{.AOR} (102) од куката на портата и тие почнаа_{.AOR} (103) да се прегрнуваат_{.CONJ.PRAES} (104), и двете умреа_{.AOR} (105), таа (старата) умре_{.AOR} (105а) внатре а Тодија надвор.

Албанские переводы

МК 13. Burrel

Информант: род. в Бурреле. Образование высшее, не филолог. Перевод с английского языка.

Atje ishte_{.IMPF} (1) një grua vjetër ajo kishte_{.IMPF} (2) nëntë djem dhe një vajzë. Ndodhi_{.AOR} (3) kështu, se tetë djemtë vdiqen_{.AOR} (4) dhe vetëm një djalë dhe një vajzë mbetën_{.AOR} (5) — Kostadin dhe Thothija. Vëllai e fejoi_{.AOR} (6) me mblesësi motrën e tij, larg tre muaj dhe tri ditë mbi detin e zi. Në fund e martoi_{.AOR} (8) atë. Kur ai e martoi_{.AOR} (9) ai vdiq_{.AOR} (10). Kur vëllezërit vdiqen_{.AOR} (11), ata ishin varrosur_{.PLUSQ}¹⁹⁶ (12) brenda në shtëpi dhe vetëm Kostadini ishte varrosur_{.PLUSQ} (13) në varrëza. Kështu gruaja e vjetër mbeti_{.AOR} (14) vetëm dhe filloi_{.AOR} (15) të mallkonte_{.CONJ.IMPF} (15а): “Ndoshta ju nuk mund_{.PRAES} (15b) të shikoni_{.CONJ.PRAES} (16) famullin tuaj as famulleshën tuaj, o Kostandini im, që më martove_{.AOR} (17) Thodhijën kaq larg, tre muaj dhe tri ditë mbi detin e zi.” Kështu se fundmi zoti u mërzi_{.AOR} (18), ai e ringjalli_{.AOR} (19) Kostandinin dhe ai shkoi_{.AOR} (20) të merrtë_{.CONJ.IMPF} (21) motrën e tij sepse e ëma e mallkonte_{.IMPF} (22) atë ditë e natë.

¹⁹⁶ Форма называется пассивным плюсквамперфектом вслед за (Çeliku 1995: 155): *më se e kryera, format e trajtës pësore të deftores*.

Kur Kostandini u ngrit_{AOR} (23) nga varri, varri i tij u shëndëruar_{PART} (24) në kal, dhe çarshafi në shallë për kalin, dhe shkoj_{AOR} (25) tek motra e tij, larg tre muaj e tri ditë përgjatë detit të zi. Ai arriti_{AOR} (26) atje dhe i tha_{AOR} (27) motrës, “Hej motra ime hajde shkojmë_{PRAES} (28) tek njerzit tanë.” Kur ajo i pa_{AOR} (29) atë e puthi_{AOR} (30) vëllain e saj dhe i tha_{AOR} (31), “Vëllai im pse mban_{PRAES} (32) er dhe tak dhe myk?” Dhe ai i tha_{AOR} (33) asaj, “Sepse nga rruga e gjatë.” Ata u ngritën_{AOR} (33a) dhe u nisën_{AOR} (33b). Ata ishin duke kaleruar_{GERUND}¹⁹⁷ (34) dhe duke kaleruar_{GERUND} (35) dhe Thodhija, motra e tij, i tha_{AOR} (36), “Do të uleme_{FUT} (37) për të ngrënë_{SUPIN} (38) drekë.” Ato u ulën_{AOR} (39) duke ngrënë_{GERUND} (40) drekë. Kur ata po hanin_{IMPRF} (41) drek një zog aty pranë filloi_{AOR} (43) të këndonte_{CONJ.IMPF} (44), “Ciri-viri, viri-viu, një e gjall dhe një i vdekur janë ulur_{PERF} (45) dhe janë duke ngrënë_{GERUND} (46) bukë!” — “Kostandini, vëllai im, çfarë po këndon_{PRAES} (49) kështu ky zog i mallkuar?” — tha_{AOR} (47) Thodhija. “Thodhija, o motra ime, zogu ka_{PRAES} (50) këngën e tij.” Kështu ata u ngritën_{AOR} (51) dhe filluan_{AOR} (52) të kalëronin_{IMPRF} (52a), të kalëronin_{IMPRF} (53) nga kjo gje, dhe në fundi ato ndaluan_{PRAES} (54) dhe morën_{AOR} (55) frymë thellë. Përsëri zogu u ofrua_{AOR} (56) dhe filloi_{AOR} (57) të këndonte_{CONJ.IMPF} (58), “Ciri-viri, viri-viu, një e gjalli dhe një i vdekur janë ulur_{PERF} (59) duke biseduar_{GERUND} (59a) dhe çlodhur_{GERUND} (60)!” Ata u ngriten_{AOR} (61) përsëri dhe vazhduan_{PRAES} (62). Kur ata po shkonin_{IMPRF} (63), Thodhija tha_{AOR} (64), “Kostandini, vëllai im, do të ulemi_{FUT} (65) dhe unë do të shikoj_{FUT} (66) për në kokën tënde.” Kështu ata u ulën_{AOR} (67) dhe filluan_{AOR} (68) të shihnin_{CONJ.IMPF} (68a) flokët e njeri-tjetrit. Motra i tha_{AOR} (69) atij, “Kostandin vëllai im, pse flokët e tu mbajnë_{PRAES} (70) erë janë ngjурë ngri dhe myk?” Dhe ai i tha_{AOR} (71) asaj, “Thodhija, motra ime, sepse nga rruga e gjatë.” Në pas zogu vjen_{PRAES} (72) dhe këndon_{PRAES} (73), “Ciri-viri, viri-viu, një e gjall dhe një i vdekur u ulën_{AOR} (74) duke pare_{GERUND} (75) flokët e njeri-tjetrit!” — “Kostandini, vëllai im, çfarë zog i mallkuar **qën-ka**_{ESSE.PART-HABERE.PRAES (= PRAES.EV-)} (76) ky, pse po këndon_{PRAES} (77) kështu?” — Ai i tha_{AOR} (78) asaj, “Thodhija, motra ime, zogu ka_{PRAES} (79) këngën e tij.” Ata përgjatë rrugës, për në shtëpi dhe Kostandini i tha_{AOR} (81) motrës së tij, “Motra ime, ti e di_{PRAES} (82) se ku është_{PRAES} (83) shtëpia jone, shko_{IMP} (84) në shtëpi, sepse unë po shkoj_{PRAES} (85) në pazar për të blerë_{SUPIN} (86) peshk.” Dhe ai shkon_{PRAES} (87) e futet_{PRAES} (88) në varr. Ndër kohë që ata po shkonin_{IMPRF} (89), qeni i thotë_{PRAES} (90) gruas të moshuar, “Nënë dil_{IMP} (91) nga shtëpia, Dhoqina po kthehet_{PRAES} (92).” Dhe

¹⁹⁷ М. Челику предлагает называть эту форму *e tashmja e vazhdimësisë* ‘настоящее продолженное’ (Çeliku 1995: 146).

ajo i thotë_{.PRAES} (93): “Ik_{.IMP} (94) tutje i mallkuar! Ku është_{.PRAES} (95) Dhoqina, larg, tre muaj e tre ditë përtej detit të zi.” Pula dhe macja bëjnë_{.PRAES} (96) si qeni. Ajo është akoma duke mallkuar_{.GERUND} (97), “A mundesh_{.PRAES} (98) ti të mos i shohesh_{.CONJ.PRAES} (98a) as djalin as vajzën tëndë, Kostandini im, që ma martove_{.AOR} (99) Dhoqinën tre muaj e tri ditë larg Detit të Zi.” Në këtë moment Dhoqina vjen_{.AOR} (100) e troket_{.PRAES} (101) në derë. Gruaja e moshuar del_{.PRAES} (102) nga shtëpia drejt derës dhe fillojnë_{.PRAES} (103) të përqafohen_{.CONJ.PRAES} (104) e vdesin_{.PRAES} (105) bashkë, ajo mbrenda e Dhoqina jashtë.

МК 14. Лаç

Информант: род. в Ляче. Образование высшее, филолог. Перевод с английского языка.

Na ishte_{.IMPF} (1) një grua e vjetër dhe ajo kishte_{.IMPF} (2) nëntë djem dhe një vajzë. Kështu ndodhi_{.AOR} (3) pra (?) dhe tetë djemtë vdiqën_{.AOR} (4) dhe vetëm një djalë dhe vajza mbetën_{.AOR} (5) të gjatë, Kostadini dhe Dhoqina. Vëlla ngrihet_{.PRAES} (6) dhe organizon_{.PRAES} (7) martesën motrës së tij në një vënd largët tre muaj e tre ditë larg, përtej detit të zi. Më në fund ai e martoi_{.AOR} (8). Kur ajo u martua_{.AOR} (9) ai vdiq_{.AOR} (10). Kur vëllezërit e tij vdiqën_{.AOR} (11), ata u dogjën_{.AOR} (12) brenda në shtëpi dhe vetëm Kostandini u dogj_{.AOR} (13) në varr. Kështu gruaja e vjetër mbeti_{.AOR} (14) e vetme dhe filloi_{.AOR} (15) të mallkonte_{.CONJ.IMPF} (15a), “Tani s’do ta shoh_{.FUT} (16) as nipin as mbesën time, o Kostandin ngapë ti e martove_{.AOR} (17) Dhoqinën kaq larg, tre muaj e tre ditë larg, përtej Detit të Zi.” Në fund Zoti mërzitet_{.PRAES} (18). Kështu ai ringjalli_{.AOR} (19) Kostandinin dhe ai shkoi_{.AOR} (20) të merrte_{.CONJ.IMPF} (21) motrën e tij, sepse nëna e tij e kishte mallkuar_{.PLUSQ} (22) ditë e natë.

Kur Kostandini u ngrit_{.AOR} (23) nga varri, varri u bë_{.AOR} (24) kalë, pllaka u bë_{.AOR} (24a) shalë dahe (?) ai shkoi_{.AOR} (25) tek motra e tij tre muaj e tre ditë larg, përtej detit të zi. Ai shkoi_{.AOR} (26) atje dhe i tha_{.AOR} (27) motrës tij, “Tungjatjeta, motër, eja të shkojmë_{.CONJ.PRAES} (28) në shtëpi”. Kur ajo e pa_{.AOR} (29) dhe e puthi_{.AOR} (30) si vëlla ajo i tha_{.AOR} (31), “Vëllai im pse të vjen_{.CONJ.PRAES} (32) era tokë dhe myk?” Dhe ai u përgjigj_{.AOR} (33), “Prej rrugës së gjatë.” Ata u bënë_{.AOR} (33a) gati dhe u nisën_{.AOR} (33b). Ec_{.PRAES} (34) e ec_{.PRAES} (35), dhe e motra Dhoqina i thotë_{.PRAES} (36), “Gja të ulemi_{.CONJ.PRAES} (37) të hamë_{.CONJ.PRAES} (38) drekë.” Ata ulën_{.AOR} (39) të hanë_{.CONJ.PRAES} (40) drekë. Kur ata po hanin_{.IMPRF} (41) ulet_{.PRAES} (42) një zog dhe fillon_{.PRAES} (43) të këndojë_{.CONJ.PRAES} (44): “Ciu-viu, ciu-viu, keni parë_{.PERF} (44a) s’keni parë_{.PERF} (44b) han_{.PRAES} (46) i vdekuri me të gjallë.” — “Kostandin, vëlla, ç’po thotë_{.PRAES} (49) ky zog i mallkuar?” thotë_{.PRAES}

(47) Dhoqina. “Dhoqina, motra ime, zogu këndon_{.PRAES} (50) këngën e tij.” Kështu ata u ngritën_{.AOR} (51) prej aty dhe filluan_{.AOR} (51a) të ecnin_{.CONJ.IMPF} (52) e të ecnin_{.CONJ.IMPF} (53) prej aty, në fund ata zbresin_{.IMPRF} (54) dha ndalojnë_{.PRAES} (54a) të marrin_{.CONJ.PRAES} (55) frymë nga të nxehtët. Përsëri erdhi_{.AOR} (56) një zog dhe filloi_{.AOR} (57) të këndonte_{.CONJ.IMPF} (58), “Ciu-viu, ciu-viu, keni parë_{.IMPF} (58a) s’keni parë_{.PERF} (58b) një i vdekur me të gjallë janë ulur_{.PERF} (59) dhe po pushojnë_{.PRAES} (60).” Ata u ngritën_{.AOR} (61) përsëri dhe shkuan_{.AOR} (62). Kur po ecnin_{.IMPRF} (63) Dhoqina thotë_{.PRAES} (64), “Kostandin, vëllai im, ulemi_{.IMPF} (65) dhe të shikoj_{.CONJ.PRAES} (66) për morra në kokë (në flokë).” Kështu ata u ulën_{.AOR} (67) të shikonin_{.CONJ.IMPF} (68) për morra njëri-tjetrin. E motra i tha_{.AOR} (69), “Kostandin, vëllai im, pse flokët të tij bien_{.PRAES} (70) erë të nëndë me pluhur dhe jonë të ngrira?” Dhe ai i tha_{.AOR} (71), “Dhoqinë, motra ime, i kam_{.PRAES} (71a) nga rruga e gjatë.” Pastaj zogu vjen_{.PRAES} (72) dhe këndon_{.PRAES} (73), “Ciu-viu, ciu-ciu, keni parë_{.PERF} (73a) s’ keni parë_{.PRAES} (73b) i gjalli dhe i vdekuri shikojnë_{.PRAES} (74) për morra njëri-tjetrin.” — “Kostandin, vëllai im, çfarë zogu i mallkuar është_{.PRAES} (76) ky që po këndon_{.PRAES} (77) kështu?” Ai i tha_{.AOR} (78), “Dhoqinë motra ime zogu ka_{.PRAES} (79) këngën e tij.”

Ata iu afruan_{.AOR} (80) shtëpisë Kostandini i tha_{.AOR} (81) së motrës, “Motra ime, ti e di_{.PRAES} (82) ku është_{.PRAES} (83) shtëpia jonë. Shko_{.IMP} (84) në shtëpi, sepse do të shkoj_{.FUT} (85) në pazar për të blerë_{.SUPIN} (86) peshq.” Dhe ai shkoi_{.AOR} (87), dhe hyni_{.AOR} (88) në varr. Kur ata po shkonin_{.IMPRF} (89), qeni i tha_{.AOR} (90) gruas për njetës, “Nënë, eja nga shtëpia. Dhoqina po vjen_{.PRAES} (92).” Dhe ajo i tha_{.AOR} (93), “Largohu_{.IMP} (94) gje e mallkuar! Ku është_{.PRAES} (95) Dhoqina, aq larg, tre muaj e tre ditë larg, përtej Detit të Zi.” Gjeli dhe macja thanë_{.AOR} (96) të njëjtën gjë si qeni. Dhe ajo po mallkonte_{.IMPF} (97) përsëri, “S’do të mund_{.FUT} (97a) ta shohësh_{.CONJ.PRAES} (98) nipin as mbesën tënde, Konstandini im, sepse ti e martove_{.AOR} (99) Dhoqinën time, tre muaj dhe tre ditë larg, përtej Detit të Zi, larg!” Në këtë kohë erdhi_{.AOR} (100) Dhoqina dhe trokiti_{.AOR} (101) në portë. Gruaja e vjetër shkoi_{.AOR} (102) nga shtëpia tek dera dhe ata u përfaquan_{.PRAES} (104) dhe të dyja vdiqën_{.AOR} (105), ajo vdiq_{.AOR} (105a) brënda dhe Dhoqina jashtë.

МК 15. Shkodër

Информант: род. в Шкодре. Образование высшее, этнолог. Перевод с английского языка.

Na ishte_{.IMPF} (1) një herë një grua e cila na kishte_{.IMPF} (2) nëntë djem dhe një vajzë. Na ndodhi_{.AOR} (3) kështu, 8 djemtë vdiqën_{.AOR} (4) dhe mbetën_{.AOR} (5) vetëm një djalë dhe vajza — Kostandini dhe Dhoqina. Vëllai na çohet_{.PRAES}

(6) dhe na i gjen_{.PRAES} (7) burrë motrës, 3 muaj dhe 3 ditë larg, përtej Detit të Zi dhe na e marton_{.PRAES} (8). Kur e martoi_{.AOR} (9) motrën Kostandini vdiq_{.AOR} (10). Vëllezërit e tij ishin varrosur_{.PLUSQ} (12) brënda në oborrin e shtëpisë ndërsa Kostandini u varros_{.IMPF} (13) në varret e fshatit. Kështu nëna e shkretë mbeti_{.AOR} (14) vetëm me pleqërinë e saj dhe filloi_{.AOR} (15) të mallkonte_{.IMPF} (15a) Kostandinin, “Mos pafsh_{.OPT} (16) famull e famulleshë me sy, more Kostandin, sepse ma martove_{.AOR} (17) Dhoqinën kaq larg, 3 muaj dhe 3 ditë, përtej Detit të Zi”. Erdhi_{.AOR} (17a) një moment dhe Zoti u lodh_{.AOR} (18), kështu vendosi_{.AOR} (19) të ringjallte_{.CONJ.IMPF} (20) Kostandinin për të sjellë_{.SUPIN} (21) në shtëpi të motrën, sepse e ëma e mallkonte_{.IMPF} (22) atë ditë e natë.

Kur Kostandini u ngrit_{.AOR} (23) nga varri, arkivoli i tij u shndërrua_{.AOR} (24) në kalë, dhe qefini u bë_{.AOR} (24a) shala e kalit. Kështu ai u nis_{.AOR} (25) tek motra e tij, 3 muaj dhe tre ditë larg në Detin e Vdekur. Kur arriti_{.AOR} (26) i tha_{.AOR} (27) së motrës, “Motër, kthehemi_{.IMP} (28) në shtëpi”. Dhoqina kur pa_{.AOR} (29) të vëllanë e puthi_{.AOR} (30) me mall dhe i tha_{.AOR} (31), “Vëlla, pse vjen_{.AOR} (32) erë toke dhe varri?” Kostandini iu përgjigj_{.AOR} (33), “Përshtak të rrugës së gjatë”. Kështu ato u çuan_{.PRAES} (33a) dhe u nisën_{.AOR} (34b) për rrugë me kalin e Kostandinit. Ato kalëruan_{.AOR} (35) për një copë rrugë dhe Dhoqina i thotë_{.PRAES} (36) të vëllait, “Le të ulemi_{.CONJ.PRAES} (37) e të hamë_{.CONJ.PRAES} (38) drekë,” dhe ata kështu bënë_{.PRAES} (39). Ndërkohë që po hanin_{.IMPRF} (41) drekë, një zog i vjen_{.PRAES} (42) dhe fillon_{.PRAES} (43) të këndojë_{.CONJ.PRAES} (44) “Ciu ciu, ciu ciu, një i gjallë dhe një i vdekur janë ulë_{.PERF} (45) dhe po hanë_{.PRAES} (46) bukë së bashku!” — “Kostandin vëlla, çfarë kënge po këndon_{.PRAES} (49) ky zog i mallkuar?” thotë_{.PRAES} (47) Dhoqina. — “Dhoqin motër, zogu po këndon_{.PRAES} (50) për hesap të vet”. Më pas ato u ngritën_{.AOR} (51) dhe kalëruan_{.AOR} (52) për një copë rrugë tjetër derisa ndaluan_{.AOR} (54) për tu freskuar_{.SUPIN} (55) nga vapa e për të marrë_{.SUPIN} (55a) frymë nga rruga e gjatë. Sërish një zog erdhi_{.AOR} (56) dhe këndoi_{.AOR} (58), “Ciu ciu, ciu ciu, një i gjallë dhe një i vdekur janë ulur_{.PERF} (59) për të pushuar_{.SUPIN} (60) së bashku!” Ata përsëri u çuan_{.AOR} (61) për rrugë. Rrugës, Dhoqina thotë_{.PRAES} (64), “Kostandin vëlla, të ulemi_{.CONJ.PRAES} (65) që të të kontrolloj_{.CONJ.PRAES} (66) për morra në kokë”. Kështu ata u ulën_{.AOR} (67) për të kontrolluar_{.SUPIN} (68) për morrat e njëri-tjetrit. E motra i thotë_{.PRAES} (69) të vëllait: “Kostandin vëlla, pse flokët e tu kundërmojnë_{.PRAES} (70) hi dhe myk/varr?” — Dhe ai i thotë_{.PRAES} (71) asaj, “Dhoqinë motër, për shkak të/prej rrugës së gjatë”. — Dhe përsëri një zog vjen_{.AOR} (72) dhe këndon_{.PRAES} (73), “Ciu ciu, ciu ciu, një i gjallë dhe një i vdekur ulen_{.AOR} (74) për të kontrolluar_{.SUPIN} (75) morrat e njëri-tjetrit!” — “Kostandin vëlla, çfarë zogu

i mallkuar është_{.PRAES} (76) ky, që po këndon_{.PRAES} (77) një këngë të tillë (çfarë kënge po këndon_{.PRAES} (77a) ky zog i mallkuar)?” — Ai i përgjigjet_{.PRAES} (78) asaj, “Dhoqinë motër, zogu ka_{.PRAES} (79) këngën e tij (po këndon_{.PRAES} (79a) për hesap të vet)”.

Ata i afrohen_{.PRAES} (80) shtëpisë dhe Kostandini i thotë_{.PRAES} (81) të motrës, “Motër, ti e di (82) rrugën për shtëpi/shpi, shko_{.IMP} (84) atje sepse unë po shkoj_{.PRAES} (85) në pazar për të blerë_{.SUPIN} (86) ca peshk”. Dhe ai shkoi_{.AOR} (87) e hyri_{.AOR} (88) në varr. Ndërsa ata po vinin_{.IMPRF} (89), qeni i thotë_{.PRAES} (90) gruas plakë, “Nënë, dil_{.IMP} (91) nga shtëpia, po vjen_{.AOR} (92) Dhoqina”. — Dhe ajo i thotë_{.PRAES} (93) qenit, “Largohu_{.IMP} (94), gjë e mallkuar! Aty ku është_{.PRAES} (95) Dhoqina, larg (Dhoqina ndodhet_{.PRAES} (95a) larg), 3 muaj dhe 3 ditë përtej Detit të Zi.” — Edhe gjeli e macja thanë_{.AOR} (96) të njëjtën gjë si qeni. Dhe ajo mallkontë_{.IMPF} (97) sërish, “Mos pafsh_{.OPT} (98) famull e famulleshë, o mor Kostandin, se ma martove_{.AOR} (99) Dhoqinën time larg 3 muaj dhe tre ditë përtej Detit të Zi!” Në këtë moment Dhoqina arriti_{.AOR} (100) dhe trokiti_{.AOR} (101) tek porta. Gruaja plakë doli_{.AOR} (102) nga shtëpia për tek porta dhe ato u përqaftuan_{.AOR} (104) e vdiqën_{.AOR} (105) të dyja, ajo brënda dhe Dhoqina jashtë.

МК 16. Burrel

Информант: 1993 г.р., род. в Буреле. Образование среднее (абитуриент университета). Перевод с итальянского языка.

Ishte_{.IMPF} (1) njëherë një grua e vjetër dhe na kishte_{.IMPF} (2) nëntë djem dhe një vajzë. Ndodhi_{.AOR} (3) kështu që, të tetë djemtë vdiqën_{.AOR} (4) dhe vetëm një djalë dhe një vajzë mbetën_{.AOR} (5) — Kostandin dhe Thodhija. Vëllai e fejoj_{.AOR} (6) me mblesë (?) motrën e tij, larg tre muaj dhe tri ditë mbi detin e zi. Ahe se fundimi ai e martoi_{.AOR} (8) atë. Kur ai e martoi_{.AOR} (9) atë ai vdiq_{.AOR} (10). Kur vëllezërit e tij vdiqën_{.AOR} (11), ato ishin varrosur_{.PLUSQ} (12) brënda në shtëpi dhe vetëm Kostandini ishte varrosur_{.PLUSQ} (13) në varreza. Kështu gruaja e vjetër mbeti_{.AOR} (14) vetëm dhe filloi_{.AOR} (15) të mallkonte_{.CONJ.AOR} (15a): “Ndoshta ju nuk do ta shihni_{.FUT} (16) famullin tuaj as famulleshën, o Kostandini im, që ti martove_{.AOR} (17) Thodhijen kaq larg, tre muaj dhe tri ditë mbi detin e zi.” Kështu së fundmi zoti u mërzit_{.AOR} (18), ai e ringjalli_{.AOR} (19) Kostandinin dhe ai shkoi_{.AOR} (20) të merrte_{.CONJ.IMPF} (21) motrën e tij sepse e ëma e mallkonte_{.IMPF} (22) atë ditë e natë.

Kur Kostandini u ngua_{.AOR} (23) nga varri, varri e tij u shëndërrua_{.AOR} (24) në kal, dhe çarshafi në shallë për kallin, dhe shkoi_{.AOR} (25) tek motra e tij, larg

tre muaj, tri dit pergjat detit e zi. Ai arriti_{AOR} (26) atje dhe i tha_{AOR} (27) motrës, “Hej, motra ime hajde shkojmë_{PRAES} (28) tek njerëzit tonë.” Kur ajo e pa_{AOR} (29) atë e puthi_{AOR} (30) vëllain e saj dhe i tha_{AOR} (31), “Vëllai im pse mban_{PRAES} (32) era dhe (tak) dhe myk?” Dhe ai i tha_{AOR} (33) asaj, “Sepse nga rruga e gjat.” Ata u ngritën_{AOR} (33a) dhe u nisën_{AOR} (33b). Ato qeshnin_{IMPRF} (34), qeshnin_{IMPRF} (35) dhe Thodhija, motra e tij, tha_{AOR} (36): “Le të ulemi_{CONJ.PRAES} (37) për të ngrënë_{SUPIN} (38) drekë”. Ata u ulën_{AOR} (39) duke ngrënë_{GERUND} (40) drekë. Kur ata po hanin_{IMPRF} (41) drekë një zogë aty pranë filloi_{AOR} (43) të këndonte_{IMPF} (44), “Ciri-viri, viri-viu, një gjall dhe një i vdekur janë ulur_{PLUSQ} (45) dha janë duke ngrënë_{GERUND} (46) buk!” — “Kostandin vëllai im, çfarë po këndon_{PRAES} (49) kështu ky zog i mallkuar?”, tha_{AOR} (47) Thodhija. “Thodhija, o motra ime, zogu ka_{PRAES} (50) këngën e tij.” Kështu ata u ngritën_{AOR} (51) dhe filluan_{AOR} (51a) të qeshnin_{IMPRF} (52), të qeshnin_{IMPRF} (53) nga kjo gjë. I dhe së fundi ato ndaluan_{AOR} (54) dhe morën_{AOR} (55) frymë thellë. Përsëri zogu u afruan_{AOR} (56) dhe filloi_{AOR} (57) të këndonte_{IMPF} (58), “Ciu-ciu, ciu-ciu një e gjallë dhe një i vdekur janë ulur_{PERF} (59) duke biseduar_{GERUND} (60) dhe çlodhur_{GERUND} (60a)!” Ata u ngriten_{AOR} (61) përsëri dhe vazhduan_{AOR} (62). Kur ato po shkonin_{IMPRF} (63) Thodhija tha_{AOR} (64): “Kostandin vëllai im, le të ulemi_{CONJ.PRAES} (65) dhe unë do të shikoj_{FUT} (66) për në kokën tënde.” Kështu ato u ulën_{AOR} (67) dhe filluan_{AOR} (68) të shihnin_{CONJ.IMPRF} (68a) flokët i njeri jetrit. Motra i tha_{AOR} (69) atij, “Kostandini vëllai im, pse flokët e tij mbajnë_{PRAES} (70) erë janë_{PRAES} (70a) ngjyrëgri dhe myk?” Dhe ai i tha_{AOR} (71) asaj, “Thodhija motra ime sepse nga rruga e gjatë.” Më pas zogu vjen_{PRAES} (72) dhe këndonte_{IMPF} (73), “Ciu-ciu, ciu-ciu, një e gjall dhe një i vdekur u ulën_{AOR} (74) duke pare_{GERUND} (75) flokët e njeri-tjetrit!” — “Kostandin vëllai im, çfarë zog i mallkuar **qen-ka**_{ESSE.PART-HABERE.PRAES (= PRAES.EV-)} (76) ky, pse po këndon_{PRAES} (77) kështu?” Ai i tha_{AOR} (78) asaj, “Thodhija, motra ime, zogu ka_{PRAES} (79) këngën e tij.”

Ata përgjat rrugës për në shtëpi dhe Kostandini i tha_{AOR} (81) motrës së tij, “Motra ime, ti e di_{PRAES} (82) se ku është_{PRAES} (83) shtëpia jonë, shko_{IMP} (84) në shtëpi, sepse do të shkoj_{FUT} (85) në pazar të blej_{CONJ.PRAES} (86) ca peshk.” Dhe ai shkoi_{AOR} (87), dhe ai u fut_{AOR} (88) në varr. Kur ato po shkonin_{IMPRF} (89), qeni i tha_{AOR} (90) gruas së vjetër, “Mama hajde në shtëpi, Thodhija po vjen_{PRAES} (92)” — dhe ajo i tha_{AOR} (93), “Ik_{IMP} (94) andej i mallkuar! Ku është_{PRAES} (95) Thodhija, larg tre muaj dhe tre dit, përgjat detit e zi.” Zogu dhe maçoku than_{AOR} (96) të njëjtën gjë si qeni. Dhe ajo filloi_{AOR} (97) të mallkonte_{CONJ.IMPF} (97a) përsëri, “Ndoshta ti nuk do ta shohesh_{FUT} (98) famullin tuaj as famulleshën, o Kostandini im, ti që më martove_{AOR} (99)

Thodhijën tre muaj dhe tre dit mbi detin e zi larg.” Në këtë kohë Thodhija vjen_{.PRAES} (100) dhe trokit_{.PRAES} (101) tek porta. Gruaja e vjetër doli_{.AOR} (102) nga shpia te porta dhe ata filluan_{.AOR} (103) të përqafohen_{.CONJ.PRAES} (104) dhe ato të dyja vdiqen_{.AOR} (105), ajo vdiq_{.AOR} (105a) brenda ndërse Thodhija përjashta.

МК 17. Burrel

Информант: род. в Буреле. Образование высшее, не филолог. Перевод с итальянского языка.

Ishte_{.IMPF} (1) një grua e moshuar që kishte_{.IMPF} (2) nëntë djem dhe një vajzë. Ndodhi_{.AOR} (3) që tetë djemtë i vdiqën_{.AOR} (4) dhe jetuan_{.AOR} (5) vetëm një djalë dhe një vajzë, Kostandini dhe Dhoqina. Vëllai ngrihet_{.PRAES} (6) dhe organizon_{.PRAES} (7) martesën e motrës së tij në një vend tre muaj e tre ditë larg, përtej Detit të Zi. Kur motra u martua_{.AOR} (9), ai vdiq_{.AOR} (10). Kur vëllezërit e tjerë vdiqën_{.AOR} (11), u varrosën_{.AOR} (12) mbrenda në shtëpi e vetëm Kostadini u varros_{.AOR} (13) në varreza. Kështu gruaja e moshuar mbeti_{.AOR} (14) vetëm dhe filloj_{.AOR} (15) të mallkojë_{.CONJ.PRAES} (15a): “A mundet_{.PRAES} (15b) që të mos shohësh_{.CONJ.PRAES} (16) djalin dhe vajzën tënde o Kostadin im, që ma martove_{.AOR} (17) Dhoqinën time aq larg, tre muaj e tri ditë përtej Detit e Zi.” Kështu Zoti u mërzi_{.AOR} (18) dhe u ngrit_{.AOR} (19) Kostandini duke u ringjallur_{.GERUND} (19a) dhe e dërgoj_{.AOR} (20) të merrte_{.CONJ.PRAES} (21) motrën e tij sepse nëna e tij e mallkonte_{.IMPF} (22) natë e ditë.

Kur Kostandini u ngrit_{.AOR} (23) arkivoli, arkivoli i tij u shdërrua_{.AOR} (24) në kalë dhe çarçafi i përmotshëm u shndërrua_{.AOR} (24a) në shalë kali dhe ai shkoi_{.AOR} (25) të merrte_{.CONJ.IMPF} (25a) motrën i tij, tri ditë e tre muaj larg përtej Detit të Zi. Ai cerrin_{.PRAES} (26) e thotë_{.PRAES} (27) motrës së tij: “Përshtëndetje motra ime, eja të shkojmë_{.CONJ.PRAES} (28) në shtëpi.” Kur ajo e shikon_{.PRAES} (29) e puthu_{.AOR} (30) si vëlla dhe i thotë_{.PRAES} (31): “O vëllai im, përse vjen_{.PRAES} (32) era dhé dhe nyshk?” Ai i përgjigjet_{.PRAES} (33): “Është_{.PRAES} (33a) faji i rugës së gjatë.” Ata çohen_{.PRAES} (33a) dhe ikin_{.PRAES} (33b). Kalërojnë_{.PRAES} (34) e kalërojnë_{.PRAES} (35) e Dhoqina thotë_{.PRAES} (36): “Ulemi_{.PRAES} (37) të drekojmë_{.CONJ.PRAES} (38)?” Ulen_{.PRAES} (39) dhe drekojnë_{.PRAES} (40). Kur po drekonin_{.IMPF} (41) vjen_{.PRAES} (42) një zog dhe këndon_{.PRAES} (44): “Ciu-ciu; ciu-ciu! — një i gjallë dhe i vdekur janë ulur_{.PLUSQ} (45) e po hanë_{.PRAES} (46) bukë!” — “Kostandin, o vëllai im, çfarë po thotë_{.PRAES} (49) ky zog i denuar?” — thotë_{.PRAES} (47) Dhoqina. “Dhoqina, motra ime, zogu ka_{.PRAES} (50) këngën e tij.” Kështu ngrihen_{.PRAES} (51) dhe kalërojnë_{.PRAES} (52) nga ky vend dhe në fund ulën_{.AOR} (54) përsëri. Përsëri vjen_{.PRAES} (56) zogu: “Ciu-ciu, ciu-ciu, një i gjallë e një i vdekur janë ulur_{.PERF} (59) e po

pushojnë_{.PRAES} (60)!” Ata ngrihen_{.AOR} (61) përsëri e ikin_{.IMPF} (62). Ndërkohë që po ikin_{.IMPF} (63) Dhoqina thotë_{.PRAES} (64): “Kostandin, vëllai im, ulu_{.IMP} (65) unë të pastroj_{.CONJ.PRAES} (66) norrat në flokët e tij.” Kështu kërkojnë_{.PRAES} (67) norrat e njeri-tjetrit. Motra thotë_{.PRAES} (69): “Kostandin, vëllai im, përsëri flokët e tij vrijnë_{.PRAES} (70) era hi dhe tym?” Dhe ai thotë_{.PRAES} (71): “Dhoqinë, motra ime, është_{.PRAES} (71a) faji i rrugës së gjatë. Pastaj vjen_{.PRAES} (72) përsëri zogu dhe këndon_{.PRAES} (73): “Ciu-ciu një i gjallë dhe një i vdekur janë ulur_{.PERF} (74) dhe po pastrojnë_{.PRAES} (75) norrat e njeri-tjetrit.” — “Kostandin, vëllai im, kush është_{.PRAES} (76) ky zog e denuar që këndon_{.PRAES} (77) ashtu?” — “Dhoqina, motra ime, zogu ka_{.PRAES} (78) këngën e tij!” — thotë_{.PRAES} (79) ai.

Ata arrijnë_{.PRAES} (80) në shtëpi dhe Kostandini i thotë_{.PRAES} (81) motrës së tij: “Motra ime, ti e di_{.PRAES} (82), ku është_{.PRAES} (83) shtëpia jonë, ti shko_{.IMP} (84) në shtëpi sepse unë do të shkoj_{.FUT} (85) në pazar për të blerë_{.SUPIN} (86) peshk.” Dhe ai shkon_{.PRAES} (87) e futet_{.PRAES} (88) në varr. Ndërkohë që ata po shkonin_{.IMPRF} (89), qeni i thotë_{.PRAES} (90) gruas së moshuar: “Nënë dil_{.IMP} (91) nga shtëpia, Dhoqina po kthehet_{.PRAES} (92).” Dhe ajo i thotë_{.PRAES} (93): “Ik_{.IMP} (94) tutje i mallkuar! Ku është_{.PRAES} (95) Dhoqina, larg, tre muaj e tri ditë e tre natë përtej Detit të Zi.” Pula dhe macja bëjnë_{.PRAES} (96) si qeni e ajo është_{.PRAES} (97) akoma duke mallkuar_{.GERUND} (97a): “A mundesh_{.PRAES} (97b) ti të mos i shohësh_{.CONJ.PRAES} (98) as djalin e as vajzën tënde, Kostandini im, që ma martove_{.AOR} (99) Dhoqinën tre muaj e tri ditë larg Detit të Zi.” Në këtë moment Dhoqina vjen_{.PRAES} (100) e troket_{.PRAES} (101) në derë. Gruaja e moshuar del_{.PRAES} (102) nga shtëpia drejt derës dhe fillojnë_{.PRAES} (103) të përqafohen_{.CONJ.PRAES} (104) e vdesin_{.PRAES} (105) bashkë, ajo mbrenda e Dhoqina jashtë.

МК 18. Presheva, Serbia

Информант: 1970 г.р., род. в Прешево (Южная Сербия). Образование высшее. Перевод с сербского языка.

Ka qenë_{.PERF} (1) një grua që ka pasur_{.PERF} (2) nëntë djemë dhe një vajzë. Ka dodhur_{.PERF} (3) që tetë djem kanë vdekur_{.PERF} (4) dhe kanë mbetur_{.PERF} (5) njëri djal dhe vajza — Kostadini dhe Todija. Vëllau e ka mbrojtur_{.PERF} (6) motrën dhe e ka dërguar_{.PERF} (7) larg, tre muaj dhe tre ditë, përgjat detit të zi. Në fund e ka martuar_{.PERF} (8). Kur e ka martuar_{.PERF} (9), ai ka vdekur_{.PERF} (10). Kur vëllezërit e tij kanë vdekur_{.PERF} (11), ata kanë qenë_{.PERF} (12) të varrosur_{.PART.FLEX} (12a) mbrenda shtëpisë dhe vetëm Kostadini është varrosur_{.PERF} (13) tek varrezat. Kështu gruaja plakë ka mbetur_{.PERF} (14) vetëm dhe ka filluar_{.PERF} (14a) të mallkoj_{.CONJ.PRAES} (15): “Ndoshta nuk pe sheh_{.PRAES} (16) kumbarin dhe kumbaren,

o Konstadini im, kur e ke martuar_{.PERF} (17) Todijën larg, tre muaj e tre ditë, deri te deti i zi.” Në fund Zotit i ka ndodhur_{.PERF} (18), që e ka përjetuar_{.PERF} (19) Kostadini, i cili ka shkuar_{.PERF} (20) Konstadini ta sjellë_{.CONJ.PRAES} (21) motrën tij, pasi që nëna e tij e ka mallkuar_{.PERF} (22) natë e ditë.

Kur Konstadini ka dal_{.PERF} (23) nga sandëku i të vdekurëve, dhe ai vazhduar_{.PART} (24) për tekë (sic) motra e tij, larg, për tre muaj e tre ditë, deri tek deti i zi. Ka arritur_{.PERF} (26) atje dhe i ka thënë_{.PERF} (27) të motrës: “Eja motër të shkojmë_{.CONJ.PRAES} (28) tek tanët (në shtëpi).” Kur e pa_{.AOR} (29) të vëllanë, ajo e puti_{.AOR} (30) dhe i tha_{.AOR} (31): “Vëllau im, që në tokë erën po ta ndiej_{.PRAES} (32).” Dhe ai i tha_{.AOR} (33) asaj: “Përshkak të udhëtimit të gjatë.” U çua_{.AOR} (33a) dhe shkoj_{.AOR} (33b). Kalëruan_{.AOR} (34) dhe kalëruan_{.AOR} (35) dhe Todija, dhe motra e tij tha_{.AOR} (36): “Hajde të drekojmë_{.PRAES} (38). U ul_{.AOR} (39) që ta bind_{.CONJ.PRAES} (40)”. Gjatë drekës erdhe_{.AOR} (42) zogu dhe filloj_{.AOR} (43) të këndoj_{.CONJ.PRAES} (44): “Ciu-ciu të gjallët e të vdekurit po qëndrojnë_{.PRAES} (45) bashk e po drekojnë_{.PRAES} (46) bashkë. — “Konstadine vëllau im, kush është_{.PRAES} (48) ky zog i malluar (sic) që po këndon_{.PRAES} (49) kështu?” tha_{.AOR} (47) Todija. — “Todija, motra ime, zogu ka_{.PRAES} (48) këngën e tij.” U ngrit_{.AOR} (51) dhe kalëroj_{.AOR} (52), kalëro(j)_{.AOR} (53) dhe mandej u ndal_{.AOR} (54) të marr_{.CONJ.PRAES} (55) pak ajër nga të nxehtit. Përsëri zogu erdhë_{.AOR} (56) dhe filloj_{.AOR} (57) të këndoj_{.CONJ.PRAES} (57a): “Ciu-ciu të gjallët e të vdekurit po pushojnë_{.PRAES} (60).” Përsëri u ngrit_{.AOR} (61) e shkoj_{.AOR} (62). Kur shkoj_{.AOR} (63) Todija tha_{.AOR} (64): “O vëllau im, Konstadini, hajde të ulemi_{.CONJ.PRAES} (65) e t[’]i shikoj_{.CONJ.PRAES} (66) flokët.” U ulën_{.AOR} (67) e pe shikojn_{.PRAES} (68) njëri tjetrin. Motra tha_{.AOR} (69): “Konstadine, o vëllau im, flokët e tua po kanë_{.PRAES} (70) erë të rënd?” — Dhe ai iu përgjigjë_{.AOR} (71): “Përshkak të udhëtimit të gjatë, Todija, motra ime.” Dhe përsëri erdh_{.AOR} (72) zogu dhe këndoj_{.AOR} (73): “Ciu-ciu të gjallët dhe të vdekurit qëndrojnë_{.PRAES} (74) dhe shikojn_{.PRAES} (75) njëri tjetrin.” — “Konstadini, vëllau im, kush është_{.PRAES} (76) ky zog i mallkuar, që po këndon_{.PRAES} (77) kështu?” — Ai i tha_{.AOR} (78): “Todija, motra ime, zogu ka_{.PRAES} (79) këngën e tij.”

Po i afrohen_{.PRAES} (80) shtëpis dhe Konstadini po i thot_{.PRAES} (81) motrës së tij: “Motra ime, tie din_{.PRAES} (82) ku ndodhet_{.PRAES} (83) shtëpia ime, shko_{.IMP} (84) në shtëpi, se unë po shkoj_{.PRAES} (85) në treg me ble_{.INF} (86) peshk.” Ai shkoj_{.AOR} (87) dhe u fut_{.AOR} (88) në varres. Kur ata shkuan_{.AOR} (89), qeni i tha_{.AOR} (90) plakës: “Nënë, dil_{.IMP} (91) nga shtëpia, Todija po vjen_{.PRAES} (92).” — Dhe ajo i tha_{.AOR} (93): “Shko_{.IMP} (94) i mallkuar, atje ku është_{.PRAES} (95) Todija është_{.PRAES} (95a) tre muaj e tre dit, përgjat detit të zi.” Këndusi e macja e bën_{.AOR} (96) të njetën gjë. Dhe ajo përsëri i mallkoj_{.AOR} (97): “Ndoshta nuk

po i sheh_{.PRAES} (98) kumbarën dhe kumbarin, o Konstadini im, që e bëre_{.AOR} (98a) që Todija ime të martohet_{.CONJ.PRAES} (99), për tre muaj e tre ditë përgjatë detit të zi, larg.” Në atë moment Todija erdh_{.AOR} (100) dhe trokiti_{.AOR} (101) në der. Plaka e hapi_{.AOR} (102) derën dhe e përqafoj_{.AOR} (104) Todijën, dhe të dyja vdiqën_{.AOR} (105), ajo mbrënda, kurse Todija tek dera (jashtë).

МК 19. Tiranë

Информант: 1983 г.р., род. в Тиране. Образование высшее, не филолог. Перевод с русского языка.

Ishte_{.IMPF} (1) një grua e vjetër dhe kishte_{.IMPF} (2) nëntë djem dhe një vajzë. Ndrodhi_{.AOR} (3) që tetë djemtë vdiqën_{.AOR} (4) dhe vetëm një djalë dhe vajza mbetën_{.AOR} (5) në jetë — Kostandini dhe Doruntina. Vëllai e martoi_{.AOR} (6) motrën e tij me mblesëri 3 muaj dhe 3 ditë larg, përtej Detit të Zi. Kur ajo u martua_{.AOR} (9) vëllai vdiq_{.AOR} (10). Kur vëllezërit vdiqën_{.AOR} (11) ata u varrosën_{.AOR} (12) brenda shtëpisë dhe vetëm Kostandini u varros_{.AOR} (13) në varreza. Nëna mbeti_{.AOR} (14) e vetme duke mallkuar_{.GERUND} (15): “Mund_{.PRAES} (15a) të mos i shoh_{.CONJ.PRAES} (16) më bijtë e mi dhe as vajzën, o Kostandin që martove_{.AOR} (17) Doruntinën kaq larg, 3 muaj dhe tre ditë përtej Detit të Zi.” Më në fund Zoti u lodh_{.AOR} (18) dhe ringjalli_{.AOR} (19) Kostandinin dhe ai u nis_{.AOR} (20) të kthente_{.CONJ.IMPF} (21) motrën sepse nëna e kishte mallkuar_{.PLUSQ} (22) atë për ditë dhe netë.

Kur Kostandini u ngrit_{.AOR} (23) nga varri, arkivoli i tij u kthye_{.AOR} (24) në kalë dhe çarçafi u kthye_{.AOR} (25) në mbulesë të kalit dhe ai u nis_{.AOR} (26) për tek motra: “Hey motra ime, le të kthehem_{.CONJ.PRAES} (28) tek njerëzit tanë.” Kur ajo e pa_{.AOR} (29) e puti_{.AOR} (30) si motra vëllanë dhe i tha_{.AOR} (31): “Vëllai im pse kundërmon_{.PRAES} (32) erën e tokës dhe varrit?” Ai i tha_{.AOR} (33): “Sepse rruga ishte_{.IMPF} (33a) e gjatë.” Ata u ngritën_{.AOR} (33b) dhe kalëruan_{.AOR} (33b) për larg. Kur po drekonin_{.IMPF} (41) një zog u ndal_{.AOR} (42) dhe filloi_{.AOR} (43) të këndoi_{.CONJ.PRAES} (44): “Ciri-viu, viri-viu, një i vdekur me një të gjallë janë ulur_{.PERF} (45) dhe po hanë_{.PRAES} (46) bukë” — “Kostandin vëlla, çfarë është_{.PRAES} (48) ky drek zogu që këndon_{.PRAES} (49) kështu” — tha_{.AOR} (47) Doruntina. “Doruntinë o motra ime, zogu ka_{.PRAES} (50) këngën e tij.” Kështu ata u ngritën_{.AOR} (51) dhe kalëruan_{.AOR} (52) e kalëruan_{.AOR} (53) nga ai vend, më në fund ata ndaluan_{.AOR} (54) dhe morën_{.AOR} (55) frymë. Përsëri erdhi_{.AOR} (56) një zog dhe filloi_{.AOR} (57) të këndonte_{.CONJ.IMPF} (58): “Ciri-viu, cirri-viu një i gjallë dhe një i vdekur janë ulur_{.PERF} (59) dhe po pushojnë_{.PRAES} (60).” Ata u çuan_{.AOR} (61) përsëri dhe shkuan_{.AOR} (62). Rrugës Doruntina i tha_{.AOR} (64):

“Kostandin vëlla, le të ulemi_{.CONJ.PRAES} (65) dhe të shoh_{.CONJ.PRAES} (66) flokët për morra.” Kështu ata u ulën_{.AOR} (67) për të parë_{.SUPIN} (68) për morra njëri-tjetrit. Motra i tha_{.AOR} (69) atij: “Kostandin, vëlla, pse flokët e tu kudërmojnë_{.PRAES} (70) erë pluhur dhe erë dhe?” — Ai i thotë_{.PRAES} (71), “Doruntinë motër, prej rrugës së gjatë.” — Përsëri zogu erdhi_{.AOR} (72) dhe këndoi_{.AOR} (73), “Ciri-viu, viri-viu, një i vdekur dhe një i gjallë janë ulur_{.PRAES} (74) për të parë_{.SUPIN} (75) morrat e njëri-tjetrit.” “Kostandin, vëlla, çfare drej zogu është_{.PRAES} (76) ky që këndon_{.PRAES} (77) kështu?” — Ai i thotë_{.PRAES} (78): “Doruntinë motër, zogu ka_{.PRAES} (79) këngën e tij.”

Ata ju afruan_{.AOR} (80) shtëpisë dhe Kostandini i tha_{.AOR} (81) motrës së tij, “Motër ti e di_{.PRAES} (82) ku është_{.PRAES} (83) shtëpia jonë, shko_{.IMP} (84) në shtëpi pasi unë do të shkoj_{.FUT} (85) në pazar për të blerë_{.SUPIN} (86) peshk.” Dhe ai shkoi_{.AOR} (87) dhe hyri_{.AOR} (88) në varr. Kur po shkonin_{.IMPRF} (89) qeni i tha_{.AOR} (90) plakës: “Nënë eja, Doruntina po vjen_{.PRAES} (92)” — Ajo i tha_{.AOR} (93) qenit, “Zhduku_{.IMP} (94) ti gjë e mallkuar! Doruntina është_{.PRAES} (95) shumë larg, tre muaj dhe tre ditë përtej Detit të Zi” — Gjeli dhe macja vepruan_{.AOR} (96) njësoj si qeni dhe ajo po mallkonte_{.IMPF} (97) përsëri: “Nuk do të shoh_{.FUT} (98) më as bijtë e mi dhe as vajzën, o Kostandini im, ti që bëre_{.AOR} (98a) që Doruntina të martohej_{.CONJ.IMPF} (99) 3 muaj dhe tre ditë, larg, përtej Detit të Zi.” Në këtë moment Doruntina erdhi_{.AOR} (100) dhe trokiti_{.AOR} (101) në portë. Plaka shkoi_{.AOR} (102) për tek porta dhe të dyja filluan_{.AOR} (103) të përqafoheshin_{.CONJ.IMPRF} (104), dhe të dyja vdiqën_{.AOR} (105), ajo vdiq_{.AOR} (105a) brenda dhe Doruntina jashtë.

ПЕРЕВОД АЛБАНСКИХ ВЕРСИЙ «БАЛЛАДЫ О МЕРТВОМ БРАТЕ»

МБ 86 — «Боже, что говорит Халиль Гария...» (Веля-Мирдита)
и МБ 87 — «Боже, что сказал Халиль Гария?» (Северная Албания)¹⁹⁷

«Боже, что говорит Халиль Гария...» (Веля-Мирдита)	
<p>I. Экспозиция</p> <p>Zot, çkaf thotë^{FORE} (1) Halil Garria: Ve mi zotin trimi bani^{FORE} (2), — Pse nanë vllazën na si jemi, veç ni motër tjetër s'kemi, nanë dit rrugë na do ta apim?</p>	<p>Боже, что говорит,^{PRAS} (1) Халиль Гария? Дал.^{AOR} (2) юноша клятву Богу: «Ведь нас девять братьев, а другой сестры у нас нет, [зачем] за девять дней пути нам ее отдавать?»</p>
<p>II. Сватовство</p> <p>Qenka çu^{FORE} (3) djali fill prej shpie, shtek të largë ke paska marrë^{FORE} (4), paska votë^{FORE} (5) ke ni zotni i ranë.</p> <p>— Mramja e mirë, mori zotni! — Mirse vjen ti, djali i ri!</p>	<p>Пошел,^{PERF.EV-} (3) юноша прямо из дома, вот, в дорогу дальнюю отправился,^{PERF.EV-} (4), прибыл.^{PERF.EV-} (5) к важному господину.</p> <p>— Добрый вечер, господин! — Добро пожаловать, юноша!</p>
<p>I a dhanë^{FORE} (6) djalit mrenë ka hi^{FORE} (7). Kur ka ardhë^{BACK} (8) koha mas darke, plaku i shpisë e pvët^{FORE} (9) Garrinë:</p> <p>— Amanet mori djali i ri, a s'e ke noj çikë në votër? — Un e kam ni teme motër, be në zotin veç kam ba, sa t'jem xhallë mos me u martu. — Hej, fisnik, bre djalë, po m'duke... Un ç'at çikë qeshë tu ta kërkue.</p>	<p>Разрешили,^{PERF} (6) [юноше], и он внутрь вошел,^{PERF} (7). Когда прошло,^{PERF} (8) время ужина, хозяин дома спрашивает,^{PRAS} (9) Гарию: — Сделай мне одолжение, юноша, есть ли у тебя в доме девушка? — У меня есть только сестра, я дал клятву Богу, пока я жив, замуж ее не отдавать. — О юноша, ты мне кажешься благородным человеком... Я как-то раз ее сватал.</p>

¹⁹⁸ В приводимых версиях (*Zot, çkaf thotë Halil Garria — Velë-Mirditë*. Arapi 2007: 258–262; в списке версий см. МБ 86; *Zot, ç'ka thâtë Halil Garria* — Северная Албания. Visaret e kombit II 1937: 252–256, в списке версий см. МБ 87) для каждой формы в речи исполнителя/сказителя указана ее

«Боже, что сказал Халиль Гария?» (Северная Албания)	
Zot, ç'ká thâtië ^{FORE} (1) Halil Garrija? Bé mbí Zotin trimi bâni ^{FORE} (2): "Pse nândë vllazën na qi jemi, Veç nji motër tjetër s'kemi, Nândë dit udhë larg do t'a apim?"	Боже, что сказал. _{PRÆS} (1) Халиль Гария? Дал. _{AOR} (2) юноша клятву Богу: «Ведь нас девять братьев, а другой сестры у нас нет, [зачем] за девять дней пути нам ее отдавать?»
Asht çue ^{FORE} (3) djali fill prej shpjet; shteg të large tek paska marrë ^{FORE} (4); paska vojtë ^{FORE} (5) ke nji zotni ma i rândi: — "Mbramja e mire, more Zotni!" — "Mire se vjen, ti djalë i ri! A s'na rrin sande për darkë?"	Пошел. _{PERF} (3) юноша прямо из дома, вот, в дорогу дальнюю отправился. _{PERF.EV-} (4), прибыл. _{PERF.EV-} (5) к важному господину. — Добрый вечер, господин! — Добро пожаловать, юноша! Ты останешься сегодня вечером ужинать?
I â' dhânë ^{FORE} (6) djalit mrendë me hi ^{BACK} (7); fjalë burrnijet më paskan folë ^{FORE?} (7a). Kúr kâ ardhë ^{BACK} (8) koha e mbas-darkës, plaku i shpís po pëvetë ^{FORE} (9) Garrín: "Amanet, morë djalë i ri, ja a s'e ké ndoj çikë ne votër?" "Un e kam nji t'ême motër; bé mbí Zotin por kam bâ, se t'jém gjallë mos me e martue!" "Paj fisnik, more djalë, po m'duke; pesdhetë qese për ta kjeshë tuj të dhânë."	Разрешили. _{PERF} (6) юноше внутрь войти. _{INF} (7). Серьезно поговорили. _{PERF.EV-} (7a) они. Когда прошло. _{PERF} (8) время ужина, хозяин дома спрашивает. _{PRÆS} (9) Гаррию: — Сделай мне одолжение, юноша, есть ли у тебя в доме девушка? — У меня есть только сестра, я дал клятву Богу, пока я жив, замуж ее не отдавать. — О юноша, ты мне кажешься благородным человеком... Я как-то раз был готов отдать за нее 50 кошельков.

принадлежность к первому плану (Fore)/фону (Back). Речь героев выделена серым. Грамматические пометы приведены в виде глосс к русскому переводу, все расхождения между версиями отмечаются в переводе в квадратных скобках.

<p>Djalit menja i qeka kthie^{FORE} (10), fjalën mikut ja ka dhanë^{FORE} (11). Ka marrë^{FORE} (12) rrugën n'shpi ka shkue^{FORE} (13). Sa fort niska^{FORE} (14) me u penue^{BACK} (15)! Motra e tij vesht na e ka marrë^{FORE} (16).</p>	<p>Юноша мнение изменил.^{PERF.EV-} (10), слово другу дал.^{PERF} (11). Отправился.^{PERF} в путь (12), пошел.^{PERF} (13) домой. Как сильно он начал.^{PRAES.EV-} (14) раскаиваться.^{GERUND} (15)! Сестра его об этом узнала.^{PERF} (16).</p>
<p>— Pashë ni zot si të ka dhanë, pse, bre vlla, me mi marrë kaq ranë, nanë ditë rrugë lark pse me m'dhanë?</p>	<p>— Клянусь Богом, который тебя дал! Зачем, о брат, меня обручили так неудачно («тяжело»), за девять дней-пути, зачем меня давать?</p>
<p>— Hik moj motër, na i ka thanë^{FORE} (16a), për njat besë si ta kam dhanë, kur t'm'i mushësh plot nanë ditë, po vjen vllau e t'shef me sy; kur t'm'i mushësh plot nanë javë, vjen Halili t'merr në t'panë.</p>	<p>— О сестра, — он ей сказал.^{PERF} (16a), — [Я напоминаю] о той клятве, которую я тебе дал, когда пройдет девять дней, придет брат проведать тебя, когда пройдет девять недель, придет Халили взять тебя домой²⁴.</p>
<p>Nanëdhetë krushq na i paskan ardhë^{FORE} (17), kanë ardhë^{FORE} (18) nusen për me e marrë^{BACK} (19).</p>	<p>Девяносто дружек приехали.^{PERF.EV-} (17), приехали.^{PERF} (18), чтобы взять.^{INF} (19) ее в качестве невесты.</p>
<p>III. СМЕРТЬ БРАТЬЕВ Nanëdhetë krushq tanë kalori, paskan pasë^{FORE?} (20) të bardhën li. Pse t'nanë vllaznet lia i ka met^{FORE} (21), p'r'i ditë vllaznit të nanë kanë dekë^{FORE} (22).</p>	<p>Девяносто дружек, и все всадники, была.^{PERF.EV-} (20) у них белая оспа. Ведь девять братьев оспа убила.^{PERF} (21), за один день девять братьев умерли.^{PERF} (22).</p>
<p>IVв. ПРИЗВАНИЕ СЕСТРОЙ Askurxha motra me e ditë^{BACK} (23). Kur janë mushun^{BACK} (24) plot nanë ditë, kundron^{FORE?} (25) motra rrugën s'largut. As kurrxha nuk shef^{BACK} (26) me sy. Ulet rrin^{FORE} (27) n'hiet ni ahit, ban^{FORE} (28) kuven' me ni zog malit:</p>	<p>Ничего сестра не знает.^{INF} (23). Когда исполнилось.^{PERF} (24) девять дней, вглядывается.^{PRAES} (25) сестра в большую дорогу. Ничего не видит.^{PRAES} (26). Садится.^{PRAES} (27) в тени бука, советуется.^{PRAES} (28) с горной птицей:</p>

Se shpejt djalit mendja m' i u **ká kthye**^{FORE} (10). Fjalën mikut m' i a **ká dhânë**^{FORE} (11) edhë paret m' i a **ká marrë**^{FORE} (11a). Kúr â **dredhë**^{BACK} (11b) djali ne shpí se fort **niska**^{FORE} (14) **m' u pendue**^{BACK} (15). Edhë motra vesht **ká marrë**^{FORE} (16):

— Pásh nji Zot, qi ty t' **ká dhânë**! Pse bré vllâ, me m'marrë kaq rândë, nând dit udhë larg qi don me m' **dhânë**? —

"Hajt, mo'j motër!"

i **kâ thânë**^{FORE} (16a):

"Se për ket besë, qi t'a kém dhânë, kúr t'i mbushish plot nândë dite, vjen Halili e të shef me sy; kur t'i mbushish plot nândë javë, vjen Halili e t'merr ne t'pâm.["]

Nând-dhetë krushq tek **paskan ardhë**^{FORE} (17), **kan ardhë**^{FORE} (18) nusen **për me marrë**^{BACK} (19), **me dá**^{BACK} (19a) motrën prej vllaznijet;

Nând-dhetë vetë, të tânë kalori: **paskan pasë**^{FORE?} (20) të bardhën lí... Se të nândë vllaznit lija i **mbyti**^{FORE} (21);

as kurrçgâ motra **me dijtë**^{BACK} (23). Kúr **janë mbushun**^{BACK} (24) plot nândë dit, **kundron**^{FORE?} (25) motra rrugën s'largut, por kurrkend **s'po dán**^{BACK} (26) me sy. At-herë **pshtetet**^{FORE} (27) buzë nji ahit; **bân**^{FORE} (28) kuvend me nji zog malit:

Как быстро юноша мнение изменил.^{PERF} (10), слово другу дал.^{PERF} (11) и деньги взял.^{PERF} (11a). Отправился.^{PERF} в путь (12), пошел.^{PERF} (13) домой. Когда пришел.^{PERF} (11b) домой, как сильно он начал.^{PRAES.EV-} (14) рассказываться.^{GERUND} (15)! И тогда сестра об этом узнала.^{PERF} (16).

— Клянусь Богом, который тебя дал! Зачем, о брат, меня обручили так неудачно («тяжело»), за девять дней, которые требуются на дорогу, зачем меня давать?

— О сестра, —

он ей сказал.^{PERF} (16a),

— [я напоминаю] о той клятве, которую я тебе дал, когда пройдет девять дней, придет Халиль проведать тебя, когда пройдет девять недель, придет Халиль взять тебя домой²⁵.

Девяносто друзей приехали.^{PERF.EV-} (17), приехали.^{PERF} (18), чтобы взять.^{INF} (19) ее в качестве невесты, чтобы отделить.^{INF} (19a) сестру от братьев.

Девяносто друзей, и все всадники, была.^{PERF.EV-} (20) у них белая оспа. Ведь всех девятерых братьев оспа убила.^{AOR} (21).

Ничего сестра не знает.^{INF} (23). Когда исполнилось.^{PERF} (24) девять дней, вглядывается.^{PRAES} (25) сестра в большую дорогу. Ничего не видит.^{PRAES} (26). Садится.^{PRAES} (27) в тени бука, советуется.^{PRAES} (28) с горной птицей:

<p>— Amanet more zoku i malit të m'i thush vllaut tem Halilit, thuj ["Jyt motër mu m'ka thanë, ku e lae besën si m'ke dhanë["]?)</p>	<p>— Послужи мне горная птица, скажи брату моему Халилию, скажи «твоя сестра мне сказала, где клятва, которую ты мне дал?»</p>
<p>V. ВОССТАНИЕ ИЗ ГРОБА Shtatë vjet motra nejtë^{BACK} (29) tuj kja^{BACK} (30). Shtatë vjet zoku tuj flutruë^{BACK} (31), shtatë vjet vorrin tuj ja kërkue^{BACK} (32). Kur e gjet^{BACK} (33) në vorr Halilin, zogu djalit na i ka thanë^{FORE} (34):</p>	<p>Семь лет сестра продолжает.^{AOR} (29) плакать.^{GERUND} (30)²⁷, семь лет пролетала.^{GERUND} (31) птица, семь лет могилу проискала.^{GERUND} (32). Когда нашла.^{AOR} (33) Халилия в могиле, птица юноше сказала.^{PERF} (34):</p>
<p>— T'ka zanë vorri me besë t'dhanë!</p>	<p>— Тебя взяла могила с клятвой, которую ты дал.</p>
<p>Dhimt ke zoti si i ka ranë^{FORE} (35)...</p>	<p>К Богу со своей болью она обратилась.^{PERF} (35).</p>
<p>VI. ВСТРЕЧА С СЕСТРОЙ Nj'at'herë djali del^{FORE} (36) prej vorrit, na i ka ranë^{FORE} (37) gjogut në shpinë. Nanë ditë lark tuj shtegtue^{BACK?} (38), fill ke motra na ka shkue^{FORE} (39).</p>	<p>Сразу юноша вышел.^{PRAES} (36) из могилы, сел.^{PERF} (37) на коня. Девять дней пути едучи.^{GERUND} (38), поехал.^{PERF} (39) прямо к сестре.</p>
<p>Motra e vet çenka gazmuc^{FORE} (40). — Çou ti motër, n'shpi me shkue!</p>	<p>Сестра его обрадовалась.^{PERF.EV-} (40) — Эй, сестра, поедem домой!</p>
<p>— Po, lum motra,</p>	<p>— Да, братец,</p>

<p>"Amanet, more zogu i malit! M' i theuj vllaut, Halilit të ri, se ["jot'motër me më ká thânë: — Ku e laë besën, qi m'ké dhânë? ["] —</p> <p>Por n' at natë qi ki'n ardhë^{BACK} (28a) krushqit, shtat sahat motrën e ki'n përcjellë^{BACK} (28b), kúr ki'n kthye^{BACK} (28c) n' oborr t' sarajit, të nândë vllaznit vrán^{FORE} (28d) shoshojn;</p> <p>Shtat vjet motra ndëj^{BACK} (29) tuj kja^{BACK} (30); shtat vjet zogu tue flurue^{BACK} (31); shtat viet vorrin tue kërkue^{BACK} (32):</p>	<p>— Послужи мне горная птица, скажи брату моему Халилю, скажи «твоя сестра мне сказала, где клятва, которую ты мне дал?»</p> <p>Но в ту ночь, когда приехали.^{PLUSQ} (28a) дружки, девять часов они провожали сестру.^{PLUSQ} (28b), когда они вернулись.^{PLUSQ} (28c) во двор дворца, девять братьев убили.^{AOR} (28d) друг друга²⁶.</p> <p>Семь лет сестра продолжает.^{AOR} (29) плакать.^{GERUND} (30), семь лет пролетала.^{GERUND} (31) птица, семь лет могилу проискала.^{GERUND} (32):</p>
<p>"T' ká xânë vorri me besë të dhânë: T' pret nji motër, t' pret nji nânë!"</p> <p>Dhimët te Zoti i paska rã^{FORE} (35):</p> <p>— Çou, Halil, ti! Hajt e merre! —</p>	<p>— Тебя взяла могила с клятвой, которую ты дал. Тебя ждет сестра, тебя ждет мать!</p> <p>К Богу со своей болью она обратилась.^{PERF. EV-} (35).</p> <p>— Встань, Халиль! Забери ее!</p>
<p>Qat-herë djali â dalë^{FORE} (36) prej vorrit, ne shpinë të gjokut, si kish' pas' rã^{FORE} (37). Nândë dit udhë larg tue shtegtue^{BACK?} (38), po i del^{FORE} (39) para, tue ngã^{BACK} (39a), e motra:</p>	<p>Сразу юноша вышел.^{PERF} (36) из могилы, сел.^{PLUSQ} (37) на коня. Девять дней пути едучи.^{GERUND} (38), и выходит.^{PRESENT} (39) прямо к нему, поспешая.^{GERUND} (39a), сестра.</p>
<p>"Mire se vjen, Halili i motrës!" "Mire se të gjâj, mo'j motra e ême!" "Hajde mbrendë me pi nji kafe!" "S'ké pse m'ton, mo'j motra e ême: bukë kam ngrânë, kafe kam pi, por shtërngou e t' shkojmë ne shpi!" "Po, lum motra!"</p>	<p>— Добро пожаловать, Халиль, брат мой! — Здравствуй, сестра моя! — Входи и выпей кофе! — Не нужно меня приглашать, сестра моя. Я съел хлеба и я выпил кофе, но собирайся и пойдем домой. — Да, братец, —</p>

<p>— i paska thanë^{FORE} (41). Edhe gati çenka ba^{FORE} (42), morën^{FORE} (43) rrugën dalë ka dalë.</p>	<p>— сказала.^{PERF.EV-} (41). И приготовилась.^{PERF.EV-} (42) она, и отправились.^{AOR} (43) они в путь потихоньку.</p>
<p>VII. ПРИМЕТЫ Kur kanë votë^{BACK} (44) në një shej vënit, — po i thotë^{FORE} (45) motra t'vllaut, Halilit: — Era dhë, bre vlla, po t'vjen. — Нес, мой мотër, zoti t'vraftë, pse nanë vllazën si jem kanë, nanë saraje i kemi bamë, tuj bajtë gurë, tuj bajtë ranë, era dhë pranaj më vjen. Kur kanë vot^{BACK} (46) pak ma përtej:</p>	<p>Когда приехали.^{PERF} (44) в святое место, говорит.^{PRAES} (45) сестра брату, Халилю: — О брат, от тебя пахнет землей. — Поедем, сестра, убей тебя Бог, ведь нас девять братьев было, девять дворцов мы построили, носили камни, носили песок, вот и пахнет землей. Когда проехали.^{PERF} (46) немного и опять:</p>
<p>— Bjeri fillit — na i ka thanë^{FORE} (47), — — Нес, мой мотër, — na i ka thanë^{FORE} (48), — pse nanë vllazën si jem kanë, e nanë fej si i kemi pasë, t'nan've bashkë na u kemi ra, copë gjuhët na janë ba...</p>	<p>— Сыграй на флейте, — сказала^{PERF} (47) ему. — Поедем, сестра, — сказал.^{PERF} (48) ей, — ведь нас девять братьев, девять флейт у нас было, на всех девяти мы вместе играли, наши языки устали.</p>
<p>Kur kanë dalë^{BACK} (49) në ni lak kodër, na i ka pa^{FORE} (50) sarajet e veta, të xhithë zi edhe vrugue. Po i thotë^{FORE} (51) motra t'vllaut, Halilit:</p>	<p>Когда вышли.^{PERF} (49) на вершину холма, увидела.^{PERF} (50) она свои дворцы, все черные и разоренные. И говорит.^{PRAES} (51) сестра брату, Халилю:</p>

<p>— i paska thănë^{FORE} (41): Edhë veshet (41a) e shtërngohet^{FORE} (42); marrin^{FORE} (43) rrugën dalë-kadalë.</p>	<p>сказала.^{PERF.EV-} (41). И одевается.^{PRAES} (41a), и снаряжается.^{PRAES} (42); и отправились.^{PRAES} (43) они в путь потихоньку.</p>
<p>Kúr kan shkue^{BACK} (44) der'm'nji shëj vendit, na i tha^{FORE} (45) motra të vllá't, Halilit:</p>	<p>Когда приехали.^{PERF} (44) в святое место, говорит.^{AOR} (45) сестра брату, Халилию:</p>
<p>"Era dhé, bre vllá, po t' vjen?!" — Hec, mo'j motër, Zoti t' vraftë! Se nândë vllazën, qi kemi kânë; nândë saraje kemi mkâmbë; tuj bajtë gur, tuj bajtë gelqere, prandej era dhé mue më vjen. — Kúr kan shkue^{BACK} (46) pak ma përtej,</p>	<p>— О брат, от тебя пахнет землей. — Поедем, сестра, убей тебя Бог, ведь нас девять братьев было, девять двorcов мы построили, носили камни, носили известь, вот и пахнет землей. Когда проехали.^{PERF} (46) немного и опять:</p>
<p>"Bjeri fyellit, vllá!["], — i ká thănë^{FORE} (47). — Hec, mo'j motër! — djali i ká thănë^{FORE} (48): ["]se nândë vllazën, qi kém kânë; se nândë fej, qi kemi pasë; të nândve s'bashkut na u kém rá; të gjithve gjuha copa â' bâ.["] — Ç' po kuvendin^{FORE} (48a) dy zogj malit!</p>	<p>— Сыграй на флейте, брат, — сказала.^{PERF} (47) ему. — Поедем, сестра, — сказал.^{PERF} (48) ей, — ведь нас девять братьев, девять флейт у нас было, на всех девяти мы вместе играли, наши языки устали.</p>
<p>"Me nji çudë, qi sot po shofin! Shkon i gjalli udhës me të deknin ... !["] "Ndiej, more vllá!" — motra po i thotë^{FORE} (48b):</p>	<p>О чём беседуют.^{PRAES} (48a) две горные птицы!</p>
<p>"Shka kuvendin zo'jt e malit?!" — Hec mo'j motër, Zoti t' vratët, Qi u mba' vesh ti zojve t' malit! Për ne marrsh vesh ti zojt e malit për trí vjet ke shpija s' mriñjmë. — Qi po dolin^{FORE?} (49) m'nji lak kodre! Na i ká pã^{FORE} (50) sarajet e veta: të gjitha zí edhë rrugue.</p>	<p>— Что за чудо мы сегодня видим! Едут по дороге живой и мертвый!.. — Слушай, брат! — говорит.^{PRAES} (48b) ему сестра:</p>
<p>"Shka kuvendin zo'jt e malit?!" — Hec mo'j motër, Zoti t' vratët, Qi u mba' vesh ti zojve t' malit! Për ne marrsh vesh ti zojt e malit për trí vjet ke shpija s' mriñjmë. — Qi po dolin^{FORE?} (49) m'nji lak kodre! Na i ká pã^{FORE} (50) sarajet e veta: të gjitha zí edhë rrugue.</p>	<p>— О чём беседуют горные птицы? — Поедем, сестра, убей тебя Бог, за то, что ты слушаешь горных птиц! Будешь слушать горных птиц, за три года до дома не доберемся. И вот вышли.^{PRAES} (49) на вершину холма! Увидела.^{PERF} (50) она свои дворцы, все черные и разоренные.</p>

<p>— T'fortë konaçet çenkan rrxue²⁸...</p>	<p>— Крепкие дворцы, оказывается, разрушились!</p>
<p>— Hec, moj motër — i paska thanë^{FORE} (52), — pse nanë vllazen si jem kanë, e nanë nuse i kemi marrë, nan'çin krushk na i kemi pasë, të xhithë tuj kcye e tuj lodru, deri konaçet na i kanë rrxu, tim i pushkve i ka vrugue. Kur kanë dalë^{BACK} (53) prap me ni lak kodret, na i ka pa^{FORE} (54) nanë vorre t'bardha. Sa trishtim motra ka marrë^{FORE} (55)!</p> <p>— Zot, kto vorre po shkaf janë? Unë çë tu si kam pasë lanë! — Po ti hec, moj motërzeza, pse nanë vllazen si jem kanë, nanë dibranë na i kemi pasë, të tanë kanë dekë e i kem vorrue.</p>	<p>— Поедем, сестра,— сказал.^{PERF.EV-} (52) ей, — ведь нас девять братьев, девять невест мы взяли, девятьсот дружек у нас было, так все танцевали и веселились, что дворцы обрушились, дым ружей их опалил. Когда вышли.^{PERF} (53) дальше на пригорок, увидела.^{PERF} (54) девять белых могил. Как опечалилась.^{PERF} (55) сестра!</p> <p>— Боже, что за могилы? Я их здесь не оставляла! — Поедем, моя бедная сестра, ведь нас девять братьев, девять строителей у нас было, они умерли и мы их похоронили.</p>
<p>VIII. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БРАТА Kur kanë votë^{BACK} (56) pak ma përtej:</p>	<p>Когда проехали.^{PERF} (56) немного:</p>
<p>— Shko përpara, — na i ka thanë^{FORE} (57) — po kam fjalë me ni njeri...</p>	<p>— Иди вперед, — сказал.^{PERF} (57) ей, потому что у меня разговор с одним человеком...</p>
<p>A nisë^{FORE} (58) çika po shkon^{FORE} (59) në shpi.</p>	<p>Пошла.^{PERF} (58) девушка и отправилась.^{PERF} (59) домой.</p>
<p>IX. ВСТРЕЧА МАТЕРИ И ДОЧЕРИ Ka xhetë^{FORE} (60) t'amën tuj kja^{BACK} (61) në hi. — Ç'ke ti, nanë, si po më kjanë? Kush ma mirë se ri s'ka qanë...</p>	<p>Нашла.^{PERF} (60) мать, которая плакала.^{GERUND} (61) в пепле. — Что такое, мама, почему ты плачешь? Кто лучше тебя плакал в молодости...</p>

"Të fort' koniqe kânkân rrxue!"	— Крепкие дворцы, оказывается, разрушились!
Po i thotë ^{FORE} (51a) vllaut-o motra e vet. "Нец, bre motër,	— говорит. ^{PRAES} (51a) брату его сестра. — Поедем, сестра,
Zoti t'vraftë! Paj nândë vllazën na kém kânë, e nândë nuse kemi marrë; nânqind krushq na kemi pasë; tânë tuj kyce e tuj lodrue, derë koniqet na i kan rrxue, e timi i pushkve i ká vrugue."	убей тебя Бог, ведь нас девять братьев, девять невест мы взяли, девятьсот друзей у нас было, так все танцевали и веселились, что дворцы обрушили, дым ружей их опалил.
Paskan hipun ^{FORE} (53) prap m'nji kodër, paskan pã ^{FORE} (54) nândë vorre t' bardha; sá trishtim motra ká marrë ^{FORE} (55)!	Вышли. ^{PERF.EV-} (53) дальше на пригорок, увидела. ^{PERF.EV-} (54) девять белых могил; как опечалилась. ^{PERF} (55) сестра!
"Po kto vorre, Zot, çka janë? Un qetû s'i kam pasë lânë...!" "Po ti hec, mori motër-zeza! Pse nândë vllazën kemi kânë: nândë dibranë na kemi pasë, të tânë kan dekë: na i kém vorrue"	— Боже, что это за могилы? Я их здесь не оставляла! — Поедем, моя бедная сестра, ведь нас девять братьев, девять строителей у нас было, они умерли и мы их похоронили.
Kúr kan vojhtë ^{BACK} (56) pak ma përtej, i vllaj s'motrës i ká thânë ^{FORE} (56a): "Mbaj-m' a kalin, mori motër,	Когда проехали. ^{PERF} (56) немного, брат сестре сказал. ^{PERF} (56a): — Подержи коня, сестра,
se po kam nji fjalë me 'i njeri!"	потому что у меня разговор с одним человеком...
Kúr ka vojhtë ^{BACK} (58) vajza ke shpija,	Когда поехала. ^{PERF} (58) девушка домой,
Ká gjetë ^{FORE} (60) t' âmën mbas caranit:	Нашла. ^{PERF} (60) мать у печного камня:
"Ç'ké qi kjân mo' j nâna e ême? Ti nândë reja i ké marrë"	— Что такое, мама, почему ты плачешь? У тебя девять невесток.

<p>— Hik, biké, zoti të vraftë! Se çish ditën si ke shku ti, vllaznit tu janë mlu me dhë...</p>	<p>— Иди, дочь, убей тебя Бог! Ведь в тот день, когда ты ушла, братья твои [были] покрыты землей...</p>
<p>Me ke ardhe?</p>	<p>— С кем ты приехала?</p>
<p>— na i ka thanë^{FORE} (62).</p>	<p>— сказала._{PERF} (62) ей <мать>.</p>
<p>— Me Halilin, —</p>	<p>— С Халилем, —</p>
<p>na i ka thanë^{FORE} (63).</p>	<p>сказала._{PERF} (63) ей.</p>
<p>— Shuj, biké, zoti të vraftë! Se Halili xhinet dekë.</p>	<p>— Молчи, дочь, убей тебя Бог! Ведь Халиль мертв.</p>
<p>Dorë për dorë na qenkan marrë^{FORE} (64), në funt të shkallës paskan ra^{FORE} (65), kurrkund djalin s[’]je kan pa^{FORE} (66). Na kanë shku^{FORE} (67) te vorri i djalit. Me xhall djali nuk a nie^{FORE} (68), veç krahin jashtë e ka shtie^{BACK?} (69), nanë e bi qanë çu^{FORE} (70) në kamë, n’grika-n’grika qanë marrë^{FORE} (71), në vorr t’Halilit dekun ranë^{FORE} (72).</p>	<p>Взялись._{PERF.EV-} (64) они за руки, спустились._{PERF.EV-} (65) вниз по лестнице, не увидели._{PERF} (66) никакого юноши. Пошли._{PERF} (67) на могилу юноши. Живым он голоса не подал._{PERF} (68), только руку наружу он высунул._{PERF} (69) снаружи. Мать и дочь пошли._{PERF.EV-} (70), обнялись._{PERF.EV-} (71) и на могиле Халиля упали._{AOR} (72) мертвыми.</p>

— Shuej, bre bi, ty Zoti t'vraitë! Se qysh ditën, qi ké shkue ti, djelmt e mij kan vrá shojsho'jnë; vllaznit t'ue janë mblue me dhé! —	— Иди, дочь, убей тебя Бог! Ведь в тот день, когда ты ушла, мои сыновья убили друг друга, братьев твоих похоронили...
Po e pëvetë ^{FORE} (60a) plaka të bín:	Спрашивает. ^{PRAES} (60a) мать дочь:
— Me kâ' erdhe, mo'j bi?	— С кем ты приехала, дочь?
— i ká thânë ^{FORE} (62).	— сказала. ^{PERF} (62) ей.
"Besa, erdha me Halilin."	— Клянусь, я приехала с Халилем.
— Mos fol ma, he Zoti t' vraitë! Se Halili gjindet dekun. —	— Не говори больше, дочь, убей тебя Бог! Ведь Халиль мертв.
Prap kuvendë ^{FORE} (63a) nâna me t'bin:	Потом говорит. ^{PRAES} (63a) мать дочери:
— Kesh t' a shof me sy Halilin, e t'i shndroj me ta dy fjalë! —	— Я бы хотела увидеться с Халилем и обменяться с ним двумя словами!
Kânkân marrun ^{FORE} (64) dora-doras e n' fund t' shkallve kânkân rá ^{FORE} (65): kurkund djalin a' e kan pà ^{FORE} (66).	Взялись. ^{PERF.EV-} (64) они за руки, спустились. ^{PERF.EV-} (65) вниз по лестнице, не увидели. ^{PERF} (66) никакого юноши.
Paskan vojte ^{FORE} (67) tu vorri i djalit; na i ka thirrë ^{FORE} (67a): "Halil Garri!,, Djali gjallë ma nuk â' ndie ^{FORE} (68), Veç se krahin jashtë ká shti ^{BACK?} (69). Nânë e bi janë çue ^{FORE} (70) në kâmbë; ngrykangrykas kânkân marrë ^{FORE} (71): n' vorr t' Halilit dekun rân ^{FORE} (72)!	Пошли. ^{PERF.EV-} (67) на могилу юноши, стали его звать. ^{PERF} (67a): «Халиль Гаррия!». Живым юноша голоса не подал. ^{PERF} (68), только руку наружу он высунул. ^{PERF} (69). Мать и дочь пошли. ^{PERF} (70), обнялись. ^{PERF.EV-} (71) и на могиле Халилия упали. ^{AOR} (72) мертвыми.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ВЕРСИЙ «БАЛЛАДЫ О МЕРТВОМ БРАТЕ»¹⁹⁹

Болгарские версии

1. *А мар Викийо ле, жан Викийо.* «Жуви са са пригърнали, мъртви ги са разделили» (с. Гайтаниново, Гоцеделчевско. Баллади 1993, № 307);

2. *Број! хранил̄ и мајк̄ гледжл̄.* «Кжту сж жуви стиснжли, Чи сж сж мжртви пуснжли!» (с. Върбица, Османь-Пазарска околия, Шуменско. Шишманов 1898, IX);

3. *Де са е чуло, видяло три п̄ти жена да близни, три п̄ти по три момчета.* «Като се живи хванали, и са се мъртви пуснали» (с. Върбица, Преславско. Баллади 1993, № 303);

4. *Де са е чуло, видяло три п̄ти жена да близни, три п̄ти се по три сина.* «Двете с Петкана плакали, дорде са двете умрели» (с. Преслав, Бердянський уезд, Таврическая губерния, Украина. Върбански 1910, № 290);

5. *Де съ и чулу, видялу три п̄ти жина д̄ близни, три п̄ти пу три мумчет̄.* «Ина съ другъ пригрьш̄т; луде си думъ издум̄т, двети съ душ̄ придали, н̄ черн̄ зима п̄днали» (с. Спасово, Чирпанско. Керемидчев 1954: 80–83);

6. *Доине, Доине, иелин Доине.* «Па са живи прегжрнале, Мржтви сж са разделиле» (Панагюрише. Шишманов 1898, XLVIII);

7. *Драгано, бела Драгано! Заискали са Драгана.* «Па се живи пригърнали, Мртви са се раздел̄или» (с. Бобошево, Дупнишко. СбНУ 42, 220–221);

8. *Душле Др̄гани згледници Приз девит сила в дисету Ут Прил̄бнуву З̄гори.* «Чи сж жуви фан̄хж, И сж мъртви пусн̄хж» (Елена. СбНУ 27, 167);

¹⁹⁹ Мы приводим первые и последние строки каждой песни, а также место записи и место публикации.

9. Душе сж сгледници, iугледници. «Чи сж живи фанжли Чи сж мъртви пуснжли» (с. Червена Вода, Русенско. Шишманов 1898, XLI);

10. Една Фикиа у макя мугю девет милни бракя. «Живи се са пригърнали, мъртви се са разгърнали» (Банско. СБНУ 48, 220–221);

11. За Коика душе сгледници. «Мама си Коика пригърнж, Двете сж заіну умрели» (Карнобатско. Шишманов 1898, № 20);

12. Заженила са Петкана, Јот саде и хора доідоха. «Та си са живи фанале, И са сж мъртви пуштили» (с. Крета, Врачанско. Шишманов 1898, XXIII);

13. Заискали іелин Доіна От хубава Будин града. «Па се живи фанали, Мъртви са пуснали» (Етрополе. Шишманов 1898, XXVIII);

14. Заискали са Неделя, Недельо, йегне баюва, от камънлива Клисуро. «От милост са прегърнали, та ги мъртви разгърнали» (с. Войнягово, Карловско. Баллади 1993, № 304);

15. Запросише жлту Дунк'у, Дунк'у мак'а там не дава. «Оне се живе састаише, Мртве растаише» (Место неизв. СБНУ 41, 418–419);

16. Засакали су Петкану Јот девет добри домове. «И си се живе ставише, И мъртве ги разделише» (Чипоровци, Западная Болгария. Шишманов 1898, XXXVIII);

17. Засакаха іелин Доіна През три хора у Загоре. «И двете се пригърнали, Пригърнали и умрели» (с. Гайтаниново, Новоселска околия, Софийско. Шишманов 1898, XXVI);

18. Имала е мама имала, До деветъ сына родени, И една дъщерка Петкана. «Чи ся живи фанали Пжкъ се мъртви пуснали» (Место неизвестно. Шишманов 1898, XVII);

19. Имала ^еа маіка сина Кустадина, Сина Кустадина дашт'ар'а ^еАленка. «И си са ^еАленка сас душа разд'али» (Централни Родопи, Турово, с. Устово. Шишманов 1898, II);

20. Имала и майка, имала И'на дъщерка — Петкана. «Кат' сж се живи хванали, Мъртви сж се пуснали!» (Русенско? Шишманов 1898, XLIX);

21. Имала і маіка, имала, До девет сина рождени. «Как се двете прегърнаха И се с душа разделиха» (с. Волюяк, Софийско. Шишманов 1898, XLVII);

22. Имала і мама имала і, Имала девит синковца. «Живи сж се фанали, Мъртвички сж се пуснали» (с. Казачево, Ловченско. Шишманов 1898, XIV);

23. *Имала і мама, имала і, Имала і девет синове.* «С Петранка се живи фанали, Пжк сж се мъртви пуснали» (с. Стражица, Кесаровска околия. Шишманов 1898, XLVIII);

24. *Имала ѝ мама, имала ѝ до девет сина левенти, една дъщеря Петрана.* «Живи са се прегърнали и мъртви са се пуснали» (с. Павел, Свищовско. Балади 1993, № 302);

25. *Имала ѝ мама, имала ѝ до девет сина рождени, една дъщеря Петрана.* «Двете са живи фанали и са са мъртви пуснали» (с. Розово, Казанлъшко. Балади 1993, № 299);

26. *Имала ѝ мама, имала ѝ дур девет сина левенти, една дъщеря Петранка.* «И са живи прегърнали, и двете мъртви останали» (с. Коларово, Тутраканско. Балади 1993, № 305);

27. *Имала майка имала Една дъщерка Петкана.* «Па са са живи фанеле, Мъртви са са разделиле» (Тетевен. Шишманов 1898, XXI);

28. *Имала майка, имала, До девет мили синове.* «Живи сж двете пригърнаа, И мъртви сж разделиа!» (Перушица. Шишманов 1898, XV);

29. *Имала майка, имала, Имала девет синове, Една даштер'а Петкана.* «Та ми са живи зграпчиха, А па са мртви пустиха» (Тетевенско. СбНУ 31, 224);

30. *Имала майк'а, немала Имала девет синове, Десета беше Петкана.* «Па съ се живи фанале, Ела се мртви пуштите» (с. Кнежа, Раховско. СбНУ 41, 407–409);

31. *Имала майкѡа, имала Дор девет души синове — іедна дъщерка Петкана.* «Живи са са фанале Тана са мъртви пуштите!» (Ребърково, Врачанско. СбНУ 26, 1909);

32. *Имала майка, гледала до деветина синове и енна Дойке петимна.* «Майка хи панна отвътре, Дойчица панна отвънка, та са и двяте умряли» (с. Българи. СбНУ 57, 116–119);

33. *Имала майка, гледала до деветина синове. Отде се чума задала, та ги сичките умори.* «Умряла и кя е паннала умряла» (Малко Гърново. СбНУ 57, 116–119);

34. *Имала майка, гледала Дур деветинж синуве, И юна дъщеря Херина.* «Дурде Ирина да види, Паднж си майка загинж» (с. Яткѡй, Родопско. СбНУ 38, 22–23);

35. *Имала майка, имала до девет сина рождени. Искат Драгана да женат през девет села ф десету.* «Та ѝе Драгана прегърнала. Не мужала да ѝе целуне, ами са з душа раздели» (Копривщица. СбНУ 46, 54–55);

36. *Имала майкъа, имала, Имала девет синове.* «Живи са се прегжрнале Мжртфи са се разгжрнале!» (Орхание. Шишманов 1898, XLVI);

37. *Имала майкъа девет мили сина, И десета сестра Янгелина.* «Тогаи ву се с душа раставила» (Кюстендилско. Шишманов 1898, № LVIII);

38. *Имала мама гледала Дур деветина синуве, Ъна Ирина дъщерь.* «Я си пудаде ржчица, Едната отвънка умряла, Другата ютнетръ умряла» (с. Юсюк, Родопско. СбНУ 38, 20–21);

39. *Имала мама имала До деветъ сына рождени.* «Че ся живи пригжрнаха Че са мъртви пуснаха» (Северна България. Шишманов 1898, XXXIX);

40. *Имала мама, имала До деветина синове.* «Живи са са пригжрнале, Мржтви са са разгжрнале» (Копривщица. Шишманов 1898, X);

41. *Имала мама, имала, Имала девет синове.* «Живиса се прегжрнале, Мржтви са се разгжрнале» (Пирдоп. Шишманов 1898, XIX);

42. *Ималж ѝ мамж, ималж ѝ, Дур дивитинж синувѝ, Идна дъщѝре Грузданкж.* «Дветѝж сж жуви фанѝли, И сж са мъртви пуснѝли» (с. Лазарци, Еленско. СбНУ 27, 164–165);

43. *Имѝлж мамѝ гледѝлж Ду девѝт синѝ близнакѝ.* «Живи сѝ пригжрнѝли А мъртви сѝ пуснѝли» (Ловченско. Шишманов 1898, XI);

44. *Имѝлж ѝ мамж, имѝлж ѝ, Ду девѝт синж руждени И иднж дъщѝри Питранкж.* «Чи сж сж жуви фанѝли, Умрели сж (сж) пуснѝли» (Елена. СбНУ 27, 165–166);

45. *Имжлж і мамж, имжлж і, Дур девѝт ми синувѝ.* «Живи сж сж фанжли, Мржтви сж сж пуснжли» (с. Краль-Бунарѝ, Г. Орѝховско. Шишманов 1898, XLII);

46. *Имжлж і мамж, имжлж і, Дур девѝт синувѝ.* «Живи сж тѝи пригжрнжжж, А сж пжж мжртви пуснжжж» (с. Айдемирѝ, Силистрѝнско. Шишманов 1898, XL);

47. *Имжлж мамж девѝт синкуфѝци.* «Па сж сж те пригжрнжли, Пиштѝли нж двор и умрели» (Ловеч. Шишманов 1898, XXII);

48. *Имжлж мамж, немжлж, Ду девѝжт синж имжлж.* «Чи кжт сж жуви фанжли, Чи сж сж мржтви пуснжли» (Котленско. Шишманов 1898, I);

49. *Іана маїка на далеко дава; Не ште Іана, де іа маїка дава.* «Па са на вратник живи фанжле Па сж мржтви тѝе разделиле» (Ловченско);

50. *Іанко, моме Іанко!* «Двете се живи фанале, И се с душа разделиле» (Софийско. Шишманов 1898, XVIII);

51. *Иану макъа на далеко дава, Из пианџи-та у Леву-реку.* «Обе живе Некуь пригърнуше, И тамо се с'душу раставише» (Трънско. СБНУ 22–23, 17–18);

52. *Кату макъа на далеко дава През две воде, през четири горе.* «Ставише се и с'душу разделише» (с. Слишовци, Трънско. Шишманов 1898, № LX);

53. *Море, бре богатка, ле, тая майка.* «Живи са се прегърнале, мртви са се разделиле» (с. Виногради, Санданско. Балади 1993, № 309);

54. *Роди майка девет сина девет сина, една штерка, една штерка Дан Фикиа.* «Живи са се прегърнали, мртви са ги расставили!» (с. Лешко, Горно Джумайско. Стоилов, № 42, с. 84–85);

55. *Роди макия девет мила си-девет мила сина.* «Живи са се прегърнали, мртви са се разделили» (с. Ковачевци, Самоковско. Балади 1993, № 301);

56. *Три пътя майка близнила, се по трима синове.* «Както се двете прегръшат, и двете мрямор станали» (с. Новоселец, Новозагорско. Балади 1993, № 300);

57. *Хранила и майка пазила, На люцкж хуркж и махалкж.* «Както ся живи прегърнали, А мъртви сж ся раскопчили» (Русенско. Шишманов 1898, XII);

58. *Хранила ѝ майка, гледала дор девет сина рождени.* «Живи са се прегърнали, мъртви са се пуснали» (с. Партизанин, Чирпанско. Балади 1993, № 297);

59. *Храньжлж і маікж, гледжлж і Дур девьжт синж руждени, Ина джитирьа — Кжсаткж.* «Двети сж жуви фанжли, Ж чи сж мъртви пуснжли» (Сливенско. СБНУ 22–23, 66–68);

60. *Чувала мала-мача, гледала Доръ деветъ сина родьены.* «Жива се съ майка здравили — Мертвы се пуштили» (Берковско. Шишманов 1898, XVI);

61. *Яна макия надалеко дава, Далег, далег — отът Черно море.* «Двете са се с'уста цалунали, И двете са з'душа растахнали» (с. Доброславци, Софийско или Ботевградско. СБНУ 44, 125);

Македонские версии

62. *Благатичка таја маіка, Што породи девет сина И десета џан Фекиа.* «От жалба сж душа дали, Душа дали на Господъа» (Македония. Шишманов 1898, № IV);

63. *Бре блазја га таја мајка, што родила девјат сина, девјат сина, идна керка.* «Живи си са прегрнали, мртви си са раздилили» (Македонија, с. Бараклија, Демирхисарско-Серско. Стоилов 2000: 86–87);

64. *Дај се, Дојко, дај се наша сестро.* «Живи се со мајка си загжрнале, Мжртви се одгжрнале» (Македонија, Велес. Шишманов 1898, № LI);

65. *Јана мама на далеку дава. Јана нејке де ја мама дава.* «Еако са се живи прегжрнале, Така са ги мжртви разделиле» (Македонија, Штип. Шишманов 1898, № LXIV);

66. *Јану мајка на далеко дава, Јана нејке дек гу мајка дава.* «Они са се живи прегжрнале, Двете са ги мжртви раздвоиле» (Македонија, Кратово. Шишманов 1898, № LI);

67. *Јованка солдзи ронише На деветъ сина колнеше.* «Двете се прегърнаа, Двете во едножъ умреа» (Македонија. Шишманов 1898, VI);

68. *Кинисала Вида на вода На вода на бела чешма.* «Вида мајка си прегжрна, И двете, тука умреа» (Македонија, Прилеп. Шишманов 1898, № LXVII);

69. *Мори која била таа мајка, Мори, што родила седем сина.* «Живи се са, мори, фанали, Мжртви се са раздилили» (Восточная Македонија, с. Хотово, Меличко. Шишманов 1898, VI);

70. *О, мжр фикиио, Цан-Фикиио.* «Жуви сж са пригжрнжли, Мжртви сж са раздилили» (Източна Македонија, с. Кърчово, Демирхисарско. Шишманов 1898, V);

71. *Оре блазе си ја таја мајка.* «Се грабнале, заплакале Два камеина ми станале» (Южная Македонија, Леринско. Шишманов 1898, XXXIV);

72. *Попитале Ангелина Преку поле Гобрицово.* «Како двете ми укнале, Така завол ми пукнале» (Южная Македонија, с. Крушије, Преспанско. Шишманов 1898, XXXVII);

73. *Попитале Елинъ Дойка Горна долна Руменлиа.* «Како си сѣ прегушна'е, Така си сѣ уда'и'е» (Македонија, Струга. Шишманов 1898, XXXII);

74. *Што си биле девет бракава.* «Дури свеки изгореле, Дури киски овенале, Двете тука си умреле» (Македонија, Прилеп. Шишманов 1898, XXXIII);

75. *Јана бара на големо.* «Се зграбнале, се бациле, Двете синар останале» (Южна Македонија, Загоричани, Костурско. Шишманов 1898, XXXV);

Албанские версии

76. *Çudë m'ish konë, çudë p'e kallxojnë.* «Qaty qyqa, thojnë, sebep ô bô, të mushet mënja nimên si me konë» (Северная Албания. Trnavci 1975: 201–205.);

77. *Ish kônë ni Fatimja e gratë.* «Të dyja n'grykë kokan marrë Kry për kry shpirti u ka dalë, Zoti e i madhi shehit e ka bô!» (Gorozhup i Gurit të Hatë të Hasit. Trnavci 1975: 221–224);

78. *Ni motër i kish pasë nônë vllazni.* «Çabat e poplli besojnë se sa herë qyqja t'bôn: “Ku-ku!”, qaq vjet kanë me rruu» (Gllanasellë / Drenicë. Trnavci 1975: 231–232);

79. *Ishin konë djemt nonë vllazni.* «Të dyja — thon' — qyqe që jonë bonun! Pej atëher' — thonë — qyqet jonë nxonun!» (Bajgora e Shalës. Trnavci 1975: 211–212);

80. *Ishte një plakë edhe kishte nëntë djemë.* «Zunë të ziren ndë qafët edhe vdiqnë ke të diojë, ajo ke jashtë edhe ajo ke mbrenda» (Крушово. Шапкарев 1894: 513–515, приводится также перевод на болгарский; Шишманов 1898: 5–6);

81. *Kur ish kan motra me shtat vllazen.* «Naje vorrit e ka përspletë, e për doret e ka kap. Aty vorri na u myll. Maje vorrit' ajo ka plas» (Shëngjin-Lezhë. Arapi 2007: 253–257);

82. *Nan vllazën in pa kan e kin pas ni motr pr mall.* «Kan marr shkallën tu u gjit prpjet, Ngryka ngryka nân e bij kan dek» (Berishë, Pukë. Çabej 1975: 94–96);

83. *Nan vllazën kishin pasë nji motër.* «Edhe n'grikë nana e ka marrë. E shehit Zoti i ka lanë» (Brut-Has. Këngë popullore 1955: 31–34);

84. *Paj m'ish kanun Fatime devojka.* «Edhe vaja kabuile iu ba. Sa t'jenë gjith dynjaja për me rrrue për Halilin — o me ba „ku-ku-e!” der n'kjamet ato kshtu kan me ba» (Shala e Bajgorës. Shala 1972: 104–107);

85. *Shtatë vllazën ishin kenë.* «Vorr në vorr vajin e kanë marrë, maje vorrit Halilit t'dyja kanë plasë» (Lezhë. Këngë popullore 1955: 34–41);

86. *Zot, çkaf thotë Halil Garria.* «N'grika-n'grika qanë marrë, në vorr t'Halilit dekun ranë» (Velë-Mirditë. Arapi 2007: 258–262);

87. *Zot, ç' ká thâtië Halil Garrija.* «Ngryka-ngrykas kâncan marrë: N' vorr t' Halilit dekun rân» (Северная Албания. Visaret e kombit II 1937: 252–256).

СОКРАЩЕНИЯ

ACC	аккузатив
(AD)MIR	(ад)миративность
AGRCL	атрибутивный артикль (в албанском)
AOR	аорист
AUX	вспомогательный глагол
CL	клитика
COND	кондиционал
CONCL	конклюдивность
CONJ	конъюнктив
CONJAGR	аналитический маркер конъюнктива (болг. и макед. <i>да</i> , албанск. <i>të</i>)
DAT	датив
DEF	определенность
DUB	дубитативность
EP	эпистемичность
EV	эвиденциальность
FEM	женский род
FUT	будущее
FUT.ANT	будущее предварительное
FUT.PRAET	будущее в прошедшем
FUT.PRAET.ANT	будущее предварительное в прошедшем
GERUND	герундий
IMP	императив
IMPF	имперфект
INDEF	неопределенность
LPART	л-причастие
MASC	мужской род
NEG	отрицание
NPART	причастие на <i>n</i>
NEUT	нейтральные формы

OPT	оптативность
PART	неизменяемое причастие
PART.FLEX	изменяемое причастие
PASS	пассивный залог
PERF	перфект
PL	множественное число
PLUSQ	плюсквамперфект
PRAES	настоящее время
REFL	возвратность
REP	репортативность
SG	единственное число
STEM	основа
SUPIN	супин

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексова 2003 — *Алексова К.* Адмиративът в съвременния български език. София, 2003.

Андрейчин 1938=2010 — *Andrejczyn L.* Kategorie znaczeniowe konjugacji bułgarskiej. Kraków, 1938. (Переиздание на българском языке в: Л. Андрейчин. Глаголната система в съвременния български език. София, 2010. С. 11–89.)

Андрейчин 1944 — *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София, 1944.

Андрейчин 1949 — *Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка. М., 1949.

Андрейчин 1952 — *Андрейчин Л.* Към въпроса за аналитичния характер на съвременния български език // Български език, № 1–2, 1952. С. 20–30.

Андрейчин 1974 — *Андрейчин Л.* По въпроса за изпускането на спомагателния глагол *e, sa* в минало неопределено време и в съставно именно сказуемо // Български език, № 6, 1974. С. 536–538. (Переиздание: Л. Андрейчин. По въпроса за изпускането на спомагателния глагол *e, sa* в минало неопределено време и в съставно именно сказуемо // Л. Андрейчин. Глаголната система в съвременния български език. София, 2010. С. 123–127.)

Аронсон 1973 — *Аронсон Г.* Морфология българского словоизменения. М., 1974.

Арутюнова 2000 — *Арутюнова Н.Д.* Показатели чужой речи *de, дескать, мол.* К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Н.Д. Арутюнова (ред.). Язык о языке, М. 2000. С. 437–453.

Арутюнова 2002 — *Арутюнова Н.Д.* Вступление. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Н.Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 3–18.

Асенова 1989 — *Асенова П.* Балканско езиковедение. София, 1989. (Второе издание: П. Асенова. Балканско езиковедение. Велико Търново, 2002.)

Асенова 2004 — *Асенова П.* Преизказването на глаголното действие в българския език — проява на балканския манталитет? // Българистични студии. София, 2004. С. 34–43.

Баева 2000 — *Баева А.* Времена глагола и разказвателните системи в българския книжовен език. Шумен, 2000.

Балади 1993 — Български народни балади и песни с митически и легендарни мотиви. (Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. LX. Ч. 2.) София, 1993.

Барт 2003 — *Барт Р.* Система моды. Статъи по семиотике культуры. М., 2003. (= R. Bart. Structure du fait divers. Paris, 1962.)

Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. Москва, 1974.

БЕР — Български етимологичен речник. Том I-. София: БАН, 1979-.

Березкин 2012 — *Березкин Ю. Е.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (проверено 1 февралю 2013).

Бирнбаум 1985 — *Бирнбаум Х.* О двух направлениях в языковом развитии // Вопросы языкознания, № 2, 1985. С. 35–47.

БК 1860 — [Автор неизвестен.] За българската граматика на Г. Мирковица // Български книжици, III, кн. 20, 1860. С. 162–169.

БНТ — Българско народно творчество в тринадесет тома. София, 1961–1963.

Божков 1984 — *Божков Р.* Димитровградският (царибродският) говор. София, 1984. (Трудове по българска диалектология. Книга XII.)

Бондарко 1971 — *Бондарко А. В.* Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.

Бояджиев 1972 — *Бояджиев Т.* Говорът на с. Съчанли, Гюмюрджинско. София, 1972. (Трудове по българска диалектология. Книга VII.)

Бояджиев 1979 — *Бояджиев Т.* Говорът на тракийските преселници в с. Орешник, Елховско // К. Мирчев, Хр. Топалова (ред.). Българска диалектология. Проучвания и материали. Книга XI. София, 1979. С. 3–78.

Бояджиев и др. 1998 — Т. Бояджиев, И. Куцаров, Й. Пенчев. Съвременен български език (фонетика, лексикология, морфология, синтаксис). София, 1998.

Бояджиева 2007 — *Бояджиева С.* «Прости форми» и вестникарски дискурс // Български фолклор, кн. 2, 2007. С. 5–25.

БТР 2004 — *Андрейчин Л., Георгиев Л., Илиев Ст., Костов Н., Леков Ив., Стойков Ст., Тодоров Цв.* Български тълковен речник. / Доп. и прераб. от Д. Попов. София, 2004.

БФП 1994 — *Даскалова-Перковска Л., Добрева Д., Коцева Й., Мицева Е.* Български фолклорни приказки. Каталог. София, 1994.

Вайнрих 1978 — *Вайнрих Х.* Текстовая функция французского артикля // Т. М. Николаева (ред.). Новое в зарубежной лингвистике VIII. Лингвистика текста. М., 1978. С. 370–387.

Валтер 1989 — *Валтер Х.* По въпроса за наклоненията в съвременния български книжовен език // *Език и литература*, № 1, 1989. С. 3–9.

Васева 1990 — *Васева И.* Использование частиц для выражения пересказывания в болгарском и русском языках // *Славистични изследвания*, 6, 185–200.

Васева 1995 — *Васева Ив.* Преизказването в българския и руския език // *Прояви на междуетникова асиметрия при превод от чужд на български език*. 2. С., 1995., с. 7–97.

Васева 2003 — *Васева Ив.* Косвенная речь в болгарском и русском языках // *Русистика 2003: Язык, коммуникация, культура*. Шумен (использована електронна публикация на <http://www.russian.slavica.org/article650.html>, 24.11.09).

Визмер 2008 — *Wiemer B.* Показатели с цитативной и инферентивной функциями в русском и польском языках — коммуникационные механизмы семантического сдвига // *Wiemer B. und Plungjan V. A. (Hg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen*. München–Wien 2008. (*Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72*). S. 335–375.

Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва–Ленинград, 1947.

Войников 1866 — *Войников Д.* Кратка българска граматика. Пловдив, 1866.

Върбански 1910 — *Върбански А. В.* Песните на бердянските българи. Ногайск, 1910.

Гајдова, Лаброска 2008 — Категоријата дистанца во македонскиот, во българскиот и во српскиот јазик (граматички и лексички показатели) // Реферати на македонските слависти за XIV-от Меѓународен славистички конгрес во Охрид, 10–16 септември 2008 година. Скопје, 2008. С. 79–93.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т. Г., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. I. Тбилиси, 1984.

Георгиев 1952 — *Георгиев Вл.* Опит за периодизация на историята на българския език // *Известия на Института по български език*, № 2, 1952. София, 1952.

Георгиев 1957 — *Георгиев Вл.* Възникване на нови сложни глаголни форми със спомагателен глагол «имам» // Известия на Института по български език, № 5, 1957. С. 40–50.

Георгиева 1980 — *Георгиева И.* Пересказывательные формы болгарского глагола и их перевод на русский язык // Български език, 1980, 30. С. 506–512.

Герджиков 1984 — *Герджиков Г.* Преизказването на глаголно действие в българския език. София, 1984.

Грамматика 1983 — Стоянов С. и др. (ред.) Грамматика на съвременния български книжовен език. Том II. Морфология. София, 1983.

Гълъбов 1965 — *Гълъбов Л.* Говорът на с. Доброславци, Софийско // С. Кабанов, М. С. Младенов, С. Стойков (ред.). Българска диалектология. Проучвания и материали. Книга II. София, 1965. С. 3–118.

Дапчева 2003 — *Дапчева Й.* Пересказывательные формы глагольных времен в современных болгарских газетах (функциональный аспект) // Исследование славянских языков и литературы в высшей школе: Достижения и перспективы. М., 2003.

Демина 1959 — *Демина Е. И.* Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. Москва, 1959. С. 313–378.

Демина 1970 — *Дьомина Е.* Към историята на модалните категории на българския глагол // Български език, № 5, 1970. С. 410–420.

Демина 1973 — *Демина Е. И.* К вопросу о генезисе модальных категорий болгарского индикатива // Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков (15–16 января 1974 г.). Предварительные материалы. М., 1973. С. 13–17.

Демина 1974 — *Демина Е. И.* Место прошедших времен в системе модальных оппозиций болгарского индикатива // Езиковедски изследвания в памет на проф. Ст. Стойков. София, 1974. С. 363–368.

Демина 2007 — *Демина Е. И.* Социолингвистическият аспект проблемы языковых контактов на Балканах // Межъязыковое влияние в истории славянских языков: социокультурный аспект. М., 2007. С. 136–155.

Демина 2008 — *Демина Е. И.* К дискуссии о месте адмиратива в системе болгарского глагола // В търсене на смисъла и инварианта. Сборник в чест на 80-годишнината на проф. Дина С. Станишева. София, 2008. С. 173–180.

Демирај 1994 — *Демирај Ш.* Балканска лингвистика. Скопје, 1994.

Десницкая 1982 — *Десницкая А. В.* К вопросу о значении и происхождении категории адмиратива в албанском языке // Македонски јазик, № 32–33, 1981–1982. С. 171–186.

Десницкая 1986 — *Десницкая А. В.* К семантике албанского адмиратива // Вопросы языка и литературы народов балканских стран. Л., 1986. С. 28–41.

Десятова 2007 — *Десятова М. Ю.* Балканороманский глагол. М., 2007.

Динев 1993 — *Динев П.* В света на българската народна балада // Л. Богданова и др. Български народни балади и песни с митически и легендарни мотиви. Част I. София, 1993. (СБНУ, кн. 60, ч. 1.) С. 24–37.

Зализняк 2007 — *Зализняк А. А.* Семантика кавычек // Труды Международного семинара «Диалог'2007» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2007. (Электронная версия: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm, проверено 30.01.2013).

Жугра, Шарапова 1998 — *Жугра А. В., Шарапова Л. В.* Говор албанцев Украины // Ю. Г. Кузьменко (ред.). Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. СПб, 1998. С. 117–51.

Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008

Замбова 2000 — *Замбова А.* Манипулативни езикови стратегии в печата. С., 2000.

Зевахина 2010 — *Зевахина Н. А.* Непропозициональное содержание высказывания: экскламативы, эвиденциалы // Acta Linguistica Petropolitana, том 4, ч. 3 / Под ред. Н. Н. Казанского. СПб., 2010.

Иванов 1965 — *Иванов Вяч. Вс.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.

Иванов 1977 — *Иванов Й.* Български преселнически говори. Говорите от Драмско и Сярско. Част I. Типологическа характеристика и описание на говорите. София, 1977. (Трудове по българска диалектология. Книга IX.)

Иванова 2002 — *Иванова Ж.* Речевая деятельность как фрагмент языковой картины мира: Интерпретация вторичности информации в русском и болгарском языках // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков, Шумен. Опубликовано на <http://www.russian.slavica.org/article142.html> (проверено 26.11.09, на 1.02.2013 страница не открывается).

Иванчев 1978 — *Иванчев С.* Проблеми на развитието и функционирането на модалните категории в българския език // С. Иванчев. Приноси в българското и славянското езикознание. София, 1978. С. 80–91.

Илчев 1974 — *Илчев С.* (ред.). Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. София, 1974.

Кабасанов 1956 — *Кабасанов С.* Говорът на с. Момчиловци, Смолянско // Ст. Стойков (ред.). Известия на Института по български език, № 4. София, 1956. С. 5–102.

- Кепески 1946 — *Кепески К.* Македонска граматика. Скопје, 1946.
- Керемидчев 1954 — *Керемидчев Г.* Народният певец дядо Вичо Бончев. София, 1954.
- Кибрик 2003 — *Кибрик А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Диссертация в виде научного доклада, составленная на основе опубликованных работ, представленная к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2003.
- Кметова 1986 — *Кметова Т.* За английския превод на преизказните форми в новелата на Е. Станев «Когато скрежът се топи» // Съпоставително езиковедие, 4, 1986. С. 41–47.
- Ковачев 1968 — *Ковачев С.* Троянският говор // М. С. Младенов, С. Стойков (ред.). Българска диалектология. Проучвания и материали. Книга IV. София, 1965. С. 161–242.
- Козинцева 1994 — *Козинцева Н. А.* Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания, № 3, 1994. С. 92–104.
- Козинцева 2007 — *Козинцева Н. А.* Типология категории эвиденциальности // В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 13–36.
- Конески 1967 — *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1967.
- Конески 1986 — *Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1986.
- Константинов 1970 — *Константинов А.* Бай Ганьо // А. Константинов. Съчинения в два тома. София, 1970. Т. I.
- Косеска-Тошева 1975 — *Косеска-Тошева В.* Турцизъм ли е имперцептивната модалност в българския език? // Език и литература, № 4, 1975. С. 71–74.
- Котова, Янакиев 2001 — *Котова Н., Янакиев М.* Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М., 2001.
- Кочев 1969 — *Кочев И.* Гребенският говор в Силистренско (с особен поглед към лексикалната му система). София, 1969. (Трудове по българска диалектология. Книга V.)
- Кузнецова 2004 — *Кузнецова А. И.* Каким может быть статус эвиденциальности и ирреалиса? // Ю. А. Ландер и др. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 88–106.
- Кузнецова, Усенкова 2006 — *Кузнецова Н. Г., Усенкова Э. В.* Инференциал в ненецком языке // *Linguistica Uralica* XLII, 4, 2006. С. 276–296.

Куцаров 1978а — *Куцаров И.* Преизказни модификатори в южните славянски езици // Съпоставително езикознание 1978, № 4. С. 41–54.

Куцаров 1978б — *Куцаров И.* Преизказни модификатори в източните славянски езици // Съпоставително езикознание, № 5, 1978. С. 40–48.

Куцаров 1978в — *Куцаров И.* Преизказни модификатори в западните славянски езици // Съпоставително езикознание, № 6, 1978. С. 47–54.

Куцаров 1978г — *Куцаров И.* Функционално-семантически полета на категорията преизказност в славянските езици // Славянска филология, т. 15. София, 1978. С. 391–401.

Куцаров 1984 — *Куцаров И.* Преизказването в българския език. София, 1984.

Куцаров 1993 — *Куцаров И.* Чешките и словашките преводни еквиваленти на българските конклузивни форми // Съпоставително езикознание, № 6, 1993. С. 15–24.

Куцаров 1994 — *Куцаров И.* Едно екзотично наклонение на българския глагол. София, 1994.

Куцаров 2007 — *Куцаров И.* Теоретична граматика на българския език. Морфология. Пловдив, 2007.

Куцаров (в печати) — *Куцаров И.* Преизказването // Съпоставително езикознание (в печати).

Кънчев 1968 — *Кънчев И.* Говорът на с. Смолско, Пирдопско // М. С. Младенов, Ст. Стойков (ред.). Българска диалектология. Проучвания и материали. Книга IV. София, 1965. С. 5–160.

Леч 1971 — *Леч Р.* О специфическом характере грамматической интерференции, связанной с происхождением так называемых пересказывательных форм болгарского языка // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971. С. 173–181.

Летучий 2008 — *Летучий А.* Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность // Wiemer B. und V. A. Plungjan (Hg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen. München–Wien 2008. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72). S. 215–238.

Лопашов 2008 — *Лопашов Ю. А.* Греческая народная баллада об Арети // Colloquia classica et indo-germanica — IV / Н. Н. Казанский (отв. ред.). СПб., 2008. (Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. IV. Ч. 1). С. 494–498.

Лорд 1994 — *Лорд А. Б.* Сказитель. М., 1994.

Макарцев 2008а — *Макарцев М.* К вопросу о связи лексических и грамматических показателей эвиденциальности в болгарском языке // Wiemer B. und Plungjan V. A. (Hg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen

Sprachen. München–Wien 2008. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72). S. 239–284.

Макарецов 2008б — *Макарецов М.* XVI конференция по балканским и южно-славянским языкам и культурам // Балканско езикознание, XLVII, 2–3, 2008. С. 199–205.

Макарецов 2009а — *Макарецов М. М.* Категория эвиденциальности в балканских языках: современный взгляд на проблему // Славяноведение, № 2, 2009. С. 74–90.

Макарецов 2009б — *Макарецов М. М.* Чи съ живи фанъли, чи съ мъртви пунъли — несвидетельские формы как маркер конца текста // И. А. Седакова и др. (ред.), Доклады российских ученых. X Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Париж, 24–26 сентября 2009 г.). СПб., 2009. С. 198–216.

Макарецов 2009в — *Макарецов М. М.* Финал «Баллады о мертвом брате»: пересказ, переключение кода и превращение // И. А. Седакова и др. (ред.). Переходы. Перемены. Превращения. (Балканские чтения 10. Тезисы и материалы.) М., 2009. С. 169–176.

Макарецов 2009г — *Макарецов М. М.* Дискурсивный аспект употребления глагольных форм в двух албанских версиях «Баллады о мертвом брате» // Балканско езикознание / Linguistique balkanique XLVIII (2009), 3. С. 233–250.

Макарецов 2009д — *Макарецов М. М.* XVI конференция по балканистике и югославистике // Вопросы языкознания, № 2, 2009. С. 148–151.

Макарецов 2010а — *Макарецов М. М.* Цвет и свет в балканославянских и албанских вариантах «Баллады о мертвом брате» // Балканский спектр: от света к цвету. Тезисы и материалы 22–24 марта 2011 года. (Балканские чтения 11.) М., 2011. С. 105–113.

Макарецов 2010б — *Макарецов М. М.* Растительный код в «Балладе о мертвом брате» // *Salix sonoga*. Памяти Николая Михайлова. М., 2011. С. 232–253.

Макарецов 2010в — *Макарецов М. М.* От мертвого к живому: метаморфозы в балканской «Балладе о мертвом брате» // Топоровские чтения I–IV. Избранное. Москва, 2010. С. 182–195.

Макарецов, Жерновенкова 2010 — *Макарецов М. М., Жерновенкова Т. Г.* Болгарский язык. Справочник по грамматике. М., 2010.

Марковиќ 2007 — *Марковиќ М.* Ароманскиот и македонскиот говор од охридско-струшкиот регион во балкански контекст. Скопје, 2007.

Маслов 1956 — *Маслов Ю. С.* Очерк болгарской грамматики. М., 1956.

Маслов 1962 — *Маслов Ю. С.* К семантике болгарского конъюнктива // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Кн. 316, вып. 64. С. 6–10.

Маслов 1981 — *Маслов Ю. С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.

Медведева 2008 — *Медведева М. В.* Границы эвиденциальности и эпистемической модальности // [Ученые записки Пятигорского государственного университета] (электронная публикация, доступно на: Медведева М. В. Границы эвиденциальности и эпистемической модальности: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/II/uch_2008_II_00034.pdf, проверено 01.02.2013).

Метева-Русева 2009 — *Метева-Русева Е.* Чуждото слово — начин на употреба от българските вестници // *Le mond diplomatique*. Българско издание. 1.06.2009 (электронная публикация: <http://bg.mondediplo.com/article426.html>; проверено 01.02.2013).

Миркович 1860 — *Миркович Д. Г.* Кратка и методическа българска граматика. Цариград—Галата, 1860.

Мирто 2008 — *Мирто Љ.* Начинот на изненаденост во албанскиот јазик и изразните јазични средства во македонскиот јазик // XXXV Научна конференција — лингвистика (Охрид, 11.VIII.-28.VIII.2008). Скопје, 2008. С. 47–52.

Мирчев 1978 — *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1978.

Мишеска-Томиќ 1984 — *Мишеска-Томиќ О.* Прекажаноста како модална категорија // Зборник во чест на академикот Блаже Конески. Скопје, 1984. С. 161–170.

Мишеска-Томиќ 2006 — *Мишеска-Томиќ О.* Прекажаноста — балканско јазично кодирање на вонјазичната стварност // Балканска слика на светот. Зборник од меѓународната научна работилница одржана во Скопје на 5–6 декември 2005 година. Приредувач Ката Ќулавкова. Скопје, 2006.

Младенов 1969 — *Младенов М. С.* Говорът на Ново Село, Видинско (принос към проблема на смесените говори). (Трудове по българска диалектология. Книга XII.) София, 1969.

Младенов 2008 — *Младенов М.* Диалектология. Балканистика. Етнолингвистика. Лингвистично наследство. София, 2008.

Молошная 1989 — *Молошная Т. Н.* Категория пересказывания болгарского глагола (обзор) // Советское славяноведение, № 2, 1989. С. 63–78.

Молошная 1995 — *Молошная Т. Н.* Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках // Вяч. Вс. Иванов, Т. Н. Молошная, А. В. Головачева, Т. Н. Свешникова. Этюды по типологии грамматических категорий славянских языков. Москва, 1995. С. 60–150.

Николаева 1985 — *Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985.

Николаева 2008 — *Николаева Т. М.* Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих» частиц). М., 2008.

Ницолова 1998 — *Ницолова Р.* Основни тенденции в развитието на българския печат след 10.11.1989 г. // Езикът на медиите у нас (Медиите и езикът). София, 1998.

Ницолова 2006 — *Ницолова Р.* Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица в болгарском языке // Вопросы языкознания, № 4, 2006.

Ницолова 2007 — *Ницолова Р.* Модализированная эвиденциальная система болгарского языка // В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 107–196.

Ницолова 2008 — *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. София, 2008.

Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.

Падучева (в печати) — Е. В. Падучева. Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации (в печати).

Панева 1981 — *Панева К.* Перевод болгарских пересказывательных форм на русский язык // Болгарская русистика, 1981, № 5. С. 86–93.

Пантелеева 1988 — *Пантелеева Х.* Кондиционалът в съвременния български книжовен език. София, 1988.

Пашов 1994 — *Пашов П.* Практическа българска граматика. София, 1994.

Пенчев 1994 — Й. Пенчев. Модалност и време // Съпоставително езикознание, № 6, 1994. С. 28–37.

Петроска 2008 — *Петроска Е.* За таканаречената прекажаност во македонскиот јазик // Реферати на македонските слависти за XIV-от Меѓународен славистички конгрес во Охрид, 10–16 септември 2008 година. Скопје, 2008. С. 269–277.

Плунгян 2004 — *Плунгян В. А.* Предисловие // Исследования по теории грамматики — 3. Ирреалис и ирреальность / Ред. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. М., 2004. С. 9–27.

Плунгян 2008 — *Плунгян В. А.* О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие // Wiemer B. und Plungjan V. A. (Hg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen. München–Wien 2008. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72). S. 285–312.

Плунгян 2009 — *Плунгян В. А.* Общая морфология: введение в проблематику. Москва, 2009. (Первое издание: М., 1990.)

Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Плунгян, Гусев, Урманчиева 2008 — Плунгян В., Гусев В., Урманчиева А. (ред.). Грамматические категории в дискурсе (= Исследования по теории грамматики 4). Москва, 2008.

Попов 1956 — *Попов К.* Говорът на с. Габре, Белослатинско // Ст. Стойков (ред.). Известия на Института по български език, кн. IV. София, 1956. С. 103–176.

Попов 1967 — *Попов К.* Нови данни за произхода на преизказните глаголни форми в българския език // Език и литература, № 6, 1967.

Поспелов 1948 — *Поспелов Н. С.* Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, вып. 2. М., 1948.

Пропп 1928 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М., 1928.

Пфютце 1978 — *Пфютце М.* Грамматика и лингвистика текста // Т. М. Николаева (ред.). Новое в зарубежной лингвистике VIII. Лингвистика текста. М., 1978. С. 218–242.

Първев 1958 — Хр. Първев. Из «предисторията» на проблемата за преизказното наклонение // Български език, № 4–5. С. 434–441.

Радулов 1870 — *Радулов С.* Начална граматика за изучение на български език. Кн. I. Белград, 1870.

Ралев 1977 — *Ралев Л.* Говорът на с. Войнягово, Карловско // К. Мирчев, Т. Костова, Х. Топалова (ред.). Българска диалектология. Прочувания и материали. Книга XVIII. София, 1977. С. 3–200.

Репина 2003 — *Репина Т. А.* Теоретическая грамматика румынского языка. СПб., 2003.

Романски 1936 — *Романски Ст.* [Рецензия на:] *Weigand G. Der Admirativ im Bulgarischen. Balkan-Archiv. Fortsetzung des Jahresberichtes des Instituts für rumänische Sprache. I Band. Leipzig 1925, 150–152* // Македонски прѣгледъ. Списание за наука, литература и общественъ животъ. Год. II, кн. 3, 1926. С. 143–145.

Русаков 2004 — *Русаков А. Ю.* Албанский язык: между Востоком и Западом // IX Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. Доклады российских ученых. СПб., 2004. С. 259–274.

Серебрянников 1950 — *Серебрянников Б. А.* Краткий очерк грамматики албанского языка // Р. Д. Кочи и Д. И. Скенди (сост.). Краткий албанско-русский словарь. С. 385–464.

Смурова 2011 — *Смурова О. В.* Степень уверенности и обоснованность как компоненты значения эпистемических модальных операторов // Вестник Московского государственного лингвистического университета, вып. 27 (633), Языкознание. Когнитивно-функциональное направление в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. М., 2011. С. 67–78.

Соболев 2001 — *Соболев А. Н.* Болгарский широколыкский говор. Синтаксис. Лексика духовной культуры. Тексты. (Materialen zum Südosteuropasprachatlas. Bd. 1.) Marburg an der Lahn, 2001.

Станков 1967 — *Станков В.* Категории на индикатива в съвременния български език // Български език, № 17, 1967. С. 330–344.

Стоилов 2000 — *Стоилов А. П.* Македонски народни умотворби. Скопје, 2000.

Стоичкова, Чаушева 1995 — *Стоичкова С., Чаушева Е.* Преизказно наклонение в някои средства за масово осведомяване // Социолингвистика и комуникация. Проблеми на социолингвистиката 4. София, 1995.

Стойков 1967 — *Стойков Ст.* Банатският говор. (Трудове по българска диалектология. Книга III.) София, 1967.

Стойков 1968 — *Стойков Ст.* Българска диалектология. София, 1968.

Стойков и др. 1956 — *Стойков Ст.* и др. Говорът на с. Говедарци, Самоковско // Ст. Стойков (ред.). Известия на Института по български език, кн. IV. София, 1956. С. 255–338.

Стойков, Бернщейн 1964 — Програма за събиране материали за Български диалектен атлас // Български диалектен атлас. Том I. Югоизточна България. Ст. Стойков, С. Б. Бернщейн. Част 2. Статии, коментари, показалци. София, 1964. С. 173–182.

Стоянов 1964 — *Стоянов С.* Граматика на българския книжовен език. София, 1964.

Сытов 1979 — *Сытов А. П.* Категория адмиратива в албанском языке и ее балканские соответствия // А. В. Десницкая (ред.). Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979. С. 90–133.

Теодоров-Балан 1887 — *Теодоров-Балан А.* Неуспех по български език в нашите училища // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София, т. 21–22. С. 500–523.

Теодоров-Балан 1898 — *Теодоров-Балан А.* Български език. Методична граматика за долните класове на средни училища. Кн. I. Пловдив, 1898.

Теодоров-Балан 1899 — *Теодоров-Балан А.* Български език. Методична граматика за долните класове на средни училища. Кн. II. Пловдив, 1899.

Теодоров-Балан 1940 — *Теодоров-Балан А.* Нова българска граматика. София, 1940.

Тополињска 1995 — *Тополињска З.* Македонските дијалекти во Егејска Македонија. Книга I. Синтакса. Том I. 1. Механизми на префикација. 1.1. Конструкции на глаголски предикати. Скопје, 1995.

Топоров 1980 — *Топоров В. Н.* Модель мира // Мифы народов мира. Энциклопедия. Том II. М., 1980. С. 181–184.

Топоров 1994 — *Топоров В. Н.* О мифопоэтическом пространстве. (Studi slavi, № 2.) Pisa, 1994.

Тофоска 2008 — *Тофоска С.-С.* Глаголски предикати-носители на информацијата за евиденцијалност во македонскиот и полскиот јазик // XXXV Научна конференција — лингвистика (Охрид, 11.VIII–28.VIII.2008). Скопје, 2008. С. 303–310.

Трифонов 1905 — *Трифонов Ы.* Синтактични бележки за соединението на минало действително причастие с глагола съм в новобългарския език // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София, т. 69, кн.1–2. С.1–40.

Умленски 1965 — *Умленски И.* Кюстендилският говор. (Трудове по българска диалектология. Книга I.) София, 1965.

Употреба 2009 — Употреба на корпуса Браун // <http://dcl.bas.bg/corpus/bg/use/> (проверено 21.09.2009, 01.02.2013 не откривається).

Ускова 1986 — *Ускова Р. П.* К вопросу о функционировании глагольных времен при передаче чужой речи в балканославянских языках // Вопросы языка и литературы народов балканских стран. Ленинград, 1986. С.41–54.

Ускова 2003 — *Ускова Р. П.* Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.

Ускова 2008 — *Ускова Р. П.* Выражение субъективной модальности (предположения, умозаключения, достоверности) в македонском литературном языке в сопоставлении с болгарским и русским // Славянское языкознание. XIV международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. М., 2008. С. 500–515.

Ускова 2009 — *Ускова Р. П.* Роль форм перфекта типа *сум* + *л*-форма в модально-темпоральной системе македонского и болгарского литературных языков // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 г. Труды и материалы). М., 2009. С. 89–90.

Ускова и др. 1997 — Македонско-руски речник. Македонско-русский словарь / Сост.: Р. П. Ускова, З. К. Шанова, М. А. Поварницына, Е. В. Ве-

рижникова, Р. Тасевска, С. Маринкович. / Ред. Р. П. Усикова. Скопје, 1997. 65 000 слов.

Фигуровский 1948 — *Фигуровский Н. С.* От синтаксиса предложения к синтаксису целого текста // Русский язык в школе, № 3.

Фридман 1980 — *Фридман В. А.* Адмиративност во балканските јазици: Категорија против употреба // Македонски јазик, XXXI, 1980. С. 121–129.

Хелимский 1994 — *Хелимский Е. А.* Очерк морфонологии и словозименительной морфологии нганасанского языка // Таймырский этнолингвистический сборник. Материалы по нганасанскому шаманству и языку, вып. 1. М., 190–221.

Храковский 2007 — Храковский В. С. (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.

Храковский 2007а — *Храковский В. С.* Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 600–632.

Храковский 2008 — *Храковский В. С.* Эвиденциальность и эпистемическая модальность (сопоставительный анализ болгарского и русского языков) // Wiemer B. und Plungjan V. A. (Hg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen. München–Wien 2008. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72). S. 95–108.

Христов 1956 — *Христов Г.* Говорът на село Нова Надежда, Хасковско // Ст. Стойков (ред.). Известия на Института по български език, кн. IV. София, 1956. С. 177–254.

Цепенков П — *Цепенков М. К.* Фолклорно наследство. Т. 2. Вълшебни и новелистични приказки. София, 2001.

Цивьян 1973 — *Цивьян Т. В.* Сюжет «приход мертвого брата» в балканском фольклоре (к анализу сходных мотивов) // Труды по знаковым системам VI. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 308.) Тарту, 1973.

Цивьян 1987 — *Цивьян Т.* Кон категоријата на деиксисот во балканскиот јазичен сојуз (балканословенскиот фрагмент) // Прилози на МАНУ, Одделение за лингвистика и литературна наука, № 12, ч. 1. Скопје, 1987. С. 121–129.

Цивьян 1990 — *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. (переиздания: Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005; М., 2007; М., 2009).

Цивьян 1999 — *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999.

Цонев 1911 — *Цонев Б.* Определени и неопределени форми в българский язык. Ректорска реч, държана на 25.11.1910. София, 1911.

Цонев 1937 — *Цонев Б.* История на българския язык. Т. III. София, 1937.

Чвани 1990 — *Чвани К. В.* Оппозиции (+/- дейкис), (+/- дистанция) и (+/- дискретность) в морфологии болгарского и английского глаголов // Съпоставително езиковедие, № 6, 1990. С. 5–13.

Шанова 1984 — *Шанова З. К.* Адмиратив и аудитив в современном македонском языке // Зборник во чест на академикот Блаже Конески. Скопје, 1984. С. 245–251.

Шапкарев 1894 — *Шапкарев К. А.* Простонародна българска философия или български народни приказки, вѣрвания, пословици, гатанки, игри и пр. Часть II. Отдел I. Български приказки и вѣрвания съ прибавление на нѣколко македоновлашки и албански (СБНУ, IX). София, 1894.

Шилдз 1990 — *Шилдз К.* Заметки о происхождении основообразующих формантов в индоевропейском // Вопросы языковедения, № 5 1990.

Шишков 1872 — *Шишков Т.* Начална българска граматика. Търново — Цариград, 1872.

Шишманов 1896 — *Шишманов И.* Пѣсенъта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи, часть I // СБНУ XIII. София, С. 474–570.

Шишманов 1898 — *Шишманов И.* Пѣсенъта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи. Ч. II–III // СБНУ, XV. София, 1898. С. 449–600; 1–186.

Шопов и Вълкова 1995 — *Шопов Р., Вълкова С.* Слово в публичното пространство (Фразеологизмите и неологизмите в печата) // Социолингвистика и комуникация. Проблеми на социолингвистиката 4. София, 1995.

Щепкин 1909 — *Щепкин В. Н.* Учебник болгарского языка. Москва, 1909.

Эйнтрей 1982 — *Эйнтрей Г. И.* Албанский язык. Л., 1982.

Якобсон 1972 — *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // О. Г. Ревзина (сост.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95–112.

Якубинский 1923 — *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // Русская речь. I. Петроград, 1923.

Adrados 1992 — *Adrados Fr.* The new image of I.-E.: the history of a revolution // Indogermanische Forschungen. Bd. 97. 1992.

Aikhenvald 2003 — *Aikhenvald A.* Evidentiality in typological perspective // A. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Studies in evidentiality. (Typological Studies in Language 54.) Amsterdam—Philadelphia, 2003.

- Aikhenvald 2004 — *Aikhenvald A.* Evidentiality. Oxford, 2004.
- Aikhenvald 2006 — *Aikhenvald A.* Evidentiality in Grammar // K. Brown (ed.) Encyclopedia of Language & Linguistics. Vol. 4, Oxford, 2006. P. 320–325.
- Aikhenvald, Dixon 2003 — Aikhenvald A., Dixon R. M. W. (eds.). Studies in evidentiality. (Typological Studies in Language 54.) Amsterdam — Philadelphia, 2003.
- Aikhenvald, Dixon 1998 — Aikhenvald A., Dixon R. M. W. (eds.). Evidentials and areal typology: a case study from Amazonia // Language Sciences 20, 1998. P. 241–257.
- Ajeti 1969 — *Ajeti I.* Historia e gjuhës shqipe (Morfologjia historike). Prishtinë, 1969.
- Aksu-Koç, Slobin 1986 — *Aksu-Koç A. A., Slobin D.* A psychological account of the development and use of evidentials in Turkish // W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986. P. 159–167.
- Alexander 2001 — *Alexander R.* Bridging the descriptive chasm: The Bulgarian “generalized past” // Of all the Slavs my favorites: In honor of Howard I. Aronson. Indiana Slavic Studies 12, 2001. V.A. Friedman, D. L. Dyer (eds). Pp. 1–29.
- Andrejczyn 1938 — *Andrejczyn L.* Kategorie znaczeniowe konjugacji bułgarskiej. Kraków, 1938.
- Arapi 2007 — *Arapi F.* Shënime rreth këngës së “Motrës dhe vëllait të vdekur” në traditën popullore shqiptare // F. Arapi. Këngë të moçme shqiptare. Tiranë, 2007. Ff. 7–118.
- Aronson 1967 — *Aronson H. I.* The Grammatical Categories of the Indicative in the Contemporary Bulgarian Literary Language // To Honor Roman Jakobson, vol. I. The Hague, 1967. P. 82–98.
- AT — The types of the folktale. A classification and bibliography. A. Arne’s Verzeichnis der Maerchentypen (FF Communications No. 3) / Translated and enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1961.
- Atanasov 1990 — *Atanasov P.* Le mégléno-roumain de nos jours. Hamburg, 1990.
- Auwers, Plugjan 1998 — *Auwers J., Plugjan V.A.* Modality’s semantic map // Linguistic typology, 2. P. 79–124.
- Bastürk et al. 1996 — *Bastürk M., Danon-Boileau L., Morel M.-A.* Valeur de *-miş* en turc contemporain // Z. Guentchéva (ed.). L’énonciation médiatisée. Louvain; Paris, 1996. P. 145–156.
- Beci 1982 — *Beci B.* E folmja e Mirditës // M. Domi (red.). Dialektologjia shqiptare, IV. Ff. 26–143.

Bednarek 2006 — *Bednarek M.* Evaluation in media discourse. An analysis of a newspaper corpus. NY/London, 2006.

Berger 2009 — *Berger H.* Stance: ideas about emotion, style, and meaning for the study of expressive culture. Middletown, CT, 2009.

Biber, Finnegan 1988 — *Biber D., Finnegan E.* Adverbial Stance Types in English // *Discourse Processes*, № 11. P. 1–34.

Biber, Finnegan 1989 — Styles of stance in English: Lexical and grammatical marking of evidentiality and affect // *Text* № 9, 93–124.

Blain, Déchaine 2007 — *Blain E., Déchaine R.-M.* Evidential types: Evidence from Cree dialects // *International journal of American linguistics* 73, 2007. P. 257–291.

Boas 1911 — *Boas F.* Handbook of American Indian languages. Part 1. Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology Bulletin 40, 1911.

Boye 2006 — *Boye K.* Epistemic meaning: a Cross-linguistic study. Ph.D. (unpublished). Copenhagen, 2006.

Brown 2006 — *Brown K.* (ed.) *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Vol. 1–14, Oxford, 2006.

Brunnbauer 2002 — *Brunnbauer U.* The Implementation of the Ohrid Agreement: Ethnic Macedonian resentments // *Journal of ethnopolitics and minority issues in Europe*, 2002, 1. P. 1–24.

Buchholz, Fiedler 1987 — *Buchholz O., Fiedler W.* Albanische Grammatik. Leipzig, 1987.

Budi 1618 — *Budi P.* *Dottrina Christiana*. Roma, 1618.

Budi 1621 — *Budi P.* *Speculum Confessionis*. Roma, 1621.

Budziszewska 1983 — *Budziszewska W.* *Słownik bałkanizmów w dialektach Macedonii Egejskiej*. Warszawa, 1983.

Peterson 2010 — *Peterson T.* Examining the mirative and nonliteral uses of evidentials // T. Peterson and U. Sauerland (eds.). *Evidence from evidentials* (University of British Columbia Working Papers in Linguistics, Vol. 28). Vancouver, 2010. P. 129–159.

Blain, Déchaine 2007 — *Blain E., Déchaine R.-M.* Evidential types: Evidence from Cree dialects // *International journal of American linguistics* 73, 2007. P. 257–291.

Burkhardt 1966 — *Burkhardt D.* Nachträge zum Lenoren-Motiv auf dem Balkan // 1er Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Résumés des communications. I. Litterature. II. Folklore. Sofia, 26. VIII-1er IX 1966. Sofia, 1966. P. 110–115.

Bybee et al. 1994 — *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.

Çabej 1968 — *Çabej E.* “Mjeshari” i Gjon Buzukut. Pj. I. Tiranë, 1968.

Çabej 1975 — *Çabej E.* Studime gjuhësore. V. Gjuhë — Folklor — Letërsi — Diskutime. Prishtinë, 1975.

Çabej 1979 — *Çabej E.* Zu einigen Erscheinungen der albanischen Sprachgeschichte und deren balkanischen Zusammenhängen // *Studia Albanica*, № 16/2, 1979. P. 86–104.

Çabej 2002 — *Çabej E.* Studime etimologjike në fushë të shqipës. VI. Tiranë, 2002.

Caracostea 1929 — *Caracostea D. Lenore.* O problemă de literatura comparată și folclor. București, 1929.

Chafe 1986 — *Chafe W.* Evidentiality in English conversation and academic writing // W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality: the Linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986. P. 261–272.

Chafe, Nichols 1986 — Chafe W., Nichols J. (eds.). Evidentiality: the Linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986.

Chvany 1979 — *Chvany C.* Grammatical categories in the narration of Elin Pelin's *Zemja* // *Folia Slavica* 3. P. 296–316.

Chvany 1985 — *Chvany C.* Backgrounded Perfectives and Plot Line Imperfectives: Toward a Theory of Grounding in Text // *The Scope of Slavic Aspect*, Flier, M., and A. Timberlake (eds.). Columbus: Slavica. P. 247–73.

Chvany 1988 — *Chvany C.* Distance, deixis and discreteness in Bulgarian and English verb morphology // A. Schenker (ed.). American contributions to the Tenth International Congress of Slavists: Linguistics. Columbus, 1988. P. 69–90.

Cornilie 2007 — *Cornilie B.* Evidentiality and epistemic modality in Spanish (semi-) auxiliaries. A cognitive-functional approach. Berlin–New York, 2007. (Applications of cognitive linguistics 5.)

Courthiade 1993 — *Courthiade M.* Un parler slave singulier: le “kajnas” d'Albanie orientale // *Balkanica Posnaniensia. Acta et studia*, VI. P. 237–326.

Dankoff 1982 — Dankoff R. (ed. and trans. with J. Kelly). Mahmud al-Kāšğari. Compendium of the Turkic Dialects. (Dīwān luğāt at-Turk.) Part I. Cambridge, 1982.

de Haan 1999 — *de Haan F.* Evidentiality and epistemic modality: Setting boundaries // *Southwest Journal of Linguistics*, № 18, 1999. P. 83–101.

de Haan 2001a — *de Haan F.* The place of inference within the evidential system // *International Journal of American Linguistics*, № 67, 2001. P. 193–219.

de Haan 2001b — *de Haan F.* The relation between modality and evidentiality // *Linguistische Berichte, Sonderheft 9*, 2001. P. 201–216.

de Haan 2005 — *de Haan F.* Encoding speaker perspective: Evidentials // Z. Frajzyngier, A. Hodges and D. S. Rood (eds.). *Linguistic Diversity and Language Theories*. Amsterdam-Philadelphia, 2005. P. 379–397.

de Haan 2008 — *de Haan F.* Evidentiality in Athabaskan // M. Hulden, Sh. T. Bischoff. *Coyote papers: Working papers in linguistics, linguistic theory at the University of Arizona*. Vol. 16. Tucson AZ, 2008. P. 67–81.

Décsy 1965 — *Décsy G.* Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.

DeLancey 2001 — *DeLancey S.* The mirative and evidentiality // *Journal of pragmatics*, № 33, 2001. P. 369–382.

Demiraj 1971a — *Demiraj Sh.* Habitorja dhe moshja e saj // *Studime filologjike*, № 25, 1971/I. F. 71–77.

Demiraj 1971b — *Demiraj Sh.* Morfologjia e gjuhës së sotme shqipe. Prishtinës, 1971.

Demiraj 1971c — *Demiraj Sh., Cikuli N.* Gramatika e gjuhës shqipe. I. (Fonetika, leksikologjia, morfologjia). Tirana, 1971.

Demiraj 2002 — *Demiraj Sh.* Gramatikë historike e gjuhës shqipe. Tiranë, 2002.

Dendale, Bogaert 2007 — *Dendale P., van Bogaert J.* A semantic description of French lexical evidential markers and the classification of evidentials // *Rivista di Linguistica* 19.1 (2007). P. 65–89

Dendale, Tasmowski 2001 — *Dendale P., Tasmowski L.* Introduction. Evidentiality and related notions // *Journal of pragmatics*, № 33, 2001. P. 339–348.

Desclés, Guentschéva 1992 — *Desclés J.-P. Guentchéva Z.* Discourse analysis of aorist and imperfect in Bulgarian and French // M. Kefer, J. van der Auwera (eds.). *Meaning and Grammar. Cross-linguistic perspectives*. Berlin-New York, 1992. P. 231–261.

Diewald, Smirnova 2009 — *Diewald G., Smirnova E.* Linguistic realisation of evidentiality in European languages. Berlin–New York, 2009. (Empirical approaches to language typology 49.)

Diewald, Smirnova 2010 — *Diewald G., Smirnova E.* Evidentiality in German: Linguistic realization and regularities in grammaticalization. Berlin–New York, 2010. (Trends in linguistics studies and monographs 228.)

Domi 1969–1990 — Domi M. (red.). *Dialektologjia shqiptare*. Vëll. I-VI. Tiranë, 1969–1990.

Domi et al. 2002 — Domi M. (kryered.). *Gramatika e gjuhës shqipe*. V.I. Morfologjia. Tiranë, 2002.

Donabédian 2001 — *Donabédian A.* Towards a semasiological account of evidentials: An enunciative approach of *-er* in Modern Western Armenian // *Journal of pragmatics*, № 33, 2001. P. 421–442.

Dozon 1878 — *Dozon O.* *Manuelle de la langue chkipe ou albanaise.* Paris, 1878.

Duchet, Pěrnaska 1996 — *Duchet J.-L., Pěrnaska R.* L'admiratif albanais: recherche d'un invariant sémantique // *Z. Guentchéva* (ed.). *L'énonciation médiatisée.* Louvain–Paris, 1996. P. 31–46.

Dwyer 2000 — *Dwyer A.* Direct and indirect experience in Salar // *L. Johanson, B. Utas* (eds.). *Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages* (Empirical approaches to language typology 24). Berlin–New York, 2000. P. 45–59.

Evidence from Evidentials 2010 — *Peterson T., Sauerland U.* Evidence from Evidentials. University of British Columbia working papers in linguistics. September 2010. Vol. 28.

Faller 2002 — *Faller M.* Semantics and pragmatics of evidentials in Cuzco Quechua. Stanford, 2002.

Faller 2003 — *Faller M.* Propositional and illocutionary-level evidentiality in Cuzco Quechua // *J. Anderssen, P. Menéndez-Benito and A. Werle* (eds.). *Proceedings of SULA 2.* Vancouver BC. P. 19–33. (Доступно на http://www.umass.edu/linguist/events/SULA/SULA_2003_cd/files/faller2.pdf; проверено 01.02.2013)

Faller 2004 — *Faller M.* The Deictic Core of non-experienced past in Cuzco Quechua // *Journal of Semantics* 21, 2004. P. 45–85.

Faller 2006 — *Faller M.* Evidentiality and Epistemic modality at the semantics/pragmatics interface. Manchester (unpubl. ms.).

Feuillet 1996 — *Feuillet J.* Réflexions sur les valeurs du médiatif // *Z. Guentchéva* (ed.). *L'énonciation médiatisée.* Louvain; Paris, 1996. P. 71–86.

Feuillet 2011 — *Feuillet J.* La langue bulgare au début du XIXe siècle. Paris, 2011.

Feuillet 2012 — *Feuillet J.* Linguistique comparée des langues balkaniques. Paris, 2012.

Fici 2001 — *Fici F.* Macedonian perfect and its modal strategies // *Македонски јазик*, № 51–52, 2001. P. 61–86.

Fiedler 1968 — *Fiedler W.* Zu einigen problemen des admirativs in den Balkansprachen // *Actes du premier congres international des etudes balkaniques et sud-est européennes VI.* Sofia, 1968. P. 367–369.

Fiedler 2006 — *Fiedler W.* Einführung in die Albanologie. Meißen, 2006.

Fiedler 1994 — *Fiedler G. E.* The origin of evidentiality in the Balkans: Linguistic convergence or conceptual convergence? // Paper delivered at the Seventh International Congress of Southeast European Studies, Thessaloniki, August–September. 1994.

Fielder 1995 — *Fielder G. E.* Narrative perspective and the Bulgarian *l*-participle // *Slavic and East European Journal* № 39, 1995. P. 585–600.

Fielder 1996 — *Fielder G. E.* Distance as a prototypical verbal category in Bulgarian // *Balkanistica*, № 9, 1996. P. 211–215.

Fielder 1996 — *Fielder G. E.* The Relationship between the *ima* ('have') perfect, the *sum* ('be') perfect and auxiliary loss in Macedonian and Bulgarian // *Studies in Macedonian Language, Literature and Culture*. Skopje, 1996. P. 177–185.

Fielder 1997 — *Fielder G. E.* The discourse properties of verbal categories in Bulgarian and implications for Balkan verbal categories // *Balkanistica* 10, 1997. P. 162–83.

Fielder 1998 — *Fielder G. E.* Discourse function of past tenses in pre-modern Balkan Slavic prose // A. Timberlake, and M. Flier (eds). *Proceedings of the 12th International Congress of Slavists*. Columbus, 1998. P. 344–61.

Fielder 1999a — *Fielder G. E.* The origin of Evidentiality in the Balkans: Linguistic convergence or conceptual convergence? // *Mediterranean Language Review*, № 11, 1999. P. 60–89.

Fielder 1999b — *Fielder G. E.* Auxiliary variation in Eastern Macedonian dialects: a Discourse analysis of Pehčevo oral narrative // *Indiana Slavic Studies* 10. P. 57–69.

Fielder 2000 — *Fielder G. E.* The Perfect in Eastern Macedonian Dialects // *Зборник реферати од четвртата македонско-североамериканска славистичка конференција за македонистика "Македонски јазик, литература и култура"*. Охрид, 2000. С. 137–146.

Fielder 2001 — *Fielder G. E.* Questioning the dominant paradigm: an Alternative view of the grammaticalization of the Bulgarian evidential // V. A. Friedman and D. L. Dyer (eds). *Of all the Slavs my favorites* (= *Indiana Slavic Studies* 12). Bloomington, 2001. P. 1–31.

Fielder 2003 — *Fielder G. E.* A phoenix from the ashes: the Resurrection of the Bulgarian perfect // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, № 44/45, 2002/2003. P. 1–19.

Fitneva 2001 — *Fitneva S.* Epistemic marking and reliability judgments: Evidence from Bulgarian // *Journal of pragmatics*, 33, 2001. P. 401–420.

Fitneva, Matsui 2009 — *Fitneva S. A., Matsui T.* Evidentiality: a Window into language and cognitive development // *New Directions for Child and Adolescent Development*, 125. San Francisco, 2009.

Fleischman 1990 — *Fleischman S.* *Tense and Narrativity*. Austin, 1990

Foulton et al. 2005 — *Foulton H., Huisman R., Murphet J., Dunn A.* *Narrative and media*. New York, 2005.

Frashëri 1886 — *Frashëri S.* *Shkronjëto e gjuhëse shqip*. Bukuresht, 1886.

Friedman 1976 — *Friedman V.A.* Dialectal synchrony and diachronic syntax: the Macedonian perfect // S. B. Steever et al. (eds.). Papers from the parasession on diachronic syntax. Chicago, 1976. P. 96–104.

Friedman 1980 — *Friedman V.A.* The study of Balkan admirativity: Its history and development // *Balkanistica* 6, 7–30.

Friedman 1981 — *Friedman V.A.* Admirativity and confirmativity // *Zeitschrift für Balkanologie* 17:1. P. 12–28.

Friedman 1982 — *Friedman V.A.* Admirativity in Bulgarian compared with Albanian and Turkish // D. Kosev (ed.). Bulgaria: past and present, vol. 2, Sofia, 1982. P. 63–67.

Friedman 1986 — *Friedman V.A.* Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian and Albanian // W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986. P. 168–187.

Friedman 1988 — *Friedman V.A.* The category of Evidentiality in the Balkans and the Caucasus // A. Schenker. (ed.). American Contributions to the Tenth International Congress of Slavists: Linguistics. Columbus, 1988. P. 121–139.

Friedman 1994 — *Friedman V.A.* Surprise! Surprise! Arumanian has had an Admirative! // *Indiana Slavic Studies*, № 7, 1994. P. 79–89.

Friedman 1998 — *Friedman V.A.* The grammatical expression of presumption and related concepts in Balkan Slavic and Balkan Romance // M. Flier and A. Timberlake (eds). American Contributions to the 12th International Congress of Slavists, 1998. Bloomington, 1998. P. 390–405.

Friedman 1999 — *Friedman V.A.* Evidentiality in the Balkans // U. Hinrichs (ed.). *Handbuch der Südosteuropa-Linguistik*, Wiesbaden, 1999. P. 519–544.

Friedman 2000 — *Friedman V.A.* Confirmative/nonconfirmative in Balkan Slavic, Balkan Romance, and Albanian with additional observations on Turkish, Romani, Georgian, and Lak // L. Johanson, B. Uras. (eds.). *Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages (Empirical approaches to language typology 24)*. Berlin–New York, 2000. P. 329–366.

Friedman 2001 — *Friedman V.A.* Hunting the elusive evidential: The third-person auxiliary as a boojum in Bulgarian // V.A. Friedman, D. L. Dyer (eds). *Of all the Slavs my favorites: In honor of Howard I. Aronson*. *Indiana Slavic Studies*, № 12, 2001. P. 203–230.

Friedman 2002 — *Friedman V.A.* Macedonian. (Languages of the World / Materials 117.) München, 2002.

Friedman 2003 — *Friedman V.A.* Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian // A. Aikhenvald, R.M.W. Dixon, (eds.). *Studies in Evidentiality*. Amsterdam, 2003. P. 189–218. (Typological Studies in Language 54.)

Friedman 2006 — *Friedman V.A.* Balkans as a Linguistic Area // K. Brown (ed.) *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Vol. 1, Oxford, 2006. P. 657–672.

Friedman 2012 — *Friedman V.A.* Enhancing national solidarity through the deployment of verbal categories: How the Albanian admirative participates in the construction of a reliable self and an unreliable other // J. Nuckolls, L. Michael (eds). *Evidentiality in Interaction (Pragmatics and Society 3: 2, 2012)*. P. 189–225.

Garrett 2001 — *Garrett E.J.* *Evidentiality and assertion in Tibetan*. Los Angeles, 2001.

Gillespie, Toynbe 2006 — *Gillespie M., Toynbe J.* *Analysing media texts*. London, 2006.

Givón 1982 — *Givón T.* Evidentiality and epistemic space // *Studies in language*, № 6, 1982. P. 23–49.

Graves 2000 — *Graves N.* Macedonian — a language with three perfects? // Ö. Dahl (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. (Empirical approaches to language typology. EURO TYP 20–6.) Berlin–New York, 2000. P. 479–494.

Guentchéva, Donabedian, Maydan, Camus 1994 — *Guentchéva Z., Donabedian A., Maydan M., Camus R.* Interactions entre le médiatif et la personne // *Faits de Langues*, 1994, 3. P. 139–148.

Guentchéva 1996 — *Guentchéva Z.* (ed.). *L'énonciation médiatisée*. Louvain — Paris, 1996.

Guentchéva 1996a — *Guentchéva Z.* Le médiatif en Bulgare // *Z. Guentchéva* (ed.). *L'énonciation médiatisée*. Louvain–Paris, 1996. P. 47–70.

Guentchéva 2007 — *Guentchéva Z., Landaburu J.* (eds.). *L'énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes*, Louvain/ Paris/ Dudley, 2007.

Gvozdanović 1991 — *Gvozdanovic J., Janssen Th.* (eds). *The function of tense in texts*. Amsterdam/ Oxford/ New York/ Tokyo, 1991.

Haarmann 1970 — *Haarmann H.* Die indirekte Erlebnisform als grammatische Kategorie. Eine eurasische Isoglosse. Wiesbaden, 1970.

Hagège 1995 — *Hagège C.* Le rôle des médiaphoriques dans la langue et dans le discours // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 90. P. 1–19.

Hardman 1986 — *Hardman M.J.* Data-source marking in the Jaqi languages // W. Chafe, J. Nichols (eds.). *Evidentiality: the linguistic coding of epistemology*. Norwood, 1986. P. 113–136.

Haspelmath 2010 — *Haspelmath M.* Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language* 86, 2010. P. 663–687.

- Hinrichs 1983 — *Hinrichs U.* Die sogenannten „vvodnye slova“ (Schaltwörter, Modalwörter) im Russischen (eine sagenanalytische Untersuchung). Wiesbaden, 1983.
- Hinrichs 1989a — *Hinrichs U.* Die delokutiven Partikeln des Russischen // H. Weydt (Hg.). Sprechen mit Partikeln. Berlin–New York, 1989. S. 82–95.
- Hinrichs 1989b — *Hinrichs U.* Abtönung und Renarration in der serbischen Umgangssprache // *Zeitschrift für Balkanologie*, 1989, 25. P. 48–59.
- Holvoet 2007 — *Holvoet A.* Mood and modality in Baltic. Kraków, 2007.
- Hopper 1979 — *Hopper P.* Aspect and foregrounding in discourse // *Syntax and semantics: discourse and syntax*, vol 12. Hopper, P. (ed.). New York, 1979. P. 23–41.
- Hopper 1982 — *Hopper P.* Aspect between discourse and grammar: an Introductory essay for the volume // *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics*. Hopper, P. (ed.). Amsterdam-Philadelphia, 1982. P. 3–18.
- Hopper and Thompson 1984 — *Hopper P., Thompson S.* Transitivity in grammar and discourse // *Language*, № 56, 1984. P. 251–299.
- Izvorski 1997 — *Izvorski R.* The present perfect as an epistemic modal // A. Lawson (ed.). *Proceedings of SALT VII*. Ithaca, 1997. P. 222–239.
- Igla 2006 — *Igla B.* Zum Renarrativ im slivener Romani // *Балканско езикознание XLV*, 1. S. 55–61
- Igla 2010 — *Igla B.* Innovationen in bulgarischen romani-Dialekten // П. Асенова и др. (ред.). *Глаголната система на балканските езици. Наследство и неология*. Велико Търново, 2010. С. 263–276.
- Jacobsen 1986 — *Jacobsen W.* The heterogeneity of evidentials in Makah // W. Chafe, J. Nichols (eds.). *Evidentiality: the linguistic coding of epistemology*. Norwood, 1986. P. 3–28.
- Jakobson 1957 — *Jakobson R. O.* Shifters, verbal categories, and the Russian verb. Cambridge, 1957.
- Johanson 2000 — *Johanson L.* Turkic indirectives // L. Johanson, B. Utas. (eds.). *Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages (Empirical approaches to language typology 24)*. Berlin–New York, 2000. P. 61–89.
- Johanson 2003 — *Johanson L.* Evidentiality in Turcic // A. Aikhenvald and R.M.W. Dixon (eds.). *Studies in Evidentiality*. (Typological Studies in Language 54.) Amsterdam, 2003. P. 273–290.
- Johanson, Utas 2000 — Johanson L., Utas B. (eds.). *Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages (Empirical approaches to language typology 24)*. Berlin–New York, 2000.
- Joseph 2003 — *Joseph B. D.* Evidentials: Summation, questions, prospects // A. Aikhenvald and R.M.W. Dixon (eds.). *Studies in Evidentiality*. (Typological Studies in Language 54.) Amsterdam, 2003. P. 307–327.

Kampf, Wiemer 2011a — *Kampf V., Wiemer B.* Inventarisierung und Analyse lexikalischer Evidenzialitätsmarker des Bulgarischen: Adverbien, Partikeln und Prädikative (Teil I) // *Zeitschrift für Balkanologie*, 47(1), 2011. S. 46–76.

Kampf, Wiemer 2011b — *Kampf V., Wiemer B.* Inventarisierung und Analyse lexikalischer Evidenzialitätsmarker des Bulgarischen: Adverbien, Partikeln und Prädikative (Teil II) // *Zeitschrift für Balkanologie*, 47(2), 2011. S. 182–201.

Kehayov 2008 — *Kehayov P.* Interactions between grammatical evidentials and lexical markers of epistemicity and evidentiality: A case study of Bulgarian and Estonian // *Wiemer B. und Plungjan V.A. (Hg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen. München–Wien 2008. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72).* S. 165–201.

Kënge popullore 1955 — *Kënge popullore legjendare.* Tiranë, 1955.

Kolstø 2009 — *Kolstø P. (ed).* Media discourse and the Yugoslav conflicts. Farnham, 2009.

Korytkowska 2000 — *Korytkowska M.* Formy narrativu w Biblii bułgarskiej XX wieku // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, 36, 2000. S. 179–192.

Korytkowska, Roszko 1997 — *Korytkowska M., Roszko R.* Gramatyka konfrontatywna bułgarsko-polska. T. 6, cz. 2.: Modalność imperceptywna. Warszawa, 1997.

Koseska-Toszewa 1977 — *Koseska-Toszewa V.* System temporalny gwar bułgarskich na tle języka literackiego. Wrocław– Warszawa– Kraków–Gdańsk, 1977.

Kostov 1973 — *Kostov K.* Zur Bedeutung des Zigeunerischen für die Erforschung grammatischer Interferenzerscheinungen // *Балканско езиковзнание*, 16, 1973.

Kristoforídi 1882 — *Κριστοφορίδι Κ.* Γραμματική της αλβανικής γλώσσας κατά τήν τοσκιήν διάλεκτον. Κωνσταντινούπολη, 1882.

Kyriak-Cankof 1852 — *Kyriak-Cankof A., Kyriak-Cankof D.* Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852.

Labov 1972 — *Labov W.* The transformation of experience in narrative syntax // *Language in the inner city.* Philadelphia, 1972. P. 354–396.

Labov, Waletzky 1967 — *Labov W., Waletzky J.* Narrative Analysis // *J. Helm (ed.). Essays on verbal and visual arts.* Seattle, 1967. P. 12–44.

Labroska 2012 — *Labroska V.* Balkan influence on the development of admirative in the Western Macedonian dialects // *V. Maldjieva, K. Taczyńska (red.). Poznać Balkany. Historia-polityka-kultura-języki. III.* Toruń, 2012. P. 217–222.

Lafe 1975 — *Lafe E.* Mbi habitoren dhe disa trajta të saj // *Studime filologjike*, № 2, 1975. F. 143–151.

Lambertz 1948 — *Lambertz M.* Albanisches Lesebuch. Mit Einführung in die albanische Sprache. I. Leipzig, 1948.

Lazard 2001 — *Lazard G.* On the grammaticalization of evidentiality // Journal of pragmatics, № 33, 2001. P. 359–367.

Levin-Steinmann 1999 — *Levin-Steinmann A.* Der bulgarische Renarrativ und der Mythos von der selbständigen grammatischen Kategorie // B. Tošović (Hrsg). Die grammatischen Korrelationen. Graz, 1999. S. 151–164.

Levin-Steinmann 2004 — *Levin-Steinmann A.* Die Legende vom bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen I-Periphrase. München, 2004. (Slavistische Beiträge, 437.)

Lichtenberk 1991 — *Lichtenberk F.* Semantic change and heterosemy in grammaticalization // Language 67, 1991. P. 475–509.

Likaj 1997 — *Likaj E.* Format analitike në gjuhën shqipe. Tiranë, 1997.

Lindstedt 1985 — *Lindstedt J.* On the semantics of tense and aspect in Bulgarian. Helsinki, 1985. (Slavica Helsingiana 4.)

Lindstedt 2010 — *Lindstedt J.* Mood in Bulgarian and Macedonian // B. Rothstein, R. Thieroff (eds.). Mood in the languages of Europe. Amsterdam–Philadelphia, 2010. P. 409–421. (Studies in language companion series, 120.)

Lunt 1952 — *Lunt H.* A grammar of the Macedonian standard language. Skopje, 1952.

Makartsev 2010 — *Makartsev M.* The Elusive Evidentials in Translation: an Analysis of One Folklore Text // Balkanistica, № 23, 2010. P. 75–111.

Mbledhës 1962 — *Mbledhës të hershëm të folklorit shqiptar (1635–1912) / Z. Sako (red. përgj.).* Vëll. III. Tiranë, 1962. F. 441–442.

Mbledhës I, II, III — *Mbledhës të hershëm të folklorit shqiptar (1635–1912).* Vëll. I–III. Tiranë, 1961–1962.

McCready 2011 — *McCready E.* What is evidence in natural language? (предварительная электронная публикация: <http://semanticsarchive.net/Archive/TAyYTI1N/evidMcC.pdf>; проверено 01.02.2013).

Meydan 1996 — *Meydan M.* Les emplois médiatifs de *-mişen* turc // Z. Guentchéva (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain/ Paris, 1996. P. 125–144.

Meyer 1888 — *Meyer G.* Kurzgefasste albanesische Grammatik. Leipzig, 1888.

Mišeska Tomić 2004 — *Mišeska Tomić O.* (ed). Balkan Syntax and Semantics. Amsterdam–Philadelphia, 2004. (Linguistik Aktuell/Linguistics Today 67.)

Mulroy 2006 — *Mulroy D.* Traditional grammar // K. Brown (ed.) Encyclopedia of Language & Linguistics. Vol. 9. Oxford, 2006. P. 337–339.

Murray 2010 — *Murray S.* Evidentiality and the structure of speech acts. Ph.D. dissertation. New Brunswick, New Jersey, 2010.

Mushin 2001 — *Mushin I.* Evidentiality and epistemological stance. Narrative retelling. Amsterdam, 2001.

Newmark 1957 — *Newmark L.* Structural grammar of Albanian. Bloomington, 1957.

Nuckolls, Michael 2012 — Nuckolls J., Michael L. (eds). Evidentiality in Interaction (Pragmatics and Society 3: 2, 2012). P. 189–225.

Nuyts 2001 — *Nuyts J.* Subjectivity as an evidential dimension in epistemic modal expressions // Journal of pragmatics, № 33, 2001. P. 383–400.

Palmer 2001 — *Palmer F.R.* Mood and modality. Cambridge, 2001. (Переработанное и дополненное издание книги F.R. Palmer. Mood and Modality. Cambridge, 1986.)

Papafragou 2006 — *Papafragou A.* Epistemic modality and truth conditions // Lingua 116, 2006. P. 1688–1702.

Papahagi 1944 — *Papahagi T.* Paralele folklorice (greko-române). Bukurești, 1944.

Parry 1932 — *Parry M.* Studies in the epic technique of the oral verse making. II. The Homeric language and the language of oral poetry // Harvard studies in classical philology, vol. 43. Harvard, 1932.

Pekmezi 1908 — *Pekmezi Gj.* Grammatik der albanesischen Sprache. Laut- und Formenlehre. Wien, 1908.

Petroska 2012 — *Petroska E.* Grammatical and lexical markers of evidentiality in Macedonian // Balkanistica, 25:2, 2012. P. 139–152.

Pfütze 1969 — *Pfütze M.* Grammatik und Textlinguistik. Bemerkungen zum Anteil einiger grammatischer Mittel am Aufbau eines Textes // Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule K.F.W. Wander. Heft 4, 1969. S. 11–18.

Pietrandrea, Stathi 2010 — *Pietrandrea P., Stathi K.* The case of evidential complex constructions in Italian and Modern Greek // B. Wiemer, K. Stathi (eds.). Database on evidentiality markers in European languages. Berlin, 2010. (Language Typology and Universals 64.1, 2010.) P. 333–343.

Plungian 2001 — *Plungian V.A.* The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of pragmatics, № 33, 2001. P. 349–357.

Plungian 2010 — *Plungian V.A.* Types of verbal evidentiality marking: an overview // G. Diewald, E. Smirnova (eds.). Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages. Berlin–New York, 2010. P. 15–58.

Portner 2009 — *Portner P.* Modality. Oxford, 2009.

Rakhilina 1996 — *Rakhilina E.V.* *Jakoby* comme procédé de médiatisation en russe // Z. Guentchéva (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain–Paris, 1996. P. 299–304.

Ramat 1996 — *Ramat P.* „Allegedly, John is ill again“: Stratégies pour le médiatif // *Z. Guentchéva* (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain–Paris, 1996. P. 287–298.

Roth 1979 — *Roth J.* Die indirekten Erlebnisformen im Bulgarischen: Eine Untersuchung zu ihrem Gebrauch in der Umgangssprache. (Slavistische Beiträge 130). Wiesbaden, 1979.

Rrokaj 2007 — *Rrokaj Sh.* Çështje të habitores në përrallë // *Sh. Rrokaj.* Çështje të gjuhës shqipe. Tiranë, 2007.

Sako 1984 — *Sako Z.* The Albanian entombment and the other common Balkan different versions // Questions of the Albanian folklore. Tiranë, 1984. P. 155–165.

Sandfeld 1930 — *Sandfeld K.* Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930.

Schaller 1975 — *Schaller H. W.* Die Balkansprachen. Eine Einführung in die Balkanphilologie. Heidelberg, 1975

Schiffrin 1994 — *Schiffrin D.* Variation Analysis // Approaches to Discourse. Cambridge, 1994. P. 282–334.

Schlichter 1986 — *Schlichter A.* The origins and deictic nature of Wintu evidentials // *W. Chafe, J. Nichols* (eds.). Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986. P. 46–59.

Schmalstieg 1980 — *Schmalstieg W.* Indo-European linguistics: a new synthesis. University Park, 1980.

Schmaus 1966 — *Schmaus A.* Beobachtungen zu Bedeutung und Gebrauch des albanischen Admirativs // Beiträge zur Südosteuropa-Forschung. München, 1966. C. 103–124.

Shala 1972 — *Shala D.* Këngë popullore legjendare. Prishtinë, 1972.

Shkurtaj 1982 — *Shkurtaj Gj.* E folmja e Rranxave të Mbishkodrës // *M. Domi.* Dialektologjia shqiptare. V. 4. F. 144–278.

Sinclair 1996 — *Sinclair J. E.* Preliminary recommendations on Corpus Typology // EAG – TCWG – CTYP / P. Version of May, 1996. Published in <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/corpusTyp/corpusTyp.html> (проверено 01.02.2013).

Sonnenhauser 2011 — *Sonnenhauser B.* Perspektivität und Textstruktur im Balkanslavischen // *Kempgen S., Udolph L.* (eds.) Bulletin der deutschen Slavistik. München, Berlin, 2011. S. 88–92.

Sonnenhauser 2012 — *Sonnenhauser B.* Auxiliar-Variation und Textstruktur im Bulgarischen // Die Welt der Slaven, LVII, 2012. S. 351–379.

Sonnenhauser (в печати) — *Sonnenhauser B.* Constructing perspectivity in Balkan Slavic. Auxiliary variation and tripartite article // *Balkanistica* (в печати).

Speas 2004 — *Speas M.* Evidentiality, logophoricity and the syntactic representation of pragmatic features // *Lingua*, 114, 3, 2004. P. 255–276.

Speas 2010 — *Speas M.* Evidentials as generalized functional heads // A.-M. Di Sciullo, V. Hill (eds.). *Edges, heads and projections: Interface properties*. Amsterdam, Philadelphia, 2010. P. 127–150. (*Linguistik Aktuell / Linguistics Today* 156.).

Speas, Tenny 2004 — *Speas M., Tenny C. T.* The intercation of clausal syntax, discourse roles and information structure questions // *Proceedings of the workshop on the syntax, semantics and pragmatics of questions* (16th European summer school in logic, language and information; ESSLLI 16). Nancy, France, 2004.

Squartini 2001 — *Squartini M.* The internal structure of evidentiality in Romance // *Studies in Language* 25(2), 2001. P. 297–334.

Squartini 2008 — *Squartini M.* Lexical vs. grammatical evidentiality in French and Italian // *Linguistics* 46(5). P. 917–947.

Stoyanova, Koeva, Lesseva 2006 — *Stoyanova I., Koeva S., Lesseva S.* Applying and analysing Brown corpus model for Bulgarian // *Presentation at The Third Inter-Varietal Applied Corpus Studies (IVACS) group international conference on "Language at the interface"* 23rd-24th June 2006, Nottingham, UK. Published on: www.nottingham.ac.uk/english/IVACS/ivacs-stoyanova-koeva-lesseva.ppt (проверено 24.11.09, 01.02.2013 страница недоступна).

Tatevosov 2001 — *Tatevosov S.* From resultatives to evidentials: Multiple uses of the perfect in Nakh-Daghestanian languages // *Journal of pragmatics*, № 33, 2001. P. 443–464.

Tenny 2006 — *Tenny C. T.* Evidentiality, experiencers and the syntax of sentence in Japanese // *Journal of East Asian linguistics* 15 (3), 2006. P. 245–288.

Thelin 1990 — *Thelin N.* (ed.). *Verbal aspect in discourse: Contributions to the semantics of time and temporal perspective in Slavic and non-Slavic languages*. Amsterdam–Philadelphia, 1990.

Trnavci 1975 — *Trnavci H.* *Motiv o sestri i mrtvom bratu u narodnoj poezii balkanskih naroda*. Priština, 1975.

Utas 2000 — *Utas B.* *Traces of evidentiality in Classical New Persian* // L. Johanson, B. Utas (eds.). *Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages (Empirical approaches to language typology 24)*. Berlin–New York, 2000.

van Dijk 1986 — *van Dijk T. A.* (ed.). *Discourse and communication: New approaches to the analysis of mass media discourse and communication*. Berlin, 1986.

van Dijk 1988 — *van Dijk T. A.* *News as discourse*. New York, 1988.

Vasa 1887 — *Vasa P.* *Grammaire albanaise à l'usage de ceux qui désirent apprendre cette langue sans l'aide d'un maître*. London, 1887.

Visaret e kombit II — Visaret e kombit. Vëllimi II. Kânge kreshnikësh dhe legjenda. (mbl. dhe red. At B. Palaj, At D. Kurti). Tiranë, 1937.

Vrabie 1966 — *Vrabie Gh.* Balada populară română. București, 1966.

WALS 2012 — Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). The world atlas of language structures online. Munich: Max Planck Digital Library. Available online at <http://wals.info/> Accessed on 24.01.2012.

Weigand 1907 — *Weigand G.* Bulgarische Grammatik. Leipzig, 1907.

Weigand 1924 — *Weigand G.* The Admirative in Bulgarian // The Slavonic Review, № 2, 1924. P. 567–568.

Weigand 1925 — *Weigand G.* Der Admirativ im Bulgarischen // Balkan-Archiv. Fortsetzung des Jahresberichtes des Instituts für rumänische Sprache. Band I. Leipzig, 1925. S. 150–152.

Wedel, Savova 1991 — *Wedel A., Savova M.* Bulgarian evidential, German subjunctive and the category of person // Germano-Slavica 7/1. P. 25–34.

Wiemer 2006 — *Wiemer B.* Particles, parentheticals, conjunctions and prepositions as evidentiality markers in contemporary Polish (A first exploratory study) // Studies in Polish Linguistics 3, 2006. P. 5–67.

Wiemer 2008 — *Wiemer B.* Lexikalische Markierungen evidenzieller Funktionen: zur theoriebildung und empirischen Erforschung im Slavischen // B. Wiemer, V.A. Plungjan (Hg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen. München–Wien 2008. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72). S. 5–50.

Wiemer, Plungjan 2008 — *Wiemer B., Plungjan V.A.* (Hg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen. München/Wien 2008. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72)

Wiemer, Stathi 2010 — Wiemer B., Stathi K. (eds.). Database on evidentiality markers in European languages. Berlin, 2010. (Language typology and universals 64.1, 2010.)

Wiemer, Kampf 2011 — *Wiemer B., Kampf V.* Functionality and structure of evidential markings in Slavic (Integrative Theory with the construction of a database). (<http://www.staff.uni-mainz.de/wiemerb/documents/EvdiBasisAntragEngl.pdf>, проверено 01.02.2013.)

Wiemer, Kampf (в печати) — *Wiemer B., Kampf V.* On conditions instantiating tip effects of epistemic and evidential meanings in Bulgarian // Slověne, № 2, 2013 (в печати).

Wierzbicka 1969 — *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1969.

Willett 1988 — *Willett T.* A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // *Studies in language*, № 12, 1988. P. 51–97.

Woodbury 1986 — *Woodbury A. C.* Interactions of tense and evidentiality // W. Chafe, J. Nichols (eds.). *Evidentiality: the linguistic coding of epistemology*. Norwood, 1986. P. 188–202.

Xanoni 1909 — *Xanoni A.* Gramatika shqype. Shkodër, 1909.

Ymeri 1988 — *Ymeri M.* Çështje të stilit dhe të normës në trajtat e habitores // *Gjuha jone*, № 1, 1988. F. 13–22.

Żabowska 2008 — *Żabowska M.* Polskie wyrażenia ewidencjalne a partyluły epistemiczne // B. Wiemer, V.A. Plungjan (Hg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen*. München–Wien 2008. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 72)

СЛОВАРИ

Атанасова et al. 1975 — Българско-английски речник / Т. Атанасова, М. Ранкова, Р. Русев, Д. Спасов, Вл. Филипов, Г. Чакалов. София, 1975.

Бернштейн 1966 — *Бернштейн С. Б.* Българско-руски речник. Болгарско-русский словарь. Москва, 1966.

Видоески et al. 1990 — *Видоески Б., Пјанка В., Тополињска З.* Македонско-полски и полско-македонски речник. Варшава–Скопје, 1990.

Влахов 2004 — *Влахов С.* Нов руско-български речник / А. Липовска (ред.). Велико Търново, 2004.

Дорич et al. 1958 — *Дорич А., Минкова Г., Станчев Ст. Ив.* Българско-немски речник. София, 1958.

ЕСУМ — Етимологічний словник Української мови / Ред. О. С. Мельничук. Тт. I-VII. Київ, 1982–2012.

Кацори et al. 1959 — Българско-албански речник / Т. Кацори, Т. Таргари, Л. Душа, С. Паско, Л. Грабоцка (сост.), В. Георгиев, Р. Мутафчиев (ред.). София, 1959.

Конески 1986 — Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Б. Конески (ред.), Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски (сост.). Скопје, 1986.

Ќорвезировски, Руси 1967 — *Ќорвезировски М., Руси Љ.* Македонско-албански речник. Скопје, 1967.

Мичатек 1903 — [*Мичатекъ Л. А.*] Дифференциальный сербско-русский словарь. СПб, 1903.

Младенов 1941 — *Младенов С.* Етимологически и правописен речникъ на българския книжовен езикъ. София, 1941.

Младенов 1967 — *Младенов М.* Бугарско-српски речник. Београд, 1968.

Младенов et al. 1968 — *Младенов М., Црвенковски Д., Благоески Б.* Бугарско-македонски речник. Скопје, Београд, 1968.

Мургоски 2005 — *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005.

РБЕ 1977- — Речник на българския език. София, 1979-.

Речник Матице српске 1990 — Речник српскохрватског книжевног језика. Т. I-VI. Нови Сад, 1990.

РСБКЕ 1955 — Речник на съвременния български книжовен език. Т. I. А-К. София, 1955.

Славски 1963 — *Славски Ф.* Наръчен българско-полски речник. Варшава, 1963.

Стефанова et al. 1964 — Българско-френски речник / Л. Стефанова, А. Радев, Г. Дорчев, Н. Колев (сост.). София, 1964.

Страшевски 2004 — *Страшевски И.* Македонско-албански и албанско-македонски речник. Штип, 2004.

Толовски, Илич-Свитыч 1963 — *Толовски Д., Илич-Свитыч В. М.* Македонско-русский словарь / Н. И. Толстой (ред.). М., 1963.

Толстой 2001 — *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь. М., 1997.

Турецко-русский словарь 1945 — Магазаник Д. А. (сост.), Гордлевский В. А. (ред.). Турецко-русский словарь. М., 1945.

Турско-български речник 1962 — Романски С. (ред.), Ванчев Н., Гълъбов Г., Классов Г., Попов Т., Шанов В. (съст.). Турско-български речник. София, 1962.

Ускова и др. 1997 — Македонско-руски речник. Македонско-русский словарь. Т. I (А-М); Т. II (Н-П); Т. III (Р-Ш) / Авторы-составители: Р. П. Ускова, З. К. Шанова, М. А. Поварницына, Е. В. Верижникова. Под ред. Р. П. Усковой. Скопье, 1997.

Црвенковски, Груиќ 1988 — *Црвенковски Д., Груиќ Б.* Англиско-македонски речник. Македонско-англиски речник. Скопје, 1988.

Чундева et al. 1997 — *Чундева Н., Најческа-Сидоровска М., Накев С.* Руско-македонски речник. Скопје, 1997.

Arbanas s.a. — *Arbanas L.* Deutsch-albanisches und Albanisch-deutsches Wörterbuch mit deutsch-albanischen Gesprächsbeispielen. Wien—Leipzig, ohne jahr.

- Bardhi 1635 — *Blancus F.* Dictionarium Latino-Epiroticum. Romae, 1635.
- Boretzky 1976 — *Boretzky N.* Der Türkische Einfluss auf das Albanische. Teil 2. Wörterbuch der albanischen Turzismen. Wiesbaden, 1976. (Albanische Forschungen 12.)
- Çabej 1976 — *Çabej E.* Studime gjuhësore I. Studime etimologjike në fushë të shqipës. A-O. Prishtinë, 1976.
- Cordignano 1934 — *Fulvio Cordignano P., s.j.* Dizionario albanese-italiano e italiano-albanese. Parte albanese-italiana. Milano, 1934.
- Demiraj 1997 — *Demiraj B.* Albanische Etymologien. Untersuchungen zum Albanischen Erbwortschatz. Amsterdam—Atlanta, 1997. (Leiden Studies in Indo-European, Bd. 7.)
- Fjalor 1981 — *Kostallari A., Tomaj J., Lloshi Xh., Samara M., Kola J., Daka P., Hadxhillazi P., Shehu H., Leka F., Lafa E., Sima K., Feka Th., Keta B., Hidi A.* Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Prishtinë, 1981.
- Fjalor 2002 — *Kostallari A.* (red.). Fjalor i shqipës së sotme. Tiranë, 2002.
- Gerbino 2008 — *Gerbino G.* Fjalori arbërisht-italisht i horës së arbëreshevet. Dizionario arbëresh-italiano della parlata di Piana degli Albanesi. Palermo, 2008.
- Jokl 1923 — *Jokl N.* Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen, Berlin—Leipzig, 1923.
- Leotti 1937 — *Leotti A.* Dizionario Albanese-Italiano. Roma, 1937.
- Mançe 2007 — *Mançe M.* Fjalor shqip-rusisht. Tiranë, 2007.
- Mançe et al. 2005 — *Mançe M., Dhimitri L., Zykaj Xh., Myrto L., Malo N.* Fjalor rusisht-shqip. Tiranë, 2005.
- Mann 1948 — *Mann S. A.* An historical Albanian-English dictionary. London/ New York—Toronto, 1948.
- Meyer 1891 — *Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.
- Ndreca 1976 — *Ndreca M.* Fjalor Shqip-Serbkroatisht, Albansko-srpsko-hrvatski rečnik. Prishtinë, 1976.
- Orel 1997 — *Orel V.* Albanian etymological dictionary. Leiden—Boston—Köln, 1997.

Источники*Коллекция болгарских текстов*²⁰⁰

- Бонев С.* Формуляр No. 8.
Вазов И. Митрофан и Дормидолски. София, 1926.
Вазов И. Под игото. Роман в три части. Из живота на българите в предвечерието на освобождението. София, 1948.
Дамьянов М. Честта на затворника.
Йовков Й. Разкази. Тт. 1–2. София, 2008.
Константинов А. Бай Ганьо // А. Константинов. Съчинения в два тома. Том I. София, 1970.
Константинов А. До Чикаго и назад // А. Константинов. Съчинения в два тома. Том I. София, 1970.
Константинов А. Миш-Маш // А. Константинов. Съчинения в два тома. Том II. София, 1970.
Константинов А. Разни хора, разни идеали // А. Константинов. Съчинения в два тома. Том II. София, 1970.
Лазаров П. Български глас.
Минков С. Алхимия на любовта.
Елин Пелин. Герациите // Елин Пелин. Разкази. Том II. София, 1911.
Попов А. Small woman // «Сезони», 2, 2000.
Радичков Й. Разкази. София, 2008.
Симов С. Болезнени видения.
Спасов С. Село на баир.
Стоянов З. Записки по българските въстания. Разказ на очевидци, 1870–1876. Т. 1–3. София, 1977.
Тренчев С. Хипнозата.
Хайтов Н. Диви разкази. София, 2001.
Ценов Ч. Танто за кукуригу.
Чудомир. Провинциалистки // Чудомир. Точ в точ. Велико Търново, 1995.
Simon Ray Martin. Грешницата.

²⁰⁰ Если время и место публикации не указаны, текст взят из электронной библиотеки «Слово» (<http://www.slovo.bg>, проверено 01.11.2012), где он был опубликован в середине 2000-х гг.

Коллекција македонских текстов

- Андоновски В.* Вештица. Скопје, 2006.
- Андоновски В.* Опитот на Наум Манивилов // “Блесок”, № 3, 1998.
- Андреевски П.* Аванос // “Блесок”, № 14, 2000.
- Арифи Т.* In Medias Res // “Блесок”, № 23, 2001.
- Бачкоска Г.* Зависна. Скопје, 2007.
- Богомил Ѓ.* Машина за пишување // “Блесок”, № 8, 1999.
- Букал С.* Омега како некогаш ветрот во тополите // “Блесок”, № 19, 2001.
- Волнаровски П.* Прашина // “Блесок”, № 7, 1999.
- Дурацовски Д.* Хемиска свадба // “Блесок”, № 4, 1998.
- Исаковски И.* Песочен часовник. [Скопје], 2003. Електронно издание. (с) “Блесок” (<http://www.blesok.com>, проверено 01.02.2013)
- Јаневски С.* Архивски мозаик // “Блесок”, № 33, 2003.
- Ќорвезировска О.* Три соби за двајца. [Скопје], 2007. Електронно издание. (с) «Блесок» (<http://www.blesok.com>, проверено 01.02.2013)
- Крстески Т.* Тепање див зајак // “Блесок”, № 16, 2000.
- Лафазановски Е.* Кога во Скопје ги измислиле чадорите // “Блесок”, № 9, 1999.
- Маровиќ И.* Пераст // “Блесок”, № 29, 2002.
- Маџунков М.* Циркус // “Блесок”, № 33, 2003.
- Миневски Б.* Балкан за деца // “Блесок”, № 8, 1999.
- Михајловски Д.* Мојот Скендербеј. Скопје, 2006.
- Мицковиќ С.* Г-дин Дика реши да се убие // “Блесок”, № 14, 2000.
- Мицковиќ С.* Куката на Мазарена. Скопје, 2002.
- Османли Т.* Облаци. [Скопје,] 2007. Електронно издание. (с) «Блесок» (<http://www.blesok.com>, проверено 01.02.2013).
- Османли Т.* Сликата на тетка Рашела. [Скопје,] 2003. Електронно издание. (с) «Блесок» (<http://www.blesok.com>, проверено 01.02.2013).
- Прокопиев А.* 77 антиупатства за лична употреба. Електронно издание. (с) «Магор» (доступно на <http://www.magog.com.mk>, проверено 01.02.2013).
- Прокопиев А.* Три тетки // “Блесок”, № 1, 1998.
- Симски С.* Ценет Капициќ // “Блесок”, № 13, 2000.
- Смилевски Г.* Близначки // “Блесок”, № 22, 2001.
- Солев Д.* Ни ден без ред // “Блесок”, № 27, 2002.
- Чачански К.* Луѓе од слама // “Блесок”, № 12, 2000.
- Чинго Ж.* Смртта на градинарот // “Блесок”, № 23, 2001.

Коллекция албанских текстов

[Автор неизвестен] *Jetimi, urtësia dhe shpërblimi: Një tregim për një jetim*²⁰¹ (опубликовано в 2006 г. на форуме <http://www.zeriyt.com/jetimi-urtësia-dhe-shpërblimi-t31375.0.html>, проверено 01.02.2013).

Idrizi S. Mëditja (опубликовано 24.09.2009 на <http://www.akllapi.net/t5585-tregim-nga-sabit-idrizi-meditja>, проверено 01.02.2013).

Jasqi A. Kobi i këngës (опубликовано на http://letersia.zemrashqiptare.net/news/id-5816/cid-1/КОБИ_И_К%С3%8ВNG%С3%8BS.html, проверено 23.11.2009, в настоящее время этот текст недоступен).

Kadare I. Gjenerali i ushtrisë së vdekur. Tiranë, 2001.

Kadare I. Kush e solli Doruntinën. Tiranë, 2004.

Kulla P. Rrëfenja nga Amerika: Përjetime dhe portrete shqiptarësh në mërgim. Tiranë, 2011.

Marko P. Qyteti i fundit. Tiranë, 2000.

Starova L. Koha e dhive. Tiranë, 2006.

Stermilli H. Sikur t'isha djale. Prishtinë, 1985.

Xhunga R. Preja e një martesë të lodhur. Tiranë, 2003.

Xhunga R. Sikur ana. Tiranë, 2005.

²⁰¹ Нам не удалось установить автора этого произведения. Оно было опубликовано пользователем под псевдонимом Outime.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Автореференция: 31;
авторская позиция (категория) (stance): 15, 57, 61, 62, 180, 182, 204, 205, 212;
(ад)миратив, (ад)миративность ((ad)mirative, mirative): 11–13, 15, 17, 19–21, 23, 24, 35, 38–40, 45, 49–54, 55, 56, 61–65, 68–72, 75, 86, 91, 93, 94, 97–99, 102, 109, 112, 116, 118–121, 125–131, 132 (сноска 92), 133, 134, 136, 138–140, 141 (сноска 98), 142, 144, 148, 151 (сноска 103), 162, 171, 175, 176, 211, 212, 227–229, 309, 314, 316, 324, 326, 327
unprepared mind: 50, 52, 289, 321;
аналитическое/холистическое прочтение (analytic/holistic reading): 154–156, 159, 160, 166, 172–173, 178, 185, 187, 188, 191, 193, 196, 212, 324–325;
- Балто-балканский ареал:** 9;
балканский текст: 13, 15, 55, 212, 223, 233, 234;
балканская модель мира: 3, 13–15, 23, 33, 34, 39, 55, 99, 137, 213–223, 230–235, 314, 325, 328;
близкий/далекий: 231
видимый/невидимый: 22, 214, 326
внутренний/внешний: 22, 99, 214, 226, 231, 326
живой/мертвый: 231
истинный/ложный: 163 (сноска 111), 214
мужской/женский: 231
определенный/неопределенный: 214
открытый/закрытый: 231
свой/чужой: 214, 231, 310, 312, 313, 314, 321, 326
хороший/плохой: 214
оператор превращений: 34;

балканизм: 21–22, 173, 215;

билингвизм (двуязычие), многоязычие, языковые контакты: 9, 36 (сноска 23), 128, 136, 137, 315;

Вопросительные предложения: 76

Дейксис: 11, 12, 66, 294, 306, 308, 310;

дискурс: 10, 13, 14, 31, 35, 39, 48, 56, 93, 99, 204, 207, 212, 213, 220–222, 228, 256, 260, 261, 290 (сноска 165), 293–295, 301, 302, 308–310, 314, 315, 320, 322, 326;

дистанцирование (distance): 39, 51–53, 56, 57, 64, 65, 94, 98–99, 101, 102, 107, 108, 110, 112, 117, 119, 142, 160, 166, 168–170, 172, 173, 191, 194, 207, 220, 225, 226, 240, 264, 288, 291, 294, 298, 302 (сноска 170), 306, 308, 309 (сноска 172), 310, 321, 322, 326;

Залог: 69–75, 112, 322 (сноска 182);

Императив: 12, 41 (сноска 29), 42, 82, 83, 84, 106, 125;

истинность/ложность высказывания (truth conditions): 11, 42, 53, 70, 163 (сноска 111), 186, 298;

Коммуникация: 9, 10, 36, 294;

кондиционал: 22 (сноска 14), 42, 43, 45, 115, 116, 129;

конъюнктив (mèyuga lidhore): 12, 22 (сноска 14), 41 (сноска 29), 42, 43, 50, 75, 80 (сноска 47), 81, 83, 105, 106, 112, 116, 132 (сноска 92), 140, 182, 198;

лингвистика теста: 12, 30

перспектива текста, нарративная перспектива: 11, 39, 67, 68, 93, 221 (сноска 126), 254–260, 262, 291, 294

первый план/фон (foreground/background): 67, 93, 120, 220–223, 254, 256–260, 262, 263, 289, 302, 373 (сноска 198)

пространство текста: 12, 15, 30, 31, 191, 212, 213, 214, 225, 226, 234, 235, 250, 264, 290, 291, 325

структура текста: 12–15, 31, 56, 57, 134, 213, 215, 221, 226, 228, 229, 231, 232, 234, 252, 264, 290, 291, 297, 308, 325

сжатое изложение (abstract)/развернутое изложение (complicating action): 297, 301;

Маркированность/немаркированность: 47, 56, 62, 66, 74, 89, 100, 108, 126, 127, 161, 164, 169, 170, 171, 172, 175, 183, 184, 191, 217, 225, 253, 259, 287, 288;

межфразовые связи: 31;

модальность, наклонения: 7, 13, 15, 20, 37, 38, 40–44, 45, 49, 53–55, 75–77, 79, 102, 112, 136, 139, 140, 142, 143, 204, 217;

Оптатив, опативность: 12, 38, 42, 50, 80–81, 83, 84, 90 (сноска 59), 104, 106, 109, 186, 188, 198, 201, 212, 327;

отрицание и эвиденциальность: 75;

Партикула: 146–147;

пересказывательное согласование (reportative concord): 290 (сноска 165);

перфект: 20–23, 24–29, 35, 39, 44, 50, 55, 61, 63, 65, 70–72, 73 (сноска 44), 82–84, 86, 89, 90, 92, 93, 95, 97–99, 103–106, 108, 110–112, 114, 117, 118, 121–124, 127, 129, 130, 136, 137, 138 (сноска 95), 139, 140, 141 (сноска 97), 142, 170, 172, 206, 207, 216, 255–260, 289, 290, 301–303, 314–320

инвертированный перфект с апокопированным причастием см.

Эвиденциальность => формы => албанские (инвертированный перфект с апокопированным причастием)

перфектоподобные формы: 91, 96

статальный перфект (Zustandskonstatierung, констатация на состоянии): 26, 27, 90, 91, 94–95, 97, 99, 109, 241 (сноска 137), 324, 327;

плюсквамперфект: 24, 52, 82, 83, 84, 87, 90, 102–104, 106, 114 (сноска 76), 134 (сноска 93), 164, 172, 256, 258, 317, 360 (сноска 196);

повествовательные регистры/жанры: 14, 23, 31, 215–220, 226, 229, 290 (сноска 165)

язык СМИ: 14, 23, 34, 292–314

язык фольклора: 14, 23, 68, 119, 124, 217, 218, 223–291, 292, 325, 326;

перформатив: 306;

прагматика: 10, 16, 56, 57, 69, 76, 93, 99, 215, 221, 241 (сноска 137), 297, 298, 315, 326;

прохибитив: 12;

Реалис/ирреалис: 41, 54–55, 69, 199, 326;

Связка, копула, вспомогательный глагол: 11 (сноска 4), 20, 23, 25–28, 38, 45, 46, 55 (сноска 35), 63–65, 67, 72–74, 76, 78, 79, 81, 82, 83 (сноска 52), 85 (сноска 56), 86–88, 90–95, 100, 102, 104, 110–112, 122–124, 127, 129, 131, 138, 139, 144, 154, 213, 220, 221, 262, 299, 301, 302, 304, 309, 314, 323, 326;

связь синтаксиса и семантики (syntactic-semantic interface): 11

семиотика: 12, 14, 15, 16, 23, 39, 137, 214, 215, 225, 226, 234, 241, 261, 264;

сказитель: 68, 221, 226, 234, 288, 325, 372 (сноска 198);

среднеевропейский стандарт (Standart Average European): 13, 17;

субъективность: 12, 38, 48, 55–57, 60, 119, 220, 222, 253, 294, 297;

ТАМ-парадигмы:

болгарские: 69–75;

македонские: 102–106;

албанские: 111–112;

генерализованное прошлое: 92, 130;

текстовая функция артикля: 31;

текстовые формулы: 139 (сноска 96), 225, 227, 228, 234, 249–253, 261, 325;

Фокус: 15, 56;

Хортатив: 12;

Шифтеры: 11, 18, 68;

Эвиденциальность: 7–25, 28–31, 33, 36–322, 324–326, 328

реляционная природа э.: 93–94

прямая/косвенная: 11, 15–16, 18, 24–25, 38, 44, 46, 47, 55–58, 60–62, 64–67, 69, 76, 82, 86, 98–100, 108, 124, 136, 157, 166, 167, 170, 183, 187, 188, 192, 194, 195, 216, 218–220, 223, 225–227, 235, 238, 239, 241–243, 252–254, 262–264, 268, 272 (сноска 153), 284, 287, 288, 290–292, 294, 297, 298, 301, 303–306, 308–310, 322, 325, 326, 328

формы:

албанские (инвертированный перфект с апокопированным причастием): 12, 19, 20, 23, 28, 29, 35, 46, 50, 51, 61, 66, 71, 72, 75,

- III–118*, 121, 122, 130, 132–134, 137–140, 142–144, 172, 174, 176, 179, 217, 227–229, 310–314, 316, 322, 323, 327, 328
- болгарские и македонские (*л*-формы): 12, 20, 24, 25, 27, 38, 39, 44–46, 49, 56, 61, 65–67, 69, 71, 73, 79, 81, 83–94, 96–99, 102, 106–108, 122, 124–132, 135, 137, 144, 175, 216–218, 220, 221, 227–229, 241 (сноска 137), 262, 294, 298, 302, 314, 315, 321 (сноска 180), 322, 326, 327
- лексические маркеры эвиденциальности: 10, 11, 13–15, 25 (сноска 17), 29–30, 47, 49, 76–79, 144–212, 291, 312, 314, 315, 321, 322, 324, 325
- безспорно*: 200
- беки*: 152
- белким*: 152
- божем*: 145, 152, 204
- бозна*: 152
- будто (бы), как будто*: 121, 150 (сноска 103), 152, 154, 156, 161, 162, 175–178, 186, 187, 195, 197, 198, 201, 300
- вели*: 151, 166–169, 203, 206–209, 242 (сноска 138), 318
- вероятно, вероятно е, че (вероятно е да)*: 152, 199 (сноска 116), 200
- вероятно*: 152
- вест*: 145, 151
- виждам*: 70, 151
- викам*: 151, 239 (сноска 135), 267
- вроде (бы), вроде как*: 150, 152, 194, 198, 204
- га че ли*: 152 (сноска 106)
- глас*: 151
- ѓоа, ѓоамити, ѓвоа*: 47, 150–151 (сноска 103), 152, 177, 178, 208, 211, 324
- говорить*: 25, 26, 28, 77, 102, 112, 141 (сноска 97), 151, 152, 158–163, 168–170, 175, 176, 182, 183, 186, 188–190, 192–194, 207, 208, 224, 239 (сноска 135), 242 (сноска 138), 243, 291, 308
- демек (ѓоа)*: 145, 152, 173–176, 199, 201–203, 208–211, 324
- думам*: 151, 233, 236–238, 239 (сноска 135), 242 (сноска 138), 266, 267
- евидентно*: 152
- едва ли*: 152, 169, 192, 204
- (се) зборува*: 152, 170, 182, 242 (сноска 138), 319, 320
- значи*: 152, 182
- изглежда(, че/да)*: 151, 153 (сноска 108), 200

- (по се) изгледа: 152
казвам/кажа: 95, 97, 125, 151–166, 186, 189–191, 193, 194, 203, 208, 239 (сноска 135), 262, 287, 305, 307
кажува/каже: 151, 166–171, 203, 209, 242 (сноска 138)
кай: 144, 152, 188–191, 200, 202–204, 208, 210
како да: 145, 146, 152, 177
као: 150 (сноска 103)
като че (ли): 152, 161, 199 (сноска 116), 200
ко: 152
кобајаги: 150 (сноска 103)
(ко)ѓоја: 150, 176, 210, 211
май (че): 144, 152–155, 188, 192–194, 199 (сноска 116), 200, 202–204, 210, 211, 234
може, може би: 152, 204
мъла: 145
наведувa/наведе: 194
наводно: 146, 150 (сноска 103), 152, 177, 194–196, 202, 203, 206, 207, 209, 210, 324, 325
навярно: 152, 199 (сноска 116), 200
надали: 152, 204
научавам: 151
небарe: 152
невяя: 152
негли: 152
несъмнено: 27, 200
определено: 200
очевидно, очевидно (е), че: 152, 153 (сноска 108), 200
очигледно: 152
по словам...: 145, 181–183, 185, 202
приказки: 145, 151
приказвам: 151, 163
разказвам: 151
рече: 151, 166–169, 186, 187, 203, 206, 208, 209, 242 (сноска 138)
сигурно(, че): 152, 199 (сноска 116), 200
слух: 145, 151, 152, 185, 300
(се) слуша: 152
(се) шушка: 152
според: 179–185, 199, 202, 203, 209, 210, 212

- струва ми се* (, *че/да*): 151, 200
съгласно: 152
със сигурност: 200
сякаш (че): 152, 186, 199 (сноска 116), 200
тобоже: 150 (сноска 103)
уж, ужким, ужка: 152, 186–188, 200–204, 209–212, 324
чувам: 151
чунким, чункум: 152
явно, явно (е), че: 152, 153 (сноска 108), 200
якобы: 29, 47, 88, 118, 150 (сноска 103), 152, 153 (сноска 108), 171, 172, 175, 176, 179, 185, 187, 196, 197, 199, 200–202, 206, 207, 312, 313
anscheinend: 199 (сноска 119)
banse = bën se: 197
come, come se: 197
coto si: 199
demek: 152, 173–176, 199, 202, 203, 208, 210, 211, 324
gjoja: 176–179, 196, 197, 199, 201–203, 206–208, 210, 211, 312, 314, 324
gjë: 152
(n)gjasë, sipas (n)gjasës, me (n)gjasë: 152
(n)gjasmë: 152
güya, gûya: 176, 210, 211
jakoby: 199
kini se: 196
kinse: 146, 151 (сноска 103), 152, 196–197, 201–203, 210, 211, 312, 314, 324
korsëm: 153
mai: 192, 210
mbase: 153
na: 29, 134, 138, 244–246, 248, 256, 258, 259, 261, 276–278, 281–283, 312, 314
ndoshta, ndofta: 153
podobno: 150 (сноска 103)
rzekoto: 150 (сноска 103)
shprehem: 152
sicher: 199 (сноска 116)
sikur (skuna, skur, skurse): 146, 151 (сноска 103), 153, 175, 185, 197–199, 202, 203, 210, 211
sipas, simbas: 28, 152, 153, 172, 179–185, 199, 202, 203, 209, 212, 313

- them, thuhet*: 75, 140, 141 (сноска 97), 152, 171–173, 175, 184, 202, 203, 206, 243–245, 248, 249, 259, 271–273, 277–281, 283, 291
- vermutlich*: 199 (сноска 116)
- wahrscheinlich*: 199 (сноска 116)
- zese = ze(je) se*: 197
- э. и лексические группы глаголов: 235–249
- э. и лицо: 66–69
- эвиденциальные стратегии: 10, 43, 44 (сноска 31), 52, 55, 59, 79, 159
- семантические параметры э.: 58, 59, 61, 64, 75, 192, 194
- аудитив, аудитивность (auditory): 12, 19, 59, 62, 249
- визуальность (visual): 19, 58–60, 62, 64, 148, 155, 177, 178, 192–194
- конклюдив, конклюдивность, имперцептив, инферентив (inferring, inferred): 12, 17 (сноска 10), 23, 27, 28, 38, 43 (сноска 31), 51, 58–66, 84, 86, 90, 91, 93, 97–99, 100, 102, 121 (сноска 85), 135, 148, 151 (сноска 103), 155, 174–176, 181–183, 192–194, 198, 204, 209, 210–212, 301, 314, 324, 326
- презумптив, презумптивность (assumed): 20, 21, 43 (сноска 31), 59, 61
- репортатив, репортативность (reportive, hearsay): 23, 24, 27, 28, 38, 39, 51, 54, 58–67, 86, 90 (сноска 59), 92, 97, 110, 119, 120, 122, 126 (сноска 88), 127, 133, 135, 142, 143, 148, 151 (сноска 103), 155–157, 172, 174, 175–179, 181–184, 186, 188, 189, 191–194, 196–198, 200, 209–212, 217, 290 (сноска 165), 311, 312, 314, 320, 324, 325
- сенсорность (sensory): 58–60, 62, 155, 192–194
- цитативность (quotative): 59, 189, 191, 209
- э.: терминология:
- буджим (boojum): 20, 92 (сноска 62)
- вид на изказването: 20
- заглазность: 20
- засвидетельствованность: 15, 16, 20, 46, 47, 58, 60, 64, 79 (сноска 46), 91, 119, 129, 124, 137, 169, 170, 172, 183, 188, 193, 319
- имперцептивность, имперцептивная модальность: 12, 62, 67, 91, 97, 98, 102, 132, 136, 314
- категория (не)очевидности высказывания, (не)очевидность, неочевидное наклонение: 19, 20, 51, 119
- категория пересказывания: 19, 20, 73 (сноска 44), 76, 83, 84, 214
- конфирматив, конфирмативность: 12, 46–47, 100–101, 108, 127, 170, 171, 183, 207

- модус высказывания (модус/начин на изказването): 19, 38, 89
опосредование, медиатив, *médiatif*, *médiation*, *mediation*,
énonciation médiatisée: 12, 18–19, 39, 51–53, 57, 60, 61, 92
(сноска 61), 97–99, 215 (сноска 124), 322, 326
пересказывательное наклонение, пересказывание, пересказыва-
тельные формы (преизказно наклонение, преизказване, пре-
кажување, преизказни форми): 19, 20, 26, 38, 41, 73 (сноска
44), 74, 76, 79, 83–89, 92, 100, 119, 123, 143–145, 214, 216, 289
(сноска 163), 326
ὄλτροοδóμητοι: 19, 50
data-source: 19
(in)*direkte Erlebnisformen*: 18
koha konkluduese: 19
mbylltore: 20
médiaphore: 19
mënyrë habitore: 20, 51, 118, 120, 133, 144
modalność imperceptywna, *imperceptywność*: 19
të rapandehura: 19
базы данных по э.: 11
ареальное распределение э.: 8–10
«большой эвиденциальный пояс»: 9;
эндофорики, эндофоричность: 60, 61, 249
эпистемичность: 11 (сноска 3), 12, 13, 23, 28, 38–44, 44–49, 51, 53–
58, 60–64, 66–69, 71, 77 (сноска 45), 84, 92, 98–102, 112, 122, 126,
127, 144, 151 (сноска 103), 154–157, 159, 160, 162, 164–169, 171,
172, 174–179, 183–188, 190–192, 194–199, 203–211, 214, 294, 311,
312, 314, 320, 324, 325
дубитатив, дубитативность: 12, 29 (сноска 22), 38, 47, 48, 61, 64,
65, 67, 76, 84, 87, 89, 90, 94, 99, 102, 117, 124, 125, 131, 140,
204, 299, 314
эпистемическая позиция (*epistemic stance*): 48
эпистемический агностицизм: 162–163 (сноска 111)
этический/эмический подход (*etic/emic*): 37, 65;

Юссив: 12

Языковые корпусы: 31–33

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

- Балканские языки/языки Балкан, Балканский языковой союз: 9, 12–16, 21–23, 33, 25, 37, 40, 42, 44, 47, 48, 52, 54, 56, 61, 62, 69, 72, 75, 79, 136, 144, 147, 150, 176, 178, 203, 205, 210, 211, 214, 218 (сноска 125), 249, 322, 324, 328
- албанский: 8, 9, 13, 16–24, 28, 29 (сноска 22), 31, 34–36, 39, 42, 43, 45–47, 49–51, 54, 55, 61, 62, 66, 69–72, 74–76, 79, 81–83, 98, 103–105, 111–122, 126 (сноска 88), 128, 129, 131–144, 146, 149–152, 154, 171, 173, 175, 176, 178, 179, 184, 185, 196–199, 201, 202, 204, 205–212, 225, 228, 229, 230, 233, 243, 244, 248, 249, 253, 254, 257, 261, 262, 271, 276 (сноска 156), 284, 289, 291, 310–328
- северногегские говоры (также: албанские говоры Косова): 119, 134, 135, 184, 324, 325, 327
- Мирдита (Албания): 132, 134
- Шкодра и окрестности Шкодранского (Скадарского) озера: 132, 134
- Лежа (Албания): 134, 272–282
- Мухур (краина Дибра, Албания): 133
- восточногегские говоры: 138
- восточнотосские говоры: 132, 135
- Лешня (краина Скрапар, Албания): 133
- Чамерия (С.-З. Греция): 132, 135
- албанские говоры Украины: 133–135
- арберешские говоры (Греция, Италия): 132, 135, 184, 197
- греческий: 10, 21, 22, 84, 104, 105, 112
- румынский: 21, 22, 105, 112, 192, 207
- аромунский язык: 8, 21, 23, 24, 173
- диалект Beala-di-Suprâ: 21 (сноска 13), 23

- мегленоромунский: 8, 21, 23, 24
ладинский (стамбульский диалект): 8, 21, 24
цыганский: 8, 21, 23, 24, 221 (сноска 126)
болгарский: 8, 9, 11, 12, 16–34, 36, 38–42, 44–49, 54, 56 (сноска 35), 57, 58 (сноска 37), 61–73, 76–109, 112, 117, 120, 122–124, 129, 135–138, 143–146, 149–154, 162 (сноска 111), 164–166, 170, 171, 173, 174, 176, 179, 182, 184, 186, 188, 189, 200–202, 204, 207–212, 215–225, 227, 229, 235, 239, 242, 248 (сноска 139), 249–254, 260–262, 269, 284, 286, 290, 291, 294, 295, 298, 303 (сноска 171), 304, 311, 314, 321 (сноска 180), 322–327, 329 (сноска 189)
македонский: 8, 10, 12, 16, 19, 21–25, 28, 31, 33–36, 39, 40, 42, 44–47, 49, 51, 54, 57, 61, 63, 67, 70–73, 76, 79, 82, 83 (сноска 52), 98, 102–112, 120, 122, 125, 126, 127, 128, 135, 137, 138 (сноска 94), 143–146, 149–152, 154, 156, 157, 168–171, 173–179, 182–184, 196, 201, 204–212, 216–219, 221, 223–225, 227, 229–231, 234, 235 (сноска 132), 242, 248 (сноска 139), 249, 250, 252 (сноска 142), 253, 254, 260, 261, 269, 284, 290, 291, 301, 314–320, 322–327
сербский: 34, 81, 105, 112, 118, 138, 149–150 (сноска 102), 150–151 (сноска 103), 173, 176, 179, 211, 230, 284–286
южнославянские говоры:
Банско (Болгария): 176
Ботевград (Болгария): 122–124
Видин (Болгария): 123 (сноска 86), 124
с. Войнягово (Карловско, Болгария): 123 (сноска 86), 124, 179
с. Габре (Белослатинско, Болгария): 123 (сноска 86), 124
с. Гела (Смолянско, Болгария): 123 (сноска 86), 124
с. Говедарци (Самоковско, Болгария): 123 (сноска 86), 124
гребенский говор (Силистренско, Болгария): 123 (сноска 86), 124
Димитровград (Цариброд), Сербия: 123 (сноска 86), 124
с. Доброславци (Софийско, Болгария): 123 (сноска 86), 124
Кюстендил (Болгария): 123 (сноска 86), 124
с. Момчиловци (Смолянско, Болгария): 122–123, 176
с. Нова Надежда (Хасковско, Болгария): 123 (сноска 86)
с. Ново Село (Видинско, Болгария): 123 (сноска 86), 124
с. Орешник (говор переселенцев из Фракии в с. Орешник, Елховско, Болгария): 123 (сноска 86), 124

- родопские говоры (Болгария): 122, 123
с. Смолско (Пирдопско, Болгария): 123 (сноска 86), 124
с. Съчанли (Гюмюрджинско, Болгария): 123 (сноска 86), 124
София (Болгария): 122–124
Странджа (Болгария): 122–124
Троян (Болгария): 123 (сноска 86), 124
Шумен (Болгария): 122–124
юго-восточные болгарские говоры (Болгария): 176
Битолско (Македония): 125
Гостиварско (Македония): 125
Дебарско (Македония): 176
Кичево (Македония): 125
Прилеп (Македония): 125, 176
Струшко (Македония): 125
Црско (Македония): 125
банатский говор (Банат, Румыния): 123, 179, 189
Гора (Северо-Восточная Албания): 176
с. Бобоштица (округ Корчи, Албания): 118 (сноска 82), 127–132
с. Каменица (округ Корчи, Албания – говор переселенцев из с.
Требишт, Голоборда, Албания): 118 (сноска 82), 126 (сноска
88)
Малая Преспа (Албания, Греция): 125, 126 (сноска 88)
Смрдеш (Эгейская Македония, Греция): 126 (сноска 88)
другие славянские говоры Эгейской Македонии: 176, 222
область Драмы и Сереса (Греция): 123 (сноска 86);
старославянский: 61 (сноска 40), 137, 138;
русский: 10, 16, 18, 34, 52, 67, 70, 105, 131, 134 (сноска 93), 136, 138
(сноска 95), 145, 147 (сноска 100), 149, 150 (сноска 103), 188, 199,
200, 204, 249, 257, 284–286, 305, 318;
украинский: 131, 192;
белорусский: 131;
полабский: 131 (сноска 131);
польский: 10, 145–146, 150 (сноска 103), 199;
другие западнославянские языки: 136;
балтийские языки: 9, 40 (сноска 28)
 литовский: 8, 9
 латышский: 8, 9;
английский: 10, 11, 20, 34, 43, 57, 202, 284, 285, 294;

- немецкий: 10, 18, 20, 43, 77, 79, 118, 294;
латинский: 141;
итальянский: 10, 34, 141, 284–286;
испанский: 10, 199;
французский: 10, 18, 39, 43, 77, 79, 294, 322;
армянский: 8, 51;
иранские: 51
 таджикский: 8, 19;
индийские: 51;
тюркские: 9, 18, 51, 56 (сноска 35);
 турецкий: 8, 9, 21, 24, 20, 36 (сноска 23), 75, 135–137, 143, 173,
 176, 207, 208, 211, 324
 саларский: 56 (сноска 35);
кارتвельские: 51
 грузинский: 9, 77;
кавказские: 51;
уральские:
 финский: 77
 эстонский: 9, 77, 79, 154
 обско-угорские: 9
 самодийские: 9;
юкагирские: 9;
японский: 56 (сноска 35);
эскимосские языки: 217;
индейские языки Северной, Центральной и Южной Америки: 9, 17,
18, 54, 217
 квакиутль (вакашские языки): 17, 18
 равнинный кри (алгонкинские языки): 290 (сноска 165)
 языки Северо-Западного побережья Северной Америки (винту,
 помо, салишские): 9
 шипибо-конибо (паноанские языки): 56 (сноска 35)
 кечуа (языки кечуа): 56 (сноска 35)
 цафики (барбакоанские языки): 66;
языки Южного Нагорья Новой Гвинеи: 9;
языки Австралии: 54.

RESUME

The book attempts to provide a new approach to evidentiality, a specific linguistic category, indicating the source of information, using Bulgarian, Macedonian and Albanian data.

In the first chapter (“The concept and structure of evidentiality”) I dwell upon evidentiality together with mirativity and epistemicity within a more general semantic frame of distance.

In the second chapter (“Grammatical evidentials in Balkan languages”) the inventory of grammatical(ised) witnessed and unwitnessed evidentials is provided. Witnessed evidentials in Bulgarian are forms in *-x-/-š-/-ø-*, in Macedonian they are forms in *-v-/-š-/-j-/-ø-*, in both languages dating back to Common Slavic aorist and imperfect. Unwitnessed evidentials in Bulgarian and Macedonian are *l*-forms (dating back to Common Slavic perfect); in Albanian they are inverted perfect forms with apocoped participle ending (cf. *ka shkruar* ‘He has written.’ vs. *shkrua-ka* ‘He writes, indeed!’ or ‘He allegedly writes’). The description is provided not only synchronically (both in standard language and in dialects), but also diachronically.

What until recently was the main object of interest in the majority of studies in Balkan evidentiality (its forms and its place within the grammatical system of a given language), in this book is a starting point of moving towards the description of evidential marking in the context. First of all, the cases of common usage of lexical and evidential markers are considered (the third chapter, “Lexical evidential markers in Balkan languages”). The common usage takes the multiple meaning of both types of markers at play, but in each and every case the meanings are not multiplied, but limited, so that we are able to define the straightforward meaning of the construction.

In the second part of the book I dwell upon the role the grammatical evidentials play in structuring the discourse (“narrative prospective”) and

texts (their division into meaningful chunks; marking of *abstract* and *complicating action* in Labov's terms).

The fourth chapter ("Folklore text through the looking glass of evidentiality") is focused on evidential markers in one Balkan text, which exists in many versions — the Dead Brother's Song. In folklore language the straight evidential meaning ("I saw it." vs. "I was told.") becomes irrelevant, and their main function is the indication of the semiotic prospective the singer of tales is taking with the respect of the text being told (inside/outside) and structuring the text itself (its beginning/end/junctures of the meaningful chunks; word formulas; lexical groups of verbs of speech and verbs of motion).

The fifth chapter ("Evidentiality in the language of the media") includes semiotic analysis of grammatical evidentials usage during the large scale social and political changes in the Balkan states. I take under consideration Bulgarian reports from the USSR/post-Soviet space in the late 1980s — early 1990s, Kosovo Albanian electronic media during the Kosovo crisis in 1990s and Macedonian and Albanian bilingual political discourse ten years after the radical changes in the language and national policy in Macedonia after Ohrid agreements in 2001. What is important for evidential marking in texts like these is not the witness/non-witness status of the speaker, but the oppositions near/far and one/other (friend/foe).

It is remarkable that the way grammatical evidentials are used in folklore texts and in mass-media discourse has little to do with evidentiality as it is usually defined, but the base of this usage is the semiotic opposition of information as marked as *one* (= included in the personal memory sphere of the speaker) or *other* (= the information towards which the speaker holds some distance). And this brings us back to the primary meaning of distance we believe to lie under the evidential opposition.

М.М. Макарецв

**ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ
В ПРОСТРАНСТВЕ БАЛКАНСКОГО ТЕКСТА**

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*
Корректор *А.М. Никитина*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2013. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 27,75
Тираж 000 экз. Заказ № 0000

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано